

ББК 63.3(2Камч)
В74
УДК 908(571.66)

Рецензент: канд. ист. наук, доцент Н. В. Толкачева

Вопросы истории Камчатки. Выпуск 3. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2007. — 472 с.

Ежегодник включает три рубрики. «Камчатская историческая библиотека» представляет работы военно-морских историков второй половины XIX в. Н. А. Ивашина и А. С. Сгибнева.

Рубрика «Восполняя белые пятна» содержит авторские статьи, посвященные истории освоения полуострова, деятельности промышленных предприятий Камчатки в годы войны, показывающие взаимоотношения между коренным и пришлым населением. Охарактеризована общественно-политическая обстановка на полуострове, складывавшаяся в 1910—1920-х гг.

В рубрику «Автопортрет времени» включены малодоступные материалы и мемуары, рисующие жизнь административного центра Камчатки — Петропавловска-Камчатского и его окрестностей в конце XIX — первой трети XX вв.

Издание адресовано всем интересующимся историей Северо-Востока России.

Ответственный редактор С. В. Гаврилов

© Холдинговая компания
«Новая книга», 2007
© С. Гаврилов,
составление, 2007
© Авторы, 2007

ISBN 978-5-87750-041-9

СОДЕРЖАНИЕ

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

<i>Н. А. Ивашищев.</i> Русские кругосветные путешествия с 1803 по 1849 г.	5
<i>А. С. Сгибнев.</i> Ведомость судам Сибирской флотилии с 1714 по 1853 год	102

ВОСПОЛНЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

<i>А. С. Зуев.</i> Камчатский бунт 1731 г.: из истории русско- ительменских отношений	108
<i>В. Е. Быкасов.</i> Тропой Атласова	192
<i>В. Е. Быкасов.</i> Поездки С. П. Крашенинникова по Кам- чатке	219
<i>С. В. Гаврилов.</i> Морской транспортный флот Акционер- ного Камчатского общества в годы Великой Отечественной и советско-японской войн. 1941—1945	242
<i>В. П. Пустовит.</i> Антисоветский переворот 1918 г. в Пет- ропавловске	306
<i>В. П. Пустовит.</i> Думское дело	329
<i>В. Н. Аров.</i> Административно-территориальное управле- ние Камчатским краем (1697—1917 гг.)	355

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Празднования в Петропавловске	406
<i>М. Н. Симонова.</i> Петропавловск в 1880-х годах	409
<i>А. П. Сильницкий.</i> Из Владивостока в Петропавловск. Впечатления Камчатки	417
<i>М. С. Латернер.</i> Гидрографическая экспедиция 1906— 1908 гг. на «Шилке»	428
Судебные учреждения Камчатки	457
Радиотелеграф, телеграф и телефон	459
Первая пожарная организация на Камчатке	462
Транспорт и авиасвязь в Камчатской области	466

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аров Валерий Николаевич — преподаватель кафедры истории и философии Камчатского государственного технического университета (КамчатГТУ), один из старейших камчатских краеведов. На полуострове с 1962 г. Окончил исторический факультет Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского. Область научных интересов — история освоения полуострова в XVIII и XIX вв. Активный пропагандист исторических знаний, лектор общества «Знание», разработчик вузовского курса «История Камчатки». Автор ряда научных и учебно-методических работ, многочисленных статей в периодической печати. Первая историческая публикация «Камчатка и русские кругосветные плавания» вышла в 1969 г. Печатался в ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки», «Вопросы истории Камчатки», сборниках трудов КамчатГТУ, «Вестнике КРАУНЦ».

Быкасов Валерий Егорович — научный сотрудник Института вулканологии и сейсмологии Дальневосточного отделения Российской Академии наук (РАН). На Камчатке с 1942 г. Специалист в области природного районирования, ландшафтоведения, экологии. За время исследований обошел почти весь полуостров. Публиковался в журналах «Вопросы географии Камчатки», «Известия РГО», «Известия РАН», «Вестник ДВО РАН». Автор свыше ста научных и более двухсот популярных статей по экологии, экономике, природопользованию. Краеведением увлекся в последние годы.

Гаврилов Сергей Витальевич — преподаватель мореходного факультета КамчатГТУ. Родился на Камчатке. Окончил механический факультет Дальневосточного технического института рыбной промышленности и хозяйства. Области научного интереса: история развития судовой техники, история морского транспортного и рыбопромышленного освоения охотско-камчатского побережья. Автор семи книг, ряда научных, учебно-методических и научно-популярных работ. Публиковался в журналах «Морской флот», «Дальний Восток», «Краеведческие записки», «Неизвестная Камчатка». Инициатор издания и редактор ежегодников «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки». Действительный член РГО, член Союза журналистов России, лауреат краеведческой премии имени С. П. Крашенинникова.

Зув Андрей Сергеевич — доктор исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. Автор трех монографий, двух учебных пособий по истории Сибири для средних школ, соавтор «Истории казачества Азиатской России». Защитил диссертации: кандидатскую «Русское казачество Забайкалья во второй четверти XVIII — первой половине XIX вв.», докторскую «Присоединение крайнего Северо-Востока Сибири к России: военно-политический аспект. Вторая половина XVII — XVIII вв.». Соавтор и соредактор «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири», автор более семидесяти статей.

Пустовит Валентин Петрович — историк, писатель. На Камчатке с 1953 г. Окончил филологический факультет Камчатского государственного педагогического института. Области научных интересов: история революции, гражданской войны и политических репрессий на Северо-Востоке России. Автор четырех книг, публиковался в журналах «Неизвестная Камчатка», «Дальний Восток», «Казачий вестник», ежегодниках «Вопросы истории рыбной промышленности Камчатки» и «Вопросы истории Камчатки», сборниках материалов областных Крашенинниковских чтений. Первая историческая публикация об убийстве С. М. Кирова «Закат на рассвете» вышла в 1988 г. Член Союза писателей России.

КАМЧАТСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В рубрике «Камчатская историческая библиотека» представлены две работы, посвященные истории отечественного флота. Открывает ее изданная в 1872 г. книга военного моряка-гидрографа Н. А. Ивашина, посвященная русским кругосветным плаваниям, совершенным в первой половине XIX в. Большинство занятых в них кораблей и судов посещали Петропавловский порт. Вторая статья принадлежит перу известного историка капитана 1-го ранга А. С. Сгибнева и рассказывает о судах, построенных на Тихоокеанском побережье России в XVIII в. и первой половине XIX в. Впервые она была напечатана в журнале «Морской сборник». Обе работы ранее не переиздавались и имеются на Камчатке в виде единственных копий. Надеемся, что их публикация поможет краеведам уточнить и дополнить картину морского освоения побережья Северо-Востока России.

Н. А. ИВАШИНЦЕВ

РУССКИЕ КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ С 1803 ПО 1849 гг.

Николай Алексеевич Иваши́нцев (1819—1871), контр-адмирал, ученый-гидрограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук. Окончил Морской корпус, в 1841 г. — Офицерские классы, произведен в лейтенанты. Преподавал в Морском корпусе астрономию и математику. В 1853 г. участвовал в военной экспедиции против Кокандского ханства, исследовал Сырдарью. В 1854 г. начал работы на Каспийском море. С 1855 г. служил в гидрографическом департаменте Морского министерства, до конца жизни изучал Каспий. Его двухтомная обобщающая работа «Гидрографические исследования Каспийского моря» вышла в 1866—1870 гг. и была удостоена премии ИРГО. По съемкам Н. А. Ивашина в 1877 г. изданы карты Каспия. Н. А. Иваши́нцев несколько лет был помощником председателя отделения физической географии Императорского Русского Географического общества (ИРГО), в 1863 г. — председателем отделения географии.

1. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «НАДЕЖДА». 1803—1806

Получив в царствование императора Александра I новые права и привилегии, Российско-Американская компания решила завести с американскими своими колониями прямые сношения морем. С этой целью в начале 1803 года главное правление американской компании определило, согласно проекту капитан-лейтенанта Крузенштерна, снарядить два корабля и, нагрузив их материалами и вещами, в которых нуждались колониальные селения,

отправить их туда в то же лето. До того времени все эти предметы доставлялись в Америку чрез Охотск с большим трудом и издержками, не говоря уже о том, что они приходили на место иногда не ранее двух лет и часто в таком виде, что не годились к употреблению. На обратном пути в Россию посылаемые корабли, нагружаясь пушным товаром из колониальных магазинов компании, должны были променять этот груз в Кантоне на произведения Китая.

К этой начальной цели экспедиции прибавлена потом другая: отправленные посольства в Японию для основания торговых сношений с этой страной. Звание посланника возлагалось правительством на одного из главных акционеров компании камергера Резанова. Начальство над обоими судами и командование одним из них, «Надежда», поручалось главному виновнику экспедиции, капитан-лейтенанту Крузенштерну, уже знакомому с отдаленными морями. Судном «Нева» командовал капитан-лейтенант Лисянский. Оба эти командира незадолго до того времени возвратились в Россию из Англии, служив волонтерами на тамошнем флоте.

Корабли нарочно для предстоящего путешествия были куплены в Лондоне и приведены в Россию. В знак особенного внимания Государя Императора к этому предприятию им дозволено было носить военный флаг.

Выбор офицеров и команды, а равно снабжение судов жизненными и другими припасами вполне доверены были опытности и искусству командиров. Последствия совершенно оправдали эту доверенность. И теперь еще, когда уже многое по части мореплавания и морской гигиены усовершенствовано, путешествие капитанов Крузенштерна и Лисянского может служить примером во многих отношениях.

План экспедиции был следующий: достигнув Великого океана вокруг мыса Горна или Доброй Надежды, «Надежда» и «Нева» должны были следовать вместе до Сандвичевых островов. Оттуда капитану Крузенштерну предписывалось идти в Авачинскую губу в Камчатке и, выгрузив привезенные материалы в компанейские магазины, следовать к берегам Японии, в Нагасаки; на обратном пути из Японии заняться исследованием Японского моря и западных берегов: Нипона, Матсмая и Сахалина; также осмотреть устье Амура, Шантарские острова с ближайшими берегами и Курильскую гряду; возвратившись же в Камчатку, принять компанейский груз и идти в Кантон, а оттуда, по окончании торговых дел, вместе с «Невой» возвратиться в Россию, огибая мыс Доброй Надежды.

Капитану Лисянскому от Сандвичевых островов определено идти к острову Кадьяку, на котором тогда была главная фактория компании, и остаться зимовать в гавани Св. Павла; в продолжение зимовки осмотреть Кадьяк с окрестностями и, нагружив корабль свой пушным товаром, весною прибыть в Кантон.

Для ученых занятий приглашены были астроном и естествоиспытатели, известные знанием и опытностью по своим частям. Все они, равно как и посланник со свитою, находились на корабле капитана Крузенштерна.

26-го июля 1803 года «Надежда» и «Нева» отправились с Кронштадтского рейда, а 5-го августа прибыли в Копенгаген для принятия остального компанейского груза и некоторой части морской провизии. Здесь корабли снова были перегружены и 27-го оставили Копенгаген, но из Зунда вышли не прежде 3-го сентября, простояв за противным ветром целую неделю в Гельсиноре. В Каттегате шторм разлучил корабли. Капитан Крузенштерн, следуя Немецким морем, близ берегов Англии встретил Британский фрегат «Виргиния», на котором посланник с астрономом Горнером отправились прямо в Лондон, а «Надежда», продолжая путь в канал, 16-го сентября бросила якорь на Фальмутском рейде, где соединилась с кораблем «Нева», пришедшим сюда двумя днями ранее.

Дождавшись возвращения из Лондона посланника и астронома Горнера с инструментами и погрузив на корабли еще шестимесячный запас ирландской солонины, оба судна 23-го сентября отправились в дальнейший путь и в тот же день потеряли из виду берега Европы.

28-го сентября в широте $37\frac{1}{2}^{\circ} N$ и долготе $14^{\circ} W$ прекратился доселе попутный *SO*-й ветер, и остальная часть плавания до острова Тенерифа продолжалась с переменными юго-западными ветрами. 8-го октября «Надежда» и «Нева» прибыли на С.-Круцкий рейд, на котором простояли до 15-го для закупки вина и свежей провизии. Направясь отсюда к экватору, 25-го октября прошли в виду острова Св. Антония (одного из островов Зеленого мыса) и вскоре получили *NO* пассат, с которым плыли до 3-го ноября. Следующие за тем десять дней, пока не встретили юго-восточного пассата, корабли находились в полосе безветрия и штилей, а 14-го ноября русский флаг в первый раз перешел в южное полушарие (из всех офицеров и матросов только командиры судов переходили прежде экватор).

Потеряв юго-восточный пассат (около $10^{\circ} S$ широты), «Надежда» и «Нева» продолжали плавание вдоль берега Южной Америки, и 25-го ноября достигли параллели $19^{\circ} S$. Следующие два дня употреблены были на отыскание острова Ассенцион (Ascension), предполагаемого в широте около $20^{\circ} S$, между долготами 30° и $38^{\circ} W$. Капитан Крузенштерн, не найдя его, убедился при этом, что он не может лежать в пространстве между широтами $20^{\circ} 10'$ и $20^{\circ} 30' S$, до $37^{\circ} W$ долготы. 1-го декабря суда пришли на высоту мыса Фрио, долгота которого найдена с корабля «Надежда» $41^{\circ} 36' 30'' W$, из лунных наблюдений. 9-го оба корабля бросили якорь у острова Св. Екатерины, на рейде С.-Круц, где капитан Крузенштерн намерен был дать отдых команде и приготовиться к трудному плаванью вокруг мыса Горна.

При осмотре здесь рангоута на судах оказалось, что на корабле «Нева» грот-мачта ненадежна и требует перемены. Вырубка и обделка деревьев, годных для этого, и особенно доставка их к кораблю задержали здесь отряд долее, чем предполагал капитан Крузенштерн. Вышедши в море 23-го января 1804 года, направились к мысу Горну, назначив рандеву острова Св. Пасхи и Нука-Гиву.

Плавание кораблей до мыса Горна было довольно успешно. Выдержав несколько крепких ветров, «Надежда» и «Нева» вступили в Великий океан 20-го февраля, а 2-го марта (от долготы $82^{\circ}56' W$) стали спускаться к северу; 12-го, в широте $47^{\circ} S$ и долготе $97^{\circ} W$ во время шторма и тумана корабли разлучились. Сопровождаемый упорным северо-западным ветром, капитан Крузенштерн решился идти прямо, не теряя времени, в Камчатку, коснувшись только на короткое время острова Нука-Гива для соединения с кораблем «Нева». Соображаясь с этим планом, он должен был уже отказаться от намерения своего посвятить несколько летних месяцев географическим исследованиям в Океании. Выгоды американской компании требовали такого пожертвования; всякое промедление в доставке товаров к назначенному месту повлекло бы за собою убытки.

5-го апреля «Надежда» перешла южный тропик, в $104^{\circ} W$ долготы, а 24-го открылся Феттугу, один из Маркизовых островов; на следующий день бросили якорь в порте Анны-Марии, на острове Нука-Гива (группы Вашингтоновых островов); через два дни прибыл туда же и корабль «Нева», заходивший к острову Св. Пасхи, у которого держался он несколько дней в ожидании корабля «Надежда».

Возобновив, по возможности, свои запасы в воде и провизии, «Надежда» и «Нева» оставили Нука-Гиву, направляясь к островам Сандвичевым, у которых назначено было им разлучиться (заштилев при выходе из залива, «Надежда» едва не разбилась, будучи увлечена зыбью и течением к близлежащей скале. С большим трудом успели отбуксировать корабль на середину выхода; при чем потеряли кабельтов с верпом, которого не было времени поднять).

В десятидневное пребывание у Вашингтоновых островов, капитан Крузенштерн сделал съемку южной части Нука-Гивы, причем открыта близ порта Анны-Марии новая, весьма удобная, бухта, названная именем адмирала Чичагова; притом посредством астрономических наблюдений определены разные пункты на островах Феттугу, Чиноа и Нука-Гива.

Употребив один день на отыскание острова, будто бы виденного Маршандом к западу от Нука-Гивы, капитан Крузенштерн не решился плыть далее в этом направлении, опасаясь сильного восточного течения, которое было уже и без того значительно (около 20 миль в сутки). 13-го мая в долготе $146^{\circ} W$ суда во второй раз пересекли экватор и до 8° северной широты находились

в полосе штилей. Наступивший вслед за тем крепкий *NO* пассат быстро донес корабли к острову Овайги (Сандвичевы острова). Отсюда капитан Крузенштерн, не останавливаясь, продолжал путь в Камчатку, а капитан Лисянский после четырехдневного отдыха у острова пошел к Кадьяку.

От Сандвичевых островов капитан Крузенштерн следовал между параллелями 17° и $18^{\circ} N$, по середине путей капитанов Кука и Клерка и купеческих судов, плавающих оттуда в Кантон. 3-го июня в широте $17^{\circ} N$ и долготе $169^{\circ}30' W$ с корабля видели много летающих птиц, однако никакой земли не приметили. Капитан Крузенштерн полагает, что около этого места должен находиться какой-нибудь неизвестный еще остров или надводная скала (предположение капитана Крузенштерна вполне оправдалось. Действительно, в 1807 году открыты в широте $16^{\circ}53' N$ и долготе $169^{\circ}32' W$ капитаном английского фрегата «Корнваллис» Смитом острова, и названы по его имени).

6-го июня от долготы $176^{\circ}46' W$ «Надежда» направила курс к северо-западу; капитан Крузенштерн держал таким образом, чтобы не подходить к пути капитана Клерка ближе 100 миль. 10-го пересек он тропик Рака в долготе $181^{\circ}56' W$. *NO* пассат, до сего времени свежий, стал дуть неправильно и скоро совершенно заменился переменными ветрами.

От параллели $36^{\circ} N$ капитан Крузенштерн намерен был несколько времени идти на запад, чтобы удостовериться в существовании земли, назначаемой на старых испанских и некоторых других картах, на восток из Японии; однако крепкие *W* ветра и туманы принудили оставить это намерение. В следующие два дня, хотя и видны были признаки берега (в широте от 38° до $42^{\circ} N$), но пасмурность не позволила удостовериться в его существовании. 2-го июля «Надежда» прибыла в Петропавловский порт, почти через год по выходе из Кронштадта. По сдаче груза в береговые магазины (кроме 6 000 пудов железа, которые по недостатку времени для выгрузки оставлены), корабль был выкопачен, потому что на переходе от мыса Горна обнаружилась значительная течь; такелаж и паруса приведены в исправность. Окончив эти работы и снабдив корабль, по возможности, провизией, капитан Крузенштерн 27 августа вышел в море для исполнения второй цели своего путешествия — посольства в Японию.

Хотя позднее время и не позволяло думать о географических изследованиях на пути в Нагасаки, однакож, желая, по возможности, сделать что-либо полезное для науки, капитан Крузенштерн расположил свой курс между путями капитана Клерка и Гора, намереваясь осмотреть пространство моря в долготе $214^{\circ} W$ между 33° и 37° северной широты, близ которого на картах Лаперуза и некоторых других назначено несколько сомнительных островов.

Бурная погода, сопровождавшая «Надежду» с самого выхода из Камчатки, прекратилась 3-го сентября, когда она находилась близ параллели 39° в долготе $208^{\circ} W$. В следующие дни капитан Крузенштерн проходил по тому

пространству, где предполагал найти землю, однакож поиски его остались без успеха, хотя и заметны были некоторые признаки берегов. 9-го достиг он параллели Вандименова пролива, и через неделю (в широте 32°, долготе 226°22' *W*) увидели японский берег, у котораго 20 сентября выдержали жестокий тайфун. Во время этого урагана ртуть в барометре опустилась ниже шкалы с делениями и показалась снова не ранее, как через три часа. Капитан Крузенштерн полагал, что наименьшая высота барометра была около 27 дюйм. Корабль находился в большой опасности, имея близко под ветром берег, к которому его прижимало; но быстрая перемена ветра от *OSO* к *WNW* спасла корабль от крушения. Вред, нанесенный тайфуном, в сравнении с его силою, был вообще незначителен: кроме двух гребных судов, разбитых волнением, и многих порванных снастей, ничего не потеряно.

В следующие дни капитан Крузенштерн плыл вдоль южного берега острова Киу-Зио, проливом Вандимена, определяя астрономически все приметные пункты и острова; 26-го сентября прибыл он в Нагасаки.

Известно, что посольство в Японию не имело успеха. Японцы приняли его с разными стеснительными предосторожностями и, продержав около пяти месяцев в ожидании императорского уполномоченного для переговоров, кончили тем, что не только не согласились на какия-либо сношения с Россиею, но даже не приняли и подарков, привезенных от имени Государя.

5-го апреля 1805 года капитан Крузенштерн оставил негостеприимный Нагасаки и через Корейский пролив вошел в Японское море, имея намерение изследовать этот бассейн, почти неизвестный тогда европейским мореплавателям.

28-го апреля остановился он на якоре во вновь открытом заливе на северном берегу острова Матсмая, названном по имени канцлера графа Румянцова. На пути из Нагасаки до этого места определено положение островов: Тсу-Сима, Колнет, Гото и других, прилежащих к Киу-Зио и Нипону; изследован северо-западный берег последнего, вход в Сангарский пролив и весь западный и северо-западный берег острова Матсмая.

Собрав от жителей залива Румянцова некоторыя сведения относительно Матсмая и Сахалина, 1-го мая капитан Крузенштерн прошел проливом Лаперуза в залив Аниву на южном берегу Сахалина; оттуда снялся 4-го мая и продолжал съемку восточного берега до мыса Терпения. 15-го мая, встретив близ этого мыса большое количество льду, принужден был прекратить свои работы и возвратиться в Камчатку. Проходя чрез Курильскую цепь, 18-го мая открыл он группу островков *Каменные ловушки* (эти островки у жителей называются «Муссир», иначе «Сивуч» и «камень»), близ которых корабль едва не погиб, встретив столь сильное течение, что при восьми узлах ходу его тащило назад на подводный риф. С большим трудом капитан Крузенштерн выбрался снова в Охотское море, в котором переждал наступивший вскоре

шторм, и уже на другой день вышел в океан проливом между островами Онекотаном и Харамукотаном. Через четыре дня прибыл в Петропавловский порт.

Здесь посланник камергер Резанов оставил «Надежду» и на компанейском бриге «Мария» отправился на остров Кадьяк (возвратясь оттуда в Охотск, оправился сухим путем в С.-Петербург и на дороге умер в Красноярске), а капитан Крузенштерн возвратился к Сахалину для продолжения гидрографических работ.

23-го июня вышел он из Авачинской губы и 30-го, пройдя проливом Надежды между островов Матауа и Рашауа в Охотское море, 7-го июля прибыл к мысу Терпения. Отсюда продолжал исследования вдоль восточного берега Сахалина и, обойдя (28-го июля) северную его оконечность, спустился на юг к устью реки Амура. 1-го августа в широте $53^{\circ}30'50'' N$ увидели северный канал, отделяющий Сахалин от материка. Встретив здесь сильное течение от юга и совершенно пресную воду, заключили о близости устья и убедились, согласно с разысканиями Лаперуза, что Сахалин соединяется с материком южнее устья Амура посредством пересыхающего перешейка или весьма мелкого канала; постоянное течение на север, а не на юг (чего Лаперуз не замечал) еще более убедило капитана Крузенштерна в этом предположении (исследования капитана Невельского показали несправедливость этих предположений).

Малая глубина в канале не позволяла кораблю идти далее к югу, а неимение вблизи надежной гавани, где можно бы было безопасно оставаться, пока гребные суда делают съемку устья реки, сделало невозможным посылку туда барказа, собственно для этой цели еще в Нагасаки приготовленного.

На следующий день юго-восточный ветер и сильное из пролива течение помешали капитану Крузенштерну обозреть близлежащий Татарский берег. Простояв на якоре еще двое суток в открытом с моря заливе Надежда на западном берегу Сахалина, отправились обратно в Камчатку. На этом последнем пути определено положение острова Св. Ионы. 19 августа прибыли в Петропавловский порт, пройдя большую часть Охотского моря с туманом и крепким ветром (позднее время года и необходимость поспеть вовремя в Кантон удержали капитана Крузенштерна от исследования Шантарских островов и прилежащего к ним материка. Эти острова оставались почти неизвестными до 1829 года, когда описаны корпуса флотских штурманов поручиком Козьминим).

Изготовление корабля к обратному плаванию в Россию, перегрузка трюма и пополнение запаса провизии, доставленной по заказу из Охотска и Якутска, удержали капитана Крузенштерна в Петропавловском порте более месяца. Наконец 23 сентября оставил он в последний раз берега Камчатки и пошел в Кантон, где должен был соединиться с кораблем «Нева».

На этом переходе капитан Крузенштерн искал, но безуспешно, островов: Рико-де-Плата, Гваделупас, Малибрагос, С.-Себастиан де-Лобос и С.-Жуан,

назначенных на старинных картах. Бурные погоды, особенно между широтами 38° и $31^\circ N$, много препятствовали этим розысканиям. 14 октября в широте $31^\circ N$ и долготе $208\frac{1}{2}^\circ W$ корабль выдержал бурю, подобную тайфуну, бывшему у японских берегов. В следующие за тем дни приметно было много признаков близкой земли около параллели $27^\circ N$, в долготе $215^\circ W$ (близ этого места открыты или отысканы в 1827 году капитанами Бичи и Литке острова Бонин-Сима). 25-го октября, находясь в виду островов Вулканос, лежащих близ северного тропика, «Надежда» получила *NO* муссон и спустилась к западу. 6 ноября в бурную ночь капитан Крузенштерн вошел в Китайское море проливом между островами Баши и Формоза и через два дни прибыл в Макао.

21 ноября, когда капитан Крузенштерн, окончив здесь все дела, готовился уже к выходу в море, пришел сюда корабль «Нева» с грузом пушного товара; оба корабля перешли тогда в Вампоа.

К началу января 1806 года все торговые компанейския дела были окончены, и корабли нагружены товарами на сумму 263 000 руб. серебром; но китайское начальство еще удерживало их под разными пустыми предлогами почти месяц; так что «Надежда» и «Нева» отправились в дальнейший путь не прежде 29-го января.

При помощи *NO* муссона плавание Китайским морем было весьма успешно; 12 февраля суда перешли в третий раз экватор, и после опасного прохода Зондским проливом (в котором «Надежду» едва не бросило на камни), 21-го вступили в Индийский океан.

При выходе из пролива корабли встретили западный муссон, принудивший их держаться к югу до параллели $12\frac{1}{2}^\circ S$, близ которой этот ветер заменился *SO* пассатом. Продолжая плавание к мысу Доброй Надежды, 15 марта перешли южный тропик в $296^\circ 55' W$ долготы, и 3 апреля, находясь уже на с.-петербургском меридиане, во время пасмурности потеряли друг друга из виду. Обогнув вскоре после того мыс Доброй Надежды, капитан Крузенштерн взял курс к условленному рандеву, острову Св. Елены, куда и прибыл 21 апреля.

Не найдя здесь капитана Лисянского и не получив провизии по недостатку ее на самом острове, капитан Крузенштерн отправился далее и 10 мая в четвертый раз перешел экватор.

28 мая корабль «Надежда» вышел из тропиков, и пассат вскоре заменился десятидневным штилем, после которого следовали умеренные переменные ветра.

Получив еще на острове Св. Елены известие о разрыве между Россиею и Франциею, капитан Крузенштерн для избежания встречи с неприятельскими судами не пошел в канал, а направил путь вокруг берегов Ирландии и Великобритании. Обойдя Оркадские острова, 6 июля остановился он на четыре дни в Копенгагене и Гельсиноре и после двухнедельного плавания Балтий-

ским морем 7 августа 1906 года прибыл в Кронштадт, совершив путешествие в три года и двенадцать дней.

Кроме географических работ и приобретений по части естественных наук, путешествие капитана Крузенштерна замечательно отличным состоянием экипажа. В это трехгодичное плавание не умерло у него ни одного человека, даже число больных было весьма незначительное...

2. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «НЕВА». 1803—1806

Разставшись с «Надеждою» у Сандвичевых островов, капитан Лисянский простоял четыре дня для отдыха в бухте Каракаока. Затем продолжал путь свой к острову Кадьяку, и 1 июля 1804 г. прибыл в гавань Св. Павла, совершив переход из Кронштадта в 10 месяцев и 22 дни.

Здесь капитан Лисянский получил известие, что главный правитель колоний коллежский советник Баранов со всеми колониальными силами находится у острова Ситхи для возвращения от Колош разоренного ими Архангельского селения и требует от него помощи. Вследствие этих известий, исправив, по возможности, корабль, капитан Лисянский 3 августа отправился к острову Ситхе и 10-го прибыл к Архангельскому укреплению.

В начале октября укрепление было возвращено с потерей при неудавшемся приступе шести русских и нескольких алеутов. Кончив это дело и взяв аманатов от дикарей, капитан Лисянский возвратился в Кадьяк 16 ноября.

В зимнее время занимался он съемкою берегов острова и разными этнографическими исследованиями; подробности об этих предметах изложены в описании его путешествия. Между тем корабль изготовлялся к плаванию в Кантон и принимал компанейский груз.

1805 года 2-го июня капитан Лисянский вышел из гавани Св. Павла и 10-го зашел в Ситхинский залив, в котором оставался по делам компании до 20 августа. В продолжение этого времени сделана съемка близлежащих берегов и заливов.

На пути к Кантону капитан Лисянский намерен был, не заходя на Сандвичевы острова, прямо войти в широту $45\frac{1}{2}^{\circ} N$ и долготу $145^{\circ} W$; держать потом на запад до $165^{\circ} W$ долготы, широты $42^{\circ} N$ и, спустившись к параллели $36\frac{1}{2}^{\circ} N$, следовать по ней до 180° долготы; а оттуда взять курс к Марианским островам. Таким образом, он пересек бы пространство моря тогда почти неизвестное, и должен был пройти чрез то место, где капитан Портлок в 1786 году заметил признаки земли, и где сам капитан Лисянский на пути от Сандвичевых островов к Кадьяку встретил морскую выдру.

27 августа в широте $48^{\circ}17' N$, долготе $139^{\circ}30' W$ замечены были некоторые признаки берега (показывались морские коты), однакож ни в этот, ни в следу-

ющие три дни берег не открывался. 4 сентября проходили близ того места, где капитан Портлок видел тюленя (широта $44^{\circ}10' N$, долгота $151^{\circ}4' W$), но и тут земли не найдено. 14 сентября капитан Лисянский, находясь уже в долготе $165^{\circ} W$, и не отыскав предполагаемых островов, поворотил на юг и потом плыл по параллели $36\frac{1}{2}^{\circ} N$, до меридиана $167^{\circ}45' W$. Встретив тут крепкие западные ветра, взял курс к Марианским островам.

3 октября в широте $26^{\circ}40' N$, долготы $173^{\circ}23' W$ корабль окружило множество птиц. Предполагая здесь землю, капитан Лисянский, хотя и принял надлежащую предосторожности, но, однакож, в 10 часов вечера корабль его стал на коралловую мель. С разсветом открылось, что «Нева» стояла близ низменного, необитаемого острова, окруженного рифом.

Корабль стащили на глубину, но вскоре шквалом бросило его опять на камни, на которых он оставался до самого вечера, не потерпев, впрочем, значительных повреждений. Подъем пушек и некоторых других вещей, выброшенных для облегчения корабля при снятии с рифа, задержал капитана Лисянского на месте до 7 октября. Остров, едва не сделавшийся могилою для экипажа «Невы», назван именем командира; широта его $26^{\circ}2'48'' N$, долгота $173^{\circ}42'30'' W$.

Капитан Лисянский расположил дальнейшее свое плавание таким образом, чтобы придти в долготу 180° , около $17^{\circ} N$ широты. 11 декабря, в широте $22^{\circ}15' N$, долготы $175^{\circ}32'' W$, не в дальнем разстоянии от корабля замечены были буруны; и хотя мрачность не позволила осмотреть их подробнее, даже и на следующий день, однакож, судя по глазомерному разстоянию, капитан Лисянский заключил, что положение этого рифа, названного именем капитана Крузенштерна, будет: широта $22^{\circ}15' N$, долгота $175^{\circ}37' W$.

NO пассат наступил в широте $15^{\circ} N$, а до того времени, от самого острова Лисянского, стояли переменные тихие ветра, более от запада.

Пользуясь свежим пассатом, 4 ноября капитан Лисянский прошел чрез Марианский архипелаг между островами Тинианом и Агуамом, определив по обсервации юго-восточную оконечность первого в широте $14^{\circ}56'52'' N$ и долготы $213^{\circ}40'20'' W$. На переходе от Ситхи до островов Марианских течение моря большею частию было на *NO* и *SW*, но последнее сильнее: оно увлекло корабль около 150 миль к югу и до 200 миль к западу.

10 ноября, на пути от Тиниана к Формозе, корабль выдержал сильнейший тайфун; будучи под одною только штормовою зарифленною бизанью, он до того накренился, что «подветренная сторона была в воде до самых мачт». Барометр опустился перед бурею, как и на «Надежде», ниже делений на шкале; волнением разбило ял, оторвало шкафуты и много вещей со шканец смыло за борт. Значительное количество пушных товаров было подмочено и после выброшено в воду; разборка и укладка трюма продолжались в течение нескольких дней.

16 ноября, пройдя южнее острова Формозы, капитан Лисянский вступил в Китайское море и 26-го соединился в Кантоне с кораблем «Надежда». Путь из Кантона к мысу Доброй Надежды совершен обоими кораблями вместе. 3 апреля 1806 года, близ с.-петербургского меридиана, пасмурность разлучила их, и капитан Лисянский направил курс между широтами 36° и 37° *S* к южному краю Игольной банки. Обойдя мыс Доброй Надежды 20-го числа и, получив вскоре *NO* пассат, решил он воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы, не заходя на условленное рандеву — остров Св. Елены, следовать прямо в Европу.

Хотя запасы провизии и воды на корабле были достаточны и не предвиделось большой нужды в возобновлении их при счастливом переходе; однакож капитан Лисянский, из предосторожности, держал к экватору так, чтобы перейти его в долготе около 17° *W*. Частые дожди в этой полосе моря дозволили бы пополнить, в случае нужды, недостаток в пресной воде, а на островах Зеленаго мыса, близ которых вел принятый курс, можно было найти провизию.

Продолжая плавание с постоянным пассатом, капитан Лисянский вступил в северное полушарие в долготе $16^{\circ}48'$ *W*. Через месяц, сопутствуемый переменными ветрами, миновал он Азорские острова, а 14 июня бросил якорь на Портсмутском рейде, через 142 дни по выходе из Кантона, совершив благополучно один из самых продолжительных морских переходов.

После двухнедельного отдыха в Портсмуте капитан Лисянский вышел в море и, останавливаясь на короткое время за противным ветром в Даунсах и в Гельсиноре, 24 июля прибыл в Кронштадт...

3. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «НЕВА». 1806—1807

Только что возвратившийся в Кронштадт корабль «Нева» в том же году опять был назначен для плавания в Ситху с грузом разных припасов, нужных для колоний.

«Нева» отправилась из Кронштадта 20 октября 1806 года под командою лейтенанта Гагемейстера. Дополнив в Копенгагене груз различными принадлежностями к вооружению для колониального судоходства, следовали далее; но при выходе из Зунда, 19 ноября встретил свежий противный ветер, который задержал корабль еще на десять дней в Гельсиноре.

Переплыв с попутным ветром Каттегат и Скагеррак, лейтенант Гагемейстер направил путь в океан вокруг Великобритании, чтобы избежать встречи с французскими крейсерами. С 4 по 10 декабря выдержал он *SW* шторм, а 16-го, от $63\frac{1}{2}^{\circ}$ *N* широты, спустился к югу в Атлантический океан.

Умеренные восточные ветра скоро довели корабль к пределам *NO* пассата, который в широте $4\frac{1}{2}^{\circ}$ *N*, заменился обыкновенными в этой части океана

штилями. Получив юго-восточной пассат на самом экваторе, лейтенант Гагемейстер направил курс к Бразильскому берегу. На этом пути, определив долготу острова Св. Павла $28^{\circ}43' W$, 13 января бросил якорь в заливе Всех Святых (Бахия).

Исправив оказавшиеся при осмотре корабля повреждения в обшивке и такелаже и заменив треснувший бушприт новым, лейтенант Гагемейстер вышел из Бахии 26 февраля 1807 года и стал держать к мысу Доброй Надежды.

13 марта в долготе $35^{\circ} W$ пересек южный тропик, а Гринвичский меридиан — в широте $39\frac{1}{2}^{\circ} S$. По этой параллели следовал он к востоку до $68\frac{1}{2}^{\circ} O$ долготы, потом лег на SO , и 21 мая, от широты $45^{\circ}37' S$ и долготы $137^{\circ} O$, начал подниматься к северу. 26-го прошел в виду юго-западной оконечности Вандименовой земли, а 4 июня прибыл в Порт Джаксон («Нева», по всей вероятности, был первый русский корабль, приставший к материк Австралии). На переходе от мыса Доброй Надежды до Австралии имели более западные и северо-западные ветра, иногда весьма крепкие (например, 5—17 апреля в широте $40^{\circ} S$ около меридиана Мадагаскара).

Освежив команду и дополнив запасы воды и провизии, лейтенант Гагемейстер продолжал плавание в северу, а 9 июля, в долготе около $183^{\circ} O$ вступил в жаркий пояс. Но здесь, против ожидания, восточный ветер, сопровождавший его почти от самых берегов Австралии, заменился продолжительными маловетриями, которые, однакож, довели через десять дней до меридиана $167^{\circ} W$ долготы, в широте $21^{\circ} S$. Здесь, наконец, задул SO ветер, впрочем, довольно непостоянный, с которым лейтенант Гагемейстер, следуя около меридиана $167^{\circ} W$ долготы, 1 августа во второй раз пересек экватор и, получив NO пассат, вышел из тропиков 15-го того же месяца в долготу $168\frac{1}{2}^{\circ} W$. Отсюда взял он курс к острову Ситхе и, пользуясь на пути умеренными SO и SW ветрами, 7 сентября увидел берега Америки, а 13-го вошел в порт Ново-Архангельск (названный так после возвращения его от Калаш). Выгрузив назначенную сюда часть груза, отправился на остров Кадьяк, куда и прибыл 9 октября, употребив на переход из Кронштадта 11 месяцев и 9 дней.

В следующем (1808) году Гагемейстер ходил снова в Ситху, потом к островам Сандвичевым и в Петропавловский порт. После того возвратился чрез Охотск и Иркутск в С.-Петербург, а корабль «Нева» оставлен был для службы в колониях. В 1813 году, находясь под командою лейтенанта Подушкина, корабль этот потерпел крушение у северо-западных берегов Америки в широте $57^{\circ} N$.

4. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «ДИАНА». 1807—1809

При назначении корабля «Нева» для вторичного плавания в колонии, последовало Высочайшее повеление отправить вместе с этим кораблем и военное судно, которое могло бы служить ему обороною в пути. Главнейшей же

целию этой посылки были географические исследования в части Великого океана, прилежащей к русским владениям в Азии и Америке. Для этого избран был 16-пушечный шлюп «Диана», в 300 тонн и 90 футов длины, только что отстроенный на реке Свири и приведенный в С.-Петербург. Командиром его назначен лейтенант Головнин, несколько лет перед тем служивший волонтером в Английском флоте.

После значительных переделок, сообразно цели предстоящего плавания, в исходе марта 1807 года шлюп был приведен в Кронштадт для вооружения и нагрузки. Вместо балласта погружено было до 6 000 пудов разных материалов (такелаж, железо и проч.) для Камчатки и Охотского порта; впрочем, во всем остальном шлюп снаряжен по примеру кораблей «Надежда» и «Нева», а вооружен четырнадцатью 6-фунтовыми пушками, четырьмя 8-фунтовыми карронадами и таким же числом фальконетов.

Между тем, корабль «Нева» еще осенью 1806 года отправился в путь, и потому шлюпу «Диана» предстояло плыть одному.

Лейтенант Головнин вышел из Кронштадта 25 июля 1807 года. С 5-го по 7-е августа проходил Зундом, в то самое время, когда Англичане осаждали Копенгаген с сухого пути и блокировали с моря. Простоявши два дня в Гельсиноре, 10-го вошел он в Каттегат и, выдержав в Скагерраке и Немецком море несколько *SW* и *W* штормов, прибыл в Портсмут через 43 дня по выходе из Кронштадта.

Доставка вещей, заказанных в Лондоне для шлюпа, удержала лейтенанта Головнина в Портсмуте около двух месяцев. Получив, наконец, все нужное для шлюпа, снялся с якоря и 1 ноября вступил в Атлантический океан.

Попутный шторм сопровождал «Диану» до 4 ноября, до широты 48° *N*, не причинив значительных повреждений: только из гребных судов два были сильно разбиты волнением. Вообще, шлюп оказался довольно хороших качеств, исключая ходкости, которая при самых благоприятных обстоятельствах не превышала 8 узлов.

Продолжая плавание с переменными ветрами и погодой, 15 ноября шлюп подошел к острову Порто-Санто. Не желая терять попутного северного ветра, лейтенант Головнин решился не заходить на Канарские острова (как располагал прежде), а запастись вином и другими предметами в Бразилии. С этою целию взял он курс к острову Св. Антония, чтобы, поверив там свое счисление, прямо идти у экватору, который думал пересечь в долготе 26° или 27° *W*. Потеряв в 7° *N* широты пассат, вступил он в полосу экваторных штилей и переход этого пространства совершил с большим трудом, имея почти непрерывные шквалы с дождями и неправильныя течения. Команда была изнурена работами и нестерпимым жаром; однакож этот переход, продолжавшийся почти две недели, не имел значительного влияния на ея здоровье.

20 декабря лейтенант Головнин пересек экватор в долготе $27^{\circ}11' W$, получив за два дня перед тем *SO* пассат. 1 января 1808 года, находясь в широте $20^{\circ}45' S$ и долготе $35^{\circ}13' W$, прошел он весьма близко от места предполагаемого острова Вознесения Господня (Ascension), но никаких признаков земли не заметил (теперь уже доказано, что острова Ascension не существует) и направил путь к острову Св. Екатерины, куда прибыл через девять дней.

Окончив здесь свои дела, 19 января лейтенант Головнин продолжал путь к мысу Горн между материком и Фалкандскими островами, располагая после обхода мыса следовать прямо к островам Маркизским. 26-го миновал он устье реки Ла-Платы и с переменными умеренными ветрами 9 февраля прошел широту мыса Горна, а 12-го пересек меридиан его, на параллели $58^{\circ}12' S$. Но здесь кончилось успешное плавание «Дианы». В продолжение двух следующих недель выдерживали штормы от запада и северо-запада. Лейтенант Головнин, зная из путешествий других мореплавателей, что в это бурное время года нельзя надеяться на перемену погоды к лучшему, не желая утомлять экипажа и напрасно терять время в борьбе с ветрами, решился следовать в Камчатку дальнейшим, но более верным путем — вокруг мыса Доброй Надежды и Австралии. Вследствие такого плана спустился он 29 февраля от широты $56\frac{1}{2}^{\circ} S$ и долготы $70^{\circ} W$ к мысу Доброй Надежды, куда полагал зайти для отдохновения.

До острова Тристан д'Акунга (27 марта) сопутствовали те же западные и северо-западные бури; но после до самого мыса стояли умеренные ветра и переменная погода. 1 апреля шлюп пересек Гринвичский меридиан, в широте $35^{\circ} S$; чрез две недели пришел на вид берегов Африки, а 21-го бросил якорь в Симонс-бае.

Здесь вместо отдыха лейтенант Головнин нашел плен. По причине разрыва с Англиею, шлюп был задержан, несмотря на то, что командир его имел паспорт от английского правительства для свободного пропуска «Дианы» в случае войны с Россиею.

После тринадцати месяцев напрасного ожидания ответа из Англии на поданный лейтенантом Головниным протест, он счел себя вправе нарушить вынужденное силою обязательство — не уходить с рейда; тем более, что Англичане не хотели даже продовольствовать команду.

Чтобы понять всю смелость подобного поступка, который не много найдет примеров в других флотах, достаточно сказать, что «Диана» была поставлена на двух якорях в самом заднем углу залива, между английскими судами; паруса были отвязаны, выход из бухты возможен был только при *NW* ветре, и команда имела большой недостаток в провизии. Такие препятствия не поколебали, однакож, решимости лейтенанта Головнина. В сумерки 15 мая 1809 года при *NW* шквале, привязав штормовые стаксели, он отрубил канаты и, заворотившись на шпринге по ветру, ушел из залива. С ближайшего английского фрегата

тотчас заметили, что шлюп перемещает место, и в рупор дали знать на адмиральский корабль; но были ли приняты меры для погони, или нет, неизвестно. В 9 часов вечера «Диана» уже летела под всеми парусами в открытом море.

Избегая встречи с английскими военными крейсерами, лейтенант Головин шел к югу, до параллели $40^{\circ} S$; отсюда уже поворотил он на восток, располагая пройти Австралиєю и Новою Зеландиєю к Ново-Гербидскому архипелагу и, перерезав Каролинскую цепь в восточной ее части, следовать в Камчатку.

23 мая шлюп миновал Петербургский меридиан в $42\frac{1}{2}^{\circ} S$ широты, а 7 июня прошел южную оконечность Вандименовой земли, в 120 милях. Такое успешное плавание «Дианы» (около 6 000 миль), несмотря на дурной ее ход, лейтенант Головин приписывает попутному течению и ветрам, дувшим постоянно почти от запада и северо-востока.

Выдержав трехдневный шторм от O между широтами 33° и $31^{\circ} S$, подошел он 25 июня к Ново-Гербидской группе и на следующий день остановился на якоре в гавани Резолюшон у острова Тава. При самом входе в нее шлюп едва не разбился, заштилел вблизи каменного рифа. Задувший от N ветер вывел его из этого опасного положения.

31 июля лейтенант Головин оставил Ново-Гербидский архипелаг, пополнив, сколько обстоятельства позволяли, запас провизии и воды. 4 августа прошел в виду острова Тюкопии, а 7-го в широте $7^{\circ} S$ потерял юго-восточный пассат. Перейдя экватор в долготе $191^{\circ}30' W$, следовал с переменными ветрами при мокрой погоде до $10^{\circ} N$ широты. Получив NO пассат, вышел 2 сентября из тропиков, прорезав Каролинский архипелаг в пространстве между группю Маршалла и употребив на переход жарким поясом 36 дней.

На остальном пути до Камчатки ветры и погода благоприятствовали шлюпу до 13 сентября. Затем, чрез десять дней, открылись берега полуострова, и 25-го «Диана» прибыла к месту своего назначения, в Петропавловский порт, через два года и два месяца после отплытия из России.

В ту же осень лейтенант Головин ходил в Ново-Архангельск на острове Ситхе и, возвратясь в Камчатку, пробыл там весь 1810 год. В следующем 1811 году, апреля 20-го, получил от Морского Министра предписание сделать съемку южным Курильским и Шантарским островам с прилежащим к ним берегом. Отправясь немедленно для исполнения этих работ, он кончил опись Курильской цепи в начале июля, но захвачен Японцами вместе со штурманом Хлебниковым, мичманом Муром и четырьмя матросами...

5. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «СУВОРОВ». 1813—1816

Продолжавшаяся несколько лет сряду войны с соседними морскими державами не позволили Российской-Американской компании посылать в свои колонии суда до 1813 года. В этом году был назначен для отвоза в Ново-

Архангельск груза корабль «Суворов» (100 футов длины) под командою лейтенанта Лазарева (М. П.).

9 октября 1813 года лейтенант Лазарев снялся с Кронштадтского рейда и 19-го прибыл в Карлскрону, где присоединился к купеческому конвою. Следуя с ним под прикрытием военных судов, заходил на несколько дней в Малме и Готенбург; из последнего порта вышел уже один и, перейдя счастливо Немецкое море, 27 ноября бросил якорь на Портсмутском рейде.

В Портсмуте получил остальную часть компанейского груза, заказанную в Лондоне, и, кончив некоторыя переделки во внутреннем расположении корабля и в рангоуте, присоединился к вест-индскому конвою, шедшему под прикрытием трех кораблей и двух бригов, вместе с которыми следовал до острова Порто-Санто. Отсюда конвой поворотил на запад, а лейтенант Лазарев продолжал плыть с *NO* пассатом до широты $6^{\circ} N$. Пробыв одиннадцать дней в полосе экваторных маловетрий и дождей, выдерживая сильный зной (до $25\frac{1}{2}^{\circ}$ Реомюру в тени), 22 апреля прибыл в Рио-Жанейро, сделав переход из Канала в 52 дни.

Кончив здесь компанейские дела, 23 мая оставил он Бразилию, располагая плыть в Великий океан кругом мыса Доброй Надежды и Австралии.

Получив крепкий *W* ветер в широте $32^{\circ} S$ и долготе $36^{\circ} W$, 12 июня лейтенант Лазарев прошел в виду острова Диего-Алвареца, который определил в широте $40^{\circ}19' S$ и долготе $9^{\circ}11' W$. Продолжая следовать близ этой последней параллели с попутными штормами, 20-го прибыл на меридиан мыса Доброй Надежды. В Индийском море плыл между широтами 40° и $44^{\circ} S$, и 1 августа миновал *SW* оконечность Вандименовой земли, выдержав на переходе этом два сильные шторма. 13-го бросил якорь в Порт-Джаксоне.

Время стоянки в Порт-Джаксоне лейтенант Лазарев употребил на заготовление провизии и дров, выпечку сухарей (часть которых подмокла во время последних штормов) и на разныя работы по кораблю. 3 сентября вышел он в море и, пройдя в виду острова Лорда Гоу, 15-го прибыл в широту $30^{\circ}12' S$, в долготе $177^{\circ}7' W$. В этот день около четырех часов пополудни на корабле чувствовали легкое сотрясение, как бы от прикосновения к мели, однакож никаких признаков мелководия не примечено. Лейтенант Лазарев полагает, что судно набежало на спящего кита, которых много плавало в виду судна.

28 сентября в широте $13^{\circ} S$ и долготе $196\frac{1}{2}^{\circ} O$ лейтенант Лазарев открыл группу из пяти необитаемых коралловых островков, названную им по имени корабля своего, группою «Суворова». По карте, приложенной к путевому журналу, самый южный их этих островков означен в широте $13^{\circ}13' S$, долготе $163^{\circ}31' W$; а наибольшее протяжение всей цепи от *NO* к *SW* — около 9 миль.

У островов Суворова прекратился *SO* пассат, и чрез два дни наступил *NO*, с которым лейтенант Лазарев 10 октября перешел экватор, а 22-го в долготе $169^{\circ} W$ — северный поворотный круг. Северо-восточный ветер продолжал

дуть еще несколько дней (до широты $33^{\circ} N$) весьма крепко, со шквалами и дурною погодою, которая вместе с наступившими после западными бурями сопровождала до самых берегов Америки, открывшихся 11 ноября. 18-го лейтенант Лазарев ввел корабль свой в Ново-Архангельскую гавань.

В следующем 1815 году ходил он за пушным промыслом к островам Павла и Георгия и, возвратясь в Ситху в конце мая, стал готовиться к обратному плаванию в Кронштадт. Приняв на корабль груз, состоявший большею частию из пушного товара и вещей, назначенных для продажи в Лиму, лейтенант Лазарев вышел из Ново-Архангельска 23 июля, направляясь прямо к порту С.-Франциско, чтобы запастись там провизиею и налиться водою. Но по неподвижным обстоятельствам не мог он исполнить в Ситхе ни того, ни другого.

Оставив Калифорнию, лейтенант Лазарев плыл на юг вдоль берега Африки. 31 августа, проходя мимо островов Св. Берты и Сокоры, определил их в широте $18^{\circ}45' N$, долготе $110^{\circ}50'16'' W$ (наблюдения делались на берегу острова Сокоры, у которого лейтенант Лазарев останавливался на несколько часов. Долгота выведена по лунным расстояниям и хронометрам. По определению капитана Кольнета, долгота Сокоры $110^{\circ}4' W$) и следовал далее при неровных *SO—NO* ветрах и дурной погоде. 24 сентября останавливался для проверки хронометров у острова Кокоса; потом заходил на четыре дни к испанскому селению Св. Розы на берегу Колумбии, близ экватора, и, перейдя в южное полушарие, 9 октября получил прибрежный пассат от *S*, принудивший целый месяц лежать к юго-западу. 8 ноября, находясь в 1 790 милях к *SW* от Лимы, лейтенант Лазарев поворотил к востоку и 25-го прибыл в порт Каллао.

Компанейския дела и работы по кораблю задержали в Лиме до половины февраля следующего года. В продолжение этого времени из многих лунных расстояний выведена долгота порта Каллао $77^{\circ}5'15'' W$.

Получив от испанскаго вице-роя в Лиме собрание местных древностей и некоторые другие предметы для доставления к Императорскому Двору в С.-Петербурге и погрузив купленные в Лиме товары, лейтенант Лазарев отправился в море. В начале марта стали дуть крепкие *SW* ветра, продолжавшиеся до самого мыса Горна, близ которого корабль несколько дней сряду боролся со штормами.

Обогнув мыс Горн в конце марта, лейтенант Лазарев плыл южнее Фалклендских островов и далее на северо-восток до 9 апреля, до широты $29^{\circ}1/2' S$, долготы $19^{\circ}50' W$. Здесь встретил его *NO* ветер и заставил взять курс на северо-запад. 27 апреля перешел экватор, заходя перед тем к острову Фернандо-де-Норонья, лежащему у берегов Бразилии около мыса С. Рока.

Вышедши из пассата в широте около $26^{\circ} N$ и продолжая плыть с переменными восточными ветрами, 6 июня прибыл в Портсмут. Здесь простоял, за разными надобностями, около трех недель, а в Кронштадт прибыл 25 июля 1816 года, чрез два года и девять с половиною месяцев после выхода из этого порта.

6. БРИГ «РЮРИК». 1815—1818

Вопрос об открытии пути через Северный полярный океан издавна занимал все морские державы, и Россия делала не одну попытку с этой целью с сухого пути и с моря; но после неудачной экспедиции Чичагова 1765—1766 гг., подобные предприятия с нашей стороны были оставлены. Продолжительные войны на суше и море не позволяли заниматься учеными экспедициями. Наконец, когда водворился общий мир в Европе, давно оставленные ученые вопросы снова возбудили общее внимание. В это время одним из главных поборников науки в России был граф Н. П. Румянцев, уже известный тогда заслугами своими на этом поприще.

В начале 1815 года предположил он снарядить на свой счет экспедицию для отыскания прохода через Ледовитое море из Берингова пролива, подле берегов Америки. Для этой цели выстроен был на Абовской верфи бриг «Рюрик» во 180 тонн, и начальство над ним поручено флота лейтенанту Коцебу, бывшему кадетом на корабле «Надежда» в кругосветном его плавании.

Кроме главной цели экспедиции, лейтенанту Коцебу предписывалось заняться также географическими и учеными исследованиями в Океании. В число спутников его приглашены были лица, известные их познаниями в естественных науках, а для руководства при занятиях своих лейтенант Коцебу получил инструкции по морской и ученой частям, составленные капитаном Крузенштерном и астрономом Горнером.

30 июля 1815 года лейтенант Коцебу оставил Кронштадтский рейд; зашел в Копенгаген для принятия на бриг ученых Вормскиольда и Шамиссо и через несколько дней прибыл благополучно в Плимут, где должен был получить заказанные в Лондоне инструменты и карты.

Избрав Плимут станциею в Англии именно потому, что из него легко достигнуть в один день океана, командир «Рюрика», однакож, обманулся в своем расчете. Море хотело, кажется, испытать наших путешественников при самом начале их смелого предприятия. Два раза «Рюрик» выходил в канал, и два раза *SW* шторм заставлял его возвращаться назад; при этом однажды во время ночи бриг едва не выкинуло на берег. Наконец, 5 октября вышел он в океан; 21-го миновал параллель Гибралтарского пролива в долготе $15^{\circ}20' W$ и 28-го бросил якорь на С.-Круцком рейде острова Тенерифа.

Снабдив себя провизиєю, лейтенант Коцебу вступил под паруса 1 ноября и, пройдя в виду остров Зеленаго мыса, 23-го перешел экватор. Отсюда направил он курс к мысу Фрио для определения долготы его. Но не успев в этом по причине пасмурности, обратился к югу и 12 декабря прибыл к острову Св. Екатерины. Освежившись и приготовив бриг к плаванию вокруг мыса Горн, 28-го отправился отсюда в дальнейший путь.

В начале января 1816 года в течение шести дней «Рюрик» боролся с юго-западными штормами (широта $45^{\circ} S$, долгота $57^{\circ} W$). При этом командир едва

не погиб: огромный вал вкатился с кормы и сбросил его за борт; к счастью, успел он задержаться за веревочную бухту. Бриг же потерпел значительные повреждения на верху и в руле, часть пороха и сухарей были подмочены.

Обогнув мыс Горн и выдержав еще *SW* шторм, лейтенант Коцебу взял курс к губе Зачатия (Cenception) на западном берегу Южной Америки, чтобы привести свой бриг в состояние продолжать путь и пополнить запас провизии, подмоченной во время бури. 11 февраля «Рюрик» стал на якорь против города Талкахуано.

Исправив, по мере возможности, свои дела, лейтенант Коцебу вышел в море в начале марта и направил курс к тому месту, на котором предполагалось существование земли «Девиса». 16-го достиг он широты $27^{\circ}20' S$, в $88^{\circ} N$ долготы и в продолжение пяти дней следовал по этой параллели до долготы $95\frac{1}{2}^{\circ} W$, не замечая ни малейших признаков земли. 25-го миновал пустынный островок Салес, а 28 марта остановился на якоре в Куковой бухте на острове Св. Пасхи.

К большому изумлению лейтенанта Коцебу, жители встретили его весьма неприязненно, так что он принужден был немедленно возвратиться на бриг, осыпаемый градом камней. Оставляя берег, заметил он, что огромные каменные статуи, о которых упоминали Кук, Лаперуз и Лисянский, были разрушены (впоследствии объяснились причины такой встречи островитянами: в 1805 году какой-то американский шкипер ограбил их; он же разбил и статуи).

Проходя этот архипелаг по северную сторону, осмотрел он 16 апреля Шоутенов «Собачий» остров, но, по значительной разности в широте, назвал его «Сомнительным» (широта $14^{\circ}50' S$, долгота $138^{\circ}47' W$). В следующие дни последовательно открыты необитаемые группы: Румянцева, Спиридова или Шоутена «Ура», длинная цепь Рюрика (острова Пализера и Шоутена, остров Мух и, наконец, группа Крузенштерна. Во втором своем путешествии капитан Коцебу нашел, что все долготы, определенные им в 1816 году, «восточнее истинных на $7^{\circ}30'$ »; здесь они «везде исправлены»).

28 апреля бриг находился близ того места, где предполагались «Баумановы» острова. Не отыскав этих островов, равно как и других, «Рогвейна» и «Тинговейна», лейтенант Коцебу направил курс к Пенриновой группе, виденной открывшим ее капитаном Севером в 1788 году только один раз, и то издали. 1 мая осмотрел он эти острова, оказавшиеся подобными открытым в Низменном архипелаге, то есть их составляла цепь коралловых скал, мало-возвышенных, впрочем, обитаемых. Средина группы определена в широте $9^{\circ}1'35'' S$ и долготе $157^{\circ}44'32'' W$.

Перейдя экватор в долготе $175^{\circ}27' W$, лейтенант Коцебу направил курс свой таким образом, чтобы прорезать северную часть Мульгравовых островов, весьма мало тогда известных. На пути к этому архипелагу открыта им 21 мая цепь из двух отдельных групп, связанных коралловым рифом, опреде-

ленная астрономически (канал между ними) в широте $11^{\circ}11'20'' N$, долготе $190^{\circ}1'43'' W$ и названная островами «Кутузова» и «Суворова». Первая из них обитаема (туземцы называют острова свои «Удирик» и «Таган»). Новооткрытые группы принадлежат к восточной части обширного Каролинского архипелага, известной на картах под именем островов Маршалла.

Предполагая на обратном пути еще раз осмотреть эти места, лейтенант Коцебу поспешил в Камчатку. 3 июня в широте $31^{\circ}49' N$, долготе $200^{\circ}15' W$ замечал он некоторые признаки земли, но туман, сопровождавший «Рюрик» потом до самой Камчатки, не допустил удостовериться — существует ли тут остров или нет. 13-го (широта $47^{\circ} N$) «Рюрик» выдержал сильнейший шторм, после которого сделался вдруг такой мороз, что с рангоута и парусов лед падал кусками на палубу. 19 июля прибыл в Петропавловский порт.

Здесь «Рюрик» был обшит медью, оставшеюся после шлюпа «Диана». Изготовившись, сколько можно скорее, к выходу в море, лейтенант Коцебу оставил Камчатку 15 июля и направил курс у острову Св. Лаврентия (в Петропавловском порте остался по болезни один из двух офицеров, бывших на бриге; так что лейтенант Коцебу остальную часть своего путешествия должен был совершить только с одним офицером, исправляя и вахтенную, и свою обязанность). 20-го усмотрел он остров Беринга и определил северную его оконечность в широте $55^{\circ}17'18''$, долготе $194^{\circ}6'37'' W$. Положение острова Св. Лаврентия осталось не проверенным по причине тумана.

30 июля с «Рюрика» видны были в одно время берега Азии и Америки; он находился тогда около мыса Принца Валлийского и островов Св. Диомида, из которых вскоре открыт был остров Ратманова (лейтенант Коцебу ошибаясь, считал «остров Ратманова» четвертым в группе Диомида, и потому принял его за новое открытие. В Атласе Южного моря адмирала Крузенштерна показаны только три острова Св. Диомида: Ратманов, Крузенштерн и скала Файрвай. Капитан Бичи осмотрел эту группу в 1828 г.).

Следуя около берега Америки, лейтенант Коцебу открыл небольшую бухту Шишмарева с островом Сарычева при ее входе, и 1 августа вошел в обширный залив, в котором восточные берега скрывались из виду. Полагая, что, может быть, тут существует проход в Ледовитое море, лейтенант Коцебу спустился по этому направлению; но скоро увидел, что залив этот замыкается с востока высоким берегом. Обойдя его вокруг и достигнув открытого моря близ северного мыса (у которого с этой стороны залив оканчивался), назвал он этот мыс именем капитана Крузенштерна; а новооткрытый залив получил название зунда Коцебу.

Предполагая на следующий год продолжать еще далее свои разыскания в этих местах, лейтенант Коцебу обратился к берегам Азии; 19-го подошел к восточному мысу и, следуя вдоль берега на юг, зашел в залив Св. Лаврентия. Определив несколько новых пунктов, вышел оттуда 24-го, а 7-го сентября

прибыл в гавань Иллиюк на острове Уналашке. Отсюда перешел в порт Св. Франсиска (в Калифорнии), чтобы запастись всем нужным для летнего плавания в тропиках.

Оставив Калифорнию 1 ноября, «Рюрик» направил курс к Сандвичевым островам. На этом переходе с 11 ноября (широта $25\frac{1}{2}^{\circ} N$, долгота $138^{\circ}1' W$) и до наступления *NO* пассата, до 16 ноября, дул сильный *SW* ветер, — явление редкое в таких широтах и в столь большом разстоянии от материка. 27-го лейтенант Коцебу прибыл в Гонолулу.

Во время трехнедельного пребывания на острове Оагу собрано много сведений о Сандвичевых островах и сделана подробная съемка гавани Гонолулу.

От Сандвичевых островов лейтенант Коцебу продолжал путь к месту прошлогодних открытий — островам Суворова и Кутузова. На этом переходе 1 января 1817 года открыл он еще остров Нового Года, который жители называли «Мяди», а через четыре дни другую, обитаемую же, группу, Румянцева или «Отдиа». В лагуне у острова Отдиа лейтенант Коцебу простоял до начала февраля, занимаясь съемкою окружающих его берегов и знакомясь с их обитателями. Следуя потом к югу, последовательно открыл он группы: Чичагова или «Эрегуп»; Аракчеева или «Кавен»; Траверсе или «Аур»; «Крузенштерна» или «Айулу». Эти пять групп вместе с островом «Мяди» и открытыми в последующих годах новыми группами: «Лигиен», «Арно», «Медиуро» и «Милле» образуют цепь коралловых островов, известную теперь под именем «Радак», населенную весьма кротким народом, много похожим на обитателей Каролинскаго архипелага, котораго Радак составляет восточнейшую часть.

Замечания лейтенанта Коцебу об островах Радак и островах другой параллельной им цепи, «Ралик», представляют весьма богатый материал для будущего их историка и географа; они помещены в описании его путешествия.

12 марта 1817 года «Рюрик» оставил новооткрытый архипелаг, чтобы поспешить на север. Пройдя между островами Суворова и Кутузова и коснувшись острова Корнваллиса (по мнению адмирала Крузенштерна, остров этот есть Гаспар-Рико древних мореплавателей), лейтенант Коцебу взял курс к острову Уналашке, на котором ожидали его байдары, заготовленные для предстоящих разысканий в Полярном море.

3 апреля в широте $34^{\circ}27' N$ и долготе $193^{\circ}47' W$ замечено большое течение моря на запад, а в следующий день видны были некоторые признаки берега; однакож надежда открыть землю не оправдалась.

13 апреля во время шторма огромный вал ударил в бриг, перекатился через палубу и сломил бушприт; одному из четырех бывших на палубе матросов переломило ногу и всех других переранило, также и командира брига. Гибель «Рюрика» казалась неизбежною; но буря скоро утихла. Через пять дней после этого едва он не потерпел крушение у острова Унимака. Наконец

24 апреля прибыл он на Уналашку, в то самое время, как в море наступал новый шторм.

Исправив бриг, сколько могли, вышли в море 29 июня, взяв с собою несколько байдар и 15 человек алеутов для прибрежных розысканий в Полярном море. Зайдя еще к островам Павла и Георгия, 10 июля остановились на якорь близ восточного берега острова Св. Лаврентия.

Но здесь лейтенант Коцебу принужден был отказаться от дальнейшего плавания к северу: грудная болезнь его — следствие ушиба во время апрельского шторма — до того усилилась, что нельзя было без явной опасности для жизни продолжать работать в этом холодном и сыром климате.

По данной ему инструкции, обратный путь следовало держать чрез пролив Торреса; но как судно было в дурном состоянии и давно уже нуждалось в провизии, то лейтенант Коцебу счел за лучшее зайти в Маниллу, где надеялся получить все нужное. На пути туда полагал взять с Сандвичевых островов некоторые растения для островов Радак.

Сообразно этому плану, возвратился он к острову Уналашке и, вышедши оттуда 18-го августа, чрез три недели достиг широты 40° *N*, боровшись на переходе с сильными *S* ветрами и течением, которое отнесло бриг на 5° к востоку. 1 октября прибыл в гавань Гонолулу.

На пути от Сандвичевых островов к Радаку лейтенант Коцебу отыскал и определил острова Смита, открытые в 1807 году с фрегата «Корнваллис» (по мнению адмирала Крузенштерна, эти острова те же самые, что и Камизарес, открытые испанцами в 1789 году); но сам едва на них не разбился. На другой день бросили якорь у острова Отдиа.

Оставив здесь привезенные растения, лейтенант Коцебу отправился далее и в следующий день открыл еще группу островов графа Гейдена (Линген), в широте $9^{\circ}51'30''$ *N*, долготе $190^{\circ}46'30''$ *W*. На пути в Маниллу намерен он был отыскать цепь островов Ралик, по словам обитателей Радака, совершенно параллельную этой последней цепи и лежащую к западу от нее; но во время бурной ночи бриг увлечен был так далеко на запад, что уже не было видно ни одного из упомянутых островов. Необходимость же поспеть в Маниллу до перемены *NO* муссона не позволила употребить более времени на этот поиск.

Впрочем, открытия в цепи «Ралик» достались на долю большего частью русских же мореплавателей, как мы это увидим далее.

Следуя между параллелями 8° и 11° *N*, лейтенант Коцебу на этом пространстве не нашел ни одного из островов, показанных на некоторых картах. Из многих испытаний над соленостию, температурою и цветом морской воды вывел он заключение, что глубина моря между Радаком и Марианскими островами значительно меньше обыкновенной глубины океана между тропиками. 23 ноября «Рюрик» бросил якорь в гавани Калдера-де-Апра на острове Гуахане.

Собрав здесь еще новые сведения вообще о Каролинском архипелаге и сняв план бухты Калдеры, 28-го лейтенант Коцебу вышел в море и с помощью *NO* муссона 17 декабря прибыл в Маниллу.

Починка брига и снабжение его всем необходимым удержали лейтенанта Коцебу здесь до конца января 1818 года. Продолжая плавание чрез Китайское море, в половине февраля вступил он в Индийский океан Зондским проливом, и 4-го марта вышел из тропиков. Около мыса Доброй Надежды несколько дней сряду выдерживал сильные штормы и, пройдя по южную сторону банки (широта $35^{\circ}18'$), чтобы воспользоваться попутным течением (по три мили в час), 30-го бросил якорь в Столовой бухте.

Здесь «Рюрик» встретился с французским корветом «Урания», на котором капитан Фрейсине начинал свое известное путешествие вокруг света.

Оставив мыс в половине апреля и, пройдя в виду островов Св. Елены и Вознесения, лейтенант Коцебу перешел в четвертый раз экватор. 3 июня достиг параллели Азорских островов и через две недели прибыл в Портсмут. Пробыв здесь пять дней и еще один в Копенгагене, 22 июля возвратился в свой отечественный город Ревель, а 3 августа бросил якорь в Неве, против дома графа Румянцева, после трехгодичного путешествия...

7. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «КУТУЗОВ». 1816—1819

Капитан-лейтенант Гагемейстер, определенный главным правителем русских колоний в Америке на место коллежского советника Баранова, должен был отправиться к месту своего назначения, начальствуя двумя компанейскими кораблями «Кутузов» и «Суворов», с грузом для колониальных селений и для торговли в некоторых портах Южной Америки. Кораблем «Суворов» командовал лейтенант Понафидин.

8-го сентября 1816 года оба судна отправились из Кронштадта и 13-го прибыли в Копенгаген, где дополнили свой груз, и вступили под паруса 24-го. Скоро миновав Каттегат и Скагеррак, при выходе в Немецкое море, встретили западный шторм, от которого должны были укрыться в Норвежский порт Квале-Фиэрд. Отсюда капитан Гагемейстер продолжал путь вокруг Шетландских островов и прошел в виду их октября 5-го, около Гринвичского меридиана. Выдержав в продолжение трех следующих дней северо-западный шторм, 10-го вступил в Атлантический океан и от параллели С.-Петербурга (долгота 4° *W*) спустился на юг к Азорским островам, у которых намерен был остановиться для отдыха.

Продолжая плыть при *SO* и *NO* ветрах, октября 23-го подошел он к острову Грациозо. Зная, что рейд его при *SO* ветре небезопасен, капитан Гагемейстер думал было идти прямо в Бразилию, однакож, опасаясь, чтобы

экипажи кораблей не потерпели недостатка в пресной воде, зашел на неделю к острову С.-Яго (острова Зеленаго мыса), и оттуда, уже 13 ноября, направил курс к экватору.

Не встретив ничего примечательного на переходе жарким поясом, в широте $15^{\circ} S$ потерял он юго-восточный пассат, после которого несколько дней сряду стоял северо-восточный ветер (до широты $20^{\circ} S$), заменившийся потом тихими *W*, *SW* и *NW* ветрами. В половине декабря прибыл в Рио-Жанейро.

Разные дела и работы, в том числе перемена руля на корабле «Кутузов», удержали капитана Гагемейстера здесь более трех недель. Выступив в море января 7-го 1817 года, направился он к мысу Горн с *NO* прибрежным муссоном, и 12-го достиг широты $32\frac{1}{2}^{\circ} S$. С этого времени плавание кораблей много замедлялось противными ветрами, так что не прежде 30-го вошли они в канал между Патагониею и Фалкландскими островами, на параллели которых встретил их шторм.

12 февраля близ меридиана мыса Горна в пасмурную ночь корабли потеряли друг друга из виду. Капитан Гагемейстер продолжал плавание при западных и северо-западных ветрах; 3 марта в широте $34^{\circ} S$, долготе $79^{\circ} W$ получил *SO* прибрежный пассат и с ним 17-го тогож месяца прибыл в порт Каллао. Не столь счастливый на последнем переходе корабль «Суворов» пришел туда уже 29-го.

В Лиме капитан Гагемейстер продал часть товаров со своего корабля и, уравнив грузы обоих судов, вышел в море 8 мая, направляясь вдоль берега Америки к Гваяквиллю. Мая 15-го корабль «Суворов» отделился и пошел прямо в Ситху, а «Кутузов» вскоре остановился на якоре в Гваяквильском заливе близ острова Св. Клары, от которого перешел потом к острову Бахосде-Пайянос. Передав груз, адресованный в Гваяквиль, на испанские суда и приняв на промен новый, капитан Гагемейстер отправился отсюда в южную часть залива, к устью реки Тумбез, чтобы налиться водою. 17 июля вышел отсюда и 22-го близ Галлапагосских островов пересек экватор, в то же время лишившись прибрежного *SO* ветра.

Крепкие ветра, попеременно со штилями, сопровождали его потом до конца августа. В широте $14^{\circ} N$ и долготе $122\frac{1}{2}^{\circ} W$ капитан Гагемейстер встретил постоянный *NO* и обратился к северо-западу; вскоре перешел тропик Рака, а 9 сентября, вышедши из пределов пассата, поворотил к берегу и 17-го прибыл в залив Бodega или Румянцова, лежащий на севере от порта Св. Франциска в Калифорнии.

Простояв здесь до 1 октября для передачи груза, назначенного в близлежащее компанейское селение Росс, капитан Гагемейстер перешел в порт С.-Франциско для закупки хлеба, в котором нуждались колонии. Окончив это дело, 31 октября отправился он к острову Ситхе, и 21 ноября прибыл в Ново-Архангельск.

Вступив в управление колониями, капитан Гагемейстер в следующем году еще раз посетил залив Румянцова (6—18 июля) на пути в порт Монтерей, куда ходил за хлебом. В этом последнем месте встретился он с капитаном Головинным, прибывшим на шлюпе «Камчатка» для обревизования колоний, и, окончив с ним дела к 10 сентября, возвратился в Ново-Архангельск.

Изготовив корабль к плаванию в Россию с грузом сандалового дерева и пушного товара, капитан Гагемейстер оставил Ситху 27 ноября 1818 года, имея у себя пассажиром прежнего правителя колоний, коллежского советника Баранова. На переходе до Сандвичевых островов, которые миновали 24 декабря в виду острова Атуая, преследовали его западные штормы, перемежаясь иногда маловетриями с огромной зыбью. Встретив пассат около 16° *N* широты, капитан Гагемейстер пользовался им до самага Китайского моря, в котором этот пассат перешел в *NO* муссон.

Простояв для отдохновения неделю на острове Гуахане, капитан Гагемейстер продолжал путь свой (31 января, снимаясь с якоря для перехода в залив Умату, корабль едва не был выброшен на берег от того, что лопнул кабельтов от верпа, брошенного при снятии с фертоинга), 15 февраля вошел в Китайское море между островами Ричмонд и Буян; 28-го перешел экватор, а в начале марта бросил якорь на Батавском рейде.

Окончив торговые дела, капитан Гагемейстер вышел в море апреля 12-го; через три дня вступил в Зондский пролив (16 апреля коллежский советник Баранов скончался от горячки, которою занемог еще в Батавии. Тело его опущено в море), но, задерживаемый штилями, достиг океана не прежде 19-го; вскоре после того получил *NO* пассат. 3 мая пересек южный тропик в 71° *O* долготы и вслед за тем до мыса Доброй Надежды боролся с *W* и *NW* бурями, причинившими кораблю, впрочем, неважные повреждения.

Обогнув мыс Доброй Надежды 6 июня, капитан Гагемейстер взял курс к экватору; 29-го прошел в виду острова Вознесения и через пять дней вступил в северное полушарие. Утомительный переход полосой штилей продолжался около двух недель. Наконец 19 июля задул *NO* ветер, сопровождавший корабль до параллели 32° *N*.

Пользуясь благоприятными ветрами, скоро достиг он широты Английского канала и 22 августа зашел в Портсмут. Простояв здесь до 25-го, отправился далее; 1 сентября миновал Зунд, а 7-го бросил якорь на Кронштадтском рейде.

8. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «СУВОРОВ». 1816—1818

Разставшись с кораблем «Кутузов» на пути из Каллао к Ново-Архангельску, 27-го мая 1817 года лейтенант Понафидин перешел во второй раз экватор в $103\frac{1}{2}^{\circ}$ *W* долготы и через три дня потерял *SO* пассат. Сопровождаемый

потом тихими западными ветрами, 20 июня прибыл он к острову Рооз, который определил в широте $18^{\circ}29' N$, долготе $115^{\circ}11' W$ по наблюдениям. Продолжая плавание к западу, 26-го получил *NO* пассат, с которым шел до параллели 40° и 20 июля прибыл в Ново-Архангельск.

Здесь лейтенант Понафилин оставался до января следующего года; корабль его был вытасен на мель и обшит медью. Нагрузившись пушными товарами, какао и прочим для доставления в С.-Петербург, вышли из Ситхи 12 января и направились опять к мысу Горну.

27-го корабль «Суворов» выдержал жестокий шторм от *O*. Продолжая плавание при разных умеренных ветрах, 18 февраля вошел в пределы постоянного *NO*; однакож чрез неделю опять потерял его, *SO* получил не прежде 9 марта, при переходе чрез экватор. 13-го лейтенант Понафидин остановился на якоре в порте Чичагова на острове Нука-Гива.

На пути оттуда к мысу Горну прорезали Низменный архипелаг, пройдя в виду островов: Троицы, Шарлоты и Карнефута. 4 апреля при переходе южного тропика прекратился юго-восточный пассат, и до параллели $35^{\circ} S$ продолжались маловетрия или тихие западные ветры. 21-го холод при крепком *SW* ветре до того усилился, что пошел снег; с этого времени наступила пасмурность и мокрая погода, продолжавшаяся с малыми промежутками до мыса Горна и далее при переменных, большею частию западных, ветрах, часто весьма крепких. Впрочем, плавание корабля было довольно успешно. 13 мая перешел он меридиан Горна и продолжал путь с прежним западным ветром до параллели $40^{\circ} S$ в долготе $45\frac{1}{2}^{\circ} W$. Открывшаяся в команде цинга — следствие продолжительной сырости — принудила спуститься в один из ближайших портов Америки, и 6 июня бросили якорь в Рио-Жанейро.

Через месяц здоровье экипажа совершенно возстановилось; больные цынгою (девять человек) выздоровели на берегу, и корабль «Суворов» продолжал путь с *SW* прибрежным муссоном до $18^{\circ} S$ широты, когда этот ветер заменился пассатом. 24 июля вступил он в северное полушарие.

Потеряв *SO* пассат в $7^{\circ} N$ широты, северо-восточный ветер получили только 3 августа, но зато этот пассат продолжался почти до параллели $35^{\circ} N$. 23 августа «Суворов» прошел в виду острова Фаяла; через неделю вошел в Канал и, пройдя Немецкое море и Скагеррак с крепким *SW*, при входе в Каттегат встретил штили. Простояв три недели в Копенгагене, 19 октября 1818 года прибыл на Кронштадтский рейд.

9. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «КАМЧАТКА». 1817—1819

В конце 1816 года последовало Высочайшее повеление: отправить военное судно в Северо-Восточный океан. При этом правительство имело в виду: 1) доставить разные материалы в Петропавловский и Охотский порты; 2) об-

ревизовать колонии Российско-Американской компании; 3) определить географическое положение и сделать съемку тем местам в русских владениях на Северном Великом океане, которые еще не были с точностью исследованы.

Для этой цели построен был в С.-Петербурге шлюп «Камчатка» длиною 130 футов в 900 тоннов, и начальство над ним вверено капитану 2-го ранга Головнину, известному плаванием его на шлюпе «Диана» и пребыванием потом в Японии.

Снявшись из Кронштадта 26 августа 1817 года, шлюп «Камчатка» прибыл в Каттегат 5 сентября и, пройдя Немецкое море при свежем попутном ветре, 10-го бросил якорь на Портсмутском рейде. Здесь капитан Головнин должен был запастись водкою, ромом и разными припасами, также купить астрономические инструменты, книги и карты. Закупив все это, 21 сентября отправился он в море, и на другой день вступил в океан.

Северный ветер довел его через двенадцать дней до Канарских островов. Не желая терять благоприятной погоды, капитан Головнин не остановился у Тенерифа, но пошел прямо в Бразилию, и 5 октября миновал остров Ферро при свежем *N* ветре, вскоре перешедшем в настоящий пассат, продолжавшийся до 13-го числа.

В полосе штилей шлюп «Камчатка» был не более пяти дней при переменных ветрах и довольно хорошей погоде, а 23-го перешел экватор. Ноября 1-го пассат заменился прибрежным *N* муссоном, с которым 5-го тогож месяца шлюп прибыл в Рио-Жанейро.

Пробыв здесь до 22 ноября для разных работ и запасов, капитан Головнин направил курс к мысу Горну. 1 декабря оставил его *NO* муссон, и до 19-го стояли переменные ветра; в это время шлюп находился уже в виду земли Штатов (мыс С.-Жуан). На всем переходе от Рио-Жанейро замечено было постоянное течение на север, и от широты 40° к *S* скорость его простиралась до 30 миль в сутки, даже более.

Огибая мыс Горн, с 20 декабря 1817 по 17 января 1818 года шлюп часто боролся со штормами при сырой погоде. 26 декабря от параллели 58¹/₂° *S* начал он спускаться к северу, а 5 апреля встретил прибрежный *SO* пассат, с которым 8 февраля пришел в Каллао.

Передав перуанскому вице-рою депеши от испанского посланника в Рио-Жанейро и снабдив шлюп свежими припасами, капитан Головнин 18 февраля вышел в море.

Оставляя американские берега, капитан Головнин располагал идти с пассатом до острова Галлеопagos и потом держать к северу, так, чтобы прорезать экватор градуса на три западнее их и, пройдя по параллели 13° *N* до 165° *O* долготы, следовать уже прямо в Камчатку. Но, встретив признаки экваторных штилей, принужден был изменить свой план и снова поднялся до параллели 8° *S*, близ которой и шел уже до самых Маркизских островов.

3 марта капитан Головнин пересек путь Лаперуза и находился близ того места, на котором капитан Портлок думал найти землю; но при весьма чистом горизонте не только ожидаемой земли, но даже признаков ее не видел. Впрочем, 7-го числа со шлюпа заметили стадо береговых птиц, летевших к югу, что повторилось и на следующий день; но пасмурность препятствовала далеко видеть.

13-го, проходя в виду острова Гиану, одного из Маркизских, капитан Головнин воспользовался случаем для проверки своих хронометров. Миновав же эту группу, обратился он к северу и скоро вступил в пределы *NO* пассата. 17 марта замечено было весьма сильное течение к западу (около 30 миль в сутки); 20-го шлюп во второй раз перешел экватор, пробыв в южном полушарии почти пять месяцев.

NO пассат дул весьма неправильно и установился не прежде 25-го. 28 марта от параллели $13^{\circ} N$, капитан Головнин поворотил на запад, чтобы, придя в долготу $175^{\circ} O$, держать уже прямо в Камчатку.

4 апреля проходил он близ того места, на котором означен риф Века, однако не видел его, а 6-го вышел из пределов *NO* пассата, совершив весьма счастливо плавание в жарком поясе; наибольшая температура была $+26$ по Реомюру, 15 марта.

Следуя к северу, 8 апреля шлюп перешел тропик Рака и вскоре вытерпел сильную бурю (12-го), в продолжение которой вал, ударив корму шлюпа, изломал висевшую на боканцах шлюпку. С этого времени и до конца апреля плавание продолжалось с переменными погодками и ветрами. 29-го открылись камчатские берега, у которых пасмурность продержала шлюп несколько дней. Наконец, 3 мая вошли в Петропавловский порт, совершив путешествие из России в восемь месяцев, из которых только 34 дни простояли на якоре.

К числу гидрографических занятий, порученных капитану Головнину, принадлежала и съемка северо-западного берега Америки между 60° и $65^{\circ} N$ широты, которую он должен был предпринять в том только случае, если означенное пространство не будет исследовано лейтенантом Коцебу на бриге «Рюрик». По полученным же в Петропавловском порте сведениям оказалось, что лейтенант Коцебу сделал уже все необходимые для этой съемки приготовления (однакож съемка этого берега сделана уже гораздо позже: болезнь не позволила лейтенанту Коцебу продолжать свои занятия в Беринговом море, как мы видели выше), и потому капитан Головнин обратился к другим пунктам своей инструкции, именно к определению тех из Алеутских островов, положение которых не было известно с надлежащею точностию, и к обревизованию колониальных заселений.

Окончив выгрузку всего привезенного для Камчатки и Охотского порта, капитан Головнин отправился к островам Берингову и Медному и, определив положение их, спустился вдоль Алеутской гряды, стараясь держаться вне

путей прежних мореплавателей. Хотя на этом переходе туманы и пасмурность редко позволяли делать наблюдения, однакож некоторые пункты определены астрономически. 9 июля шлюп «Камчатка» пошел в Павловскую гавань на острове Кадьяке.

Девяти дней, проведенных в этом месте, достаточно было для обревизования компанейских заведений, между тем офицеры шлюпа составили карту Чиниатского залива.

Отсюда капитан Головнин пошел в Ново-Архангельск и прибыл туда 28 июля, сопровождаемый на переходе почти безпрестанными туманами.

Выгрузив со шлюпа вещи, принадлежащая компании (весом около 2 800 пудов), 19 августа отправился он в Монтерей для свидания с правителем колоний капитаном Гагемейстером, который находился там для закупки хлеба. На этом переходе, продолжавшемся по 6 сентября, шлюп выдержал два сильные шторма. Из Монтерея капитан Головнин заходил еще в залив Румянцова (Бодега) и оттуда уже предпринял (27-го) обратный путь в Кронштадт, располагая запасами всем необходимым на Сандвичевых островах.

На пути к этому архипелагу капитан Головнин намерен был идти сперва к югу, до 30° *N* широты и долготы 135° *W*; потом плыть по этой параллели на запад, чтобы осмотреть место, на котором располагались два острова и где, как было известно капитану Головнину, командир одного из компанейских судов, лейтенант Подушкин, видел признаки земли, — хотя Лаперуз, проходивший тоже близко этого места, не нашел ее.

До 7 октября шлюп плыл с умеренным попутным ветром. В этот день пришел он в широту $28^{\circ}55'$ *N*, долготу 123° *W* и должен был находиться вблизи предполагаемой земли, однакож не только берега, но и признаков его не заметили.

Крепкие западные ветра не позволили капитану Головнину пройти далее к *W* по этой параллели, и он счел за нужное следовать на юг до пределов *NO* пассата, который наступил 11 октября в широте 25° *N*. Отсюда взял он курс к острову Гавайи и 20-го бросил якорь в бухте Каракаока, не встретив на пути ничего замечательного, кроме огромной зыби от *NW*, сопровождавшей шлюп почти во весь переход от берегов Калифорнии (Ванкувер, проходя от берегов Америки к Сандвичевым островам, заметил то же самое).

В заливе Каракаока капитан Головнин пробыл до 23 октября; заходил потом на острова Мови, Оагу и Атуай и, закупив достаточное количество провизии, отправился в дальнейший путь 30 октября. С помощью свежего пассата 4 ноября достиг от $13\frac{1}{2}^{\circ}$ *N* широты, в долготе 172° *W*, откуда взял курс к островам Марианским, и 22-го остановился на якорь в заливе Умат на острове Гуахане. Получив здесь необходимое количество запасов, отправился в море 25-го и на другой день едва не сделался жертвою племени, от неосторожности одного из офицеров. 5 декабря капитан Головнин вошел в Китай-

ское море и через неделю бросил якорь на Манильском рейде, где располагал произвести некоторые исправления и приготовиться к плаванию чрез Китайское море к мысу Доброй Надежды.

К 4 января 1819 года шлюп был выкопачен и перегружен, трюм высушен; а в продолжение следующих двух недель налили водою и запаслись провизиею. 17 января капитан Головнин вышел в море, направляя курс к острову Пуло-Сопато. 26-го в третий раз перешел экватор, а 31-го через Гаспарский пролив достиг Зондского и вышел в Индийский океан, употребив на переход Китайским морем только тринадцать дней.

SW пассат Индийского моря встретил 3 февраля; однакож он принял настоящий вид не прежде 5-го и стал крепко дуть от *StO*.

11 февраля со шлюпа видели плавающее дерево, которое имело свежую кору и сучья. Ближайшая наветренная земля была Австралия и острова Амстердама и Св. Павла, отстоящие весьма далеко от этого места, и потому капитан Головнин считает вероятным существование поблизости неизвестного острова.

Марта 2-го шлюп пересек С.-Петербургский меридиан и вслед за тем (с 5-го по 7-е) выдержал весьма сильный западный шторм; 10-го прошел мыс Доброй Надежды и вскоре прибыл в С. Джеймс, на острове Св. Елены, чтобы запастись провизиею и водою.

Получив только воды и будучи стесняем чрезмерною осторожностью английских стражей при Наполеоне, капитан Головнин думал найти что-нибудь из провизии на острове Вознесения, но, обманувшись и в этом ожидании, продолжал путь к экватору, который располагал перейти между 22° и 25° *W* долготы. Однакож наступившие с 28 марта тихие переменные ветры и штиль заставили его вступить в северное полушарие в долготе 18³/₄° *W*.

Перейдя экватор, капитан Головнин старался, по возможности, держать ближе к северу, и потом у Африканского берега поворотить на запад, чтобы скорее встретить *NO* пассат. Но 20 апреля, когда по счислению шлюп находился от берега еще в значительном расстоянии, глубина показала, что он уже весьма недалеко от устья Рио-Гранде (Rio-Grande), почему капитан Головнин принужден был обратиться к юго-западу, и не прежде вошел в полосу *NO* пассата, как чрез месяц, в широте 9¹/₂° *N* и долготе 17¹/₂° *W*.

Хотя пассат дул близко к меридиану, а иногда и совсем изменялся, однакож с помощью его шлюп, июня 9-го, достиг Фаяльского рейда, употребив на переход от острова Вознесения 74 дни, так что среднее суточное плавание вышло не более сорока миль.

Трудная доставка пресной воды и медленность при заготовлении съестных припасов задержали капитана Головнина на Фаяле до 26 июня. Следуя далее с переменными ветрами, через три недели вошел он в Английский канал и 20 июля бросил якорь на Портсмутском рейде. Чрез несколько дней

прибыли туда же из Кронштадта четыре военные шлюпа под начальством капитанов: Беллинсгаузена, Лазарева, Васильева и Шишмарева, назначенные для открытий в полярных морях обоих полушарий.

Кончив дела в Лондоне, капитан Головин вышел в море 16 августа и до Каттегата имел попутный ветер; но в Гельсиноре и Копенгагене около недели был задержан противным ветром. Наконец, 5 сентября прибыл он на Кронштадтский рейд, не претерпев в продолжение двухлетнего плавания никаких важных повреждений и даже не потеряв какой-либо значительной вещи из такелажа или рангоута...

10. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «ВОСТОК». 1819—1821

В марте 1819 года последовало Высочайшее повеление о снаряжении двух экспедиций для исследований в полярных морях обоих полушарий.

Первый отряд под начальством капитана 2-го ранга Беллинсгаузена, состоявший из двух шлюпов, «Восток» и «Мирный» (последним командовал лейтенант М. П. Лазарев), назначен для открытий в Южном Полярном море («Восток» — 130 футов длины и 33 ширины, одинаковых размерений со шлюпом «Камчатка»; «Мирный» — длина 120 футов, ширина 30; оба построены из соснового леса в С.-Петербурге мастерами Стоке и Колодиным).

Второй отряд под командою капитан-лейтенанта Васильева состоял тоже из двух шлюпов: «Открытие» и «Благонамеренный» (последний под начальством лейтенанта Шишмарева), и должен был производить исследования на север и северо-восток от Берингова пролива.

Обе экспедиции снаряжались на два года; начальники их получили подробные инструкции по морской и ученой частям от Морского Министра, Адмиралтейств-Коллегии и Государственного Адмиралтейского Департамента. В этих инструкциях предписывалось капитану Беллинсгаузену: начать исследования обозрением островов Георга и Южных Сандвичевых и стараться потом проникнуть как можно дальше на юг; зимние же месяцы употребить на разыскания в экваториальной полосе Великого океана.

Капитан Беллинсгаузен вышел из Кронштадта 4 июля 1819 года; за ним последовал и отряд капитана Васильева. Простояв четыре дня в Копенгагене в ожидании натуралистов Мергенса и Кунце и получив известие, что они отказываются от участия в путешествии, капитан Беллинсгаузен отправился далее; заходил потом в Портсмут для закупки инструментов, карт, книг и прочего и 15 сентября бросил якорь у острова Тенерифа, чтобы налиться водою. 22-го шлюпы перешли северный тропик, за которым встретили тихие ветра и штили. 8 октября, находясь в широте $4^{\circ}52'30'' N$ и долготе $20^{\circ}30'50'' W$, проходили чрез то место, на котором по карте Пурди означена мель, открытая французами в 1796 году. Однакож на 90 сажнях глубины здесь не достали

дна; поэтому и также по цвету воды капитан Беллинсгаузен заключил, что мель эта не существует, или положена неверно на карте.

Пробыв в штилевой полосе почти две недели, шлюпы получили наконец *SO* пассат в $3^{\circ} N$ широты, и 18 октября вступили в южное полушарие в долготе $22^{\circ}19' W$; отсюда взяли они курс к мысу Фрио, и 2 ноября прибыли в Рио-Жанейро.

Изготовившись к трудному плаванию в полярном море, капитан Беллинсгаузен направил путь к острову Георга. 8 декабря, будучи на параллели $45^{\circ} S$, в долготе $43^{\circ} W$, искал он острова Гранде, будто бы виденного Ларошем около этой параллели, но не нашел его; впрочем, несколько дней сряду видны были стада птиц и плавающая трава.

15-го и 16-го капитан Беллинсгаузен проходил по южную сторону острова Георга и определил близлежащая островки Валлиса и Анненкова, первый в широте $54^{\circ}4' S$, долготе $38^{\circ}22' W$, а второй, названный по имени второго лейтенанта на шлюпе «Мирный», в широте $54^{\circ}21' S$ и долготе $37^{\circ}13' W$. 20-го увидел он в первый раз лед, а через два дни, подойдя к северной оконечности Южных Сандвичевых островов, открыл небольшую группу — Маркиза де Траверсе. Продолжая плавание на юг вдоль Сандвичевого архипелага, 4 января 1820 года достиг широты $60^{\circ}25'$ в долготе $27^{\circ}58' W$, откуда за льдами принужден был обратиться к востоку.

Продолжая идти в этом направлении между льдов в надежде отыскать проход к югу, 18-го увидел сплошные неподвижные ледяные поля, простиравшиеся от востока чрез юг на запад. Пройдя еще на восток, шлюпы встретили противный ветер, при котором не было уже никакой возможности идти далее сквозь плавающие льдины. Поэтому капитан Беллинсгаузен принужден был обратиться к северу, чтобы, достигнув полосы западных ветров, снова попытаться пройти на юг (на этом переходе шлюп «Мирный» был в большой опасности, ударившись ночью о подводную льдину; вреда, однакож, не было никакого).

2 февраля капитан Беллинсгаузен обратился снова к *S*, и на следующий день в третий раз пересек южный полярный круг; однакож и в этом месте не мог проникнуть далее широты $69^{\circ}6' S$, в долготе $15^{\circ}52' O$. Мороз доходил уже до 4° по Реомюру.

Поворотив опять к северо-востоку, вскоре заметили береговых птиц, что и заставляло полагать близость земли. 12 февраля, получив западный ветер, направились к тому месту, где капитан Кук в январе 1773 года остановлен был льдами (широта $67^{\circ}15' S$, долготы $30^{\circ}35' O$). На следующий день снова появились береговья птицы; а как ближайшая известная тогда земли (острова Принца Эгмонта и земля Кергелена) находились не ближе 1 200 миль, то капитан Беллинсгаузен с достоверностью заключил о существовании близкой земли, хотя льды и не допустили его убедиться в истине своего предположе-

ния (в 1831 году капитан Биско действительно отыскал эту предполагаемую землю и назвал ее землею Эндерби).

Заметив, что положение сплошного льда почти не изменилось со времен Кука, капитан Беллинсгаузен обратился к северу. 5-го снова поворотил на восток и 24-го, находясь в 800 милях от ближайшей земли — острова Кергелена, опять видел береговых птиц.

Пройдя множество ледяных островов, иногда весьма высоких (до 350 футов), и выдержав продолжительный шторм, шлюпы достигли 8 марта долготы $89^{\circ} O$ в широте $59^{\circ} S$. Отсюда капитан Беллинсгаузен направил курс к порту Джаксону, следуя 5-ю градусами севернее пути капитана Кука; а шлюп «Мирный» шел в тоже время на 3° южнее курса капитана Фюрно. На этом, еще неизследованном тогда пространстве, капитан Беллинсгаузен полагал возможным сделать новое открытие и, между прочим, думал отыскать остров Компанейский, назначенный на Арросмитовой карте.

Выдержав трехсуточный шторм (8—10 марта), во время которого шлюп выбило из парусов и едва не выбросило на льдину, капитан Беллинсгаузен вышел из пределов льдов, а 22-го прошел чрез место острова Компанейского, не видав его. 30 марта прибыл в порт Джаксон, чрез 131 день по выходе из Рио-Жанейро. 7 апреля туда же прибыл и шлюп «Мирный», также напрасно искавший острова Компанейского. Однакож в широте $54^{\circ}44' S$ и долготе $115^{\circ}7' O$ видели с этого шлюпа береговых птиц, которая снова появились 23 марта около $49\frac{1}{2}^{\circ} S$ широты и в долготе $142^{\circ}47' O$, то есть близ предполагаемого места острова Компанейского.

Подкрепив отдыхом экипажи шлюпов и возобновив запасы свежей провизии, капитан Беллинсгаузен вышел из порта Джаксона, располагая пройти в тропики севернее Новой Зеландии, плыть потом к острову Опаро, открытому Ванкувером, а оттуда чрез Опасный архипелаг, в котором предполагал сделать подробные разыскания.

Постоянно крепкия северные ветра столько уклонили шлюпы к S , что капитан Беллинсгаузен принужден был спуститься в пролив Кука. 28 мая остановился он на несколько дней в заливе Королевы Шарлоты, а 5 июня при выходе в океан встретил жестокий шторм с градом и снегом. Продолжая следовать прежнему плану, шлюпы 28 июня подошли к острову Опаро. Крепкий восточный ветер не позволил приблизиться к берегу ближе четырех миль; однакож островитяне выезжали к шлюпу на нескольких лодках, только не могли снабдить никакими припасами, кроме немногих кореньев.

Отсюда капитан Баллинсгаузен направил курс к Опасному архипелагу, и с 5 июля в продолжении двух следующих недель открыл или осмотрел следующие коралловые группы островов: Моллера, Аракчеева, Волконского, Баркляя-де-Толли, Нигиру, Ермолова, Кутузова, Раевского, Остен-Сакена, Чичагова, Милорадовича, Витгенштейна, Елизаветы, Грейга, 3-й Паллизера.

Вся эта гряда, от группы Аракчеева до острова Крузенштерна, названа Островами Россиян.

22 июля шлюпы положили якорь в Матавейской бухте острова Отаити, чтобы налиться водою и поверить свои хронометры.

27 июля капитан Беллинсгаузен вышел в море и, следуя к северу, прошел мимо острова Маитеа; 30-го осмотрел остров Крузенштерна; открыл еще остров Лазарева, причислив его к группе Россиян. Следуя потом далее к северу до параллели $10^{\circ} S$ и по этой последней к *W*, думал он отыскать усмотренные Роггвейном острова Грёнинген и Тиёнговен.

3 августа капитан Беллинсгаузен открыл небольшой остров Восток, а через три дни другой, обитаемый остров Великого Князя Александра. Пройдя через место острова Тиёнговена (по Арросмитовой карте), направился к порту Джаксону.

На пути сюда шлюпы проходили 11 августа острова Вавао и остров Латте; последний по измерениям со шлюпа «Восток» оказался высотой в 1 320 фут при окружности около 5 миль.

Следуя далее между путями Кука и Лаперуза, капитан Беллинсгаузен открыл еще два небольшие коралловые островка: Михайлова и Симонова; а 20 августа обитаемую цепь холмистых островов Оно, длиною около семи миль. Близ этого места шлюпы едва не разбились на коралловом рифе. Отмель имела в окружности до десяти миль и названа «Берегись».

5 сентября прошли в виду острова Гоу и, выдержав потом сильный шторм, 9-го бросили якорь в порте Джаксон.

По прибытии в порт шлюпы были немедленно разоружены, что оказалось необходимым по причине многих повреждений в такелаже. Употребив на исправление этих повреждений и изготовление шлюпов к новому плаванью за полярный круг пятьдесят дней, капитан Беллинсгаузен вышел в море 31 октября.

17 ноября проходили мимо острова Маквари, у которого держались до 20-го; середина этого острова определена в широте $53^{\circ}38'40'' S$, долгота $158^{\circ}40'50'' O$.

28 ноября показались в первый раз ледяные острова (на 3° южнее против предыдущаго года) и между ними много плавающего льда. В следующие пять дней шлюпы прошли по окраинам ледяных полей на восток около 380 миль.

Декабря 2-го к вечеру, заметив признаки шторма, капитан Беллинсгаузен счел за лучшее повернуть к северу и выйти из льдов. Эта предосторожность спасла шлюпы от верной гибели. В ночь на 3-е число и в следующий день была жестокая буря со снегом и с такой пасмурностию, что в 25 саженьях ничего не было видно. Не было возможности управлять шлюпами; густой снег вместе с брызгами от воды прилипал к такелажу и парусам и, замерзая при холоде до $3^{\circ}R$, образовал на всем ледяную корку толщиной до двух дюймов.

4-го ветер стих, и шлюпы находились в широте $62^{\circ}20' S$ и долготе $178^{\circ}47' W$. 13-го пересекли в четвертый раз полярный круг. 14-го капитан Беллинсгаузен принужден был обратиться на север: сплошной лед препятствовал идти дальше к югу. Продолжая держаться по закраине льда, сперва на восток, потом на юго-восток, удалось еще раз проникнуть за полярный круг в долготу $119^{\circ}48' W$, но от этого пункта льды снова принудили плыть на север.

Следуя опять на восток при туманной и мокрой погоде, капитан Беллинсгаузен 7 января 1821 года достиг широты $69^{\circ}48' S$.

10-го показался на востоке берег, к которому льды не допускали подойти ближе 14 миль. Эта новооткрытая земля оказалась островом, до $9\frac{1}{2}$ миль длины, и названа по имени создателя Русского флота Императора Петра I. Остров весь был покрыт снегом, исключая мысов, которые чернелись издали; высота его от поверхности моря до 4 200 футов.

Продолжая плавание к *O*, 16 января в полдень шлюпы находились в широте $69^{\circ}10' S$ и долготу $77^{\circ}43' W$, когда заметили необыкновенную перемену в цвете воды (на 145 саж. не достали дна), и несколько береговых птиц. Действительно, на следующий день поутру открыт берег с высокою горою на северной его оконечности. Новооткрытая земля получила название Берег Императора Александра I. Южный предел его скрывался за горизонтом.

Отсюда капитан Беллинсгаузен направил курс к Южной Шотландии и прорезал этот архипелаг по *S* сторону, от юго-запада к северо-востоку, определяя на пути все встречавшиеся мысы и острова. Оказалось, что вся цепь простирается от *SWiW* к *NOiO* на 160 миль.

Осмотрев и определив еще несколько островов, лежащих в том же направлении отдельными группами, капитан Беллинсгаузен решил прекратить свои исследования в полярных морях. К этому побуждало его худое состояние шлюпа и наступающее зимнее время со свойственными ему бурями. Февраля 5-го взял он курс к северу, намереваясь зайти для возобновления запасов в Рио-Жанейро. На пути к этому порту снова искал он остров Гранде, но также без успеха. Следуя потом между путями Кука и Лаперуза, в конце февраля прибыл к назначенному месту.

На обратном пути в Россию капитан Беллинсгаузен заходил в Лиссабон, чтобы высадить посланника нашего двора, взятого из Бразилии. Вышедши из реки Таго 28 июля, через месяц оба шлюпа возвратились на Кронштадтский рейд, пробыв в отсутствии 751 день...

11. ШЛЮПЫ «ОТКРЫТИЕ» и «БЛАГОНАМЕРЕННЫЙ». 1819—1822

Экспедиция капитана Васильева была назначена для исследований в Северном полярном море и, особенно, для отыскания прохода чрез Берингов пролив в Атлантический океан.

Шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный», порученные в команду капитанов Васильева и Шишмарева, под главным начальством первого, снабжены были всеми запасами одинаково с отрядом, назначенным в Южное полярное море. Большая часть провизии обоих судов помещалась на «Благонамеренном», на котором, между прочим, находились и части разобранного бота, назначавшегося для описи отмельных берегов.

3 июля 1819 года отряд капитана Васильева вышел из Кронштадта. Следуя вместе со шлюпами «Восток» и «Мирный», заходили они в Копенгаген и Портсмут, из которого капитан Васильев отправился 30 августа. Через десять дней прошел он параллель Гибралтара, а 20 сентября немного севернее тропика получил *NO* пассат, который иногда отходил до *OSO* и вообще дул неровно. Пробыв почти две недели в полосе переменных ветров, продолжал он плавание к берегам Бразилии, сперва с *SO* пассатом, а потом с прибрежным *NO*, и 1 ноября бросил якорь в Рио-Жанейро. На другой день прибыл туда и отряд капитана Беллинсгаузена.

Через три недели капитан Васильев последовал далее, направляясь к мысу Доброй Надежды. Пользуясь крепкими западными ветрами, прошел он меридиан этого мыса 24 декабря в расстоянии 12 миль.

Отсюда шлюпы продолжали плавание с теми же *W* и *NW* ветрами к порту Джаксону, куда прибыли в половине февраля следующего 1820 года.

Освежив команды и сделав новые запасы провизии и воды, отсюда вышли в половине марта, и 23 апреля перешли экватор в долготе $172^{\circ} O$. На этом переходе со шлюпа «Благонамеренный» открыли группу из шестнадцати лесистых обитаемых островов, названную именем этого судна (впоследствии оказалось, что эта группа та же, что и острова «Пейетер», незадолго пред тем открытые).

13 мая капитан Васильев отрядил шлюп «Благонамеренный» на остров Уналашку за толмачами для северных американцев, назначив ему местом соединения зунд Коцебу. 4 июня капитан Васильев прибыл в Петропавловский порт, а 3-го капитан Шишмарев — на Уналашку.

В конце июня капитан Васильев вышел из Петропавловского порта. 14 июля прошел Берингов пролив в виду американского берега, а 16-го прибыл в зунд Коцебу и соединился со шлюпом «Благонамеренный», который прибыл туда пятью днями прежде. Не получив на Уналашке толмачей, капитан Шишмарев взял там четыре байдары с гребцами. На пути к зунду Коцебу проходил он чрез то самое место, где по карте назначен остров Ратманова (открытый капитаном Коцебу в первое его путешествие), однакож его не видел, хотя доходил потом до самого восточного мыса Азии.

18 июля капитан Васильев с обоими шлюпами вышел в море. Следуя вдоль американского берега к северу, 29-го достиг он широты $71^{\circ}6' N$, долготы $166^{\circ}8' W$ и встретил здесь льды. Хотя он и не считал эти льды сплошными, но, не имея при себе хорошаго барказа или другаго небольшого судна

для исследований на малых глубинах прибрежья и стесняемый туманами, решил возвратиться.

31 июля взяли курс к югу. Зайдя к острову Св. Лаврентия и поручив окончание съемки его берегов капитану Шишмареву, капитан Васильев пошел отсюда к берегам Америки, от которых, однакож, скоро возвратился по причине уменьшения глубины моря. 19 августа прибыл он на остров Уналашку, осмотрев на пути острова Павла и Георгия. Чрез три дня пришел туда и шлюп «Благонамеренный».

Этим ограничивалась первая попытка плавания в Полярном море. Убедившись в необходимости иметь при отряде малое парусное судно, капитан Васильев отправился в Ново-Архангельск, где он считал удобным собрать бот из членов, имевшихся на «Благонамеренном», и где потом надеялся получить толмачей для сношения с жителями полярных берегов Америки. В половине сентября оба шлюпа прибыли в Ситху.

Поручив лейтенанту Игнатьеву построение бота, капитан Васильев 27 октября с отрядом своим отправился в порт С.-Франциско. Здесь он прозимовал, и в половине февраля (1821 года) вышел в море, чтобы на островах Сандвичевых заготовить свежую провизию. На пути к этому архипелагу капитан Васильев, как и многие другие, напрасно искал острова Maria Laxara, назначаемого на картах Арросмита.

Простояв в гавани Гонолулу с 25 марта по 7 апреля, оба шлюпа отправились в Ново-Архангельск и, прибыв туда около половины мая, нашли бот совершенно уже готовым (размерения этого бота не показаны, но по журналу видно, что он углублялся около 4 футов и потому, вероятно, был не более 40 или 45 футов) и толмачей приисканными. 30-го того же месяца, взяв с собою и новопостроенный бот, капитан Васильев отправился в море.

12 июня прибыли на остров Уналашку. На этом переходе, между прочим, оказалось, что бот не в состоянии держаться со шлюпами, почему «Открытие» принужден был иметь его у себя на буксире.

По краткости остававшагося времени для плавания в Полярном море, капитан Васильев почел за лучшее отделить шлюп «Благонамеренный», поручив капитану Шишмареву исследование берегов Азии к северу от Берингова пролива и отыскание там прохода в Атлантический океан, или, в случае неудачи, опись Чукотской земли; а сам хотел описать берег между Бристольскою губою и Нортоновым заливом, потом идти на север вдоль берегов Америки и искать с этой стороны севернаго прохода. Бот остался при капитане Васильеве.

26 июня отряд вышел из Уналашки, и шлюпы отправились каждый по своему назначению.

Повторив еще раз определение островов Павла и Георга, капитан Васильев поручил лейтенанту Авинову, командовавшему ботом, снять берег между

мысами Невенгамом и Дерби, и не найдя там бота, отправился далее. 31-го увидел мыс Лизбурн.

Следуя вдоль берега с туманом и переменными ветрами, 3 августа достиг он широты $70^{\circ}40' N$ в долготе $161^{\circ}27' W$ и здесь опять встретил сплошной лед от W через N до NO . Желая осмотреть ледяной мыс, спустился он ниже и 4 августа определил его в широте $70^{\circ}33' N$. Выдержав потом жестокий шторм, в продолжении которого шлюп едва не раздавило окружавшим его льдом, капитан Васильев направился к югу и 9-го вышел из Ледовитого моря, миновав мыс Лизбурн.

Отсюда заходил он еще раз к мысу Дерби и к острову Стюарта, где узнал от жителей, что они никакого судна не видели, и направил путь в Камчатку. 8 сентября прибыл в Петропавловский порт. Тут нашел он и бот лейтенанта Авинова, который в продолжении этого времени описал часть берега от мыса Невенгама к северу, но был принужден прекратить работы прежде окончания их по той причине, что в команде его стала показываться цынга, притом и самый бот имел дурные качества.

Между тем капитан Шишмарев, следуя от Уналашки к северу, 4 июня увидел неизвестный до того берег, котораго, однакож, по малой глубине не мог осмотреть подробнее (впоследствии оказалось, что это был мыс Румянцева, лежащий при входе с юга в Нортонов залив). Описав северный берег острова Св. Лаврентия, капитан Шишмарев заходил в залив того же имени на материке, а потом продолжал плавание близ берегов Азии. Часто встречая льды и противные ветра, 21 июля спустился он к американскому берегу и положил якорь близ мыса Мульграва. Сделав здесь запас дров из выкиднаго леса, на другой же день снова пустился он к берегам Азии, но льды опять не допустили его туда и заставили обратиться на север. Августа 1-го шлюп находился в широте $70^{\circ}13' N$, а 4-го увидели мыс Сердце-Камень. Встречая постоянныя препятствия ото льда, бурь и противных ветров, капитан Шишмарев решился идти отсюда в Мечигменский залив, в котором надеялся подкрепить команду свежими запасами.

Получив в этом месте от Чукчей все нужное, в половине августа перешел он к острову Св. Лаврентия для окончания съемки его севернаго берега, а оттуда направил курс в Камчатку и 21 сентября прибыл в Петропавловский порт, определив на пути остров Св. Матфея, открытый лейтенантом Синдом.

Соединивши здесь отряд свой, капитан Васильев стал готовиться в обратный путь и в половине октября вышел в море, намереваясь следовать вокруг мыса Горна. Через три дня по выходе, во время тумана, шлюпы разлучились, и «Открытие» пошел к острову Овайги — месту условленного рандеву. Сопутствуемый до $30^{\circ} N$ широты крепкими северными ветрами, прибыл он в гавань Гонулулу 27 ноября и нашел тут шлюп «Благонамеренный», прибывший тремя днями ранее.

20 декабря шлюпы отправились отсюда и, пройдя без особенных приключений жарким поясом, в половине февраля достигли широты $57^{\circ} S$ в долготе $281^{\circ} O$. Здесь выдержали они четырехдневный шторм от *SW*, сопровождаемый мрачностью и снегом.

Пройдя меридиан мыса Горна 18-го числа, стали держать к северу и в половине марта прибыли в Рио-Жанейро.

Кончив к 5 мая все неизбежные после длинного перехода поправки в такелаже и корпусе шлюпов и сделав новые запасы воды и провизии, отправились далее. 19 мая вошли в полосу пассата и ровно через месяц после того вышли из пределов *NO*. В начале июля отряд прошел Британским каналом и, остановившись на пять дней в Копенгагене, 2 августа 1822 года прибыл в Кронштадт.

Этой экспедиции мы обязаны исследованием значительной части берегов Америки, именно от мыса Невенгама до Нортонова залива, весь этот обширный залив, и потом от мыса Лизбурна до мыса Ледяного (замечательно, что съемка берега между мысами Лизбурном и Ледяным, сделанная капитаном Васильевым, совершенно сходствует со съемкою, произведенною там же со шлюпа «Блюссом» капитаном Бичи); также некоторой части берегов Азии, до мыса Сердце-Камень. Главнейшая же цель — северный проход — разумеется, и не могла быть достигнута.

12. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «БОРОДИНО». 1819—1821

Лейтенант Понафидин уже в другой раз отправился в Ситху, начальствуя теперь большим компанейским судном «Бородино» (около 600 тонн), нагруженным большею частию железом в деле, морскими припасами и такелажем, всего на сумму 800 000 руб. ассигнациями. Инструкциею главного правления Российско-Американской компании ему предписывалось: зайдя в Рио-Жанейро, продать там часть груза, потом следовать вокруг мыса Доброй Надежды в Манилу и от нея в Ново-Архангельск.

Снявшись из Кронштадта 29 сентября 1819 года, лейтенант Понафидин заходил в Копенгаген и Гельсинор, из последнего вышел 6 октября и, пройдя Английским каналом, направился в Рио-Жанейро.

Продолжая плавание с хорошим *NW* ветром, лейтенант Понафидин пересек тропик в $25^{\circ} W$ долготы и, вступив в южное полушарие в долготе $24^{\circ} 17' W$, следовал с *SO* пассатом до параллели $15\frac{1}{2}^{\circ} S$, около которой получил прибрежный умеренный муссон *NO—NNW*. 11 декабря прибыл в Рио-Жанейро.

Простояв на этом рейде по торговым делам и для разных исправлений в рангоуте до 7 февраля следующего года, лейтенант Понафидин взял отсюда курс к мысу Доброй Надежды. 13 февраля в широте $29^{\circ} S$ и долготе $41^{\circ} W$

оставил его доселе сопровождавший прибрежный муссон и заменился переменными, более юго-западными ветрами. 4 марта при осмотре брот-камеры оказалось, что она наполнена водою, и находящиеся в ней сухари подмочены; их выбросили за борт, и повреждение, оказавшееся около форштевня, по возможности, исправили. (Вообще замечательна постоянно-большая течь в этом корабле: воды редко бывало меньше 20 дюймов. Не это ли было причиною большой смертности экипажа?)

Чрез четыре дни после этого перешли Гринвичский меридиан, а 14-го числа, обойдя мыс Доброй Надежды, следовали Индийским океаном между параллелями 38° и 39° S с крепкими западными ветрами, по 27 марта, до долготы 56° O, откуда взяли курс к Зондскому проливу. 24 апреля на самом тропике получили SO пассат и 6 мая увидели берег острова Явы.

С 10 по 22 мая лейтенант Понафидин стоял близ голландскаго селения Анжер (на южном берегу Явы) за штилями, которые, перемежаясь с юго-западным ветром, провожали его потом до самой Маниллы; погода была сырая и дождливая. Такое состояние погоды при значительных жарах осталось не без влияния на здоровье людей, и по приходе в Маниллу (31 июля) число больных простиралось до 20 человек. Впрочем, большая часть их скоро оправилась на берегу. На этом переходе потеряли они доктора, который одним из первых сделался жертвою болезни. Вместо него нанят в Манилле доктор Платен, француз.

Оставив Маниллу 3 августа, лейтенант Понафидин 19-го перешел тропик, а 27-го открыл два небольшие острова, названные по имени корабля «Островами Бородино». 24-го увидели небольшой каменистый островок, который приняли сперва за остров Тадос-Сантос, однакож по значительной разности в положении сочли его за новое открытие. В Атласе южнаго моря адмирала Крузенштерна этот островок означен под именем острова Понафидина (этот же остров в следующем году видел лейтенант Повалишин на пути из Маниллы в Камчатку и, не зная об открытии лейтенанта Понафидина, назвал его «остров Св. Петра»).

Отсюда лейтенант Понафидин направился прямо к Ситхе и, продолжая плавание с переменною погодою и непостоянными ветрами, 14 сентября пересек полуночный Гринвичский меридиан. 1 октября был уже в виду горы Эджком, находящейся при входе в Ситхинский залив, но восточные штормы и пасмурность продержали корабль в виду Ситхи еще десять дней. Наконец, 11 октября вошел он в Ситхинскую гавань, чрез 69 дней по выходе из Маниллы. Число больных на этом переходе доходило до двадцати человек, из них пять умерло. На здешнем рейде стояли шлюпы «Открытие» и «Благонамеренный».

Сдача привезеннаго груза и прием новаго, состоявшаго из пушных товаров, продлили пребывание лейтенанта Понафидина в Ново-Архангельске до января следующаго 1821 года. Он вышел в море 29-го этого месяца, имея

пассажирами лейтенанта де-Ливрона и 21 человека разного звания. Больных на корабле при самом выходе его в море было уже 25 человек.

Направляясь к мысу Горну, лейтенант Понафидин вступил в жаркий пояс 25 февраля и тотчас же получил *NO* пассат, сопровождавший его до $5\frac{1}{2}^{\circ}$ *N* широты. В следующие за тем 12 дней (5—17 марта) стояли обыкновенные в этом пространстве штили со шквалами и дождем. *SO* пассат дул довольно правильно до самого тропика, близ которого стал переходить к востоку.

По 14-е апреля до широты 40° *S* плыли с умеренным *W* ветром при довольно хорошей погоде; но с этого дня начались бури от запада с постоянною мокротою, преследовавшая до самого мыса Горна и далее в Атлантическом океане. Это был самый несчастный период плавания. Число больных, увеличиваясь с каждым днем, возросло, наконец, до 45 человек (около половины экипажа), и многие из них померли (по словам очевидца, г. Кашеварова, болезнь эта обнаруживалась с некоторыми признаками холеры). Около Фалклендских островов (1 мая), обойденных по восточную сторону, ветер хотя и смягчился, но зато пошел к северу, следовательно, прямо напротив дальнейшего пути, и только чрез три недели (22 мая) достигли Рио-Жанейро.

Переход корабля из Рио-Жанейро в Европу был гораздо счастливее; при этом и здоровье экипажа двухмесячным пребыванием здесь было совершенно восстановлено. Чрез месяц по выходе из Бразилии, лейтенант Понафидин достиг уже 30° *N* широты и здесь получил крепкий западный ветер, с которым 28 августа прошел канал и потом Немецкое море; простояв пять дней в Копенгагене, 16 сентября 1821 года прибыл на Кронштадтский рейд.

13. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «КУТУЗОВ». 1820—1822

Корабль «Кутузов» под командою лейтенанта Дохтурова отправился из Кронштадта 8 сентября 1820 года с грузом и пассажирами в Компанейския колонии. Остановившись на несколько дней в Ревеле, лейтенант Дохтуров 16-го последовал далее, но близ Пакерорта столкнулся с купеческим бригом, который оборвал у него все якоря и верпы на правой стороне, и потому корабль был принужден еще две недели простоять в Копенгагене.

12 октября лейтенант Дохтуров вышел из Зунда и, пройдя Немецкое море с северо-западными и западными умеренными ветрами, 28-го вступил в океан. 6 ноября миновали в 200 милях остров Тенериф и взяли курс к экватору, который пересекли 21 числа в $26\frac{3}{4}^{\circ}$ *W* долготы. 6 декабря прибыли в Рио-Жанейро.

По выходе отсюда в исходе января направились к мысу Горну и, пользуясь попутным муссоном, 9 февраля достигли широты 37° *S*, в долготе $50\frac{1}{2}^{\circ}$ *W*. В продолжение следующих шести недель стояли *SW* и *NW* ветры, до мыса крепкие, а по обходе его тихие и умеренные. 24-го и 25-го февраля близ мыса

Св. Жуана замечено весьма значительное течение на север (от $1\frac{1}{2}$ до 3 миль в час) при крепком *SW* ветре.

Получив в 33° *S* широты прибрежный южный ветер, следовали к северу, и 30 марта миновали в 15 милях западнее остров Массафуэро (острова Жуан-Фернандец). 11 апреля остановились на якоре в порте Каллао для торговых дел и некоторых исправлений по кораблю. Отсюда отправились в исходе апреля и, следуя к западу, 30-го перешли меридиан острова Чарльса в широте $8^{\circ}14' S$, а 7 мая вступили в северное полушарие, чрез $5\frac{1}{2}$ месяцев после первого перехода чрез экватор. 23 мая миновали в 25 милях остров Нубладу и чрез неделю вышли из тропиков. *NO* ветер принудил держать на северо-запад до широты $36^{\circ} N$, долготы $140^{\circ} W$, откуда обратились к берегам Калифорнии.

27 июня прибыли в залив графа Румянцова; потом перешли в Монтерей, где взамен части проданного груза получили провизию, и к концу сентября снова возвратились в залив Румянцова. По выгрузке вещей, назначенных в селение Росс, продолжали плавание в Ситху, куда прибыли 23 октября — почти через год по выходе из Кронштадта.

В исходе января следующего 1822 года лейтенант Дохтуров отправился обратно в Россию с грузом пушных товаров на сумму около 1 100 000 руб. ассигнациями. Следовали тоже вокруг мыса Горн. 5 февраля, находясь в широте $46\frac{1}{2}^{\circ} N$, долготы $139^{\circ}40' W$ выдержали шторм, а потом до самого *NO* пассата плыли с тихим *W* ветром. Перейдя экватор 19 марта, держали к юго-западу, и 2 апреля, выйдя из пределов *SO* пассата, поворотили на юго-восток, к мысу Горну, сопутствуемые крепким западным ветром и сырою погодою. Мыс обошли 3 мая. Чрез неделю миновали параллель Фалкландских островов, а 21-го находились уже в 100 милях от устья реки Ла-Платы, и 2 июня прибыли в Рио-Жанейро. Здесь простояли около месяца. На переходе в Россию заходили для взятия лоцмана в Портсмут, и 21 октября прибыли в Кронштадт.

14. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ БРИГ «РЮРИК» И КОРАБЛЬ «ЕЛИСАВЕТА». 1821—1822

В 1821 году Российско-Американская компания отправила в свои колонии два корабля: «Рюрик» в 180 тонн под командою штурмана 12-го класса Ключкова (он же начальник обоих судов) и «Елисавета» в 220 тонн под командою штурмана 14-го класса Кислаковского (бриг «Рюрик» — тот самый, на котором капитан Коцебу ходил в Берингов пролив, «Елисавета» — куплена в Кронштадте у купца Мураша. Половина экипажей этих судов состояла из наемных иностранцев). Им назначалось следовать вокруг мыса Горна к Сандвичевым островам и оттуда: бригу «Рюрик» на остров Атху (Алеутской гряды), потом в Ново-Архангельск, и по сдаче там груза, приняв пушные товары

и военную команду с корабля «Елисавета», идти обратно в Кронштадт вокруг мыса Доброй Надежды. Кораблю же «Елисавета» от Сандвичевых островов следовать прямо в Ново-Архангельск и остаться на службе в колониях.

13 сентября 1821 года оба судна вышли из Кронштадта, а 30-го прибыли в Гельсинор, встретив в Балтийском море довольно крепкие противные ветра. Простояв в Гельсиноре до 10 октября, более за противным ветром, при выходе из Скагеррака встретили крепкий *SW*, и г. Клочков, не имея надобности заходить в Англию, предпочел держать свой курс между Шетландскими и Оркадскими островами. 19 октября, пройдя между этими островами, корабли достигли широты $60^{\circ} N$, в долготе $3^{\circ}30' W$ и стали спускаться к юго-западу. С 22 по 26 октября выдержали они жестокий *NO* шторм, в продолжение которого г. Клочков потерял корабль «Елисавета» из виду.

Далее он следовал с крепкими *SW* ветрами до 4 ноября, до широты $50^{\circ} N$, когда получил ровный *NO* и потом *O*, вскоре перешедший в настоящий пассат, с которым 12-го числа прошел он в виду Азорских островов (св. Михаила и Марии), 20-го пересек тропик Рака, а 26 ноября бросил якорь в Порто-Прайя на острове С.-Яго. На другой день, 27-го, прибыл сюда и корабль «Елисавета», который, по донесению командира, во время шторма 22 октября подвергался большой опасности. Имея только фок на гитовых, он был положен на бок до того, что весь подветренный борт находился в воде, и в таком положении оставался целые $1\frac{1}{2}$ часа, пока не обрезали фока. До того неустойчив был этот корабль, что и в небольшой ветр (свежий брамсельный) при косвенных курсах одна палубная доска покрывалась водою, хотя корабль был загружен по вант-путины.

2 декабря оба судна вышли в море и, сопутствуемые крепким *NO* пассатом, 12-го достигли $3^{\circ} N$ широты в долготе $19^{\circ} W$. Здесь северо-восточный ветр заменился самым тихим *SO*, с которым пересекли экватор 16 декабря в долготе $23^{\circ}20' W$. 25 декабря *SO* пассат перешел в *ONO*, и этот ветр сопровождал до самого Бразильского берега, который открылся 1 января 1822 года. 3-го числа прибыли в Рио-Жанейро.

Возобновив здесь свои запасы и наняв для корабля «Елисавета» еще десять человек команды (до Валпарайзо), оставили Бразилию 28 января и последовали к мысу Горну с крепкими ветрами от юго-запада. 7 февраля миновали в 230 милях устье реки Ла-Платы, а 9-го находились в широте $39^{\circ}40' S$, долготе $46^{\circ}20' W$. В этот день корабль «Елисавета» сообщил телеграфом, что у него оказалась большая течь (от 7 до 9 дюйм в час), происходящая от разошедшихся шпаций в подводной части. Надлежало бы укрыться для исправлений в ближайший порт, но как ветр стоял противный к берегу, и притом ближайшия гавани были не совсем удобны для исправлений, то начальник отряда решил идти прямо на мыс Доброй Надежды, держась, впрочем, на всякий случай, ближе к островам Тристан д'Акунга.

При западных ветрах, большею частью крепких, с пасмурностию, прошли в виду этих островов в исходе февраля, а в Симонс-бай прибыли только 17 марта, после 46-дневного бурного перехода из Рио-Жанейро.

Для починки корабля «Елисавета» понадобилось продать часть его груза и самый корабль разоружить. Все это было исправлено к началу мая, и 7-го числа этого месяца «Рюрик» и «Елисавета» отправились в море, предполагая следовать Индийским океаном вокруг Австралии. Но едва они оставили берег, как на корвете «Елисавета» открылась такая сильная течь, что к утру 8-го числа все помпы едва могли удерживать воду на 15-ти дюймах. При осмотре корабля оказалось, что подводная часть его крепка, «но во всей вообще *надводной* части, особенно в носовой, почти во всякий болт текла вода, даже за внутреннюю обшивку... а в четырех болтах носовой части вода уже не только проходила, *но текла ручьями*» (подлинное донесение г. Кислаковского начальнику отряда от 9 мая 1822 года). Кроме того, вообще все верхнее скрепление корабля разслабло, и несколько бимсов и книц дали движение. Принимая в соображение дальность перехода до порта Джаксона и господствующие в то время года крепкие ветра, г. Кислаковский на общем совете со своими помощниками решили, что кораблю невозможно долее держаться в море, и командир его просил г. Клочкова проводить его обратно до мыса Доброй Надежды. 9 мая оба корабля снова прибыли в Симонс-бай, и здесь при подробном осмотре корабля «Елисавета» оказалось, что он совершенно не годен к дальнейшему плаванию. Поэтому в июне того же года он был продан с аукциона. Военные матросы были переведены на «Рюрик», а вольнонаемные распушены. Кислаковский с двумя его помощниками возвратился через Амстердам в С.-Петербург в ноябре 1822 года.

Г. Клочков с бригам «Рюрик» оставил мыс Доброй Надежды 22 мая и направился сперва к югу, чтобы пройти Игольную банку и потом следовать по параллели $42^{\circ} S$, удаляясь от меридиана Мозамбикского канала, где часто случаются ураганы. Сопутствуемый западными штормами, 6 июня достиг он широты $42^{\circ} S$ и продолжал плавание с теми же *W* и *NW* ветрами, часто весьма крепкими, почти всегда с градом и грозой. 3 июля, через 43 дни по выходе от мыса, увидели южный мыс Вандименовой земли. В этот же день открыли наружную каменную банку, определенную в широте $43^{\circ} S$, долготе $147^{\circ}42\frac{1}{2}' O$ от Гринвича (в Атласе южного моря адмирала Крузенштерна банка эта или риф длиною в 300 сажений означена под именем банки Рюрика). Остальная часть перехода до порта Джаксона, куда прибыли 15 июля, совершена с тихими и умеренными переменными ветрами.

Сделав здесь необходимыя исправления в корпусе и вооружении брига, г. Клочков вышел отсюда в начале августа и, принимая в соображение позднее время года, решил идти прямо в Ново-Архангельск, не заходя на остров Атху. Имея постоянные северные ветра, 24-го прошли в виду острова

Воскресения (?) (около широты 29° S), и в тот же день получили юго-восточный пассат от SSO. 27-го прорезали южный тропик в долготе 192° O, и с ровным пассатом при ясной погоде 9-го сентября пересекли экватор. С этого дня и до 20-го числа стояли маловетрия и тихие переменные ветра, а 20-го получили свежий NO пассат со шквалами и дождем. 27 сентября пересекли северный тропик. 17 октября выдержали крепкий SW шторм, а потом имели переменные свежие ветра из SW и SO четвертей с мокрою погодою. 28 октября открылись Ситхинския горы, но противные шторма задержали в море еще до 7 ноября. В этот день прибыли в Ново-Архангельск, сделав последний переход в 95 дней; все же плавание брига из Кронштадта продолжалось 14 месяцев.

По распоряжению главного правителя колоний бриг «Рюрик» оставлен был на службе в колониях, а капитан Клочков на компанейской шхуне «Чириков» отправился в Охотск, откуда возвратился потом берегом в С.-Петербург в ноябре 1823 года.

15. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «АПОЛЛОН». 1821—1824

В начале 1821 года были снаряжен в Кронштадте 28-пушечный шлюп «Аполлон» и бриг «Аякс» для доставки в Камчатку и Ново-Архангельск разного груза. Первому из этих судов по приходе его в колонии назначалось занять крейсерство у берегов Русской Америки с целию покровительства нашей торговли и прекращения контрабанды. Начальство над этим отрядом было поручено командиру шлюпа «Аполлон» капитану 1-го ранга Тулубьеву; бригам «Аякс» командовал лейтенант Филатов.

С Кронштадтского рейда снялись 28 сентября, 1 октября вошли в Балтийское море, 12-го прибыли в Зунд, и остановились в Гельсиноре. Дополнив здесь запасы провизии и воды, следовали далее. В Скагерраке и Немецком море выдержали восьмидневный W шторм, во время которого бриг скрылся из виду — и, как мы увидим далее, потерпел крушение. 7 ноября капитан Тулубьев укрылся от шторма на Даунском рейде и, простояв там до 17-го числа, перешел в Портсмут.

Заметив, что шлюп имеет весьма недостаточную остойчивость, капитан Тулубьев почел необходимым уменьшить рангоут и, перегрузя трюм, прибавить в него до 80 тонн балласту. Все эти работы при помощи адмиралтейства были кончены к концу декабря, и 27-го шлюп отправился в море.

Сопровождаемый хорошим попутным ветром, капитан Тулубьев к 4 января 1822 года достиг острова Порто-Санто и 10-го того же месяца на самом тропике получил NO пассат, продолжавшийся до 19-го. С этого числа пассат заменился штилями, сопровождавшими шлюп до перехода чрез экватор. 12 февраля прибыли в Рио-Жанейро. Сделав здесь запас воды и свежей про-

визии, в море вышли в начале марта и взяли курс к мысу Доброй Надежды, ибо позднее время не позволяло идти вокруг мыса Горна.

31 марта командир шлюпа, уже давно страдавший чахоткою, усилившеюся от перемены климата, скончался, и команду над шлюпом принял старший по капитане, лейтенант Хрущев.

Плавание от Рио-Жанейро до мыса Доброй Надежды и потом к порту Джаксон было довольно успешно. Следуя между параллелями 42° и 44° *S*, при свежих западных ветрах, лейтенант Хрущев 13 мая перешел меридиан южного мыса Вандименовой земли и 27-го прибыл в порт Джаксон, чрез 87 дней после отплытия из Бразилии.

Из порта Джаксона вышли около половины июня. На этом пути лейтенант Хрущев определил положение камня Балль, лежащего близ островов Лорда Гоу. 25 июня перешли южный тропик и на другой день находились вблизи острова Вальполя которого, однакож, не видали. Потом осмотрели еще острова Митры и Черри, определив *SO*-ю оконечность первого и *N*-ю второго. У островитян с Черри выменяли несколько съестных припасов и здесь узнали, что туземное имя острова есть «Аннута». Находясь пять дней в полосе между пассатами и подвергаясь в это время почти непрерывному дождю, северо-восточный пассат встретили только 19 июля; и то еще чрез два дни близ параллели острова Св. Варфоломея (широта 15° *N*), и потом между параллелями 18° и 20° *N* в долготе 160° пассат этот дул весьма непостоянно, и даже переходил в *SO* четверть. Снова установившись, он сопровождал шлюп до 36° *N* широты. 3 августа замечены некоторые признаки земли. В это время шлюп находился от пересечения путей Клерка и Крузенштерна на 45 миль к западу. Между тем наступили туманы, сопровождавшие шлюп до самой Камчатки, куда прибыли 13 августа.

Сдав привезенный для порта груз, лейтенант Хрущев отправился для занятия своего поста в колониях и 10 октября бросил якорь в Ново-Архангельской гавани.

Следующую зиму провел в порте С.-Франциско. Недостаток в съестных припасах и плохое состояние здоровья команды не позволяли оставаться на это время в Ситхе. Сюда возвратились в начале апреля 1823 года, и потом до сентября крейсировали по окрестным проливам для поисков за контрабандистами.

3 сентября шлюп этот был сменен на его станции при колониях фрегатом «Крейсер» под командою капитана Лазарева, и командир шлюпа получил предписание идти в обратный путь вместе с пришедшим тогда же и находившимся в Калифорнии шлюпом «Ладога». Поэтому лейтенант Хрущев отправился в порт С.-Франциско.

Об остальном плавании шлюпа «Аполлон» смотрите плавание шлюпа «Ладога»...

16. ВОЕННЫЙ БРИГ «АЯКС». 1821—1822

Выше было сказано, что бриг «Аякс» вместе со шлюпом «Аполлон» вышли из Гельсинора 15 октября. До 30 октября следовали соединенно при крепких северо-западных ветрах, а в этот день пасмурность и шторм разлучили суда. Бриг находился тогда в 200 милях к *N* от Зюйд-Форланда. 12 ноября подошел он на вид Кале, но за крепким противным ветром не мог войти в канал. Безпрестанные *SW* шторма отнесли его далеко к востоку, и 25 ноября бриг стало прижимать к голландскому берегу. В 7 часов вечера этого дня он стал на песчаную банку близ острова Амеланда, в проливе между этим островом и островом Ширмоник-ог.

Несмотря на брошенный якорь, бриг дрейфовало дальше на банку, пока он не остановился, наконец, от убыли воды. Тогда его стало сильно бить о грунт. В 9 часов вечера на безпрестанно делаемья выстрелы показались от берега до двенадцати парусных судов: четыре из них подошли довольно близко к бригу, и с брига спустили шестерку, но течением унесло ее под нос и залило бурунами. Бывшие на этой шлюпке два человека спасены. Вслед за тем спустили баркас с перлинем, но едва вскочили туда трое матросов, как баркас также утащило под нос и понесло далее. Гребных судов более не оставалось, кроме полуразбитой четырехвесельной гички, и потому подать помощь барказу было нечем. Между тем парусные бота лавировали около брига до 11 часов вечера, а после того ушли к берегу.

Опасаясь, чтобы ночью бриг не разбило бурунами, начали готовить плот из ростер, а для облегчения ударов срубили фок-мачту, которая увлекла за собою и грот-стенгю. Воды было до двух футов, и ее безпрестанно откачивали. В 6^{1/2} часов утра плот был готов, а на разсвете увидели близ острова Ширмоник-ог на мели три купеческия судна. В 7 часов утра два из прежних ботов подошли к бригу, и на один из них успели перескочить с концом пятеро матросов и унтер-офицер; но как на этом боте сломалась бизань-мачта, зацепившаяся за бригаский гик, то он отошел прочь. Другой бот требовал шлюпки, потому что своей не имел, а приставать не решался. Спустили было полуразбитую четверку с концом, но она тотчас же наполнилась водою и затонула; однакож матрос, бывший на этой шлюпке, успел выскочить на бот. Сделав около брига еще несколько галсов, бот этот также отошел прочь.

В 9 часов утра, опасаясь, чтобы при отливе бриг не повалило на бок, срубили и грот-мачту; вслед за тем от ударов вышибло руль, который, оторвавшись от руль-талей, тотчас же затонул.

Около полудни бот, на котором были матросы с брига, снова подошел к месту крушения, и тогда с помощью конца успели передать на него кабельтов.

«Бриг не переставало сильно бить об мель, — сказано в шканечном журнале, из котораго извлечен этот рассказ, — и при безпрестанном выкачива-

нии вода не уменьшалась, а больше увеличивалась; время же клонилось к вечеру. Почему, опасаясь разрушения брига и подвержения бедствию команды, мы просили людей на боте (которых было до двадцати человек, по-видимому, рыбаков) чрез имевшагося у нас датскаго лоцмана пригласить более ботов, дабы снять тяжести и казенныя имущества и остаться при бригае во всю следующую ночь. На просьбу нашу рыбаки отвечали, что остаться долгое время не могут, да и за спасение команды должно им заплатить. На что мы отвечали, что правительство заплатит, но они не верили, требуя платы за людей. В это же время, будучи в таком опасном положении — оставаться на ночь на бригае — и желая убедить их, что мы имеем деньги, передали из капитанской каюты анкерок запечатанный, в котором находятся деньги, приказав за оными смотреть унтер-офицеру, с находящимися там людьми; но рыбаки, не допустя их, с угрозами взяли деньги под свое сохранение.

В тоже время, с общаго согласия командира с офицерами, команда стала переправляться на бот, имея намерение, если ветер стихнет и не будет волнения, а бриг останется к утру в целости, то с береговою помощию и местнаго начальства приступить к снятию его с мели.

В половине 3-го часа пополудни, по переходе офицеров, и последний анкерок взяли, с которым также поступлено, как и с первым; тогда по сделанным знакам рыбаками еще три бота пришли к бригу».

Несмотря на просьбы, рыбаки не согласились остаться у брига на ночь, «почему, — сказано в журнале, — мы принужденными нашлись, с общаго согласия командира с офицерами, с великим огорчением оставить бриг».

Впоследствии бриг «Аякс» был снят с мели лоцманами и для починки переведен в Гарлинхен, откуда вышел, уже исправленный, 3 сентября 1822. В Кронштадт возвратился 3 октября.

17. ФРЕГАТ «КРЕЙСЕР» И ШЛЮП «ЛАДОГА». 1822—1825

36-пушечный фрегат «Крейсер» и 20-пушечный шлюп «Ладога» были назначены для доставки груза в Камчатку и колонии Российско-Американской компании. Первым из этих судов командовал капитан 2-го ранга М. П. Лазарев 1-й, а вторым — капитан-лейтенант А. П. Лазарев 2-й. Оба судна были снабжены провизиею на 18 месяцев. На шлюпе «Ладога» сверх обыкновеннаго запаснаго рангоута был еще нижней рей (из двух штук) и разобранный запасной руль.

17 августа 1822 года «Крейсер» и «Ладога» вышли из Кронштадта, а 5 сентября остановились на Копенгагенском рейде, имея на переходе Балтийским морем противные и крепкие ветра. В Копенгагене запаслись вином и 16 сентября вступили под паруса. 19-го числа при выходе из Скагеррака суда разлучились: «Крейсер» пришел в Портсмут 30 сентября, а «Ладога», выдержав-

ший близ Галлопера *SW* шторм, от которого повредился лонго-салинг фок-мачты, пришел туда 6 октября.

Сделав некоторые перемены в рангоуте и такелаже и закупив в Лондоне астрономические инструменты и карты, капитан Лазарев намерен был отправиться далее не позже 5 ноября; однакож ветра задержали его в Портсмуте до 28-го числа этого месяца. Впрочем, эта задержка вознаградилась успешным плаванием к острову Тенерифу: 10 декабря, чрез 11 дней после выхода из канала, «Крейсер» и «Ладога» стояли уже на С.-Круцком рейде.

Снабдив отряд свой водою и всем необходимым, капитан Лазарев вышел отсюда 17 декабря и стал держать в Рио-Жанейро. В продолжение всего этого перехода имели постоянно ясную погоду; только близ экватора шли иногда дожди.

В Рио-Жанейро суда запаслись сарачинскою крупкою, сахаром и прочим и снова перегрузили трюмы, заменив израсходованную провизию равным по весу количеством каменного балласта.

Не надеясь по позднему времени обогнуть мыс Горн, капитан Лазарев счел за лучшее следовать в Великий океан вокруг мыса Доброй Надежды и Австралии.

23 февраля 1823 года «Крейсер» и «Ладога» вышли из Рио-Жанейро. 2 марта миновали в 33 милях расстояния остров Стаксельбург (?), расположенный у Арросмита в широте $31^{\circ} S$, долготе $19^{\circ} W$; но пасмурная ночь помешала его видеть.

6 марта несколько раз сряду шлюп удалялся от фрегата по перпендикуляру курса на расстояние около шести миль, для отыскания означаемого на картах острова в долготе $20^{\circ}41' W$, но поиски эти были безуспешны.

22 апреля, в день Св. Пасхи, отряд прошел в виду острова Св. Павла, а 16 мая после осмидесятипятидневного плавания усмотрели берег Тасмании (Вандименовой Земли) и 18-го вошли на Гобарт-Тоунский рейд, чрез канал д'Антрекасто. Здесь экипажи судов были перевезены на берег, суда между тем просушивались и готовились к дальнейшему плаванью. 9 июня «Крейсер» и «Ладога» вышли в море и направили путь к *NO*. Капитан Лазарев располагал пройти севернее Новой Зеландии.

На следующий день во время *SW* шторма на «Ладоге» разбило волнением гичку, висевшую за кормой, выломило кормовыя ставни и несколько пушечных портов. Ночью суда разлучились: «Крейсер», как лучший ходок, ушел из виду, и 9 июля прибыл к острову Отаити. «Ладога» следовал туда же, по условленному рандеву. 17-го усмотрел острова Трех Королей, и 8 июля был уже в виду острова Отаити; но крепкие *NO* ветра задержали его тут почти неделю, и только 15-го числа он соединился с «Крейсером» в Матавайской бухте.

Через пять дней, 20 июля, «Крейсер» и «Ладога» отправились далее. 24 июля достигли широты $13^{\circ}36' S$, долготы $148^{\circ}58' W$ — места, в котором

предписано было им разлучиться. Фрегат «Крейсер» должен был идти в Ново-Архангельск и сменить на тамошней станции шлюп «Аполлон», а шлюп «Ладога» — в Камчатку и потом обратно в Россию.

Фрегат «Крейсер» прибыл в Ново-Архангельск 3 сентября. Зимой ходил он для возобновления запасов в порт С.-Франциско и, пробыв там около 2½ месяцев (с 1 декабря 1823 по 17 февраля 1824 года), возвратился в Ситху, где и оставался в распоряжении главного правителя колоний до половины октября следующего года, когда был сменен прибывшим из России шлюпом «Предприятие».

Шлюп «Ладога», переходя экватор, 10 июля встретил штили, а в широте 2½° *N* свежий *OSO*. В следующую за тем ночь прошли мимо острова Пальмирас, в расстоянии 9 миль, однакож его не видели, хотя было довольно светло. 21 августа, находясь в широте 32°26' *N*, долготе 189°19' *W*, шлюп «Ладога» перешел прямо чрез то место, где на Арросмитовой карте назначен остров *Roco de Plata*. Полагаясь на верность своих хронометров, капитан Лазарев думает, что положение этого острова весьма неточно. На другой день видели около шлюпа несколько бабочек, однакож берег не открывался. 10 сентября капитан Лазарев пришел в Петропавловский порт, где, выгрузив назначенный в Камчатку и Охотск груз, отправился к острову Ситхе. На пути в Ново-Архангельск намеревался он осмотреть землю, существование которой предполагал еще Беринг, в широте 49° *N* и долготе 172°19' *O*, однакож после трехдневных безуспешных поисков между долготами 170° и 174° *O* оставил этот труд, не заметив даже малейших признаков земли. 9 ноября шлюп «Ладога» прибыл в Ново-Архангельск, где нашел фрегат «Крейсер», стоявший тут с 3 сентября.

Здесь командир «Ладоги» получил от начальника отряда предписание следовать в порт С.-Франциско и оттуда, соединяясь со шлюпом «Аполлон», отправиться обратно в Россию.

Выдержав близ Ситхинских берегов двухдневный шторм от *O*, капитан Лазарев 1 декабря прибыл в порт С.-Франциско, а 12 января 1824 года вместе со шлюпом «Аполлон» оставил берега Калифорнии. Сопровождаемые пассажирами, 9 февраля суда эти вступили в южное полушарие, а 24-го перешли тропик Козерога.

С 1 марта начались дожди и бури. Команда, до того совершенно здоровая, стала заболеть простудными лихорадками. 22 марта обошли мыс Горн, в 70 милях, на 71 день по выходе из порта С.-Франциско, и 25-го были в виду Фалкландских островов. В начале апреля встретили постоянные *N* ветра, и вслед за тем в командах обоих судов обнаружилась цынга. Опасаясь дальнейшего развития этой болезни (на «Ладоге» было цынготных 13 человек и почти столько же на «Аполлоне») и не надеясь за противными ветрами в скором времени дойти до Рио-Жанейро, капитан Лазарев 12 апреля спус-

тился к острову Св. Екатерины. Через три дни оба шлюпа бросили якорь против крепости С.-Круц.

На другой же день по прибытии на рейд все больные были свезены на берег, где здоровье их вскоре было восстановлено. 17 мая шлюпы отправились далее. Продержав от берега около $3\frac{1}{2}^\circ$ по долготе, капитан Лазарев поворотил к экватору и скоро получил *SO* пассат. Переход жарким поясом был очень счастлив: продолжительных штилей и дождей совсем не встречали; термометр не поднимался выше $+24^\circ$ Р. Течение замечено вообще на *S* и *SW*, и доходило иногда до 20 миль в сутки.

Около параллели 24° *N* тихие ветра и штили много замедляли плавание шлюпов. От широты 32° *N* капитан Лазарев спустился к Азорским островам и, сделав запас свежей провизии на острове Фаяле, пошел далее. 20 сентября прошел он Британский канал, а 25-го Скагеррак. Близ Скагена крепкий *O* ветер задержал шлюпы до 2 октября. 6-го миновали Копенгаген (где шлюп «Аполлон» остановился по недостатку дров), а 13-го шлюп «Ладога» прибыл на Кронштадтский рейд. Шлюп «Аполлон» пришел туда двумя днями позже.

Командир фрегата «Крейсер», капитан 2-го ранга Лазарев, сдав свою станцию прибывшему к нему на смену капитану Коцебу, командиру шлюпа «Предприятие», оставил Ситху 16 октября 1824 года и сперва пошел в Калифорнию, чтобы запастись там свежеею провизиею.

Плавание до берегов Калифорнии было очень продолжительно, по причине крепких противных ветров, которые на параллели мыса Мендосино почти две недели держали фрегат под зарифленными триселями и изредка только позволяли нести зарифленный грот-марсель.

Наконец 18 ноября ветер переменился, и 21-го «Крейсер» бросил якорь в порте С.-Франциско, где находился в то время и шлюп «Предприятие».

В продолжение четырехнедельной стоянки в порте С.-Франциско фрегат был изготовлен к плаванию вокруг мыса Горна; между тем экипаж оправился после пребывания в сыром климате Ново-Архангельска. 21 декабря капитан Лазарев вышел в море и до наступления *NO* пассата плыл с тихими переменными ветрами. 13 января близ фрегата летало несколько береговых птиц, которых видели и на другой день, однакож берега не открыли.

24 января «Крейсер» прошел чрез то самое место, где на испанских картах назначен остров Dudoza (в широте $17^\circ 5' S$, долготе $122^\circ 1' O$). Капитан Лазарев, против ожидания, встретил восточные ветра, стоявшие почти две недели. 25 февраля ветер отошел к *NW*, а на следующий день «Крейсер» пришел на вид островов Диего-Рамирец. Обогнув мыс Горн, 23 марта прибыли в Рио-Жанейро. Оказавшиеся на последнем переходе 10 человек больных опухолью были немедленно отправлены на берег, где большая часть из них скоро оправилась.

Капитан Лазарев оставил Бразилию в конце апреля, располагая идти прямо в Кронштадт; однакож противные ветра и штили, встретившиеся близ Азор-

ских островов, принудили его зайти в Портсмут, для подкрепления экипажа и некоторых поправок в такелаже.

Оставив Английские берега в последних числах июля и выдержав еще в Скагерраке сильный *SW* шторм (25-го), «Крейсер» пришел в Кронштадт 5 августа, пробыв за границу почти три года.

18. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «ПРЕДПРИЯТИЕ». 1823—1826

Шлюп «Предприятие» был построен в С.-Петербурге в начале 1823 года, собственно для настоящего плавания — доставку груза в Камчатку и для крейсерства у берегов Русских колоний. Имелась в виду и ученая цель, именно, розыскания в Беринговом проливе и далее к северу; но по изменившимся обстоятельствам это последнее предприятие было отложено, и командиру предоставлено только заниматься географическими исследованиями на пути его, не уклоняясь от главного назначения. Командиром шлюпа был капитан-лейтенант Коцебу, известный путешествиями на бриге «Рюрик».

28 июля капитан Коцебу вышел из Кронштадта. 10 августа заходил в Копенгаген и 25-го того же месяца бросил якорь на Портсмутском рейде. Приняв здесь предварительно заказанные инструменты, 8 сентября шлюп отправился было в море, но *SW* шторм скоро принудил его воротиться. 11 сентября капитан Коцебу окончательно оставил берега Англии и 16-го вступил в Атлантический океан.

В широте $47^{\circ} N$ выдержали *SW* шторм. 7 сентября прошли в виду острова Большого Сальважеса и 28-го достигли острова Тенерифа, где капитан Коцебу располагал запастись провизией и водою. Встреченный при входе на С.-Круцкий рейд ядрами (впоследствии оказалось, что такая негостеприимная встреча сделана была по приказанию губернатора острова, ревностного республиканца), не желая терять времени в переговорах, он направил курс прямо в Рио-Жанейро. 8 октября в широте $21^{\circ}51' N$ лишились *NO* пассата и встретили *SO—SW* переменные ветра и штили, продолжавшиеся до параллели $3\frac{1}{2}^{\circ} N$. 18 октября получили *SO* пассат. 1 ноября увидели мыс Фрио и на следующий день прибыли в Рио-Жанейро. Здесь простояли до 28 ноября и потом следовали вдоль берегов Америки к мысу Горну. Будучи в 200 милях от устья реки Ла-Платы, заметили течение моря до 33 миль в сутки на *SWiW*. 23 декабря миновали Землю Штатов; чрез три дни после этого перешли меридиан мыса Горна в расстоянии 20 миль, а 17 января 1824 года бросили якорь в бухте Зачатия (Conception), на западном берегу Южной Америки.

Отсюда капитан Коцебу направил курс к архипелагу Низменных островов, в котором располагал сделать несколько розысканий. В исходе февраля, находясь в полосе *SO* пассата, в продолжение четырех дней шлюп выдерживал почти безпрерывные шквалы с грозой и дождем. 2 марта усмотрели со

шлюпа низменный берег, и на следующий день оказалось, что это небольшой обитаемый островок с лагуном внутри. По наблюдениям, широта этого островка, названного именем шлюпа «Предприятие», найдена $15^{\circ}58'18'' S$, долгота $140^{\circ}11'30'' W$; он принадлежит к Низменному архипелагу.

Продолжая изследования, в следующие дни капитан Коцебу описал вновь острова Аракчеева, определил положение островов: Карлгофа, Паллизера и Короля Георга; также поверил места прежде открытых групп: Румянцова, Рюрика и Крузенштерна.

При выходе из архипелага, ночью 10 марта шлюп едва не разбился на коралловом рифе, к которому прижимало его течением, и только неожиданный шквал с берега спас от крушения. 14 марта бросили якорь в Матавайской бухте острова Отаити.

В девятидневное пребывание здесь сделана подробная съемка Матавайского залива и смежной с ним бухты Матуату. По наблюдениям на месте определена широта мыса Венеры.

На пути к островам Мореплавателей (Гамоа), которые капитан Коцебу намеревался осмотреть, открыл он, 26 марта, группу островов, названную именем Беллинсгаузена; а чрез несколько дней потом, еще небольшой островок Кордюкова (по мнению капитана Крузенштерна, остров Кордюкова есть тот же самый, что и остров Роз, открытый капитаном Фрейсине в 1819 году). 3 апреля открылся остров Оулу, восточнейший из архипелага Гамоа. В продолжение четырех следующих дней капитан Коцебу занимался изследованием в этой группе, сделал съемку некоторых островов и собрал много любопытных сведений о народе, населяющем архипелаг Гамоа.

На пути отсюда в Камчатку заходил он на остров Отдиа (группы Радак) для магнитных наблюдений. Проштителав еще десять дней около архипелага Маршалла, 8 июня прибыли в Петропавловский порт. Выгрузив привезенные сюда материалы, капитан Коцебу отправился в Ново-Архангельск на смену фрегата «Крейсер».

В начале октября того же года начальник колоний капитан-лейтенант Муравьев отнесся, что он не имеет более надобности в военном судне до марта следующего года, и капитан Коцебу, желая воспользоваться оставшимся временем для географических изследований, вышел в море, направляясь сначала в порт С.-Франциско для возобновления запасов провизии.

При входе в этот порт, 27 октября встретили столь сильное течение (около 9 узлов), что, несмотря на свежий попутный ветер, не могли преодолеть его, пока не наступил прилив. 9 ноября, следовательно, около того времени, когда в С.-Петербурге было наводнение, в порте С.-Франциско дул *SW* шторм, срывая с домов крыши и опрокидывая все встречавшееся. Вода наступила на берег и затопила место, на котором стояла астрономическая палатка; едва успели спасти инструменты.

Из Калифорнии капитан Коцебу пошел к Сандвичевым островам. 3 декабря пересек тропик Рака и встретил *NO* пассат; но 4-го ветер вдруг отошел к *SO* и потом, переходя к *SW* и *NW*, продолжал дуть свежо до 8 декабря. Эта необыкновенная перемена ветра в полосе пассатов замечена была капитаном Коцебу около того же места и в 1816 году на бриге «Рюрик».

Получив снова пассат, 14 декабря прибыли на рейд Гонолулу и простояли здесь до февраля следующего года. В продолжение этого времени капитан Коцебу занимался астрономическими и другими наблюдениями; шлюп же тем временем изготовлялся к зимнему плаванию в Ситху. Долгота Гонолулу, выведенная из 300 с лишком лунных расстояний, найдена $157^{\circ}56'15''$ *W*.

Желая скорее достигнуть полосы западных ветров, капитан Коцебу направил курс от острова Оагу прямо на север; но маловетрия и штили еще несколько дней задержали шлюп в виду Сандвичевых островов. 14 февраля прошли чрез место, на котором, по собранным на острове Оагу от китоловов известиям, надлежало быть островам; но не заметили здесь и признаков земли. С того же времени наступили западные ветра. 24 февраля 1825 года шлюп прибыл в Ново-Архангельск.

В продолжение пятимесячного пребывания в этом порте сделана точная съемка входов к Ново-Архангельску и определено положение крепости. По заключенной около этого времени конвенции с Соединенными Северо-Американскими Штатами, дальнейшее пребывание в колониях военного судна сделалось бесполезным, и потому капитан Коцебу, не теряя времени, спешил изготовиться к обратному плаванию в Россию. К этому побуждал его и недостаток или порча некоторой провизии. 11 августа 1825 года шлюп «Предприятие» оставил Ново-Архангельский порт и взял курс к Сандвичевым островам. Следуя, по возможности, дальше от путей известных мореплавателей, капитан Коцебу 4 сентября прошел чрез то место, на котором на карте Арросмита назначен остров *María Laхago*, однакож и признаков берега не приметил. 14 сентября бросил якорь в гавани Гонолулу.

Отсюда вышли через четыре дни и направились к островам Радак.

26 сентября замечены ясные признаки берега, котораго, однакож, не отыскали. Подобные признаки часто были замечаемы на всем переходе до Радака, но пасмурная погода и дожди препятствовали сделать какое-либо открытие.

6 октября шлюп находился уже поблизости архипелага Маршалла. Определив положение острова Пескадорес, капитан Коцебу увеличил свои открытия еще двумя группами: Римскаго-Корсакова и Эшшольца. Все эти острова принадлежат к цепи Ралик.

Оставив Маршаллов архипелаг 9 октября, капитан Коцебу осмотрел и определил острова Браунс-ренж. Останавливался потом на три дня у острова Гуахана и, сопутствуемый свежим пассатом, в начале ноября вошел в Китайское море. Подходя к Манилле, где капитан Коцебу располагал дать отдохню-

вание команде и оправиться, встретили противные ветра и штили, замедлившие прибытие в порт до 8 ноября.

К началу января 1826 года работы на шлюпе были кончены, и 10-го числа шлюп вышел в море. 25-го чрез Зондский пролив вступили в Индийский океан.

В широте $20^{\circ} S$ и долготе $256^{\circ} W$ выдержали двухсуточный жестокий шторм и вслед за этим целых две недели боролись с постоянными ветрами от запада. Явление редкое в этих широтах, в которых господствует обыкновенно восточный ветер.

22 февраля миновали меридиан Иль-де-Франса и в следующие за тем дни выдержали несколько штормов от *NW* и *SW*, из которых особенно жесток был шторм 12 марта, когда от волнения и качки переломился румпель. Шлюп подвергался большой опасности, если бы не успели скоро заменить изломанный румпель новым.

Огибая мыс Доброй Надежды, капитан Коцебу думал зайти для запаса воды в Столовую бухту, но признаки близкаго шторма от севера принудили его отложить это намерение. Через 11 дней по обходе мыса прибыли к острову Св. Елены. Здесь простояли 9 дней, и вышли 7 апреля. 17 апреля перешли экватор и, обойдя около половины мая Азорские острова, 9 июня прибыли в Портсмут.

Чрез две недели вышли из Портсмута и, простояв за противным ветром несколько дней в Копенгагене, 10 июля бросили якорь на Кронштадтском рейде...

19. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «ЕЛЕНА». 1824—1826

Российско-Американской компании корабль «Елена», снаряженный по примеру прежних судов в Ситху с разным грузом, находился под командою лейтенанта П. Е. Чистякова. Из Кронштадта вышел он 31 июля 1824 года и 13 августа прибыл в Копенгаген, встретив на переходе Балтийским морем крепкие *SW* ветра. 22-го отправился далее и, потеряв в Скагерраке попутный ветер, на всем переходе чрез Немецкое море следовал с крепкими юго-западными штормами. 6 сентября при входе в канал снова получил попутный ветер, а 10-го бросил якорь на Портсмутском рейде. Приняв здесь дополнительный груз, лейтенант Чистяков вышел в море 4 октября и до 17-го выдерживал постоянные шторма от *SW*, после которых стояли еще с неделю противные ветра. *NO* пассат получили 27 октября, и с ним уже плыли довольно успешно: 18 ноября прорезали экватор в долготе $27^{\circ}8' W$. 2 декабря увидели мыс Фрио, а чрез пять дней прибыли в Рио-Жанейро, сделав переход из Англии в 64 дня.

Кончив здесь торговые дела и запасясь всем нужным для следующего перехода, лейтенант Чистяков снялся 6 января 1825 года. Сопровождаемый постоянно крепкими западными ветрами, 4 февраля прошел он меридиан

мыса Доброй Надежды, а 13 марта достиг южного мыса Вандименовой земли. В Индийском океане следовали близко пути капитана Головнина на шлюпе «Диана». 23 марта корабль «Елена» прибыл в порт Джаксон, чрез 76 дней по выходе из Рио-Жанейро.

Переход из порта Джаксона к острову Ситхе сделан в 78 дней при весьма благоприятных обстоятельствах. Для проверки хронометров приходили на вид островов Норфолка и Ротумы и, прорезав экватор 10 июня, 29-го того же месяца достигли места своего назначения — Ново-Архангельского порта. Здесь лейтенант Чистяков передал корабль капитану 2-го ранга Муравьеву, бывшему главному правителю колоний, а сам поступил на его место.

К ноябрю месяца того же года корабль «Елена» был изготовлен к обратному плаванию, имея грузу пушных товаров на сумму до 200 000 руб., и 4-го числа капитан Муравьев отправился на нем в селение Росс, где надобно было взять остальную часть груза. На этом переходе, вообще бурном, выдержал он два сильные шторма (особенно 11 и 12 ноября); постоянная сырость до того разстроила здоровье экипажа, что число больных доходило до 13 человек. Три раза капитан Муравьев подходил к селению Росс, но за крепкими ветрами не мог получить груза, и, наконец, должен был отправиться в порт С.-Франциско, куда послан был и назначенный из селения Росс груз. Окончив здесь снаряжение корабля, капитан Муравьев вышел в море 2 января 1826 года; чрез месяц после этого прорезал экватор, 6 марта прошел меридиан мыса Горна, а 5 апреля положил якорь на рейде Рио-Жанейро, не имея ни одного больного в экипаже.

Переход из Бразилии в Европу сделан был без особенных приключений; с 22 по 28 августа корабль «Елена» останавливался в Гельсиноре и Копенгагене, и 1 сентября прибыл на Кронштадтский рейд.

20. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «СМИРНЫЙ». 1824—1825

Шлюп «Смирный» в 520 тонн под командою капитан-лейтенанта Дохтурова послан был, подобно другим, с грузом в Петропавловский порт. Из Кронштадта отправился он 27 сентября 1824 года и 1 октября прибыл в Копенгаген, перейдя Балтийское море с крепкими *NO* и *SO* ветрами. 20 октября капитан Дохтуров вышел из Копенгагена и, взяв в Гельсиноре лоцмана для перехода Немецким морем, продолжал плавание при крепких *NW* и *SW* ветрах до 1 ноября. С этого дня стали его преследовать жестокие шторма, причинившие такие повреждения шлюпу, для исправления которых он должен был спуститься в ближайший порт и впоследствии возвратиться в Кронштадт. Буря особенно свирепствовала с 3 ноября. Мы передаем здесь рассказ о последовавших бедствиях одного из участников этого плавания, лейтенанта М. М-ча (напечатанный в «Северной Пчеле», 1846 г., № 83—86).

«3 ноября, в полночь, шторм от *NW* с огромным волнением; шлюп под одним грот-марселем, на правом галсе. В 4 часа утра огромный вал из под наветренного крамбола обрушился на шлюп, залил стоявший на рострах барказ и покрыл шлюп с носу до гака-борта. Вахтенные офицеры (лейтенант Бодиско и мичман Истомино) и рулевые снесены на ют и едва не выброшены за борт; лотовый с наветренных грот-русленей переброшен через борт и сломал руку. От тяжести налившейся воды шлюп несколько погрузился, и его могло бы залить, если бы щиты в сетках не поднимались, а были сделаны глухие, как обыкновенно. Однако воды так много попало в палубу, что в трюме стало ее до 5 футов (воду вскоре выкачали до $\frac{1}{2}$ фута). Ударом того же вала повредило фор-руслени, гальюн, мартин-гик и сетки, оторвало с грот-русленей запасный марса-рей, уничтожило нахтоузы с компасами, переломило румпель в самой голове руля. Нахтоузы заменили боченками, но вставленный запасной руль вскоре опять сломился; тогда сделали временной из вымбовок».

В ночь с 3 на 4 ноября ветер (*WNW*) немного стих; по утрам увидели Ютландский берег, по словам лоцмана, около местечка Гансгольм, а, по мнению капитана Дохтурова, шлюп был многим южнее. Обсервованная в полдень широта $55^{\circ}48'$ действительно показала ошибку лоцмана: шлюп находился вблизи банки Hornes-reef, от нее к югу. Если бы послушали лоцмана, то «Смирный», вероятно, тут бы и остался. Чтобы обогнуть банку с запада и отойти на чистое место, надобно было поворотить овер-штаг на левый галс, что было весьма сомнительно при настоящей силе ветра и волнения. Против ожидания, однакож, поворот удался: были поставлены для этого в два рифа марсели, стаксель и бизань; но только счастливый случай помог маневру: в тот самый момент, как шлюп пришел против ветра и остановился, ветер вдруг из *WNW* перешел к *W* и dokonчил поворот; притом помог отойти в открытое море.

Вслед за тем буря возобновилась с новою силою. Шлюп лежал к северу, и 6 ноября утром, находясь вблизи Норвежского берега, капитан Дохтуров счел за лучшее спуститься в Христиансанд. К этому побуждали его повреждения шлюпа и в особенности неимение нахтоузов (в боченках компасы показывали неверно до трех румбов). Узнав от выехавших лоцманов, что Христиансанд уже на ветре, капитан Дохтуров вошел в ближайший порт, Арендал.

На следующий год, 17 мая шлюп «Смирный» возвратился в Кронштадт.

21. ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ «КРОТКИЙ». 1826—1827

Капитан-лейтенант Врангель с вверенным ему транспортом «Кроткий» отправился из Кронштадта 23 августа 1825 года, имея назначение отвезти груз в Камчатку и Компанейския колонии. Транспорт был построен нарочно для настоящего плавания, длиною между перпендикулярами 90 футов, шириною без обшивки 29 футов.

1 сентября капитан Врангель вошел в Зунд и, чтобы не терять попутного ветра, не останавливался в Копенгагене. 15-го прибыл на Портсмутский рейд. Работы по транспорту и покупка цепных канатов задержали его здесь около месяца.

Переход от Портсмута в Бразилию продолжался 46 дней, без особенных приключений. Возобновив в Рио-Жанейро запас провизии и воды, капитан Врангель продолжал плавание к мысу Горну.

Выдержав продолжительная бури около этого мыса, 26 января достиг он широты $58^{\circ}59' S$, долготы $70^{\circ}23' W$, откуда поворотил на север и 19 февраля бросил якорь на рейде Валпарайзо.

Перегрузив трюм и сделав некоторые исправления, 28-го того же месяца вышли в море. 7 апреля, по недостатку в воде, зашли в порт Чичагова на острове Нука-Гива (воды было так мало, что отпускалось только по четыре чарки на человека в сутки). В продолжение осьмидневной стоянки в этой гавани сношения с жителями были постоянно приятны; но 16 апреля случилось несчастное происшествие, бывшее причиною смерти одного из офицеров и троих матросов. В шканечном журнале транспорта оно описано так:

«15 апреля за обман в перемене свиней задержан на судне жрец-островитянин. 16-го в половине 8-го часа утра отправили на берег задержанного жреца, который оставил заложником одного из островитян, обещаясь прислать следующих с него свиней. Через час шлюпка возвратилась к транспорту (вероятно, пустая). Немного спустя послали ту же шлюпку с мичманом Дейбнером на берег. На этой шлюпке убили г. Дейбнера и двух матросов; остальные два и переводчик Нукагивского языка приплыли к транспорту, но один из них был избит и изранен. Лишь только увидели мы неприятные действия островитян, то послали на барказе с лейтенантом Лавровым 12 человек вооруженных. Один из барказных убит пулею в грудь. По возвращении барказа к транспорту, мы стали на шпринг и в кучу собравшихся островитян начали палить картечью. Островитяне же, прежде сего, стреляли в нас из ружей. Пальба от нас из пушек и ружей и от островитян продолжалась до 7 часов вечера. В это время снялись с фертоинга и под выстрелами с берега потянулись завозами из порта в море, оставляя во власти дикарей четверку и четыре ружья с принадлежностями. В 8 часов вышли в море, потеряв в узкости верп, и во всю ночь слышали крик и видели на берегу огни» (по соображению разных обстоятельств капитан Врангель полагает, что намерение дикарей было овладеть транспортом, и что нападение на шлюпку было началом общего приступа).

От островов Маркизских капитан Врангель взял курс прямо в Петропавловский порт, куда прибыл 11 июня. Выгрузив привезенные материалы, отправился он потом в Ново-Архангельск, где бросил якорь 21 сентября.

Так как, по отзыву главного правителя, колонии не нуждались в военном судне, то капитан Врангель, изготовив транспорт к обратному плаванью

в Россию, 12 октября оставил Ситхинские берега, намереваясь на Сандвичевых островах пополнить запас провизии.

На пути к этому архипелагу также безуспешно, как и его предшественники, капитан Врангель искал острова *María Laxaga*, показанного у Нория; проходя через самое это место, не видели даже и признаков близости берега. Простояв неделю в гавани Гонолулу, капитан Врангель направил курс к островам Филиппинским, стараясь держаться по тем местам, в которых, по известиям китоловов, должны находиться неизследованные еще острова или банки; однакож, на всем этом переходе не встретили ничего похожего на признаки близкой земли. Вступив в исходе декабря в Китайское море между островами Серигуам и Анатоджам, 13 января 1827 года бросили якорь в Манилле.

Заготовление свежей провизии и постройка нового яла вместо оставленного на острове Нука-Гива задержали транспорт в Манилле около четырех недель. Вышедши в море в половине февраля, капитан Врангель прошел через Гаспарский и Зондский проливы, и 14 марта вступил в Индийский океан.

6 апреля оставил его *SO* пассат. Около мыса Доброй Надежды шлюп несколько раз выдерживал продолжительные шторма, особенно в конце апреля, когда при восточном шторме с сильною грозой и дождем выпадал по временам град и даже снег.

Обогнув мыс Доброй Надежды, капитан Врангель заходил потом на неделю к острову Св. Елены и, продолжая плавание, 18 июня перешел в последний раз экватор в 23° *W* долготы. Пробыв девять дней в полосе переменных ветров и штилей, получил он *NO* пассат 28 июня и к 11 июля достиг широты 30° *N*. Сопутствуемый далее *SO* ветром, 31-го прибыл в Портсмут. Здесь простоял, за разными делами, до 22 августа, а 14 сентября бросил якорь на Кронштадтском рейде, пробыв вне пределов России с лишком два года.

22. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «МОЛЛЕР». 1826—1829

В начале 1826 года по примеру прежних экспедиций назначены были в Камчатку два военных шлюпа с грузом для Петропавловского порта и Охотска, а также и для крейсерства в колониях Российско-Американской компании. Но как после трактата с Северо-Американскими Соединенными Штатами, заключенного около этого времени, колонии не имели уже надобности в военных судах, то командирам посылаемых шлюпов было предписано: год, назначенный для крейсерства, употребить на съемку и обозрение северо-восточных берегов Азии и северо-западных Америки и на исследование части Великого океана, между теми берегами лежащей.

Отправленные в эту посылку шлюпы «Моллер» и «Сенявин» были построены в С.-Петербурге на Охте и имели одинаковые размерения (длина между перпендикулярами 90 футов, ширина без обшивки 29 футов, глубина

интрюма 12½ фута). Первым и вместе обоими командовал капитан-лейтенант М. Н. Станюкович; вторым капитан-лейтенант Ф. П. Литке. В начале июня 1826 года шлюпы эти были приведены в Кронштадт и вооружены барками. Кроме обыкновенных запасов на три года, они были снабжены всеми средствами для сохранения здоровья экипажей; также инструментами и другими пособиями для гидрографических и ученых работ; некоторые из этих вещей предоставлялось командирам купить в Копенгагене и Лондоне. Сверх полного комплекта людей, на каждом шлюпе находилось по 15 человек нижних чинов, отсылаемых для службы в Охотский и Петропавловский порты.

Командиры судов и натуралисты экспедиции получили от Государственного Адмиралтейского Департамента подробные инструкции. В них предписывалось шлюпам: следовать вместе до Уналашки, откуда уже каждый должен был идти к местам своих работ; по окончании гидрографических занятий соединиться в Петропавловском порте и отсюда вместе идти в Кронштадт. На этом пути поставлялось на вид осмотреть северные берега Новой Ирландии, Соломоновых островов и Новаго Ганновера и, выйдя в Индийский океан через один из проливов между Молуккскими островами, следовать далее вокруг мыса Доброй Надежды.

Капитану Станюковичу было предписано: заняться точнейшим исследованием Алеутской гряды и полуострова Аляски с прилежащими к нему островами; зимние же месяцы он должен был употребить на исследование части океана, простирающейся на восток и на запад от Сандвичевых островов и, особенно, в направлении гряды сих последних. Розыскания в группах Маршалла и Гильберта также были предметом его занятий; а на обратном пути в Россию поставлялось на вид осмотреть острова Бонин-Сима, тогда еще не отысканные.

Приняв на шлюп груз, назначенный для Охотска, Камчатки и Компанейских колоний, капитан Станюкович отправился из Кронштадта 20 августа 1826 года вместе со шлюпом «Сенявин», с которым, однакоже, на другой день во время тумана разлучился. Тихие переменные ветра замедляли плавание по Балтийскому морю, так что не прежде 30 августа шлюп достиг параллели Рижского залива; тут встретил его крепкий *SW*, от которого были принуждены укрыться в Аренсбургский залив. Через четыре дня вышли отсюда и 10 сентября бросили якорь на Копенгагенском рейде, где стоял уже шлюп «Сенявин».

Закупив для команды рому и полный запас теплой одежды, капитан Станюкович с обоими шлюпами вошел в Каттегат 15 сентября. Немецкое море прошли с умеренным *NW* ветром и 24-го прибыли в Портсмут.

Покупка инструментов, карт и других вещей для шлюпов задержала здесь около месяца, и капитан Станюкович вышел в море уже 22 октября.

Продержавшись сутки в канале в ожидании капитана Литке, который остался еще на несколько часов на рейде, и, полагая, что он прошел прямо

к острову Тенерифу, не будучи замечен со шлюпа, капитан Станюкович направил свой курс туда же. Сопутствуемый умеренными *NO* ветрами, 2 ноября вечером он подошел ко входу на С.-Круцкий рейд; но, чтобы не потерять попутного ветра, не остановился здесь и направился в Рио-Жанейро, — другое условленное с капитаном Литке рандеву.

Переходя северный тропик и встретив вместо *NO* пассата тихие переменные ветра, капитан Станюкович направился между островами Зеленаго Мыса и берегом Африки, придерживаясь ближе к первым, и прошел эту часть моря с легкими *SW* и *NW* ветрами; а 1 декабря, получив *SO* пассат, следовал с ним до самага Рио-Жанейро, куда пришел 16 декабря.

Дождавшись здесь шлюпа «Сенявин», капитан Станюкович с обоими судами направился к мысу Горну. До Фалкландских островов плавание было довольно успешно; но 4 февраля 1827 года, когда они достигли уже параллели $55^{\circ} S$, ветер, до того умеренный *SW*, стал усиливаться и в короткое время превратился в шторм. Наступившая за тем пасмурность разлучила шлюпы. Через двое суток ветер стих, но все еще дул от *SW*, при дурной погоде. Не теряя надежды соединиться со шлюпом «Сенявин», капитан Станюкович продолжал идти к югу и, достигнув южной широты 61° , взял курс к Валпарайзо, — условное рандеву со шлюпом «Сенявин». Здесь он простоял две недели, но не дождался шлюпа «Сенявин» и встретился с ним уже при выходе: капитан Литке только что подходил к Валпарайзо. Предоставив капитану Литке следовать по данной ему инструкции, капитан Станюкович пошел далее.

Из Валпарайзо он направился через Низменный архипелаг (Помату) к острову Отаити. 27 апреля увидел острова Лито и, определив их астрономически, продолжал плавание архипелагом Помату. 29-го бросил якорь в Матавайской бухте.

Двухнедельная стоянка на острове Отаити употреблена на поверку хронометров и разныя починки по шлюпу. Снявшись отсюда 15 мая, капитан Станюкович стал держать к островам Лазарева, открытым в 1820 году капитаном Беллинсгаузенем. Определив долготу их в $148^{\circ}37'35'' W$, взял курс в Камчатку. 14 июня прошел между Сандвичевыми островами Гаваи и Атуай и 13 июля прибыл в Петропавловский порт.

Выгрузив привезенные сюда материалы и заменив груз каменным балластом, капитан Станюкович отправился к острову Уналашке. Безпрестанные дожди и туманы при весьма крепком ветре продолжались до самага прибытия в гавань Иллолюк, то есть до 30 августа. Получив здесь байдару, необходимую при съемке отмелых берегов, капитан Станюкович 5 сентября отправился к острову Уникаму, намереваясь начать от него свои гидрографические исследования.

Крепкие ветра и туманы замедлили начало съемки до 8 сентября; а 9-го ветер, до того умеренный, обратился в шторм. Предвидя наступление дурной

погоды и осенних бурь, капитан Станюкович решил прекратить работы и пошел в Ново-Архангельск, куда надлежало отвезти часть груза. Он прибыл туда 21 сентября.

Оставляя берега Ситхи, у которых простоял четыре недели, капитан Станюкович намерен был заняться розысканиями в части океана, лежащей на восток от Сандвичевых островов. Крепкие *SW* ветра с пасмурностью продержали еще неделю на параллели Ново-Архангельска, и только 28 октября он взял настоящий курс с попутным *NW*.

В отыскании предполагаемых островов капитан Станюкович не был счастливее своих предшественников, хотя и проходил чрез те самые места, на которых положены искомые острова (эти острова, будто бы открытые испанцами, предполагались к востоку от Сандвичева архипелага и до сих пор не отысканы, хотя это пространство моря искрещено многими мореплавателями. На новейших картах они уже не показываются). Продолжая эти изследования, достиг он параллели $9^{\circ} N$, от которой направился к Сандвичевым островам, и 6 декабря 1827 года прибыл в гавань Гонолулу.

Для отдохновения команды и некоторых поправок в вооружении, капитан Станюкович оставался здесь до 9 февраля следующего года.

Следуя инструкции, отсюда направился он к северо-западу, по направлению цепи Сандвичевых островов и, пройдя по долготе более полуторы тысячи миль, осмотрел и определил положение следующих островов: Нииго (Ониго), Орегуа, Неккер, Гарднер, Лисянского, Франц. Фр. (риф), Перл и Гермес, Маро (риф).

Сверх того, вновь открыл острова Моллера в широте $25^{\circ}45'59'' N$, долготе $188^{\circ}9'59'' O$.

В исходе марта, имея несколько дней сряду весьма крепкий ветер, при котором продолжать съемку было бы и бесполезно, и опасно, и притом нуждаясь в дровах, капитан Станюкович отправился в Петропавловский порт, куда и прибыл 11 апреля. В Авачинской губе встретил еще много льду.

27 апреля снова отправился он к полуострову Аляске, намереваясь для проверки хронометров и за байдарию зайти на Уналашку. На переходе до этого места определены и осмотрены некоторые из Алеутских островов.

Окончив поверку хронометров и собрав от промышленников возможные сведения о берегах Аляски, капитан Станюкович направил путь к острову Унимаку и, обойдя северную его сторону, 3 июня приступил к съемке берегов Аляски от Исакахского пролива по северному берегу, останавливаясь по надобности на якоре и производя съемку на гребных судах или байдарках. Таким образом был осмотрен весь северный берег Аляски до устья реки Накнек, от которой шлюп 13 июля возвратился к острову Амаку, дополнив на пути сделанную съемку. У острова Амака капитан Станюкович на сутки останавливался для отыскания оставленного в прежнюю тут стоянку якоря

с цепным канатом; однакож поиски эти были напрасны. При этом сделался крепкий ветер и заставил его спуститься к острову Унимаку, по южную сторону которого шлюп держался до 22 июля, ожидая благоприятной погоды для продолжения съемки. Задувший в этот день восточный ветер, противный в Исакахский пролив, сделал невозможным продолжение работ. По этой причине и еще более по недостатку сухарей и усталости экипажа, капитан Станюкович принужден был прекратить съемку. Он возвратился на Уналашку 26 июля, сняв на этом переходе часть северного берега острова Унимака.

Поверив хронометры и исправив найденною погрешностью определенные при съемке долготы, капитан Станюкович 3 августа пошел в Камчатку, следуя вблизи Алеутских островов. Продолжительные туманы и постоянная на всем переходе пасмурность не позволили сделать здесь никаких определений.

С лишком двухмесячная стоянка в Петропавловском порте была употреблена на приготовление к обратному плаванию в Кронштадт. Через месяц прибыл сюда капитан Литке, и 30 октября 1828 года оба шлюпа оставили берега Камчатки, назначив рандеву Маниллу.

До 6 ноября плавание их было довольно успешно; но в этот день встретили крепкий *SO*, обратившийся в шторм. Наступившая за тем пасмурность разлучила шлюпы, и «Моллер» направился к острову Люсону. 23 ноября, проходя близ островов Бонин и Александра, определил их положение; потом продолжал плавание с переменными ветрами. 2 декабря вступил в Китайское море, между островами Бабуян, и чрез девять дней бросил якорь на Манильском рейде.

Разоружив шлюп, капитан Станюкович немедленно приступил к исправлению рангоута и такелажа, много потерпевших от бывшего шторма. Окончив эти исправления и дождавшись капитана Литке, пришедшего сюда 1 января 1829 года, вышел он в море 18 января, и 2 февраля достигли Зондского пролива. Здесь переменные тихие ветра и штили задержали шлюпы целые десять дней, в продолжение которых от сильного зноя в экипаже шлюпа «Моллер» несколько раз показывалась холера, впрочем, из больных ни один не умер. 9 февраля, следуя Зондским проливом, шлюп «Моллер» наткнулся на неизвестную до того коралловую банку; однакож скоро вышел на глубину, не потерпев повреждения (банка эта тогда же определена в $1\frac{1}{2}$ мили на *SO* от *N* оконечности Пуло-Крокатуа).

21 марта в широте 32° *S*, долготе 37° *O* встретили весьма крепкие *SW* ветра, продолжавшиеся почти до самого мыса Доброй Надежды. Капитан Станюкович, намереваясь зайти в Столовую губу, предоставил капитану Литке следовать к острову Св. Елены.

У мыса Доброй Надежды капитан Станюкович простоял одну неделю и 24 апреля пришел к острову Св. Елены. Отсюда оба шлюпа вышли 28-го

того же месяца; 10 мая пересекли в четвертый раз экватор; останавливаясь потом на один день у острова Фаяла, и 30 июня зашли в Гавр.

Исправив вооружение шлюпов, капитан Станюкович 21 июля отправился прямо в Зунд, а капитан Литке — в Гринвич, для сравнительных наблюдений над постоянным маятником. Пробыв в Копенгагене около двух недель в тщетном ожидании шлюпа «Сенявин» и полагая, что он прошел уже в Балтийское море, капитан Станюкович вышел из Зунда 14 августа, а 23-го прибыл в Кронштадт, спустя три года после отправления из этого порта.

23. ВОЕННЫЙ ШЛЮП «СЕНЯВИН». 1826—1829

В инструкции, данной капитану Литке от Государственного Адмиралтейского Департамента, предписывалось ему заняться исследованием берегов Чукотской земли и полуострова Камчатка; также сделать съемку северных и южных берегов Охотского моря с Шантарскими островами. При исполнении этих работ Литке должен был следовать такому плану: начав исследование от Берингова пролива, идти вдоль берегов Чукотской земли, заходя во все заливы, и в особенности исследовать Анадырский, с устьями реки этого имени; съемкою берега Камчатки от устья Анадыра до Авачинской губы и до мыса Лопатки заключить работы первого лета. На следующее за тем лето заняться съемкою берегов Охотского моря, начиная от северной оконечности Сахалина, до Удского острога и Шантарских островов; потом перейти на северный берег и, описав заливы Тауйский, Пенжинский и Ижигинский, возвратиться в Петропавловский порт вдоль западного берега Камчатки, стараясь при всяком случае определять наблюдениями его положение.

План весьма обширный и едва ли выполнимый в два лета, не только для одного, но даже и для двух или трех судов. Впрочем, и в самой инструкции обоим капитанам сказано было, что «не в одно, может быть, и не в два лета, успеете вы окончить опись, предписанную вам выше; но она предлагается вам в целости». Занятия же в течение зимних месяцев, которые следовало провести в тропиках, предоставлялись на усмотрение капитана Литке. Впрочем, ему поставлялось на вид отыскать и осмотреть острова Бонин-Сима; также осмотреть Каролинский архипелаг от островов Маршала до Пелевских. Для обратного плавания в Кронштадт капитан Литке должен был соединиться со шлюпом «Моллер» в Петропавловском порте.

Кроме гидрографических работ, капитан Литке намерен был заняться опытами над постоянным маятником и магнитными наблюдениями. При этом, на шлюпе «Сенявин» находились естествоиспытатели.

20 августа 1826 года капитан Литке вышел из Кронштадта вместе с капитаном Станюковичем, и 25 сентября прибыл в Портсмут, простояв неделю

в Копенгагене; крепкий противный ветер, встреченный в Балтийском море, много замедлил этот переход.

Работы по шлюпу, особенно переделки для помещения купленных в Англии цепных канатов, и наблюдения, производимыя капитаном Литке на Гринвичской обсерватории, задержали в Портсмуте около месяца. Выступив в море только несколькими часами после шлюпа «Моллер», капитан Литке уже не нашел его в канале и, продолжая плавание с крепким *NO* ветром, на следующее утро вышел в океан, а чрез пять дней достиг параллели мыса Финистера. 2 ноября заходил на остров Тенериф, полагая тут соединиться со шлюпом «Моллер», но не найдя его на этом рейде, чрез два дня вышел и встретил юго-западные ветра, продолжавшиеся целые десять дней. Получив, наконец, *NO* пассат, шлюп довольно скоро подвигался к экватору до 23 ноября, когда пассат сменили маловетрия, продолжавшиеся, с небольшими перерывами, две недели (около островов Зеленаго мыса пассат дул весьма крепко и с проливным дождем).

13 декабря, пользуясь уже *SO* пассатом, капитан Литке перешел экватор в долготе $24^{\circ}27' W$, чрез 40 дней после выхода из С.-Круца. 26-го прошел в виду мыса Фрио и на другой день бросил якорь на рейде Рио-Жанейро, подле шлюпа «Моллер».

Отсюда шлюпы продолжили плавание вместе и до мыса Горна, большего частью с попутными и умеренными ветрами. 2 февраля прошли они в виду Фалкландских островов, а 4-го миновали параллель Земли Штатов. В вечеру того же дня при крепком *W* ветре и пасмурности шлюпы разлучились.

Западные, часто крепкие, ветра продолжались еще десять дней. Пользуясь каждою их переменою, 13 февраля капитан Литке прошел меридиан мыса Горна и, выдержав в следующие сутки жестокий шторм, продолжал потом плавание с умеренными ветрами. 24-го обогнул мыс Горн, пройдя параллель Магелланова пролива.

На всем этом переходе имели сырые и холодныя погоды; термометр стоял обыкновенно не выше +2 или +4 °P.

Не имея от капитана Станюковича условнаго рандеву, капитан Литке направил путь в губу Зачатия, — место отдыха, указанное Адмиралтейскою инструкциею, и 27 февраля в широте $45\frac{1}{2}^{\circ} S$ получил прибрежный *S* муссон, а 4 марта бросил якорь при входе в губу Св. Зачатия. Не найдя здесь шлюпа «Моллер», капитан Литке спешил опять выйти в море, но за штилями и маловетриями простоял еще до 8 марта (ночью с 6-го на 7-е, держась на верпе у выхода из губы, шлюп едва не был выброшен шквалом на камни, лежащие только в $1\frac{1}{2}$ кабельтове; однакож успели обрубить кабельтов от верпа и вступить под паруса). Те же маловетрия и самые тихие *NO* ветра при густых туманах сопровождали его до Валпарайзо, куда прибыл он 14 марта, в то самое время, как капитан Станюкович выходил в море.

Получив от него приказание следовать к месту своего назначения, капитан Литке оставался в Валпарайзо, где разные занятия и возобновление запасов задержали его до начала апреля.

Оставя это порт, пятеро суток боролся он с крепким *NW* ветром, пока ветер не отошел несколько к *W* и не позволил держать ближе к меридиану. Продолжая плавание с тихими юго-восточными и юго-западными ветрами и получив 14 апреля *SO* пассат, шлюп пересек южный тропик 16-го, в широте $10^{\circ} S$, долготе $116^{\circ}16' W$. 30-го числа взял курс *NW*, чтобы прорезать экватор около $125^{\circ} W$ долготы. Этот курс вел чрез пространство моря еще малоизвестное, лежащее в стороне от обыкновенных путей судов, посещающих Великий океан. Зная, что многие из путешественников замечали около тех широт признаки земли, капитан Литке надеялся сделать тут какое-нибудь открытие. Этот путь вел к решению задачи о положении магнитного узла в Великом океане, ибо Ганштейн полагал этот узел в долготе около $130^{\circ} W$.

1 мая шлюп пересек путь капитана Головнина около того места, где он видел признаки земли; однакоже ни в этот, ни в следующие дни берегов не видели. 4-го в полдень прорезали магнитный экватор. Отсюда капитан Литке намерен был пройти несколько к *W*, чтобы, перейдя магнитный экватор еще два раза, определить таким образом три его точки по обе стороны узла; однакож рано изменившийся *SO* пассат и противное северо-восточное течение принудили отложить это намерение и поспешить к пределам *NO* пассата.

Пройдя довольно счастливо междупассатную полосу и встретив *NO* пассат в широте $8^{\circ}10' N$, капитан Литке продолжал плавание к северу, и 22 мая, прорезав путь капитана Ванкувера 1793—1794 года, вступил в часть океана, уже хорошо известную. На всем переходе от южного тропика не было замечено даже признаков земли. Впрочем, капитан Литке полагает, что был бы счастливее в своих изследованиях, если бы штили и восточные течения не заставили его пройти градусами двумя восточнее предполагаемого с начала пути. На всем переходе между тропиками очень мало встречали животных; но от широты $30^{\circ} N$ стали показываться в больших массах разные морские черви. При этом замечено, что некоторые из этих животных встречались огромными полосами, простирающимися по направлению течения. Замечательно, что наибольший жар, $+23^{\circ} R$, на этом переходе был не на экваторе, но на некотором расстоянии от него к северу и югу. То же самое замечено и некоторыми другими мореплавателями.

NO пассат, неприметно перешедший в постоянный *O* ветр, быстро продвигал шлюп к северу до 3 июня до широты $45^{\circ} N$; но далее следовали с тихими ветрами из *SO* и *NO* четвертей. 11-го увидели берега Америки и на следующий день вошли в Ново-Архангельск.

Пять недель, проведенных в этом порте, употреблены на выгрузку шлюпа и обыкновенные исправления после десятимесячного плавания. К половине

июля все эти работы были окончены, и 19-го капитан Литке отправился к острову Уналашке, чтобы взять там байдару с Алеутами для прибрежных работ.

Крепкие ветра и штиты задержали шлюп на Уналашке с лишком неделю (10—19 августа). По выходе оттуда, капитан Литке направил путь к острову Св. Матвея. На этом переходе осмотрел он острова Прибылова и с 26 августа по 1 сентября занимался съемкою острова Св. Матвея.

Позднее время года не позволяло и думать о работах в Беринговом проливе, а наступившие вскоре осенние бури заставили капитана Литке отказаться от продолжения и настоящих работ. 19 сентября он прибыл в Петропавловский порт.

Выгрузка и сдача привезенных вещей в этот порт и приготовление к зимней кампании продолжались до половины октября. 19-го капитан Литке отправился в море, имея намерение сперва зайти для наблюдений на остров Юалан, восточнейший в Каролинском архипелаге, и потом начать обозрение этой группы.

Сопутствуемый свежим *NO* ветром, 29 сентября достиг он широты 39° *N* и на следующий день выдержал шторм от *S*. Потом, до 8 ноября, ветра стояли тихие, а с этого дня получили *NO* пассат, вначале крепкий, но вскоре смягчившийся; он сопровождал шлюп до назначенного места.

17 ноября осмотрели коралловую группу Броуна и, продолжая плавание к югу, 22-го увидели остров Юалан; однакож изменившийся пассат и маловетрия не прежде 27-го допустили шлюп войти в гавань Ла-Кокиль (при входе в этот порт внезапным шквалом шлюп едва не был выброшен на прибрежный риф).

На переходе от Камчатки до острова Юалана капитан Литке старался отыскать острова: Колукас, Беньовскаго, Декстер, Волкан, Ламир и Св. Варфоломея, большая часть которых стали известными чрез Американских китоловов; однакож не только не видел ни одного из них, но по близости и признаков берега не замечал.

Оставляя Юалан 20 декабря, капитан Литке определил еще одну точку магнитного экватора. Следуя потом к западу, 2 января 1828 года открыл обитаемую коралловую группу — Сенявина, около пятидесяти миль в окружности (самый большой остров этой группы, Пыйнипет, высотой до 2 930 футов). Окончив съемку этой группы, продолжал исследования далее к западу, до островов Мортлока, где останавливался на несколько дней (22—27 января) для наблюдений. Потом определил острова: Квиросо или Руг (у Фрейсине — Хохоле), Писсесар, Магырь, Оноун, Пыгелла, Фаиеу, Пигуелао и Фальао, — и направился к острову Гуахану (Марианские острова), куда надобно было зайти по недостатку в провизии и для опытов над маятником.

Простояв три недели у этого острова в гавани Луис-де-Апра, капитан Литке снова возвратился в Каролинский архипелаг и в продолжение сле-

дующих трех недель (с 8-го по 30-е марта) осмотрел и определил группы: Намурек, Элато, Намолиаур, Фарролайп, Олимирао, Ифалук, Эурыпыг и Улеай. На последней капитан Литке останавливался на три дни (25—28 марта) для наблюдений.

30 марта окончательно оставил он Каролинский архипелаг и направился к северу, имея намерение отыскать острова Бонин-Сима. 11 апреля *NO* пассат заменился тихими ветрами из *SW* и *NW* четвертей. 18-го осмотрели остров Розарио или Неудачи и, продолжая плавание к востоку, на следующий день увидели четыре группы довольно высоких островов. Приближаясь ко второй из них от юга, капитан Литке скоро узнал от выехавших двух англичан (матрозов с разбившагося китолова), что видимая группа действительно искомые острова Бонин-Сима, и что они за год до его прибытия осмотрены капитаном Бичи на шлюпе «Блоссом».

Войдя в ближайшую бухту, порт Ллойда, капитан Литке оставался тут для наблюдений до 3 мая. На пути из порта Ллойда к северу осмотрел еще две группы, Кетера и Пари, тоже принадлежащая к островам Бонин-Сима, и потом пошел в Камчатку.

На переходе туда, 7 мая искал островов, будто бы открытых Американцами; но безуспешно. Однакож далее, 18-го числа, замечены признаки земли (малое волнение при крепком *SO* и несколько береговых птиц. То же самое замечал и капитан Головин в плаваниях на шлюпах «Двина» и «Камчатка»), и капитан Литке полагает, что к востоку от этого места может существовать неизвестный остров.

С 20 мая застигли маловетрия и штили, продолжавшиеся до 27-го, когда сквозь туман открылись берега Камчатки. На следующий день прибыли в Петропавловский порт.

15 июня вышли в море и направились в Берингов пролив. Следуя вдоль Камчатского берега, определили все главнейшие на нем пункты от Авачи до острова Карагинского, у которого останавливались на неделю для съемки. Продолжая плавание в виду берегов, определили еще несколько пунктов; но наступившие с 5 июля крепкие восточные ветра с ненастьем заставили на время прекратить работы и поспешить к Чукотскому Носу. За туманами и пасмурностию в Берингов пролив вошли не прежде 15 июля. На следующий день остановились в губе Св. Лаврентия для наблюдений и исправления рангоута, несколько поврежденного от крепких ветров на последнем переходе.

Следуя отсюда вдоль берега к югу, капитан Литке осмотрел устье Мечигменской губы, а 28 июля открыл неизвестный до тех пор пролив Сенявина, образуемый берегом и островами Аракамчечен и Итыггран. До 6 августа занимались съемкою этого пролива с островами; потом осматривали берега далее к югу; 10-го вошли в Анадырское море и 16-го остановились в заливе Св. Креста. Съемка этого обширного залива заняла много времени (с 16 авгу-

ста до 7 сентября) и потому не было возможности отделить к устью Анадыра экспедицию на шлюпках; ненастная же погода и ветер прямо на берег не допустили определить устья этой реки со шлюпа. Пользуясь короткими промежутками ясной погоды, капитан Литке на обратном пути из залива Св. Креста в Камчатку успел только определить мысы: Св. Фаддея (12 сентября) и Олюторский (14 сентября). 23 сентября прибыл он в Петропавловский порт, где шлюп «Моллер» стоял уже более месяца.

Изготовясь к обратному плаванию в Кронштадт, шлюпы вышли в море 30 октября и следовали с попутным ветром вместе до 5 ноября, когда *SO* шторм с пасмурностью разлучил их (на этом переходе 3 ноября между $46\text{--}44^\circ N$ со шлюпа «Сенявин» видели береговых птиц и еще некоторые признаки земли. Соображаясь с подобными же замечаниями капитана Крузенштерна, капитан Литке полагает, что около параллели $40^\circ N$ между долготами 180 и $195^\circ W$ существуют неизвестные еще острова). Не находя нужным заходить в Маниллу, условное рандеву со шлюпом «Моллер», прежде января 1829 года, капитан Литке определил остававшееся у него время на исследования в северной части Каролинского архипелага, где, по собранным прежде сведениям, должны были находиться еще несколько не осмотренных групп. С этою целию он направил свой курс таким образом, чтобы войти в широту острова Писсерара, градуса на два восточнее предполагаемых островов, то есть около долготы $24^\circ W$. Ноября 15-го получил он пассат, а 25-го, достигнув параллели $8\frac{1}{2}^\circ N$, спустился к *W*.

В следующие за тем семнадцать дней капитан Литке отыскал и описал группы Каролинского архипелага: Мурилле, Намолипиафан (Фанану), Намонуито и Фенс и вновь поверил положение групп: Фарролайн, Улеай и Улуый. По окончании этих исследований, 11 декабря направился он в Китайское море и, сопутствуемый тихими переменными ветрами, 23-го миновал острова Баши, а 1 января 1829 года вошел в Манильскую губу.

Плавание шлюпов от Маниллы, около мыса Доброй Надежды до Гавра описано в предыдущей статье. Из Гавра капитан Литке заходил в Ширнес, где простоял 17 дней для повторения опытов над маятником на Гринвичской обсерватории. В Кронштадт прибыл 25 августа 1829 года, чрез три года и пять дней после выхода их этого порта.

Главнейшие результаты путешествия капитана Литке состояли в следующем:

а) По части Географической. 1) *В Беринговом море*: определены астрономически важнейшие пункты берега Камчатки от Авачинской губы к северу; измерены высоты многих сопок; описаны острова Карагинские, до тех пор вовсе неизвестные, остров Св. Матвея и берег Чукотской земли от мыса Восточного почти до устья реки Анадыра; определены острова Прибылова и многие другие. 2) *В Каролинском архипелаге*: исследовано пространство от острова Юалана до группы Улуый (иначе Эгой или Мякензи); открыто

12, а описано всего 26 групп и отдельных островов. 3) Острова Бонин-Сима отысканы, и большая часть их описана. 4) Составлен «Мореходный атлас» из 51 карты с видами берегов. 5) Сверх того, много собрано данных для определения географического положения мест, посещенных шлюпом, замечаний о течениях, приливах и проч.

б) По части Физики. 1) *Опыты над постоянным маятником*, из которых выведено сжатие земли около $1/288$. 2) *Магнитныя наблюдения*, как на берегу, так и на море, наиболее в северной части Великаго океана. Выводы их этих опытов замечательным образом согласуются с теорией Ганстейна. 3) *Наблюдения над часовыми колебаниями барометра* между параллелями $30^{\circ} N$ и $30^{\circ} S$, производимыя через каждыя $1/2$ часа по двум симпиезомерам и одному барометру в продолжение двенадцати месяцев. 4) *Ежедневныя наблюдения температуры морской воды на поверхности*.

с) По части Естествознания. 1) *По Зоологии*: более полуторы тысячи экземпляров разных животных, как-то: птиц, рыб, насекомых, черепокожных и прочих; значительное собрание раковин; несколько черепов диких; один новый вид тюленя и прочее 2) *По Ботанике*: травник, содержащий большое количество растений. 3) *По Геогнозии*: до 330 экземпляров горнокаменных пород, собранных во всех местах, где шлюп останавливался.

д) *По Этнографии*: богатое собрание одежд, оружия, утвари и украшений.

Большая часть всех этих вещей изображена на рисунках, которых во время путешествия составлено более 1 200, и коллекции эти переданы в музей Академии наук...

24. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «ЕЛЕНА». 1828—1831

В начале 1828 года корабль «Елена» был снова назначен к отвозу груза из Кронштадта в Ситху, на этот раз под командою лейтенанта Хромченко, который уже участвовал в одном из подобных плаваний, именно с капитаном Коцебу на бриге «Рюрик».

Лейтенант Хромченко снялся с Кронштадтскаго рейда 4 августа 1828 года; на десять дней останавливался в Копенгагене, потом две недели боролся с крепкими западными ветрами в Немецком море, и 5 сентября бросил якорь на Портсмутском рейде. Отсюда вышел 4 октября и, сопровождаемый переменными ветрами, 25-го пересек тропик Рака в долготе $24^{\circ} W$. Переплыв полосу *NO* пассата в трое суток (с 27 октября по 1 ноября), получил *SO* ветер, и в этом месте замечено много береговых птиц. 30 ноября прибыли в Рио-Жанейро.

На пути от Рио-Жанейро до меридиана Гринвича, пройденнаго 24 января в широте $37\frac{1}{2}^{\circ} S$, сопутствовали большею частию тихие южные ветра; потом

вступил в полосу западных и северо-западных ветров, с которыми шли до самого мыса Доброй Надежды и далее, в Южном Индийском океане. 8 февраля, на разсвете, увидели к *S* ледяные острова, которых насчитывали до восьми, некоторые высотой около 200 футов глазомерно; около полдня, когда отошли от того места на 25 миль, они скрылись из виду. На всем переходе до порта Джаксона замечено было сильное попутное течение, которым отнесло корабль почти на 1 200 миль к северо-востоку.

Оставив порт Джаксон в конце апреля, лейтенант Хромченко направился к *NO*. 28 апреля прошел он в виду островов Норфолька, и 3 мая пересек южный тропик. Следуя далее к северу, 9-го миновал в 15 милях остров Ротуму или Гренвиль и определил положение его.

11 мая лейтенант Хромченко открыл обитаемый лесистый островок, четыре мили длины по меридиану и до $\frac{1}{2}$ мили шириною, возвышенный до 80 футов, который назвал именем Левендаля, старшего лейтенанта на корабле «Елена». (Этот же самый островок был открыт в 1825 году командиром голландского фрегата Керценом на пути от острова Нука-Гива к островам Молуккским, назван им островом Нидерландским. О. Г. Хромченко, не зная об этом и считая найденный им остров новым открытием, назвал его именем своего старшего лейтенанта.) На следующий день видны были стада береговых птиц, летящих к *SW*, но берега не примечено. 14 мая, проходя мимо острова Гран-Кокал, лейтенант Хромченко определил его в широте $6^{\circ}12'30'' S$, долготе $176^{\circ}13' O$, а с 22 по 26 мая, прорезывая архипелаг Маршалла, определил еще следующие группы островов: Миле, Медиуро, Эрегуп, Лигиэп (съемка этих групп сделана штурманом Кашеваровым).

1 июня перешли северный тропик и лишились *NO* пассата; впрочем, *N* и *NO* ветра, перемежаясь со штилями, провожали корабль еще до $32^{\circ} N$ широты. 18 июня видели береговых птиц и плавающее бревно; однакож земли не открывали. 4 июля прибыли к месту своего назначения — в порт Ново-Архангельск.

По прошествии около трех с половиною месяцев, проведенных в Ситхе за сдачею груза, приемом колониальных пушных промыслов и за противными ветрами, 15 октября лейтенант Хромченко отправился в обратное плавание. Через шестнадцать дней по выходе из Ситхи бросил он якорь в порте С.-Франциско, чтобы налиться водою и запастись дровами, а 13 декабря снова пошел в море и через месяц (11 января) пересек экватор. Продолжая плавание также успешно и в южном полушарии, 16 февраля он прошел меридиан мыса Горна, а 13 марта прибыл в Рио-Жанейро, чрез девяносто дней по выходе из порта С.-Франциско. При обходе мыса Горна в команде начала было показываться цынга, но быстрота следовавшего перехода не допустила большого развития болезни, и 5 мая по выходе из Рио-Жанейро, не было уже ни одного больного.

Следуя большею частью с попутными ветрами, 28 июня прошли Английский канал, 2 июля пришли в Гельсинор, через два дни в Копенгаген и 10 июля бросили якорь на Кронштадтском рейде, через год и одиннадцать месяцев после выхода из этого порта.

Это было одно из самых счастливых плаваний: не только что из команды не потеряно ни одного человека, но даже не было никаких повреждений в корпусе корабля и вооружении. Ценность привезенного груза из колоний простиралась по продажным ценам до 1 200 200 руб. ассигнациями.

25. ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ «КРОТКИЙ». 1828—1830

Капитан-лейтенант Гагемейстер, известный уже по двукратным плаваниям в колонии Российско-Американской компании, в начале 1826 года назначен командиром транспорта «Кроткий», только что возвратившегося из кругосветного плавания, и послан в Камчатку и колонии для доставки туда разного груза, именно: такелажа, железных вещей, инструментов по столярному, плотничному и другим мастерствам и прочего, также и для крейсерства в колониях.

Из Кронштадта он вышел 10 сентября 1828 года, остановливался на три дни в Копенгагене и через две недели после того прибыл в Портсмут.

В продолжении десятидневного пребывания в Портсмуте, капитан Гагемейстер осмотрел и исправил свое судно; между прочим, при осмотре борта открылось под вант-путинами несколько *промахов*, от которых происходила значительная течь. Вместо запасного якоря здесь куплен другой, с цепным канатом, для которого сделаны все необходимые перемены в грот-люке и клюзах. В то же время из Лондона получены астрономические инструменты, хронометры (три) и карты.

14 октября капитан Гагемейстер оставил берега Англии, намереваясь идти в Великий океан вокруг мыса Доброй Надежды. 3 ноября миновал он Тенериф, и чрез два дни после того получил *НО* пассат; а 11 ноября бросил якорь в Порто-Прая на острове С.-Яго. Отсюда вышел 16-го и направил курс к мысу Доброй Надежды.

Быстро пройдя полосы обоих пассатов, далее следовал он с переменными ветрами и 25 декабря достиг южной широты 34° в долготе 20° *W*; в этом месте выдержал сильный шторм.

31 декабря транспорт находился уже на параллели мыса Доброй Надежды, около 1 700 миль от него к западу. 5 января 1829 года во второй раз пересек Гринвичский меридиан, а 14-го зашел в Симонс-Бай, чтобы налиться водою и исправить поврежденный во время шторма такелаж.

По окончании этих работ вышли отсюда 26 января. На пути в Джаксон видели много птиц, но земли не приметили, может быть оттого, что горизонт

был нечист. 13 марта прошли в 40 милях мыс Пиллар (Вандименовой земли), а 26-го прибыли в порт Джаксон, ровно через два месяца по выходе из Симонс-Бая. На всем этом переходе ветра дули более из *SW* и *NW* четвертей.

Просушив трюм и снабдив транспорт провизией, капитан Гагемейстер отправился из порта Джаксона 19 апреля. Сначала предполагал он осмотреть острова Лойялти и Броун, но, узнав, что на этих самых островах был уже капитан Диллон, и что капитан Дюмон-Дюрвиль также посещал острова Маликоло и Лойялти, решил идти восточнее этих групп, по западной границе островов Фиджи, и, осмотрев эту часть группы, определить потом широту и долготу острова Гюнтер (или Фаревель), которым оканчивается к северу группа Фиджи.

27 апреля перешли меридиан острова Норфолька, в 200 милях от него к югу, 5 мая прорезали тропик Козерога, а 7-го после полудни открылся остров Мейвулла. В продолжение двух следующих дней сделана съемка и определено астрономически положение этого острова.

12 марта транспорт миновал параллель острова Ротумы, а 24-го, находясь вблизи экватора, прошел чрез место, на котором означен остров Океана высотой в 1 804 футов; но не видели этого острова и даже не приметил каких-либо признаков берега, хотя ясная погода позволяла усмотреть землю на весьма большом расстоянии.

Во всю следующую ночь капитан Гагемейстер держался под малыми парусами, полагая себя вблизи острова, однакож ничего не открылось.

29 мая поутру увидели с салинга несколько лодок, идущих к транспорту. Небольшое количество ножей, бисеру и маленькое зеркало, подаренные старшине первой лодки, тотчас привлекли все другия. По словам капитана Гагемейстера, жители этой группы (которая, вероятно, то же, что остров Бостон, открытый американским шкипером Рей в 1824 году), во многом сходствуют с обитателями островов Радак, исследованных капитаном Коцебу.

Продолжая плавание к северу, 2 июня прошли мимо островов Элмор и Принцесс, а в следующий полдень открыли группу из десяти необитаемых островков, простирающуюся от *O* к *W* около двенадцати миль и до четырех миль по меридиану. Крепкий ветер и сильные буруны не допустили познакомиться ближе с островитянами, хотя лодки их и виднелись вдали. Около двадцати миль к западу от этой группы открыта другая, до семи миль по параллели. Оба новых открытия составляют одну цепь и принадлежат к Маршаллову архипелагу; капитан Гагемейстер назвал их островами князя Меншикова.

5 июня, определив положение островов Эшшольца, открытых и описанных капитаном Коцебу, капитан Гагемейстер направился к берегам Камчатки. Чрез неделю вышел из пределов *NO* пассата и, сопутствуемый переменными ветрами и пасмурностью, увидел берег близ Петропавловскаго порта. 10-го бросил здесь якорь, совершив плавание из Кронштадта в десять месяцев.

Выгрузив привезенные материалы и просушив трюм, капитан Гагемейстер стал изготовляться к плаванию в Ново-Архангельск. При осмотре транспорта оказалось много повреждений в такелаже и отчасти в рангоуте; все это было, по возможности, исправлено, и к исходу сентября транспорт, снабженный сообразно средствам порта, был готов к отправлению в море.

3 октября капитан Гагемейстер оставил Камчатку (в Петропавловском порте был принят для доставления в Россию Берлинский профессор Эрман, который находился там для магнитных и метеорологических наблюдений и в особенности для определения степени магнитной силы) и, сообразуясь с данною ему инструкцією, избрал путь по южную сторону Алеутской гряды.

Девятнадцатидневный переход до Ново-Архангельска сделан был при крепких ветрах и постоянной пасмурности. 10 октября замечено было много летящих к *NO* урилов и еще некоторые признаки земли. В это время ближайший берег (остров Амытыгасак) находился на *NO* 37° в 300 милях; пасмурность препятствовала рассмотреть горизонт. Постоянно сырая и холодная погода осталась не без влияния на команду; многие из нижних чинов занемогли простудою. Умер, впрочем, только один, давно страдавший чахоткою.

25 октября после полдня сквозь густую оконечность открылся мыс Святаго Лазаря; но признаки шторма заставили поворотить в море. Эта предосторожность была взята очень вовремя: ночью действительно ветер сильно покрепчал и, переменяясь несколько раз в направлении, задул, наконец, прямо на берег, при густом тумане; ртуть в барометре опустилась от 29,18 до 28,34. Поутру сквозь пасмурность снова показался мыс Св. Лазаря, и, руководствуясь этим пунктом, капитан Гагемейстер к полдню вошел в Ситхинский залив.

Получив от главного правителя колоний капитана Чистякова уведомление, что колонии не нуждаются в военном судне, капитан Гагемейстер отправился в порт С.-Франциско для закупки провизии. Туда прибыл 24 ноября, но провизии достать не мог по причине неурожая от бывшей пред тем засухи.

Оставив Калифорнию, капитан Гагемейстер следовал на юг почти по меридиану порта С.-Франциско и 28 декабря пересек тропик Рака. Намереваясь определить магнитный узел, отсюда он направил курс к месту, в котором, по вычислению Ганстейна и наблюдениям капитана Фрейсине, этот узел следовало искать. Из наблюдений разными инclinаторами капитан Гагемейстер вместе с доктором Эрманом убедились, что между долготами 236°42' и 218° *O* магнитный экватор не пересекает земного, но идет южнее в параллель ему на расстоянии от 1°48' до 1°52'.

Имея недостаток в воде, капитан Гагемейстер был принужден прекратить дальнейшие изследования и идти к острову Отаити. На пути туда он полагал заняться съемкою островов Мух и принца Валлисакого, еще не осмотренных новейшими мореплавателями.

20 января 1829 года после полудни открылся берег, в котором скоро узнали остров Ватерланд. Следуя далее, капитан Гагемейстер 27-го миновал острова Паллизера и северную часть цепи Рюрика. Ночью на 28-е держался он к северу, а на следующий день поутру увидел острова Мух. Тихий ветер, прерываемый по временам шквалами, не позволял подойти к берегу ближе $3\frac{1}{2}$ миль; на одном из островков замечен был дым; но жители не выезжали (в журнале ничего более не сказано об этих островах; вероятно, погода не допустила сделать наблюдения).

31 января при *NW* ветре миновали довольно далеко под ветром острова Крузенштерна. 5 февраля капитан Гагемейстер бросил якорь в Матавайской бухте. Господствующий в это время года здесь северный ветер делал пребыванием в этом заливе весьма опасным, и поэтому капитан Гагемейстер, не теряя времени, спешил налиться водою и выменять свежей провизии. Но целые трое суток не могли иметь сношения с берегом: северный ветер развел такое огромное волнение, что при килевой качке вода лилась в транспорт через кормовые окна, а при боковой — через порты. Положение транспорта становилось весьма опасно: будучи окружен бурунами не далее кабельтова, он легко мог быть выброшен на берег, где островитяне уже несколько раз собирались, ожидая крушения.

Остров тоже потерпел от этой бури: много домов разрушено, деревья выворочены с корнем, волнением и бурунами смыло часть мыса Венеры. Место, где стояла астрономическая палатка, затопило водою, и палатку на другой день уже вытащили из песка; однакож инструменты успели спасти. Сам командир транспорта, возвращаясь с берега, едва не утонул, попав со шляпкою в буруны. Во время этого шторма транспорт потерял одно из гребных судов, залитое волнением у самого борта.

Капитан Гагемейстер решился воспользоваться первым попутным ветром, чтобы оставить этот опасный рейд, хотя воды и дров запасено было только на два месяца. 11 февраля он вышел в море и при снятии с якоря едва не был выброшен на риф Дельфин (при самом подъеме якоря транспорт стало дрейфовать от оплошности матроса, канфорившаго цепь на брашпилье: ее заело в то самое время, когда якорь уже готов был отделиться от грунта).

Высвободившись и на этот раз из опасности, капитан Гагемейстер прошел по северную сторону острова Эймео, чтоб избежать штилей, господствующих под ветром больших островов.

До широты 45° *S* имели большею частию *SO* ветра и ясную погоду, но с этого места в половине марта настали ненастные погоды и бури, много повредившая рангоут и такелаж.

31 марта перешли меридиан мыса Виктории, а 6 апреля, в день Св. Пасхи, вступили в Атлантический океан. Около мыса Горна стояли умеренные ветра, больше из *NO* и *SO* четвертей...

1 мая капитан Гагемейстер прибыл в Рио-Жанейро. Окончив работы по транспорту, 6 июня вышел в море и с прибрежным муссоном 19-го достиг широты $21^{\circ} S$, в которой маловетрия продержали транспорт около недели. Получив потом *NO* пассат, имели весьма успешное плавание до самого экватора и после трехдневного промежутка штилей и безветрий между широтами 4° и $10^{\circ} N$ вступил в полосу *NO* пассата. 24 июля вышли из тропиков и продолжали плавание при умеренных *SW* ветрах. 17 августа открылись берега Англии около мыса Стюарта, и в тот же день капитан Гагемейстер вошел в Портсмутский рейд. Простояв тут пять дней, пошли в Балтийское море; на двое суток останавливались в Гельсиноре за противным ветром и 16 сентября прибыли на Кронштадтский рейд.

26. ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ «АМЕРИКА». 1831—1833

Весною 1831 года транспорт «Америка» под командою капитан-лейтенанта Хромченко был послан в Камчатку и колонии Российско-Американской компании с разным грузом. Командиру транспорта предоставлялось заняться также и гидрографическими работами, сколько дозволит то главная цель путешествия — доставка груза.

Погрузив до 6 500 пудов казенных материалов и около 17 500 пудов компанийских вещей и товаров, капитан Хромченко вышел из Кронштадта 26 августа 1831 года, имея морской провизии и других припасов на два года; некоторые статьи, впрочем, следовало дополнить в Копенгагене и Портсмуте.

В Копенгагене транспорт был поставлен в карантин (по случаю свирепствовавшей в С.-Петербурге холеры), и карантинный срок — семь дней — употреблен на окончательное приготовление к путешествию: покупку рома, вина и противуцынготных припасов.

Вступив под паруса 16 сентября, капитан Хромченко пользовался попутным ветром вплоть до канала; но тут встретил свежий *SW* и только 7 октября прибыл в Портсмут, остановившись на якорю на Модерн-Банке.

Отсюда вышли в половине ноября и направились прямо в Рио-Жанейро, не располагая заходить на Канарские острова. До широты $40^{\circ} N$ следовали с умеренными юго-западными ветрами, но около этой параллели несколько дней сряду выдерживали *SW* шторма. 6 декабря миновали Порто-Санто и, получив *NO* пассат, быстро перешли жаркий пояс, а 3 января 1832 года прибыли в Рио-Жанейро, сопровождаемые в последние дни плавания прибрежным *N* муссоном.

Перевооружив транспорт и дополнив запас воды и провизии, капитан Хромченко снялся оттуда в начале февраля. Позднее время года заставило его избрать путь вокруг мыса Доброй Надежды и Австралии; местом отдыха на этом переходе избран порт Джаксон.

С прибрежным северным муссоном транспорт скоро достиг параллели $32^{\circ} S$, а 28 февраля был уже на меридиане островов Тристан д'Акунга. Продолжая потом плавание при *W* и *SW* ветрах, 9 марта находились близ меридиана мыса Доброй Надежды, у котораго в широте $41\frac{1}{2}^{\circ} S$ выдержали *SW* шторм.

Исправив, по возможности, значительныя повреждения, причиненныя штормом, капитан Хромченко продолжал плавание к западу между параллелями 40° и $49^{\circ} S$, при господствующих в той части океана западных крепких ветрах. 31 марта пересек он меридиан Вандименовой земли, а 24 апреля направил курс прямо в порт Джаксон и 9 мая бросил якорь пред городом Сидней.

Продолжительныя бури на последнем переходе много повредили вооружение транспорта, так что почти целый месяц был употреблен на исправление его. Между тем сделаны все необходимые запасы, и 10 июня отправились в дальнейший путь.

20-го перешли южный тропик и на другой день миновали параллель острова Гюнтер или Фрэн — западнейшаго в группе Новой Каледонии — в 270 милях от него к востоку. В продолжение следующих десяти дней транспорт проходил по западную сторону островов Фиджи, не видав их, и 28-го подошел к группе Пейстер...

30 июня вскоре по восхождении солнца замечена близ него парелия (ложное солнце) — явление весьма редкое между поворотными кругами. В тот же день транспорт прошел в виду островов Гран-Кокал и Св. Августина, по восточную их сторону.

8 июля... транспорт находился в 15 милях от группы Гендервиль и Вуддль, в архипелаге Гильберта.

Пользуясь постоянно хорошею погодою, капитан Хромченко решился употребить несколько времени на изследование этого архипелага. В 10 часов утра, когда транспорт находился в трех милях от южнаго острова группы Гендервиль, показалось несколько лодок с островитянами, и в ожидании их транспорт лег в дрейф. Лодки скоро подошли к борту; на каждой было от двух до трех человек. Дикари тот час же начали менять кокосы и хлебные плоды на куски стараго обручнаго железа, которое целили очень высоко. Через час лодки удалились, а капитан Хромченко, определив средину группы Гендервиль, подошел к островам Вуддль и, находясь от западнейшаго из них в пяти милях, приметил около десяти лодок; лодки эти, как и самые островитяне, были совершенно похожи на жителей группы Гендервиль. Наменяв еще несколько провизии и туземных вещей на железо, продолжал он свой путь к северу. Вечером обе группы скрылись из виду.

На другой день капитан Хромченко определил положение еще следующих групп: Галл, Кука и Шарлоты (все долготы определены по трем хронометрам; а долгота острова Галл, сверх того, и по лунным расстояниям). К вечеру вышли в открытое море.

Проходя Маршалловым архипелагом, с 12 по 18 июля капитан Хромченко сделал съемку и определил положение островов: Мольгрэва, Арросмита, группы Мускильо, широту S оконечности острова Наму и остров князя Меншикова.

По окончании этих занятий капитан Хромченко взял курс в Петропавловский порт. 24 июля перешел тропик Рака, и отсюда до самой Камчатки сопутствовали ему умеренные ветра и ясная погода, изменявшаяся, по мере приближения, в пасмурную и туманную.

13 августа на развете открылась Авачинская сопка, а на следующий день утром транспорт подошел ко входу в губу. В пять часов пополудни, огибая Сигнальный мыс, стал на мель, с которой снялся не прежде, как чрез трое суток, выгрузив на берег и на присланный от порта бриг до 3 000 пудов разных тяжестей.

По снятии транспорта с мели тотчас же было приступлено к исправлению разных повреждений в рангоуте и такелаже, неизбежных в столь дальнем плавании; между тем выгружали и славали в порт казенные материалы. 7 сентября жестоким шквалом от N стащило в воду якорь, за который были взяты швартовы, и транспорт понесло к берегу; однакож, он скоро задержался на брошенном немедленно другом якорю.

13 сентября капитан Хромченко отправился в Ново-Архангельск. На этом переходе сопровождали его постоянно крепкие NW ветра с пасмурностию и дождем.

Вместо выгруженных в Ситхе компанейских товаров было погружено до 13 000 пудов каменного балласта и 2 500 пудов разных товаров из магазинов компании; тут же были приняты на транспорт несколько пассажиров для переезда в Кронштадт (коммерции советник Хлебников, штурман Обрядин и несколько человек нижних чинов).

Простояв за маловетрием четыре дня у выхода из Ситхинского залива, капитан Хромченко отправился в порт С.-Франциско, чтобы запастись там провизиюю для обратного плавания в Россию.

Маловетрия и штили сопровождали его до параллели $44\frac{1}{2}^{\circ} N$. 11 декабря транспорт прошел в виду селения Росс и на следующий день бросил якорь в губе С.-Франциско.

Получив здесь все нужное, капитан Хромченко в январе 1833 года снова пустился в путь, намереваясь идти вокруг мыса Горна. Чрез месяц он был уже в южном полушарии, вне поворотных кругов. 9 февраля видели береговую птицу, хотя ближайшая земля (остров Елисаветы и сомнительный остров Бонд) отстояла не ближе 120 итальянских миль. Через два дня открылся остров Питкери, замечательный поселившеюся на нем колонию европейцев. Подойдя к нему на расстояние четырех миль, транспорт лег в дрейф, и вслед за этим показалось несколько лодок с островитянами. Трое из них остались

на транспорте до следующего утра; их отправили на берег с лейтенантом Бодиско, который возвратился с достаточным количеством картофеля и других продуктов. Долгота острова, выведенная по трем хронометрам, $229^{\circ}50'33''$ *O*, а наибольшее возвышение над морем 1 109 английских футов.

В тот же день капитан Хромченко отправился далее. В широте 40° *S* встретил крепкие *SW* и *NW* ветра, которые быстро перенесли транспорт в Атлантический океан. 7 апреля он стоял уже на рейде Рио-Жанейро.

Снова исправив здесь весь стоячий такелаж и дополнив запас провизии, капитан Хромченко отправился в море с тихим *NO—NW* муссоном, который спустя несколько дней принял вид настоящего пассата. Через месяц вышел он из пределов *SO* пассата, и 4 июля прошел параллель острова Корво. 20-го прибыл ко входу в Английский канал, но тут встретился крепкий *NO*, заставивший укрыться на Даунском рейде.

Перейдя Немецкое море с крепким *NW*, капитан Хромченко останавливался еще в Копенгагене и 13 сентября прибыл па Кронштадтский рейд, потеряв в продолжение двухлетнего плавания только одного человека из всего экипажа.

27. ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ «АМЕРИКА». 1834—1836

В следующем 1834 году тот же транспорт «Америка» под командою капитан-лейтенанта Фон-Шанца (ныне адмирал) был отправлен в Камчатку и колонии с разным грузом, всего до 25 000 пудов. В вооружении и по другим частям в транспорте сделаны были некоторые перемены и улучшения, дознанные опытом во время предшествующаго плавания его кругом света.

5 августа 1834 года капитан Фон-Шанц вышел из Кронштадта; на неделю останавливался в Копенгагене и, снявшись оттуда 22-го, встретил на другой день у Скагена крепкий *W* ветер с пасмурностию, продолжавшийся на всем переходе чрез Немецкое море. Наконец 3 сентября ветер отошел к *SO*, и 5-го транспорт прибыл на Портсмутский рейд.

В Портсмуте было погружено до 60 тонн шерстяных вещей, купленных Российско-Американскою компаниею для своих колоний. Отсюда вышли 20 сентября и направились прямо в Рио-Жанейро.

Сопутствуемые переменными, часто крепкими, ветрами, 4 октября миновали в 17 милях остров Мадеру, а 8-го вступили в пределы *NO* пассата, который близ островов Зеленаго Мыса (13 октября) два дня дул от *N*. 17-го достигли полосы штилей и в продолжение десяти суток выдерживали здесь почти безпрерывные шквалы с дождем. Пасмурная и сырая погода продолжалась и далее, до самого берега Америки, у котораго в виду мыса Фрио маловетрия задержали транспорт с лишком полторы недели. В течение этого времени по трем хронометрам определена долгота мыса Фрио $41^{\circ}32'6''$ *W* от Гринвича.

Пользуясь малейшею благоприятною переменою ветра и употребляя иногда даже буксир, капитан Фон-Шанц вошел, наконец, на рейд Рио-Жанейро после шестидесятидневного перехода из Портсмута.

Из Рио-Жанейро направились к мысу Доброй Надежды. Крепкие *NO* ветра сопровождали по январь следующего 1835 года до широты $33\frac{1}{2}^{\circ}$ *S*. С этой же параллели и до самого мыса, меридиан которого перешли 17 января в 360 милях, стояли переменные ветра от севера.

От меридиана мыса Доброй Надежды следовали между параллелями 40° и 44° и, выдержав в течение следующей недели (18—24 января) весьма крепкий *N* ветер, 7 февраля от меридиана *S*-й оконечности Вандименовой земли капитан Фон-Шанц взял курс к порту Джаксону. 6 марта утром открылся берег Австралии, а на следующий день транспорт бросил якорь против города Сиднея. Дополнив здесь запас воды, вышли в море и следовали к востоку между параллелями 33° и 35° *S* при северных, часто крепких, ветрах. 22 апреля миновали *N*-ю оконечность Новой Зеландии, а 27-го от долготы 179° *O* взяли курс в Петропавловский порт.

2 мая после *NO* шторма с большою зыбью, ветер перешел к западу; 9-го получили *SO* пассат, сопровождавший до 16-го при постоянно дурной погоде. Почти двухнедельное плавание между пассатами сопровождалось тихими ветрами от *NO* и *SO*, изредка перемежавшимися шквалами с дождем. Этот продолжительный переход, обыкновенно столь гибельный для команды, совершен весьма счастливо, вероятно, вследствие мер, принятых заблаговременно для сохранения здоровья людей. Число больных вообще было не более четырех человек.

От широты 30° *S* капитан Фон-Шанц следовал посредине между путями капитанов Головина и Гагемейстера. 28 мая наступил *NO* пассат. Транспорт тогда находился в виду группы Принцесс. С нея приезжали на нескольких лодках жители, но после незначительной мены вскоре возвратились к берегу; а транспорт продолжал свой путь. На следующее утро к *W* и *NW* показался берег. Так как в этом направлении нельзя было ожидать какой-либо известной земли, то капитан Фон-Шанц тотчас спустился к западу и скоро рассмотрел, что виденный берег есть группа островов кораллового образования. Между тем как с транспорта занимались съемкою, несколько лодок с островитянами подходили на расстояние кабельтова, но скоро возвратились назад, и все средства приманить их к борту оказались недействительными. Пробовали сами пристать к берегу, но посланный туда лейтенант Беренс был принужден возвратиться за невозможностию приблизиться к берегу по причине бурунов.

Положение новооткрытой группы определено обсервациями в широте $10^{\circ}5' N$, долготе $166^{\circ}4'10'' O$. Группа эта состоит из тринадцати, большею частию обитаемых, коралловых островов и принадлежит к обширному архипе-

лагу Маршалла. В атласе адмирала Крузенштерна это новое открытие отмечено под именем островов Шанца.

Сделав съемку, с вечера 30 мая капитан Фон-Шанц продолжал плавание на север. 5 июня перешел тропик Рака в долготе $158^{\circ}39' O$ и вслед за тем выдержал несколько крепких *NW* ветров, особенно близ широты $42^{\circ} N$, 19 июня. Наступившие с того времени постоянные дожди и туманы имели значительное влияние на здоровье экипажа. Число больных на этом переходе возросло до 10 человек; большая часть их поправились только по приходе в Камчатку.

25 июня сквозь туман открылись берега Авачинской губы, и 27-го вошли в Петропавловский порт, чрез 67 дней после отплытия из порта Джаксона.

Выгрузив привезенные материалы на бриг «Елисавета» и приняв до 2 000 пудов разного груза (пришедших в негодность железных и медных вещей), капитан Фон-Шанц вышел отсюда 21 августа и 13 сентября прибыл в Ново-Архангельск. На этом переходе выдержали сильный восточный шторм. Перегрузка транспорта и прием вещей из компанейских магазинов для доставления в Россию задержали его в Ситхе до 11 октября.

По выходе отсюда взяли курс к Сандвичевым островам, имея в виду застаться там провизиею для перехода в Атлантический океан. После бурного 26-дневного плавания увидели, наконец, высоты острова Мови и вскоре затем вошли в гавань Гонолулу на острове Оагу.

Обманувшись в надежде приобрести здесь достаточное количество провизии, принятый, впрочем, королем весьма ласково, капитан Фон-Шанц 13 ноября пошел к островам Отаити, где полагал дополнить свои запасы.

Первые восемь дней этого перехода транспорт шел с *NO* пассатом, который заменился потом тихими ветрами от *SO* и штилем, а в широте $4\frac{1}{2}^{\circ} S$ перешел к *SW*. 6 декабря открылся остров Отаити, но штили задержали в виду его еще четыре дни. Наконец, 10-го вошли в залив Талу на острове Эймео, где находился тогда король таитский.

Разные поправки в такелаже, нагрузка провизии и запас воды задержали здесь до января следующего 1836 года.

Оставив группу Отаити, направились к мысу Горну, и 9 января перешли южный тропик. С 15-го наступила дурная погода и крепкие ветра от *SO* и *O*, потом от *W*. 1 февраля, когда транспорт находился в счислимой широте $53^{\circ} S$ и долготе $262^{\circ} W$, увидели ледяную гору в расстоянии около десяти миль к югу. Ветер был *SW*, крепкий, по горизонту пасмурность; термометр Фаренгейта показывал $+50^{\circ}$ ($+8^{\circ} P$). Во всю следующую ночь, опасаясь подобной встречи со льдами, лежали в дрейфе; однакож льду более не показывалось.

Огибая мыс Горн, с 4 по 9 февраля выдерживали частью шторма от *SW* и *W*, впрочем, без особенных повреждений для судна.

Западные и юго-западные ветра сопровождали и в Атлантическом океане до 16 февраля, большею частию при дурной погоде. С 26 февраля настала

ясная погода и прибрежный муссон (*SSW—SO*), с которым 7 апреля достигли Рио-Жанейро.

Здесь простояли неделю, приготавливаясь к дальнейшему плаванию.

13 апреля оставили Рио-Жанейро. До наступления *SO* пассата имели *NO—NW*, иногда крепкие ветра, и отчасти дурную погоду; пассат дул вообще неправильно, перемежаясь часто шквалами, особенно около экватора.

По выходе из тропиков в конце мая направились к Английскому каналу, но, встретив на параллели мыса Лизарда (2 июня, в 450 милях) крепкий *NO*, капитан Фон-Шанц решил, чтобы не терять времени в лавировке, идти вокруг Великобритании. 14-го открылись и обойдены Шетландские острова, а 21-го пришли в Копенгаген. Налившись водою, отсюда вышли 9 июля и 15-го бросили якорь на Кронштадтском рейде.

28. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «ЕЛЕНА». 1835—1836

Лейтенант Тебеньков с вверенным ему компанейским кораблем «Елена» (тот самый корабль, на котором ходили в колонии капитаны Чистяков, Муравьев и Хромченко), вышел из Кронштадта 5 августа 1835 года. Встретив на переходе до Копенгагена крепкие противные ветра, прибыл он туда только 14-го числа, а 19-го вступил в Каттегат. На переходе Немецким морем имел тихие ветра, но при входе в канал встретил крепкий *WSW*, от которого должен был на двое суток укрыться в Диле и потом почти две недели лавировать до Портсмута, куда прибыл 9 сентября. К 15-му того же месяца корабль был готов снова идти в море, но противный ветер задержал его на рейде до 21-го.

26-го он вступил в океан и, получив *N* ветер, незаметно перешедший в пассат, следовал с ним до 10° *N* широты; здесь пассат прекратился, и наступили переменные ветра, до того уклонившие корабль к западу, что он не мог прорезать экватор ближе 28° *W* долготы. Сопутствуемый *SO* пассатом от параллели 4° *N*, он прибыл в Рио-Жанейро 15 ноября, чрез 55 дней по выходе из Портсмута.

До сих пор состояние здоровья экипажа было самое удовлетворительное, но пред выходом в море 29 ноября вдруг оказалось до шестнадцати человек больных холерическими припадками. В продолжение следующих пяти дней переболела почти вся команда. Впрочем, болезнь эта вскоре прекратилась. 3 декабря корабль «Елена» выступил в море уже со здоровым экипажем (лейтенант Тебеньков полагает, что причиною этой болезни были чрезмерные жары и быстрый переход на свежую пищу).

Следуя с тихим попутным ветром, чрез три недели достиг он островов Фалкландских и 24 декабря прошел в виду острова Сальважес. Чрез три дни был уже на параллели мыса С.-Жуана, 30 декабря пересек меридиан Горна

и 9 января вышел на параллель мыса Виктории, обогнув мыс Горн в 13 дней. Во все это время имели только большую зыбь от *W*, но ветра стояли тихие, от *SW* и *NW*; термометр (Реомюра) показывал около +6°; самое большое удаление к югу было в широте 58°13' S, а к западу — в долготе 80° *W*.

Плавание вдоль западного берега Америки сопровождалось умеренным ветром из *NW* четверти; 24 января корабль «Елена» бросил якорь на рейде Валпарайзо.

В начале февраля лейтенант Тебеньков оставил этот рейд, и 16 апреля прибыл в Ново-Архангельск, сделав переход из Кронштадта в восемь месяцев и одиннадцать дней. Корабль «Елена» был оставлен в колониях, и большая часть экипажа его поступила в компанейскую службу, а остальные возвратились в Кронштадт через Охотск.

По предварительному условию с главным правителем компании, лейтенант Тебеньков и экипаж корабля его за быстрый переход из Кронштадта в Ново-Архангельск получили в виде премии 6 000 рублей.

29. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «НИКОЛАЙ». 1837—1839

Корабль «Николай», снаряженный Российско-Американской компаниею для доставки в ся колонии разного груза, вышел из Кронштадта 8 августа 1837 года и, выдержав в Балтийском море два жестокие шторма, 17-го числа прибыл в Копенгаген. Здесь оставался, за разными надобностями, до 22-го. 24-го вошел в Каттегат с попутным ветром; но, пройдя Скаген, встретил крепкие юго-западные ветры, продолжавшиеся чрез все Немецкое море; наконец, 9 сентября, после весьма бурного перехода, бросил якорь на Портсмутском рейде.

Девять дней стоянки на этом рейде были употреблены на приготовление корабля к плаванью океаном. 18 сентября капитан Беренс отправился в море и едва потерял из виду берега Англии, как встретил юго-западный ветер, дувший постоянно в продолжение следующих десяти дней, до широты 45° *N*, где опять получил он *N*, который потом незаметно перешел в пассат. 23 октября прорезали экватор. Дальнейшее плавание до Рио-Жанейро было еще успешнее. 4 ноября увидели мыс Фрио и на другой день положили якорь в заливе Рио-Жанейро, сделав переход из Портсмута в 48 дней.

Снявшись из Рио-Жанейро 22 ноября, капитан Беренс взял курс таким образом, чтобы пройти между берегом Патагонии и Фалкландскими островами. 13 декабря он был уже на параллели последних, где встретил непродолжительный, но жестокий шторм от *SW*. 16-го числа миновал он параллель земли Штатов; 19-го в широте 58° *S* пересек меридиан мыса Горна, у которого выдержал еще двухсуточный шторм. С этого дня корабль должен был бороться с постоянными бурями от *W*, *SW* и *WNW*. Располагая

курсами таким образом, чтобы как можно более продвигаться по параллели, капитан Беренс к 3 января 1838 года достиг широты $60^{\circ} S$ в долготе $80^{\circ} W$ и тут получил ветер от *SSW*, против ожидания, сопровождавший его до самого берегового муссона. Пользуясь этим, корабль весьма скоро подвигался вперед, и 17 января бросил якорь на рейде Вальпарайзо, через 50 дней по выходе из Рио-Жанейро.

Из Валпарайзо корабль «Николай» отправился в дальнейший путь в начале февраля и 14 апреля прибыл благополучно в Ново-Архангельск (об этом последнем переходе донесения капитана Беренса в Компанейских архивах не отыскалось), совершив плавание из Кронштадта в восемь месяцев и шесть дней (тремя днями скорее корабля «Елена» в 1836 г.).

8 ноября того же года он отправился из Ситхи в Кронштадт с грузом пушных промыслов на сумму 300 000 рублей.

Во время пребывания в колониях корабль этот ходил с главным правителем капитаном 1-го ранга Купреяновым для осмотра селения Росс; а теперь на нем отправились в Россию некоторые из чиновников, кончившие срок своей службы в Колониях, и экипаж корабля «Елены», прибывшего в 1836 году, взамен которого часть экипажа корабля «Николай» осталась в Ситхе.

После 43-дневного бурного перехода капитан Беренс 22 декабря прибыл в гавань Гонолулу на остров Оагу (Сандвичевы острова). Простояв тут для освежения команды двенадцать дней, 2 января 1839 года вышел он в море и направился к мысу Горну. Необыкновенно скорый и удачный переход предела переменных ветров и свежие пассаты обоих полушарий так ускорили плавание корабля, что капитан Беренс счел возможным без утраты времени остановиться на несколько дней у одного из островов архипелага Отаити и 29 января бросил якорь в гавани Опуноху на острове Эймео.

Четырех дней стоянки в этой гавани было достаточно для возобновления запасов и изготовления корабля к дальнейшему плаванию. 2 февраля он оставил остров Эймео и, пользуясь свежими ветрами от *SW*, *W* и *NW*, быстро подвигался вперед, так что 28 февраля был уже на меридиане мыса Горна. 5 марта прошел параллель Земли Штатов, 9-го — Фалкландских островов, а 29 марта бросил якорь на рейде Рио-Жанейро, сделав последний переход в 54 дни, не имея ни одного большого и никаких повреждений в корабле, хотя при обходе мыса Горна выдержал несколько равноденственных штормов.

10 апреля корабль «Николай» оставил Рио-Жанейро и чрез 48 дней быстрого плавания находился уже в канале, в виду Фальмута. Продержавшись здесь несколько часов для закупки свежей провизии, прошел он прямо в Зунд; на четыре дни останавливался потом в Копенгагене и прибыл в Кронштадт 22 июня, совершив переход из Ново-Архангельска в семь месяцев и 14 дней, из коих на якорных стоянках употребил только 32 дня.

30. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «НИКОЛАЙ». 1839—1841

По возвращении корабля «Николай» из Ситхи в конце июня 1839 года, он в том же самом году снова был отправлен в Ново-Архангельск, теперь под командою лейтенанта Кадникова и под главным начальством капитана 2-го ранга Этолина, назначенного главным правителем колоний вместо капитана 1-го ранга Купреянова.

О плавании корабля «Николай» до Ново-Архангельска не отыскалось никаких сведений ни в Адмиралтейском, ни в Компанейском архивах. Известно только, что он отправился из Кронштадта 19 августа 1839 года и прибыл благополучно в Ново-Архангельск 1 мая 1840 года. Лейтенант Кадников остался на службе в колониях, а корабль поступил под команду капитан-лейтенанта Воеводского и под главное начальство капитана 1-го ранга Купреянова, который на этом же корабле возвращался в Россию.

В конце сентября капитан Воеводский изготовился к выходу в море и 30-го вступил под паруса, имея на корабле пушного товара на сумму 57 200 рублей. Следуя с умеренными ветрами, чрез две недели пришел он на вид селения Росс и, приняв оттуда назначенный груз, продолжал плавание к порту С.-Франциско, куда прибыл 16 октября. По окончательном изготовлении здесь, капитан Воеводский снова вышел в море 17-го ноября и чрез 12 дней в широте $28\frac{1}{2}^{\circ} N$ получил *NO* пассат. Отсюда стал он держать таким образом, чтобы пересечь экватор в долготе $105^{\circ} W$. Следуя по этому направлению с весьма неправильным и тихим пассатом, 12 декабря достиг он широты $9^{\circ} N$, в долготе $247^{\circ} O$. Ветр, постепенно изменяясь, перешел к *SO* и, установившись из этой четверти, обратился в настоящий *SO* пассат, с которым 22 декабря корабль перешел экватор в долготе $118^{\circ}45' W$ и 1 января вышел из тропиков.

На следующий день лишился он *SO* пассата и несколько дней имел маловетрия от *N* и штили, заменившиеся потом брамсельным ветром от *N* к *NW*. 23 января корабль «Николай» прошел в виду острова Жуан-Фернандез, а 26-го бросил якорь на рейде Валпарайзо. Здесь простоял он до половины февраля следующего года. На переходе отсюда к мысу Горну был сопровождаем вначале тихим *SO* ветром, потом умеренными от *NW* и *SW*. 8 марта прошли меридиан Горна и, продолжая плавание с умеренными переменными ветрами, 27 марта прибыли в Рио-Жанейро.

Плавание из Рио-Жанейро в Европу совершенно также счастливо: 25 мая были уже вне тропиков и за пределами северо-восточного пассата, сопутствуемые переменными тихими ветрами; 9 июня прошли в 67 милях к югу от острова Флореса (Азорские острова); 19-го остановились на сутки на якоре близ острова Байта; 23-го вступили в Немецкое море; пять дней простояли потом в Копенгагене и 13 июня 1841 года прибыли в Кронштадтский рейд.

31. РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКОЙ КОМПАНИИ КОРАБЛЬ «НАСЛЕДНИК АЛЕКСАНДР». 1840—1841

Капитан-лейтенант Зарембо на корабле «Наследник Александр» отправился из Кронштадта в Ситху 14 августа 1840 года. Назначение его было, как обыкновенно, доставка в Ново-Архангельск разного груза, по сдаче которого корабль и часть экипажа его должны были остаться на службе в колониях.

24 августа корабль этот прибыл в Копенгаген, где и оставался до 2 сентября. Снявшись отсюда, 4 сентября он вышел из Скагеррака, а 8-го подошел ко входу в Английский канал. Тут встретил он крепкий *SW*, от которого должен был укрыться на Дильском рейде. Отсюда вышел 13 сентября и, пройдя канал лавировкою, 21-го вступил в Атлантический океан, направляясь в Рио-Жанейро.

Следуя в этом направлении с попутными ветрами, 9 октября, при переходе северного тропика, в долготе 25° *W* получил *NO* пассат, сопровождавший по 15-е того же месяца, до широты $8^{\circ}40'$ *N*, долготы 24° *W*. С 15-го по 25-е были задерживаемы штилями и маловетриями, а в широте $5^{\circ}20'$ *N* встретили *SO* пассат. 25 октября перешли экватор в долготе $24^{\circ}10'$ *W*, и 7 ноября прибыли в Рио-Жанейро, сделав последний переход в 55 дней.

Из Рио-Жанейро капитан Зарембо выступил в море 23 ноября и, следуя вокруг Горна, 13 января 1841 года остановился на рейде Валпарайзо. Простояв тут около двух недель, продолжал он плавание с юго-восточным пассатом по 18 февраля до широты $3^{\circ}10'$ *N*, долготы 117° *W*, перейдя накануне этого дня экватор в долготе $116^{\circ}5'$ *W*. 3 апреля прибыл благополучно в Ново-Архангельск (из частных записок одного из участников экспедиции Г. В. Баженова. Официальных известий не отыскалось).

32. ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ «АБО». 1840—1842

Транспорт «Або», назначенный для доставки разного груза в Камчатку, был построен на Абовской верфи собственно для кругосветного плавания (длина $131\frac{1}{2}$ футов, ширина $33\frac{1}{2}$) и вверен начальству капитан-лейтенанта Юнкера.

5 сентября «Або» вышел из Кронштадта, а 15-го прибыл в Копенгаген. Отсюда отправились 26-го, и 6 октября вступили в Немецкое море. Пройдя его с крепким западным ветром, 10-го бросили якорь на Портсмутском рейде. Приготовляясь к дальнейшему плаванию, капитан Юнкер здесь переправил вооружение и переменял ватер-штаги, лопнувшие на переходе Немецким морем (7 октября).

12 ноября вступили в Атлантический океан и стали держать к острову Тенерифу с умеренными и тихими ветрами. 23-го прошли в виду острова Мадеры, потом останавливались на четыре дни у Тенерифа для закупки свежей провизии и продолжали плавание между берегов Африки и островами

Зеленаго мыса с *NO* пассатом при пасмурной погоде. 8 декабря миновали параллель Зеленаго мыса, а с 11-го по 18-е шли междупассатною полосою, с обыкновенными в этом поясе переменными ветрами. 1 января 1841 года транспорт перешел южный тропик в долготе $24^{\circ}50' W$ (в этот же день в 11 часов утра от внезапнаго шквала треснула фор-стенга, вместо которой выстрелили запасную) и направил курс к мысу Доброй Надежды. Плавание до этого места сопровождалось тихими и умеренными северными ветрами. 13-го, пройдя параллель мыса Доброй Надежды в разстоянии 1 130 итальянских миль, взяли курс *OSO*; а 22-го от широты $37^{\circ} S$ и долготы $8^{\circ}50' O$ поднялись к *NO*. 24 января бросили якорь в Столовой бухте.

Трехнедельная здесь стоянка употреблена на исправление такелажа и возобновление запасов провизии и воды (при тяге фор-стен-фардунов сломался болт у цепнаго ватер-штага, и бушприт дал небольшую трещину).

Дойдя до параллели $39^{\circ} S$, капитан Юнкер следовал потом к востоку, между широтами 39° и $41^{\circ} S$ до 14 марта при крепких *SW* и *NW* ветрах. В этот день, находясь в долготе $90^{\circ} O$, стали склоняться к *NO* и *N*, а на следующий перешли меридиан островов Павла и Амстердама, в девяти милях к северу от перваго. Получив пассат около $28^{\circ} S$ широты, транспорт следовал с ним к Зондскому проливу, и 31 марта находился в счислимой широте $13^{\circ} S$ и долготе $92\frac{1}{2}^{\circ} O$. Здесь в этот день выдержали жестокий ураган, наделавший множество повреждений и бывший, может быть, одною из главных причин открывшейся впоследствии большой смертности. В шканечном журнале этот ураган описан так:

«Полдень. 30 марта. Ветр *OSO*, марсельный, облачно. Барометр 29.97. Симпиез. 29.84. Стало свежеть. 31 марта. Полночь. Ветр *OSO*, марсельный, темно-облачно, временно дождь, курс *NNO*. Барометр 29.82 при темп. $+19^{\circ} P$. Симпиез. 29.65. Терм. $+20^{\circ} P$. Темп. воды $+19^{\circ} P$. Паруса: марсели (фок и грот на гитовах, бизань закреплена). В начале 1-го часа ветер стал усиливаться, и барометр был на 29.62. Симпиез. 29.50. В исходе 1-го часа ветер более и более усиливался; барометр показывал 29.50. Вызвали людей наверх брать рифы. При вытягивании риф-галей лопнул грот-марсель, вслед за которым изорвало фор-марсель и кройсель. Отдано было приказание крепить паруса, но на это уже не было никакой возможности, без явной потери людей. Ветр с невероятною силою увеличивался; ходу было $11\frac{1}{2}$ узлов.

В половине 2-го часа ветер перешел в самое короткое время от *OSO* чрез *SO* к *SW*, с силою урагана. По приказанию капитана, держали бейде-винд левым галсом. Немного спустя у бизани и фока лопнули обносные сезни и гитовы, от чего их мгновенно изорвало. В три четверти 2-го часа упала фор-стенга, за нею грот- и кройс-стенги. Спустя четверть часа сломало утлегар и боканцы, на которых висят гребня суда. Во время самага урагана был сильный, почти параллельный дождь с безпрестанною грозою; но ударов грома от жестокаго шума и свиста слышно не было. Высота барометра в са-

мое время урагана ниже 29.38. Симпиез. 29.26. Спустя четверть часа барометр стал повышаться. В 4 часа воды в трюме 10¹/₂ дюйм (в полночь 9 дюймов). В половине 5-го часа ветер самый крепкий, с сильными порывами и молнией. Барометр 29.55. Симпиез. 29.54. Температура при барометре +21°; на воздухе +20°; в воде +21 °Р. В половине 6-го часа ветер стал стихать, и барометр показывал 29.81. В 8 часов утра воды 11 дюйм. В полдень обсерв. широта 12°30' S, долгота по трем хронометрам 92°24' O».

С 9 часов утра ветер стих, и во весь день 31-го был брамсельный, с ясною погодою. По миновании урагана тотчас же приступили к возможному исправлению повреждений, и к 4 апреля все было приведено в порядок. Между тем транспорт следовал по направлению к Никобарским островам с тихими и умеренными ветрами. 22 апреля открылись берега Суматры с окрестными островами, а 26-го стали на якорь на рейде острова Нанковри, одного из Никобарских островов.

Здесь было окончательно исправлено вооружение и сделаны возможные запасы. Но здесь же начались лихорадки, вскоре распространившиеся в сильной степени. По выходе отсюда направились чрез Малакский пролив. Частые штилы и постоянный зной усиливали развитие болезней, и в короткое время экипаж лишился пяти человек; больных было более двадцати. Остановившаяся на пути Малакским проливом в Джорж-Тоуне и Пенанге, 2 июня транспорт прибыл в Сингапур. Больные были немедленно свезены на берег; но в течение целого месяца стоянки здесь только половина из них поправились; некоторые померли.

Переход Китайским морем до Маниллы сделан в десять дней при умеренных *SO—SW* ветрах. Из Маниллы вышли 22 июля и 2 августа вступили в Великий океан. С 9 до 11 августа в широте 28¹/₂° N и долоте 128¹/₂° O выдержали шторм, постепенно переходивший от *ONO* к *S* и *SW* (во время этого шторма валом оторвало с кормовых боканцов гичку). После этого наступили штилы и маловетрия при сильной зыби, продолжавшиеся до 2 сентября, до широты 25° N, когда получили умеренный попутный ветер, с которым 15-го подошли на вид берегов Камчатки. 20 сентября стали на якорь в Петропавловском порте, чрез год и две недели после выхода из Кронштадта. На этом последнем переходе потеряли 13 человек умершими.

Выгрузка материалов и приготовление к обратному плаванию в Кронштадт задержали здесь до исхода ноября. 24-го капитан Юнкер вышел в море, прорубаясь сквозь устье Авачинской губы, покрытое уже льдом, и направил курс к мысу Горну, стараясь держаться сперва параллели 40° N, чтобы не выходить из полосы западных ветров, а потом пересечь экватор около 105° или 110° W долготы.

Двадцатидневный переход от Камчатки до севернаго тропика был одним из самых труднейших по причине безпрестанных почти штормов, холода

и ненастья. «Редко удавалось нести два марсея в три рифа, — говорит очевидец (А. И. Бутаков), — а в два рифа могли их держать только два раза, да и то не долее нескольких часов, после чего ветер снова заставлял убираться до нельзя... Иногда, по ночам, шторма сопровождалась пургами (мятелю): огромные хлопья мокрого снега крутились в воздухе, приставали к рангоуту и снастям, а потом глыбами падали на палубу... Иногда налетали шквалы, чуть не равносильные урагану, и после них ветер вдруг стихал, оставляя такую зыбь, что случалось, что нок гика уходил в воду».

Особенно замечателен был *SW* шторм 11 декабря в 8 часов вечера. В транспорт вкатился с кормы огромный вал (при курсе *OtS* и ходе 8 узлов): «Сперва он ударил в висевшую за кормою четырехвесельную гичку и переломил ее надвое об гик; кормовая половина повисла на талях, а носовая вместе с переломленною правою шлюпбалкою обошла спереди бизань-мачты и опустилась на левой стороне шканец. Один из десятивесельных катеров разбило вдребезги, другой кое-как после починили... Вахтенного лейтенанта, кондуктора и рулевых смыло к грот-мачте. Сходный люк, один оставленный незаконченным, был накрыт чехлом: масса воды ударила в него, выворотила медные стойки, переломала дуги и влилась вниз... Удар в двери капитанского буфета был так силен, что дверь слетела с петель и проломилась во внутрь, хотя она отворялась снаружи... Капитанский и кают-компанийский люки продавило и разбило стекла... Одну из карронад силою воды приподняло, и подбросило под нее бухту грот-марса-браса».

Впрочем, в рангоуте и вообще ни в чем не было важных повреждений. Сырость в палубах от большого количества влившейся туда воды впоследствии вместе с другими причинами способствовала к развитию скорбута на транспорте.

Около 20 декабря бури прекратились, и транспорт продолжал плавание с тихими ветрами при ясной погоде. В полосе пассатов замечательна была внезапная перемена *NO* ветра на *SO*. Этот феномен случился утром 13 января в широте $14^{\circ} N$ и долготе $119^{\circ} W$, в большом расстоянии от всех известных берегов. В два часа пополудни снова задул *NO* пассат. Трудно придумать, что могло быть причиною такой быстрой и внезапной перемены пассата? Может быть, близкая, но еще неизвестная земля.

По переходе экватора в долготу $125^{\circ} W$ тотчас же получили *SO* пассат; но он часто изменялся и в силе и в направлении, совсем прекратясь 6 февраля, в $19^{\circ} S$ широты. С 22-го по 26-е января сильным экваториальным течением транспорт увлекало к *W*, около 60 миль в сутки.

Плавание от южного тропика до мыса Горна сопровождалось переменными, иногда крепкими ветрами, при дурной погоде. 10 февраля прошли в виду необитаемого островка Гендерсон и потом двое суток безуспешно лавировали к острову Питкерну. 20 февраля в $35^{\circ} S$ широты открылись пер-

вые признаки скорбута, который с увеличением холода и сырости быстро развивался. 8 марта прошли параллель мыса Горна в 92° *W* долготы; в следующие десять дней огибали мыс, имея вообще довольно тихие ветра, иногда даже штили; 18-го перешли параллель Горна с востока в долготу 57° *W*. Между тем скорбут при недостатках всякого рода усилился чрезвычайно. Число больных доходило до тридцати человек — более половины наличных людей — и началась смертность. В короткий переход от мыса Горна до Рио-Жанейро умерло шесть человек.

Два с половиною месяца отдыха в Рио-Жанейро были необходимы для восстановления здоровья экипажа после 138-дневного перехода из Камчатки. Немногие из Русских кругосветных плователей делали переход длиннее этого (капитан Лисянский шел 142 дня из Кантона в Портсмут); но за то ни один из подобных переходов и не сопровождался столькими бедствиями, исключая разве корабль «Бородино», также много потерявшего умершими от скорбута.

Оставив берега Бразилии 26 июня, вскоре получили *SO* пассат, с которым шли до 18 июля, до 2° северной широты. Всю междупассатную полосу прошли с *SW* ветром при дожде. В 15° *N* широты получили *NO* пассат, сопровождавший до широты 30° *N*, а 30 августа прибыли на Портсмутский рейд.

По выходе отсюда капитан Юнкер без особенных приключений перешел Немецкое море, заходил на пять дней в Копенгаген и 13 октября 1842 года прибыл на Кронштадтский рейд...

33. ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ «ИРТЫШ». 1843—1845

Транспорт «Иртыш», переделанный из купленного в Англии купеческого судна (длина $89\frac{1}{2}$, ширина $23\frac{1}{2}$ футов), был послан в Охотск в состав тамошней флотилии с разным грузом для того края. Команда над ним вверена капитану 1-го ранга Вонлярлярскому.

Приняв груз, до 17 000 пудов, и тринадцатимесячный запас провизии, капитан Вонлярлярский вышел из Кронштадта 14 октября 1843 года. Встретив в Балтийском море крепкие *SW* ветра, через две недели прибыл в Копенгаген, и оттуда, пополнив запасы провизии, следовал далее с постоянно свежими ветрами. 8 ноября волнением от попутного шторма (часто изменявшего направление до 8 румбов) разбило капитанский и кают-компанийский люки, изломало штурвал, нактоузы и шестерку на боканцах, притом повредило кормовые скрепления. 22 ноября достигли входа в канал и, встретив крепкий противный ветер с пасмурностью, укрылись на Дильском рейде. 29-го прибыли в Портсмут, чрез 45 дней по выходе из Кронштадта.

Покупка якорных цепей для Охотского порта, погрузка их, для которой понадобилось переместить весь трюм, разная исправления в транспорте и во-

обще приготовление к дальнейшему плаванию, наконец, крепкие ветра, задержали здесь до исхода января следующего года. Вступив в океан 30 января 1844 года, капитан Вонлярлярский стал держать к юго-западу и, сопровождаемый умеренным ветром, 12 февраля прошел мимо островов Порто-Санто и Мадеры, а 16-го для пополнения запасов остановился на сутки острова Тенерифа.

Продолжая плавание с северо-восточным пассатом, 25 февраля прошли в виду острова Св. Антония, а 13 марта перерезали экватор в долготе $21^{\circ}44' W$. С 19-го числа установился *SO* пассат, сначала от *StO*, а потом постепенно переходил к *O*.

4 апреля увидели мыс Фрио, а 6-го бросили якорь на рейде Рио-Жанейро.

На переходе от острова Тенерифа до этого порта барометр не опускался ниже 29.93, а температура воздуха не превышала $+22\frac{1}{2}^{\circ}P$; вообще, погоды стояли довольно ясные, даже во время плавания междупассатною полосою.

Принимая в соображение позднее время года, капитан Вонлярлярский предпочел следовать отсюда вокруг мыса Доброй Надежды, а потом чрез Зондский и Макасарский проливы выйти в Великий океан.

Выйдя в море в начале мая, капитан Вонлярлярский направил курс к юго-западу и 21-го прошел в виду островов Тристан-д'Акунга. Отсюда он располагал курсами таким образом, чтобы обойти мыс около $40^{\circ} S$ широты. 31 мая пересекли меридиан мыса Доброй Надежды в широте $39^{\circ}10' S$ и следовали потом по этой параллели до долготы $41^{\circ} O$, от которой, постепенно уменьшая широту, склонялись к Зондскому проливу. 9 июля открылись берега острова Явы. 11-го вступили в Яванское море и по недостатку в пресной воде направились в Батавию, где и бросили якорь 16 июля.

На переходе от Рио-Жанейро до острова Тристан-д'Акунга стояли умеренные попутные ветра; но от этих островов и до наступления *SO* пассата были постоянно крепкие, из *SW* и *NW* четвертей, доходившие иногда до степени шторма. Особенно замечательнаго ничего не случилось, исключая того, что 9 июня валом сорвало кормовую рубку, остатки которой для очищения руля были сломаны и выброшены за борт. Течение моря замечено попутное и довольно значительное, так что счислимый пришедший пункт от обсервованнаго в Зондском проливе отстоял на *SW* 14° в 840 милях.

1 августа капитан Вонлярлярский вышел в море и направил курс к Гаспарскому проливу. В бытность его в Батавии, он убедился, что плавание Макасарским проливом по неимению исправных карт неудобно; почему и нашелся принужденным изменить начальный план и следовать в Восточный океан чрез Китайское море.

До 13 августа плавание транспорта сопровождалось тихими ветрами от *SW* и *NW*; с этого же дня ветер перешел к *NO* и сначала был тоже тихий, но 20-го жестоким шквалом сломило фор-брам-стенгу (без парусов), изломало фока-

рей и в клочки изорвало контр-бизань. Шквал был непродолжителен, но безпрестанно изменял направление (от *N* к *NO* и *WNW*).

С этого времени и по 24 августа держали к Формозскому проливу при ветрах постоянно из *NO*-й четверти. В полдень 26-го находились в виду островов Баши; тогда заметили, что и грота-рей дал поперечную трещину. Постоянный *NO* убедил капитана Вонлярлярского, что уже наступило время перемены муссона, а худое состояние рангоута лишало надежды достигнуть Охотска в навигацию 1844 года. Так как на пути от Китайского моря до Камчатки не было порта, в котором бы можно было выждать благоприятное время и получить все нужное для продовольствия экипажа, то капитан Вонлярлярский счел за лучшее спуститься в Маниллу, куда и пришел 4 сентября.

Во время пребывания в Манилле погоды стояли вообще хорошия, но часто бывали жестокие шторма, так что транспорт дрейфовало с глубины 20 футов при 80 саженьях каната. Несколько раз чувствовали легкие удары землетрясения.

1 февраля 1845 года вышли из Маниллы и, следуя вдоль западного берега острова Люсона к Формозскому проливу, до 8-го числа имели тихие ветра. В этот день с 9 часов вечера и до 6 часов утра почти чрез каждые четверть часа и чаще повторялись удары подводного землетрясения. Первый из них был так силен, «что мне показалось, — говорит капитан Вонлярлярский, — будто транспорт взошел на риф; я в это время был в каюте, в которой большая часть мебели сдвинулась с места. Хотя я совершенно был уверен в точности своего места и безопасности от всех известных рифов, но в этот момент были взяты все нужные предосторожности: 90 саженьями диплота дна не достали. Повторение ударов убедило, что это землетрясение». В момент первого удара широта $19^{\circ}57' N$, долгота $120^{\circ}40' O$; изменения в барометрах (30.2) в течение всего времени землетрясения не замечено; ветр тихий брамсельный (между *N* и *O*). На другой день видно было несколько смерчей.

В полдень 12 февраля вступили в Великий океан и до 3 марта лавировали к островам Бонин-Сима при ветрах из *NO* четверти. В этот день прошли чрез место острова Бурнаго (по карте Сарычева), и 5-го бросили якорь в порте Ллойда на острове Пиль.

Предполагая простоять здесь весь март месяц, капитан Вонлярлярский занялся поверкою хронометров и снабжением транспорта водою и дровами. На острове нашел он небольшую колонию (40 человек) из поселенцев разных наций: они жили без всякаго управления. Остров часто посещается китоловами.

Оставив порт Ллойда, 4 апреля капитан Вонлярлярский прорезал группу островов Бонин-Сима по южную сторону острова Кетер и, желая осмотреть показанные на карте Сарычева острова Св. Иоанна и Маргариты, взял курс

NOTN. На следующее утро проходил он чрез самое место первого из этих островов, не заметив никаких признаков земли. Туман помешал удостовериться в существовании второго (на новейших картах Крузенштерна, 1839 года, и Дюрвилля, 1845 года, этих островов не показано).

В течение трех дней (12—14 апреля) между широтами $35^{\circ}4'$ и $36^{\circ}52' N$, долготами $148^{\circ}9'$ и $151^{\circ}11' O$ проходили полосами пыли красного цвета, видели много пучков травы и вообще заметили перемену в цвете воды: из темно-синяго он сделался зеленым. 14-го видели коричневую черепаху.

До 25 апреля продолжали плавание к северу с переменными ветрами. В этот день сквозь туман увидели берег Камчатки, около второй сопки; а 27-го ночью наткнулись на сплошную массу льда. С рассветом увидели, что лед стоял и плавал по всему горизонту. В следующие пять дней держались во льдах, по возможности пробираясь к северу. 2 мая вошли в Авачинскую губу и отсюда с помощью от порта 15-го пропилились в Петропавловскую гавань.

Сдав привезенные сюда материалы, капитан Вонлярлярский вышел в море 20 июня и, пройдя четвертым проливом между Курильскими островами, направил курс к Охотску, куда прибыл 1 июля. Весь переход из Кронштадта до места назначения совершен в 594 дни.

34. ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ «БАЙКАЛ». 1848—1849

Транспорт «Байкал» (длина 94 фута, ширина 24 фута), построенный по заказу Морского Министерства на частной Гельсингфорской верфи, был назначен для службы в Охотском море и доставки туда и в Камчатку разного груза. Командиром этого транспорта был назначен капитан-лейтенант Невельской (ныне вице-адмирал).

В июле 1848 года «Байкал», вооруженный шкуною-бригом, был приведен в Кронштадт. 17 августа, уже совсем готовый, он вышел на рейд, а 21-го отправился в море на буксире парохода «Ижора». Не доходя плавучаго Лондонскаго маяка, пароход отдал буксир, и транспорт вступил под паруса. Встретив в море свежий противный ветер и без всякой пользы пролавировав целыя сутки, 22-го числа он бросил якорь по *O* сторону острова Сескаря, где и простоял в ожидании более благоприятнаго ветра почти двое суток. Снявшись с якоря 24 августа, «Байкал» до самага Копенгагена, то есть до 8 сентября, боролся с теми же противными ветрами и только на несколько часов имел попутный ветер, при котором шел от 5 до $7\frac{1}{2}$ узлов.

Пополнив в Копенгагене запасы, 9 сентября транспорт вышел в море и, сопровождаемый тихими попутными ветрами, 11-го вступил в Немецкое море, 15-го вошел в Английский канал, а 16-го бросил якорь на Портсмутском рейде. Здесь транспорт простоял 14 дней для необходимых работ, как

по корпусу, так и по вооружению судна, и 30 сентября отправился в дальнейшее плавание.

До 10 октября шел с умеренными восточными ветрами; но в широте $31\frac{1}{2}^{\circ}$ и долготе $22^{\circ}25'$ наступили западные и северо-западные ветра, безпрестанно менявшиеся в силе и направлении. Наконец 13 октября встретили *NO* пассат, который дул весьма неправильно, переходя нередко к *O* и даже к *OSO*, со шквалами и пасмурною погодою, а близ экватора 30 октября, незаметно перешел к *SO*.

4 ноября ветер постепенно стал отходить к *O* и 6-го дул уже от *NO*. В ста милях от Рио-Жанейро он стал стихать; проштилевав тут более суток, транспорт «Байкал» 15 ноября бросил якорь на Рио-Жанейрском рейде. Изготовление запасного рангоута, конопатка наружного баргоута и другия работы задержали здесь транспорт до декабря месяца. Наконец 1 декабря при тихом западном ветре он вышел в море и на другой день пересек тропик Козерога, направляясь к мысу Горну. До 9 декабря при тихих *SO* и *NO* ветрах транспорт делал незначительные суточные переходы. Но с этого времени задули крепкие западные ветра, доходившие нередко до степени шторма. 13 декабря и 24 декабря ветер дул с особенною силою, и транспорт держался под зарифленным грот-триселем.

31 декабря западный ветер перешел в береговой *SSO* муссон, который довел транспорт до Валпарайзо. 2 января 1849 года миновали меридиан мыса Горна. С самого выхода из Рио-Жанейро стояла ненастная и пасмурная погода. Но, несмотря, однакож, на эти неблагоприятныя условия, больных на транспорте не было более трех человек. 2 февраля прибыли в Валпарайзо.

Простояв здесь четверо суток, 6 февраля вышли в море. В течение первых трех дней имели тихие переменные ветра, пока 9-го числа не вступили в полосу *SO* пассата, который все время дул умеренно.

25-го числа ветер стал переходить к *O*, и затем дули переменные ветра с частыми и продолжительными промежутками штиля, пока 9 марта не получили *NO* пассата, сопровождавшего транспорт до широты $16^{\circ}13' N$, долготы $142^{\circ}28'$. 4 марта второй раз пересекли экватор в долготе $110^{\circ}51' W$. 22 марта пассат заменился переменными тихими ветрами, дувшими преимущественно из *O*-й половины компаса. 1 апреля бросили якорь в гавани Гонолулу на острове Оагу.

10 апреля, окончив заготовление свежей провизии и воды, вышли в море. До широты $31\frac{1}{2}^{\circ}$ сопровождали транспорт умеренные и тихие *NO* ветра; но с этой широты 21 апреля ветер перешел сперва к *SO*, а потом менялся в направлении и силе до самого прибытия в Петропавловский порт, безпрестанно нагоняя пасмурность. 11 мая в виду Авачинской губы выпал густой снег. 12 мая транспорт бросил якорь в Авачинской губе, чрез восемь месяцев и 23 дня по выходе из Кронштадта.

При отправлении в 1848 году транспорта «Байкал» в Камчатку, генерал-губернатор Восточной Сибири по поводу возбужденного вопроса о перенесении Охотского порта в более удобное место просил Морское министерство поручить командиру транспорта «Байкал» по прибытии его к берегам Сибири осмотреть подробнее юго-восточный берег Охотского моря от Тургурского залива до устья Амура. Князь Меншиков снабдил поэтому капитан-лейтенанта Невельского следующей инструкцией:

1) Осмотреть *NO* и *NW* берега острова Сахалина, не имеется ли у берегов этих на том пространстве закрытого якорного места?

2) Определить с севера подход к лиману реки Амур, вход в самый лиман, состояние лимана и нет ли в окрестностях мыса Головачева или Ромберга места для укрытого порта или, по крайней мере, места, где бы можно было защитить вход в лиман с севера?

3) Обследовать устье реки Амур и далее самую реку, где она течет в определенных берегах своих, и тем определить состояние входа в реку из лимана и самой реки, и нет ли при устье ее в лимане или близ его в самой реке места, где бы можно было защитить вход в реку?

4) Описать берега Амура близ устья и берега лимана ее, в отношениях топографическом и статистическом.

5) Определить состояние входа в лиман с юга, и если сведения, имеющиеся из описей капитанов Лаперуза и Броутона и подтвержденные предположениями адмирала Крузенштерна неверны, то есть, если Сахалин есть остров, отделяющийся от материка проливом, достаточную глубину имеющим, то обследовать подход и вход в лиман и реку из Татарского пролива.

6) Обследовать юго-восточные берега Охотского моря и губу Великого Князя Константина и, по возможности, привести их в столь возможно большую ясность и определенность для безопасности плавания судов наших по Охотскому морю.

При этом предписывалось производить эти исследования на гребных судах; транспорт же должен оставаться на якорю около мыса Головачева.

Сдача груза и необходимые исправления после продолжительного плавания задержали транспорт в Петропавловской гавани до 31 мая. По выходе из Авачинской губы, «Байкал» направился к восточному берегу острова Сахалина, чтобы оттуда начать свои исследования. Тихие ветра, перемежавшиеся штилями, замедлили плавание, так что только 7 июня транспорт вошел в Охотское море Четвертым Курильским проливом. Здесь встретили туманы и пасмурную погоду. В ночь с 11 на 12 июня, идя при ветре *SSW* на *WiN*, услышали от *W* шум буруна, и потому поворотили оверштаг на правый галс; глубина по лоту была 19 сажень. На рассвете в широте $51^{\circ}35'$ открылся берег Сахалина, в десяти милях. Подойдя к острову на расстояние трех миль, легли вдоль его к *N*, производя съемку и промер. Открыв и обследовав гребными судами

шхеры *Благополучия*, обогнули северную оконечность острова Сахалина. 14-го числа встретили в разных направлениях плавающий лед.

Весьма тихие ветра и штили препятствовали успешному ходу опасных работ. 19 июля заметили бухту и, предполагая, что это пролив между матерым берегом и Сахалином, стали в ней на якорь. Когда же гребная суда сделали осмотр берега, то оказалось, что транспорт зашел в тот же залив Обмана, который ввел в ошибку посещавшего этот берег в 1846 году подпоручика Гаврилова. Часть этого залива, закрытую от всех ветров и находящуюся в широте $53^{\circ}35'$ и долготе $142^{\circ}30'$ капитан Невельской назвал гаванью «Байкала». Потом продолжали путь далее к юго-западу; но, встретив у мыса Головачева отмели, стали на якорь в $1\frac{1}{2}$ милях от западного берега Сахалина и в $2\frac{1}{2}$ милях от мыса Ромберга.

Гребная суда, посланные для отыскания фарватера в Амур, возвратились и на этот раз без всякого успеха, а потому транспорт снялся с якоря и поворотил от мыса Головачева на северо-запад, вдоль песчаной отмели к матерому берегу. Здесь при прочистившемся тумане увидели гористый берег Манчжурии. Не доходя до него четырех миль, обогнули банку и, следуя к югу, 28 июня вошли в лиман Амура и около пяти миль южнее мыса Головачева стали на якорь, спустив гребная суда для осмотра фарватера. На одной шлюпке был послан мичман Гроте вдоль Сахалинского берега, а на другой — старший офицер лейтенант Козакевич (ныне вице-адмирал).

Первому было приказано осмотреть западный берег Сахалина до широты $52^{\circ}51'$, собрать сведения о пути к югу и исследовать, не существует ли прямого сообщения залива Байкала с лиманом Амура; а второму поручалось осмотреть берега материка от мыса Ромберга до устья Амура и северный берег Амура на 10 миль. Лейтенант Козакевич, осматривая все встречаемые на пути бухты, через некоторое время, наконец, увидел обширную и длинную бухту, в которой встретил довольно сильное течение — это было устье Амура.

Войдя в реку и следуя под левым ее берегом, лейтенант Козакевич через некоторое время пристал к гилияцкой деревне Чадбах, где виделся с гилияками. Затем он поднялся вверх по Амуру до деревни Чныррах, откуда по недостатку провизии принужден был вернуться к транспорту.

На обратном пути г. Козакевич всходил на вершину мыса Табах (левый входной мыс при устье Амура) и отсюда, при отливе, увидел все видимое пространство лимана, наполненное мелями и изрезанное протоками.

13 июля лейтенант Козакевич возвратился на транспорт. В тот же день прибыл от Сахалина и мичман Гроте. Последний донес, что вдоль берега Сахалина к югу идут сплошные отмели, и что прямого сообщения залива Байкала с лиманом не существует.

Поручив лейтенанту Козакевичу продолжать с транспорта исследование лимана, подаваясь к югу, сам капитан Невельской 15 июля с тремя офицера-

ми на трех шлюпках отправился к устью Амура, производя на пути исследование фарватера реки.

Поднявшись до нынешняго Константиновскаго полуострова, капитан Невельской направился обратно к выходу из реки. Проходя в лимане по отмелям, местами попадал на глубокий канал, составляющий в настоящее время главный фарватер для входа в Амур с моря. Следуя же далее по лиману на юг, подошли к тому месту, где матерой берег сближается с противоположным западным берегом острова Сахалина. И здесь-то у мысов, названных капитаном Невельским мысами Лазарева и Муравьева, — вместо предполагаемаго Лаперузом, Броутоном и Крузенштерном перешейка, он открыл пролив, в котором нашел наименьшую глубину 5 сажень. Пройдя затем южнее той параллели, до которой в прошлом столетии доходил капитан Броутон, от мыса матерого берега, названного мысом Невельскаго, поворотил обратно на север; и, следуя вдоль Сахалинскаго берега по глубокому каналу, 30 июля возвратился на транспорт.

Разрешив главный вопрос, заключающийся в том, имеет ли река Амур сообщение с Охотским морем и с Татарским проливом, капитан Невельской оставил дальнейшее исследование лимана, и 1 августа вышел в Охотское море.

Следуя вдоль берега, около гиляцкой деревни Искай открыли залив, закрытый с моря песчаною низменною косою, который обследовали с гребных судов и назвали заливом *Счастья*.

Продолжая опись берега далее к северу, транспорт «Байкал» впервые обследовал матерой берег и дал ему правильное очертание. Подойдя к мысу Мухтеля, капитан Невельской заметил открывшееся на юге углубление, и для обследования его послал гребное судно. Зайдя затем с транспортом в это углубление, составлявшее Ульбанскую бухту, капитан Невельской описал ее и назвал заливом Николая. Простояв здесь двое суток, 28 августа вышли в море и взяли курс в порт Аян. Противный ветер и туманы замедлили плавание транспорта, так что он только 1 сентября бросил якорь в Аяне, где застал генерал-губернатора Восточной Сибири, который имел свой флаг на транспорте «Иртыш».

3 сентября транспорт вышел в море и 6-го прибыл в Охотский порт, где, втянувшись в реку, 10-го спустил флаг и кончил компанию.

Результаты исследования капитана Невельскаго были весьма важны. Он развеял заблуждения, увековеченные именами Лаперуза, Броутона и Крузенштерна о существовании никем из них не виденнаго низменнаго песчаннаго перешейка, соединявшаго Сахалин с материком. Капитан Невельской первый доказал, что Сахалин остров, что река Амур доступна для судов с моря и, наконец, что чрез открытый им пролив существует сообщение двух морей: Японскаго с Охотским.

**ВЕДОМОСТЬ СУДАМ СИБИРСКОЙ ФЛОТИЛИИ
с 1714 по 1853 год**

В ведомости этой показано: название судна, время и место постройки, имя строителя и, наконец, означено, когда и каким образом судно кончило свое существование.

1) «Лодия». Длина $8\frac{1}{2}$ сажени, ширина 3 сажени, в грузу $3\frac{1}{2}$ фута. Заложена в Охотске в мае 1714 г.; спущена на воду в мае 1716 г. Строитель плотник Кирилл Плотницкий. В 1721 г. была вытащена на берег, а в 1728 г. сожжена для железа.

2) «Лодия». Заложена в Охотске в 1718 г. для большого камчатского наряда; сгнила недостроенною.

3) «Лодия». Длина 9 сажений 11 вершков, ширина 3 сажени 1 аршин 3 вершка; поднимала 50 человек. Начата постройкой в Удском остроге в 1719 г. мореходом Татариновым. Сгнила в Удском остроге на берегу.

4) «Лодия». Заложена в Охотске в 1720 г., спущена на воду в 1723 г. Строил Плотник Каргопольцов. Перетимберована Берингом и 4 августа 1727 г. спущена на воду. В 1734 г., за ветхостию, вытащена на берег, а потом снова была исправлена. В 1741 г. погибла около первого Курильского острова, прослужив двадцать лет.

5) «Лодия». Заложена в Охотске в 1724 г. По неимению железа, кузнеца и строителя, сгнила недостроенною.

6) Шитик «Фортуна» (галютское вооружение). Заложена в Охотске в 1726 г.; спущена на воду 8 июня 1727 г. Строитель гардемарин Чаплин. В 1730 г., по окончанию навигации, вытащена на берег, за негодностию, а в 1731 г. починен; в 1737 г. перетимберован и в том же году, 13 октября, был выброшен на берег близ Большерецка и разбился.

7) Бот «Святой Гавриил». Заложена Берингом в Нижнекамчатске 4 апреля 1728 г.; спущена 9 июня того же года. Строилась под наблюдением капитана Беринга. Перетимберована в 1736 г. лейтенантом Шпанбергом. 9 октября 1738 г. был выброшен на берег около устья реки Крутогоровой, на берег Камчатки. Весною 1739 г. исправлен. В 1755 г. за ветхостию сломан.

8) Бот «Восточный Гавриил». Построен в Охотске в 1729 г. для экспедиции Шестакова мастером Спешневым. 4 октября 1730 г. под командою подштурмана Федорова потерпел крушение у камчатского берега, в 30 верстах от устья реки Большой.

9) Бот «Лев». Заложена в Охотске в 1729 г. для экспедиции Шестакова мастером Спешневым. В сентябре 1729 г. сожгли коряки в устье реки Ямской.

10) «Лодия». Строилась служителем Чурукаевым в Удском остроге с 1729 г. для осмотра Шантарских островов. По свидетельству морехода Мошкова, оказалась негодною, и потому оставлена без употребления на берегу.

11) Бригантина «Архангел Михаил» (с тендерским вооружением). Заложена в Охотске в 1735 г. и спущена на воду в 1737 г. для второй экспедиции Беринга. Строители: мастер Рогачев и ботовой мастер Козьмин, под наблюдением капитана Шпанберга. 8 сентября 1753 г. разбилась в 70 верстах от Ижиги.

12) Дубель-шлюпка «Надежда» (трехмачтовая, с шверцами и гафельными парусами). Заложена в Охотске в 1735 г. и спущена на воду в 1737 г. для второй экспедиции Беринга. Строители: мастер Рогачев и ботовой мастер Козьмин, под наблюдением капитана Шпанберга. 12 октября 1753 г. была выброшена на берег близ Курильской кошки и разбилась, под командою штурмана Наумова. Все спасено.

13) Шлюп «Большерецк» (березовка), 18-весельный, из березового леса. Построен в Большерецке капитаном Шпанбергом и спущен на воду в мае 1739 г. В 1745 г. по окончании навигации сдан по негодности к порту.

14) Гальот «Охотск». Построен в Охотске в 1739 г. мастером Рогачевым. В 1747 г. за ветхостию вытасен на берег. В 1748 г. починен и 7 октября того же года разбился у Большерецкого устья под командою штурмана Бахметьева.

15) Пакетбот «Святой Петр» (с бригским вооружением). В июне 1740 г. спущен на воду в Охотске для экспедиции Беринга. Строили мастера Козьмин и Рогачев. В 1741 г. 28 ноября был выброшен на остров Беринга и, по невозможности спустить на воду, сломан.

16) Пакетбот «Святой Павел» (с бригским вооружением). В июне 1740 г. спущен на воду в Охотске для экспедиции Беринга. Строили мастера Козьмин и Рогачев. В 1744 г. сдан за ветхостию к Охотскому порту.

17) Пакетбот «Святой Иоанн Креститель». Заложён в Охотске в 1741 г. для экспедиции Шпанберга. Строил мастер Козьмин. 10 октября 1753 г. разбился близ Большерецка под командою лейтенанта Хметевского. Груз и пять человек команды погибли.

18) Шхербот «Елисавета». Строился в Охотске в 1741 г. мастером Козьминным. В 1745 г. был выброшен на камчатский берег; потом был починен плотничным мастером Захаровым. 25 сентября 1755 г. совершенно разбился около устья реки Крутогоровой на западном берегу Камчатки под командою штурмана Балакирева. Команда спаслась.

19) Гукор «Святой Петр». Построен на острове Беринга из остатков пакетбота «Святой Петр». Спущен на воду в августе 1742 г. Строил лейтенант Ваксель. В 1753 г., в октябре разбился на камчатском берегу и, хотя и был починен, но с большою опасностью дошел в 1754 г. до Охотска, где вытасен на берег.

20) Бот «Акланск» (он же «Самсон»). Построен в Охотске в 1748 г. мастером Козьминным. 3 августа 1748 г. выброшен на кошку в трех верстах от Охотска, но был снят и в 1758 г. сдан за ветхостию в порт.

21) Гальот «Святой Захарий». Заложен в Охотске, спущен на воду 5 сентября 1755 г. Строил мастер Захаров. 25 октября 1766 г. потерпел крушение около устья реки Воровской, причем погибло 16 человек команды и казеинного имущества на 3 699 рублей.

22) Бот «Иоанн». Строился в Охотске мастером Захаровым. В 1757 г., 29 июля выброшен на берег близ Охотска, а в 1758 г. сожжен для железа.

23) Бот «Николай». Строился в Охотске мастером Захаровым. Спущен на воду 3 июля 1756 г. Разбился в 130 верстах от Ижиги 9 сентября 1767 г. Вся команда и большая часть груза спасены.

24) Гальот «Святой Павел». Построен в Охотске, спущен на воду 9 июля 1758 г. Строил Захаров. 8 января 1767 г. разбился у седьмого Курильского острова, причем погибло 30 человек команды.

25) Бригантина «Святая Елисавета». Построена в Охотске Захаровым, спущена на воду в 1760 г. Погибла близ устья реки Морошенской в 1767 г. под командою подштурмана Лапина. Погибли 15 человек и весь груз.

26) Гальот «Святая Екатерина». Построен в Охотске в 1761 г. Захаровым. В ноябре 1764 г. у Морошенского устья опрокинуло. В 1765 г. починен. В 1788 г. за ветхостию разломан по распоряжению Сарычева.

27) Бот «Гавриил». Строил в Охотске в 1763 г. подмастерье Бубнов. 24 октября 1766 г. был выброшен на берег около устья реки Большой. В 1767 г. исправлен. В 1770 г. за негодностию разломан.

28) Бригантина «Святая Екатерина». Заложена в Охотске 12 декабря 1762 г. и спущена на воду 10 августа 1766 г. Строил мастер Мошницкий. 24 октября 1766 г. разбилась в 25 верстах от Большерецка. Груз погиб.

29) Гукор «Павел». Заложен в Охотске 13 декабря 1762 г. и спущен на воду 23 августа 1766 г. Мастер — Мошницкий. 24 октября 1766 г. выбросился на берег, семь верст севернее реки Большой. В 1767 г. исправлен. В 1786 г. по совершенной негодности разломан.

30) Бриг «Святой Павел» (по киллю 56 футов). Спущен в Охотске 5 июля 1768 г. Строил подмастерье Бубнов. По совершенной негодности вытасчен на берег в 1789 г.

31) Гальот «Святой Петр» (по киллю 56 футов, ширина 19, глубина 9 футов). Построен в Охотске в 1768 г. Бубновым. 12 мая 1771 г. взят Бенъевским и продан им в Макао.

32) Шмак «Святая Мария». Строил в Охотске в 1769 г. ученик Бубнов. Разбился в девяти верстах от устья реки Камчатки 27 августа 1786 г.

33) Гальот «Святой Константин». Строил в Охотске в 1769 г. ученик Бубнов. 23 августа 1786 г. разбился близ Ямской крепости.

34) Шмак «Святая Екатерина». В 1774 г. разбился у берегов Камчатки под командою штурмана Должантова.

35) Бригантина «Наталия». В Охотске, в 1774 г. Строил Козьмин. 18 июня 1780 г., во время землетрясения, была сорвана с двух якорей и выброшена на остров Уруп, на 190 саженой от берега.

36) Гальот «Святой Георгий». Строил в Охотске в 1776 г. Козьмин. В 1780 г. был исключен из списка судов, но о судьбе его ничего не известно.

37) Бригантина «Надежда Благополучия». Построена в Охотске в 1779 г. Выйдя из Охотска в Большерецк 16 августа 1782 г. под командою штурмана Кожевина, пропала без вести, и только в 1785 г. ходили слухи, что она разби-лась на восемнадцатом Курильском острове.

38) Гальот «Возобновленный Охотск». Построен в Охотске Козьминым, спущен на воду 29 мая 1787 г. Разбился около Ижиги в октябре 1789 г.

39) Бот «Алексей Божий человек». Куплен в 1788 г. у купца Панова. В 1789 г. сильно поврежден на Охотском баре, а в 1790 г. исправлен. В 1801 г. по распоряжению Бухарина за ветхостию сломан.

40) Бот «Николай». Куплен в 1787 г. у купца Кузнецова. 18 ноября 1787 г. разбился около Большерецкого устья.

41) Судно «Паллас» (длиною 45 футов, шириною 15 и глубиною 6½ футов). Строено на реке Ясашной, впадающей в Колыму, шкипером Баковым. Спущено на воду 18 мая 1787 г. Сдано Биллингсом в Нижнеколымской крепости, где сгнило без употребления.

42) Судно «Ясашна» (длиною 28 футов). Строил шкипер Баков на реке Ясашной, впадающей в Колыму. Спущено на воду 19 мая 1787 г. Сгнило в Среднеколымске, на берегу.

43) Судно «Слава России» (по гондек-палубе длина 80 футов 6 дюймов, ширина без обшивки 23 фута 8 дюймов, глубина трюма 9½ фута). Строил в Охотске капитан Галл. Спущено на воду 10 июня 1789 г., затонуло в Петропавловской гавани 27 марта 1801 г., находясь там без употребления.

44) Бригантина «Возобновление храма России». Спущена на воду в Нижнекамчатске 15 июля 1789 г. Разбилась около берегов Камчатки 15 октября 1796 г.

45) Судно «Доброе Намерение». Спущено в Охотске 8 июля 1789 г. Строил Козьмин. 8 сентября 1789 г. разбилось при выходе из устья реки Охоты и сожжено для железа.

46) Судно «Святой Иоанн Богослов». Спущено на воду в Охотске в 1790 г. Строил Козьмин. 30 октября 1806 г. выбросило на берег около Нижнекамчатска.

47) Катер «Черный Орел». Спущен на воду в Нижнекамчатске 31 мая 1791 г. Строил капитан Галл. В 1806 г. выброшен на берег возле Ямского острога, но в 1808 г. снят и доставлен в Охотск, где за негодностью сдан к порту.

48) Бригантина «Константин и Елена» (длина 58 футов, глубина 10 футов). Заложена в Охотске 29 октября 1790 г.; спущена на воду 21 мая 1791 г. Строил Козьмин. В 1805 г. по негодности сдана к порту.

49) Гальот «Святая Надежда» (длина 58 футов, глубина 10 футов). Заложен в Охотске 29 октября 1790 г.; спущен на воду 21 мая 1791 г. Строил Козьмин. В 1792 г. 21 сентября разбился около Большерецка под командою штурмана Полутова.

50) Бригантина «Святая Екатерина». Спущена на воду в Охотске 26 июня 1788 г. Строил Козьмин. 20 октября 1809 г. разбилась близ Большерецка.

51) Гальот «Надежда». 15 сентября 1800 г. разбился около Ямского берега.

52) Гальот «Святой Николай». Спущен на воду в Охотске в 1799 г., весною. Строил Козьмин. В 1806 г. был выброшен на берег около устья реки Удь; но в 1808 г. снят и приведен в Охотск, где сожжен для железа.

53) Бригантина «Святой Феодосий». Спущена на воду в Охотске 6 июня 1804 г. Строил подмастерье Попов. 4 сентября 1811 г. разбилась в Первом Курильском проливе.

54) Гальот «Охотск». Спущен на воду в Охотске 16 июня 1805 г. Строил Попов. 30 октября 1806 г. разбился на первом Курильском острове под командою штурмана Трубникова. Команда спаслась и в 1807 г. возвратилась на байдарках на Камчатку. Груз погиб.

55) Почтовый катер «Кадьяк». Заложен в Охотске 28 декабря 1804 г.; спущен 31 мая 1805 г. Строил Попов. 19 октября 1805 г. разбился в ста верстах от Удского острога.

56) Катер «Святой Зотик». Заложен в Охотске 22 марта 1806 г., спущен 8 июля 1806 г. Строил Попов. 6 октября 1812 г. разбился близ Большерецка.

57) Транспорт «Святой Иоанн». Заложен в Охотске 7 февраля и спущен 26 июня 1807 г. — 31 июня 1819 г. был прижат льдами к берегу около Нижнекамчатска, где и погиб.

58) Транспорт «Святой Павел». Заложен 7 февраля 1807 г.; спущен 28 июня 1808 г. — 7 сентября 1822 г. разбился в 80 верстах от Тигиля.

59) Транспорт «Борис и Глеб» (длина по килю 39 футов, ширина без обшивки 13½ фута, глубина интрюма 7 футов. Двухмачтовый). Заложен в Охотске 7 января; спущен на воду 26 мая 1808 г. После двадцатилетнего плавания слан к порту за ветхостию.

60) «Святой Иннокентий». Построен в 1806 г. Забракован Бухариным и был сломан на стапеле.

61) Бот «Василий». Строил Бухарин.

62) Бригантина «Святой Дионисий». Спущена 30 июня 1810 г. Строил Васильев.

63) Шлюп «Диана». В 1810 г. был зачислен в состав Охотской флотилии. По ветхости в 1814 г. употреблен под блокшиф.

64) Бриг «Михаил». Заложен в 1819 г., спущен 14 июня 1820 г. Разбился близ Тигиля (в 1825 г. или в 1826 г.).

65) Бриг «Елисавета». Заложен в 1820 г., а спущен 2 июля 1821 г. Потерпел крушение близ Петропавловскаго порта 8 октября 1833 г.

66) Бриг «Екатерина». Заложен в 1820 г., а спущен 2 июля 1821 г. Погиб в 1838 г. на острове Симусир.

67) Бриг «Александр». Заложен 1 марта 1824 г.; спущен 25 июня 1825 г. Строил подпоручик Черногубов. 27 сентября 1827 г. разбился около Большерецкаго устья.

68) Бриг «Николай». Заложен 25 июня 1826 г.; спущен в 1827 г. Строил подпоручик Черногубов. Погиб в 1842 г. на Охотском рейде.

69) Бриг «Камчатка». Заложен 25 июня 1828 г., спущен 25 июня 1829 г. Строил подпоручик Черногубов. Претерпел крушение в 1841 г. близ Большерецка.

70) Бот «Александр». Построен в 1829 г. За ветхостию сдан в 1834 г. к порту, вместо него построен бот «Алеут».

71) Бриг «Охотск». Заложен в 1832 г. Осенью 1850 г. был вытасен на берег около Петровскаго зимовья, где и обсох, а в 1855 г. сожжен.

72) Бот «Алеут». Заложен в 1833 г., спущен в 1834 г.

73) Бриг «Курил». Построен в 1841 г. Пропал без вести в 1850 г.

74) Бот «Кадьяк». Заложен в 1842 г., спущен в 1843 г.

75) Транспорт «Иртыш». Куплен в Англии в 1843 г., поступил в состав флотилии 13 сентября 1845 г. Находится под блокшифом в Пальво, на Амуре.

76) Бриг «Ижига». 28 сентября 1845 г. погиб около Авачинской губы.

77) Бот «Ангара» (89 тонн). Спущен в 1849 г. Разбился у восточных берегов Камчатки в 1850 г.

78) Тендер «Камчадал». Построен в 1849 г. Погиб в лимане Амура в 1857 г.

79) Транспорт «Байкал». Поступил в состав флотилии 13 сентября 1849 г. Находится в гавани Святой Ольги под блокшифом.

80) Бот № 1-й. Строен на устье реки Камчатки; был спущен на воду 27 мая 1852 г. Существует по настоящее время.

81) Шкуна «Анадырь». Строена на устье реки Камчатки. Спущена на воду 23 июня 1853 г. В 1854 г. сожжена в Авачинской губе англо-французскою эскадрою.

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

А. С. ЗУЕВ

КАМЧАТСКИЙ БУНТ 1731 г.: ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-ИТЕЛЬМЕНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ

В 1731 г. на Камчатке вспыхнуло восстание ительменов под руководством Ф. Харчина. Оно было скоротечным, однако потрясло самые основы русского господства на полуострове. Это была последняя отчаянная попытка ительменов отстоять независимость, а разгром восстания окончательно утвердил их подчинение русской власти.

Из исследователей первым, кто обратил внимание на трагические камчатские события, был Г. Ф. Миллер. Он кратко упомянул о них в своей работе «География и нынешнее состояние земли Камчатки» (1737 г.), а также, стремясь выяснить все обстоятельства восстания и его подавления, послал в начале 1737 г. соответствующие запросы в канцелярии Охотского порта и Большерецкого острога и руководителям следственной комиссии [2, л. 334, 354; 100, с. 31].

Одновременно Миллер особой инструкцией поручил студенту С. П. Крашенинникову, отправленному на Камчатку, «историю о завоевании Камчатки описать с самого начала со всеми обстоятелствами... а особливо о учинившемся в 1731-м году разорении Нижняго Камчатскаго острогу, и что при учрежденном о том следствии и розыске явилось». Кроме того, Крашенинников должен был проследить, чтобы руководители следственной комиссии Д. И. Павлуцкий и В. Ф. Мерлин «как возможно наискорее» сочинили и прислали «ведомость» о камчатских событиях [3, л. 10—10 об., 11 об.]. И, надо отметить, что именно благодаря усилиям Миллера сохранился и дошел до нас значительный комплекс документов, освещающих ход восстания и исследование его обстоятельств.

С. П. Крашенинников, выполняя указание Миллера, буквально по горячим следам собрал материалы о восстании, на основании которых написал специальный очерк «О измене камчадалов, о сожжении Нижнего Камчатского острога, по покорении их и о бывшем по тому делу следствии и розыске» [60, с. 487—500, 761—767]. (Г. В. Стеллер, написавший свое «Описание земли Камчатки», лишь кратко упомянул о данном восстании [91, с. 142].)

В последующее время интересующей нас темы касались почти все исследователи, занимавшиеся историей и этнографией Камчатки, русско-абори-

генных отношений на северо-востоке Сибири (см., напр.: [30, с. 154—155; 32, с. 139; 37, с. 82—85; 40, № 1, с. 39—40; 41, с. 98—99; 43, с. 571; 52, с. 215, 218; 54, с. 98; 65, с. 15, 16; 66, с. 168; 67, с. 62; 68, с. 66—68; 70, с. 112—113; 72, с. 20—21; 75, с. 15—19; 88, т. 1, с. 44—45, 52—53, т. 2, с. 10, 15; 96, с. 68—69; 101, с. 211, 218]). Восстанием ительменов в контексте деятельности русских землепроходцев и присоединения Камчатки интересовался А. С. Пушкин, сделавший соответствующие выписки из сочинения С. П. Крашенинникова [77, с. 305—308]. Кратко об ительменском восстании 1731 г. упоминалось в обобщающих трудах по истории России [57, с. 296; 76, с. 599] и Сибири [56, с. 317—318; 87, с. 273, 293, 299; 99, с. 131].

Не осталось оно вне поля зрения и зарубежной историографии [102, р. 140—143; 103, р. 212—214; 104, s. 181—182; 105, s. 160; 106, р. 29]. Наиболее значительный вклад в изучение темы внесли А. С. Сгибнев [83, с. 112, 117—135], С. Б. Окунь [74, с. 35—49] и Л. А. Гольденберг [38, с. 104—110, 139—141], которые ввели в научный оборот много новых архивных документов. Однако знакомство со всеми этими работами показывает, что никто из исследователей (за исключением Крашенинникова) не акцентировал свое внимание собственно на истории восстания. Как следствие — поверхностное изложение и осмысление событий, отсутствие полного представления о причинах, целях, ходе и последствиях восстания, о его влиянии на правительственную политику в отношении сибирских аборигенов и управления дальневосточными окраинами империи.

В настоящей статье мы попытаемся восполнить обозначенный пробел, опираясь как на известные источники, в том числе опубликованные, так и на те, что удалось извлечь из Российского государственного архива древних актов, прежде всего из Сенатского фонда (ф. 248) и так называемых «портфелей» Г. Ф. Миллера (ф. 199). Эти источники представлены следующими материалами:

1) Следственные материалы, в том числе допросы вождей восстания и русских служилых людей [4; 5; 15, с. 48—49, 63—75]. Это, к сожалению, вторичные документы (копии, экстракты), посланные в Сенат и Г. Ф. Миллеру (по его просьбе). Среди них особый интерес представляет ведомость от 22 октября 1737 г., посланная руководителем следственной комиссии В. Ф. Мерлиным Миллеру: она содержит информацию о числе погибших с обеих сторон и именной список всех лиц, подвергнутых наказанию [2, л. 358—367]. Обнаружить первичные следственные материалы пока не удалось.

2) Рапорты, донесения, доезды, известия, промемории руководителей карательных отрядов, начальника морской партии штурмана Я. Я. Генса, следственной комиссии, Сибирской губернской канцелярии [4, л. 35—45 об.; 8, л. 294—317 об.; 9, с. 227; 15, с. 50—53, 56—63, 76—78; 19, с. 101—102, 105—106]. (Материалы по ительменскому восстанию, связанные с деятельностью

на Камчатке «морской партии» Я. Генса, отложились также в РГАВМФ, фонд 216, см. [38, с. 106]).

3) Инструкции, распоряжения и указы вышестоящих властей (императрицы, Сената, Сибирской губернской канцелярии, начальника морской партии) [5, л. 42; 8, л. 82—86 об., 294—317 об., 325—329; 9, с. 227; 10, с. 178—179; 15, с. 49—50, 53—55, 79—80; 17; 20, с. 207—213; 21, с. 90].

4) Сведения, собранные С. П. Крашенинниковым. Они представляют большой интерес, поскольку Крашенинников, прибыв на Камчатку в 1737 г., еще застал там следственную комиссию, с материалами которой имел возможность ознакомиться. Кроме того, он общался как с участниками восстания, так и с теми, кто его подавлял, в том числе беседовал с родным братом руководителя восстания Федора Харчина — Степаном. Крашенинникову удалось зафиксировать такие подробности и детали восстания, которые не нашли отражения в официальных документах [92; 93].

ИТЕЛЬМЭНЫ И РУССКИЕ. ОБСТАНОВКА НА КАМЧАТКЕ К НАЧАЛУ 1730-х гг.

К концу XVII — началу XVIII вв., когда началось покорение русскими Камчатки, на полуострове обитали, по разным подсчетам, от 8 до 25 тыс. ительменов обоего пола (наиболее вероятной представляется цифра в 20—25 тыс. чел.).

Они разделялись на несколько территориально-языковых групп, из которых собственно ительменами в историко-этнографической литературе считаются бурины, проживавшие в долине р. Камчатки и по ее притокам. Остальные группы представляли собой смешанное ительменско-корякское (группы лигуриин и кулес) и ительменско-айнское (суаачю-ай и кыкша-ай) население. При этом только бурины, если верить С. П. Крашенинникову, общались на одном диалекте («в языке нигде почти никакой не имеют отмены»), другие же группы и даже жители отдельных поселений говорили на своем собственном наречии («на Камчатке нет такого почти острожка, в котором бы не было разности в языке от другого самого ближайшего») [60, с. 179, 358. Ср.: 91, с. 25—28].

С другой стороны, по утверждению Г. В. Стеллера, «все жители Камчатки, обитающие на пространстве между Тигилем до мыса Лопатки и оттуда дальше на протяжении до 100 верст по верховьям реки Камчатки, несмотря на наличие у них множества весьма различных наречий, единодушно именуют себя ительменами, или “ительмелачч”, считают себя единым народом и постоянно заявляют об этом» [91, с. 144]. Схожее наблюдение сделал и Крашенинников: «камчадалы как северные, так и южные называют себя ительмень» [60, с. 358]. Правда, эти суждения относятся к 1740-м гг., и нет уверенности, что такое же ощущение общности присутствовало у ительменов ра-

нее, к началу прихода русских. По крайней мере, тот же Крашенинников высказывал и прямо противоположное мнение: «Камчадалы... на своем языке общего звания не имеют» [60, с. 691].

Скорее всего, к концу XVII в., да и позже «ительмены» не представляли собой единого народа, но при этом их территориальные группы обладали схожей материальной, духовной и языковой культурой, что позволило уже первым русским отделить их от камчатских коряков и курильских айнов, присвоив им этноним «камчадалы». Лишь в пограничных, этнически смешанных районах русские или путались в определении этнического лица — относя население корякско-ительменской контактной зоны к северу от рр. Большая и Ука то к корякам, то к «камчадалам», или выделяли особый «народ» — «курильских мужиков», или «ближних курил», мыса Лопатка и о-ва Шумшу, отделяя их, однако, от «мохнатых курильцов», то есть собственно айнов, населявших Курильские острова.

Изложенное выше заставляет особо оговорить условность применения этнонима «ительмены», поскольку далеко не все население южной части Камчатки являлось собственно ительменами. Этим этнонимом, следуя историко-этнографической традиции, я буду обозначать конгломерат территориальных групп бурин, суаачю-ай, кыкша-ай, кулес, лигнурин и «курильских мужиков».

Названные территориальные группы обитали в 120 поселениях (прозванных казаками острожками), названия которых обычно совпадали с названием рек, на которых они стояли. Основная часть поселений находилась восточнее Срединного хребта: на р. Камчатка — 31 острожек, на р. Еловка (приток р. Камчатка) — пять, р. Авача и в Авачинской губе — 12, от р. Ука до Авачинской губы — 20. На западном побережье от р. Аманина до р. Большая располагалось 24 поселка. Еще восемь стояло по Большой и ее притокам и 20 — южнее этой реки до южной оконечности полуострова.

Все ительмены были оседлыми. Основу их хозяйства составляли рыболовство, прежде всего на лососевых, морской зверобойный промысел, охота, собирательство и транспортное собаководство. Металла (и, соответственно, металлических изделий) до появления русских они почти не знали (в единичных экземплярах металлические изделия попадали к ним от коряков и, видимо, от случайно оказывавшихся на полуострове японцев), используя для изготовления оружия, орудий труда, одежды, обуви и предметов быта кость, камень, дерево, глину, шкуры, кожи, клыки и т. п.

В основе социального устройства ительменов лежала малая семья. Малые семьи объединялись в большие семейные группы-общины. Несколько таких общин могли составить объединение, каждое из которых группировалось в собственном поселении-острожке (некоторые исследователи такие объединения именуют «родом»). Однако большинство острожков населяли

всего одна-две семейные общины. Плотность населения острожков колебалась достаточно сильно. По данным первой половины XVIII в., поселения насчитывали от 20 до 100 чел., некоторые гораздо больше — до 150—300 чел. Один острожек — Машурин — включал в себя около 400 жителей.

Семейная община и их объединение являлись основными производственными единицами. Проживавшие на одной реке общины были, как правило, связаны кровным родством и коллективным владением рыболовными и охотничьими угодьями. Как отмечал С. П. Крашенинников, «всякий острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода, и с той реки на другую никогда не переселяется» [60, с. 378].

Во главе семейной общины стояли, по русской терминологии, «лучшие мужики», а объединение общин в рамках одного поселка возглавляли тойоны. Последние, если верить Стеллеру, «большой частью выбирались из самых старых и мудрейших» [91, с. 70]. Однако объединение «речных» поселений было весьма непрочным, поскольку каждое поселение вело самостоятельную экономическую деятельность и общественную жизнь.

Выделяя у ительменов по аналогии с другими сибирскими аборигенами лучших мужиков и тойонов, представители русской стороны одновременно отмечали, что их авторитет и влияние на общину были весьма ограничены. Так, В. Атласов писал: «А вышпесанные иноземцы державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают» [15, с. 31].

По наблюдению Крашенинникова, у ительменов «никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать» [60, с. 366, 698]. У Стеллера читаем: «Но их [старейшин] решению они тоже подчинялись только в тех случаях, когда уже имелось предварительное всеобщее решение; старшина не мог ни принуждать к смертной казни, ни налагать телесных наказаний; ему разрешалось только увещевать словами всех буянов и злоумышленников» [91, с. 70, 203].

Иначе говоря, у ительменов отсутствовал стабильный слой управленцев, которых в терминах политической антропологии можно было бы назвать потестарно-политической элитой. Кроме того, у них, хотя и прослеживалась имущественная дифференциация между семьями и семейными общинами и присутствовало так называемое домашнее рабство, в целом господствовало равенство в производственной, имущественной и социальной сферах и, соответственно, отсутствовала четко выраженная социальная иерархия, основанная на господстве-подчинении. Рабами же становились только иноплеменики, захваченные в плен или купленные, причем среди них преобладали женщины и дети, поскольку мужчин, как правило, убивали.

Соседями ительменов на Камчатке были коряки. Они расселялись в северной части полуострова: на восточном побережье от р. Ука, на западном —

от р. Тигиль. Отдельные коряжские поселения существовали и южнее Тигиля, в ительменском окружении, на рр. Гохлин, Авача, Хайрюзова. Часть коряков была оседлой, часть кочевой (оленеводы). Коряки-оленеводы в своих перекочевках заходили далеко на юг полуострова. В пограничных ительмено-коряжских районах, как говорилось выше, отмечалась высокая степень взаимной аккультурации двух народов. Часть коряков — карагинцев (проживавших вдоль Карагинского залива) и паланцев (Охотоморское побережье) — в XVIII в. современники — С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер, Я. И. Линденау, Г. Ф. Миллер, камчатские приказчики и миссионеры, казаки — относили то к корякам, то к камчадалам (ительменам).

Этнополитическая ситуация на Камчатке к моменту появления там русских не была стабильной. Согласно данным фольклора и русских письменных источников, случались военные столкновения — между ительменами и коряками, между отдельными территориальными («речными») группами ительменов, иногда между поселениями-острожками на одной реке. По этому поводу Атласов в своих «сказках» сообщал: «А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки род с родом почасту... Род на род войною ходят и дерутся» [15, с. 27, 31, 32].

Известия Атласова о «междоусобных» столкновениях у ительменов подтвердили позднее Крашенинников и Стеллер [60, с. 760; 90, с. 22, 27; 91, с. 141—143]. Они же зафиксировали, что как раз накануне появления русских на Камчатке у ительменов образовалось четыре враждующие между собой территориальные группы: одна на р. Камчатка, другая — от Кронок (района озера Кроноцкого) до Лопатки, третья — от р. Голыгина до р. Колпакова, четвертая — около Курильского озера, на мысе Лопатка и Курильских островах [60, с. 405; 91, с. 141]. Причинами для военных столкновений являлись борьба за природные ресурсы (рыболовные и охотничьи угодья), кровная месть, месть за оскорбление, стремление к захвату женщин, рабов, средств производства и оружия, а также испытание силы и мужества молодых воинов.

Для ведения войны у ительменов возникали объединения семейных общин в пределах территориальной группы, проживавшей на одной реке. Они носили временный характер и распадались после исчезновения чрезвычайной ситуации. Эти «ополчения» возглавляли военачальники, специально избираемые из числа тойонов или лучших мужиков, прославившихся силой, храбростью, сноровкой, военным опытом, организаторскими способностями. Их функции ограничивались лишь кругом военных операций. Как писал Стеллер, «в былое время у них действительно были эремы, или повелители, которым они добровольно предоставляли властвовать над ними, ставя, однако, их тут же в известность, что власть его касается только военных походов...» [91, с. 202—203]. (Подробнее о численности, расселении, социальной организации и хозяйственных занятиях ительме-

нов и камчатских коряков см.: [23; 33; 34; 35; 37; 41; 43, с. 556—577; 52; 54; 55; 60; 71; 75; 78; 91].)

В целом можно говорить о том, что ительменский социум к началу XVIII в. соответствовал начальной стадии перехода от эгалитарного общества к стратифицированному обществу (по классификации американского антрополога М. Фрида). Этот социум представлял собой аморфные, не имевшие четких структурных границ и никаких формальных органов управления, принуждения и контроля совокупности сегментов различных таксономических уровней (семья, семейная община, объединение общин). Сегменты объединялись отношениями реального или фиктивного родства, имели единую территорию обитания, общие хозяйственные интересы, общее название, собственный диалект, однако еще не доросли до уровня стабильных постестарно-политических объединений (типа племен, например).

Глав сегментов — лучших людей и тойонов — вполне можно определить как бигменов (от англ. *big-man*) — «местных авторитетов», чьи авторитет и власть базировались на личных деловых, физических и нравственных качествах, организаторских и военных способностях, удачливости и т. п., они были лидеры по реальным функциям, имея одновременно и репутацию богатого человека. Причем бигменство могло передаваться по наследству, но только вместе с «богатством» — имуществом семейного клана. (Характеристику бигменства подробнее см.: [24; 27; 58; 62; 81, с. 28—30]. О понятиях «клан», «род», «сегментарная организация» см.: [81, с. 64, 124—126, 172—173; 86, с. 144—145].)

Продвижение русских землепроходцев на Камчатку началось во второй половине XVII в. (походы М. Стадухина, И. Камчатого, Ф. Чюкичева, И. Рубца, И. Голыгина, Л. Морозко и др.), а подчинение ительменов — с похода В. Атласова (1697—1699 гг.). В 1697—1704 гг. на полуострове были основаны Нижнекамчатский, Верхнекамчатский и Большерецкий остроги. В 1700 г. на Камчатку из Якутска был послан первый приказчик Т. Кобелев.

Приведение камчатских народов под «высокую государеву руку» сопровождалось вооруженным сопротивлением с их стороны (подробнее о ходе подчинения ительменов и коряков см.: [48]). За период с 1700 по 1725 г., по нашим подсчетам произошло, по меньшей мере, 40 русско-ительменских столкновений, причем в 25 случаях они явились результатом походов казаков и в 15 — нападений самих ительменов, в том числе три раза они наносили русским весьма ощутимые удары: в 1707 г. захватили и сожгли Большерецкий острог (восстановлен в 1711 г.), в 1710 г. разгромили отряд И. Харитонова на р. Большая, в 1711 г. уничтожили отряд Д. Анциферова на р. Авача.

Замирение Камчатки затруднялось ее отдаленностью. Путь от Якутска через Нижнеколымск и Анадырьск на Камчатку занимал около года. К тому же на севере полуострова казакам с переменным успехом приходилось вое-

вать с «немирными» коряками, которые контролировали сухопутную коммуникацию с Анадырским острогом. Дело подчинения ительменов тормозилось и случавшимися казачьими бунтами, которые нарушали единоначалие и координацию действий гарнизонов отдельных русских острогов на Камчатке. С другой стороны, в пользу русских играло то обстоятельство, что ительмены (как и коряки) ни разу не выступили единым фронтом. В лучшем случае их объединение происходило на уровне «речных» общин.

Детальное рассмотрение антирусских выступлений ительменов позволяет говорить о существовании нескольких территориальных «речных» групп, которые одновременно являлись локальными очагами сопротивления. Особенно активно противодействовали русским лигнурин, проживавшие в районе рр. Ича, Облуковина, Крутогорова, Колпакова, Воровская, «курильские мужики» на Курильской Лопатке, суаачю-ай на побережье Авачинской губы и Бобрового моря (ныне — Кроноцкий залив), кыкша-ай на р. Большая. При этом, однако, каждая «речная» группа и нередко каждое поселение действовали самостоятельно и независимо друг от друга. Более того, между ними случались даже вооруженные столкновения. В то же время северо-западная группа — кулес (реки Хайрюзова, Белоголовая, Морошечная) и «камчатская» группа — бурин (р. Камчатка) фактически не участвовали в столкновениях.

Первая из них, скорее всего, находилась вне зоны активного действия русских. Вторая же, наоборот, раньше и быстрее всех подверглась русскому влиянию и была подчинена (именно здесь уже к началу XVIII в. появились два русских острога — Верхне- и Нижнекамчатский). Кроме того, у камчатских ительменов — бурин, вероятно, существовали враждебные отношения с их южными соседями. Видимо, поэтому они не только быстро, уже к 1704 г., прекратили сопротивление, но и сами стали принимать участие в русских походах на авачинцев (в 1707 и 1713 г.). На этом обстоятельстве мы заостряем внимание, поскольку позднее, в 1731 г., как раз бурин подняли восстание, о котором ниже и пойдет речь.

В условиях частых вооруженных столкновений и активного противодействия ительменов организовать их стабильное ясачное обложение на протяжении первой четверти XVIII в. не удалось, хотя ясак собирался и в достаточно большом количестве вывозился с Камчатки. По данным ведомости Якутской воеводской канцелярии, составленной на запрос Г. Ф. Миллера в 1736 г., с полуострова с 1702 по 1729 г. было вывезено 47 177 соболей, 17 640 собольих хвостов, 21 659 лисиц, 1 360 бобров (подсчитано по: [2, л. 174—174 об., 176, 178—178 об., 179 об.—183]). Согласно «рописному списку» 1731 г., составленному ясачным комиссаром С. Вологдиным, за предшествующий год с ясачных, подведомственных камчатским острогам, было взято 1 448 соболя, 1 129 лисиц, 32 бобра, 12 кошлоков [2, л. 233 об.—234].

К концу первой четверти XVIII в. ситуация с ясачным обложением представляется в следующем виде. Обитавшие на реках Камчатка, Большая и близлежащей территории ительмены были уже в числе постоянных ясачноплательщиков, после середины 1710-х гг. не отмечено фактов их сопротивления и отказа от уплаты ясака. Население побережий Кроноцкого залива с примыкающей территорией и Охотского моря от р. Большая до р. Хайрюзова платило ясак непостоянно, то давая его без сопротивления, то впадая в «измену».

Юг Камчатки (р. Авача и Курильская Лопатка) можно отнести к «немирной» территории: сбор ясака здесь почти каждый раз сопровождался вооруженными столкновениями. При этом надо учитывать, что даже на объясаченной, а тем более на «немирной» территории ясак платили не все местные жители, часть из них скрывалась от подобной процедуры. Стеллер в начале 1740-х гг. отмечал: «Впрочем, по податным спискам никоим образом нельзя судить о численности местного населения, потому что казакам, за многочисленностью туземцов, не удавалось так точно подсчитывать их, как теперь, и еще потому, что при внесении ясака, по крайней мере, третья часть ительменов от него уклонялась» [91, с. 133].

По подсчетам А. С. Сгибнева, сделанным на основе сборной ясачной книги камчатского комиссара Ф. И. Шелковникова, к 1724 г. из 3 582 ясачных ительменов, приписанных к трем камчатским острогам, 414 чел. (11,6 %) числилось в бегах. Эта же книга показывает, что всего в ясак было записано 5 138 чел., но из них 1 556 (30,3 %) «померло» в разные годы [83, с. 107]. И. И. Огрызко совершенно произвольно отнес цифру в 5 138 ясачноплательщиков к 1704 г., когда «приказчик... Зиновьев первый завел ясачные книги» [72, с. 11—12].

В связи с этим отметим, что, во-первых, камчатские ясачные книги были заведены еще до М. З. Многогрешного (Зиновьева) В. Атласовым и Т. Кобелевым, во-вторых, самому Многогрешному удалось собрать и вывезти с Камчатки всего 972 шкурки пушных зверей, а это говорит о том, что в свои ясачные книги он никак, исходя из формального принципа (один ясачный — одна шкурка), не мог записать больше одной тысячи человек. Еще хуже была ситуация с ясачным обложением камчатских коряков, которые относились к ведению Анадырского острога. В 1730 г. солдат Г. Корболин, перечисляя ясачных коряков Анадырского ведомства, назвал среди них только оленных анадырских и оседлых паренских и аляоторских (всего из двух острожков — Кулгушного и Аляоторского). Про остальные территориальные группы коряков, в том числе камчатских, Корболин даже не упомянул [7, л. 6—6 об.]. Ясак с последних все же брался, но далеко нерегулярно, в незначительном и произвольном размере.

Обложение ясаком, сопровождавшееся взятием аманатов, уже само по себе давало аборигенам, которые до русских не знали системы господства-

подчинения и практики заложничества, повод к вооруженному сопротивлению. Как писал известный этнограф И. С. Вдовин, «до прихода русских они (ительмены. — А. З.) не знали государственной власти, не имели представления о выплате ясака, о несении разных повинностей, трудовых обязанностей для обслуживания пришельцев» [54, с. 35]. Но кроме этого, был еще целый комплекс причин, который вызывал их недовольство и приводил к острым конфликтам с русскими. Развернутый анализ конфликтогенных факторов, применительно к крайнему северо-востоку Сибири, в том числе Камчатке, содержится в моей монографии [48] (см. также: [30, с. 154—155; 74, с. 37—40; 83, с. 117—118; 90, с. 18—20; 91, с. 136—139]). Поэтому здесь я обозначаю их кратко, дополнив теми моментами, которые уже непосредственно привели к восстанию 1731 г.

Прежде всего, надо указать на то, что контингент русских комбатантов (*комбатант* в переводе с французского означает воин, боец, сражающийся. В современном международном праве этим термином обозначают лиц, которые входят в состав регулярных вооруженных сил и непосредственно участвуют в боевых действиях, а также тех, кто принадлежит к личному составу ополчений, добровольческих и партизанских отрядов, при условии, что их возглавляет командир, что они имеют ясно видимый отличительный знак, открыто носят оружие и соблюдают законы и обычаи войны [84, с. 11]). По нашему мнению, с рядом незначительных оговорок — отсутствие ясно видимого отличительного знака, иррегулярный характер службы — этот термин вполне применим к служивым людям XVII—XVIII вв., не говоря уже об офицерах и солдатах регулярной армии), от начальствующего состава до рядовых, действовавший на крайнем северо-востоке Сибири, в подавляющем большинстве по своему менталитету отличался низким культурным и моральным уровнем, а также склонностью к поведению, выходящему за рамки морально-нравственных и правовых представлений даже своего времени. Это были люди достаточно смелые, самостоятельные, решительные, склонные к авантюризму и при этом далеко не сентиментальные, жесткие, а порой и жестокие.

Как писал один из немногих исследователей русско-аборигенных отношений в данном регионе В. И. Огородников, «все эти люди обладали исключительной настойчивостью и твердою волей, отличались страстью к приключениям и проявляли полную неразборчивость в средствах и жадность к добыче: таковы были общие свойства сибирских землеискателей прежнего времени» [70, с. 71].

Буквально по «горячим следам» описывая ход присоединения Камчатки и оценивая действия «завоевателей», Г. В. Стеллер отмечал: «Нельзя достаточно удивиться на храбрость и редкую изворотливость этих казаков, составлявших лишь горсть людей, в большинстве случаев либо искателей при-

ключений, либо бежавших от правосудия, либо сосланных сюда из России за совершение всевозможных неблагоприятных дел, для которых эти люди были самым подходящим элементом» [91, с. 136].

Психологически они были готовы и привычны к насильственным действиям и, кроме того, не имели или в лучшем случае имели слабое представление о культурно-психологических мотивах поведения тех, кого подчиняли — аборигенов.

Оказавшись на Камчатке, сначала землепроходцы, затем направляемые туда якутскими властями отряды служилых людей были поставлены в условия, во многом определявшие их агрессивное поведение. Правительственные предписания требовали от них осуществления безусловного подчинения аборигенов, вплоть до силовых методов: «А которые будет новых земель люди будут непослушны и ласкою их под государеву царскую высокую руку привести ни которыми мерами немочно... и на тех людей посылати им служилых людей от себя из острошку и войною их смирити ратным обычаем», используя при этом все доступные средства — «чинить над ними военный поиск огненным и лучным боем». Уже одно это неизбежно вызывало насилие.

Помимо этого у русских «конкистадоров» существовала объективная потребность в средствах жизнеобеспечения. Те запасы продовольствия и товаров для торговли, что они могли взять с собой в поход, были ограничены в объемах, к тому же закупались, как правило, на собственные средства, причем немалые. Государева жалованья они, будучи на Камчатке, или не получили вовсе, или получали в неполном размере. По этому поводу В. Беринг в 1730 г. сообщал следующее: «А многия служилые люди сказали, которые в давних летех живут на Камчатке, а жалованья не получают, для того, что обстоятельно указ из Якуцку запрещает жалованье производить кроме тех, которые явятца налицо при Якуцку» [8, л. 74 об.; 12, с. 21].

Поэтому неудивительно, что казаки, оторванные по несколько лет от баз снабжения, обеспечивали себя многим необходимым (продуктами питания, одеждой, транспортными средствами) путем реквизиций у местного населения. По мере его подчинения эти реквизиции превратились в постоянную повинность в пользу русских гарнизонов (заготовление рыбы, птицы, звериного мяса, ягоды, кореньев, дров и проч.). Ительмены также должны были поставлять и «корм» для содержания захваченных у них аманатов. Последнее нередко превращалось в средство вымогательства.

В конце 1730-х гг. Иркутская провинциальная канцелярия по поводу содержания аманатов на Камчатке отмечала, что «из того зборного аманатского корму посланные зборщики и служилые люди про себя употребляют, а аманатом разве малое дело юколы ради пропитания дают, а больши питаются, собирая под окнами милостиною, и хуже скота содержат, что немалое озлоб-

ление такому дикому народу», «а с курильских народов и з островов первого и второго и третьего, которые прилежат к японской стороне, те сборщики и служилые люди вместо таковых аманачких кормов берут с каждого ясадного по камчацкому бобру... а взятые грабежом те разделяют по себе» [2, л. 199—199 об. См. также: 12, с. 476].

Огромное значение на поведение служилых людей оказывала практика назначения их якутскими воеводами на должности, прежде всего приказчиками и ясачными сборщиками, за взятки. Эти взятки именовались «окуп» и во второй половине XVII в. превратились в Якутском уезде в отлаженную и фактически узаконенную местными властями систему. Естественно, что окуп воеводам служилые покрывали за счет поборов с ясачных людей, как констатировали государевы сыщики, «быв у оного ясадного збору в иноземческих волостях, возвращали оную свою дачу с иноземцев». Таким образом, получалось, что якутская администрация, широко практикуя систему окупов, толкала служилых на ограбление иноземцев и при этом фактически узаконивала грабеж, покровительствуя тем, кто хотел и умел делиться добычей. «Сами воровали и ворах потакали», — говорили якутские служилые про своих воевод [14, с. 234].

Наиболее легким способом быстрого обогащения было, естественно, взимание с аборигенов любыми способами того, что в глазах русских имело ценность, прежде всего пушнины, причем в таком количестве, которое позволило бы не только собрать ясак (продемонстрировав тем самым свою заботу о «государеве интересе»), но и пополнить собственный карман, чтобы рассчитаться с долгами и получить прибыль. В период подчинения и подавления сопротивления ительменов это достигалось за счет военных трофеев. По мере объясачивания и «умиротворения» иноземцев в ход шли другие приемы. Служилые люди, пользуясь почти полным отсутствием надзора за их действиями, выстраивали свои официальные и частные отношения с новоиспеченными российскими подданными на основе собственной выгоды и наживы.

В первую очередь, широкое поле для разного рода злоупотреблений открывал сбор ясака в государственную казну, он давал и законное прикрытие. Именно поэтому в лихоимствах, прежде всего, упражнялись представители местного административного аппарата — приказчики и ясачные сборщики. Они могли просто «накинуть» к ясачному окладу несколько соболей «для своей бездельной корысти», подчас взимая ясак в многократном размере против оклада, могли низко оценить принесенную иноземцами в ясак пушнину, заставляя их тем самым сдавать больше и забирая излишки себе, могли заменить лучшие меха, сданные в ясак, своими «худыми», и, наконец, широко практиковали вымогательство так называемых «чащин» — «подарков» и «гостинцев» пушнинной. В последнем случае казаки нередко

прибегали к мерам физического воздействия — батогами и плетьюми выбивали чашины, а также захватывали в заложники близких родственников ясачноплательщика (жен и детей), которых в случае неуплаты превращали в холопов и продавали. Чтобы понять весь размах злоупотреблений, достаточно сравнить размер «законного» ясачного сбора с ительменов с «лакомствами» приказчиков.

За 1702—1720 гг. с Камчатки было собрано в «государев» ясак 33 896 соболей. За эти же годы приказчики В. Атласов, П. Чириков, О. Миронов, А. Петриловский, И. Козыревский и И. Енисейский приобрели для себя 18 189 соболей — больше половины «государева» соболинного ясака за 19 лет.

Большую возможность для наживы предоставляла торговля. Мало того, что русские несоразмерно завышали стоимость товаров, они еще и навязывали их силой и под высокие проценты. Иноземцы, будучи не в состоянии расплатиться, становились должниками, и за неуплату долга русские забирали у них жен и детей, а то и самого должника превращали в холопа. Весьма распространенным был и захват в плен ясырей, которых казаки или продавали, или заставляли работать на себя.

Стеллер писал: «У каждого казака было, по меньшей мере, 15—20 рабов, а у некоторых даже от 50 до 60. Этих рабов они проигрывали в кабаке в карты, и случалось, что рабыня в течение одного вечера переходила к трем или четырем хозяевам, причем каждый, кто выигрывал, ее насиловал. Таких рабынь казаки выменивали также на собак» [90, с. 20; 91, с. 139]. Ему вторил Крашенинников: «Из острожков покоренных силою брали они довольноное число в полон женского полу и малолетных, которых разделяя по себе владели ими как холопами» [60, 505—506], добавляя в другом месте: «Походы служивым не бескорыстны бывали, ибо они, побив мужиков, жен их и детей брали к себе в холопство, отчего до розыску бывшего 1734 и 1735 году у каждого служивого человека по 10, а у богатых человек и по 40 холопей, по их ясырей было, им покупать и продавать и пропивать и в карты проигрывать их вольно было» [60, с. 753]. Проданные или отданные за долги холопы вывозились далеко за пределы полуострова, немало их было в Якутске, откуда часть их развозилась по другим сибирским городам.

Возможность иметь значительное число холопов приводила к тому, что холоповладельцы предпочитали фактически жить за их счет. «Несчастные рабы должны были исполнять всякую работу, и ни один казак решительно не ударял пальцем о палец, а только играл в карты, пьянствовал, объезжал от поры до времени свой округ для сбора долгов или шел на войну» (Стеллер) [91, с. 139]. «Оные холопы должны были стараться о всем потребном к содержанию, а они, как господа, довольствовались готовым, ни за какие труды не принимаясь... жили они как дворяне за холопами» (Крашенинников) [60, с. 505—506].

Г. Ф. Миллер сообщал, что даже в монастырском хозяйстве, заведенном недалеко от Нижнекамчатского острога, вместо лошадей и быков пахали на холопах-камчадалах [41, с. 98]. Как сообщалось в экстракте Адмиралтейств-коллегии 1733 г., «...и хлеб сеют в святой пустыни... а пашут, подпрягая девок и баб по семнатцати в одну соху» [12, с. 398].

Эти замечания наблюдательных современников наводят на мысль, что на Камчатке был насажден худший из известных вариантов тогдашних общественных отношений — холопство, причем в самых жестких, фактически рабских, формах. Это, конечно, имело негативные последствия, и не только потому, что в корне разрушало социально-экономическую структуру ительменского общества, но и потому, что заставляло русско-ительменские отношения «вращаться по замкнутому кругу». Служилые и промышленные люди, оказавшись на Камчатке, выстраивали свое жизнеобеспечение за счет труда холопов-ительменов, а, соответственно, не имели потребностей в создании собственных хозяйств. Отсутствие хозяйства давало казакам свободное время, которое они проводили в попойках и картежной игре, в результате чего пропивали и проигрывали все имущество (в том числе и холопов) [12, с. 22; 60, с. 506; 91, с. 137—138]. Когда это происходило, казаки отправлялись на захват новой добычи и военнопленных. А далее все повторялось.

Следует заметить, что разгул насилия на Камчатке наблюдался уже после того, как правительство с конца XVII в. стало предпринимать энергичные усилия по пресечению в Сибири массовых злоупотреблений, в том числе в отношении ясачных. В 1690-х гг. появилась целая серия царских указов по этому поводу [50, с. 21—24; 94, с. 27—32]. До столицы, несомненно, доходили сведения о том, что происходит на Камчатке. В инструкции 1720 г. очередному камчатскому приказчику сыну боярскому С. Бобровскому впервые заметно стремление исправить существующее положение дел.

Бобровский должен был собрать у ясачных жалобы на прежних приказчиков, «розыскать» виновных в злоупотреблениях, оградить ительменов от обид со стороны русских, улучшить содержание аманатов, но самое главное — реорганизовать сбор ясака. Отныне ясак иноземцы должны были сами привозить в Большерецкий острог, а казакам вообще запрещалось появляться в их поселениях; запрещалась всякая торговля с иноземцами до ясачного сбора; приказчикам и служилым людям запрещалось вмешиваться во внутренние дела иноземцев, которые должны были управляться собственными старшинами. Кроме того, Бобровский должен был распустить по домам казачьих холопов из числа женщин и детей, попавших в холопство за долги, а их владельцев-казачков, практиковавших похолопление за долги, бить батогами. Предписывалось также запретить картежные игры [83, с. 103—104].

Однако никаких данных, свидетельствующих о том, что эта инструкция хоть в малой толике стала претворяться в жизнь, обнаружить не удалось. Ско-

рее всего, все благие пожелания остались на бумаге и, как писал Стеллер, «ни приказчик и никто другой не заступался за бедных туземцев, сколько бы они ни жаловались, а в свою очередь вел свою линию» [91, с. 139].

Прибытие на Камчатку Первой Камчатской экспедиции во главе с В. Берингом, которому были предоставлены широкие полномочия, внушило некоторые надежды местным жителям. Увидев начальника, которому подчиняются все местные командиры, ительмены бросились жаловаться капитан-командору. Тот, ознакомившись с ситуацией, 11 июля 1728 г. издал приказ, адресованный местным управителям и ясачным сборщикам, в котором говорилось: «Сего 728 году марта в разных числах Уки реки, также и по реке Камчатке лутчие иноземцы доносили мне словесно чрез толмачей, а многие и сами российским языком об своих обидах доносили, что сверх ясаку и аманатцкого корму збирают с них сладкую траву, ягоды и сарану, от чего им немалая тягость, и терпят голод. Также, когда збирают ясак зборщики, то для своей бездельной корысти берут от них сильно кухлянки, сети и баты (бат — ительменская лодка. — А. З.), от чего чинитца немало недобор в ясашной зборной казне. Ныне подтверждаю сие письменно, чтоб отнюдь камисаром и управителем для своей бездельной корысти сами, также и позволения служилым людем не давали, таких зборов збирать с ыноземцов и обид им никаких не чинить» [19, с. 68—69].

Но и этот приказ вряд ли достиг своей цели. Сам Беринг, обобщая впечатления от пребывания на Камчатке, сообщал в 1730 г. в своем донесении в Сенат: «Жаловался мне камчатцкой народ, а имянно от Кигиль реки и от Харюзовой на тамошних служилых в обиде, которая им чинитца при ясашном платеже, что збирают против указа излишество... Також, по известию от камчатцких народов, на Камчатке имеетца обыкновение... когда збираетца ясак собольми и лисицами, тогда они добровольно дают зборщику одну и временем две части сверх положенного на них ясаку» [8, л. 74 об.; 12, с. 21].

Вдобавок сама экспедиция тяжким бременем легла на плечи ительменов, обязанностью которых стало ее обслуживание. Перевозка из Большерецка в Нижнекамчатск грузов и людей летом на батах, зимой на собачьих упряжках оторвала значительное число ительменов от их промыслов и добычи ясачной пушнины. При этом многие лишились своих ездовых собак, погибших от изнурения, что существенно сократило транспортную базу ительменского хозяйства. И хотя Беринг освободил часть ительменов, занятых перевозкой грузов, от уплаты ясака, ясачные сборщики все равно стремились брать с них ясак в полном размере, не забывая и про чащины [41, с. 97; 74, с. 36—37; 83, с. 113, 117].

В декабре 1729 г. и январе 1730 г. челобитные с жалобами на поборы со стороны ясачных сборщиков Василия Полозкова «с товарищи» подали в Большерецкую приказную избу «лудчие иноземцы Кыкчика реки Нижне-

го острогу тоен Шемкоч, да Немты реки тоен Налач», в январе 1730 г. там же на «обиды» казака Лариона Валынкина «словесно» доносили «Карымчина острога ясачные Кулмалеч Каначев, Тавака Кунгучев» [4, л. 35—36 об., 38 об.—40].

На разгул «лихоимств» и «насилий» со стороны приказчиков, ясачных сборщиков и казаков указывали на допросах участники восстания 1731 г. Так, один из его руководителей новокрещенный ительмен Федор Харчин четко заявил, что «бунт» «учинили мы за несносную от сборщиков обиду и служилых людей». Он же, конкретизируя «обиды», рассказал, что в 1730 и 1731 гг. ясачные комиссары (ответственные за сбор ясака) Иван Новгородов и Михаил Шехурдин брали с каждого ясачного чащин по три-четыре лисицы, а также по три-четыре «вязки» юколы, «а у кого юколы нет, то берут у нас за юколу за вязку по лисице, а ежели и лисицы нет, то последние с нас парки и куклянки». Кроме того, «повсягодно» ительмены должны были сами доставлять в Нижнекамчатский острог «сладкую траву», кипрей, сарану, птиц (гусей и уток по 50 шт. с человека) и дрова.

Все это, по словам Харчина, сопровождалось истязаниями: «А если у кого ясаку не прилучилось... били на правеже... пока нога распухнет, а после де того распорют штаны и бьют вторично на правеже по пухлой ноге», «бьют нас батоги и на правеже на смерть, а иные, не стерпя такого мучения, давились».

Самого Харчина били «на правеже босого» и «взяли два ясака на один год», а его жену «венчальную» «пищик Еким Мухоплев, буди за сбором, изнасиловал блудно грехом». У тех, кто ничего не мог заплатить, забирали жен и детей: «А ежели де у кого чащин кунного нет, то берут себе с нас за чащины жен и детей под заклад, а строки пишут на малое время, что нам на такие строки выкупить нечем». Причем даже в уплате ясака сборщики не давали росписок («а в платеже ясаку отписей не давали»). Харчин также с горечью констатировал, что любые попытки найти у комиссаров управу на действие ясачных сборщиков заканчивались плачевно для самих ительменов — их тут же сажали под арест [5, л. 8 об.—10, 19—19 об.; 8, л. 294 об.—295, 310 об.; 15, с. 7, 65—66, 70].

О многих обидах со стороны служилых людей рассказал и другой руководитель восстания тойон Машурина острожка Начик: «Чинятца нам обида, а именно от закащиков Верхнем Камчадальском остроге повсягодно берут де с нас неокладные тяготня поборы ради своей корысти — сараны по пуду, кипрею по пуду да по бату, а ежели де кипрею и сараны нету, то берут лисицами и собольми, за бат по шти соболей или лисиц, а сараны нету, то берут по лисице, кипрею нету, то берут по лисице ж. Тако ж берут и ягодами и юколою по три вязки и по четыре с человека, а ежели ягод и юколы не имеетца, то берут с нас последние куклянки и парки и собольные собаки. И от того приходим в последнюю нищету. А сего де 1731 году приезжал к нам от закащика

Василья Пашкова служилой человек Василей Новограбленной и сбирал де по Козыревской и по Толбачику и по Шапиной и у меня Начики в остроге в Топошином и на Кырганике по бату и по пуду сараны да по чюману ягод, а у кого де не было батов и сараны и ягод, то де брали и кунным на Шапиной и по Козыревской реках... с нас берут ясачную казну, а сверх ясаку берут по три лисицы, а ежели лисиц нету, то берут по три соболи, а соболи нету, то берут парками и куклянками и собольными собаками. И что у нас имеется, то все берут вместо чащин» [8, л. 314 об.; 15, с. 48—49].

Показания Харчина и Начика подтвердили и другие участники восстания, а также сами виновники злоупотреблений. В частности, И. Новгородов «с розыску и с пытки» сознался в том, что приказывал казакам «брать с ясашных иноземцов сверх ясаку лихоимством себе в чащины по три и по четыре места с каждого человека соболми и лисицами, а у которых иноземцов соболей и лисиц нет, у тех велел брать за чащины жен и детей и последние парки и куклянки и ис тех чащин иноземцов быть на правеже насмерть» [5, л. 38—38 об.; см. также: л. 44, 31 об.—32, 33 об.—34 об., 39].

Другой ясачный комиссар М. Шехурдин, после «двадцати ударов», признал за собою те же вины, что и Новгородов, добавив, что в 1731 г. за предоставление казакам права собирать ясак получил с них 540 соболей, лисиц и бобров [5, л. 37—37 об.; см. также: л. 35—35 об., 36—37, 39 об.—40]. По итогам следствия центральные власти признали, что «во отдаленных сибирских владениях, в Якуцком ведомстве и на Камчатке, как от воевод, так и от посланных для збору с ясашных людей ясаку камисаров и других зборщиков чинится Ея И. В. ясашным подданным как в платеже излишняго ясаку, так и от взятком многое раззорение, наипаче ж приметками своими жен и детей отнимают и, развозя, перепродают» [10, с. 183].

Выяснилось также, что к ограблению ительменов были причастны якутские воеводы. Один из них, И. И. Полуектов, назначив на Камчатку ясачным комиссаром И. Новгородова, взял с него взятку в 700 руб. (сумма по тем временам огромная), а с комиссара М. Шехурдина получил, уже после его возвращения, 300 руб., 200 лисиц, 30 соболей и 4 бобра [5, л. 11 об., 15 об., 37, 38; 60, с. 498, 499].

Другой воевода, Ф. И. Жадовской отпускал за взятки на Камчатку вместе с ясачными комиссарами и их родственниками: «И ныне отпустил камисара на Камчатку, которой поехал з женою и з детьми и забрав своих родственников множественным числом». В результате ясачные вынуждены были одаривать чащинами не только комиссара, но и всю его прибывшую родню [10, с. 180]. В ходе следствия стало известно, что наиболее жестоко с ительменами обращались, кроме уже названных И. Новгородова и М. Шехурдина, подьячие Еким Мухоплев и Иван Свешников, служилые Матвей Новгородов, Василий

Новограбленный, Алексей Пыжик, Никита Дурьнин, Андреян Рюмин, Осип Верхотуров.

В целом, знакомство с документами, свидетельствами современников и материалами следственной комиссии, рисующими образ действия служилых людей на Камчатке, приводит к мнению, что сначала землепроходцы, а затем представители власти (от приказчиков до рядовых казаков) смотрели на ительменов как на людей, отданных им в полное распоряжение, а на Камчатку, как на завоеванную территорию, которая принадлежит им по праву завоевания. В связи с этим особо отметим чрезвычайно слабые позиции на полуострове христианской церкви.

Присоединение Камчатки по времени совпало с началом массовой христианизации сибирских язычников. В 1705 г. на Камчатку был послан архимандрит Мартиниан. В 1713 г. в наказ приказчику Анадырского и камчатских острогов П. Татаринову было включено указание о распространении «веры Христовой»: «Ему ж капитану сделать на Камчатке церкви Божии и привлечь иноземцов ко христианской вере, против указу великого государя, с великим прилежанием в православную христианскую веру и крестить, и за крещение давать государево жалованье, как можно, по своему рассмотрению, смотря по человеку» [16, с. 509].

В 1725 г. на смену Мартиниану на Камчатку прибыл иеромонах Иосиф Лазарев, который в 1725 г. осветил первый христианский храм на полуострове — церковь во имя Святителя Николая Мирликийского Чудотворца, построенную еще в 1713 г. около Нижнекамчатского острога. В 1717 г. И. Козыревским была недалеко от этого острога основана Успенская пустынь. Однако успехи христианизации были достаточно скромными: к 1731 г. было окрещено менее 100 ительменов. (О христианизации на Камчатке и деятельности духовных миссий в первой половине XVIII в. см.: 12, с. 59—64, 70—75; 15, с. 16, 139—149, 196—197; 26, с. 38—44, 64—72, 116—170; 31, с. 162—167; 40, № 1, с. 28—72, № 2, с. 138, 140, 147, 189, 192; 51, с. 197—216; 61; 94, с. 85—99; 96; 97.)

Этого было явно недостаточно, чтобы среди аборигенов сформировалась достаточно влиятельная «компрадорская» прослойка. К тому же само крещение носило чисто формальный характер, о чем явно свидетельствует убийство ительменами священнослужителей. В 1717 г. они жестоко расправляются с Мартинианом, в 1731 г. убивают дьячка А. Лазарева. Расправа с Мартинианом, которую учинили его крещенные холопы-ительмены, свидетельствует, кстати, что сам священник вел себя неподобающе сану, чем и вызвал недовольство неофитов. В связи с этим напомним сведения Миллера об использовании холопов в качестве тягловой силы в монастырском хозяйстве. С другой стороны, практическое отсутствие духовно-нравственного воздействия на русскую паству (один священник вряд ли мог из-

менить ситуацию) во многом объясняет, на мой взгляд, и жестокие нравы русских служилых людей.

Более активные усилия по распространению христианства на северо-востоке Сибири стали предприниматься с учреждения в 1727 г. Иркутской епархии. Сенатским определением в Синод 11 декабря 1730 г. (скорее всего в связи с донесением В. Беринга. В. Беринг в своих «предложениях» в Сенат 1730 г. отмечал: «На всей Камчатской земле токмо один поп, а при Верхнем и Большерецком острогах священников не имеетца, а тамошня жители, которые русские, весьма желают, чтоб при каждом остроге определен был священник» [12, с. 21]) было велено построить церкви в Верхнекамчатском, Большерецком и Анадырском острогах, определив к ним священников, а для привлечения иноземцев к христианству давать крестившимся льготу на десять лет в платеже ясака.

В развитие этого определения июльская 1731 г. инструкция командиру новообразованного Охотского правления Г. Г. Скорнякову-Писареву предписала заботиться «о строении церквей в камчатских острогах и об определении попов и причетников с ругою, и что кто из тамошняго народа крестится, о даче им льготы, и чтоб попы были, сколько возможно, люди искусные и во всяком бы остроге склоняли аманатов и других охотников учиться грамоте и показывали им закон христианский» [12, с. 55].

14 сентября 1731 г. появился известный указ Сибирского приказа о предоставлении крещеным ительменам десятилетней льготы по уплате ясака [10, с. 176—177]. В ноябре 1731 г. ситуация с крещением иноземцев на Камчатке рассматривалась на заседании Синода [12, с. 59—64]. Но все эти правительственные предписания начали претворяться в жизнь уже после восстания ительменов.

Ительмены, со своей стороны, в соответствии с образом жизни и мировосприятием во всех их составляющих компонентах были не готовы к быстрому принятию принесенной русскими системы социально-политических и экономических отношений. Уже сами русские, которых представляли преимущественно казаки, в их глазах изначально отличались от «настоящих», «обычных» людей. По свидетельству Крашенинникова, ительмены прозвали русских «брыхтатын» — «огненные люди», «по причине огнестрельного оружия, которого они не видая прежде... думали, что огонь не из ружья выходит, но что россияне огненное имеют духание» [60, с. 359].

По версии Стеллера, «русского человека они называют... “татах”, что на их языке означает “давай сюда”, — выражение, являющее первым требованием русских. Казака же они именуют “брахтадт” или “брахтатах”... что значило “двигайся, подавай” и в чем всегда выражался *modus precedendi* (способ действия) казаков» [91, с. 24].

В связи с тем, что об ительменском языке XVIII в. исследователи имеют очень смутное представление, трудно судить, кто — Крашенинников или Стеллер — более адекватно передал звучание и значение слова, которым ительмены обозначили русских. Крашенинниковское «брыхтатын» созвучно и почти аналогично «этнонимам», применявшимся в то же время чукчами и коряками в отношении русских — «мелг-таньги», «мелгы-таньгитан», «милхтангата» (чукот.), «мельгытанги», «милтангата» (коряк.), что означало «огненные чужие, враги» (именно чужие и враги, а не люди, как полагал Крашенинников) [28, с. XXVII, 91—95, 330—335; 29, с. 171; 60, с. 359; 64, с. 103; 90, с. 14; 91, с. 27].

С. Н. Стебницкий отмечал: «Таньгитан (тан'нытан, мн. число таньно) — слово, существующее как в коряцком, так и в чукотском языке; в древности оно имело значение “враг”, а в настоящее время совершенно изменило свое первоначальное значение и употребляется в коряцком языке со значением “чукча”, а в чукотском — со значением “коряк”» [89, с. 33].

Это созвучие дает основание для проведения аналогий между восприятием русских ительменами, с одной стороны, и коряками и чукчами (к последним в то время относили и азиатских эскимосов), с другой. По наблюдениям В. И. Иохельсона, коряки «на всякого чужого смотрели как на возможного врага... Отношение к постороннему как к врагу или недоброжелателю выражалось не только в опасении физического вреда от него, но также в опасении злого влияния его дурного глаза, злого языка и слова» [52, с. 199].

Чукчи, сообщил В. Б. Богораз, все чужеземное, чужое ставили в один ряд со злыми духами [29, с. 113]. Антропологи, изучавшие эскимосов, выявили, что у них любой чужой (под которым понимался тот, с кем не имели ни родственных, ни партнерских отношений) вызывал подозрение, и их при первой же возможности старались убить [98, с. 104]. В. А. Шнирельман пишет, в частности, что «эскимосам был свойственен страх перед чужаками, в особенности, жившими вдали от них, но и даже к свойственникам относились с недоверием. Это и лежало в основе особой церемоний встречи чужака, содержавших элементы насилия. Иногда это был обмен увесистыми пощечинами, иногда — спортивное единоборство, а иногда — и испытание ножом. Все это, по-видимому, должно было продемонстрировать чужаку силу хозяев и побудить его воздержаться от непродуманных действий против них. Кое-где у эскимосов встречалось и явление дегуманизации своих противников» [98, с. 98].

Исследователь права у народов Севера В. А. Зибырев отмечал, что их нормативы поведения в отношении чужаков вполне допускали воровство, грабеж, ложь, обман и даже убийство, если эти чужаки признавались «скверными людьми» [44, с. 76, 107, 109]. Надо думать, что такое же нега-

тивное, настороженное и даже враждебное отношение к «чужим» было и у ительменов.

Стеллеровская «брахтадт» или «брахтатах», по нашему мнению, возможно, является искаженной транскрипцией того же «брыхтатын». Но даже, если мы ошибаемся, и в ительменской лексике данный «этноним» («давай») присутствовал, он все равно является показателем отрицательного отношения к русским. В связи с этим можно указать на то, что ительмены ассоциировали казаков с собаками и даже вшами. Стеллер сделал следующее наблюдение: «Относительно некоторых сновидений они располагают уже заранее на опыте проверенными *axiomata* (объяснениями) вроде встречающихся в сонниках. Например, видеть во сне вшей или собак предвещает прибытие проезда казаков» [91, с. 163].

Несложно догадаться о причинах подобной ассоциации: она возникла вследствие того, что казаки «объедали» и «высасывали кровь» у ительменов, в том смысле, что лишали их средств к жизни. В негативном образе русских казаков, созданном ительменами, мы, вероятно, имеем дело с так называемым эмоционально-атрибутивным феноменом, который отражает повышение избирательности восприятия одним этносом (социумом) другого, то есть отсеивание позитивной информации, искажение поступающей информации, воспроизводство негативных этносоциальных представлений, деперсонализация членов «враждебной» группы [25, с. 206].

В любом случае, оба слова — «брыхтатын» или «брахтадт», в каком бы соотношении они ни присутствовали в ительменском языке, — свидетельствуют о том, что у ительменов сформировался негативный стереотип русских.

Установление ясачного режима, который сопровождался насилием и грабежами, нарушило привычный уклад жизни и хозяйства ительменов. До появления русских охота на пушного зверя велась ими в основном лишь для обеспечения себя одеждой (причем соболь был далеко не главным объектом охоты), теперь же она потребовала много сил и времени. Необходимость добывать пушнину для уплаты ясака и «подарков» отрывала от основных промыслов. При этом с годами поголовье ценного пушного зверя сокращалось, и добывать его становилось все труднее. А надо еще учитывать, что ительмены не имели навыков соболиного промысла. Даже в 1730-е гг., когда добыча соболя уже стала обычным явлением на Камчатке, у них «славным промышленником» считался тот, «которой пять или шесть соболей в зиму изловит, а многие и ясаку достать не могут, но во время ясачного збору принуждены бывают занимать оной у своих тойонов или у казаков и работать за то целое лето» [60, с. 244].

Помимо пушнины ительмены снабжали русских продуктами питания, одеждой, средствами передвижения, сами нередко выступали в качестве проводников, затрачивая свои силы и время. Констатируя это, надо иметь в виду

чрезвычайно важное обстоятельство — потенциал хозяйства ительменов (рыболовов и зверобоев) был рассчитан лишь на удовлетворение потребностей данного поселения, а не на производство прибавочного продукта. У них не было никаких естественных стимулов для производства значительных излишков, а, соответственно, стремления к накопительству и богатству.

Это точно подметили участники Второй Камчатской экспедиции: «Ительменам настолько чуждо чувство скупости и алчности в отношении преходящих благ и собственности, что они никогда не стремятся к получению больше того, без чего они могут безболезненно обойтись... У них желание работать развито ровно настолько, насколько это необходимо для пропитания их самих и членов их семей...» (Стеллер) [91, с. 167, 170]. «Впрочем живут они беззаботно, трудятся по своей воле, думают о нужном и настоящем, будущее совсем оставя... По той же причине и торги у них не для богатства были, но для получения нужного к содержанию... И это всем здешним народам свойственно есть» (Крашенинников) [60, с. 732]. «Они нисколько не заботятся о том, чтобы создать какие-нибудь запасы... Они не стремятся ни к какому излишку, но стараются добыть только необходимое к существованию» (С. Ваксель) [11, с. 119].

Позднее, в 1757 г., сибирский губернатор В. Мятлев информировал очередного командира Охотско-Камчатского края, что «камчадалы ж и сами от природы презельныя ленивцы», «многие так ленивы, что только одного труда в промыслу на платеж ясака не оставляют принуждаюца, а иные и на ясак промышлять лентяца... Многие ж есть и такие, кои хорошо жить охоту имеют, а заблаговременно от лености и неразсуждения своего зверей не напромышляют, и продать на деньги или променять на товары нечего, то с великим убытком одалживаюца и у купцов» [6, л. 30 об.—31, 33].

Вполне понятно, что дело, конечно, не в «ленности» аборигенов, а в их традиционных способах и целях хозяйствования, ориентированных на добычу лишь жизненно необходимого, а не бесполезных в условиях натурального хозяйства излишков. Перестроить же с приходом русских свое хозяйство и переориентировать его целеполагающие установки с потребления необходимого на добычу и производство излишков ительмены в одночасье не могли, да и понимание такой «перестройки», надо думать, пришло к ним далеко не сразу.

Ясно, что периодические, а тем более ежегодные, поборы со стороны русских тяжелейшим бременем ложились на плечи аборигенов, чье хозяйство не было приспособлено к быстрому увеличению своего потенциала. Не были готовы к этому в силу своего менталитета и сами аборигены. В результате неизбежным было резкое ухудшение материального положения, сокращение продовольственных запасов, а значит, учащение голодовок и заболеваний, и, как следствие, резкое недовольство русскими — источником

всех этих бед. Начала рушиться гармония мироздания ительменов, на место определенности приходила неопределенность. Вкупе со многими другими новациями, появившимися с приходом «белых» людей, это не могло не вызвать изменений в психологии и поведении аборигенов.

Еще в конце XIX в. В. Маргаритов отмечал: «Особенно сильное впечатление производят на ум дикаря те явления, которые идут в разрез с деяниями человека и сопровождаются гибелью и опустошением. Зло долее помнится, чем добро, страх сильнее чувствуется, чем благородность и всякое нарушение естественного хода явлений сильнее поражает ум и сердце... Поэтому дикарь во всем могучем, но в то же время странном для себя, видит силу, пред которой преклоняется и изыскивает средства к устранению ее или умиловительности» [65, с. 108]. Появляется естественное желание и стремление восстановить прежний порядок жизни и избавиться от причин, породивших изменения (см.: [95]).

Дополнительным, но не менее важным фактором, вызывавшим недовольство ительменов, являлось незнание, а подчас и нарушение русскими их нравов, обычаев и норм обыденной жизни. Последнее было весьма чувствительно для «дикарей», особенно учитывая их повышенную эмоциональность, свойственную в целом «первобытным» социумам. Сохранившиеся свидетельства наблюдательных путешественников и этнографов XVIII—XIX вв. рисуют нам ительменов людьми добродушными, честными, гостеприимными, но в то же время гордыми, независимыми, не терпящими обмана и мстительными. В частности, Крашенинников отмечал, что в их характере присутствует «ярость, ненависть и мщение, чего ради и войны, как между собою, так и с соседними народами имели» [60, с. 368].

Наконец, надо принимать во внимание «собственническое» отношение к территории, свойственное народам, чье жизнеобеспечение напрямую зависит от ее природных ресурсов. Территориальность у первобытных народов в современной науке трактуется следующим образом. Территория — есть «пространство, занятое индивидом или группой на основах большей или меньшей исключительности, основанной на недопущении (других людей) путем прямого отказа или других форм сигнализации» (Э. Уилсон, Р. Дайсон-Хадсон, Э. Смит). С точки зрения названных исследователей, чем полнее и регулярнее какая-либо территория могла обеспечить людей пищей (а шире — любыми ресурсами), тем больше последние были заинтересованы в монопольном владении ею, и тем меньше склонны уходить с территории сами или, напротив, пускать сюда чужаков. Соответственно отношение людей к территориальности варьировалось от достаточно жесткого до его полного отсутствия, между этими крайностями имелось множество переходных форм.

В результате разный характер территориальности неизбежно диктует и разные поведенческие стереотипы. Но при этом В. А. Шнирельман подчеркива-

ет, что «развитие специализированного хозяйства и оседлость способствовали установлению особенно тесных связей между людьми и промысловыми угодьями и придавали особый смысл наличию строгих прав собственности на те или иные участки территории» [98, с. 73—75, 111].

Хотя прямыми свидетельствами мы не располагаем, но вряд ли ошибемся, если посчитаем, что у ительменов существовало отмеченное у других сибирских народов представление о «границах» своей территории, а «нарушение границ земельного владения считалось одним из самых тяжких преступлений и каралось смертью» [73, с. 68]. Контроль над пространством является жизненно важной потребностью любого живого существа. Вторжение любого другого на эти территории вызывает реакцию от раздражения до агрессии. Этологами агрессивность связывается с присвоением и защитой необходимого пространства и расположенных на нем ресурсов [59, с. 40].

Военные действия, ухудшение материального положения и вызванные ими голод и болезни привели к значительному сокращению численности ительменов. По сведениям И. И. Огрызко, она составляла: в 1715 г. — свыше 15 тыс. чел., в 1718 г. — свыше 13 тыс. (в том числе 3 349 ясачных), в 1720-х гг. — свыше 11 тыс. (или 2 760 всех ясачноплательщиков, включая 1-й курильский остров) [71, с. 171—208; 72, с. 13, 30] (И. И. Огрызко, равно как и другие исследователи (например, И. С. Гурвич) полагали, что в составе ясачноплательщиков, приписанных к камчатским острогам, были и коряки. Но, как уже отмечалось выше, камчатские коряки находились в ведении Анадырского острога. Исходя из этого, есть твердое основание полагать, что приводимая И. И. Огрызко численность ясачных относится только к ительменам и «курилам»). Он же подсчитал, что в 1700—1710-х гг. ительмены потеряли в боях с русскими около 4 500 чел. [71, с. 201]. По данным других исследователей, в первые восемнадцать лет после открытия Камчатки вследствие столкновений со служилыми людьми, а также участвовавших междуоусобиц, численность ительменов уменьшилась примерно на 20—23 % [101, с. 217].

По известию канцелярии Охотского порта, в 1728 г. на Камчатке с ближайшими Курильскими островами значилось 2 983 ясачноплательщика [2, л. 336 об.], по «рописному списку» С. Вологодина, к 1731 г. — 2 642 [2, л. 233 об.]. И. С. Гурвич, используя эти же документы, допустил ошибку: приводимое в ведомостях число ясачноплательщиков на 1737 г. (2 535 чел.) он отнес к 1729 г., а для 1731 г. указал 2 634 чел. Кроме того, он полагал в этом числе и камчатских коряков [41, с. 97, 98].

Если применить общепринятый четырехкратный коэффициент расчета численности всего населения, получается, что в 1728 г. было примерно 12 тыс., к 1731 г. — 10,5 тыс. ительменов (вместе с обложенными ясаком «курилами», число которых было, скорее всего, незначительным). В таком случае можно говорить о примерно двукратном уменьшении численности

ительменского населения по сравнению с началом XVIII в. Правда, надо иметь в виду, что какая-то часть ительменов скрывалась от ясачного обложения, но, с другой стороны, шел естественный прирост, и подрастающее поколение включалось в состав плательщиков ясака, что, однако, не покрывало убыли.

Сокращение численности ясачных вело к падению сбора пушнины. В 1728 г. власти отметили, что от «морового поветрия» на Камчатке умерли 121 чел., «сошли» на острова — 41, не явились к платежу — 95, «не доплатили за беспромыслицей» — 198, по болезни — 217 [41, с. 97]. Чуть позже, в 1731 г. Якутская воеводская канцелярия, подводя итоги ясачного сбора за прошлый год, констатировала: «Да по сборным ясашным камчацким книгам камисаров Ивана Уваровского, Михайла Шехурдина показано: ясаку де сполна не добыто за иноземческою скудостью и за скорбью и увечьем, а иные де ясашные иноземцы сошли в дальные места без вести, а у скорбных и увечных иноземцов никакого пожитку не имеетца, и за таким неимением положенного ясаку взять с них нечего, а скота тамошней народ не имеет» [10, с. 139].

Численность русских на полуострове существенно уступала численности местного населения. К середине 1720-х гг. здесь, по данным секретаря Сената И. К. Кирилова, находилось 255 служилых людей. Из них 100 были годовальщиками (временно командированными), а остальные — «жилими», то есть постоянными жителями [13, с. 296—300]. По другим сведениям, в 1723 г. все русское население Камчатки состояло из 165 казаков и 11 промышленных людей [83, с. 105] (к ним можно добавить одного священника). Первая перепись населения учла в 1724 г. в камчатских острогах 61 разночинца [12, с. 74—75]. Беринг сообщал, что «в бытность нашу при Камчатке (то есть в 1727 г. — А. З.) во всех трех острогах служилых людей было не более 150 человек, которые живут для збору ясака...» и «есть служилые люди, которые уже давно обретаютца и имеют жен и детей и дома» [8, л. 75 об.; 21, с. 63].

Таким образом, можно полагать, что русское население к 1730 г., вероятно, едва превышало 200 взрослых казаков, разночинцев и промышленных людей, соответственно, соотношение взрослого мужского населения составляло примерно один русский к 13—15 ительменам.

Русское население рассредоточивалось в трех острогах: Нижнекамчатском, Верхнекамчатском и Большерецком. Нижнекамчатский острог располагался на левом берегу р. Камчатка близ устья р. Уачхачь, примерно в 8 км ниже устья р. Еловка и недалеко от местечка Ключи. В остроге находились приказная изба с «аманацкой казенкой» для содержания аманатов, несколько амбаров, из казенного вооружения — «две пушки медная, 51 ядро железных, 2 фузеи к стрельбе негодныя, 2 винтовки негодныя, пороху хрушнова и мелкова в посуде, а что по весу того не показано» [2, л. 231—231 об., 363 об.—364].

В 4—5 км ниже по течению р. Камчатка на ее правом берегу при устье р. Ключовка стояла церковь, еще ниже — Успенская пустынь. В 1727 г., по данным Беринга, непосредственно около острога располагалось «дворов з 50, да в другом месте, где церковь, дворов с 15» [21, с. 63]. При пустыне было три избы, пять амбаров и баня, а на устье р. Еловка — 20 обывательских дворов.

Верхнекамчатский острог, на левом берегу р. Камчатка у устья р. Кали-Кык (Кали-Кыг), имел приказную избу, два амбара и аманатскую «казенку». «В том же остроге имеетца артиллерии годной пушка медная, знамя пестрое, четыре пищали гладкия, к стрельбе негодные, одна фузея, пороху четыре пуда десять фунтов, сто восемьдесят ядер железных, свинцу 1 пуд 14 фунтов». В остроге и рядом с ним насчитывалось 17 жилых дворов и часовня. Большерецкий острог стоял на стрелке в месте слияния рр. Быстрая и Гольцовка, там, где они образуют р. Большая. В нем находились приказная изба, три амбара, аманатская «казенка», две медные пушки, один пуд пороха, 40 пушечных ядер и 4 фузеи, «к стрельбе негодныя» [2, л. 231—231 об.].

К 1726 г. рядом с острогом стояли 17 жилых дворов и одна часовня. Беринг в 1727 г. насчитал «при оном остроге русского жилья 14 дворов» [21, с. 63]. Все три острога имели в плане четырехугольную форму, были обнесены тыновыми бревенчатыми стенами с одной проезжей башней. (Подробнее описание острогов см.: [48, с. 284—292; 80, с. 149, 152, 153, 154; 83, с. 105, 106, 110, 111]).

Помимо «годовальщиков» и постоянного населения, на Камчатке во второй половине 1720-х гг. находились участники морских экспедиций. В 1727—1728 гг. там располагалась Первая Камчатская экспедиция. В сентябре-октябре 1730 г. на полуостров на судах «Св. Гавриил» и «Восточный Гавриил» прибыл морской отряд экспедиции А. Ф. Шестакова — Д. И. Павлуцкого, созданной в 1727 г. для подчинения коряков и чукчей, а также народов, которые «сысканы и прилегли к Сибирской стороне, а не под чьею властию».

Отряд в составе 65 казаков, 7 матросов, 3 мореходов, 4 гренадеров, двух солдат, подштурмана Ивана Федорова, геодезиста Михаила Гвоздева и «судовых дел подмастерья» Ивана Спешнева возглавлял штурман Яков Генс. Вместе с ними прибыли новый комиссар камчатских острогов И. Уваровский с одним казаком, денежный комиссар И. Жданов «с товарищем» и восемь торговых людей. В задачи отряда входило плавание к р. Анадырь для поддержки с моря действий «партии» Павлуцкого против чукчей и «проведывания морских островов» [45; 46]. Помимо отряда Генса, на Камчатке также находилась прибывшая туда ранее команда В. А. Шестакова (около 50 чел.), совершившая в 1730 г. плавание по Охотскому морю [38, с. 67—69].

Находясь в Большерецке, Генс осенью 1730 — летом 1731 г. деятельно готовил свою партию к морскому плаванию — занимался ремонтом кораблей, организовал добычу рыбы, зверя и соли, требовал от камчатских приказчи-

ков провианта и боеприпасов, хотя и сам по мере необходимости снабжал местные остроги «для бережи» порохом и свинцом. В октябре-декабре 1730 г. часть отряда (38 казаков и Спешнев) переместилась в Нижнекамчатск, а в январе следующего года десять казаков и три гренадера по приказу Павлуцкого отправились в Анадырский острог.

Подготовка плавания тормозилась конфликтом, возникшим между Генсом и большерецким комиссаром М. Шехурдиным. Штурман обвинил последнего в нежелании содействовать «партии» и даже попытался подвергнуть аресту. Причиной игнорирования Шехурдиным требований Генса стало вмешательство последнего в компетенцию камчатских комиссаров.

Дело в том, что непосредственный начальник Генса Павлуцкий, считавший себя в соответствии с сенатским указом 1727 г. главным командиром северо-восточного края, предоставил ему право контроля за ходом и результатами ясачного сбора на Камчатке. Генс же, а также В. Шестаков и их люди, по своему трактовал указ, сами взялись собирать ясак на полуострове, нарушив тем самым прерогативы официальных ясачных сборщиков, что привело к конфликту и даже столкновениям между камчатскими казаками и «партийцами».

Так, весной 1731 г. по указанию Генса на мыс Лопатка для последующей поездки на Курильские острова в целях призыва островитян в ясачной платеж отправился солдат Александр Змиев. 12 апреля 1731 г. к нему явились «курильские мужики», которые подали жалобу на «многие обиды» от казака Л. Вальнкина, посланного к ним ясачным сборщиком Матвеем Новограбленным «для приутовления кормов и байдар». Змиев через толмача Алексея Еремеева объявил «курильцам»: «ежели кому были какие обиды, не токмо от Вольнкина, но хотя б и от сборщика или от других от кого, то б приносили жалобу на письме, которое обидимое им возвращено будет».

Присутствовавший при этом Новограбленный, придя в возмущение, избил Еремеева, ранив его копьем в руку, а самому Змиеву заявил: «по какому де ты, растая (видимо, растакая. — А. З.) мать, указу спрашиваешь ясачных иноземцев про мои обиды». Змиев на глазах «курильцев» не стал затевать ссоры, «чтобы не было посмешества или от таких его, Новограбленного, непорядков между иноземцами не учинилась какая шатость», но впредь пообещал ни в чем Новограбленному не уступать [15, с. 47—48].

23 июня 1731 г. отряд Генса на судне «Св. Гавриил» вышел из Большерецкого устья, обогнул мыс Лопатка и 9 июля достиг устья р. Камчатка. Пополнив здесь запасы продовольствия, экспедиция 20 июля отправилась к Чукотке. Однако поднявшийся встречный ветер заставил Генса поставить судно на якорь (подробнее о пребывании на Камчатке морских отрядов см.: [38]). Эта случайная вынужденная остановка сыграла чрезвычайно важную роль в разрывании дальнейших событий на Камчатке.

НАЧАЛО ИТЕЛЬМЕНСКОГО ВОССТАНИЯ. ЗАХВАТ ВОССТАВШИМИ НИЖНЕКАМЧАТСКОГО ОСТРОГА

Согласно следственным материалам, «дума» об «измене» впервые появилась у ряда ительменских тойонов и «лучших мужиков» в мае 1731 г. Ф. Харчин назвал даже точную дату — 9 мая [8, л. 308; 15, с. 64, 69]. Однако, скорее всего, замысел восстания в среде ительменов зародился намного раньше. Крашенинников писал, что он появился в 1728 г., и ительмены «только ждали к тому удобного времени» [60, с. 762]. Это свидетельство заслуживает внимания, и не только потому, что основано на рассказах очевидцев.

В 1727—1728 гг. на Камчатке находилась экспедиция Беринга, которая еще более ухудшила положение ительменов, чье недовольство стало прорываться наружу. 3 июля 1729 г. казак Тимофей Албышев сообщил в Большерецкой ясачной избе, что получил известие о намерении «морских» и «курильских мужиков» напасть на Большерецкий острог [4, л. 36 об.].

В том же году «изменили» и отказались вносить ясак «курильской породы Темта с товарыщи» [4, л. 37], а также произошло нападение «курильских мужиков», тойона Пекера с «родниками», на ясачных сборщиков Осипа Соловьева с «товарыщи», которых «в юрте заперли и зажечь хотели». Казакам едва удалось вырваться из юрты, убив одного иноземца. Несколько казаков были ранены, но нападавшие разбежались [4, л. 38 об.; 60, с. 761]. В это же время были убиты ясачные сборщики на р. Ука [74, с. 40].

Не исключено, что восстание началось бы уже в 1729 г., однако прибытие на полуостров морских отрядов Ивана и Василия Шестаковых (всего более 100 чел.) удержало ительменов [83, с. 118]. Тем не менее, по сведениям Крашенинникова, зимой 1730—1731 г. нижнешантальские, ключевские и еловские ительмены разъезжали по всей Камчатке, «делали советы между собою, уговаривали нежелавших идти к ним в согласие, и угрожали погублением всех их роду» [60, с. 493].

«Изменническое» намерение ительменов, надо думать, укрепилось известиями о разгроме чукчами в марте 1730 г. на р. Ягача (между рр. Парень и Пенжина, недалеко от Камчатки) отряда А. Ф. Шестакова и о захвате коряками Ямского острога (на р. Яма, к северу от п-ва Пьягина) [47; 60, с. 493]. Победы чукчей и коряков давали пример и придавали уверенность в возможности победы над русскими.

В мае 1731 г. представители ряда ительменских родов окончательно договорились о совместном выступлении. Следственные материалы показывают, что «в том замысле» были тойоны и их «родники» с р. Еловка и с Ключей. На допросах назывались следующие имена: новокрещенные Федор Харчин (У Ф. Харчина был родной брат, некрещенный ительмен Аяхаруч. Имя последнего позволяет предположить, что и Федор до крещения носил родовое

имя Харуч, от которого и образовалась фамилия Харчин), Афанасий Микулин (он же Касян, Офонька Никулин. В источниках встречаются разные формы написания ительменских имен, обусловленные как их произношением, так и восприятием на слух русскими людьми. Кроме того, нечеткая транскрипция букв на письме в XVIII в., особенно в скорописях и черновиках, не всегда дает возможность правильно прочесть эти имена. Поэтому к каждому имени в постраничных примечаниях при первом упоминании будут даваться все его формы, зафиксированные в документах), Оверка Яковлев (Оверя), тойоны Нефед Тенивин (он же Ивалч Тавач, Тонач, Тогач), Кзут (Гзут, Изут), Голгоч, Шаруч, Чемпач еловский, Харуча (Харуга) подострожный (то есть живущий недалеко от Нижнекамчатского острога), Кашея Хобинов (Кашка, Наиша, Накша) подострожный, Харуча Огонев ключевской (Харуга), Лехтар, Валаган Кнупин (Валагала, Валагола, Валагал, Валагин, Волага, Валалан), Коженамак (Кажекаман), Дугич (Дурига), Налач крестовской, Ханея с братом Урином, Хаврат (Хаврот, Хавриткин), Налач ключевской с братом «ясаулом» Урилом подострожным, тойонский сын Тадея Иурии (Тадья, Дадея Урин). Правда, многие «заговорщики», в частности Нефед, Оверка, Урил, Кашея, Шаруч, Харуча ключевской, на допросах категорически отрицали свое участие в организации восстания.

Летом заговорщики вновь собрались в Ключах, чтобы обсудить ситуацию. Наиболее нетерпеливые из них настаивали поднять восстание немедленно, «но большая часть иноземцев отложить измену присоветовала», чтобы дожидаться отплытия с Камчатки «Св. Гавриила», на котором ушла бы значительная часть русских, и на полуострове остались бы лишь небольшие группы казаков, разбросанные по отдельным, удаленным друг от друга острогам [38, с. 105—106; 60, с. 493, 762; 74, с. 41].

Поскольку костяк заговорщиков составили ительмены-бурин, проживавшие в низовьях р. Камчатка, то первым объектом их нападения должен был стать Нижнекамчатский острог [15, с. 64].

Но восстание началось все же стихийно. Недовольство ительменов достигло предела, когда достаточно было одной капли, чтобы чаша их терпения переполнилась. Что и произошло, когда на Ключи (центр заговора) из Нижнекамчатского острога для сбора «ягод голубели» (голубицы?) прибыл толмач Андрей Орлик. Он стал посылать ительменок за ягодами «неволею», «что, — как писал Крашенинников, — камчадалам за великою досаду показалось, ибо у них прежде того ягодных зборов не бывало». Возмущенные ительмены послали гонцов на р. Еловка к Ф. Харчину [60, с. 762].

В это же время ительмены, наблюдавшие за отрядом Генса, сообщили Харчину, что «Св. Гавриил» поднял паруса и вышел из р. Камчатка в открытое море. Они, правда, настолько спешили сообщить эту новость, что не удостоверились в окончательном уходе судна [60, с. 494].

По сведениям Крашенинникова, Харчин «с товарищи» прибыли на Ключи, где убили Орлика и бывшую там же некую казачью жену, а оттуда поплыли вниз по реке, убивая по пути всех казаков [60, с. 762]. Согласно следственным материалам, события развивались иначе. Харчин и его единомышленники, появившись в Ключах (в Ключевском острожке), перебили бывших там казаков А. Орлика, Ананью Тюхова, Степана Ларионова, Елисея Долгополова, жен казаков Степана (или Алексея?) Чюрина и Абросима Сорокоумова с двумя сыновьями, а также посадских людей Захара Третьякова и Ивана Татарина с женой и сыном. С Ключей отряд Харчина двинулся вверх по р. Камчатка. В устье р. Еловка он напал на русское поселение, где уничтожил местных жителей — казаков Петра Саранчина, казачьих детей Осипа и Василия Кольчевых и новокрещенного якута Данила [5, л. 10 об., 19; 8, л. 308—308 об.; 15, с. 64, 71].

Затем отряд Харчина поднялся до устья р. Крестовка (ныне р. Белая), где у него произошло столкновение с людьми тойона Хобина Харучепова. Если верить весьма скупому показанию сына Хобина — Кашее, Харчин стал «призывать» Хобина «изменить и служилых людей и Нижней Камчадалской острог раззорить». На это Кана, еще один сын Хобина, якобы спросил: «для чего де вы такое злое дело хотите делать». Тогда сторонники Харчина Ханея Иурин «заколел до смерти» Кану, а Далач «ударил в голову» Кашею и «проломил в двух местах». «Измениками» был также ранен зять Хобина Харуч, пленены три дочери Хобина, «и ево Какшу (Кашею. — А. З.) и с отцом своим взяли с собою в ызмену в неволю» [5, л. 17 об., 21 об.].

Данное разногласие среди ительменов было не единственным. Тойон Камакова острожку Шаруч на допросе поведал, что когда «Фетка Харчин с товарищи дядю ево, Кулу, звали в ызмену, и он де не пошел, и за то де ево застрелили, да брата Шадала скололи и острог их раззорили и сожгли, а жен и детей взяли в полон» [5, л. 24 об.].

Уничтожив казаков в Ключах и устье Еловки, «бунтовщики» в составе еловских, ключевских и крестовских ительменов выступили к Нижнекамчатскому острогу. Одновременно группа ительменов, обслуживавшая морскую партию, после ее отплытия двинулась с устья р. Камчатка к Ключам, также убив по дороге несколько казаков и взяв в плен их жен и детей [60, с. 494]. Восстание началось.

В ночь на 20 июля 1731 г. отряд Харчина подошел к Нижнекамчатскому острогу. Чтобы захватить его, ительмены применили свою обычную военную тактику. Как писал Крашенинников, «на войне действовали они больше обманом нежели храбростью... В неприятельские острожки врывались они ночным временем» [60, с. 402, 705] (см. также: [23, с. 226—238]). Однако, понимая, что штурм, даже ночной и внезапный, может не удастся, восставшие решили выманить казаков из-за острожных стен. В этих целях они подожгли

двор иеромонаха Иосифа Лазарева, стоявший вне острога, «с таким умыслом: как де побегут служилые на пожар и тут стрелять». Сам иеромонах в тот момент находился в устье р. Камчатка. Его сын дьячок Андрей Лазарев, заметив огонь, выскочил из дома, бросился на колокольню и стал бить в колокол, созывая людей. Ничего не подозревавшие казаки вместе с женами и детьми бросились из острога тушить пожар.

Сидевшие в засаде ительмены только этого и ждали. В ходе скоротечной резни были убиты служилые Андрей Попов, Алексей Чюрин с сыном Иваном, Иван Обуховский с пасынком, Дмитрий Новгородов с женою, двумя сыновьями и двумя дочерьми, Иван Буторин с тремя сыновьями, Александр Русанов, новокрещенный Яков с сыном и дьячок Андрей Лазарев. Ворвавшись в острог, нападавшие убили также двух караульных казаков, стоявших у аманатской избы и освободили сидевшего там аманата Кнупа. Лишь несколькими казакам удалось добежать до батов и под прикрытием темноты уплыть от острога. Оставшиеся в живых казачьи жены и дети оказались в плену, причем женщины и девушки были изнасилованы и превращены в наложниц. К восставшим присоединились казачьи холопы и дворовые люди Успенской пустыни.

Днем 20 июля победители разграбили «все пожитки казачьи, нарядились в самое их лучшее платье, в том числе иные в женское, а иные в священнические ризы», и стали праздновать победу. Они устроили пиршество, пляски и шаманское камлание, «а Федька Харчин, как новокрещеной, призвав новокрещена ж умеющего грамоте (монастырского холопа Савинко. — А. З.), приказал ему петь молебн в священном одеянии» [60, с. 495, 762; также: 5, л. 18], а «ис церкви святой иконы вынесли они, Фетка с товарищи, вон и поставили кругом ясашной избы» [5, л. 7].

По некоторым данным, восставшие разорили Успенскую пустынь [40, № 1, с. 40; 83, с. 119]. В их планы входил поход вниз р. Камчатка в целях уничтожения всех еще оставшихся в живых казаков. Нижнекамчатский острог они хотели сохранить, но перенести ниже по течению реки «на сопочку», а церковь и ясачную избу «перевести и сжечь на дрова» [15, с. 64, 72].

Но эйфория победителей была недолгой. В тот же день, сначала от девки Параньки (служанки казака Алексея Холмогорова), затем от ключевского тойона Чегеча (Чагач, Чюгеч, Чагаги, Чегага) узнали, что «Св. Гавриил» задержался в устье Камчатки. Чегеч с частью своих «родников» находился у моря и, увидев возвращение судна, устремился к Нижнекамчатску, убивая всех русских, попадавшихся на пути, в том числе и «бежавших из острогу в батах несколько человек побил и полонил» [60, с. 495, 762].

Получив нерадостное известие, ительмены, однако, не растерялись, а принялись укреплять острог. Воодушевленные легкой ночной победой, они были полны решимости продолжать борьбу. Разобрав церковную трапезную и не-

сколько домов, восставшие из их бревен поставили «вкруг старого острога» еще одну стену. В острог были снесены все продовольствие, боеприпасы и оружие, в том числе «десятка с два фузей и винтовок». Правда, две медные и две чугунные пушки, бывшие в остроге, ительмены утопили в реке, не зная, видимо, как из них стрелять. Чтобы улучшить видимость и лишить осаждающих прикрытия, все казачьи дворы, стоявшие рядом с острогом, были сожжены. Судя по этим приготовлениям, восставшие готовились к серьезной обороне (о взятии ительменами Нижнекамчатского острога см.: [5, л. 7, 17 об.; 8, л. 303, 308 об.—309; 15, с. 50—51, 64, 71, 72; 38, с. 105—106; 60, с. 494—495, 762].

Одновременно они послали в ительменские поселения вверх по р. Камчатка сообщение о взятии Нижнекамчатского острога, призывая их присоединиться к восстанию [60, с. 495, 762].

Как только окрестные жители услышали об успехе Харчина и его товарищей, они совершили нападения на разрозненные группы казаков. «Изменники» во главе с Ор Тавачем в «Щеках» выше Шантал убили казачью жену, в Канакове острожке — казачьего холопа Алексея, в Хачиках — казака Петра Пиляева, затем, прихватив из Каменного острожка «ясаула» Васача с пятью людьми, прибыли в Нижнекамчатский острог [5, л. 22].

Тойон Талач (Таноч) Бургачев с братьями Карымчой (Курюмча), Ивоже-том (Ивожит), шурином (или братом?) Вакочем и Черочем Кнупиным в верховьях р. Камчатка сожгли дворы казаков Ананьи Тухова и Степана Власова, убили жену казака Якова Кабыкова [5, л. 28 об., 31 об.].

В верховьях р. Еловка еловские ительмены, в том числе Нефед Тенивин, его брат новокрещенный Иван (Итатель Тенивин), Валаган Кнупин, Кана (Брючин?), Кзут, Чемура Каначев (Чамура, Чамора, Чегора), Лалот Аюлхин (Лолот, Лапот Аюхин), а также Гыжур из Пеучева острожка перебили возвращавшихся с ясачного сбора с р. Ука служилых людей Дмитрия Бологова, Григория Попова, Евсея Чирышева (по другим данным Комарова), Евдокима Ворыпаева, Андрея Багуева (Балуева?).

Интересно заметить, что при расправе ительмены отрубили у Бологова и Попова руки и воткнули их на колья, демонстрируя, вероятно, тем самым, что наказали казаков за жадность. После расправы с ясачными сборщиками Лалот, Гыжур, Кана, Иван (Итатель), Чемура и примкнувшие к ним тойон Тигил, Карымча Бургачев и Конхоч (Канахач) «с родниками» убили бывших на рыбных промыслах казаков Данила Комарова, Семена Островского, Гаврилу Бубенного, Прокопья Жировикова, казачьего сына Ивана Кузнецова, посадского сына Макара Обухова, промышленных Михаила и Василия Жировикова, а также жену служилого Ивана Смирнова с двумя дочерьми, жену Евдокима Ворыпаева с сыном и жену Андрея Багуева (ее повесили за ноги) с сыновьями [5, л. 15 об.—16, 22 об.—23 об., 24 об., 25 об.—27 об.; 8, л. 309 об.—310, 311 об., 314; 15, с. 64—65, 66, 68—69, 73—74].

Позднее, один из предводителей восстания, Нефед Тенивин, а также Лалот Аюлхин, отвечая на вопросы следователей, сообщили, что словские ительмены напали на русских по приказу, посланному Ф. Харчиным из Нижнекамчатска. Сам Федор это опровергал, называя главными виновниками убийства на Еловке «еловских мужиков» Валагана и Чемура [8, л. 311 об.; 15, с. 66, 73]. По словам участников убийства Чемуры Каначева, Хомкала Эжина (Хомкало, Тонкала, Токкал Вежин), Хотчерича Эжина, Аплача Пылгочева (Аплич, Хаплич Полгочев), «колоть» служилых людей и их родственников велел Лалот Аюлхин [5, л. 23 об., 26 об.—28].

Бывшая у ясачных сборщиков пушнина (39 красных лисиц и пять соболей) оказалась в руках родного брата Ф. Харчина — Степана, который был толмачом при Д. Бологовом. Позднее, на допросах, Степан, категорически отрицая свою причастность к убийству казаков, утверждал, что забрал себе ясачную казну для того, чтобы уберечь ее от разграбления, он даже якобы спрятал ее в лесу. Раздел же пушнины между вождями восставших, по его словам, осуществили прибывшие из Нижнекамчатского острога Ф. Харчин и Голгоч, которые силой отобрали у него ясак. Другие участники событий (Ф. Харчин, Итатель, Урил) первоначально показали, что Степан сам раздал ясачную казну своему брату, дяде Голгочу, Налачу, Тадею, Урилу и Илту (Итта). На это Степан возразил тем, что дал названным лицам свои «пожитки», опять же ради того, «чтоб они, изменники, казны не разграбили». На повторных допросах Ф. Харчин признал, что «зборную ясачную казну розграбили он, Фетка да дядя их Голгоч с товарищи». Позднее из всего ясака удалось вернуть только 14 лисиц, обнаруженных в вещах Степана [5, л. 8, 15 об.—16; 8, л. 314; 15, с. 59, 64, 66, 68—69, 73—74].

Примерно в это же время (но неизвестно, до или после событий на Еловке) другие «изменники», в том числе Хобин Харучепов, Урил подострожный, Черемач Бургачев (Чремочь, Чромаш, Чремыш, Черемаш, Череммыш, Чарамаш, Чаромаш, Чарома Быргачев), Лехтарев племянник, новокрещенный Никита Родихин, убили на Шангальском озере казака Василия Чюпрова, казачьего сына Ивана Красильникова, новокрещенную девку Варвару, пять дворовых «робят» и «девок» казака Алексея Колмогорова (он же Отопка), взяли в «полон» жену и дочь казака Василия Петрова, а также разорили бывшие при озере казачьи «зимовья, анбары и балаганы» [5, л. 18 об., 21 об., 29 об., 30, 30 об., 31; 8, л. 312 об.; 15, с. 68].

Анализируя действия ительменов в начальный период восстания, надо обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, это — хорошая организация восстания. Заговорщикам удалось длительное время хранить в тайне свой замысел, что дает основание говорить о полном единодушии в их рядах и твердой убежденности в правоте своего дела. Людей ненадежных они в свои планы не посвящали. А таковые,

судя по разногласиям и даже столкновениям среди ительменов, были. Не исключено, что давала о себе знать «межродовая» вражда. К тому же в целом связи между отдельными острожками были очень непрочными, каждый из них мог иметь свои интересы, в том числе и во взаимоотношениях с русскими.

Выступление было приурочено к моменту, когда значительная часть русских сил должна была покинуть полуостров. Те, кто оставался, были рассеяны небольшими группами в разных местах. В самом Нижнекамчатском остроге находилось весьма незначительное число казаков. Даже закащик (начальник) острога сын боярский Иван Кырков в тот момент был в устье р. Камчатка, наблюдая за отплытием морской партии. Начало восстания было внезапным и скоординированным. При этом его вожди выбрали, как представляется, удачный план действий. Сначала почти одновременное уничтожение в разных местах в низовьях р. Камчатка разрозненных групп русских, затем взятие Нижнекамчатского острога, после чего — ликвидация оставшегося в живых противника. Это давало возможность разбить силы казаков по частям, не дав им возможности соединиться.

Во-вторых, стремление ительменов перенять казачий «стиль» поведения. Среди руководителей восстания были те, кто хорошо знал образ жизни и действий казаков, поскольку неоднократно бывали у них толмачами и жили среди них. Многие из ительменов «умели из ружья стрелять, имели винтовки и порошу довольно, а многие знали все российские тамошния ополчения и коим образом защищать себя и потому имели не варварския уже предприятия и советы» [60, с. 494; 74, с. 40—41]

Захватив острог, восставшие, как говорилось выше, устраивают молебен. Факт достаточно любопытный. Он, надо полагать, свидетельствует не о набожности ительменов (крещеных, да и то формально, среди них было немного), а о стремлении копировать то, что делают казаки, отправляясь на войну или одержав победу. Ительмены, видимо, надеялись, что и на них распространится защитительная сила русского бога, если они выполнят определенный ритуал: «Чтоб им бог помог побить русских людей» [60, с. 762].

Ф. Харчин объявляет себя «комисаром» [60, с. 495, 762], а ительмены облачаются в русские одежды. В этом также можно усмотреть не столько демонстрацию лидерства и банальный грабеж, сколько стремление перенять казачьи атрибуты и символику. Прекрасно зная о силе и жестокости русских казаков, их «непобедимости», ительмены рассчитывали тем самым и на себя распространить эти свойства. Одним словом, здесь мы видим традиционное для «диких» народов магическое представление о том, что внешние символы передают и внутренние (имманентные) свойства. Возможно, с этим же было связано и решение восставших остаться в остроге и защищаться в нем, в надежде на то, что «русские» стены укрепят их боевой дух, передадут им казачью силу.

ВЗЯТИЕ РУССКИМИ НИЖНЕКАМЧАТСКОГО ОСТРОГА

20 июля 1731 г. спасшиеся из Нижнекамчатского острога казаки Абросим Сорокоумов, Павел Попов и Сергей Красавцев приплыли на батах в устье Камчатки и объявили «скаскою» бывшему там заказчику И. Кыркову о захвате острога [38, с. 105—106]. Причем они толком даже не смогли объяснить, какие именно «иноземцы» напали на острог — то ли от того, что сразу же бежали, то ли не разобрались в темноте в суматохе пожара и нападения. Кырков тотчас послал «ведение» Я. Генсу, который со своей командой на «Св. Гаврииле» ожидал попутного ветра в устье реки, и запросил у него «вспоможение» [15, с. 50, 57].

Штурман адекватно оценил ситуацию и выделил из своей партии 52 человека во главе с подмастерьем И. Спешневым, которому, в полном соответствии со стандартными правительственными установками, предписал «означенных изменников сыскивать и приглашать ласковым приветом, а ежели они на ласковый привет не пойдут и будут Ея И. В. противны, и то поступать на них регулярно военною рукою» [15, с. 57].

Вместе со Спешневым отправился М. Гвоздев. К отряду присоединились также 28 казаков — жителей Нижнекамчатского острога, помогавших морской партии готовиться к отплытию. Любопытно отметить, что этих казаков возглавил не «государев» закащик Кырков, а Гаврила Чюдинов, выбранный самими казаками «полевым закащиком». Факт интересный, свидетельствующий о том, что среди камчатских казаков живы были традиции казачьего круга и самоуправления, так широко бытовавшие в Сибири в предшествующем столетии [22; 69]. В критическую минуту они предпочли иметь своим командиром не официального начальника, а выборного командира (походного атамана) — человека, пользовавшегося неформальным авторитетом и, надо думать, хорошо знавшего «ратное дело».

21 июля объединенный отряд общей численностью 81 чел. выступил на батах вверх по реке. 22 июля он встретил спасшихся от погрома казака Алексея Воробьева и несколько казачьих жен, которые сообщили, что бунтовщики-ительмены укрылись в остроге и «знатно хотят сидеть в крепости». Получив эту информацию, Спешнев в тот же день отправил Генсу письмо с просьбой прислать подмогу, пушки, боеприпасы и топоры, а сам не спеша и с осторожностью двинулся дальше.

Поздним вечером 24 июля отряд пристал к берегу за пять верст до острога. Отсюда тридцать человек пошли по суше, а остальные продолжили плавание. Ранним утром следующего дня русский отряд подошел к Нижнекамчатску. Ительмены, увидев казаков, «взошли наверх на ясажную избу и на башню» и «закрычали все в один голос необычно и крычали так три разу», а затем начали стрелять из огнестрельного оружия. Русские открыли ответный огонь.

Но перестрелка продолжалась недолго. Спешнев и Чюдинов вступили с оставшими в переговоры, пытаясь убедить их сдаться без боя, «дабы они, изменники, смирились и вину свою Ея И. В. принесли, а ясак бы платили с родниками своими весь сполна по-прежнему». Одновременно Спешнев вновь направил Генсу просьбу прислать артиллерию и боеприпасы.

Переговоры продолжались два дня. Ф. Харчин, если верить его показаниям, хотел выйти к осаждавшим и сдаться, но «Голгоч да Июра ключевской и другие старики разговорили», надеясь отсидеться в остроге. По другим сведениям, Федор, наоборот, надсмехался над казаками, кричал им со стен: «За чем вы пришли? Разве не ведаете, что я комиссаром камчатским? Я буду сам ясак збирать, а вы, казаки, здесь в земле не надобны» [60, с. 495, 762]. А на предложения сдаться он «из острогу крычал, что какие им (ительменам. — А. З.) обиды делали и разорения комиссары и служилые люди и бранили здешних жителей и порицали их всячески... а нам многие поносительные слова говорили» [38, с. 106—107], то есть напомнил казакам об их «лихоимствах».

В конце концов переговоры закончились ничем. Да, скорее всего, Спешнев и Чюдинов просто тянули время, чтобы дожидаться артиллерии, которую подвезли 26 июля — три пушки и две мортирцы. Вместе с ней прибыли матрос в качестве канонира и 25 казаков во главе с солдатом Александром Змиевым. Таким образом, общая численность осаждавших достигла 108 чел. (О походе Спешнева к Нижнекамчатскому острогу см.: [8, л. 294, 298, 316—316 об.; 15, с. 51—53, 57, 58, 71; 38, с. 105—106; 60, с. 495, 762—763].)

Сколько против них было обороняющихся, точно не известно, но вряд ли значительное число. Судя по количеству погибших и бежавших в ходе последующего боя, можно уверенно предположить, что число ительменских воинов не превышало 100 чел.

Штурм острога начался 27 июля (у Крашенинникова ошибочно — 26 июля). Его описания в источниках, исходящих от разных очевидцев и участников, разнятся во многих деталях, поэтому восстановить ход боя можно только приблизительно и в общих чертах (описание штурма Нижнекамчатского острога см.: [8, л. 298—303, 309, 313; 15, с. 52—53, 57, 58, 60, 64, 67; 60, с. 495, 496, 763]).

Первые артиллерийские залпы по острогу русские дали «мелким камением», надеясь напугать осажденных. Но те не дрогнули. Тогда из пушек открыли методичный огонь по воротам и стенам, пока не пробили в них брешли. Как сообщал Спешнев, «начали палить из пушек, из мелкова ружья и пошли на острог от церкви на приступ прямо, и начали рубить и ломать полисад», пристроенный к старому острогу. В ответ на это осажденные, по информации Спешнева, выставили в проломы стен казачьих жен и детей и «из-за них с нами бились».

Затем они пошли на еще одну хитрость: «жен и детей своих и ясырей к нам выпустили в убранстве в нарядах с пожитками, хотя тем нас пронырством своим обмануть». Они, видимо, рассчитывали, что русские кинутся грабить «пожитки», и появится возможность для внезапной контратаки. Однако хитрость не удалась. И вот после этого ительмены, дрогнув, начали сдаваться. Сначала к русским перебежали по одному человеку, а прочие «изменники» пытались их удержать в воротах и даже кололи и «стреляли ззади на побеге». Затем сдача стала массовой.

По сведениям Крашенинникова, «человек с 30 осажденных здались», в том числе ключевские тойоны Ханея и Урин (Иурин?), которые вынесли в качестве «откупа» две чернобурые лисицы. Тойонов взяли под караул, а лисиц забрал Спешнев. Из проломов в стенах острога стали также перебегать бывшие в плену у восставших «русские» бабы и казацьи холопы. Скорее всего, именно в это время, воспользовавшись неразберихой, из острога бежали Ф. Харчин, Голгоч, Налач, Урил, Илта и еще ряд «бунтовщиков». При этом Харчин якобы бежал, переодевшись в женское платье. Спешнев отправил за ними погоню, но безуспешно. По словам Крашенинникова, Ф. Харчин «так резко бегал, что мог постигать диких оленей» [60, с. 495].

Вероятно, и другие ительмены умели быстро бегать. По признанию самого Ф. Харчина, вырвавшись из острога, он спрятался «близ острогу в лесу» и наблюдал за сражением до его конца [5, л. 7 об.]. Здесь к нему присоединился Ор Тавач, бежавший из острога вместе с тойоном Ликочем (Ливуч, Лювич) еще в ночь с 26 на 27 июля. Затем Федор и Ор Тавач перебрались на другой берег р. Камчатка и «жили на зарешной стороне до отбытия служилых к морю» [5, л. 22 об.].

Когда основная масса ительменов сдалась, казаки, воспользовавшись тем, что ворота и стены уже никто не оборонял, ворвались в острог. Но здесь они наткнулись на отчаянное сопротивление четырех защитников во главе с ключевским тойоном Чегечем, которые заперлись в ясачной избе и казенных амбарах и оттуда отстреливались из ружей и луков. Казаки забрались на крыши избы и амбаров и стали разбирать потолочные бревна. Тогда «изменники» подожгли хранившийся в амбарах порох, в результате чего произошел взрыв и «тотчас весь острог огнем обняло» (Крашенинников в одном месте указал, что порох, а затем и крепость загорелись «от стрельбы», то есть случайно, никто их не поджигал [60, с. 495]. Но в другом месте он писал о поджоге [60, с. 763]). «А означенный Чегечь из анбару в острожную башню выскочил и непрестанно по служивым стрелял и копьями метал, покамест его на копья не подхватили». В пожаре, как сообщал Спешнев, сгорели все острожные строения, «имеющаяся всякая Ея И. В. наличная казна» и «великое множество богатства», целой осталась только церковь, стоящая вне острога. В огне погибли и последние обороняющие-

ся. Но потери восставших на этом не закончились, поскольку сразу после взятия острога нижнекамчатские казаки во главе с закащиком Кырковым начали резать пленных ительменских воинов. Как писал Крашенинников, «казаки, будучи огорчены насилем жен своих и тратою имущества, перекололи их без остатку» [60, с. 496, 763].

Перекололи, правда, не всех. Спешневу и Гвоздеву с большим трудом удалось остановить самосуд, переведя оставшихся в живых пленных под охрану морской партии [5, л. 7 об.; 8, л. 301—302 об.; 38, с. 107].

Потери ительменов по итогам сражения были значительны. Правда, Спешнев по горячим следам в своем донесении Генсу не смог даже указать их количество: «А сколько иноземцов в остроге сидело, о том неизвестно, потому что трупы их в остроге сгорели, только думать можно, что их было немалое число» [60, с. 763]. На деле, однако, в пожаре сгинула как раз меньшая часть защитников. Позднее, уже в ходе следствия, выяснилось, что сгорело всего четыре человека, тогда как в ходе боя погибло 32 (в том числе и убитые самими восставшими при попытке бегства), а во время резни, устроенной казаками, — 33 чел. Из ительменок (жен восставших) погибли только две, поскольку женщин, «робят и девок» казаки «брали и делили по себе в холопство» [2, л. 359; 5, л. 22]. Русским удалось также вернуть одну фузею, около двадцати винтовок, шесть бочонков пушечного пороха и полбочки мелкого пороха.

Число погибших с русской стороны информаторы определяли по-разному. Спешнев утверждал, что при штурме погибли два казака, а три казака (в том числе один смертельно) и один матрос были ранены [8, л. 300—303]. По данным Чюдинова, Генса и Крашенинникова, погибли четыре казака и многие были ранены [15, с. 52, 58; 60, с. 496]. Генс давал и иную информацию: во время боя погибло три казака (Сава Чагин, Борис Нифантьев, Никита Шавырин), к 11 ноября скончались от ран пятеро (гренадер Стефан Силиванов, матрос Петр Таранкин, казаки Дмитрий Осколков, Михаил Черниговский, Иван Маслецов) [15, с. 63]. Начальник следственной комиссии В. Мерлин указывал трех человек, погибших при штурме [2, л. 358 об.].

ДАЛЬНЕЙШИЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ И ВОССТАВШИХ ИТЕЛЬМЕНОВ

После взятия Нижнекамчатска Спешнев намеревался сразу же идти на Еловку, чтобы окончательно добить «изменников». Однако камчатские казаки отговорили его, указав, что сделать это лучше осенью, когда подсохнет трава [8, л. 303]. Простояв у сожженного острога до 31 июля, Спешнев и Чюдинов вернулись к устью Камчатки, где подали Генсу «доезды» с краткой информацией об освобождении острога. Генс, получив это известие, собрался продолжить морской вояж [15, с. 52—53, 57].

Однако 4 августа Кырков обратился к нему с просьбой отложить плавание и помочь восстановить острог, или хотя бы оставить 60 служилых людей с боеприпасами. Он также сообщил штурману, что через пленных стало известно об «измене» ясачных иноземцев на других реках, и высказал беспокойство по поводу судьбы Большерецкого и Верхнекамчатского острогов, о положении которых не было вестей [8, л. 317; 15, с. 53, 57, 58; 38, с. 108]. Посланные туда Кырковым гонцы были убиты по дороге [83, с. 120]. Напряженной оставалась ситуация и в низовьях р. Камчатка. Местные ительмены, несмотря на разгром их основных сил, не собирались складывать оружие. После ухода отряда Спешнева из Нижнекамчатского острога, Ф. Харчин, Тадея Иурин (он был взят в плен при штурме, но бежал), Ор Тавач и новокрещенный Михаил Катканов (Чарым Камач, или Канач?) сожгли уцелевшие после боя церковь, «государев» двор и две казачьи избы [5, л. 7 об., 10 об., 17, 22 об.; 60, с. 495, 763].

Сделали они это, как представляется, не только в целях окончательного уничтожения острога как символа русской власти, но и для того, чтобы лишить русских поддержки их «божества» (тем более, что самим восставшим, несмотря на их «молебн», оно не помогло).

Генс вновь положительно отреагировал на просьбу нижнекамчатского закашика. К тому же участие в подавлении ительменского восстания отчасти совпадало с главной задачей самой экспедиции, которая была послана «для примирения новых землиц и немирных иноземцев». Из состава своей партии штурман выделил отряд во главе с солдатом Александром Змиевым. Кроме того, поняв, что придется зимовать в устье р. Камчатка, он распорядился подготовить судно к зимовке, построить «государев» двор, часовню, ясачную избу и казенный амбар [15, с. 58; 38, с. 108].

17 августа А. Змиев получил от Генса инструкцию, которая определяла маршрут движения и план действий отряда, а также методы «примирения» иноземцев. С устья Камчатки Змиев должен был двигаться вверх по реке до Верхнекамчатского острога, «проведав» по пути иноземцев по рекам Капича, Еловка и Козыревка. Если бы оказалось, что Верхнекамчатск находится в руках «бунтовщиков», его следовало отбить, а если нет — остаться в нем, послав разведку к Большерецкому острогу с известием о «бунте».

В случае захвата Большерецка восставшими, следовало выступить к нему и выбить их оттуда. Если положению последнего ничего не угрожало, Змиеву надлежало вернуться к устью Камчатки. В отношении «изменников» Генс предписал руководствоваться общепринятыми правилами: уговаривать их «ласкою» и «приветом», а в случае сопротивления — «поступать на них регулярно военною рукою», составляя при этом обстоятельные рапорты, с указанием, сколько «изменников» убито и взято в плен. В ходе всей операции Змиев должен был «иноземцом обид и налог не чинить, и служилых до того

не допускать». Кроме того, ему следовало собрать с ительменов жалобы на служилых людей и ясачных сборщиков и тех из них, на кого покажут в обидах и раззорениях, арестовать и доставить в морскую партию [15, с. 53—55].

В тот же день, 17 августа Змиев во главе 38 служилых и с двумя пушками выступил в поход [15, с. 58]. Тем временем Ф. Харчин и другие вожди восстания предпринимали усилия по организации дальнейшей борьбы с русскими. Они направились к своим сородичам на р. Еловка «для собрания людей». Прибыв в Тенивин острожек к тойону Нефеду, Ф. Харчин собрал здесь до 70 воинов из поселений Нефедя и тойона Тигила [15, с. 64, 67; 60, с. 763]. С. Харчин, бывший в том же острожке, позднее на допросах утверждал, что в это время главными «изменниками» среди ительменов были Федор, Голгоч, Тадея, Урин, Налач, Урил и Илта [5, л. 7 об.; 15, с. 74].

С Еловки восставшие двинулись вниз по р. Камчатка к морю и дошли до устья р. Ключевка. Здесь к ним присоединился со своими людьми Хобин, пришедший с Шантальского озера [8, л. 310, 312 об.; 15, с. 68, 75]. Ительмены предполагали подойти ночью к казачьему лагерю в устье Камчатки, тайком поджечь его и перебить всех казаков. Планируя действовать по уже испытанному сценарию, принесшему успех, Ф. Харчин и его товарищи вновь строили свой расчет на том, что основные силы русских — морская партия — все же ушли в плавание [8, л. 309, 310; 15, с. 64, 65, 73, 75].

Но их вновь подвела плохо поставленная разведка (если таковая вообще была): восставшие не имели никакой информации о положении противника, в том числе о движении отряда Змиева. Последний же тем временем в верховьях р. Аратуга (*итель.* — Орат, ныне — Радуга) захватил «изменников» Тоннола, новокрещенных Антошку, Никиту Родихина, казачью жену ительменку Офимью Родихину. Офимья тут же повинилась в убийстве своего мужа Василия Чюпрова (отчима Н. Родихина), за что была пытана огнем, бита батогами (или кнутом?), и то ли забита до смерти, то ли заколота. Остальных пленных отослали к Генсу. 24 августа Змиев известил штурмана о том, что район Аратуги и Шантальского озера очищен от восставших: «Изменников всех сыскали, иные побиты, а иныя посланы до вас к морю» [5, л. 29 об.—30; 15, с. 56].

28 августа разведка отряда Змиева, продвигаясь на батах вверх по Камчатке, столкнулась у Ключей (в устье р. Ключевка) с плывшими навстречу восставшими. Ф. Харчин, посчитав, что русских немного, напал на них. Завязалась перестрелка. Но вскоре подтянулся весь отряд Змиева. Поняв свою ошибку, ительмены отступили, высадились на берег и засели на вершине ближайшей сопки. Русские также произвели высадку, но ради предосторожности — на противоположном берегу Ключевки [8, л. 310 об., 314; 15, с. 56—57, 63—64, 65, 66, 67, 75].

В одном из своих доношений Генсу А. Змиев датировал эти события 28—29 августа, в другом — 27—28 августа. Действуя в соответствии с инст-

рукцией, Змиев вступил с ительменами в переговоры, которые с перерывами длились весь день. С русской стороны в них участвовали тойон Печучева острожка Колыч (в какой-то момент перешедший на русскую сторону) и казаки Алексей Воробьев и Константин Веретнов. Они пытались уговорить «бунтовщиков» сложить оружие и выдать аманатов, взамен обещая прощение.

Ход переговоров в дошедших до нас источниках описывается по-разному. Змиев в своем рапорте Генсу сообщал, что засевшие на сопке изменники (по его сведениям, около 60 чел.) поначалу сдаваться не хотели. Ф. Харчин на переговорах, якобы, говорил, что «он более воевать не хочет, и поедет уговаривать сродников своих и подчиненных», однако, изложив требования русских своим сподвижникам, прислал ответ, «что сродники его к миру не склоняются». На следующий день, 29 августа, Змиев приказал дать предупредительный выстрел из пушки. После этого на сторону русских перебежали и сдались Федор и Степан Харчины и тойон Нефед Тенивин [15, с. 56, 59].

По версии Ф. Харчина, изложенной на допросе, он якобы уговаривал всех остальных сдать, но Голгоц «с товарищи» выступили против и убедили не делать этого. Тем не менее, Федор сам, поддавшись просьбам брата Степана, по своей воле вышел к русским, после чего продолжил уговаривать остальных [5, л. 8; 15, с. 65]. Степан миссию миротворца приписывал себе, утверждая, что именно он уговорил сдать Федора и Нефед [5, л. 16; 15, с. 75]. Его слова подтверждаются рассказом Тадея Иурина, Ор Тавача и Михаила Катканова (Чарыма Камача) [5, л. 10 об., 17, 22 об.].

По сведениям Крашенинникова, ситуация разворачивалась более драматично. Когда начались переговоры, Федор с Нефедом и Степаном пошел на них, но потребовал, чтобы казаки предварительно выдали заложника. Это условие было выполнено. После первого раунда переговоров Федор вернулся в ительменский лагерь, а Степан и Нефед остались у русских. На другой день Федор вновь подошел к казачьему лагерю для продолжения разговора и потребовал в целях собственной безопасности двух заложников. Казаки и на этот раз согласились, но, как пишет Крашенинников, «умышленно», «ибо как он (Федор. — А. З.) к ним переехал, то они взяли его под караул, а своим закричали, чтоб в реку бросались; для предосторожности же, чтоб оставшие на берегу (ительмены. — А. З.) их не закололи, приложились на них ружьями, чего камчадалы устрашаясь разбежались» [60, с. 496, 764].

Вся эта противоречивая информация не позволяет дать однозначный ответ на вопрос: сдался ли Федор Харчин добровольно, поняв бессмысленность дальнейшего сопротивления, или был захвачен казаками хитростью? Учитывая предшествующую решимость и твердое желание Федора бороться с русскими, а также то, что Федора, в отличие от Степана и Нефед, заковали в кандалы, можно предположить, что он был все же пленен.

После того, как два вождя восставших оказались в русском лагере, Змиев попытался продолжить переговоры с остальными. По словам «ясаула» Урила, главными у них в тот момент были Голгоч, Талач (Бургачев?), Кана (Брючин?), Тигил, Лалот и некий Чарома (Черемач Бургачев?) Именно они и не позволили сдать. Но к этому моменту у Змиева и казаков, вероятно, уже кончилось терпение. По «изменникам» было дано два пушечных залпа картечью, что и решило исход противостояния: ительмены разбежались. Тойон Тигил со своими людьми «побежал» к верховьям Еловки, тойон Голгоч — вверх по р. Камчатка, Ор Тавач — на Крестовку, затем на р. Хайрюзова, а Хобин скрылся на какой-то «горелой сопке» [5, л. 10 об., 22 об.; 8, л. 310 об., 314; 15, с. 65—68, 75; 60, с. 496, 764].

Отряд Змиева пошел в погоню за Тигилем. 30 августа он прибыл в Тенивин острожек — жилище Харчиных и Нефедя. Здесь Змиев провел первый допрос пленных — Ф. Харчина, Нефедя и Итателя (Ивана), и по указке С. Харчина нашел суму с оставшейся ясачной казной (Д. Бологова), ящик с указами и ясачными книгами, а также большую чугунную пушку. 6 сентября у Нефедя были взяты четыре аманата (в том числе сын Клим и брат Итатель), а сам тойон отпущен. Змиев, надо думать, поверил его заверениям, что в «измене» он участвовал против своей воли под угрозой смерти [15, с. 56—57, 59, 63—67].

Из Тенивина острожка Змиев двинулся вверх по Еловке, чтобы «примирить» тойона Тигила. Тигил и его воины (5—8 чел.), завидев русских, укрылись со своими семьями в «барабалке» (вероятно, казачий летник на рыбалке) и стали отстреливаться из луков и ружья. Получив тяжелое ранение в руку, Тигил, убив своих жен, детей и холопов, зарезался. Покончили самоубийством, видимо, и его воины, поскольку казакам удалось захватить живыми только двух баб [15, с. 59; 60, с. 497, 764—765]. Во время этого боя от русских бежал С. Харчин. Позднее свой побег он объяснил тем, что бывший при нем караульный казак Константин Веретнов грозился его «огнем жечь», если он не укажет, где спрятаны пожитки Тигила [15, с. 59, 69, 75].

С верховьев Еловки Змиев отправил к Генсу в сопровождении 19 казаков ясачную казну, указы, книги и чугунную пушку, а также Ф. Харчина и четверых аманатов, взятых с тойона Нефедя, а сам погнался за Голгочем, но упустил его. После этого с оставшимися 16 казаками Змиев отправился к Верхнекамчатску. По дороге, 25 сентября от шангальского тойона Июры узнал, что Верхнекамчатский острог стоит «в сохранности». Тогда из отряда еще несколько казаков с двумя пушками и боеприпасами отправились к Генсу, а сам Змиев прибыл в Машурин острожек. Местный тойон Начик никакой «противности» не оказал, но подал «сказку» об обидах со стороны подъячего Василия Новограбленного, служивых Андрея Рюмина и Никиты Дурынина [15, с. 59, 61; 60, с. 765].

Вскоре к Машурину острожку подошли Голгоч и Урил. Они планировали, набрав на рр. Шапина, Козыревка и Машурина новые силы, идти к Верхнекамчатску, чтобы захватить его. Но, увидев в острожке служилых людей «в опасном карауле», отказались от своего замысла. Вероятно, в их рядах возникли разногласия по поводу дальнейших действий, так как Урил с 10 чел. откололся от Голгоча и поплыл на батах вниз по Камчатке, а Голгоч с 10 чел. направился к Козыревскому острожку. Последний за отказ присоединиться к «измене» был разгромлен, часть его жителей Голгоч «неволей» включил в свой отряд. С Козыревки Голгоч пошел на Шапину и «тамошним иноземцам великие разорения зделал, кормы их и жилье прижег, а иных и приколол», после чего вернулся на Козыревку, где погиб в схватке с отрядом верхнекамчатских казаков, возглавляемых Семеном Белковым [5, л. 17, 47; 8, л. 313; 15, с. 67; 60, с. 496, 764—765].

Есть также версия, что Голгоч был убит ительменами, пострадавшими от его погромов [60, с. 497].

3 октября 1731 г. Змиев прибыл в Верхнекамчатский острог, где потребовал от местного закащика Василия Пашкова выдать ему В. Новограбленного, А. Рюмина и Н. Дурьнина. Но Пашков отказался «сдать» своих людей и «учинился указу противен». 7 октября Змиев повторил свои требования. На этот раз его поддержала часть местных казаков. Один из них, Гаврила Юрлов, явился к Пашкову и стал уговаривать его выдать Новограбленного, а о последнем говорил: «Не подлежит де ему у дел быть подъячим, многие де за ним плутовства». В ответ на это Пашков заковал Юрлова в кандалы и посадил в казенку. Змиев, поняв, что ничего не добьется, и получив известие о движении «изменников» на рр. Козыревка и Чажма, 8 октября выехал из Верхнекамчатска, оставив, однако, там трех своих людей — казаков Ефима Пермькова, Степана Карандашева и Макара Новосельцева, приказав им не допустить расправы над Юрловым [15, с. 61; 83, с. 120].

Двигаясь на батах вниз по Камчатке, отряд Змиева около Ключей 15 октября поймал ключевских «изменников» Хобина, а затем Налача. Их отправили к Генсу, но по дороге они бежали. На Ключах Змиев от ясачного Шолоча узнал, что в верховьях р. Кареун скрываются «изменники» — Бургач (Баргач) (брат Лехтара) с 6 чел. Последние не стали оказывать сопротивления и выдали аманатов [15, с. 62, 67]. В это же время С. Белков с верхнекамчатскими казаками усмирал нижнешантальских и козыревских ительменов [83, с. 120—121].

1 ноября Змиев от ясачного Леку получил известие, что «идут изменники Голгочевы товарищи многолюдно». Выступив за ними в погоню, 3 ноября казаки нагнали ключевского «ясаула» Урила с 20 чел., которые сдались без боя в плен. В тот же день отряд Змиева вместе с пленными вновь прибыл в Тенивин острожек к тойону Нефеду. Здесь совершенно случайно удалось схватить С. Харчина, Черемача Бургачева и новокрещенного Федь-

ку Жировикова, которые, не зная о присутствии русских, приехали ночью к Нефеду [15, с. 62, 67].

Имея большое количество пленных, число которых превышало численность отряда, и, понимая, что такое соотношение может вызвать у «изменников» соблазн отказать сопротивлению, Змиев раздал их на поруки ясачным, продемонстрировавшим свою лояльность русской власти, — Комколу, Баргачу, Начику, Нефеду Тенивину, Шочку, Каналу. Поручателям Змиев велел принудить «бунтовщиков» к исправному платежу ясака [15, с. 63] (позднее отпуск «бунтовщиков» будет поставлен в вину Змиеву). «Ясаула» Урила и С. Харчина Змиев оставил при себе, и вместе с ними 7 ноября 1731 г. вернулся к устью р. Камчатка, где отчитался о походе штурману Генсу [15, с. 62].

Генс, получив рапорт Змиева о походе, а еще раньше, 18 октября, донесение Спешнева и Гвоздева с обстоятельной информацией о взятии Нижнекамчатского острога [8, л. 303], на их основе составил и отправил в Анадырск своему непосредственному начальнику капитану Д. Павлуцкому два рапорта о восстании ительменов и мерах по его подавлению. К рапорту он приложил первые допросы «изменников». Эти рапорты, датированные 10 и 11 ноября 1731 г., повез мореход Прокопий Нагибин. В Анадырске они были получены 16 января 1732 г., а 10 февраля Павлуцкий составил свое донесение о «камчатском бунте» в Сибирскую губернскую канцелярию [8, л. 294, 316—317; 15, с. 57—63; 83, с. 122—123].

ПОДАВЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ

Благодаря походу Змиева очаг сопротивления на р. Камчатке был ликвидирован, и это предотвратило возможное антирусское восстание если не всех, то большинства ительменских поселений. Крашенинников по этому поводу сообщал, что если бы партия Генса не предприняла столь быстрых мер по разгрому ительменов, захвативших Нижнекамчатский острог, то к «бунту» могли бы присоединиться новые силы. Теперь же многие иноземцы заняли выжидательную позицию, наблюдая, «кому будет победа, русским ли или камчадалам», и «принуждены были ждать окончания дела под видом людей беспристрастных и верных России» [60, с. 496, 763, 765].

Более того, часть ительменов открыто примкнула к русским, поставляя им информацию о передвижении восставших (тойоны: шантальский — Июра, с р. Жупанова — Чороч, с р. Кола — Савачилка, с р. Сопочная — Анет, «лутчей иноземец» Машурина острожку Чистяк и др.) и участвуя в переговорах с ними (тойон Пеучева острожка Колыч). Генс в рапортах Павлуцкому сообщал, что многие ясачные, узнав, что партия осталась в устье р. Камчатка, стали приходить «с покорной головой», выдали 13 аманатов и заплатили ясак [15, с. 58].

Некоторые из ительменских острожков отказывались поддерживать восставших, что приводило к вооруженным столкновениям между ними и «бунтовщиками». Надо также отметить случаи «боев» и между самими «изменниками». Данные обстоятельства позволяют говорить о том, что даже перед лицом общего врага ительмены не могли забыть о существовавшей прежде вражде между их территориальными («речными») группами и отдельными поселениями (см.: [41, с. 94—95, 98]).

Тем не менее, восстание не прекратилось. Осенью 1731 г. — зимой 1732 г. его основными районами стали западное и южное побережье Камчатки, где ряд ительменских острожков, узнав о разорении Нижнекамчатского острога и «побитии» служилых людей, все же встал «на тропу войны». В октябре 1731 г. на р. Авача «изменники» убили шесть служилых людей (сына боярского Назара Колесова, казаков Ивана Богомолова, Ивана Украинцова, Михаила Дружинина, Алексея Черных, Михаила Шипунова), «из которых одного жестоко мучили, кишки из живого мотали и всяко надругались».

На помощь к авачинцам, которых возглавляли тойоны Кашига, Лажилча, новокрещенный Васька Вахлач (Вахлыч) и три брата Канача — Черный, Большой и Меньшой, прибыли «курильские мужики» с м. Лопатка, а также «беглых казачьих холопей множество». Вахлач также звал «в бунт» иноземцев с побережья Бобрового моря — с рек Налачева и Островная, но те отказались. В отместку авачинцы погромили их, убив двух тойонов — Капауля (Кабагуль) и Канича (Кавыч, Кавычка, Ковычка) [2, л. 359 об.—360; 4, л. 40—40 об.; 5, л. 46 об., 47, 48, 51; 60, с. 765—766; 83, с. 122].

На р. Жупанова и по побережью Бобрового моря неизвестные «изменники» ловили казачьих жен и девок, отпущенных для «прокормления» к сородичам-ительменам, грабили их, брали в плен, а иных убивали [83, с. 121]. На р. Колпакова местный «бунтовщик» тойон Харлапан (он же Кулува, Навава, Кивача, Кугува) сжег в юрте служилого Дмитрия Попова, казачьих детей Андрея Ховкина и Ивана Туманова и жену служилого Ивана Панютина с двумя дочерьми [2, л. 360 об.; 5, л. 48 об., 63 об., 65; 83, с. 121]. На побережье Пенжинского (Охотского) моря ительмены с р. Ича убили трех служилых. После этого ичинский тойон Кивря обратился за подмогой к ительменам р. Хайрюзова. Хайрюзовцы и белоголовцы (около 100 чел.) во главе с Кишкидином, Максимкой и Щербаком, которые к этому времени сами убили на р. Белоголовая казаков Кирилла Золотавина, Василия Портнова, Карпа Бекирева, поначалу откликнулись на приглашение Киври. Однако, узнав, что в устье Облуковины много казаков, вдруг «осердились» на ичинцев, погромили их, а заодно и ительменов, живущих на р. Сопочная, забрав их пожитки, жен и детей. Перед этим погромом к Максимке и Щербаку присоединились Ор Тавач и Чемура Каначев [2, л. 360—360 об.; 5, л. 47 об., 65 об.—67 об.; 60, с. 765; 83, с. 124].

Прибывший еще в конце лета 1731 г. новый камчатский комиссар дворянин Иван Федорович Эверстов [60, с. 765] отправил из Большерецка на север по Пенжинскому побережью для наведения порядка отряд во главе с «походным приказчиком» пятидесятником Андреем Штинниковым. В состав отряда помимо пятидесяти казаков входило около тридцати ительменов под главенством тойонов Шемкоча, Акабыша (с р. Кыкчик) и Налача (р. Немтик), сохранивших верность русской власти. Штинников прошелся карательным рейдом по рр. Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Ича, Облуковина, приводя в покорность ительменов [5, л. 48 об.—49, 52 об.—55, 67 об.—69; 60, с. 497; 83, с. 121—122].

Из Верхнекамчатска в этих же целях на р. Жупанова был отправлен отряд Михаила Сапожникова, который «поступил» на «изменников» «военною рукою и из оных изменников немногих людей побили, а другие де боясь такой измены сами придавались и розбежались» [5, л. 47; 83, с. 123]. Однако для полного умиротворения ительменов тех сил, которые имелись в Большерецке и Верхнекамчатске, не хватало. В частности, отправленные в конце декабря 1731 г. против авачинцев (Вахлача и других) казаки, воглаемые А. Штинниковым, узнав о скоплении «изменников» («сот с пять и боле») в острожке Канача Черного и не получив просимой подмоги из Верхнекамчатского острога, «в поход на Авачу за малолюдством идти не посмели» и 8 февраля ретировались в Большерецк [4, л. 40—43 об.; 5, л. 51 об.—52].

Эверстов обратился за помощью к Генсу. Последний в это время, зимой 1730—1731 гг., занимался организацией ясачного сбора с ительменов, проживавших в нижнем бассейне р. Камчатка и на р. Тигиль. Сбор ясака он поручил А. Змиеву и матросу Л. Петрову. Вторжение в прерогативы местных закащиков Генс объяснял тем, что сами иноземцы, причем не только ительмены, но и коряки, соглашались платить ясак только сборщикам, присланным из морской партии, но не местным казакам, поскольку от последних им «чинятца» «несносные обиды, от которых обид пришли в всеконечное разорение и нищету» [15, с. 76; 19, с. 101].

Вдобавок, в отличие от камчатских казаков, сборщики от партии награждали иноземцев за уплату ясака подарками. В частности, А. Змиев, собрав 26 января — 12 февраля 1732 г. на рр. Озерная и Ука ясак с 80 чел., выдал им 30 медных перстней, 21 медный наперсток, 32 ширкунца, 125 игл, да табака без весу [19, с. 102—103]. Данная мера в условиях сильного брожения среди ительменов была, конечно, оправданной и способствовала их успокоению. Для ясачных же подобный сбор ясака, вероятно, стал праздником: их не только не грабили, но, наоборот, взамен пушнины давали подарки. Комиссар Эверстов, конечно, был недоволен нарушением компетенции местных властей и 28 декабря 1731 г. послал Генсу «ведение» с требованием прекратить сбор ясака [38, с. 109].

В январе 1732 г. Эверстов приказал новому закащику Нижнекамчатского острога Михаилу Борисову потребовать от партии для борьбы с «изменниками» в подмогу 40 служилых, фузеи, пушки и боеприпасы. Генс отправил требуемое число служилых людей во главе с Лаврентием Поляковым, но дать вооружение и боеприпасы отказался, мотивируя тем, что их запас ограничен, и они нужны для предстоящего плавания. Отряд Полякова в середине февраля выступил на соединение с отрядом Штинникова (30 казаков), который действовал против «изменников» в районе р. Большая [15, с. 76—77].

26 февраля Генс через М. Борисова получил новую просьбу Эверстова: отправить подмогу к ясачному сборщику Леонтию Черных на Хайрюзову, чтобы усмирить местных ительменов, которые во главе с Максимкой и Щербаком (всего 100 чел.), по данным Эверстова, планируют нападение на судно «Фортуна», стоявшее в устье Облуковиной [15, с. 79]. «Фортуна», на которой на Камчатку прибыл комиссар И. Эверстов, выбросило 2 октября 1731 г. на берег в устье р. Облуковина [83, с. 121].

Генс выделил из своей партии еще одного матроса, одного солдата и 25 казаков во главе с уже зарекомендовавшим себя А. Змиевым. В соответствии с инструкцией, полученной от Генса, Змиев должен был по пути до места стоянки «Фортуны» «сыскивать изменников» и призывать их «ласкою» вернуться в ясачное состояние, а в случае «противности» — «поступать на них военною рукою легулярно». Утихомирив иноземцев, следовало взять с них аманатов, ясак и показания о причинах «измены», а также арестовать «заводчиков» и отправить их к партии. Для усиления отряда Змиеву предписывалось включить в него «партийных» служилых людей, которые находились в Большерецке и Верхнекамчатке. Наведя порядок на Хайрюзовой, Змиев должен был отправиться на Авачу в подмогу верхнекамчатским и большерецким казакам. В марте Змиев выступил в свой новый поход [15, с. 80, 81].

После его отбытия Генс послал очередной рапорт Павлуцкому в Анадырск. В нем он сообщил о продолжении восстания ительменов («камчатальские ясачные иноземцы Пенжинского и Бобровского моря и курильские от ясачного платежа отложились»), о гибели от рук «изменников» на р. Тигиль отряда, шедшего из Анадырска на Камчатку, о действиях партии против восставших, о передаче Эверстову по его требованию аманатов и ясачной казны, о своих планах выступить на «Св. Гаврииле» к Аваче и Курилам для участия в разгроме восставших и последующего сбора ясака на Курильских островах. Штурман также пожаловался, что в партии ощущается острая нехватка боеприпасов и провианта («на Камчатке ныне кормами всеконечная скудость, купить вязки юколы ни на пять рублей негде, и служилые голодают, а провиант уже весь в расходе») [15, с. 78].

Отряд Змиева, пройдя по Хайрюзовой и нигде не встретив «изменников», дошел до Большерецкого острога, где 12 апреля объединился с отрядом Поля-

кова и отрядом большеецких и верхнекамчатских казаков Штинникова. Командиры, посоветовавшись, решили нанести удар по авачинцам, численность (по разным данным, от трехсот до пятисот восставших) и активность которых внушали наибольшее опасение. В конце апреля, или 1 мая, карательный отряд (по разным данным, от шестидесяти до семидесяти человек, кроме того, союзные ительмены) выступил из Большеерецка на Авачу. Авачинцы во главе с тойонами Вахлачем и двумя братьями Каначами в это время находились в острожке на р. Быстрая (Купхина). Острожек располагался на острове и был огорожен в три ряда бревенчатым частоколом. В первых числах мая русский отряд подошел к острожку, переправившись на остров. В тот момент большая часть ительменов занималась промыслом рыбы, и в острожке было 73 чел.

На попытку русских завести переговоры они ответили выстрелами. Завязался бой. Под прикрытием пушечного и ружейного огня казаки пошли на штурм и ворвались в острожек, но застали здесь в живых только шесть человек. Остальные или погибли во время боя, или «передавились и сами перерезались» (покончили жизнь самоубийством). Из казаков никто не погиб, два человека были ранены. Бывшие на промысле иноземцы, услышав выстрелы, большей частью разбежались, частью (50—60 чел.) во главе с Вахлачем и Каначем Младшим ушли в устье Авачи, где укрылись в острожке на отпрыдыше (небольшом скалистом острове или одинокой скале).

6 мая туда подошли казаки. Переговоры опять не дали результата, но штурм острожка на этот раз провалился, так как отпрыдыш был практически неприступным (при штурме был ранен в голову Штинников). Потерпев неудачу, казаки решили взять осажденных измором. 14 мая, после недельной осады, когда в острожке закончилась пресная вода и начался голод, авачинцы сдались. Озлобленные казаки тут же, без всякого разбирательства, казнили Канача Младшего и около 25 (по другим данным 11) его «родников», прочих били плетью и батогами.

Вахлач каким-то образом сумел выкрутиться, убедив казаков, что бунтовал «в неволю», и пообещав им помощь в поимке прочих «изменников». Если верить его показаниям, именно он уговорил сдаться всех остальных, и, соответственно, получается — выторговал свою жизнь в обмен на жизни соратников. Кроме того, он сообщил Змиеву и Штинникову, что три тойона с «множеством народа» ушли на Вилючинский остров, и согласился поехать туда вместе с казаками. Отправленные на разведку казаки, вернувшись 20 мая, сообщили, что на острове нашли только одну старуху, от которой узнали, что все ительмены ушли «в Курилы». Змиев предложил Штинникову пойти в погоню, но тот заверил, что теперь справится с остатками «изменников» своими силами. После этого отряд Змиева двинулся к устью р. Камчатка, оставив Штинникову пушку и заряды к ней [4, л. 40; 5, л. 46 об., 49—49 об., 50 об., 55 об.—56, 57 об.—58; 60, с. 497, 766—767; 83, с. 125—126].

К началу лета 1732 г. выступление ительменов против русской власти в основном было подавлено. Сопrotивление еще некоторое время оказывали хайрюзовцы во главе с Максимкой и Щербаком, сумевшие отбиться от отряда Штинникова, отсидевшись в «крепком остроге». Ликвидировать очаг «измены» на Хайрюзовой удалось после того, как на Камчатку прибыла следственная комиссия, и против хайрюзовцев послали отряд солдат, который сумел взять в плен Максимку и Щербака. Бывших у них в холопах ичинских и сопочных ительменов отпустили по домам [2, л. 361; 83, с. 121].

Действия карателей, в первую очередь камчатских казаков, в ходе подавления восстания отличались жестокостью и массовым истреблением ительменов. Как писал Крашенинников, казаки «громили всех без пощады и милости» [60, с. 497], не выясняя, как правило, степень виновности «бунтовщиков». По итогам следствия стало известно, что «пятидесятник Андрей Штинников... в 732 году, будучи в походах от Воровской до Белоголовой и на Аваче реках многих ясажных иноземцов служилым людям приказал колоть безвинно и без противности...» [5, л. 69 об.; 60, с. 493].

По сведениям А. С. Сгибнева, на реках Воровская, Облуковина и Белоголовая казаками было убито «без всякой причины» и без сопротивления 170, а с оружием в руках — всего 15 чел. [83, с. 122]. Согласно показаниям казаков-участников похода на названные реки, там было «побито и переколото ясажных иноземцов человек со сто», в том числе «за противность» — «на Воровской реке человек с пятнадцать» [5, л. 48 об.—49; см. также: л. 61 об.—62, 68—68 об.], по данным, сообщенным Штинниковым, было убито 82 чел., в том числе в бою — 17 [5, л. 53—55].

На Аваче отряды Штинникова и Змиева «побивали изменников купно и с невинными», и побили «без противности» 89 чел. [2, л. 360, 361; см. также: 60, с. 497]. Другой казачий командир М. Сапожников, еще в октябре 1731 г. посланный в устье Жупановой для возвращения в ясажный платеж тойона Начика, «вышеозначенных жупановских иноземцов прибил и переколот девять человек без противности их». В 1732 г. Сапожников «застегал батожем до смерти Жупановой реки тоена Огона» [2, л. 359 об.; 83, с. 123].

Следователи, заинтересовавшись вопросом, с какой целью казаки в массовом порядке истребляли мужчин-ительменов, выяснили, что делалось это исключительно с целью наживы: «чтоб жен их и детей побрать себе в холопство», а «пожитки» поделить как военные трофеи [2, л. 359 об., 360, 361; 5, л. 69 об.; 60, с. 493; 83, с. 122]. Здесь мы видим еще одно проявление духа вольного казачества, долго сохранявшегося на отдаленной Камчатке в условиях практически полного отсутствия правительственного контроля, — грабительские походы за зипунами и ясырем с их последующим разделом на дуване.

Охотский командир Г. Г. Скорняков-Писарев сообщал в 1732 г., что камчатские казаки «жен и детей в полон взяли больше 300 человек и разделили по

себе» [1, л. 31 об.—32]. По данным следствия, в холопство к казакам попало: на р. Жупанова — 40, на р. Авача — 150, на реках, впадающих в Охотское море — 220 (по показаниям Штинникова, 202) женщин и детей [2, л. 359 об., 360; 5, л. 49 об.; 83, с. 122; см. также: 5, л. 49, 53—55, 56, 58].

Участники похода по западному побережью полуострова на допросах признали, что «тот де полон между собою разделили, а досталось на каждого человека полонных по три и по четыре человека, а камандирам по шти... а взятое платье побитых разделили» [5, л. 49]. Кроме того, в авачинском походе Штинников и Змиев «раздували» среди казаков 10 бобров, пять бобровых парок, 10 соболей, 30 лисиц, 30 собачьих и две лисьи парки, много одежды (в том числе русской — кафтаны, камзолы, кунтыши, сарафаны), а в ясак сдали всего 10 лисиц и одного бобра [5, л. 49 об., 56, ср.: 83, с. 126].

Захват трофеев и похолопление ительменов были в принципе, как отмечалось выше, важнейшим способом жизнеобеспечения у казаков на Камчатке. По этому поводу Крашенинников писал: «Во всех погромленных острожках брали они в полон жен и детей иноземческих, и прочие их пожитки, рыбы сети, собачьи куклянки, собаки и санки, которые после победы по себе делили», и, подавив восстание ительменов, «погубя их множество и успокая, паки на Камчатку возвратились по своим местам с великою прибылью» [60, с. 497, 766].

Стеллер вообще полагал, что казаки намеренно обижали и оскорбляли ительменов, чтобы вынудить их на восстания, а затем жестоко расправиться с ними и ограбить. Обобщая свои представления о казачьих методах подчинения ительменов, он констатировал: «Когда казаки увидели, что этот народ все же многочисленен, и что им, в конце концов, невозможно будет ни справиться с ним, ни прочно осесть среди него, они стали, сильнейшим образом обижая туземцев, подавать последним повод к началу неприязненных действий, а затем начали убивать всех попадавшихся им под руку стариков и взрослых мужчин, а жен и детей их обращать в рабство; имуществом же их они овладевали как добычей. Таким образом, они в течение сорока лет низвели численность туземцев до одной двенадцатой или пятнадцатой части первоначального их количества» [91, с. 137].

ПОТЕРИ ИТЕЛЬМЕНОВ И РУССКИХ В ХОДЕ ВОССТАНИЯ

Восстание и его подавление сопровождалось проявлением обоюдной жестокости, что привело к значительным потерям с обеих сторон. Охотский командир Г. Г. Скорняков-Писарев, отвечая 30 января 1738 г. на запрос Г. Ф. Миллера о численности ясачных на Камчатке и Курильских островах, подсчитал, что с 1728 по 1732 гг. она сократилась с 2 983 до 2 055 чел. мужского пола. Исходя из этих цифр, он сделал вывод: «И по сему явно, что на Камчатке побито ясачных людей, кроме их жен и детей, девят сот дватцать восемь человек» [2, л. 336, 336 об.].

Данный расчет, однако, вызывает сомнение, хотя бы потому, что к 1731 г. в упоминавшемся «росписном списке» С. Вологодина значилось 2 642 ясачноплательщика, а значит сокращение составило 587 чел. К тому же надо учитывать, что часть ительменов (но какая?) после разгрома восстания находилась в бегах, скрываясь от наказания, и, соответственно, от ясачного обложения. Следовательно, цифру потерь можно полагать еще меньше, нежели ее дают формальные подсчеты.

Кстати, и сам Скорняков-Писарев в декабрьском 1732 г. донесении иркутскому вице-губернатору А. И. Жолобову приводил более «скромную» цифру: «Камчатка вся разорилась от ясашных зборщиков, понеже ясачные люди всех трех острогов, которые жили от острогов в близости и всегда ясак платили, не стерпя великих разорений, изменили, и за то их посланные служивые от комиссара Эверсова больше 200 человек побили, кроме тех, которых прошлого году в Нижнем Камчатском остроге побили. И ныне, взяв в руки, варварски больше 100 человек перекололи» [1, л. 31 об.—32], то есть всего более 300 мужчин-ительменов.

Исследователь И. И. Огрызко, пытаясь определить величину ительменских потерь, пришел к выводу, что она составила более 500 взрослых мужчин, отметив при этом, что его подсчеты основаны на далеко не полных данных [72, с. 21]. По информации, собранной руководителем следственной комиссии В. Мерлиным, погибло ительменов: в 1731 г. при взятии Нижнекамчатского острога — 69 мужчин и две женщины, на р. Жупанова — 15 мужчин, в 1732 г. на р. Жупанова — один, при разгроме авачинцев — 89, на рр. Воровская, Колпакова, Крутогорова, Сопочная, Морошечная, Белоголовая — 110 [2, л. 359, 359 об., 360, 361], то есть 284 мужчины и две женщины.

Наши подсчеты потерь ительменов вследствие карательных действий русской стороны и вызванных им самоубийств среди ительменов дают следующие цифры: в Нижнекамчатском остроге — 69 мужчин и две женщины, при разгроме Тигила — 6—9 мужчин, несколько женщин и детей, при разгроме Голгоча — сам Голгоч и несколько его воинов, на Аваче — около 90 мужчин, на Воровской, Облуковиной, Белоголовой — около 100 мужчин, на Жупановой — 10 мужчин. Всего, таким образом, более 270 мужчин. Погибших женщин было, конечно, больше, чем две, поскольку воины-ительмены в виду поражения, как правило, убивали свои семьи.

Нельзя, разумеется, исключать того, что руководители карательных отрядов, на показаниях которых строятся наши подсчеты, могли указать число жертв приблизительно, либо занижая, либо завышая его. Вдобавок это число необходимо дополнить цифрой потерь в ходе междоусобных столкновений. Она неизвестна, но вряд ли была значительной. С ее учетом, общие потери, скорее всего, составили около или немногим более 300 мужчин-ительменов. Но в любом случае есть основания говорить о том, что военные действия

1731—1732 гг. привели к значительному сокращению численности взрослого мужского населения, не менее чем на 11 % от того уровня, который был до восстания. Часть ительменских поселений, по сведениям Крашенинникова, запустела или оказалась на грани исчезновения. В частности, в «острожке Кыллуша» из 45 взрослых мужчин осталось «человек с 12», в Каменном острожке, где было 69 ясачных плательщиков, «не больше 15 человек осталось» [60, с. 106—108, 512].

Потери русской стороны в абсолютном выражении были значительно меньше. По данным Мерлина, в начале восстания ительменами было убито «в остроге и по разным летным жилищам на рыбных промыслах» 55 служилых и их сыновей, 31 женщина и девочка, во время штурма Нижнекамчатска — три служилых, на Еловке — два ясачных сборщика, на Аваче — шесть служилых, на Белоголовой — три служилых, на Колпаковой — один служилый, два казачьих сына, одна казачья жена, две казачьи дочери [2, л. 358 об., 359 об., 360], итого 72 чел. мужского и 34 — женского пола.

По нашим подсчетам, погибло более 37 служилых людей, один солдат, один матрос, более 17 казачьих сыновей и шесть — дочерей, один дьячек, восемь промышленных, посадских и новокрещенных людей с детьми мужского пола и более 10 «женок», итого более 65 чел. мужского и 16 — женского пола. Число убитых женщин, скорее всего, занижено, поскольку в документах оно не всегда точно указывалось. В относительном же выражении, учитывая, что погибли в основном местные жители, потери оказались весьма впечатляющи — около 30 % постоянного русского мужского населения Камчатки. Разумеется, в числе служилых людей были не только русские, но и метисы (от смешанных русско-ительменских браков) и даже, возможно, крещенные ительмены. Казачьи жены, вероятно, все или почти все были ительменками.

Надо также отметить, что гибель русских была почти исключительно следствием внезапного нападения ительменов. В ходе сражений, к которым казаки готовились, потери составили всего 2—4 чел. (при штурме Нижнекамчатска). Это позволяет уверенно говорить о значительном превосходстве русских над ительменами в вооружении и тактике ведения боя. Как отмечал еще в начале XVIII в. В. Атласов, «а бои с рускими людьми у них (ительменов. — А. З.) были только до тех мест, как сойдутся с рускими, и против огненного ружья стоять не могут и бегут назад» [15, с. 32]. Ситуация за тридцать лет, надо полагать, мало изменилась.

СЛЕДСТВИЕ И СУД

Расследование причин и обстоятельств ительменского «бунта» началось по ходу его подавления. Первые допросы пленных, взятых при штурме Нижнекамчатска, провели И. Спешнев и М. Гвоздев [38, с. 107]. Затем А. Змиев

сразу же, на месте, допрашивал попавших к нему руководителей восстания: 30 августа 1731 г. — Ф. Харчина, 6 сентября — Нефедя и его брата Ивана (Ита-теля), 3 ноября — «ясаула» Урила, 15 октября — Хобина и С. Харчина. Записанные допросы вместе с пленными он отправлял к Генсу [8, л. 308—314 об.; 15, с. 63—69]. Последний также проводил допросы, в частности, 2 ноября — Ф. Харчина, 18 ноября — его брата. 10 и 11 ноября копии допросов Генс отправил Павлуцкому в Анадырьск, а тот при рапорте от 10 февраля 1732 г. переслал их в Тобольск в Сибирскую губернскую канцелярию [15, с. 59, 60—61, 69, 73—75; 83, с. 122].

Таким образом, на первых порах функции следственной комиссии взял на себя командный состав морской партии, а роль главного следователя выполнял ее начальник штурман Генс. Орденом от 11 февраля 1732 г. Павлуцкий отстранил Генса от командования партией, заменив его подштурманом Гвоздевым, которому приказал срочно выступить к устью Анадыря и к «Большой Земле». Ордер был получен в мае, а 23 июля того же года «Св. Гавриил» вышел из устья р. Камчатка и взял курс на север [19, с. 101—102, 103; 39, с. 56—57]. Пока партия во главе с Гвоздевым в 1732 г. совершала плавание к берегам Аляски, Генс, вероятно, оставался главным надзирателем за пленными. По крайней мере, нет сведений о том, что он передал камчатским властям пленных и следственные материалы.

Первая информация о восстании ительменов в столицу поступила только в декабре 1732 г. Однако правительство пристальное внимание на Камчатку обратило еще раньше, когда Сенат в конце 1730 г. получил от В. Беринга, вернувшегося из первой экспедиции, «известие, что в Сибири в Восточном краю признаваецца к пользе государству». Капитан-командор, обобщив собственные наблюдения, предложил ряд мер по улучшению административного управления, а также жизни и быта населения Восточной Сибири и Камчатки. При этом он особо указал на те безобразия, которые творились служилыми людьми при сборе ясака с ительменов [8, л. 71—76 об.; 12, с. 19—23; 19, с. 94—96].

Итогом рассмотрения «известия» Беринга стал ряд правительственных распоряжений. Сенатским указом от 29 апреля 1731 г. в целях повышения оперативности и эффективности управления дальневосточными окраинами империи было предписано выделить из Якутского уезда особое Охотское правление с учреждением в Охотске морского порта. Начальник правления — «командир» — по своим полномочиям приравнивался к сибирским воеводам и подчинялся непосредственно Иркутской провинциальной канцелярии. В ведение Охотского правления отдавалась территория, включавшая побережье Охотского моря от р. Уда на юге до р. Пенжина на севере, Камчатку, Анадырский край и «тамошние северные земли», то есть крайний север-восток Сибири (авторы «Истории Дальнего Востока СССР» без

всяких оснований «зачислили» в ведение Охотского правления также Курильские и Алеутские острова [53, с. 129]. О последних, кстати, в 1731 г. в России еще ничего не знали).

Первым охотским командиром указом императрицы Анны Иоанновны от 10 мая 1731 г. был назначен Г. Г. Скорняков-Писарев [49, с. 48; 79, с. 27—29; 82, с. 17]. 30 июля того же года Сенат утвердил для него инструкцию. Согласно ей, Скорняков-Писарев должен был принять меры по наведению порядка в управлении, пресечению злоупотреблений со стороны камчатских «командиров», развитию сухопутной (между Якутском и Охотском) и морской (с Камчаткой) коммуникаций, строительству Охотского порта, улучшению снабжения гарнизонов жалованьем, провиантом, вооружением и боеприпасами. Особое внимания в инструкции уделялось мерам по развитию в крае экономики — земледелия, скотоводства, торговли, в том числе указывалось «искать способа к свободному торгу с японцами». Предполагалось также пополнить гарнизоны Охотского, Удского и камчатских острогов 300 якутскими казаками и благодаря этому прекратить командировки в означенные пункты «годовальщиков» из Якутска [12, с. 52—57].

2 мая 1732 г. Сенат указал определить на Камчатку «особливого командира», который должен был провести следствие об обидах ясачным людям со стороны представителей местной администрации. На эту должность первоначально был представлен капитан Павлуцкий [8, л. 82—86 об.; 12, с. 82—87; 21, с. 90; см. также: 12, с. 98—104]. Вслед за этим Сенат велел сибирскому губернатору навести порядок в сборе ясака на Камчатке и прекратить злоупотребления там ясачных сборщиков; от камчатской администрации даже потребовали принять меры, чтобы «народ камчадальской больных из своих домов или юрт не бросали, сами себя не умерщвляли, утопающих спасали» [10, с. 178—179]. В это же время сенаторы утвердили ряд мер по усилению на Камчатке позиций христианства и крещению «камчадалов»: строительство церквей, направление священников, предоставление неопитам льгот по уплате ясака [12, с. 90—94].

В октябре 1732 г. в Тобольске были получены рапорт Павлуцкого о камчатском «бунте» и первые допросы его участников. Сибирский губернатор А. Л. Плещеев отнесся к событиям на Камчатке очень серьезно, поскольку, не мешкая и не запрашивая мнения вышестоящих инстанций, уже 27 октября распорядился, чтобы Иркутская провинциальная канцелярия направила для расследования обстоятельств «бунта» майора Якутского пехотного полка Василия Федоровича Мерлина, придав ему в помощь обер-офицера с капительством солдат (Якутский полк дислоцировался в Забайкалье).

Кроме того, иркутские власти должны были спешно пополнить камчатские гарнизоны служилыми людьми из Иркутска, Якутска и Анадырска. Этим же губернаторским распоряжением Мерлину предписывалось: арестовать

«заводчиков» восстания и допросить их, выяснив при этом, не были ли с ними «в том умысле» русские и коряки; провести расследование причин восстания и тех притеснений, которые чинили ительменам ясачные комиссары и служилые люди, причем «следовать и розыскивать накрепко»; арестовать служилых людей, попавших под подозрение в «обидах» и «разорениях» ительменам и допросить их с пристрастием, то есть с применением пыток; восстановить Нижнекамчатский и укрепить другие остроги; для сбора ясака определять из якутских служилых людей «добрых и неподозрительных за выборами и присягами»; следить за тем, что ясак взимался строго по окладу; выяснить, сколько и кем именно собрано с ительменов чащин и поминок и все эти неокладные сборы забрать в казну [5, л. 41—42; 8, л. 294—297; 83, с. 131—132]. Соответствующая инструкция Мерлину из Иркутской провинциальной канцелярии была подписана 8 мая 1733 г. [5, л. 4—6 об.].

31 октября 1732 г. Сибирская губернская канцелярия направила указ якутскому воеводе Ф. Жадовскому с информацией о начавшемся следствии «по разным делам на Камчатке» и требованием оказывать ему всяческое «вспоможение» [9, с. 227]. 4 ноября 1732 г. она предписала до прибытия на Камчатку Мерлина следствие вести И. Спешневу [38, с. 147]. Этим же днем датировано донесение канцелярии в Сенат с информацией о «бунте» и тех мерах, которые ею предприняты. К донесению был приложен «экстракт» допросов, полученных от Павлуцкого, копии донесений Спешнева Генсу от 18 октября 1731 г. и Павлуцкого в Тобольск от 10 февраля 1732 г. Все эти документы были заслушаны Сенатом на заседании 15 декабря 1732 г. [8, л. 294—317 об.].

Вскоре туда поступило пространное донесение охотского командира Скорнякова-Писарева от 1 июня того же года. Скорняков-Писарев на основе собственных наблюдений (он около четырех лет провел в ссылке в Жиганском зимовье) во всех подробностях описал существовавшую на северо-востоке Сибири систему ограбления аборигенов путем взяток, поборов и вымогательств со стороны воевод, ясачных сборщиков и служилых людей. Основой этой системы являлась сохранявшаяся в Якутском уезде практика воеводских «окупов» [8, л. 325—329, 491—494; 20, с. 207—213].

28 декабря 1732 г. Сенат своим указом подтвердил образование Охотского правления. Вероятно, в январе-феврале 1732 г. последовало назначение Павлуцкого помощником Мерлина. Сенатским указом 23 февраля 1733 г. он из капитанов был произведен в майоры [8, л. 448]. 9 марта 1733 г. сенаторы вновь заслушали информацию о камчатском «бунте», сделав на этот раз конкретные предложения по наказанию виновных. Предложения были оформлены в доклад императрице Анне Иоанновне. Сенаторы (на заседании присутствовали А. И. Ушаков, Ю. Ю. Трубецкой, М. Г. Головкин, В. Я. Новосильцев и обер-секретарь И. К. Кириллов) признали, что «измена» учинилась от «несносных обид комиссарских» и «большою причиною бунта»

были «их злые и разорительные с таким диким народом поступки». В связи с этим они считали необходимым приговорить к смертной казни «одних пущих заводчиков» из числа ительменов, а «прочих от смертной казни освободить, для того, что народ дикий и пушую причину к бунту имели от озлобления своих управителей, а бить челом им в такой дальности некому и может что и не знают».

Зато в отношении «обидчиков», по мнению сенаторов, требовалось принять самые жесткие меры: «О тех комиссарах и подчиненных их, на которых оные бунтовщики показали разорение свое и обиды, жестокае розыскивать и самих их, смотря по доказательству и винам, пытаться... и кто явятся пущие разорители, таких, не отписываясь за дальностию, казнить смертию, дабы другие такие ж командиры имели страх и от таких злых поступок воздерживались».

Чтобы казни виновных произвели должный эффект, их надо было провести публично, созвав всех глав ительменских поселений. Перед казнью «съехавшимся ясашникам» следовало «объявлять чрез толмачей, что та казнь за собственные к ним, ясашным людям, обиды и разорения и лишние сборы учинена». Иначе говоря, подданные должны были лицезреть карающую длань монаршего правосудия. Кроме того, сенаторы предлагали послать на Камчатку для публичного объявления специальные императорские указы, через которые объявить иноземцам «милость и призрения» и обнадежить их, что «пущие разорители» будут казнены, «взятые с них лишние сборы и пограбленные их имущества», а также похолопленные сородичи возвращены. Иноземцев также следовало поставить в известность, что в будущем им будет дано разъяснение официального порядка ясачного сбора. В этих же указах должен был содержаться призыв к служилым людям повиниться в злоупотреблениях и обидах, нанесенных ительменам, обещая за это смягчение наказания («в винах их некоторое упущение будет») [8, л. 491—497 об.; 12, с. 331—339; 20, с. 207—213].

11 марта, 9 и 18 мая 1733 г. императрица утвердила сенатские предложения по расследованию преступлений ясачных сборщиков [5, л. 42; 8, л. 498—500 об.; 12, с. 340—341, 431—434; 20, с. 213]. 21 мая появился ее именной указ «о нечинении обид и притеснений ясачным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке», предполагавшийся для публичного объявления. В указе говорилось, что для пресечения злоупотреблений в Якутию и на Камчатку посланы следственные комиссии, «которым повелено в вышеупомянутых разорениях и обидах не только жестоко разыскивать, но самих разорителей и смертью казнить, а взятые с них лишние сборы и пограбленные их имущества, сколько отыскано будет, возвращать».

Ясачным людям указывалось, чтобы они «лишних никаких ясаков и взяток воеводам, комиссарам и сборщикам, которые они с них своим вымыс-

лом с разорением неволею брали, не давали». Предписывалось отпустить из холопства по домам всех иноземцев, не принявших христианства, а крещеным предоставить свободу жить «между христианами собою у кого хотят». Данный указ было велено как в Якутске и Охотске, так и во всех острогах, зимовьях и волостях укрепить на специально установленных столбах, «и хранить, чтобы всегда всем был известен». Его также следовало раздать князям и старшинам «каждого народа», «и сверх того, при платеже ясачном толмачам перетолмачивать всем вслух, на их языке» [17].

Помимо сенатских указов в 1731—1733 гг. появилось несколько распоряжений Сибирского приказа, Сибирской губернской и Иркутской провинциальной канцелярий, предписывавших якутским властям определять к ясачному сбору «добрых и прожиточных людей, чтоб можно было кому верить», выдавать им наказы с точной регламентацией ясачного сбора, требовать от сборщиков правильного заполнения ясачных книг с обязательной росписью ясачного в уплате ясака [8, л. 295 об.; 9, с. 227; 10, с. 171—182; 94, с. 112—113].

Тем временем на самой Камчатке следствие шло уже полным ходом. Охотский командир Скорняков-Писарев, еще не имея на руках указов, определявших главного следователя, 10 ноября 1732 г. подписал распоряжение, вручавшее властные полномочия на полуострове подмастерью Спешневу и геодезисту Гвоздеву. 20 июля 1733 г. до них дошла инструкция Скорнякова-Писарева (столь позднее получение инструкции объясняется тем, что связь между Охотском и Камчаткой осуществлялась по Охотскому морю только в летние месяцы).

Согласно ей, Спешнев и Гвоздев должны были принять от Эверстова управление камчатскими острогами и подведомственной им территорией, распределить из морской партии по 20 служилых людей в каждый острог, арестовать по обвинению в «лихоимствах» казаков А. Штинникова, О. Соловьева, Н. Дурьнина, М. Сапожникова, Ивана Герасимова, Максима Плотникова и солдата А. Змиева, отобрать у камчатских жителей всех ительменов-холопов и «некрещенных всех велеть крестить и дать волю и велеть им жить вблизи у острогов», основной состав морской партии, а также Генса, Эверстова, Борисова, «главных заводчиков» восстания и Штинникова отправить на судах «Фортуна» и «Св. Гавриил» в Охотск. Кроме того, геодезист и подмастерье должны были возглавлять следствие, контролировать сбор ясака и руководить строительством и укреплением острогов [38, с. 154].

2 марта 1733 г. к розыску подключился рудознатец С. Гардеболь, прибывший на Камчатку еще в октябре 1731 г. Следственный триумvirат расположился сначала в Нижнекамчатске, затем перебрался в Верхнекамчатск. Допросы и очные ставки, жалобы и показания служилых и ясачных людей существенно расширили круг лиц, обвинявшихся в различных злоупотреблениях. Под следствием оказался даже активный участник подавления восстания сол-

дат А. Змиев, которому вменялись в вину злоупотребления при сборе ясака на р. Ука [38, с. 113, 148, 149]. Ход следствия осложнялся тем, что среди командного состава морской партии, еще с самого начала ее существования, царили неприязнь и постоянные склоки, сопровождавшиеся взаимными доносами в вышестоящие инстанции. В противостояние между командирами оказался вовлечен и рядовой состав [38, с. 148—153 и др.].

В. Мерлин в июне 1733 г. прибыл в Якутск. В его команде состояли прапорщик, канцелярист, копиист, писарь, капрал, барабанщик, 36 солдат и заплечных дел мастер с необходимыми «инструментами». Здесь он арестовал И. Новгородова и М. Шехурдина (Иван Новгородов, Иван Уваровский и Михаил Шехурдин прибыли в Якутск в 1731 г. [83, с. 116]), их имущество было описано. 6 июля следственная комиссия, получившая официальный статус «Розыскная походная канцелярия», выехала из Якутска в Охотск, везя с собой двух вышеназванных арестованных. В команду «канцелярии» было добавлено 59 якутских служилых людей [83, с. 132].

Прибыв в Охотск 9 сентября, Мерлин дождался здесь «Св. Гавриила». Из морской партии он отобрал себе 20 чел., остальных отправил в Якутск. Под его надзор были переданы и привезенные с Камчатки Штинников, братья Харчины и два их соратника. 5 октября команда Мерлина, подследственные, а также новый камчатский комиссар иркутский дворянин И. Добрынский и несколько купцов и промышленных людей на судне «Св. Гавриил» под управлением Генса отбыли на Камчатку [5, л. 96 об.; 38, с. 158, 159] (А. С. Сгибнев считал, что Мерлин прибыл на Камчатку в сентябре 1733 г. [83, с. 132].)

Первоначально Розыскная походная канцелярия обосновалась в Большерецке. Указом 30 ноября 1733 г. Мерлин отстранил от следствия Гвоздева, Спешнева и Гардеболя, управление Камчаткой передал комиссару Добрынскому, а оставшееся от морской партии имущество — Генсу [38, с. 159, 160].

К 5 мая 1734 г. канцелярия переехала в Нижнекамчатск [5, л. 98; 38, с. 161]. Летом того же года Генс доставил из Охотска Д. И. Павлуцкого (Павлуцкий отбыл из Анадырского острога 5 ноября 1732 г. В Якутске 11 сентября 1733 г. он получил указ о своем назначении помощником Мерлина и весной 1734 г. выехал в Охотск [5, л. 89—89 об.; 38, с. 144; 83, с. 130]), несколько офицеров и солдат, а также якутских казаков, привлеченных к следствию. В команде канцелярии сосредоточилось более двухсот человек, не считая гарнизоны камчатских острогов. Получив указ от 21 мая 1733 г., Мерлин распорядился разослать его для ознакомления по всем камчатским селениям, в каждом из которых назначил старшину (тойона), обязанного смотреть за порядком и своевременной уплатой ясака [83, л. 133]. В соответствии с указом все пороки с ясачных в пользу администрации отменялись.

К концу 1734 г. Розыскная канцелярия, допросив всех привлеченных к следствию лиц, закончила выяснение обстоятельств «бунта» и определение глав-

ных его виновников и зачинщиков. В ходе допросов, в том числе с применением пыток, все вожди восстания «повинились» в своей «измене», однако главную вину они возложили все же на ясачных комиссаров, сборщиков и казаков, которые своими безчинствами довели их до отчаяния. Служилые люди, обвиненные в злоупотреблениях, также, правда, в основном под пытками, признались во всем, сообщив следователям многие детали и подробности той системы незаконной эксплуатации аборигенов, которая существовала на Камчатке.

Крашенинников, собиравший информацию о «бунте» и следствии буквально по горячим следам, писал, что ительмены на допросах говорили только то, что считали нужным сказать. Пытками же из них не удалось вырвать ни слова: «Как их ни мучь, более не услышишь, как “ни, ни”, и то от первого удара, а потом как бесчувственные молчат, закуся язык, и более того допытаться у них пристрастием не можно, как токмо, что в допросе добровольно сказали» [60, с. 498] («ни, ни» по-ительменски — междометие, выражающее ощущение боли, русское «ой», «ай») [37, с. 85]).

Соответственно, встают вопросы: а сказали ли допрашиваемые все, чем интересовались следователи, не утаили ли они что-либо существенное, более того, смогли ли они правильно понять вопросы, которые им задавали, и дать на них адекватные ответы? Ведь язык и образ мышления ительменов, как и в целом их мировосприятие, принципиально отличались от того же самого у русской стороны. Кроме того, и следователей интересовал лишь определенный круг вопросов, в основном — причины, участники и ход восстания. Ряд моментов, важных для нас в исследовательском плане, вообще остался в стороне. В частности, Розыскная канцелярия даже не пыталась выяснить цели «бунта». Соответственно, и сами ительмены по этому поводу ничего не сказали. Тем не менее, оперируя материалами допросов, сведениями других источников и анализируя действия противоборствующих сторон в ходе восстания, можно все же выявить и охарактеризовать те мотивы, которыми руководствовались восставшие ительмены.

Что касается причин «измены», то вряд ли можно сомневаться в том, что ительмены поведали о них с предельной обстоятельностью, поскольку сами были заинтересованы в раскрытии всех злоупотреблений, и тем самым — в оправдании своих действий. К тому же их «обидчики», а также свидетели — русские служилые люди — в целом подтвердили на допросах правоту ительменов в данном вопросе. В отличие от причин, которые излагались почти одинаково, ход восстания каждый допрошенный «изменник» рассказывал по-своему. При этом каждый, и это совершенно отчетливо видно из допросов, стремился умалить степень своего участия в «бунте», пытаясь доказать, что сам он неоднократно проявлял желание примириться с русскими, но

другие вожди его якобы от этого отговаривали. Особенно упорно данной тактики придерживался Федор Харчин.

Чем объясняется такое поведение вождей и участников восстания, которые, выгораживая себя, перекладывали вину на плечи других? Дать ответ на этот вопрос мы, к сожалению, не можем. Не исключено, что так «виновные» пытались избежать или смягчить наказание, что казалось бы вполне естественным. Однако, с другой стороны, ительменов, в чьей жизни самоубийство являлось обыденным явлением, вряд ли могла испугать перспектива смертной казни.

Сложно понять и цели восставших, тем более что данная тема в ходе следствия вообще не поднималась. Судить о них можно лишь на основании совокупности данных. В первую очередь обращают на себя внимание подготовка и хорошая организация восстания в низовьях р. Камчатка, продуманные и спланированные действия «изменников» на первом этапе, их решительность и жестокость. Это наводит на мысль, что «бунт» не был лишь спонтанной реакцией на конкретные насилия со стороны служилых людей, речь скорее можно вести о более широких намерениях, чем просто месть отдельным «обидчикам» (хотя это также сильно мотивировало действия «изменников»).

Вполне заметно, что в ходе восстания ительмены без всякой жалости убивали всех представителей русской стороны. Это, конечно, позволяет говорить о том, что мы имеем дело с обычной у ительменов практикой уничтожения врагов. Но проблема, однако, в том, что их военные традиции предусматривали расправу, и то не всегда, лишь с воинами противника, женщин и детей ительмены, как правило, не убивали, а брали в плен, обращая в рабов, молодых женщин — в наложниц.

В связи с этим убийства восставшими женщин и детей выглядят необычно, особенно, если принять во внимание, что казачьи жены почти поголовно были ительменками и, соответственно, могли иметь родственников даже среди «изменников». Объясняя данный феномен, можно предположить, что членов казачьих, и вообще русских семей, ительмены рассматривали как чужаков, уравнивая их с врагами. Скорее всего, казачьи родственники давали для этого поводы. К данному заключению приводит ряд наблюдений Стеллера. Перечисляя причины ительменских «бунтов», он, в частности, подметил: «Так как казаки всегда хитро поддерживали дружеские отношения с некоторыми продувными ительменами, то через них и через туземных девушек, которых они целыми толпами принуждали к разврату, они всегда заблаговременно узнавали о всех замышлявшихся соседними ительменами враждебных против них действиях и принимали против них соответствующие меры защиты». В примечании он специально пояснил: «Через них (туземных девушек. — А. З.) с самого начала (и до сих пор еще) раскрывались все заговоры,

потому что женщинам свойственно любить больше иноземцев, чем своих земляков» [91, с. 136].

Далее следует еще одно интересное замечание: «Дети казаков, именуемые в этих местах “вашинками”, или молодыми оленьими самками, так как они родились от матерей-ительменов, но державшие сторону отцов своих — казаков, поступали еще хуже казаков, ибо знали язык туземцев и обладали, таким образом, ключом к раскрытию всех местных секретов. Если ительмены начинали жаловаться, то эти дети так переводили их речь, что ительмены всегда оказывался виновным и заслуживал наказания» [91, с. 139].

И, наконец, как резюме, звучит следующая мысль Стеллера: «Казаки со всеми своими семьями сидели у этих бедняков в течение зимы на шее и поедали у них все заготовленные ими припасы, совершенно не соблюдая никакой экономии и опираясь исключительно на ложь и обман, грабеж и воровство» [91, с. 139] (курсив наш. — А. З.).

Стремление восставших к поголовному уничтожению всего русского населения можно понять, обращаясь к наблюдениям Крашенинникова, который писал: «... тамошние народы давно намерение имели искоренить всех российских жителей на Камчатке, чтоб получить *прежнюю вольность*» [60, с. 493] (курсив наш. — А. З.). По его мнению, если бы на помощь не пришла морская партия, «из тех казаков, которые оставались на Камчатке, не осталось бы ни единого человека, но все бы побиты были, или поморены голодом».

Перебив всех русских на полуострове, ительмены планировали перекрыть дорогу на Камчатку из Анадырска, а у всех морских гаваней выставить караулы, чтобы своевременно уничтожать прибывающих морем из Охотска служилых людей [60, с. 494]. Особого внимания заслуживает и сообщение Крашенинникова о том, что, захватив Нижнекамчатский острог, восставшие похвалялись «собак казачьих на Камчатке вывести», а Федор Харчин кричал осаждавшим: «За чем вы пришли? Разве не ведаете, что я комиссаром камчатским? Я буду сам ясак збирать, а вы казаки здесь в земле не надобны» [60, с. 495, 762].

Конечно, можно высказать недоверие этим свидетельствам, полагая, что Крашенинников с подачи своих информаторов-казачков преувеличил степень опасности, исходившую от ительменов, что служило оправданием жестоких карательных мер против них. Однако, как упоминалось выше, помимо казаков он достаточно много общался и с ительменами, в том числе участниками восстания, и, скорее всего, от них и получил сведения о намерениях восставших «собак казачьих на Камчатке вывести». Но еще важнее то, что информация Крашенинникова о планах восставших вполне согласуется с их действиями — уничтожением всех русских, если для этого предоставлялась возможность. Кроме того, массовое убийство ительменов карателями можно

рассматривать как косвенное подтверждение планов «изменников»: казаки, наверняка зная о них, среагировали адекватно, руководствуясь простым принципом «око за око, зуб за зуб».

В целом, есть основания утверждать, что характер восстания был гораздо сложнее, нежели он представлен в официальных, в том числе и следственных, документах того времени, а также в исторических исследованиях. Восстание началось и развивалось не просто как стихийный бунт, бессмысленный и беспощадный, оно имело организацию (в рамках существовавших у ительменов территориальных объединений), а главное осознанную цель — полное уничтожение на Камчатке русских и русской власти. Ф. Харчин, принимая на себя звание «камчатского комиссара», тем самым, по нашему мнению, продемонстрировал упразднение русской власти и переход последней к ительменам. Отсутствие у самих коренных обитателей Камчатки, как указывалось выше, каких-либо стабильных потестарных структур вызвало попытку вождей восстания, уже знакомых с русской властью, использовать ее элементы в своих целях (вспомним также о копировании восставшими в Нижнекамчатском остроге казачьего «стиля» поведения).

Однако и преувеличивать степень организованности ительменов не стоит. О ней, как отмечалось, можно говорить лишь применительно к словеским, ключевским и крестовским «речным» общинам. При этом их объединение строилось по родственному принципу — многие вожди и активные участники восстания были связаны родственными узами: Голгоч и его племянники Харчины, братья Лехтар и Бургач, сыновья последнего — Ивожет, Талач, Карымча и Черемач, шурин Талача — Вакоч, братья Кнуп и Налач, братья Колыч и Гыжур, братья Итатель и Нефед Тенивины, Хобин, его сын Кашея и дети последнего — Селхаруч и Херуч, и т. д.

Остальные территориальные группы (на реках западного и южного побережий полуострова) действовали каждая сама по себе, не имея никакого согласования ни друг с другом, ни с нижнекамчатскими «изменниками». Правда, один из иноземцев, Пока, якобы говорил тойонам Шемкочу, Акабышу и Налачу (с р. Немтик) следующее: «У нас де по всему берегу от Воровской и по Тигилю и по всей Камчатке один заговор, что изменить и судно Фартуну жечь и служилых побить, а порох и свинец и ружье взять, и идти на Большерецкой острог, а по приходе острог жечь и служилых людей прибить и отгутитить на Верхней острог; и желали учинить то ж, что и над Большерецком острогом намерены были учинить» [5, л. 52 об.].

Из этих слов, казалось бы, вырисовывается замысел общеительменского единого восстания. Однако на следствии выяснилось, что ничего подобного не было, и о таких грандиозных планах ительмены вообще не говорили, а появились они благодаря А. Штинникову, который просто приписал их ительменам в своем отчете по итогам карательного похода на западно-кам-

чатские реки летом 1731 г. Напротив, ительменские «речные» общины сохраняли изолированность и даже враждебные отношения друг к другу, о чем ярко свидетельствуют факты как вооруженных столкновений между ними, так и участия ряда тойонов в карательных походах, а также передача некоторыми «лучшими иноземцами» русской стороне информации о движении и планах восставших.

Особо отметим, что, если применительно к нижнекамчатским ительменам (бурин) можно говорить об организации, планах и мотивах, то выступления ительменов на реках Воровская, Белоголовая, Колпакова, Крутогорова, Ича, Облуковина, Хайрюзова, Авача, Жупанова были вызваны известием о взятии Нижнекамчатского острога, поэтому имели спонтанный характер и представляли не столько целенаправленное антирусское восстание (как на р. Камчатка), сколько реализацию предоставившейся, как, видимо, показалось «бунтовщикам», возможности уничтожения ясачных сборщиков и грабежа соседних «враждебных» поселений.

Приговор Розыскной канцелярии, подписанный 28 февраля 1735 г. майорами Мерлиным, Павлуцким и прапорщиком Черепановым, подтвердил предварительный вывод Сената по поводу причин «бунта», возложив главную вину за случившееся на местную камчатскую администрацию [5, л. 43 об.—44 об.]. Позднее, в «ведомости» от 22 октября 1737 г., посланной Миллеру в Якутск, Мерлин констатировал: «В прошлом 731 году июля 20 дня Нижней Камчадальской острог раззорили и сожгли тамошние ясачные иноземцы новокрещен Фетка Харчин с товарищи за обиды и излишние сверх ясака зборы и лихоимственные с них иноземцов себе взятки от бывших во оном Нижнем остроге камисаров Ивана Новгородова Михаила Шехурдина и подъячих их Якима Мухоплева, Ивана Свешникова и толмача Орлика и от ясачных сборщиков и от служилых людей, понеже оные камисар Новгородов и подъячей Мухоплев с товарищи брали у оных иноземцов за чащины и за ясак жен и детей и продавали в вечное холопство...» [2, л. 358].

В этой же ведомости, на которую уже ссылались исследователи [37, с. 84—85; 38, с. 162; 60, с. 498], дается поименное перечисление лиц, подвергшихся наказанию (см. приложение 4). Однако она имеет разночтения с приговорами, составленными в 1735 г., копии которых также были посланы Миллеру (приложения 1, 2, 3).

В первом, упомянутом приговоре от 28 февраля 1735 г. речь шла о наказании служилых людей Ивана Новгородова, Екима Мухоплева и ряда ясачных сборщиков, а также Ф. Харчина, Тадея Иурина и их товарищей — словских, ключевских и камчатских ительменов. Приговор был приведен в исполнение 4—6 марта 1735 г. в Нижнекамчатском остроге [5, л. 43 об.—44 об.].

Второй приговор, вынесенный 30 июня того же года, касался Андрея Штинникова и казаков, «которые были в походах со оным... и со общаго

согласия чинили ясашным иноземцам... раззорение и тиранство», а также «изменников» с западного и южного побережья Камчатки. Дата исполнения не указана, но, видимо, экзекуция состоялась в ближайшие дни после приговора [5, л. 69 об.—70 об.].

Третий приговор, от 14 июля, посвящался солдату А. Змиеву и матросу Агафону Назарову, обвиненных за соучастие в казачьих «тиранствах»; приведен в исполнение 15 июля [5, л. 71]. Из ведомости же 1737 г. можно понять, что все виновные были наказаны одновременно (упоминается дата 10 марта 1735 г.). Кроме того, список виновных в ведомости шире, чем в приговорах, где поименно были указаны не все, многих казаков просто обозначили как «прочих»; возможно, какие-то приговоры не сохранились (или пока не обнаружены).

Исходя из того, что ведомость составлялась Мерлиным уже на основании итогов всего следствия и по результатам исполнения всех приговоров можно полагать, что именно она (а не приговоры) содержит полный список лиц, подвергшихся наказанию. В пользу этого свидетельствует, в частности, следующее обстоятельство: в приговоре 28 февраля 1735 г. в отношении ряда казаков сообщается, что наказание им будет «учинено» после доставки на Камчатку из Якутска бывших камчатских управителя М. Борисова и комиссара М. Петрова, а в ведомости 1737 г. эти казаки, равно как и Борисов с Петровым значатся уже наказанными. Что касается дат исполнения приговоров, то Мерлин, скорее всего, просто не указал их в ведомости, посчитав это несущественным. Упомянутая же дата 10 марта 1735 г. является, видимо, днем окончания экзекуций в Нижнекамчатском остроге.

Исходя из данных ей полномочий (права выносить любой приговор без согласования с вышестоящими инстанциями), Розыскная канцелярия сама определила виновным меры наказания. В соответствии с указом от 9 мая 1733 г. приговоры приводились в исполнение публично в течение 1735 г. Согласно ведомости 1737 г. (которую мы берем за основу) и приговоров 1735 г. (дающих ряд незначительных корректив) наказаны были следующие лица.

В Нижнекамчатском остроге повешен комиссар Иван Новгородов, бит батогами подьячий Федор Сухов, кнутом — комиссары Михаил Шехурдин и Михаил Петров, управитель Михаил Борисов, подьячий Еким Мухоплев, ясачные сборщики из числа казаков — Матвей Новгородов, Петр Чижевской, Гаврила Чудинов, Иван Каташевцов, Василий Конев, Петр Гуторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и казаки Спиридон Перебякин, Федор Кырасов, *Алексей Колмогоров* (здесь и далее курсивом выделены лица, чьи фамилии отсутствуют в приговорах 1735 г.), Петр Сургуцкой, *Яков Лазарев*, Семен Минюхин, *Константин Веретнов*, *Алексей Ярыгин*, Федот Спиридонов, *Степан Власов*, монастырский служка Василий

Нижегородов (скорее всего, он был крещеным ительменом), наказан шпиц-рутенами солдат Александр Змиев.

Из ительменов смертной казни через повешение подверглись Федор Харчин, Тадея Иурин, Чемура Каначев (Чамура Капачев), Черемач Бургачев (Черемыш Быргачев), Никита Родихин, Ор Тавач (по «приговору» казнен в Верхнекамчатске); биты кнутом Афанасей Микулин (Никулин), Оверя Яковлев, Михаил Катканов, Антошка, монастырский служка Савинко, Налач ключевской, Кашея, Налач крестовской, Кана Ваков (Вакива), Хотчерич Эжин, Хомкало (Токкал) Эжин, Ивожет (Ивожит, Иворит) Бургачев, Харуча (Харуга) Огонев, Кунжет (Куйжет), Чемпач словеский, Хобин Харучепов, Талач (Бургачев?), Чегеч (Чагаги), Иворит Имериков, Инжикин (Ынжикин) Хобинов, Валдай (Балдай), Вакоч, Огон, *Налач* (видимо, с р. Жупановая), Анарал, *Чажаск*, *Оманя*, Итатель Тенивин, Урил, Кацая Кнупин (Коцай Купин), *Апхолч*, Селхоруч Кашеин, Харуча (Харуга), Кана Брючин Пылгочев, Тавач Вачкин (Васхин).

В Верхнекамчатском остроге был повешен ясачный сборщик *Михайло Сапожников*, биты кнутом казачий сотник Осип Верхотуров, ясачные сборщики *Артемей Скрабин*, *Андреян Рюмин*, батогами — *Семен Путилов*, *Василей Новограбленой*. Из ительменов повешены Галля с р. Быстрая и Харлапан с р. Колпакова, биты кнутом Отома (Атома) Акетов, Карымча, Отома (Атома) Карымчин, Лышкой, тойон с р. Быстрая Хомлас (Хамлас), тойон с р. Мороченная Вахна (Вапха).

В Большерецком остроге повесили иркутского казачьего пятидесятника Андрея Штинникова (ему помимо жестокого отношения к ительменам, вменили в вину убийство и ограбление в 1729 г. японцев, потерпевших крушение у берегов Камчатки), били кнутом казаков Осипа Соловьева, Матвея Новограбленого, Михаила Лепихина, Федора Лобанова, *Андрея Марамыгина*, *Андрея Рубцова*, *Петра Евлатьева*, *Андрея Воронина*, *Григория Томилова*, *Онофрия Черкашенина*, *Луку Трескина*, *Лариона Вальнкина*, *Григория Келтякина*, *Петра Вальнкина*, *Степана Вахрушева*, *Михаила Коткова*, *Федора Асламова*, *Ивана Лукашевского*, *Савву Усова*, *Василия Посникова*, *Василия Щеголева*, *Семена Вагина*, *Михаила Лепихина меньшого*, *Петра Матвеева*, *Семена Шаранова*, *Афанасия Попова*, *Михаила Лукашевского*, *Семена Суруцкого*, *Петра Чупрова*, *Антонна Хмылевского*. Здесь же повесили «пущего завотчика» новокрещенного Ваську Вахлача (Вахлыча) с р. Авача, били кнутом тойонов с р. Авача Соза Кокомзина и Апауча Шарлаглова.

Согласно приговорам батогами был наказан матрос Агафон Назаров (видимо, в Нижнекамчатске), в Верхнекамчатске повешен руководитель составших харьюзовцев Щербак. Еще двое «изменников», Максимко и Лалот Аюлхин умерли под следствием. В приговоре присужденным к битью кнутом значится казак Иван Баранников, но в ведомости его фамилии нет среди наказанных [2, л. 361 об.—363 об.; 5, л. 43 об.—44 об., 69 об.—71].

По сведениям А. Сгибнева, по приговору Розыскной канцелярии от 17 апреля 1735 г. некоторые из служилых людей подверглись повторному наказанию: А. Скрябин, А. Рюмин и Е. Мухоплев биты кнутом нещадно, В. Новограбленной — батогами нещадно ж, С. Власов — кнутом, П. Матвеев — плетьюми, А. Попов — батогами. Были также наказаны ранее не подвергавшиеся экзекуциям закашик Пашков — батогами (вследствие чего он умер) и целовальник Кирков — кнутом [83, с. 133] (возможно, это не Кирков, а Кырков).

Итого по результатам следствия было повешено трое русских и десять ительменов (да два умерли), подвергнуто телесным наказаниям 63 русских и 44 ительмена. Кроме того, многие казаки были оштрафованы [2, л. 358; 41, с. 98; 60, с. 497—498]. Совершенно от наказания был освобожден Степан Харчин, которому удалось доказать свою непричастность к числу заговорщиков и участие в «бунте» помимо своей воли (несмотря на то, что его брат Федор дал показание, что «пошел с ними волею своею и брат его Стенка Харчин для убивствия служилых людей» [5, л. 10]). Более того, Мерлин считал возможным назначить его вместо Федора ключевским тойоном [74, с. 49]. Нет среди наказанных и Нефед Тенивина.

У всех русских на Камчатке были отобраны и отпущены на свободу холопы из числа ительменов [2, л. 358; 5, л. 99; 41, с. 98; 60, с. 497—498]. Кроме того, в ходе следствия Мерлин конфисковал всю пушнину и прочее имущество, незаконно приобретенные казаками [38, с. 162]. Однако вопреки обещанию правительства вернуть все награбленное пострадавшим ительменам, пушнина была записана в казну [5, л. 98об.]. Последнее наглядно свидетельствует, какой аспект более всего волновал «всемиловейшую» императрицу и ее правительство в отношениях с аборигенами — пополнение государственной казны.

В связи с этим стоит подчеркнуть, что упомянутые выше указы о наведении порядка в ясачном сборе неизменно сопровождались требованиями полного сбора ясака. В частности, уже после подавления восстания ительменов, указом Сибирской губернской канцелярии от 29 июня 1733 г. было велено взыскать с ясачных все недоимки, накопившиеся с 1731 г. [10, с. 181—182]. Собственно и суровое наказание служилых людей последовало по «казенной» причине: из выдвинутых против них обвинений следует, что карали их не столько за издевательство над ительменами, сколько за нанесение материального ущерба государству — ведь обнищание, а тем более сокращение численности ясачноплательщиков в конечном счете отрицательно сказывалось на пополнении казны.

В том же 1735 г. Мерлин выслал в Сибирскую губернскую и Иркутскую провинциальную канцелярии экстракты (изложение) всех следственных материалов (сопроводительное донесение подписано Мерлинным и Павлуцким 21 июля 1735 г.) [18, с. 83—84]. Надо особо отметить, что следствие и его ре-

зультаты делают честь Мерлину и Павлуцкому. Обладая всей полнотой власти на Камчатке, они легко могли бы сами пуститься в «лихоимство» и заняться вымогательством, продолжая уже сложившуюся практику. Им ничто не мешало за взятки смягчить вину если не всех, то многих служилых людей, возложив всю ответственность на «диких» ительменов. Но они этого не сделали.

Сложно судить, насколько оба майора отличались честностью и порядочностью, но, вероятно, те вопиющие отвратительные нравы, которые царили на Камчатке, настолько их потрясли и возмутили, что они решились навести хоть какой-то порядок. Тем более что, вскрывая злоупотребления и наказывая виновных, а, соответственно, четко выполняя правительственные предписания, следователи могли рассчитывать на награды и поощрения (за оперативное проведение «розыска» Мерлин был повышен в чине до подполковника).

Завершив розыск по ительменскому «бунту», Мерлин и Павлуцкий еще несколько лет пробыли на Камчатке, занимаясь наведением порядка в управлении и ясачном сборе, ремонтом и строительством острогов [83, с. 133]. Вероятно, по их указанию все ительмены из Ключевского острожка были переселены вверх по р. Камчатка в будущий Козыревск, а в Ключах позже, около 1740 г. русскими крестьянами — переселенцами с р. Лена — был основан поселок Ключи [42, с. 327; 63, с. 47].

По сведениям Крашенинникова, Павлуцкий внес вклад в развитие на полуострове животноводства: он доставил туда первую партию рогатого скота [60, с. 194]. Под руководством майоров в 1733—1739 гг. возводился новый Нижнекамчатский острог на левом берегу р. Камчатка ниже устья р. Аратуга (Радуга). Их стараниями в 1737 г. в новом остроге была построена Успенская церковь, а в 1739 г. — Успенская же церковь в Большерецком остроге [40, № 1, с. 46, № 2, с. 182, 185; 60, с. 497, 502, 504, 665—666; 65, с. 16; 83, с. 133]. Они также много способствовали крещению ительменов, выступая в роли крестных отцов, и именно поэтому на Камчатке распространились их фамилии [40, № 1, с. 46].

Христианизация же камчатских аборигенов после подавления восстания 1731 г. резко активизировалась. К 1745 г., по официальным данным, на полуострове насчитывалось 6 067 крещенных ительменов и коряков [40, № 1, с. 60; 74, с. 96]. Российская власть к этому времени уже хорошо сознавала, что посредством веры и церкви можно воздействовать на умы и сердца аборигенов. Как точно подметил Стеллер, «ни которая ограда толь крепка, ни который союз толь безопасен, как благочестивый и вязалом веры совокупленный» [74, с. 95].

В 1738 г. Мерлину и Павлуцкому вновь пришлось проводить расследование о притеснениях ительменов, на этот раз камчатским управителем подпоручиком Максимом Латышевым и ясачным сборщиком Аргуновым, которые в 1737 г. были посланы на Камчатку охотским командиром Скорняко-

вым-Писаревым. Латышев и Аргунов в сопровождении 29 казаков разъезжали по полуострову и брали с ительменов взятки и чашины. По приговору Розыской канцелярии они были биты кнутом, а их подручники, служилый Карпов и толмач Агатов, отправлены в каторжные работы в Охотск [83, с. 133, 136].

Данное дело демонстрирует, насколько крепко в сознание камчатской администрации и служилых людей въелось право на произвол и безнаказанность. Его не смогли искоренить ни казни «лихоимцев» в 1735 г., ни угроза «жесточайшего наказания», содержащаяся в наказах управителям и ясачным сборщикам, ни даже присутствие Розыской канцелярии. Любопытно отметить, что еще ранее, в 1733 г., бывший камчатский комиссар И. Эверстов, уезжая с Камчатки, вывез с собой собственной пушнины на сумму 1 000 руб. [83, с. 134] Эта пушнина была «вымучена» им с ительменов в тот момент, когда с большим трудом удалось подавить их восстание, вызванное как раз вымогательствами и поборами.

В августе 1739 г. Мерлин и Павлуцкий со своей командой и всеми следственными материалами отбыли с Камчатки в Охотск и далее в Якутск [18, с. 83—84; 60, с. 497; 83, с. 133]. Розыская канцелярия прекратила свое существование. Но восстание ительменов и деятельность следственной комиссии надолго остались в памяти жителей Камчатки. Еще в середине XIX в. было заметно пепелище сожженной ительменами церкви во имя Святителя Николая Мирликийского Чудотворца [40, № 1, с. 40]. В это же время К. Дитмар в деревне Ключи записал рассказ девяностолетнего крестьянина Удачина, который достаточно точно и «вполне согласно с историческими памятниками» описал ход восстания [42, с. 327—328].

О массовой экзекуции, проведенной Мерлиным, напоминала поговорка, бытовавшая в конце XIX в. среди местного населения: «Как быть тогда не веселу, когда всех нас повесили» [65, с. 16]. О давно минувших событиях и их главном участнике — еловском тойоне Федоре Харчине — до сих пор напоминают названия географических объектов и населенного пункта на Камчатке — поселок Харчино, озеро Харчино, Харчинский вулкан.

ИСТОЧНИКИ

1. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 397.
2. Там же. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7.
3. Там же. № 527. Д. 7.
4. Там же. Д. 12.
5. Там же. Д. 13.
6. Там же. № 528. Ч. 1. Д. 1.
7. Там же. Ч. 2. Д. 4.
8. Там же. Ф. 248. Оп. 12. Кн. 666.

9. Актовые источники по истории России и Сибири XVI—XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Описи копийных книг: в 2 т. Новосибирск: Сиб. хронограф, 1995. Т. 2. 305 с.
10. Акты архивов Якутской области (с 1650 г. до 1800 г.) / Сост. Е. Д. Стрелов. Якутск, 1916. Т. 1. 275, XV с.
11. *Ваксель С.* Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга / Пер. с нем. Ю. И. Бронштейна. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1940. 173 с.
12. Вторая Камчатская экспедиция. Документы. 1730—1733. Ч. 1: Морские отряды. М.: Памятники ист. мысли, 2001. 650 с.
13. *Кирилов И. К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М.: Наука, 1977. 443 с.
14. Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.: Сб. док. Л.: Изд-во ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936. XXX, 280 с.
15. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архив. материалов. Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1935. 210 с.
16. Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1. XXXII, 551 с.
17. Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 9. № 6407. С. 131—132.
18. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1948. 379 с.
19. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в.: Сб. док. М.: Наука, 1984. 319 с.
20. Сборник Русского исторического общества. Юрьев, 1899. Т. 106.
21. Экспедиция Беринга: Сб. док. М.: ГАУ НКВД СССР, 1941. 327 с.
22. *Александров В. А.* «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII века // История СССР. М., 1988. № 3. С. 94—113.
23. *Антропова В. В.* Вопросы военной организации и военного дела у народов крайнего северо-востока Сибири // Сиб. этногр. сб. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Вып. 2. С. 99—245.
24. *Артемова О. Ю.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М.: Вост. литература, 1993. С. 40—70.
25. *Арутюнян Ю. В., Дробижнева Л. М., Сусоколов А. А.* Этносоциология: Учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 1998. 271 с.
26. *Белашов А.* Очерк истории Петропавловской Камчатской епархии. Кн. 1: XVIII век. Посев и всходы. Петропавловск-Камчатский: Изд-во «Скрижали Камчатки», 2003. 246 с.
27. *Белков П. Л.* Вожди и бигмены (о механизме становления вождества) // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Вост. литература, 1995. С. 126—139.
28. *Богораз В. Г.* Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. 1: Образцы народной словесности чукоч (тексты с переводом и пересказы). СПб., 1900. 417 с.
29. *Богораз В. Г.* Чукчи. Ч. 1: Социальная организация. Л.: Изд-во ин-та народов Севера, 1934. 191 с.
30. *Васенко П.* Из истории русского господства на Камчатке // Русское прошлое. Петроград; М.: Изд-во «Петроград», 1923. Т. 3. С. 154—156.

31. *Вахрин С. И.* Предыстория Камчатской епархии // Краевед. зап. / Камчат. обл. краевед. музей. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1993. Вып. 8. С. 162—169.
32. *Вахрин С. И.* Встречь солнцу. Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1996. 350 с.
33. *Вдовин И. С.* Расселение народностей Северо-Востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII вв. // Изв. Всесоюз. геогр. об-ва. 1944. Т. 76. Вып. 5. С. 250—265.
34. *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973. 302 с.
35. *Вдовин И. С.* Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова) // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1975. Вып. 17. Кн. 3. С. 57—66.
36. *Володин А. П.* Ительменский язык. Л.: Наука, 1976. 425 с.
37. *Володин А. П.* Ительмены. СПб.: Просвещение, 1995. 127 с.
38. *Гольденберг Л. А.* Между двумя экспедициями Беринга. Магадан: Кн. изд-во, 1984. 238 с.
39. *Гольденберг Л. А.* Михаил Спиридонович Гвоздев. Начало XVIII — после 1759 г. М.: Наука, 1985. 159 с.
40. *Громов П. В.* Историко-статистическое описание камчатских церквей // Труды Киевской духовной академии. Киев, 1861. Т. 1. № 1. С. 28—72; № 2. С. 138—194.
41. *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966. 275 с.
42. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон Дитмара. Ч. 1: Исторический отчет по путевым дневникам. СПб., 1901. 754 с.
43. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 621 с.
44. *Зибарев В. А.* Юстиция у малых народов Севера (XVII—XIX вв.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1990. 206 с.
45. *Зуев А. С.* Анадырская партия: причины и обстоятельства ее организации // Вопросы социально-политической истории Сибири (XVII—XX века) / Новосибир. гос. ун-т. Новосибирск, 1999. С. 18—39.
46. *Зуев А. С.* Поход Д. И. Павлуцкого на Чукотку в 1731 г. // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII—XX вв.) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. С. 3—38.
47. *Зуев А. С.* Начало деятельности Анадырской партии и русско-корякские отношения в 1730-х годах // Сибирь в XVII—XX веках: Проблемы политической и социальной истории / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. С. 53—82.
48. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 330 с.
49. *Зуев А. С., Миненко Н. А.* Секретные узники сибирских острогов (Очерки истории политической ссылки в Сибири второй четверти XVIII в.). Новосибирск: Наука, 1992. 164 с.
50. *Иванов В. Ф.* Русские письменные источники по истории Якутии XVIII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1991. 212 с.
51. Известие о Камчатской духовной миссии // Сибирский вестник. СПб., 1822. Ч. 17. С. 197—216.
52. *Иохельсон В. И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.

53. История Дальнего СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 470 с.
54. История и культура ительменов: Ист.-этногр. очерки. Л.: Наука, 1990. 207 с.
55. История и культура коряков. СПб.: Наука, 1993. 236 с.
56. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 538 с.
57. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 3. 747 с.
58. *Крадин Н. Н.* Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Вост. лит.-ра, 1995. С. 11—61.
59. *Крадин Н. Н.* Политическая антропология: Учеб. пособие. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 2001. 213 с.
60. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. 841 с.
61. *Крылов В.* Материалы для истории камчатских церквей. Казань, 1909. 84 с.
62. *Куббель Л. Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 269 с.
63. *Кусков В. П.* Краткий топонимический словарь Камчатской области (Из истории происхождения географических названий). Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1967. 127 с.
64. *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века). Ист.-этногр. материалы о народах Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
65. *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели // Зап. Приамур. отд. Имп. Рус. геогр. об-ва. Хабаровск, 1899. Т. 5. Вып. 1. С. 1—141.
66. *Матюнин Н.* О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871. СПб., 1877. 3-е изд. С. 138—184.
67. Народы Дальнего Востока СССР в XVII—XX вв.: Ист.-этногр. очерки. М.: Наука, 1985. 239 с.
68. *Непомнящая М. М.* Методы управления аборигенным населением Камчатки в 17—18 веках и их последствия // Культурно-ист. развитие народов Камчатки: докл. междунар. науч.-практ. конф. / Камчат. гос. пед. ин-т. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 66—68.
69. *Никитин Н. И.* О традициях казачьего и общинного самоуправления в России XVII в. // Изв. СО РАН. Сер.: История, филология и философия. 1992. Вып. 3. С. 3—8.
70. *Огородников В. И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI—XVIII вв. // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркутск. ун-та. Иркутск, 1921. С. 69—113.
71. *Огрызко И. И.* Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII в. // Вопр. истории Сибири (Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та, т. 222). Л., 1961. С. 171—208.
72. *Огрызко И. И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII — начало XX веков). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 192 с.

73. *Октябрьская И. В.* Сравнительный анализ традиционных картин мира Севера и Юга // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 68—77.
74. *Окунь С. Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.: Соцэкгиз, 1935. 151 с.
75. *Орлова Е. П.* Ительмены: Ист.-этногр. очерк. СПб.: Наука, 1999. 168 с.
76. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 1032 с.
77. *Пушкин А. С.* Заметки о Камчатке // Полн. собр. соч. М.: Воскресенье, 1995. Т. 10. С. 289—308.
78. *Рощина Н. А.* Хозяйство и общественный строй ительменов в первой половине XVIII века // Учен. записки Кемеровского гос. пед. ин-та. Кемерово, 1956. Вып. 1. С. 50—82.
79. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 258 с.
80. *Сафронов Ф. Г.* Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск: Кн. изд-во, 1988. 192 с.
81. Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.: Наука, 1986. 227 с.
82. *Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сб. СПб., 1869. Т. 105. № 11. Неофиц. отдел. С. 1—92.
83. *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сб. СПб., 1869. Т. 101. № 4. С. 5—142.
84. *Сенявская Е. С.* Человек на войне. Ист.-психолог. очерки / Ин-т Рос. истории РАН. М., 1997. 231 с.
85. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки (дореволюционный период): Учеб.-метод. пособие / Камчат. гос. пед. ин-т. Петропавловск-Камчатский: Дальневост. кн. изд-во, 1992. 190 с.
86. *Скальник П.* Понятие «политическая система» в западной социальной антропологии // Сов. этнография. 1991. № 2.
87. *Словацков П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск: Вен-Мер, 1995. 675 с.
88. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: Естеств.-ист. описание. СПб., 1900. Т. 1. 689 с.; Т. 2. 793 с.
89. *Стебницкий С. Н.* Очерки по языку и фольклору коряков / РАН. Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера). СПб., 1994. 294 с.
90. *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку (Von Kamtschatka nach Amerika). Быт и нравы камчадалов в XVII в. Л.: Изд-во П. П. Сойкина, 1928. 109 с. (на титуле ошибочно указан XVII в., надо XVIII в.)
91. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчат. печат. двор, 1999. 287 с.
92. *Степанов Н. Н. С. П.* Крашенинников как историк Камчатки // Советский север. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939. С. 85—116.
93. *Степанов Н. Н.* Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» // Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. С приложением ра-

портов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949. С. 13—84.

94. *Федоров М. М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI — начало XIX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1978. 207 с.

95. *Хотинец В. Ю.* Этническое самосознание. СПб.: Алетейя, 2000. 235 с.

96. *Ширяев С. Т.* Начало христианизации народов Камчатки // Культ.-ист. развитие народов Камчатки: Докл. междунар. науч.-практ. конф. / Камчат. гос. пед. ин-т. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 68—70.

97. *Ширяев С. Т.* Начало распространения христианства на Камчатке // Из истории народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Изд-во Камчат. гос. пед. ин-та, 2000. С. 26—35.

98. *Шнирельман В. А.* У истоков войны и мира // Война и мир в ранней истории человечества: В 2 т. / Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 1994. Т. 1. 176 с.

99. *Шеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут: Северный дом, 1993. 463 с.

100. *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука, 1990. 247 с.

101. Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982. 269 с.

102. *Forsyth J. A.* History of the Peoples of the Siberia: Russia's North Asian Colony. 1581—1990. Cambridge, N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1992.

103. *Lantzeff G. V., Pierce R.* Eastward to Empire. Exploration and Conquest on the Russian Open Frontier, to 1750. Montreal & L.: McGill-Queen's University Press, 1973.

104. *Okhotina Lind N., Muller P. U.* Kommandren og konen. Arkivfund om danske deltagere i Vitus Berings ekspeditioner. Kobenhavn: Gyldendal, 1997.

105. *Semenov Y.* Sibirien: Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten. Olten, Stuttgart, Salzburg: Fackelverlag, 1964.

106. *Slezkine Y.* Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca & L.: Cornell Univ. Press, 1994.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ПРИГОВОР ПОХОДНОЙ РОЗЫСКНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

от 28 февраля 1735 г.

1735 году февраля 28 дня по указу Ея И. В. в Нижнем Камчадалском остроге штап и обор афицеры господа маэоры Василей Мерлин, Дмитрий Павлуцкой с товарищи, слушав вышеписанного следственного дела и розыску, приговорили бунтовщиков, завотчиков и злоумышленников в измене и в созрении Нижняго Камчадалского острогу и святой церкви и двора государева и казенных анбаров и служилых людей дворов и в побитии служилых же людей и в побрании жен и детей их в полон и в наглom наругателстве Фетку Харчина, Тадея Иурина казнить смертию для того — оные Харчин, Иурин в измену и в злой умысел вступили самохотно и с собой ясапных иноземцов призывали в измену ласкою, а других и в неволлю брали, а которые в измену с ними не пошли, тех побивали, а жен и детей их в полон брали, и на усть

Крестовки и на усть Еловки реках служилых людей побили и острог раззорили и сожгли; Еловки реки Чамуру Каначева, Черемыша Быргачева — в измене ж и в побитии Чамурой зборщика Бологова и во отрублении у него рук и в тыкание на колье, Черемышем в убивстве ж на Шанталском озере казачья сына да новокрещеной девки; Никитку Родихина — в измене ж и в созжении ж в Шанталах у служилых дворов и балаганов и в убивстве вотчима своего служилого Василия Чюпрова казнить смертию ж; и зятя ево Никиткина Антошку и протчих иноземцов, кои были с вышепоказанными изменники с Феткой Харчиным с товарищци, а имянно ключевского Налачев, новокрещенных Офоньку Никулина, Мишку, Оверку, Савинка, иноземцов же Харугу Огонева, малой Еловки Чемпача, Чегагу Инжикина, Валдая, Огоня, Урилу, Тавачю Вачкину, Анаралу, Итателю Тенивину, Кане Брючину Пылыгичеву, Кацаю Купину, Селхаручу, Харуге, Кашее, Кане Вакове, Хотчеричу да брату ево Токкалу, Иворету Имерикову, ключевскому Кунжету да Хобину, Камчатки реки Талачю да брату ево Ивожиту да шурина Вакою, которые и подлежали и по следствию и по розыску все смертной казни, но однако ж по присланным Ея И. В. указом велено пущих заворотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить (на полях неразборчивая сноска. — А. 3.) и учинить им наказание — бить на площади кнутом нещадно и отдать на чистья поруки с росписками, чтоб впредь на них смотря другим так делать было неповадно. Бывшаго камчадалских острогов камисара Ивана Новгородова казнить смертию для того — будучи он в камчадалских острогах при зборе ясаку, чинил ясашным иноземцам всякия обиды и разорения, а имянно: посылал от себя на разныя реки за ясашным збором подъячего Екима Мухоплева да брата своего Матфея Новгородова и служилых людей, которым приказывал брать с ясашным иноземцов лихоимством своим себе сверх ясаку в чащины по три и по четыре места с каждого человека соболми и лисицами, а у которых иноземцов соболей и лисиц нет, у тех брать жен и детей и последние их паркы и куклянки, и из тех чащин бить багожьем и на правеже. И те собранные чащины он, Новгородов, зборщиком приказывал печатать и привозить к себе. И сам он, Новгородов, собрал сверх ясаку в чащины пять сороков соболей. Он же, Новгородов, по Камчатке и по Еловке рекам посылал служилых и велел с иноземцов брать на свою потребу траву слаткую, кипрей, сарану, ушканы и от рыб голцы, и привозили оное к нему иноземцы на своем коште в Нижней острог. Он же, Новгородов, брату своему Матфею и подъячему Мухоплеву и служилым людем о лихоимственных взятках чинил запрещение, что которые взятки они брали с иноземцов и о том бы в роспросех своих подлинно не объявляли, и оное запрещение чинил, укрывая свое воровство и тиранство, о чем он, Новгородов, и в подлинных своих роспросех и с пытки винился. И подъячего Екима Мухоплева, зборщиков Матфея Новгородова, Евдокима Колегова, Ивана Калашникова, Василия Конева, Алексея Воробьева, да монастырского слущку Василия Нижегородова, которые в бытность камисара Новгородова в 730-м году были за ясашным збором и чинили иноземцам по ево, Новгородову, приказу великое раззорение и обиды, сверх ясаку збирали в чащины по три и по четыре места соболями и лисицами и отдавали ему ж Новгородову, за что по следствию и по розыску подлежали б все смертной казни, но однако ж оные чинили по приказу камисарскому, а не сами собою, и за то им учинить наказание — бить кнутом нещадно. А камисара ж Михаила Шехурдина от смертной казни свобо-

дить для того — оной камисар в бытность свою в Нижнем Камчадалском остроге посылал зборщиков служилых людей в разные волости для ясашого збору и приказывал сверх ясаку в чашины по три и по четыре места збирать против прежнего камисара Ивана Новгородова и сам брал себе таких чащин три сорока соболей и лисиц с камчадалских ясашных иноземцов, которые ясак платили при остроге сами собою, також гуси и утки и ушканы, рыбу голцы збирать велел же, — и в том он, Шехурдин, с розыску и с пытки во всем винился. И за показанные ево Шехурдина к ясашным иноземцам раззорения по силе имянных же Ея И. В. указов учинить наказание — вместо смерти бить кнутом нещадно и дать сто ударов без спуску. И взятые оным камисаром Шехурдиным собранные им и приносные от зборщиков чашины на нем камисаре доправить, а ежели взять на нем нечего, то доправить на выборных, которые оного камисара Шехурдина в Якуцку выбрали на Камчатку камисаром. А бытности оного камисара Шехурдина зборщикам Петру Гуторову, за подъячих Федоту Спиридонову, Семену Минюхину, толмачем Спиридону ПЕРЕБЯКИНУ, Федору Кырасову, Петру Сургуцкому учинить наказание ж — бить кнутом нещадно ж, для того — вышепоказанные подъячие и зборщики и толмачи в бытность показанных камисаров ездили за ясашным збором и брали сверх ясаку в чашины по три и по четыре места, и, привозя, отдавали камисаром, и в тех собранных чащинах ясашным иноземцам чинили раззорение и обиды. А бытности ж 729 году камисара Михаила Петрова, которой ныне в Якуцку, подъячему Федору Сухому и зборщиком Петру Чижевскому, Гаврилу Чюдинову, Ивану Каташевцову, и бытности ж 732 году управителя Михаила Борисова зборщиком Ивану Баранникову, толмачю Петру Сургуцкому до прибытия показанных камисара Петрова и управителя Борисова наказание не чинить, но токмо взятые как ими, так и протчими зборщики и толмачи сверх ясаку чашины, с кого сколько надлежит по реэстру, доправя, отдать в казну Ея И. В., а взятых у ясашных иноземцов служилыми людьми жен их и детей, которые живут у служилых людей, тех всех, взяв, отдать тем иноземцам, у кого оные взяты, по прежнему.

На подлинном приговоре пишет тако
прапорщик *Черепанов,*
мазор *Дмитрей Павлуцкой,*
мазор *Мерлин*

Марта 4 дня 734 году против вышеозначенного определения в Нижнем Камчадалском остроге вышеозначенные воры и изменники Фетка Харчин с товарищи и камисар Иван Новгородов казнены смертию повешены.

Того ж числа камисар Михайло Шехурдин и подъячий Еким Мухоплев вместо смерти под веселицею на козле биты кнутом, и дано им, Шехурдину сто ударов, а Мухоплеву пятьдесят ударов.

Марта 5 дня изменникам Налачю ключевскому с товарищи учинено наказание вместо смерти биты на площади кнутом.

Марта 6 числа ясашныя зборщики и подъячия и толмачи Матфей Новгородов с товарищи на площади биты кнутом, а Петру Гуторову, Алексею Ярыгину учинено наказание вместо кнута биты батожем.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 43 об.—44 об.

2. ПРИГОВОР ПОХОДНОЙ РОЗЫСКНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ от 30 июня 1735 г.

1735 году июня 30 дня по указу Ея И. В. в Большерецком остроге штап афицеры господа мазоры Василей Мерлин, Дмитрий Павлуцкой, слушав подлинного дела и учиненного экстракта, и допросных и пыточных речей, и очных ставок пятидесятника Андрея Штинникова и служилых людей Осипа Соловьева с товарищи, приказали нижеследующее: (1) пятидесятника Андрея Штинникова казнить смертию для того — в 732 году, будучи он в походах от Воровской и до Белоголовой и на Аваче реках, многих ясашных иноземцов служилым людям приказал колоть безвинно и без противности их, а иных иноземцов вызывал из юрты, которья выходя принося в казну Ея И. В. ясак, а жен их и детей и пожитки брал и со служилыми людьми разделил, и давал служилым людям за своего рукою владетельныя писма. А с роспросов и с пыток и с очных ставок он, Штинников, и служилыя люди в вышепоказанном иноземцов колотье во всем принесли повинную, а показанное иноземцов тиранство и разорение чинили и то де для своих прибытков, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Да он же Штинников, будучи в Курильской земле у збору ясаку, ясашного иноземца одного без всякой же противности сколоть приказал, которого и скололи. Да он же, Штинников, в 729 году, будучи в Курильской земле, без указу самовольно Авачи реки иноземцам тоену Созе Кокомнину с товарищи иностранных апонских иноземцов без всякой их противности пятнатцать человек велел на море побить, а пожитки, которья у них были, взял он, Штинников, к себе.

А служилым людям, которые были в походах со оным петидесятником Андреем Штинниковым и со общаго согласия чинили ясашным иноземцам вышеозначенное ж разорение и тиранство для своих же корыстей, чтоб женами и детьми владеть у себя в холопстве, а имянно Осипа Соловьева вместо смерти на площади бить кнутом и дать сто ударов и, вода по острогу, бить кнутом же нещадно, а протчим служилым учинить наказание — бить на площади кнутом нещадно ж, а имянно за писаря Матфея Новограбленного, ясаула Михаила Лепихина, толмача Федора Лобанова и протчих, кои были в показанном походе, которым надлежало учинить по правам смертную ж казнь, но однако ж по указом Ея И. В. велено на страх пущих раззорителей и завотчиков казнить смертию, а протчих от смертной казни свободить, чего ради служилых Соловьева с товарищи от смертной казни и свободить, а вместо смерти наказание учинить. А взятыя ими, служилыми людьми, от иноземцов в раззоренных острогах жен их и детей, взяв, распустить на прежние жилища, а мужеск пол, которья в ясашной оклад не написаны, тех определить в ясашной оклад, а которья платят подушные денги, тем платить подушные денги самим собою. А для определения в ясашной оклад в Болшерецку в Приказную избу послать с реэстром Ея И. В. указ, а иноземческие пожитки, которые служилые люди после полонных иноземцов, взяв, разделили по себе, на ком что по следствию подлежит, доправить в казну Ея И. В. Якуцкого сотника Осипа Верхотурова, которой, будучи в 731-м году в Верхнем Камчадалском остроге закащиком, посылал на Авачу реку служилого Михаила Калашникова для збору с иноземцов юколы и сараны и слаткой травы и кипрею и для высылки с ясашным платежем ясашных иноземцов, с которых он, Верхотуров, сверх ясаку соболями и лисицами себе и подъячему брал по два соболя с человека, а с нижепоказанного Васки Вахлыча взял он, Верхотуров, пуд травы

сладкой, полпуда сараны, кипрею пуд, да кошлака, и, будучи на Аваче ж реке для збору юколы, с него ж, Вахлыч, три бобра, а в роспросе во оных лихоимственных взятках принес повинную. От которых ево взятков и излишних зборов авачинския иноземцы Васка Вахлыч с товарищи в злой умысел и в бзымену вступили, за что было оной Верхотуров подлежал смертной казни, но однако ж по милостивому Ея И. В. указом от смертной казни и свободить, а учинить ему наказание — бить кнутом на площади нещадно и дать сто ударов, дабы закащики и зборщики, смотря на то, впредь так чинить не дерзали. А лихоимственныя взятки, которые он, Верхотуров с показанных Вахлыча с товарищи брал, со оного Верхотурова в казну Ея И. В. доправить. Воров и изменников ясашных иноземцов в бзымене и в побитии служилых людей казнить смертию, а имянно Канпаковой реки Кугуву, он же и Харлапан, которой в Конпаковском остроге ночью из юрты выдернул лесницу и в той юрте сожек служилого Дмитрея Попова да служилого Панютина жену з детьми, двух служилых холопей, да служилого ж человека дочь, роздев донага, застрелил, Харьюзовой реки Ор Тавач — в созжении с Феткой Харчиным церкви и государева двора и служилых двух дворов, а в убивстве на Белоголовой с харьюзовскими изменники ж служилых трех человек на Иче реке и в разорении Ичинского острогу, той же Харьюзовой реки тоена Щербака — в бзымене ж з братом своим Максимком, в побитии на Белоголовой служилых Василья Портнова, Карпа Бекирева, и в сожении и в разорении Ичинского иноземческого острогу, и в побитии жен их и детей, Быстрой реки Галлю — в побитии ж на Белоголовой реке служилого Кирила Золотавина, Авачи реки новокрещеного тоена Васку Вахлыча — в бзымене с авачинскими иноземцами и на той реке в убивстве сына боярского Назара Колесова, служилых четырех человек, да бобровских иноземцов двух тоенов и во взятые у них ясаку дватцать бобров да пяти лисиц красных. Изменников ж иноземцов, которые были в бзымене исподневоли вышепоказанных Щербака и Харлапана с товарищи, а имянно Конпаковой реки Отома Акетов, Карым Чульышкоя, Отома Карымчина, Быстрой реки тоена Хамласа, Морошешной реки Вахну бить на площади ж кнутом нещадно, чтоб на то смотря другим так делать было неповадно.

На подлинном приговоре пишет тако
мазор *Дмитрей Павлуцкой*,
мазор *Мерлин*

По вышеозначенной сектенции эксекуция учинена: Андрей Штинников, новокрещеной Васка Вахлыч в Большерецку, изменники некрещеные Харлапан, Ортавач, Щербак, Галля в Верхнем остроге казнены смертию повешаны, а служилые люди биты на площади кнутом и дано по петидесяти, [сот]нику Верхотурову и служилому Соловьеву по сту ударов, а протчим служилым по петидесят ударов.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 69 об.—70 об.

3. ПРИГОВОР ПОХОДНОЙ РОЗЫСКНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

от 14 июля 1735 г.

1735 году июля 14 дня по указу Ея И. В. в Большерецку штап афицеры господа мазоры Василей Мерлин, Дмитрей Павлуцкой, слушав от партии салдата Александра Змиева и служилых людей роспросных речей и учиненного экстракта, приказали

означенному Змиеву учинить наказание — бить на публичном месте батоги нещадно для того — в 732 году, будучи он, Змиев, в походе с петидесятником Штинниковым и со служилыми людьми, изменников ясашных иноземцов на Аваче реке, ис которых, сидя морской губы на отпрядыше в осаде семь дней, выезжали к ним с острога в байдарах после измены с покорностию сами собою, и тех, взяв, прикололи одиннацать человек, а достальных сорок два человека оставили. А жен их иноземческих и детей и пожитки он, Змиев, брал обще с петидесятником со Штинниковым и со служилыми людьми, делили и давали на них служилым людям за своею рукою без указа владетельныя писма, и показанное тиранство чинили для своей корысти, чтоб жен их и детей охолопить вечно. Того ради ему, Змиеву, и наказание учинить надлежит, а служилых, кои были при нем Змиеве и при пятидесятнике Штинникове на Аваче реке, и тех от наказания свободить для того, что те служилые были в каманде у него, Змиева, и оное тиранство чинили по ево, Змиева, велению. Да вышепоказанной же салдат Змиев в Авачинской губе за хребет посылал в подсмолт для изменников матроза Агафона Назарова со служилыми людьми с тремя человеки, и оной матроз, будучи в подсмолте, у иноземцов Алгина и Кашея взяли самовольно четыре девки да парня, и тех девок разделили со служилыми людьми, а парня взял он, Змиев, чего было оному матрозу и делать не подлежало, и за то оному матрозу Назарову учинить наказание — бить батоги нещадно, чтоб впредь другим так делать было неповадно. А взятых им, Змиевым, на Аваче реке иноземческих жен и детей, которые разделены со служилыми людьми, у всех служилых людей ис холопства свободить и распустить на прежние их жилища, а мужеск пол, которые в ясашной платеж отосласть Большерецкого острогу в приказную избу при указе Ея И. В., а иноземческие ж пожитки и мяхкую рухлядь, которые означенной Змиев со служилыми разделил, как на нем, Змиеве, так и на служилых людех, на ком что по следствию надлежит, доправить в казну Ея И. В.

На подлинном приговоре пишет тако
маэор *Павлуцкой*,
маэор *Мерлин*

По вышепоказанной сентенции салдату Змиеву и матрозу Назарову наказание учинено — биты батоги нещадно июля 15 дня 1735 году.

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 13. Л. 71.

АССЕРТ 7 October 1739

ВЕДОМОСТЬ,

сочиненная по силе присланной промемории из Якуцка Академии наук от господина профессора Фридриха Миллера, полученной в Большерецку октября 22 дня 1737 году
(получено Г. Ф. Миллером 7 октября 1739 г.)

В прошлом 731 году июля 20 дня Нижней Камчадальской острог раззорили и сожгли тамошние ясашные иноземцы новокрещен Фетка Харчин с товарищи за обиды и излишние сверх ясака зборы и лихоимственные с них, иноземцов, себе взятки от бывших во оном Нижнем остроге камисаров Ивана Новгородова, Михаила Шехурдина и подъячих их Якима Мухоплева, Ивана Свешникова и толмача

Орлика, и от ясашных зборщиков, и от служилых людей, понеже оные камисар Новгородов и подьячей Мухоплев с товарыщи брали у оных иноземцов за чащины и за ясак жен и детей и продавали в вечное холопство, которые проданные ими иноземческие жены и дети по следствии и по розыске из холопства освобождены и распущены на прежние их жилища.

А сколько казне Ея И. В., партикулярным людям учинились убытку, о том у нас при следственных и розыскных делах никакого известия не имеетца.

А сего 738 году февраля 27 дня Нижнего Камчадальского острогу из приказной избы к нам ведением объявлено: сколько де от разорения Нижнего Камчадальского острогу казне Ея И. В. и партикулярным людям учинилось какого убытку, о том по разорении оного острога никакого писменного виду в приказной избе не явилось.

Когда оной Нижней Камчадальской острог изменники ясашные иноземцы раззорили и выжгли, и в то время в остроге и по разным летным жилищам на рыбных промыслах побито изменниками иноземцами служилых русских людей мужеска полу больших и малых пятьдесят пять человек, женска полу больших же и малых тридцать один человек, да после того на приступе у острогу побито ж партии служилых три человека, да на Еловке реке укинских ясашных зборщиков два человека.

При взятъе оного разоренного острогу от изменников иноземцов служилыми людьми возвратно: которые изменники иноземцы выходили из острогу и тех иноземцов прикололо служилыми людьми тридцать три человека, да в остроге згорели четыре человека, да которые иноземцы во время осады бежали из острогу и тех иноземцов побито служилыми людьми по разным местам и на приступе у острогу мужеска полу тридцать два человека, да женска полу два человека, а более того иноземческих женска полу не погибло, понеже служилые люди иноземческих жен и детей по взятъе разоренного острогу возвратно женск пол брали и делили по себе в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства освобождены и распущены на прежние их жилища.

Да во оном же 731-м году октября 15 дня присудствия Верхнего Камчадальского острогу Жупановой реки лутчей ясашной иноземец тоен Чороч Верхнего острогу в приказную избу доношением объявил: на устье де Жупановой реки лутчей ясашной иноземец тоен Начика с родниками своими изменил и не хотят де платить в казну Ея И. В. ясаку.

И для умирения оных иноземцов и призыву в ясашной платеж послан был на Жупанову реку из Верхнего острогу от бывшаго закащика Василья Пашкова служилой Михайло Сапожников со служилыми людьми.

И оной Сапожников вышеозначенных жупановских иноземцов прибил и переколол девять человек без противности их для своих корыстей, чтоб жен их и детей побрать себе в холопство, о чем он, Сапожников, с розыску показал сам, да два человека бросились в море сами собою, да удавились четыре человека сами ж собою, а жен их и детей сорок человек взял оной же Сапожников со служилыми людьми, разделил в холопство, которые по следствии от служилых людей из холопства освобождены и распущены на прежние ж их жилища. Да оной же Сапожников после того в 732-м году, будучи на Жупановой реке за ясашным збором, застегал багожьем до смерти Жупановой реки тоена Огона.

Во оном же 731-м году присудствия Большерецкого острогу Авачи реки ясашные иноземцы новокрещен Васька Вахлыч с товарыщи изменили и сына боярского

Назара Колесова, служилых Ивана Богомолова, Ивана Украинцова, Михайла Дружинина, Алексея Черных, Михайла Шипунова убили, да з Боброваго моря ясашных иноземцов дву тоенов призывали с собою в ызмену, и оные тоены с ними в ызмену не пошли, и за то их помянутые Вахлыч с товарищи убили ж.

И для умирения оных изменников на Авачю реку посланы были пятидесятник Андрей Штинников да от партии салдат Александр Змиев со служилыми людьми.

И оные Штинников и Змиев с товарищи на Аваче реке ясашных иноземцов прибили и связанных прикололи без противности их восемьдесят девять человек для своих прибытков, чтоб взять в холопство жен их и детей, о чем они, Штинников с товарищи, с розыску сами показали, а жен их и детей мужеска и женска полу сто пятьдесят человек взяв, разделили по себе в холопство, которые по следствию от служилых людей из холопства свободены и распущены на прежние ж их жилища.

Во оном же 731-м году присутствия Верхнего Камчадальского острогу Харьюзовой и Белоголовой рек ясашные иноземцы Максимко да Щербак с товарищи изменили и на Белоголовой реке трех человек служилых людей Кирила Золотавина, Василья Портново, Карпа Бекирева убили, да на Сопошную реку приходили и на оной Сопошной реке иноземческого парня убили, а у протчих иноземцов жен и детей всего семь человек, таж и пожитки их иноземческие и платья взяв, разделили по себе, да на Иче реке ясашных же иноземцов десять человек убили, а жен их и детей и пожитки взяв, разделили по себе.

Колпаковой реки ясашной же иноземец Харлапан пошным временем из юрты лесницу вывернул и в той юрте сожек служилого человека Дмитрея Попова, да казачьих детей Андрея Ховкина, Ивана Туманова, да служилого Ивана Панютина жену з двумя дочерьми.

И на оных изменников для умирения и призыву в ясашной платеж по прежнему послан был из Большерецка вышеозначенной же пятидесятник Андрей Штинников со служилыми людьми.

И оной Штинников с товарищи, будучи во оном походе от Воровской до Белоголовой реки, ясашных иноземцов на разных реках, а имянно на Воровской Колпаковой, Крутогоровой, на Сопошной, на Морошечной и на Белоголовой без противности их прибили и связанных прикололи сто десять человек для своих прибытков, чтоб взять в холопство жен их и детей, о чем они, Штинников с товарищи, с розыску сами показали, а жен их и детей мужеска и женска полу взяв, разделили по себе в холопство, которые по следствию от служилых людей из холопства свободены и распущены на прежние ж их жилища. А Харьюзовой реки изменники Максимко да Щербак с товарищи против одного Штинникова вышли и стрелялись с ними, и оной Штинников со служилыми людьми и возвратился от них в Большерецк. И до прибытия нашего на Камчатку оные харьюзовские изменники Максимко да Щербак с товарищи были в ызмене, а по прибытии нашем на Камчатку на Харьюзову реку посланы были от нас капрал с салдаты, и оных харьюзовских изменников главных заводчиков Максимко да Щербака с товарищи взяв, привезли к розыску, а взятых ими у сопошных и ичинских ясашных иноземцов жен и детей у них Максимка и Щербака с товарищи всех отобрал и отдал ичинских ичинским, а сопошных сопошным иноземцам возвратно. И оные изменники Максимко да Щербак с товарищи розыскиваны, а по розыске Щербак повешен, а Максимко под караулом до учинения экссекуции умер, а другие изменники биты кнутом.

А по следствии и по розыске казнены смертию повешены в Нижнем Камчадальском остроге марта 10 дня 1735 году камисар Иван Новогородов, казачей сын Никитка Родихин, учинено телесное наказание вместо смерти биты кнутом в Нижнем остроге камисары Михайло Шехурдин, Михайло Петров, управитель Михайло Борисов, подьячей Яким Мухоплев, ясашные зборщики Матфей Новогородов, Петр Чижевской, Гаврило Чудинов, Иван Каташевцов, Василий Конев, Петр Гуторов, Иван Калашников, Евдоким Колегов, Алексей Воробьев, толмачи и служилые люди Спиридон Перебьякин, Федор Кырасов, Алексей Колмогоров, Петр Сургуцкой, Василий Нижегородов, Яков Лазарев, Семен Минюхин, Костентин Веретнов, Алексей Ярыгин, Федот Спиридонов, Степан Власов, салдаг Александр Змиев гоняя спицрутен, подьячей Федор Сухов вместо кнута бит батожем.

Изменники пущие заворотчики ясашные иноземцы казнены смертию повешены в Нижнем остроге новокрещен Фетка Харчин, некрещеные Тадья Иурин, Чамура Каначев, Черемач Быргачев, Ор Тавач.

Изменникам же ясашным иноземцам учинено телесное наказание биты кнутом новокрещеные Афонасей Никулин, Оверя Яковлев, Михайло Катканов, Антошка, монастырской слушка Савинко, некрещеные Налач ключевской, Кашея, Налач крестовской, Вакива, Хотчерич, Хомкало, Иворит, Харуга, Куйжет, еловской Чемпач, Хобин, Талач, Чагаги, Иворит, Инжикин, Балдай, Вакоч, Огон, Налач, Анарал, Ча-жак, Оманя, Итатель, Урил, Коцай, Апхолч, Селхоруч, Харуга, Кана, Тавач.

Да изменников же Еловки реки Лапот Аюлхин в Нижнем Камчадальском остроге до учинения наказания под караулом умер.

В Верхнем Камчадальском остроге казнен смертию повешен ясашной зборщик Михайло Сапожников. Учинено телесное наказание биты кнутом якуцкой сотник казачей Осип Верхотуров, ясашные зборщики Артемей Скрыбин, Андреян Рюмин, вместо кнута биты батожем Семен Путилов, Василий Новограбленой.

Ясашные иноземцы изменники пущие заворотчики казнены смертию повешаны в Верхнем же остроге Быстрой реки Галля, Колпаковой реки Харлапан.

Учинено телесное наказание изменникам же ясашным иноземцам биты кнутом Отома Акетов, Карымча, Отома Карымчин, Лышкой, Быстрой реки тоен Хомлас, Морошечной реки тоен же Вапха.

В Большерецком остроге казнен смертию повешен иркуцкой пятидесятник Андрей Штинников.

Учинено телесное наказание биты кнутом служилые люди: Осип Соловьев, Матфей Новограбленой, Михайло Лепихин, Федор Лобанов, Андрей Марамыгин, Андрей Рубцов, Петр Евлатьев, Андрей Воронин, Григорей Томилов, Онофрий Черкашенин, Лука Трескин, Ларион Вальнкин, Григорей Келтякин, Петр Вальнкин, Степан Вахрушев, Михайло Котков, Федор Асламов, Иван Лукашевской, Сава Усов, Василий Посников, Василий Щеголев, Семен Вагин, Михайло Лепихин меньшей, Петр Матфеев, Семен Шарапов, Афонасей Попов, Михайло Лукашевской, Семен Сургуцкой, Петр Чупров, Антон Хмылевской.

В Большерецком же остроге казнен смертию повешен Авачи реки изменник пущей заворотчик новокрещен Васька Вахлыч.

Учинено телесное наказание изменникам же ясашным иноземцам биты кнутом Авачи реки тоен Соза Кокмзин, авачинской же Апауч Шараглазов.

А Нижней Камчадальской острог до разорения был полисад стоячей, да одна башня, а в нем казенного строения приказная изба, два анбара, да за острогом государев двор, при нем анбар, да другой анбар на отставке.

Да у оног же острогу было церковного строения вначале церковь во имя Николая Чюдотворца, при церкви колокольня, два анбара.

Да пониже острогу на Ключах было расстоянием от острогу две версты пятисотных монастырского строения часовня всемилостиваго Спаса, две избы хлебные, изба черная, пять анбаров, баня. Да по скаске вкладчика Ивана Качивона погромлено монастырской казны двести пятьдесят лисиц красных, семь сороков соболей, одиннадцать бобров. А оное монастырское строение было вниз едучи на правой стороне Камчатки реки.

Обывательских домов было около острогу сорок шесть дворов.

Да повыше острогу на усть Еловки расстоянием от острогу семь верст обывательских же дватцать дворов.

А нынешней новой Нижней Камчадальской острог построен в Шанталах вниз едучи по левую сторону реки Камчатки против устья Шанталской речки пониже устья Аратуги реки, расстоянием от моря от устья реки Камчатки тридцать семь верст пятисотных, а до прежняго разоренного от нынешняго вновь построенного острогу расстояния семдесят четыре версты пятисотных же, полисад стоячей, по углам полуобоворки, да башня проезжая рубленая о трех жирах, а в нем строения приказная изба с сеними, государев двор — светлица да черная изба, между ими сени, анбар о двух жирах, баня.

Да против приказной избы один анбар, где кладетца яшашная казна, да другой анбар с омуницею.

Во оном же остроге церковного строения церковь, а в ней два престола, один во имя Успения Пресвятыя Богородицы, другой во имя Николая Чюдотворца, колокольня на столбах, анбар церковной, около острогу казачьих и посацких и протчих обывательских домов тридцать три.

Да на устье реки Камчатки у моря на острове монастырского строения две избы, одна бела, другая черная, да особливо изба ж большая черная, анбар о двух жирах, поварня, две бани.

Да на том же острове казенного строения для житья морских адмиралтейских служителей две избы, одна бела, другая черная, да казачьего строения одна изба, да анбар.

Да на устье ж Камчатки реки при море на кошке вниз едучи на левой стороне реки Камчатки казенного ж строения вновь для пристани экспедицких судов и житья морских и адмиралтейских служителей четыре казармы больших, два анбара, поварня, соленая.

Да тут же на кошке для летных рыбных промыслов обывательских пять дворов.

А по отсылке сей сочиненной ведомости сколько построено будет впредь какого казенного и обывательского строения или не будет, о том мы не известны.

А протчие камчадальские остроги находятца. Верхней Камчадальской острог построен вверх едучи по правую сторону реки Камчатки, а казенного строения полисад стоячей, одна башня проезжая рубленая, в полисаде приказная изба, перед избой анбар, сени, за полисадом кабак.

Да за полисадом же две часовни, одна новая, другая старая, анбар часовенной. Обывательского строения служилых людей и протчих обывателей дватцать три двора.

А Большерецкой острог вверх едучи по левую сторону Большой реки повыше устья Быстрой реки расстоянием от моря тритцать три версты пятисотных.

А казенного строения полисад стоячей, при нем в стене приказная изба, анбар о двух жирах, государев двор с сенми и с анбаром, против острогу за протокою кабак. Церковь во имя Успения Пресвятыя Богородицы, колокольня на столбах, анбар церковной.

Около острогу обывательских восемнатцать дворов.

Против острогу за протокою у кабака два двора.

Против острогу ж за другою протокою на острову три двора.

Да на займке пониже острогу с полверсты за протокою ж восемь дворов.

Да за рекою Быстрою на разных местах два двора.

А при оных камчадалских острогах имеютца ясашняя иноземцы камчадалы, а ясак они платят в казну собольми и лисицами.

А в присутствии Большерецкого острогу в Курильской землице и на островах ясашные иноземцы курильцы, от камчадалов особливого роду и язык у них особливой, и те курильцы в казну ясак платят бобрами и кошлоками морскими.

А на каких урочищах и сколько в каждом роде ясашных людей и по сколько они в год ясаку платят и что при каждом остроге по нынешнему окладу в год ясашной казны собираетца и о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца для того, что с камчацких ясашных иноземцов ясак собираетца в канцелярию Охоцкого порта и присылаютца от Охоцкого порта зборщики из служилых людей pogodно по прежнему обычаю, також что ис русских людей с тамошних обывателей собираетца подушных и всяких окладных и неокладных зборов, о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца, понеже подушные деньги и протчие зборы с русских людей — камчацких обывателей — собираютца в Якуцкую воевоцкую канцелярию, а мы кроме следствия и розыску до ясашного и до протчих ни до каких зборов в камчадалских острогах ни в чем не касались.

И ежели по прежнему не станут иноземцов раззорять камисары и зборщики и для своих корыстей колоть, а жен их и детей брать себе в холопство, и сверх ясаку излишних зборов и лихоимственных взятков себе брать, то можно надеятца, что они, иноземцы, будут умножатца и ясаку платить будут боле, а ежели по прежнему будут камисары и зборщики иноземцов раззорять, то и достальных всех переведут, понеже по отбытии нашем с Камчатки кто над ними камисарами и зборщиками будет смотреть, а за море в Охоцк им, иноземцам, ездить бить челом невозможно.

А по определению сенацкому прислан был из Ыркуцка для смотрения над зборщиками в камчадалские остроги из дворян камисар и оной камисар в прошлом 735 году в камчадалских острогах умер. И о определении в камчадалские остроги вместо умершаго другава камисара писано было от нас в Тоболеск и в Ыркуцк доношениями марта 18 дня прошлого 736 году, но и по сие число в камчадалские остроги камисара не прислано, токмо присылаютца от Охоцкого порта зборщики из служилых людей по всем острогам pogodно.

А прежде посланная Анадырская партия какими трактами путешествовала и в какие походы по разным трактам ходила и в которое время и тем что учинилось

прибыли или утраты и для каких причин новопостроенной Олюторской острог вторично раззорен, о том у нас в следственных и розыскных делах известия не имеетца.

А прошлого 737 году февраля 8-го дня посланы были от нас из Нижнего Камчатдальского острогу к олоторским иноземцам партии служилые Иван Карташев с товарищи для призыву оных олоторских иноземцов в ясашной платеж по прежнему. И того ж 737 году июля 5-го дня оной Карташев прибыл в Большерецк и репортом объявил: во оные де олоторские иноземцы во все их Олюторской и в Култушной и в Носовой остроги ездил и чрез толмача уговаривал и призывал их в ясашной платеж по прежнему, и вышписанных де острогов тоены, а имянно Кенитка с товарищи сказали ему Карташеву, что де они во оном 737-м году до приезде ево Карташева в казну ясак платили с прошлого 734 году все сполна Анадырского острогу камисару Федору Татаринovu. И в платеже ясаку на вышписанные годы отписи за рукою оного Татаринова ему Карташеву казали.

По листам скрепа:
подполковник *Василей Мерлин*

РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 358—367.

*Работа выполнена в рамках комплексного проекта СО РАН № 7.6
«Народонаселение Сибири: стратегии и варианты межэтнических
взаимодействий в историческом контексте (XVI—XX вв.)»*

ТРОПОЙ АТЛАСОВА

Предлагается новая версия маршрута В. Атласова по Камчатке. Согласно ей, отряд казаков от Анадырска двигался к устью р. Пенжины не по долинам рек Майн и Черной, а напрямую, через перевалы Модинский и Налгимский. От устья р. Пенжины отряд пошел не по восточному побережью Пенжинской губы, а по тропе, проложенной коряками через северные части Парапольского дола и Ветвейского хребта к реке Алюторе (современной реке Вывенке). Здесь отряд разделился на две половины. Одна из них под предводительством Л. Морозко после похода к реке Апуке повернула назад и вышла на восточное побережье полуострова. Другая часть под руководством самого В. Атласова от устья реки Алюторы проследовала вдоль побережья Берингова моря вплоть до реки Валоваям. Пройдя долиной этой реки до тропы, ведущей к бухте Подкагерной на западном побережье полуострова, казаки вышли в долину реки Пустой. Отсюда по оленьим перегонам и корякским тропам они направились на юг, вплоть до реки Тигиль.

В 2007 г. исполняется 310 лет со времени присоединения Камчатки русскими казаками под руководством пятидесятника В. Атласова. Юбилей, по сравнению с недавним трехсотлетием этого события, не очень знаменательный. И все же он дает повод поговорить о некоторых неточностях или неясностях, если хотите, в истории открытия и освоения Камчатки. В том числе и о том, что знал или что мог знать казацкий пятидесятник, когда он набирал людей и «влезал в кабалу», чтобы осуществить поход на Камчатку?

Надо сказать, что знал он немало, так как иначе вряд ли решился бы на собственный страх и риск предпринять поход, не разрешенный якутским воеводой. Вот и попробуем разобраться в этом, имея желание понять логику поступков этого незаурядного честолюбца и отважного конкистадора, и на этой основе попытаемся исправить некоторые из ошибок в истории и географии полуострова.

Однако прежде чем начать разговор о самом походе отряда В. Атласова, позволю себе сделать несколько небольших отступлений, необходимых для прояснения сути дела. Первое из них относится к тому, что за долгие годы странствий по Камчатке мне довелось исходить все пространство, расположенное между реками Пятибраткой и Паланой на юге и рекой Пустой на севере, причем исходить от самого морского побережья и до Срединного хребта включительно. Довелось мне поработать с геологами и вулканологами на Парапольском долу в районе Таловского озера, в бассейнах рек Воямполка и Тигиль, в Срединном хребте — в районе от реки Быстрой до реки

Киревны; проходить и частично проплывать по рекам Еловке, Белой (Крестовой), Камчатке, Быстрой, и Анавгаю. И тем самым в той или иной мере «прочувствовать ногами» некоторые из тех мест, где проходил В. Атласов со своими спутниками. Помимо этого, мне пришлось побывать в устьях многих рек западного и восточного побережий полуострова. Ну и, разумеется, по пути к этим и другим местам я внимательно, с чисто профессиональным интересом, рассматривал из иллюминаторов вертолетов и самолетов лежащую внизу местность.

Так что у меня есть достаточно оснований для того, чтобы примерить на себе (или смоделировать, как ныне принято говорить) условия и особенности передвижения отряда В. Атласова.

Второе отступление связано с тем, что лишь недавно соприкоснувшись с историей открытия и освоения Камчатки, я с некоторым удивлением обнаружил в этой самой истории изрядное количество неувязок, неточностей, а то и попросту откровенных ошибок. Они нередко приводили многих авторов к не совсем верным, а иногда и вовсе к неверным выводам при оценке реальных исторических событий.

Забегая несколько вперед (то есть, предваряя конкретные факты выводами, а не наоборот), скажу, что, на мой взгляд, обусловлено это было рядом причин. Излишне, например, буквальным восприятием некоторых, далеко не всегда очевидных исторических документов. Или наоборот, столь же излишне вольной трактовкой однозначных исторических фактов. Немаловажную роль в появлении исторических и географических ошибок играет также и то, что многие историки недостаточно хорошо знают специфические особенности природы региона, а многие географы — особенности процессов его открытия и освоения, в результате чего первые часто путаются в географии, а вторые, и не менее часто, — в истории.

Впрочем, дабы не быть голословным, приведу несколько примеров, напрямую относящихся к теме нашего дальнейшего разговора. Так, в «Скаске» пятидесятника Владимира Атласова написано: «И после ясачного платежа в том же 205 году, по наказной памяти пошел он, Володимер, из Анадырского на службу великого государя, для прииску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою великодержавною рукою в ясачном платеже не бывали» [27, с. 20].

Суть дела тут заключается в том, что 205 г. по русскому календарю того времени соответствует 1697 г., исчисляемому по установленному Петром I с 1 января 1700 г. юлианскому календарю. Однако, поскольку 205 г. начинался 1 сентября, то 1697 г. по юлианскому стилю следует отсчитывать с 1 января 205 г. И если не помнить об этой разнице в летоисчислении, то можно ошибиться в хронологии. Что, по-видимому, и произошло с Л. С. Бергом, кото-

рый, заявляя, что «В. Атласов во главе 60 служилых людей и с 60 ясачными юкагирами отправился из Анадырска в начале 1697 г.» [4, с. 90], скорее всего, имел в виду начало 205 г. Или с авторами книги «Русские землепроходцы и мореходы: Из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока», согласно которым «отряд численностью в 120 человек (60 русских и 60 юкагиров) в начале 1697 г. выступил из Анадырского острога, перевалил на оленях через Корякский хребет и устремился на юг» [1, с. 55—56]. Здесь также, видимо, упущена из виду названная разница в летоисчислении. Ибо, уточню еще раз, декабрь 205 г. допетровского календаря соответствовал 1696, а не 1697 г. юлианского календаря.

Несколько иная ситуация сложилась с предположением В. Д. Сергеева, утверждающим, что «весной 1697 г. Атласов вышел из острога с отрядом из 65 казаков и 60 юкагиров» [26, с. 40]. В том смысле иная, что в данном случае автор, как мне представляется, прибавил три месяца к юлианскому календарю. Кстати, у В. Д. Сергеева появляется еще и разница в числе казаков, следующих с В. Атласовым. Но об этом поговорим попозже. А пока добавлю, что совершенно непонятной выглядит точка зрения А. В. Ефимова, который пишет: «В. Атласов прибыл в Анадырь в августе 1697 г. и в этом же году отправился в поход на Камчатку» [7, с. 123]. В том смысле непонятной, что в августе 1697 г. Атласов уже был на Камчатке, а в Анадырск он прибыл 29 апреля 1696 г. [23, с. 84].

И вовсе из ряда вон выходящей оказывается интерпретация реального исторического факта Е. П. Орловой: «Из Тигиля Атласов подал в Якутск челобитную с просьбой разрешить идти на Камчатку-реку и, получив разрешение, взял двух вожжей (проводников), оленей и с оставшимися людьми пошел на реку Камчатку» [22, с. 14]. Дело в том, что это не В. Атласов писал челобитную в Якутск, а казаки отряда били, по обычаю того времени, челом царю через него: «И на Кыгыле реке били челом великому государю, а ему, Володимеру, служилые и промышленные люди подали за своими руками челобитную, чтоб ему с ними идти на Камчатку реку и проведать подлинно — какие народы над Камчаткою рекою живут» [27, с. 22]. Так что ни у кого Атласов разрешения на поход к реке Камчатке не спрашивал.

Более того, он и не мог его спрашивать, ибо весь поход Атласова длился два с небольшим года, причем сам он от Камчатки до Якутска добирался, правда, с полугодовой задержкой в Анадырском остроге, без малого полтора года. То есть, расставляю все точки над *i*, никак он не мог сидеть в Тигиле два с лишним года в ожидании разрешения. Как, кстати, не мог и умолчать о челобитной, ибо в те времена за умолчание подобных вещей (вспомним знаменитое «слово и дело») наказывали с беспощадной суровостью.

Но самой принципиальной ошибкой многих исследователей является не столько даже искажение конкретных документов и фактов, сколько не сов-

сем, скажем так, верное освещение ими целей и задач похода В. Атласова. Дело в том, что многие историки, говоря о целях и задачах продвижения русских служилых и промышленных людей «встречь солнцу», акцент в оценке помыслов землепроходцев делают на «прииске новых земель». Например, известнейший русский историк Б. П. Полевой так и пишет: «Получив подробную информацию о камчатском походе Л. С. Морозко 1695—1696 гг., Владимир Атласов сразу же загорелся желанием организовать новый большой поход с целью присоединения к России всего великого южного полуострова» [24, с. 84].

Однако вопреки этому и подобному («С самого начала Владимир Атласов поставил своей главной задачей присоединить весь полуостров Камчатка к великой России», [24, с. 84]) мнению видного историка, в основе устремления русских на Крайний Север и Северо-Восток стоял, простите за невольный каламбур, «шкурный» интерес. Шкурный, как в прямом смысле, то есть добывание для царской казны шкур ценных пушных зверей любым (охота, скупка, мена, ясак, грабеж и т. д.) доступным способом, так и в переносном — личное обогащение за счет пушнины. Впрочем, тут я не открываю «Америк» ибо эта мысль «о выдающейся роли торгового элемента в освоении Сибири» проходила красной нитью, например, в исследованиях С. В. Бахрушина, Н. И. Никитина, М. М. Белова и других ученых.

О том же, что в результате таковых походов действительно можно было обогатиться, свидетельствуют данные торговых операций и объемы изымаемого с коренного населения ясака, согласно которым в середине XVII в. торговля с Сибирью обеспечивала треть доходов царской казны [7, с. 81]. При этом даже рядовые казаки, которым в 1640 г. было разрешено заниматься после сбора ясака пушным звериным промыслом и торговлей [3, с. 48], могли заработать от нескольких сот до нескольких тысяч рублей в год при официальном (для сравнения) годовом жаловании в пять рублей.

Да, конечно же, большая часть землепроходцев в таковых походах прогорала. Да, безусловно, значительное, до половины, число служивых и промышленных людей вообще бесследно сгнуло в бескрайних просторах Сибири и Северо-Востока. Но так было всегда и везде. И не только в России. Вспомним, ведь и Христофора Колумба к Америке привели не мечты об открытии новых земель, а пряности Индии; и Э. Кортесом и Ф. Писарро двигало не намерение открыть новые земли, а золото ацтеков и инков; и, наконец, старателей Северной Америки толкала на лишения не жажда приключений (хотя и не без этого), а желание намыть золотого песка, и поболее, из россыпей Сакраменто и Клондайка.

И всегда при этом на одного обогатившегося или прославившегося приходились десятки кое-чего достигших, сотни сгнувших без вести и тысячи оставшихся при своих интересах. Так что и наш В. Атласов был в первую

очередь выдающимся конкистадором («камчатским Ермаком»), и лишь только затем, и заодно, выдающимся первооткрывателем («русским Колумбом») новых земель.

Кстати, весьма весомым свидетельством о приоритете экономического интереса может служить неудачная попытка освоения русскими верховьев Амура во второй половине XVII в. Дело в том, что запасы пушного зверя в землях, расположенных в Даурии и восточнее, были не столь велики, как в более северных регионах Сибири или Якутии. Причем ценность самих шкурок также оставляла желать много лучшего. Но самое главное заключается в том, что подлинное освоение амурского бассейна было возможно только путем появления и закрепления там землепашцев, а не охотников. Вспомним по этому поводу, что так называемый «дикий запад» нынешних США окончательно был покорен и освоен не романтическими трапперами типа знаменитого «Соколиного глаза», а донельзя скучными фермерами. Как и наше «Дикое поле» было окончательно освоено лишь после того, как казаки от набегов и военных походов перешли к землепашеству и животноводству.

Другое дело, что на то время у России, только-только оправившейся после «смутного времени и столкнувшейся на Амуре с сильнейшим сопротивлением китайской империи Цин, не нашлось ни военных, ни финансовых возможностей для того, чтобы целеустремленно, путем вложения больших ресурсов в развитие землепашества, осваивать бассейн Амура. Ладно, хоть за Даурию зацепились, благодаря тому, что здесь успели и сумели основать сельскохозяйственное производство» [9].

Что же касается охочих до «мягкой рухляди» служилых и промышленных людей, то они, при всех их завидных достоинствах, в силу присущей им психологии авантюристов (или пан, или пропал), были неспособны на рутинный труд хлебопашца. Вот отчего еще на долгие полтора с лишком века приостановилось движение русских к Тихому океану по наиболее прямому и выгодному пути по Амуре. А жаль, ибо карта мира в таком случае выглядела бы совершенно иначе.

Впрочем, это уже совершенно иная тема. И потому перейдем к реконструкции маршрута отряда В. Атласова. Причем сразу же подчеркну, что, памятуя об ошибках моих предшественников при описании событий, связанных с открытием и освоением Камчатки, я всего лишь попробую обозначить этот самый маршрут. Да, да, я не оговорился — именно обозначить, а не определить. И уж тем более не определить однозначно. Ибо охарактеризовать в рамках одной статьи все возможные нюансы движения отряда казаков просто невозможно. Еще менее возможно скрупулезно проанализировать все суждения других исследователей по этому поводу. И уж совсем нереально без подлинно системного сопоставления всех мнений, суждений и представлений на эту тему воссоздать более или менее достоверную (опять

же достоверную, а не однозначную) кальку событий трехсотлетней давности. Так что данную статью следует рассматривать всего лишь как зачин, как подступ к переосмыслению некоторых аспектов истории открытия и освоения Камчатки — и не более того.

Но предварительно замечу, что походу В. Атласова предшествовал поход Луки Морозко и Ивана Голыгина. И что по поводу этого предварительного похода также существуют разногласия, вызванные либо невнимательным прочтением первоисточников, либо недоучетом того обстоятельства, что до 1700 г. в России новый год начинался с сентября, либо тем и другим вместе.

Действительно, А. С. Сгибнев считал, что «по приказу Анадырского приказчика Атласова, прибывшего туда в августе 1965 г., казак Морозко, посланный с 16 казаками для сбора ясака с коряков на р. Апуку, впадающую в Восточный океан, проник далеко на юг...» [25, с. 10]. Этот же год, хотя и другого приказчика, называют и авторы монографии «История Чукотки с древнейших времен до наших дней», вышедшей под руководством и общей научной редакцией Н. Н. Дикова: «В 1695 г. анадырский приказчик Михаил Многогрешный направил в очередной поход на «коряцкую землю» отряд во главе с казаками Лукой Морозко и Иваном Голыгиным. Отряд проник на Камчатскую землю, где на р. Апуке им было построено первое ясачное зимовье» [10, с. 79]. Этим же (1695—1696 гг.) временем датируют поход Л. Морозко Б. П. Полевой [23] и М. И. Белов [2]. Кстати, сразу же обращаю внимание, что в данном случае «коряцкая» и «камчатская» земли выступают как синонимы. А обращаю потому, что с таковым отождествлением мы будем сталкиваться еще не раз.

Однако есть и иная точка зрения на это событие. Известнейший исследователь народов Северо-Востока и Камчатки В. И. Иохельсон по этому же поводу высказывается так: «В 1696 г. Атласов, приказчик Анадырского острога, отправил отряд из шестнадцати человек под командой казака Луки Морозко на Камчатский полуостров, чтобы проверить слухи о пушных богатствах. В следующем году Атласов предпринял поход сам. Он послал Морозко с отрядом к Беринговому морю, а сам двигался вдоль берега Пенжинской губы, собирая ясак у окланских, каменных, таловских коряков и захватил еще селение Палану и несколько других» [8, с. 212].

Этой же даты придерживается и Л. С. Берг: «В 1696 г. из Анадырска был послан к корякам на р. Опуку (Опука впадает в Берингово море приблизительно под 62° с. ш.) якутский казак Лука Морозко» [4, с. 90]. По существу вторят ему и составители «Летописи Сибири»: «В 1696 г. казак Лука Морозко с отрядом, состоявшим из 16 казаков, нескольких промышленных людей и 40 юкагиров, из Анадырского острога был послан на р. Опуку (Апуку), чтобы принять в русское подданство местное население, жившее по ее берегам. Однако он не ограничился указанным районом, а пошел дальше.

Следуя по западному побережью Камчатки, Морозко со своим отрядом дошел до р. Тигиль. По возвращении в Анадырский острог он доложил обо всем, что видел на Камчатке и что «до Камчатки реки не доходил один день для того за малолюдством служилых людей» [Летопись Сибири. М.: 1957. С. 101. Цит. по: 1, с. 55].

То есть, как можно видеть, налицо явный разнбой во мнениях относительно начала похода Луки Морозко. И в немалой степени он был вызван тем, что С. П. Крашенинников по этому поводу высказывается так: «В 7204 году (в 1696 г. — В. Б.) послан от него (от В. Атласова. — В. Б.) был к Апуцким корякам Лука Морозко в 16 человеках за ясашным збором...» [18, с. 192]. Но, как выяснилось в наше время в связи находками в архивах новых материалов, С. П. Крашенинников в этом вопросе ошибался. То есть, поход Л. Морозко все-таки начался в 1695 г.

Имеется разброс мнений и насчет того, кто же все-таки отсылал Луку Морозко на Камчатку: Михаил Многогрешный или Владимир Атласов. Хотя если Морозко вышел из Анадыря в 1695 г., то послать его мог только Многогрешный. Имеется несовпадение взглядов и на то, вместе ли с Атласовым в поход на Камчатку пошел Лука Морозко, или он догнал отряд Атласова несколько позднее. Ну и, повторюсь, по-прежнему остается непонятным куда — в «корякскую землю» или все же на Камчатку — посылался Л. Морозко?

Из всего сказанного бесспорным можно считать два основных момента. Что Л. Морозко не мог быть послан В. Атласовым, прибывшим в Анадырь в апреле 1696 г. И что возвращение Л. Морозко в Анадырь (в апреле же, кстати, 1696 г.) окончательно укрепило В. Атласова в его решении двинуться на Камчатку. Настолько укрепило, что на деньги, взятые в долг под огромные проценты, он организует собственную экспедицию на полуостров. Впрочем, опустим пока все подробности появления его замысла и подготовки к походу (тем более, что все это достаточно полно и достоверно осуществлено другими исследователями) и сразу перейдем к делу.

Итак, как считает М. И. Белов [2, с. 101], В. Атласов, собрав 60 служивых и промышленных людей и 60 ясачных юкагиrow, 16 декабря 1696 г. (то есть все же в 7205, а не в 7206 г.) вышел из Анадырского острога. «И шли де они из Анадырского чрез великие горы на оленях в полтретьи недели (две с половиной недели. — В. Б.) и наезжали подле моря к губе на Пенжине реке в Акланском и в Каменском и в Усть-Пенжинском острожках на сидячих пеших коряков ста с три и больши, и призвал их под государеву самодержавную высокую руку ласково и с приветом, и собрав с них ясак лисицами красными, выслал в Якуцкой с служилыми людьми с Олешкою Пещерою с товарищи» [27, с. 20].

Я намеренно привожу столь длинную выдержку из подлинного документа, ибо она помогает прояснить некоторые существенные моменты, связан-

ные с походом В. Атласова на Камчатку. К числу которых, например, относится тот факт, что после Каменского в отряде В. Атласова число служилых людей сократилось на три человека, с которыми, возможно, ушло еще и два-три юкагира с оленями. Почему это важно, скажу потом. А пока попробую прояснить, по какой причине казаки с самого начала своего маршрута пошли «через великие горы», так как от реки Анадырь и до реки Пенжины вполне можно было пройти по долинам их притоков (реки Майн и Черная, соответственно), минуя наиболее высокие горы этой части маршрута, хотя казаки, как известно, не любили ходить через горы.

Причин тут несколько. Во-первых, на оленях предпочтительнее передвигаться именно по возвышенным местам, нежели по долинам рек. Так как, с одной стороны, сильные ветры сбивают здесь снег в наст, по которому оленям бежать гораздо легче, а, значит, и передвигаться можно многим быстрее, чем по более рыхлому и глубокому снежному покрову речных долин. И так как, с другой стороны, на выдуваемых поверхностях горных склонов, к тому же гораздо более богатых ягелем, чем речные долины, оленям не надо было сильно и долго копытить снег, чтобы добраться до корма, и, следовательно, они меньше уставали, быстрее насыщались, больше отдыхали и поэтому могли бежать с большей скоростью. А, как известно, В. Атласов торопился. И торопился не только потому, что его мог остановить новый анадырский приказной Григорий Постников (таковая попытка и была, кстати, предпринята), но и потому, что ему необходимо было как можно быстрее, по снегу, добраться до реки Камчатки.

Во-вторых, избранный казаками вариант маршрута пролегал по кратчайшему пути из бассейна реки Анадырь в бассейн реки Пенжины, проложенному оленными коряками. Не случайно же в наши дни именно к этой части маршрута отряда В. Атласова оказался приуроченным зимник, связывающий современный поселок Марково, недалеко отстоящий от бывшего Анадырского острога, с нынешними Окланом и Каменским.

Но каким образом пролегал в этом случае маршрут отряда В. Атласова, и что это за «великие горы»? Горы эти — Русские. Правда, абсолютные их высоты невелики: от 500—600, в среднем, до 1 109 м. А перевал (Модинский) через эти горы, и перевал Налгимский, через который проходит путь из бассейна реки Анадырь в бассейн реки Пенжины, и того ниже. Однако в условиях крайне суровой зимы и практически полной полярной ночи казакам, которые, повторюсь, очень не любили ходить по горам, они показались далеко не малыми.

Свалившись в долину реки Пенжины, отряд достиг вначале Аклана, а затем и Каменского. При этом весь путь от Анадырска до Каменского занял, повторюсь, у отряда две с половиной недели. Данный факт не вызывает ни малейших сомнений, поскольку этот срок указан самим В. Атласовым

(см. выше). Казалось бы, не должен вызывать сомнения и названный маршрут отряда, ибо он также указан самим В. Атласовым.

Однако многие исследователи, кроме, пожалуй, Л. С. Берга (рис. 1), привязывают эту часть маршрута атласовцев к долинам рек Майн (правый приток реки Анадырь) и Черная (левый приток реки Пенжины). А некоторые из них (Д. М. Лебедев, например, рис. 2) и вовсе прорисовывают путь отряда минуя реку Пенжину, проводя его от устья реки Майн, расположенного ниже Анадырска, к долине реки Ваеги (приток Майна), и затем к долине и к устью реки Пахачи [19, с. 76]. Примерно так же, но еще более схематично (рис. 3), очерчивает эту часть маршрута казаков и В. И. Воскобойников.

Так что, несколько отвлекусь от темы, я ничуть не преувеличивал, когда говорил, что многие исследователи излишне вольно трактуют реальные исторические документы и факты. Хотя и согласен с мнением Г. Миллера о том, что по реке Майн пролегла еще одна дорога на реку Олюторку [12, с. 137].

Но вернемся к нашим казакам. И зададимся вопросом: каким путем отряд В. Атласова пошел от устья Пенжины к реке Алюторе? Вариантов тут несколько. Согласно первому из них, предложенному еще С. П. Крашенинниковым, от устья реки Таловки отряд самого В. Атласова последовал вдоль побережья до самой Паланы и далее. Впрочем, вот как об этом пишет сам С. П. Крашенинников: «После того (после достижения Усть-Таловского острожка. — *В. Б.*), как сказывают, разделил он (*В. Атласов. — В. Б.*) партию свою на двое, половину послал на Восточное море под командою Луки Морозки, а с другою сам по Пенжинскому морю следовал. На Паллане изменили ему союзники его юагири, 3 человека служивых убили, да 15 человек и его Атласова ранили» [18. С. 193].

Однако, увы, и в данном случае С. П. Крашенинников ошибается. Вернее, не будучи в силу ряда причин знаком со «Скасками» В. Атласова (о чем можно судить по его же собственным словам — «как сказывают»), он при оценке похода В. Атласова исходил из слухов, так как подлинных свидетелей, а тем более участников, к тому времени уже не было. Ошибается он, кстати, и в том, что возле Паланы было убито три казака — на самом деле было убито шесть человек.

О том, что он действительно ошибается, свидетельствует показание самого В. Атласова: «И от того острожка (Олюторского. — *В. Б.*) отпустил он, Володимер, 30 человек служилых людей да 30 юагирей подле Люторского моря, для проведывания той земли и островов и для призыву под царскую великодержавную руку вновь неясчных людей с ясачным платежем» [27, с. 21]. То есть, все-таки на реке Олюторе разделился отряд, а не на реке Пенжине.

Но продолжим о маршруте от реки Пенжины. В наше время названного выше варианта движения отряда от реки Пенжины на юг, к полуострову, частично придерживался академик Л. С. Берг [5, с. 53]. С учетом данных

В. Атласова он предполагал, что отряд, в едином составе двигаясь от устья реки Таловки вдоль побережья Пенжинской губы (вдоль западных предгорий и склонов Пенжинского хребта по долинам реки Таловки и ее левого притока Айпына, точнее), вышел к южной оконечности этого хребта в районе Маметчинского залива. Там отряд повернул на восток, пересек Парапольский дол и вышел к «Люторскому морю».

В пользу этого варианта говорит то, что если бы атласовцы действительно вышли на оконечность Пенжинского хребта, то они увидели бы прямо перед собой ровное, уходящее далеко на юг пустынное пространство Парапольского дола. Пересекать его в южном направлении, при постоянно дующем в этой местности очень сильном ветре и при этом без всякой надежды найти приют в стойбище аборигенов нужды не было. Тем более не было, что, повторюсь лишний раз, подлинной целью отряда было объяснение местным жителям. А к таковым и скорее, и легче можно было попасть, следуя по тропе, проложенной коряками от Мамета к долине реки Куйвиваям, затем к долине реки Ветроваям (правый приток реки Вывенки) и, наконец, к устью реки Вывенки.

Интересно, кстати, что по этой тропе ездил спустя два века о. Нестор, когда, следуя от Гижиги, он через Тайгоносский полуостров и Пенжинскую губу вначале попадал в корякский острожек Мамет, а затем выходил к Тиличикам [21]. Тем не менее, даже эти обстоятельства не доказывают подлинности такого варианта движения отряда. Особенно учитывая то, что, по мнению Л. С. Берга, обратно на восточное побережье Пенжинской губы отряд вернулся той же дорогой, и в полном составе (рис. 1).

В силу этих и, возможно, некоторых других причин, составителями историко-географического атласа Камчатки [11, с. 19] была предложена несколько иная модификация продвижения отряда на участке от устья реки Пенжины до устья реки Алюторы (Олюторы). Согласно их точке зрения, от Устья-Таловки отряд, следуя по долине реки Таловки, вышел на Парапольский дол, где резко повернул к югу и пошел по долу вдоль реки Куюл вплоть до западного побережья полуострова. Здесь, примерно в 60 км к югу от устья реки Пустой, он повернул к реке Анапке и, выйдя в ее устье на восточное побережье, двинулся по нему к реке Алюторе (рис. 1).

Вообще-то таковой вариант движения атласовцев не исключается. Однако есть, как минимум два соображения, которые вызывают серьезные сомнения в том, что В. Атласов избрал именно этот путь. Во-первых, в те времена на всем Парапольском долу не было постоянных поселений. «Дальше на пустынном Рекининковском (Парапольском) доле встречаются только редкие кочевья коряков-чавчуменов. По Парапольскому долу можно ехать два — три дня подряд, не встретив ни единого стойбища, ни единого ездока. О поселках и говорить не приходится», — пишет известный знаток жизни и быта коряков этнограф С. Н. Стебницкий [29, с. 26].

А ведь надо постоянно помнить, повторюсь вновь и вновь, что главной, если не единственной, задачей В. Атласова, как высшего представителя великодержавной власти на Северо-Востоке России (да и как частного заинтересованного лица), было приведение «под высокую государеву руку» и объясачивание коренного населения, а не просто открытие «новых земель». К тому же казаки и юкагиры постоянно нуждались в пище, которую они могли достать только и только в поселках аборигенов, обменяв ее на ножи и бусы, а то и попросту отняв, что частенько и происходило: «А идучи в Камчадалскую землю и из Камчадалской земли питались они оленями, которые полонили они у иноземцев, и рыбою, которою они имали у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетями, которые взяты были с ними из Анадырского зимовья» [28, с. 26].

Не стоит забывать и того, что ко времени похода В. Атласова эта часть территории уже более или менее была известна, и потому атласовцы об отсутствии на Парапольском долу постоянных поселений знали. И уж, безусловно, знали об этом как «вожи», нанятые В. Атласовым либо в Каменном, либо в Усть-Пенжинском острожках, так и Лука Морозко с Иваном Голыгиным, догнавшие к тому времени Атласова.

Во-вторых, следуя вдоль реки Куюл, Атласов, коль скоро его вели знающие «вожи», и коль скоро целью отряда было скорейшее достижение «литорских острогов», вряд ли проскочил бы тропу, проложенную, как уже говорилось выше, от Маметчинского залива к реке Алюторе. Или еще более нахоженную тропу, которая, следуя от Рекинникской губы, пересекала Парапольский дол севернее перешейка, обходила с севера же горы Камлилькынтунуп (самую южную, выходящую к перешейку, часть Ветвейского хребта) и через Малетой-ваямский перевал Ветвейского хребта выходила к устью реки Алюторы.

То есть, хочу сказать со всей определенностью, вряд ли Атласов, зная об отсутствии на Парапольском долу и на самом перешейке постоянных поселений, испытывая дефицит времени и, главное, стремясь в первую очередь попасть именно к «литорским острогам» для сбора ясака, предпочел прямой путь к реке Алюторе изрядному крюку через Камчатский перешеек.

Впрочем, чтобы было понятнее, в чем тут дело, рассмотрим район Камчатского перешейка более пристально. При этом сразу же отметим, что хотя наиболее узкое, низкое и ровное место между Охотским и Беринговым морем действительно приурочено к перешейку, соединяющему полуостров Камчатка с материком, версии о пересечении отрядом самого перешейка в направлении с запада на восток (и обратно) никто из известных мне исследователей, в том числе и составители упомянутого «Атласа Камчатки», не выдвигал. И это далеко не случайно, так как в силу природных особенностей данной части Парапольского дола таковое мероприятие в зимних условиях относится к разряду экстремальных.

Вот что пишет по этому поводу С. Н. Стебницкий: «На суровость климата сильное влияние оказывает северный ветер, который дует в течение почти всей зимы. Благодаря этому очень суров климат не только Парапольского дола в южной части Пенжинского района, но и в местах расположения таких поселков, как Кичига, Тымлат, лежащих поблизости от Анапского дола, находящегося в самом узком месте Камчатского перешейка. Он представляет собою нечто вроде трубы, через которую постоянно прорывается поток северного ветра. Даже тогда, когда на окрестных тундрах стоит тихая погода, в долине рек Анапки (восточное побережье) и Рекинниковской (западное побережье) дует ветер.

А если на окрестных тундрах ветрено и «идет поземка», то есть ветром несет снег, то через Анапку уже не едут. Подъедут к Анапкинскому долу, влезут на холм и смотрят, не слишком ли рискованно ехать. На Анапке постоянно пурга. Она не так страшна, если метет только снег, лежащий на земле. Но если к тому же прибавляется снег, падающий с облаков, то ехать через Анапку безусловно рискованно. Ветер бывает очень сильный.

Был случай, когда целое стадо оленей снесло в море. Пастухи пасли оленей, дул сильный северный ветер со снегом, была пурга. Олени и пастухи невольно уклонялись в сторону от ветра и попали на морской лед. Лед был скользкий, оленей понесло по льду, и все стадо вскоре оказалось у края льда. Олени попадали в воду и утонули» [29, с. 22].

Надо думать, что составители историко-географического атласа «Камчатка», привязывая начало поперечной части маршрута В. Атласова не к самому перешейку, а южнее, к месту, расположенному на западном побережье полуострова, в шестидесяти, примерно, километрах к югу от устья реки Пустой, также учитывали эти природные обстоятельства. Однако, прочерчивая путь отряда через северные отроги Срединного хребта к устью реки Апуки, они в большей степени отталкивались от следующих слов В. Атласова: «И от того *Камчатского носа*, по скаскам иноземцов вожей, пошли они через *высокую гору* (курсив мой. — В. Б.) и пришел к люторским острогам» [27, с. 20]. То есть они, скорее всего, понятие «Камчатский нос» интерпретировали как синоним понятия «Камчатский полуостров». И на этом основании привязали начало непосредственного продвижения отряда к восточному побережью не к Парапольскому долу, как это сделал Л. С. Берг, и даже не к самому перешейку, а к «высоким горам» северной части полуострова.

Однако, проводя столь прямую параллель между этими двумя совершенно разными географическими объектами, они не обратили внимания на то, что в те времена, начиная от Михаила Стадучина и вплоть до С. П. Крашенинникова (да и позже), Камчатским носом именовали пространство, которое, простираясь от устья реки Пенжины к югу, располагалось напротив полуострова Тайгонос, а не Камчатский полуостров как таковой.

Не учли они и того, что казаки и вольные люди того времени знали о географии тех мест гораздо больше того, что они докладывали начальству и (или) писали в своих «скасках» и донесениях. То есть, если сказать более определенно, не учли того, что В. Атласов, многое зная от своих предшественников, имея в составе отряда «вожей» из местных жителей и побывавших в тех местах Л. Морозко и И. Голыгина, ни в коем случае не стал бы делать лишний крюк на пути к «люторам».

Именно не учли, о чем, в частности, свидетельствует предположение одного из составителей вышеназванного «Атласа Камчатки» Б. П. Полевого, согласно которому отряд В. Атласова, следуя по западному побережью полуострова, дошел до перевала с реки Лесной на реку Карагу, перевалив через который он, якобы, вышел на восточное побережье в самом узком месте полуострова [24, с. 86].

Кстати, вот это — «в самом узком месте полуострова» — высказывание, постоянно прилагаемое историком к междуречью Лесной и Караги, неверно изначально. В том смысле неверно, что в основе его лежит личное суждение Б. П. Полевого о том, что самое узкое место полуострова Камчатки приурочено к междуречью названных рек. Причем высказывалось это суждение во многих статьях и книгах этого плодовитого ученого. Вот и в последней своей монографии «Новое об открытии Камчатки», он пишет: «...северная часть Камчатского полуострова представляет из себя очень узкий перешеек, по существу «каменную переграду», с вершины которой можно одновременно видеть два моря. Действительно, на перевале реки Лесной, на вершине Караги, в ясную погоду видно вдаль одновременно Охотское море и Берингово море» [24, с. 91].

Однако в качестве доказательства этого представления Б. П. Полевой использует не современные карты, или, тем более, космические снимки, а данные вековой давности. О чем можно судить, например, по приводимой им по этому поводу ссылке: «Благодаря тому, что губа Карагинская значительно вдалась в материк Камчатского полуострова, он в этом месте имеет наименьшую ширину: именно около 90 верст, и это есть единственное место на полуострове, где с перевала на главном хребте видны в ясную погоду оба моря — Берингово и Охотское» [*Деливрон А.* Лоция северо-западной части Восточного (Тихого) океана. Т. IV. СПб., 1910. С. 136. Цит. по: 24, с. 145].

Но даже на этом фоне — то есть на фоне отсутствия данных современных карт и аэрокосмических снимков, абсолютно необъяснимой выглядит ссылка Б. П. Полевого в этом вопросе на мнение С. П. Крашенинникова. Вот как это выглядит в его интерпретации: «Здесь они (Леонтий Федотов сын и Савва Анисимов Сероглаз. — *В. Б.*) контролировали переход через самую узкую часть полуострова Камчатки. Это было то самое место, о котором С. П. Крашенинников писал: «...река Уемлян... от казаков Лесною называется. Сия

река вершиною сошлась с рекою Карагою... чего ради по ней дорога есть на Восточное море...» [24, с. 126]. И чуть далее дополняет эти слова С. П. Крашенинникова другим его высказыванием: «Для того, что в тех местах земля узка, что по достоверным известиям с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно» [24, с. 126].

А вот как пишет об этом же сам С. П. Крашенинников: «*Камчатскую землицю* и Камчаткою просто называется ныне оной великой мыс, который составляет последний предел Азии с восточную сторону, и от матерой земли в море около семи градусов с половиною с севера на юг простирается.

Начало сего мыса полагаю я у Пустой реки и Анапкия, текущих в ширине 59^{1/2}, из которых первая в Пенжинское, а другая в Восточное море впадает. 1. Для того, что в тех местах земля так узка, что по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно, а далее к северу земля становится шире, чего ради узкое сие место, по моему мнению, можно почесть за начало перешейка, соединяющего Камчатку с матерой землей, 2. что присуд камчатских острогов токмо до объявленных мест простирается, 3. что северные места за тем пределом Камчаткой не называются, но больше принадлежат заносью (*заносьем называются места от Анадырска к Камчатке лежащие, в том числе и самой Анадырск; для того, что оные, следуя из Якуцка, по ту сторону Чукоцкого носа находятся*), под которым именем Анадырской присуд заключается. Впрочем, не совсем опровергаю и то, что подлинное начало сего великого мыса между Пенжиною рекою и Анадыром почитать должно» [12, с. 98—99].

То есть, как можно видеть, С. П. Крашенинников писал совсем не так и совсем не о том, ибо наиболее узким местом Камчатки он считал Камчатский перешеек, к которому привязывал начало полуострова. Об этом можно судить и по другому его высказыванию на этот счет: «Верстах в 65 от Коуту (реки. — В. Б.) следует Анапкой (Анапка. — В. Б.) река, которая вершинами сошлась с впадающею в Пенжинское море Икыннаком (пустою) рекою, а устьем течет в внутреннюю губу, называемую Ильинскою, которая в длину верст на 5, а в ширину версты на 3 простирается. Хребет, из которого текут упомянутые реки, в рассуждении других мест весьма низок и ровен, и от обоих морей не более 50 верст расстоянием. Коряки почитают сие место за самое узкое из всего перешейка, соединяющего Камчатку с матерой землей, которой перешеек до Тумлатты и далее простирается» [12, с. 137].

Кстати, обратите внимание на то, как точны в своих представлениях о географии региона местные жители. Это я к тому, что и В. Атласов получал от них весьма достоверные сведения о путях следования к тому или иному объекту. Настолько точны, что исходя из этих сведений С. П. Крашенинников указал подлинный: «Перешеек оного полуострова (Камчатского. — В. Б.) шириною верст на 70. С одну сторону его прилегло Олюторское море, а с другою

Пенжинская губа...» [14, с. 691] — поперечник перешейка. Ибо в его оценке перешеек на 20 верст уже, чем «самое узкое» место А. Делеврона и Б. П. Полевого, и довольно близок к современным — чуть более 100 км — данным.

Итак, скажу окончательно, С. П. Крашенинников самым узким местом полуострова считает его перешеек. И хотя он при этом все же допускает возможность того, что полуостров Камчатка может начинаться от рек Пенжина и Анадырь, однако делает это по двум, вполне извинительным для его времени, основаниям — по причине отсутствия точных географических данных о тех местах вообще и своих собственных, в частности. А также из-за следования мнению академика Г. Миллера, который считал возможным относить к Камчатскому полуострову пространство, которое простиралось от Пенжинской губы до Камчатского перешейка и Берингова моря и от перешейка вплоть до реки Анадырь [30, с. 18].

Впрочем, этот пиетет по отношению к своему учителю и непосредственному руководителю станет понятным, если знать, что даже спустя два с половиной века другой выдающийся историк Б. П. Полевой во многих своих работах постоянно именуем пространство, расположенное между Пенжинской губой и Беринговым морем, Камчаткой; морское побережье от устья реки Пенжины и до Камчатского перешейка включительно — северо-западной оконечностью полуострова Камчатки; а самым узким местом Камчатского полуострова считает ту его часть, которая располагается напротив острова Карагинского.

К сказанному остается добавить, что относительно самого междуречья Лесной и Караги автор «Описания земли Камчатки» пишет: «... а от Кинкиля в 20 верстах река Уемлян, которая от казаков Лесною называется. Сия река вершиною сошлась с рекою Карагою, как уже выше объявлено, чего ради по ней дорога есть на Восточное море...» [2, с. 150]. И ни слова ни до, ни после, о том, что это самое узкое место на полуострове и что только здесь можно видеть оба моря одновременно. Вот и получается, что Б. П. Полевой неверно проинтерпретировал С. П. Крашенинникова как в части определения самого узкого места полуострова, так и в части наименования материковой территории, расположенной севернее перешейка между Пенжинской губой и Беринговым морем, Камчаткой.

Но вернемся к его описанию маршрута В. Атласова. Удивительно, но, говоря о проходе атласовцев через долины рек Лесной и Караги, Б. П. Полевой не замечает, что в этом случае отряд вышел бы не к «плоторским острогам», как утверждают и В. Атласов, и он сам, а к карагинским. Как не замечает он и того, что, следуя по восточному побережью полуострова от реки Караги к корякам-олоторцам, обитающим на реке Олоторе, отряд вторично бы пересек Камчатский перешеек. Ну и, наконец, не замечает он и того, что при таком раскладе отряд самого В. Атласова после разделения должен

был вновь выйти от реки Олюторы на восточное побережье Пенжинской губы и тем самым описать огромный круг. Или, по крайней мере, произвести зигзаг от реки Лесной до реки Олюторы и обратно, если бы он от реки Олюторы выходил на западное побережье по своему же следу — то есть сперва к реке Караге, а затем к реке Лесной. Но ни о том, ни о другом у В. Атласова, как и у самого Б. П. Полевого, нет ни слова.

Так что остается только выразить сожаление по поводу того, что Б. П. Полевой, идя на поводу своего ложного суждения о географии региона, что называется, в упор не видел подлинного абриса Камчатки. Именно сожаление, ибо эта необъяснимая ошибка, как, пожалуй, никакая другая, демонстрирует то самое незнание историками-профессионалами географии региона, о котором говорилось выше.

Правда, поспешу заметить, не исключается, что именно профессионализм и послужил причиной столь нелепой ошибки маститого ученого. То есть, говоря иначе, постоянно работая с первичными архивными материалами и, прежде всего, с самыми первыми картами Северо-Востока и Камчатки (рис. 2), Б. П. Полевой настолько вжился в ту эпоху, что стал смотреть на вещи и ситуацию тех лет глазами человека того времени. И хотя это не извиняет Б. П. Полевого как историка, как человека его понять можно. Тем более, что он был далеко не единственным, кто так необъяснимо заблуждался в географии полуострова.

К примеру, полувеком ранее Е. П. Орлова [22, с. 14], говоря об этой же части маршрута отряда В. Атласова: «Оттуда (от Усть-Таловки. — *В. Б.*) ехали они две недели подле моря и где-то возле Паланы перевалили через «высокую гору» и попали в район Олюторки», — настолько исказила географию Камчатки, что впору только разводиться руками. Потому что мало того, что она в этом своем мнении некритично отнеслась к данным С. П. Крашениникова (см. выше), но еще и не увидела, что река Олюторка располагается далеко за пределами полуострова.

Впрочем, кто не ошибается! Мне же остается только выразить недоумение по поводу того, что среди множества критиков Б. П. Полевого и, главное, среди еще большего числа его горячих камчатских почитателей и поклонников не нашлось никого, кто бы сумел убедить маститого ученого в названных и некоторых других (постоянное, например, именование им Бобрового моря — то есть акватории Тихого океана, лежащей между Кроноцким и Шипунским полуостровами, частью Берингова моря) географических ошибках. И понадеяться на то, что в свете столь поразительных заблуждений этого крупного ученого мои собственные огрехи на историческом поприще будут восприняты достаточно снисходительно. А такая снисходительность, вернее — вдумчивое восприятие иного мнения, была бы очень даже к месту при рассмотрении предлагаемого мною варианта движения отряда В. Атласова к полуострову.

Но почему предлагается еще один, и совершенно новый, вариант движения отряда В. Атласова от реки Пенжины к реке Алюторе? Да прежде всего потому, что всех вышеперечисленных нестыковок и заблуждений в той или иной степени можно избежать, если предположить, что от реки Пенжины В. Атласов решил направиться не к самому полуострову, а сразу же к реке Алюторе (рис. 3). Уместно ли такое предположение и насколько? На мой взгляд, вполне. Особенно, если принять во внимание некоторые привходящие обстоятельства.

Напомню, во-первых, что в поход В. Атласов отправился без разрешения якутского воеводы — а за это можно было очень серьезно поплатиться. Во-вторых, достигнув Аклана и Каменского, В. Атласов, вопреки правилам того времени, предписывающим брать ясак с одних и тех же острогов раз в два года, вновь обложил ясаком пенжинских коряков, годом ранее обьясаченных Михаилом Многогрешным [10, с. 79; 20, с. 68]. За что также пришлось бы отвечать — во всяком случае, новый анадырский приказной Григорий Постников, узнав об этом из жалобы коряков, во второй раз попытался вернуть В. Атласова, дабы тот не натворил новых бед. Так что только достаточное количество привезенной пушнины — победителей не судят — могло загладить вину В. Атласова, и он, человек недюжинного ума, прекрасно это понимал. В-третьих, дойдя до Усть-Таловского острога — то есть, действительно пройдя немного «подле моря», В. Атласов убедился (как раньше в этом же убедились и казаки, посещавшие северные и западные берега Пенжинской губы), что на ее безлесном побережье пушного зверя и, прежде всего, соболя, ожидать не приходится. В-четвертых, хотя он и знал из донесений Луки Морозко о наличии пушных зверей на самой Камчатке, абсолютно быть уверенным в успехе своего предприятия на полуострове он не мог.

А потому он решил подстраховаться. Тем более, что повторный сбор ясака с пенжинских коряков потребовал у не готовых к такому повороту событий жителей долины реки Пенжины времени для отыскания нужного количества пушнины. То есть и время работало против В. Атласова. Вот отчего, когда его догнали Лука Морозко и Иван Голыгин, которые 23 февраля 1697 г. «сдали» Анадырский острог Григорию Постникову и с небольшим отрядом бросились в догон за В. Атласовым [20, с. 68], пятидесятник, убевившись на деле, что на избранном им пути ни людей, ни пушных зверей нет, дабы не рисковать головой, повернул к обьясаченным в 1695 г. Лукой Морозко (и по его, надо полагать, подсказке) «плоторским корякам», чтобы хоть с них, и на законных при этом основаниях, собрать ясак.

Кстати, то, что Л. Морозко и И. Голыгин, вышедшие из Анадырска через два с лишним месяца после В. Атласова, догнали его в устье реки Пенжины, лучше любых других доводов доказывает мое предположение о существенной — двухмесячной — задержке отряда атласовцев в районе Каменского.

Но, продолжу развитие темы, самой главной причиной резкого поворота атласовцев к «Люторскому морю» вновь оказался обычный («шкурный», как было сказано выше) личный интерес казаков. Ибо всем им, включая и шедших вместе с ними ясачных юкагиров, в первую и главную очередь нужна был пушнина. А на пути вдоль (подле) моря, или по Парапольскому долу добыть ее было невозможно. Хотя, конечно же, сыграли свою роль и погодные условия прибрежной территории (постоянные и очень жестокие пурги), и достоверное знание названного пути в Олюторскому морю.

Казалось бы, что этому предположению противостоит свидетельство самого В. Атласова: «И от тех де острогов (Каменного и Усть-Пенжинского. — В. Б.) поехал он, Володимер с служилыми людьми в Камчатский нос и ехал на оленях подле моря 2 недели, и от того Камчатского носа, по скаскам иноземных вожей, пошли они через гору и пришел к люторским острогам, к иноземцом к люторам...» [27, с. 20].

Но это только казалось бы. Ибо «поехал... в Камчатский нос», вовсе не означает, что он действительно вначале «приехал» в этот самый «нос», а уж только потом повернул к «люторским острогам». Более того, хотя движение к Камчатскому носу и было генеральным направлением движения отряда В. Атласова (а точнее — его конечной целью), это отнюдь не означает, как считают те же, например, составители атласа «Камчатка», что атласовцы сначала достигли полуострова, и только затем повернули на восток.

Что же касается высказывания В. Атласова о движении «подле моря», то оно, скорее всего, говорит о том, что он (и с полным на то основанием) был убежден в том, что к Алюторке можно было попасть, обойдя Камчатский нос вдоль берега. И это предположение тем более вероятно, что он не знал подлинных размеров этого самого носа. А тем самым, следуя к реке Алюторе, он вполне закономерно считал, что, в конечном счете, следует «подле моря». К тому же, стоит добавить, что выражение подле моря вовсе не означает — вдоль самого берега моря.

Ну а чтобы окончательно убедить моих возможных оппонентов в том, что атласовцы действительно пошли прямо к «люторским острогам», обращаю их внимание на буквально аналогичную ситуацию, сложившуюся при движении отряда В. Атласова от реки Кыгыл (Тигиль) к реке Камчатке. Ситуацию, подчеркну, изложенную самим В. Атласовым и, еще раз подчеркну, практически теми же самыми словами, которые говорились им по поводу движения отряда от реки Пенжины: «... взяв вожев дву человек, пошел с служилыми людьми и остальными ясачными юкагирами, которые не в измене, подле моря на оленях и дошел на Камчатку реку» [27, с. 22]. То есть совсем в другую сторону, оказывается, попал отряд, следуя «подле моря» от Тигиля. Но чем, позволено спросить в таком случае, движение отряда от реки Пенжины до реки Алюторы отличается от его же движения от реки Тигиль к реке Камчатке?

Впрочем, о том, как, каким то есть путем, попал В. Атласов на реку Камчатку, следуя от Тигиля, речь пойдет в другой раз. А пока добавлю, что, по мнению Б. П. Полевого, на «Чертежу вновь Камчадальской земли и моря», созданном картографом С. У. Ремезовым при содействии В. Атласова в 1700 г., маршрут отряда казаков, нанесенный пунктиром, от реки Пенжины резко поворачивает к «губе Люторской» [24, с. 97—98]. И очень жаль, что явная предубежденность («самое узкое место полуострова расположено напротив острова Карагинского») не позволила столь высокопрофессиональному историку увидеть, что к «люторским острогам» отряд В. Атласова двигался не по восточному побережью Пенжинской губы, а по тропе, наезженной местными жителями через северную часть Парапольского дола.

Что же касается выражения «подле моря», то стоит еще раз заметить, что далеко не всегда следует слова очевидцев, в данном случае слова самого В. Атласова, воспринимать буквально. Особенно учитывая давность лет, разность менталитетов и, отсюда, совершенно различные способы выражения и восприятия мыслей. К тому же, добавлю, ни в коем случае, говоря о походе Атласова, нельзя забывать того, что свои сказки пятидесятник диктовал спустя три и четыре года после начала похода. То есть постоянно следует помнить о том, что он не только подзабыл кое-какие детали, но и сознательно многое утаивал, как сознательно же многое — ту же численность местного населения полуострова, например — преувеличивал. Не говоря уже о том, что вспоминал он прошлое не в строгой хронологической последовательности и далеко не всегда привязывал свои конкретные дела и шаги к конкретным же местам и времени.

Ну а самое главное, надо всегда помнить о том, что при всех своих отрицательных качествах, человек он был ума недюжинного и прекрасно знал не только то, что надо говорить, а что нет, но и то — кому и что хочется услышать. А слышать в Тобольске и Москве, где записывались «Сказки», хотели именно о самой Камчатке, а не о тех или иных нюансах передвижения отряда на пути к ней.

Но продолжим о самом походе. Итак, предлагаемый мною вариант маршрута начинался от устья реки Таловки. А точнее — от Усть-Пенжинского (Усть-Таловского) острожка, как пишет сам В. Атласов [27, с. 20]. Куда отряд действительно попал, двигаясь «подле моря». Однако, пройдя «подле моря» (возможно и несколько далее Усть-Таловского острожка) и убедившись, что кроме голых сопок на пути ничего нет, отряд повернул к найденной тропе, выходящей по реке Харитоня к перевалу через Пенжинский хребет. То есть тот самый хребет, который В. Атласов именует «высокими горами», через которые атласовцы вышли к «люторским острогам» Не слишком ли далеко эти горы расположены от реки Алюторы? Да нет, всего лишь ненамного дальше, чем Срединный хребет, выдаваемый за таковые «высокие горы» ав-

торами уже не раз упоминаемого атласа «Камчатка», тем же Б. П. Полевым и тем более Е. П. Орловой.

Что же касается вероятности прохода через теснину долины реки Таловки, как предполагают составители атласа «Камчатка», которая прорезает этот хребет, то этому воспрепятствовал бы целый ряд причин. Во-первых, отсутствие в зажатой между гор долине богатых оленьих пастбищ. Во-вторых, наличие пойменного леса, который надо было бы постоянно пересекать, переходя с одного борта долины на другой в местах, где река подрезала крутые склоны, что с оленями делать нелегко. В-третьих, за счет стекания со склонов гор холодного воздуха и его последующего выхолаживания, морозы в этой части речной долины были на 5, а то и на все 10° ниже фоновой температуры, при том, что сама она в этих местах даже в марте может достигать минус 35 °С и ниже. И это дополнительное охлаждение могло привести (да и приводило — сужу по опыту работы на Парापольском долу, где реки перемерзают насквозь) к образованию наледей, которые, как и густые заросли ивняка, создавали дополнительное препятствие для передвижения оленьего поезда.

Так что, скорее всего, отряд В. Атласова пересек Пенжинский хребет по веками набитой тропе. Перевалив через хребет, он по этой же тропе вышел к реке Энычаваям — правому истоку реки Таловки. Затем, следуя по тропе, идущей по долине этой реки и по долине ее левого притока реки Найвалваям, отряд подошел к перевалу Евъин-Энельхан (при 278 м абсолютной высоты перевал, плавно возвышающийся над окружающей местностью, явно не претендует на звание «высоких гор») в северной части Ветвейского хребта. Преодолев перевал, отряд попал в долину реки Вывенки, в те времена именуемой Алутора или Олутора [18, с. 61]. А затем, двигаясь по ее долине, отряд неизбежно выходил к району нынешнего национального села Хаилино, а точнее — к тому месту, где оленные маршруты и пешеходная тропа от реки Олюторы поворачивают к реке Пылговаям, следуя по долине которой казаки вышли к реке Пахаче (Погыче) и затем к устью реки Апуки, где двумя годами ранее Л. Морозко поставил зимовье для сбора ясака [10, с. 79; 20, с. 66].

Вот так отряд В. Атласова добирался до реки Алюторы. Достоверность (точнее, правомочность) предложенной версии маршрута отряда В. Атласова, помимо приведенных ранее свидетельств, подтверждают еще два, как минимум, обстоятельства. Во-первых, то, что об этом пути казаки знали. Знали как от предшественников, к тому времени объясачивших жителей долины реки Пенжины; как от местных жителей, которых они расспрашивали буквально с пристрастием; так и от того же Луки Морозко, прошедшего этим путем (или его частью) двумя годами ранее. А, во-вторых, то, что буквально сразу же после похода В. Атласова этот маршрут стал постоянным путем

следования русских из Анадыря на полуостров и обратно. Во всяком случае, всего три года спустя после похода В. Атласова на полуостров той же дорогой проследовал первый камчатский приказчик — боярский сын Тимофей Кобелев. А еще через два года этим же путем прошла группа служивых людей во главе с Андреем Кутыным, которая поставила шесть зимовий на реке Уке. Ну а в последующие времена, особенно после того, как на реке Алюторе казаками был (дважды) построен Олюторский острог, этот маршрут и вовсе стал основным путем, связывающим Камчатку с Анадырем. Хотя иногда летом на Камчатку плавали морем до с. Лесная (а, возможно, и до Тигиля) на байдарах, построенных в устье реки Черной, а в марте-апреле, когда спадали морозы и образовывался мощный наст, казаки, дабы обойти воинственных олюторцев, на собачьих нартах передвигались и по западному побережью Пенжинской губы.

Впрочем, на этом я и завершу до времени описание похода В. Атласова. И не столько даже потому, что более чем с лишком исчерпал положенный лимит объема статьи, сколько потому, что в походе его отряда по полуострову неясных мест также более чем предостаточно. Начиная с того, каким путем проследовал отряд самого В. Атласова после раздела на западное побережье Камчатки. И продолжая тему — сразу же от реки Кыгыл (Тигиля) двинулся отряд Атласовцев к реке Большой, или все же после похода в долину реки Камчатки.

Дело в том, допоясню, что согласно С. П. Крашенинникову: «... Морозко с Атласовым сошелся на Тигиле реке, а с Тигиля пошли они вперед подле Пенжинского моря, и дошли до Гольгиной реки, где из их партии убит один служивой, Гольгин прозванием, отчего она река и по сие время Гольгиною называется, а на бою ли он убит или иным каким образом про то неизвестно.

От реки Гольгиной Володимер Отласов воротился назад и шел тою же дорогой, которую и вперед и, дошед до Ичи реки, зимовал.

Той зимы Морозко Старицын отпросился с двумя иными служивыми на Тигил для свидания с друзьями, от которых друзей они и убиты.

Володимер Отласов, перезимовав на Иче, перебрался на Камчатку реку, а шел он с Ичи до Хариузовой подле Пенжинского моря, а потом и вверх по Хариузовой до ее вершины...» [16, с. 749].

Согласитесь, тут есть, над чем задуматься. Ну, хотя бы над тем, в Тигиле или все же в Палане соединились отряды В. Атласова и Л. Морозко? А ведь, кроме того, вызывает интерес и такая проблема: где — на реке ли Камчатке в двух верстах выше устья реки Еловки, в специально отстроенном для этого зимовье, или в двух зимовьях, расположенных на самой реке Еловке, в пятидесяти верстах от ее устья [15, с. 740] — и когда, то есть до похода на реку Большую или после — оставался тот же Лука Морозко с товарищи, если вообще оставался? Не говоря уже о прояснении всех (где и сколько

раз?) обстоятельств с возможным выходом самого В. Атласова на побережье Восточного (Бобрового) моря?

Однако для всего этого требуется переосмыслить большой объем накопленного на настоящий момент материала по истории первоначального освоения Камчатки. На что, как показал мой опыт работы над данной статьей, потребуется не менее полугода — не так-то это просто, оказывается, отрешаться от привитых и привычных представлений. И только после всего этого можно будет приступить к написанию второй ее части.

ИСТОЧНИКИ

1. Русские землепроходцы и мореходы: из истории открытия и освоения Сибири и Дальнего Востока / В. А. Авдеев, А. А. Измайлов, М. Н. Осипова, Ю. Ф. Соколов. — М.: Воениздат, 1982. — 80 с.
2. Белов М. И. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку. Т. 2. — М.: 1957. — 90 с.
3. Белов М. И. Подвиг Семена Дежнева. — М.: Мысль, 1973. — 223 с.
4. Берг С. Л. Очерки по истории русских географических открытий. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. — 358 с.
5. Берг С. Л. Великие русские путешественники. — М.; Л.: Детская литература, 1950. — 296 с.
6. Воскобойников В. И. Слово на карте. — Петропавловск-Камчатский: Книжная редакция «Камчатской правды», 1962. — 118 с.
7. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. — М.: Наука, 1971. — 300 с.
8. Йохельсон В. И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. Пер. с англ. — СПб.: Наука, 1997. — 237 с.
9. История Сибири. Т. 2. — Л.: Наука, 1968. — 538 с.
10. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. Н. Дикова. — М.: Мысль, 1989. — 492 с.
11. Камчатка. XVII—XX вв. Историко-географический атлас. — М.: Роскартография, 1997. — 112 с.
12. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. — 842 с.
13. Там же. С. 655—666.
14. Там же. С. 691—697.
15. Там же. С. 740—748.
16. Там же. С. 749—767.
17. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. — 438 с.
18. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. Т. 2. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. — 319 с.
19. Лебедев Д. М. География в России петровского времени. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. — 383 с.

20. *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец Земли Камчатки. — М.: РАН. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1997. — 192 с.
21. *Митрополит Нестор (Н. А. Анисимов).* Моя Камчатка. Записки православного миссионера. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2003. — 198 с.
22. *Орлова Е. П.* Ительмены. Историко-этнографический очерк. — СПб.: Наука, 1999. — 197 с.
23. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 1. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. — 159 с.
24. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. — Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1997. — 203 с.
25. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк важнейших событий в Камчатке // Вопросы истории Камчатки. Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005. — С. 5—103.
26. *Сергеев В. Д.* Страницы истории Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Дальневост. книжн. изд-во. Камчат. отд-е, 1992. — 191 с.
27. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 3 июля 1700 г. // Землепроходцы. Т. 1. — Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994. — С. 20—25.
28. Там же. С. 25—30.
29. *Стебницкий С. Н.* Очерки этнографии коряков. — СПб.: Наука, 2000. — 235 с.
30. *Степанов Н. Н.* Степан Петрович Крашенинников и его труд «Описание земли Камчатки» // *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. — С. 13—84.

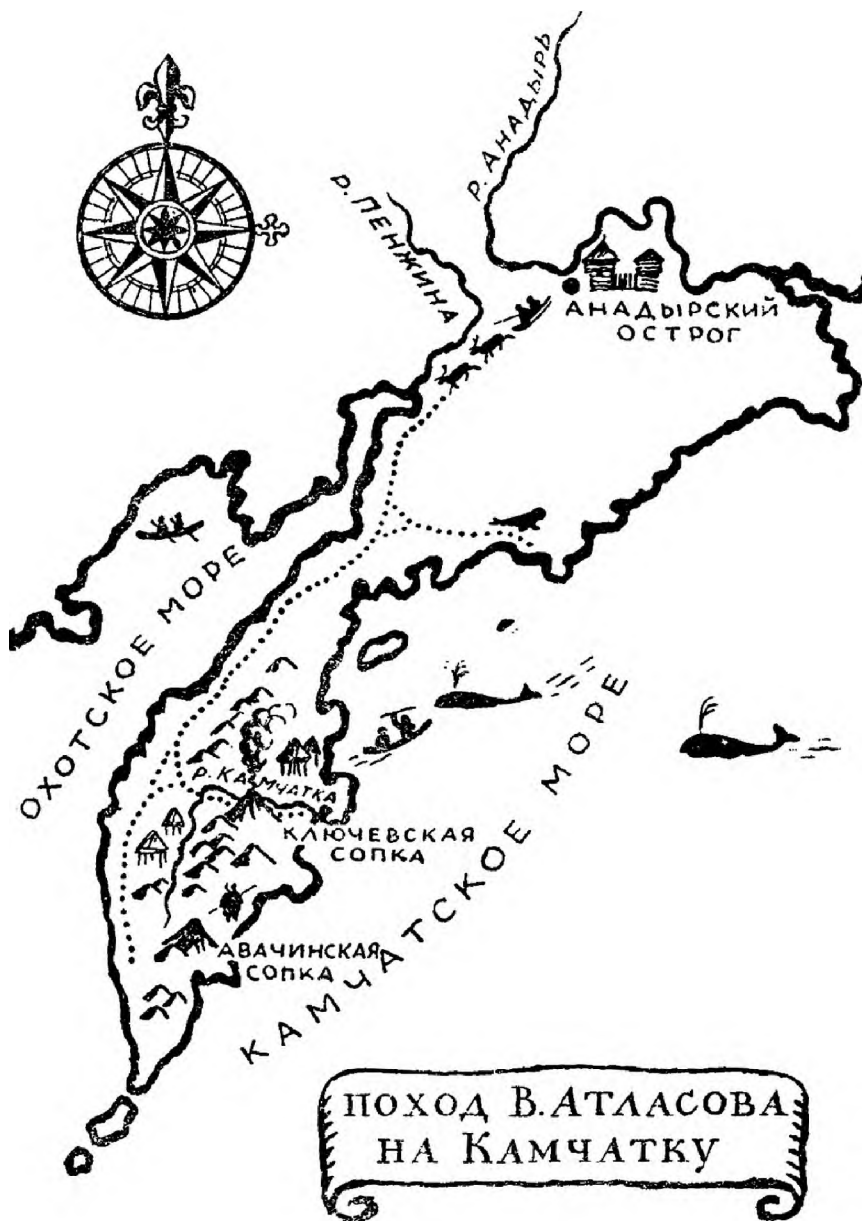

Рис. 1. Движение отряда В. Атласова к Камчатке и по Камчатке по Л. С. Бергу [5, с. 68]

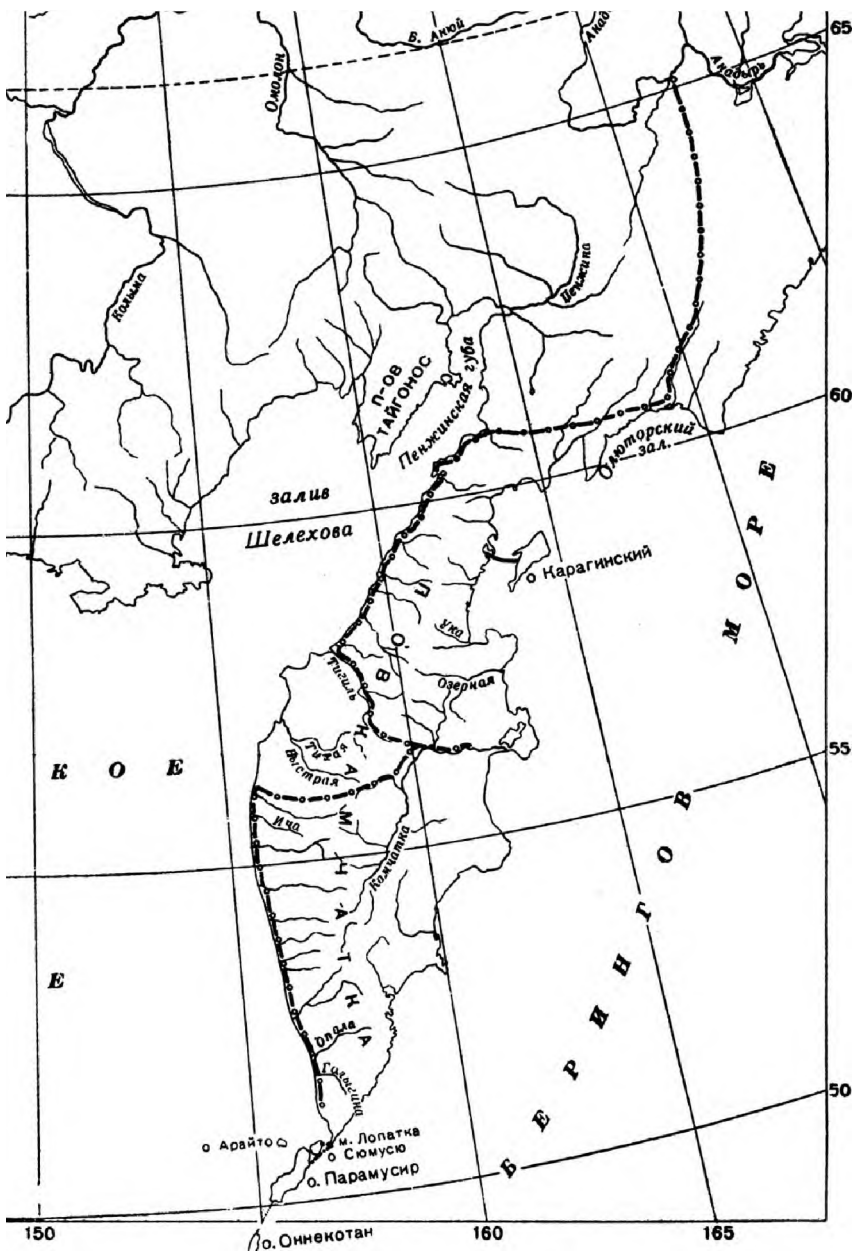

Рис. 2. Движение отряда В. Атласова к Камчатке и по Камчатке по Д. М. Лебедеву [17, с. 77]

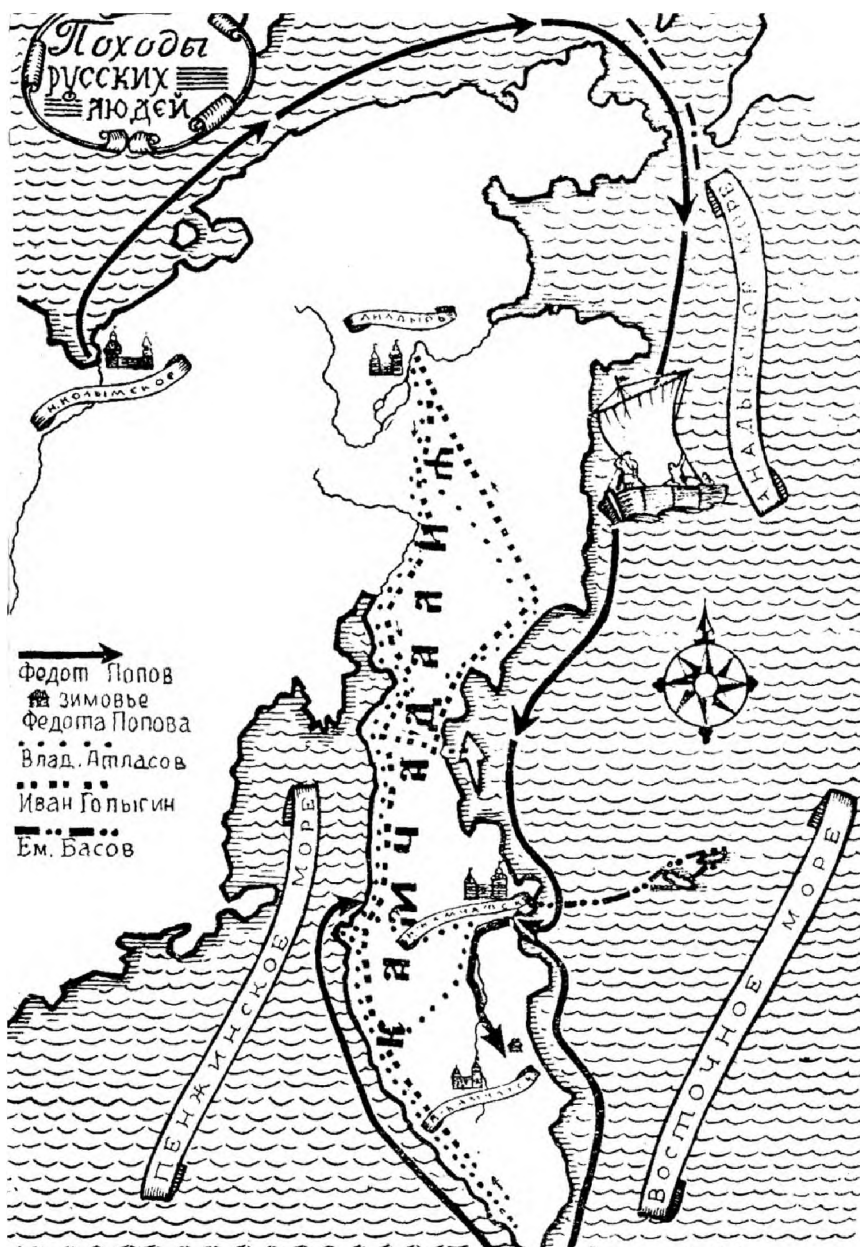

Рис. 3. Движение отряда В. Атласова к Камчатке и по Камчатке по В. И. Воскобойникову [6, с. 41]

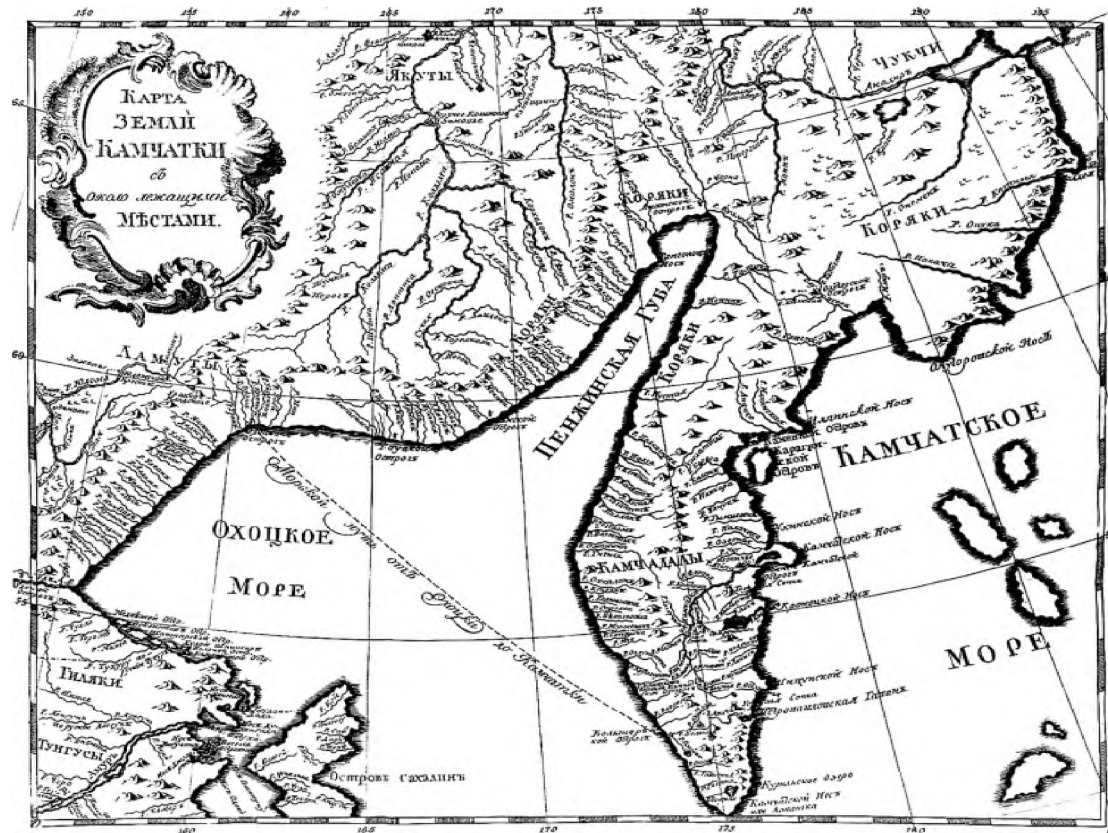

Рис. 4. «Карта Земли Камчатки с окололежащими местами» из работы С. П. Крашениникова

ПОЕЗДКИ С. П. КРАШЕНИННИКОВА ПО КАМЧАТКЕ

На основе сравнительного анализа книги С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и работ, комментирующих его путешествия по Камчатке, показывается, что почти на всех приводимых карт-схемах отсутствуют маршруты С. П. Крашенинникова по реке Облуковине, по которой он проезжал трижды. Вместе с тем проводятся маршруты по рекам Колпаковой и Воровской, а также по морскому побережью вокруг Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов, где он не проезжал никогда. Выявлен ряд других, несколько более мелких, но принципиальных ошибок в интерпретации путей С. П. Крашенинникова. Приводится новая, оригинальная схема его поездок по полуострову.

Знаменитый труд Степана Петровича Крашенинникова «Описание земли Камчатки». Отнеситесь к этой книге с особым почтением: именно она справедливо считается самой первой в истории России научной академической монографией. Одновременно это и самый первый русский комплексный научный труд: ведь в нем с поразительной полнотой отражены ценнейшие сведения, относящиеся к самым различным наукам — к ботанике, зоологии, ихтиологии, лингвистике и истории. По существу книга Крашенинникова также является и самой первой русской региональной энциклопедией.

Б. П. Полевой

Как и любой человек, в силу тех или иных причин обратившийся к совершенно новой для него теме, я в своем приобщении к истории открытия и освоения Камчатки прошел через три закономерных стадии. Поначалу, как дилетанту, мне казалось, что в этой самой истории уже давно все известно, и мне остается лишь добросовестно проштудировать соответствующую литературу. Что я, собственно, и сделал. Однако по мере овладения материалом ко мне все чаще и чаще приходили вопросы, на которые не находилось ответов.

Например, почему маршрут В. Атласова по полуострову на участке от устья реки Пустой и до устья реки Тигиль прорисовывают вдоль самого берега моря? Ведь здесь побережье представляет собой сплошной обрыв, прерываемый лишь в устьях наиболее крупных — Подкагерной, Шаманки,

Лесной, Паланы, Пятибратки, Кахтаны, Воямполки, Тигиля, Утхолока и Хайрюзовой — рек. Да и все транзитные тропы проходят (проходили) в этом районе в 15—20 и более километрах от морского берега, подходя к нему поближе в устьях названных рек — да и то, если там располагались поселки коренных жителей.

Впрочем, неясности маршрута В. Атласова к Камчатке и по Камчатке можно понять и принять, ибо он в своих «Скасках» [8] приводит лишь отдельные и наиболее значимые вехи своего пути, и потому возможность интерпретации не исключается и даже допускается. Но вот как понимать то, что все исследователи, говорящие о поездках С. П. Крашенинникова по Камчатке, просто-напросто искажают его реальные маршруты? Я, честно говоря, не знаю. И потому просто приведу конкретные примеры.

Итак, есть несколько карт-схем маршрутов путешествий С. П. Крашенинникова, приводимых в нескольких источниках. Как можно видеть, и на карте-схеме из предисловия к «Описанию земли Камчатки», изданному в 1949 г. [4, с. 34], и на карте-схеме Н. Г. Фрадкина от 1954 г. [9, с. 44] отсутствуют маршруты (а их было три) по реке Облуковиной. Зато имеются маршруты по рекам Колпаковой и Воровской, по которым С. П. Крашенинников никогда не проезжал. На карте-схеме того же Н. Г. Фрадкина от 1974 г. [10, с. 30] неизвестно по какой причине выпала часть маршрута от Верхнего Камчатского острога по рекам Пovyиче (Кавыче) и Жупановой. Что же касается карты-схемы из предисловия Б. П. Полевого к факсимильному изданию «Описание земли Камчатки» 1994 г. [5, с. 22], то она является полной копией карты-схемы Н. Г. Фрадкова от 1954 г. и потому в специальном комментарии не нуждается.

Относительно карты-схемы, составленной авторами историко-географического атласа «Камчатка» [2, с. 43] следует сказать, что его делали свои, а потому, казалось бы, наиболее заинтересованные в истине, люди. Но, как выясняется, заинтересованность — это одно, а соответствие реальности — совсем другое. С реальностью-то здесь как раз и плохо. Правда, надо отдать должное, маршрут С. П. Крашенинникова по реке Облуковиной на этой карте-схеме после долгого забвения все-таки появился. В том смысле долгого, что еще в 1939 г. А. И. Андреев в своей статье «Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова» [1] писал о том, что второй зимний маршрут С. П. Крашенинникова в Нижнекамчатск проходил по реке Облуковиной. Хотя и он не упоминает о том, что исследователь проезжал по этому пути трижды. Однако по-прежнему присутствует маршрут по реке Колпаковой.

А ведь в своем «Описании земли Камчатки» С. П. Крашенинников ни разу не говорит о том, что он проезжал по этой реке — или, тем более, по реке Воровской. Он всего лишь добросовестно отметил, что помимо реки Облуковиной ительмены при своих путешествиях с западного побережья в доли-

ну реки Камчатки и обратно иногда ездят и по долинам других рек. И подчеркнул: «Есть же из Большерецка в Верхней острог как с Пенжинского так и с Восточного моря и другие дороги: ибо нет почти такой впадающей в оба моря реки, по которой бы не можно было на Камчатку проехать: но понеже по оным дорогам ездят токмо одни Камчадалы, или казаки по необходимому случаю, то о них писать нет нужды: для того что их проезжими почесть не можно» [5, с. 142—143].

И это еще далеко не все ошибки названного атласа. Например, все маршруты из Большерецка в Паратунку прорисовываются в нем по реке Плотниковой (Большой), тогда как на самом деле С. П. Крашенинников из Опачи (Апачи) ехал напрямую через горы к Начикинскому острогу. И лишь однажды обратной дорогой проехал по долине реки Плотниковой. Один из маршрутов С. П. Крашенинникова от Начикинского острожка (острожек Мышху) к Авачинской губе и обратно проложен напрямую — от реки Большой (Плотниковой) к долине притока реки Паратунки Лево́й Быстрой и по ней — к Паратунскому острогу. Однако сам С. П. Крашенинников постоянно отмечал, что от острожка Мышху к Паратун острожку и обратно он ездил по реке Аваче и ее притоку реке Коряжской (Коонам речке). И ни разу — по реке Лево́й Быстрой.

Впрочем, предоставлю слово самому С. П. Крашенинникову: «Коонам речка течет в Авачу с южнозападной стороны, а до вершины ея от устья верст с 50 полагается. По сей речке обыкновенно ездят с большой реки к Петропавловской гавани, а дорога проложена от острожка Мышху в верх по речке Сугачу до ея вершины, и оттуду вниз по другой речке Сугачуж, которая пала в Коонам, до ея устья, а от устья вниз по речке Коонам до реки Авачи» [5, с. 38].

Кстати, о реке Коонам (Коряжской) и поселке Коряжском. Если верить С. П. Крашенинникову (а не верить ему оснований нет), то нынешний поселок Центральные Коряки к корякам, некогда обитавшим в долине реки Авачи, никакого отношения не имеет. Ибо, как пишет исследователь, «верстах в 8 ниже устья Коонам пала в Авачу с северу Имашху речка, над которою живут Коряки. Они были прежде оленными, но по отогнании оленей их неприятелями учинились сидячими и поселились на объявленном месте...» [5, с. 38—39].

Но единственной рекой, которая в Авачу впадает с севера в 8 верстах или в 16 км (верста — русская мера длины, равная 500 саженой или 1,0668 км. До XX в. существовала межевая верста в 1 000 саженой — 2,1336 км, употреблявшаяся для межевания и определения расстояний между населенными пунктами [Советский энциклопедический словарь. Гл. ред. А. М. Прохоров. 1990]) от устья реки Коряжской, является река Пиначевская.

Вот и получается, что подлинный коряжский острожек (который, судя по Крашенинникову, именовался Имашху) располагался не возле устья нынешней реки Коряжской (а значит, добавлю, и современное название этой реки

не соответствует исторической истине), а возле устья реки Пиначевской. Кстати, только после восприятия этого факта становится понятным, почему самый высокий — Коряжский — вулкан в Авачинской вулканической группе, стоящий как раз напротив устья реки Пиначевской, получил свое название. Впрочем, это я так, к слову. К слову о том, что Коряками более впору именовать современное Елизово, а не тот поселок — Центральные Коряки, который стоит в устье реки Коряжской.

Не ездил С. П. Крашенинников и к Авачинскому вулкану, как считают составители атласа, проводя, к тому же, его маршрут к «Горелой сопке» от Аушина (Ниакшина) острожка. Сам С. П. Крашенинников по этому поводу пишет: «Генваря 27 дня посылал я служивого для проведывания пути к горящей горе, которой 29 дня поутру оттуда возвратился и объявил, что ради весьма глубоких снегов и частого кедровника на санках никоими мерами и на подножье горы въехать невозможно» [4, с. 563]. И отсылал он служивого не из Ниакиной бухты (Аушина острожка), где он в 1738 г. не был, а из Паратунского острожка, где в этот свой первый приезд он пробыл три дня.

Неверно, к сожалению, проложен на этой (и всех прочих) карте-схеме и обратный путь от Паужетских источников. Вот что пишет об этом С. П. Крашенинников: «В Кожокчино жильье приехал возвратно от ключей того же марта 29 дня около полуночи. Из Кожокчина жильья поехали мы возвратно в Большерецк марта 30 дня в 4 часа поутру и того дня на вершинах Аадачя речки ночевали. Марта 31 дня приехали в острожек Талмжу около полудни и, понеже снег днем от жару весьма рухол и собакам от такой езды трудно, то мы в нем ночевали, а апреля 1 дня часах в 4 по п(олудни) в Большерецкий острог приехали. От Большерецкого острога до горячих ключей и оттуда возвратно, *где не тою дорогою, которую мы вперед ехали* (курсив мой. — В. Б.), сочинил описание пути, которое при сем рапорте прилагается» [4, с. 567]. То есть на обратном пути, где-то после устья реки Опалы, С. П. Крашенинников постепенно удалялся от морского берега и выехал к Большерецку вдоль западных предгорий вулканов Малая и Большая Ипелька.

Общей для всех названных карт-схем ошибкой является также то, что все его зимние маршруты по реке Камчатке проложены мимо Толбачинского острожка. Зато возникает ответвление от, примерно, нынешнего Козыревска к вулкану Толбачик и обратно. Правда, это ответвление исчезло на карте-схеме Н. Г. Фрадкова от 1974 г. Но и только. А ведь С. П. Крашенинников специально к вулкану не подъезжал, а лишь наблюдал его из Толбачинского острожка и на подъезде к нему. И всегда проезжал на нартах через Толбачинский острог.

Почти на всех названных схемах нет и маршрута 1739 г. по левой стороне реки Камчатки. Хотя сам С. П. Крашенинников по этому поводу пишет следующее: «Из острожка (Тулуачь, Толбачика. — В. Б.) поехали генваря 8 дня, часах в 8 поутру, и ехали вниз по Тулуачю реке верст с 30 до самого устья, где

она в Камчатку впала. От устья ее, отъехав с версту, вверх по Камчатке, взнялись на левой ее берег и в сторону от нее поехали.

Колю, Козыревская река, шириною с Толбачик (Тулуачь) реку, от повороту с Камчатки верстах в 10, вышла из хребта и от того места, где мы к ней приехали, верстах в 29 в реку Камчатку впала по течению с левой стороны. От Камчатки по сей реке поехали лесом и чистыми местами, а, приехав к ней, на нее спустились и ехали вверх по ней до нижеозначенного острожка.

Колюгере, или Накшин острожек, на правом берегу Козыревской реки, от спуска верстах в 2. Строения в нем 2 юрты, 11 балаганов, ясашных иноземцев 15 человек, в том числе 9 собольников, от Машурина до сего острожка прямою дорогою 87 верст.

В острожек приехали ввечеру часах в 7 и ночевали. Здесь подводы переменили. Из острожка Колюгере поехали генваря 9 дня, поутру часах в 6» [4, с. 658—659].

От этого острожка С. П. Крашенинников поехал к реке Быстрой. От нее он выехал к устью реки Козыревской, отъехал от него полторы версты вверх по реке Камчатке, выехал на ее правый берег и направился к Краушчь речке (реке Крахче). Проехав по этой реке вниз с «полутреть версты», 9 января прибыл в острожек Курахшара (Голков острожек), стоящий на правом берегу речки Краушчь.

То есть, как можно видеть, Крашенинников, отклонившись от прямого маршрута вдоль русла реки Камчатки, описал за два дня по ее левой стороне почти полный круг. Кстати, в «Карте путешествий Крашенинникова по Сибири и Камчатке», приведенной на 29 странице вступительной статьи Н. Н. Степанова к «Описанию земли Камчатки» [4], таковая «петля» присутствует, но проводится она почему-то по правой стороне реки Камчатки, а не по левой.

Есть в названных картах-схемах и еще некоторые упущения. Например, отсутствуют небольшие маршруты от Монастырской заимки к устью реки Камчатки и обратно, а также в острожек Табачаул-Кик, «которой стоит над Нерпичьим озером» и обратно к Монастырской заимке, совершенные Крашенинниковым 11—13 февраля 1739 г. [4, с. 590]. Не отмечена поездка из Нижнего Камчатского острога в Ключи и обратно 19—22 февраля 1739 г. [4, с. 590]. Отсутствует однодневный маршрут на батах вверх по реке Радуге от Нижнего Камчатского острога и обратно 27 сентября 1739 г. [4, с. 602] и поездка из этого острога в острожек Шваннолом и обратно 19—23 ноября этого же года [4, с. 603]. Не нашли отражения на схемах и более или менее постоянные поездки С. П. Крашенинникова в устье реки Большой, совершаемые им для описания приливов и отливов. А также поездка 2—4 августа 1740 г. на реку Начилу для поиска жемчужных раковин.

Таким образом, упущений, искажений и откровенных ошибок у многочисленных комментаторов и толкователей путешествий С. П. Крашенинни-

кова более чем достаточно. И вызваны они были всего лишь невнимательным прочтением «Описания земли Камчатки». Причем, что особенно обидно, невнимательность проявили даже очень высокопрофессиональные специалисты. Например, тот же Б. П. Полевой, который, ни в малейшей степени не усомнившись, поместил в своем предисловии к факсимильному изданию «Описания земли Камчатки» карту-схему Н. Г. Фрадкина сорокалетней давности.

Правда, в данном случае он, скорее всего, доверился мнению хорошо ему известного автора. Но ведь он и сам в своей статье «Крашенинников Степан Петрович» писал: «Заинтересовавшись “востроверхой” Авачинской сопкой, он хотел совершить на нее восхождение, но не смог даже доехать до ее подножия «ради весьма глубоких снегов и частого кедровника» [7, с. 8]. А ведь сам С. П. Крашенинников по этому случаю сообщает: «В острожек (Паратунский. — В. Б.) приехали около полудни и пробыли в нем по 30 число сего месяца (января 1739 г. — В. Б.), понеже посылан был от меня на другой день по приезде сюда служивой для проведованья пути к горелой сопке, которой возвратился генваря 29 поутру и объявил, что ради весьма глубоких снегов и частого кедровника, на санках никоими мерами и на подножье горы въехать невозможно. И того ради я из оного острожка в Большерецкий острог возвратился» [4, с. 652].

И это, надо сказать, далеко не единственный случай невнимательного прочтения Б. П. Полевым оригинала. В той же статье, в продолжение уже приводимой фразы, он пишет: «Обратно возвращался (Крашенинников. — В. Б.) с заездом на р. Быструю на термальные источники у острожка Мылши (современные Малки)» [7, с. 8]. На самом же деле Крашенинников там никогда не был, ибо, как он пишет, «горячие ключи в шести местах мною примечены, 1) на реке Озерной, которая течет из Курильского озера, 2) на речке Паудже, которая в Озерную пала, 3) на речке Баанно, которая за россошину Большой реки почитается, 4) близ Начикина острогу, 5) около Шемякинского устья, 6) на ее вершинах» [4, с. 212].

Кстати о горячих ключах и дорогах С. П. Крашенинникова. Возвращаясь из Нижнекамчатска в Большерецк вдоль восточного побережья полуострова, он, по его словам, на 100 верст проскочил по незнанию мимо Верхне-Семячинских источников. А когда узнал об их существовании, то специально возвратился назад, чтобы посетить их. Но и этот немалый «крюк» не отражен ни в одном из упоминаемых в данной работе источников.

Что же касается острожка Мылши, через который, как считает Б. П. Полевой, якобы проезжал С. П. Крашенинников на обратном пути из Паратун острожка, то он явно спутал его с острожком Мышху (Начикин острожек). Здесь С. П. Крашенинников на пути к Паратунке специально задержался на один день, чтобы побывать на Начикинских термальных источниках.

А вот что он пишет, например, о маршруте С. П. Крашенинникова по северу Камчатки: «28—29 января 1740 г. Крашенинников совершил переезд с р. Караги на р. Лесную, впадающую в Охотское море. Так он пересек наиболее узкое место полуострова, где с перевала в ясную погоду видно одновременно два моря — Берингово и Охотское» [7, с. 10]. То есть, утверждает историк, самое узкое место полуострова приурочивается к промежутку между реками Лесной и Карагой. А вот это ошибка и ошибка весьма серьезная. Ибо наиболее узким местом полуострова, если исключить мыс Лопатку, является Камчатский перешеек, соединяющий полуостров с материком. И чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на географическую карту.

Кстати, приведенное суждение Б. П. Полевого о самом узком месте полуострова повторяется, буквально, в десятках работ этого плодовитого ученого. Причем, специально подчеркну, всякий раз для подкрепления данного утверждения он использует одну и ту же выдержку из «Описания земли Камчатки»: «Для того, что в тех местах земля так узка, что по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно...» Вот и в этом случае в ссылке под номером 46 он приводит эту же фразу без всякого изменения [7, с. 22].

И все бы ничего, но в труде С. П. Крашенинникова написано совсем не то, и совсем не так: «Камчатскою землицею и Камчаткою просто называется ныне оной великой мыс, который составляет последний предел Азии с восточную сторону, и от матерой земли в море около семи градусов с половиною с севера на юг простирается».

Начало сего мыса полагаю я у Пустой реки и Анапкоя, текущих в ширине $59^{01/2}$ из которых первая в Пенжинское, а другая в Восточное море впадает. 1. Для того, что в тех местах земля так узка, что по достоверным известиям, с высоких гор в ясную погоду на обе стороны море видно, а далее к северу земля становится шире, чего ради узкое сие место, по моему мнению можно почесть за начало перешейка, соединяющего Камчатку с матерою землей, 2. что присуд камчатских острогов токмо до объявленных мест простирается, 3. что северные места за тем пределом Камчаткой не называются, но больше принадлежат заносью, под которым именем Анадырской присуд заключается. Впрочем, не совсем опровергаю и то, что подлинное начало сего великого мыса между Пенжиною рекою и Анадыром почитать должно» [4, с. 98—99].

То есть, как можно видеть, говоря о самом узком месте полуострова, С. П. Крашенинников имел в виду собственно Камчатский перешеек. И ни разу бывший студент не употребил этих слов по отношению промежутка между устьями рек Лесной и Караги.

Из всего сказанного можно сделать несколько выводов, которые нам пригодятся в последующем. Вывод первый — Крашенинников знал географию региона куда как лучше, чем многие пользователи его материалов. Вывод

второй — излишняя доверчивость к комментаторам классиков далеко не всегда уместна. То есть, одно дело, когда человек, желая побыстрее получить какие-нибудь сведения о чем-либо, подходит к этому чисто прагматически, обращаясь к лежащим «под рукой» источникам информации, каковыми и являются всякого рода компиляции и вольные переложения классических трудов. И совсем иное дело, когда он пытается по-настоящему, поглубже разобраться в сути дела — тут уж без внимательного прочтения и анализа самих первоисточников никак не обойтись.

Ну и, наконец, вывод третий, и основной. Только внимательный анализ первоисточников может подвигнуть на поиск нового материала, на выяснение новых обстоятельств, на обоснование иных идей и преставлений, на выдвижение, наконец, новых проблем и суждений. Одной из таковых лично для меня и послужила проблема поездок С. П. Крашенинникова по Камчатке, к которым я и возвращаюсь.

Не берусь сразу же восстановить подлинность всех маршрутов С. П. Крашенинникова по полуострову. Но один из них опишу поподробнее. И начну с того, что на всех перечисленных картах-схемах, за исключением схемы на 29 странице предисловия к изданию 1949 г., путь С. П. Крашенинникова от Нижнекамчатска к Караге, на участке — точнее — от устья реки Камчатки и до устья реки Уки, прокладывается по самому берегу моря.

Но вокруг Камчатского и Озерновского полуостровов по самому берегу моря можно пройти только пешком. Да и то с презрительным трудом и лишь в летнее время. Так что и это не соответствует действительности. И не соответствует тем более потому, что с западной стороны горные массивы этих полуостровов окаймляются очень удобными для проезда межгорными равнинами и речными долинами, по которым испокон веков пролегал санный дорога ительменов.

И в самом деле, как пишет С. П. Крашенинников: «По другой дороге также можно пересечь до реки Караги, которая вершинами сошлась с Лесною рекой, в 10 дней. Из нижнего Камчатского острога верст около 9 надобно ехать вниз по реке Камчатке, а оттуда чистыми местами до острожка Кыипынгана (на озере Нерпичьем или Колко-Кро. — *В. Б.*), где обыкновенно первую ночь ночуют: другую в острожке Агуйкунч, или Столбовском (на озере Столбовом. — *В. Б.*), как просто называется, третью на пустом месте (оставив позади Камчатский полуостров. — *В. Б.*), четвертую на Какеичь речке в острожке того ж имени, пятую в острожке Шевань (верховья реки Озерновский Севан, левого притока реки Озерной. — *В. Б.*), шестую в острожке Бахатанум над Укинским заливом или на Налачевой реке, которая от Бахатанума токмо в 6 верстах, седьмую на речке Уакамелян у тойона Холюли, осьмую на реке Русаковой, девятую на реке Кутовой, десятую в острожке Кыталгын, от которого река Карага только в трех верстах» [5, с. 145—146].

Почему никто не увидел этого описания дороги — мне непонятно. Вернее сказать, я еще могу как-то понять «европейских», так сказать, историков, которые никогда не бывали на Камчатке, а если и бывали, то не далее Петропавловска-Камчатского и его окрестностей. Ну хотя бы потому могу понять, что, не зная всех тонкостей географии полуострова, они попросту не имели подлинного представления о строении берегов камчатских морей. Хотя, конечно же, говорить о маршрутах исторических лиц, не поднимая при этом соответствующий географический материал, не очень логично.

Могу я понять и камчатских краеведов, которые, говоря об истории Камчатки (и много об этом зная), временно забывают об его географии, и наоборот, говоря о природе и географии полуострова (и опять же поражая эрудицией), на время забывают об его истории. Потому могу понять, что нормальный человек, как это установлено психологами, будучи способным одновременно удержать в памяти от трех до десяти фактов, принадлежащих к одной и той же сфере интересов, оперировать, тем не менее, более чем с двумя-тремя фактами, относящимися к различным областям знания, не может. То есть, в нашем случае, у местных краеведов, когда они говорят о географии полуострова, на время «отключается» тот свод знания, который относится к истории, и наоборот.

Но даже при всем этом совершенно непонятно, как целые поколения историков и краеведов, десятки лет обсуждая тему путешествий С. П. Крашенинникова по Камчатке, не смогли увидеть в его книге описания реального маршрута от Нижнекамчатска к реке Караге и как объяснить полное отсутствие рассмотрений его маршрутов по рекам Колпаковой и Воровской? Притом, что дотошный студент описывал свои маршруты самым тщательнейшим образом. И не отметить этот парадокс я не имею права. Как не имею права не привести более подробного описания всего маршрута С. П. Крашенинникова от Нижнекамчатска до Тигиля.

«За Камчаткою первая впадает в море река Унагкыг, которая течет из озера длиною 10, шириною 5 верст. Казаки называют оную реку Столбовскою, для того что с южную сторону есть в море неподалеку от берега три каменных столба, из кой которых одни вышиною до 14 сажен, а прочие пониже. Оные столбы оторваны некогда силой трясения или наводнения от берега, что там нередко случается: ибо в недавняя времена оторвало часть онаго берега вместе с камчатским острожком, который стоял на мысу по край оного. Камчадалы тот час сложили о том баснь, будто онай острожек разорен от морских касаток по причине произошедшей ними и камчадалами ссорами за ножик, которого требовали касатки.

Между Камчаткою и сею рекой вытянулся в море Камчатский нос, о котором при описании реки Камчатки объявлено. Море между оным и Кроноцким носом свойственно называется Камчатским.

С устья Столбовской реки на Камчатку есть и водный путь, а именно по Столбовской реке до Столбовского озера, из которого она выпала, верст с 15. Столбовским озером до устья впадающей во оное Точкальнум речки верст с 10. Точкальнум речкою до переволоки столько же; отсюда перетянув баты версты с две болотными местами до речки Пежаныч или Перевалочной (то есть, известна русским эта дорога была еще до Крашенинникова. — *В. Б.*), которая течет в озеро Колко-кро (Нерпичье. — *В. Б.*), переволочкою выплывают на объявленное озеро, а озером через исток в Камчатку.

Зимнею дорогою от Столбовской реки до Камчатки переезду небольшие сорока верст. Места, которыми ездят, все ровныя, так что ежели случится когда великое наводнение, то легко зделается пролив из реки Столбовской в Камчатку, нынешний Камчатский нос будет островом, как Карагинский.

От столбовской реки верстах в 12 течет в море речка Алтеи-кыг, которая от Камчадалов за приятную касаткам почитается: ибо сказывают они, что касатки по ней ходят обыкновенно на промыслы.

За Алтеи-кыгом в 3 верстах Увадачь, откуда в 5 верстах Уриленичь; от Уриленича в 8 верстах Еженглюдема, близко ея Хоель-еженгли (большая звезда), от больших звезд верстах в 2 Кумпанулаун, потом Колотежань, Кошходань, Карагачь, Токоледь (большая), Кодемкыг (малая) а на последок Озерная. От Кумпанулауна до Колотежания расстояния с версту, от Колотежания до Кошходана версты с 2, от нее до Карагачи версты с три, от Карагача до Токоледи с четверть версты, от Токоледи до Кодемкоча версты с 4, а от Кодемкоча до Озерной верст с 8.

Озерная река по камчатски Коочь-агжа, течет из под горы Шишила, а Озерною называется для того, что течет сквозь озеро, которое от устья ея в верстах 80. Камчадалы называют оную Коочь-ажга, то есть Еловское устье, потому что по ней можно проходить в батах на Еловку, как о том выше при описании Еловки объявлено. Близ устья сошлася с нею речка Уку, которая вышла из одного озера с вышеописанною Алтеи-кыгом.

От устья сей речки начинается Укинский (Озерновский. — *В. Б.*) нос, а по камчатски Тельпень, которой верстах на 70 выдался в море.

Келогычь (горбушья) речка от устья Озерной в 2 верстах, а от ней верстах в 3 речка Какеичь, над которою стоит Камчатский острожек одного с ней имени. В сем острожке случилось мне видеть обряды, как камчадалы после знатного тюленья промыслу, кости их будто бы гостей провожают, о чем в своем месте объявлено будет обстоятельно.

От Какеича в 20 верстах течет Кугуйгучунь речка, которая впала во внутреннюю губу (залив Маламваям. — *В. Б.*) длиною версты на 10. Между устьем Озерной и сей речки с 37 верст расстояния, а вверху так они близко сошлися, что с реки на реку переходу не более 20 верст.

В 7 верстах от Кугуйгучуна находится славная Укинская губа, которая в округе верст около 20 имеет, и которую кончается Укинский нос (на самом деле Укинский нос или Озерновский полуостров ограничивается заливом Маламваям. — В. Б.) с северною сторону» [5, с. 51].

Далее, скажу от себя, дорога действительно идет по самому берегу, который на всем протяжении до реки Караги представляет собой серию аккумулятивных кос многочисленных рек, отшнуровывающих устья этих рек от моря. Что же касается дороги от устья реки Караги через перевал до устья реки Уемлян (Лесной), то С. П. Крашенинников насчитывает здесь около 150 верст, ибо, как он сам пишет, «оное разстояние посредственною ездою переехал невступно в три дни» [5, с. 79].

От реки Лесной, продолжу дальнейший пересказ своими словами, недалеко от устья которой располагался одноименный острожек, до устья реки Кинкиль и Кинкильского острожка верст, по счислению С. П. Крашенинникова, с двадцать. И тут дорога действительно проходит вблизи морского берега. Но все же не по нему, а по приморским террасам.

От Кинкильского острожка дорога вновь отходит от моря, и по реке Кинкиль и по урочищу Волчий перегон, представляющему собой ровное тектоническое понижение между отрогами Срединного хребта с востока и Кинкильским поднятием с запада, через сорок верст выходит к среднему Паланскому острогу (Ангавить острожек), располагавшемуся на берегу р. Паланы (Качить-ваем) и отстоявшему от моря на двадцать верст. То есть на этом участке путь С. П. Крашенинникова пролегал достаточно далеко от берега моря.

Вновь ближе к морю нартовая дорога и летняя тропа коряков подходили в районе устья реки Пятибратки, где располагался одноименный корякский острожек, в котором обычно ночевали на пути из Паланского острога или наоборот. Причем от среднего Паланского острога туда можно было попасть либо через нижний Паланский острог (Онойнеран), стоящий в пяти верстах от морского берега, либо через верховья реки Пятибратки и по ее долине.

В 33 верстах от реки Паланы течет река Кактана (Кахтана), возле устья которой с южной стороны вытянулся в море каменный мыс, вследствие чего тропа выходит совсем близко к морскому берегу, в нескольких верстах от которого располагался острожек Гырачан.

В 35 верстах от Кахтаны протекает река Ваем-палка (Воямполка), над которою стоял корякский острожек Минякун. Если учесть, что современное село Воямполка расположено в тридцати, примерно, километрах от берега моря, то можно убедиться, что тропа и нартовая дорога вновь достаточно далеко отходили от морского берега.

От реки Воямполки тропа выходила к корякскому острожку Оманино (Аманина), располагавшегося в 18 км от устья реки Аманиной. От этого острожка обыкновенно проезжали либо до стойбища коряка Тынгену, располо-

женного в тринадцати верстах от устья реки Тигиль, либо до корякского острожка Калауч, стоявшего в двадцати верстах от моря.

Таким образом, и по западному побережью маршрут С. П. Крашенинникова также проходил не по самому берегу моря, как об этом можно подумать при обозрении упомянутых карт-схем, а вдоль него.

Ну а далее маршрут С. П. Крашенинникова к Нижнекамчатску пролегал, как это и описано у всех исследователей, по долинам рек Тигиль, Седанка, Еловка и Камчатка. Так что можно было бы и не описывать эту часть его дороги. Однако есть причина, по которой все же стоит привести авторское описание. Причем, хотя оно и приводится в обратном (встречном) направлении движению самого С. П. Крашенинникова, я не стану переводить его в «зеркальное» отражение. Все же подлинник есть подлинник.

«Из Нижнего Камчатского острога в северные места Камчатки до пределов уезду ея в северныя две проежкия дороги, одна чрез Еловку на Пенжинское море, а другая по берегу Восточнаго моря. Первая дорога лежит вверх по Камчатке до устья реки Еловки и вверх по Еловке до самой ее вершины, а от вершины чрез хребет на вершины реки Тигиля, по которой доезжают до самого моря, а оттуда неподалеку от моря до Лесной и Подкагирной, где кончится уезд Камчатский.

Умеренною ездою, буде нет на дороге препятствия от погоды, переезжают из нижнего Камчатского острогу к нижнему Тигильскому острожку, что Шипиным называется (современный Тигиль. — В. Б.), в 10 дней. Первую ночь ночуют у Камака в острожке, другую в Каменном, третью у Харчина, четвертую у Неведа, от Неведа на другой день доезжают до хребта Тигильского, на третей до Нютевена острожка, на четвертой до Мыжолга, на пятой до старого Шипина жилища, на шестой до жилья Коряки Тынгену, которое от Тигильского устья не более как верстах в 13.

От Тигиля следуя к северу первую ночь ночуют на Оманине, другую на Ваемпалке, третью на Кактане, четвертую у пяти братьев, пятую в среднем Палланском острожке, шестую на Кинкиле, седьмую на Лесной, а от Лесной на другой день доезжают до Подкагирной» [5, с. 144—145].

А причина, по которой стоило привести описание этой части маршрута, заключается в том, что на большинстве карт-схем путь С. П. Крашенинникова от Харчинского острожка к Нижнему Камчатскому острогу прорисован не по северным и северо-восточным предгорьям вулкана Харчинского, а вдоль западных и южных склонов обоих зареченских вулканов.

Таким образом, из описания маршрута от Нижнекамчатска до Караги становится ясным, что санний путь ни в коем случае не мог проходить по морскому побережью Камчатского и Озерновского полуостровов. Как, кстати, не мог он проходить и по морскому побережью вокруг Кроноцкого полуострова, ибо, как пишет С. П. Крашенинников: «От южного Култука

бобрового моря следуя поперек Кроноцкого носу с 50 верст перевалу через горы до речки Шоау, которая по другую сторону помянутого мыса в море впадает» [5, с. 48].

Что же касается путей С. П. Крашенинникова по западному побережью, то более или менее близко к морю они подходили лишь на некоторых участках. Но и в этих случаях они никогда не пролегли по самому берегу моря. Так что единственными местами, где северный маршрут С. П. Крашенинникова действительно проходил по морскому побережью, являются участки от устья реки Столбовой до устья реки Озерной и от Укинской губы до реки Караги. А на юго-западе полуострова — на участке от устья реки Большой до устья реки Озерной.

Таким образом, анализ первичного текста и созданных на его основе карт-схем поездок С. П. Крашенинникова по полуострову показывает, что многие комментаторы «Описания земли Камчатки» проявили либо невнимательность при прочтении самого описания, либо незнание географии полуострова, либо то и другое одновременно. И этот вывод лучше всех прочих доводится подлинным материалом из «Описания дорог студента Крашенинникова» [3], к которому я и отсылаю читателей (приложение).

Разумеется, это не означает, что моих собственных доводов недостаточно для того, чтобы убедить вдумчивого читателя в правоте моих суждений, представлений и обобщений. Однако целью моих изысканий является не убеждение кого бы то ни было в чем бы то ни было, а установление истины. А в этом деле никто, кроме самого С. П. Крашенинникова, не может сказать последнее слово. И это слово я ему предоставляю. Но предварительно замечу, что для того, чтобы последующее племя исследователей могло без лишней затраты времени и труда пользоваться этим «Описанием» (а это неизбежно, так как оно выполнено с указанием конкретных дат, мест и расстояний), я немного сократил (за счет, например, исключения сажен, тем более, что они в авторском тексте встречаются спорадически), материал самого Степана Петровича, а местами чуть-чуть и переименовал (путем приведения, например, соответствующих современных названий) его первоначальный текст. Но не более того.

Из этого описания со всей непреложностью следует, что, во-первых, С. П. Крашенинников трижды — в 1738 и в 1740—1741 гг. — ездил по реке Облуковиной, причем в последний раз проезжал по ней туда и обратно; что, во-вторых, он никогда не ездил по рекам Колпаковой и Воровской; и что, в-третьих, не ездил он и по морскому побережью вокруг Кроноцкого, Камчатского и Озерновского полуостровов. Как не ездил он и по морскому берегу и по пути от Большерецка до реки Облуковиной.

И это полностью подтверждает все те сомнения, которые были высказаны мною по отношению к имеющимся оценкам маршрутов С. П. Крашенин-

никова в начале статьи. Вот отчего вместо заключения я еще раз вернусь к высказанным там мыслям. К мысли о том, что, соприкоснувшись с историей открытия и освоения Камчатки, я с некоторым удивлением для себя обнаружил в ней изрядное количество неувязок, неточностей, а то и попросту открывенных ошибок, появление которых было обусловлено целым рядом причин. Излишне, например, буквальным восприятием некоторых, и далеко не всегда очевидных, данных, содержащихся в исторических документах, или, наоборот, столь же излишне вольной трактовкой однозначных исторических фактов.

К мысли о том, что немаловажную роль в появлении подобных исторических и географических ошибок играет то, что многие историки недостаточно хорошо знают специфические особенности природы региона, а многие географы — особенности процессов его открытия и освоения, в результате чего первые часто путаются в географии, а вторые, и не менее часто, — в истории.

И, наконец, к мысли о том, что все это вместе нередко приводило многих авторов, в том числе и самых высокопрофессиональных, к не совсем верным, а иногда и вовсе к неверным выводам при оценке реальных исторических событий. Что и подтверждает факт более чем существенного искажения описания маршрутов С. П. Крашенинникова по Камчатке.

ИСТОЧНИКИ

1. *Андреев А. И.* Жизнь и научные труды Степана Петровича Крашенинникова // Памяти С. П. Крашенинникова. — Л.: Главсевморпуть, 1939. — С. 5—64.
2. Камчатка. XVII—XX вв. Историко-географический атлас. — М.: Роскартография, 1997. — 112 с.
3. *Крашенинников С. П.* Описание дороги студента Крашенинникова // С. П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. Подгот. текста и вступит. статья проф. Н. Н. Степанова. — М.; Л.: Наука, 1966. — С. 196—224.
4. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — М.; Л.: Главсевморпуть, 1949. — 842 с.
5. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — 438 с.
6. *Полевой Б. П.* Предисловие // Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука; Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — С. 3—29.
7. *Полевой Б. П.* Крашенинников Степан Петрович // Писатели Камчатки. — Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2005. — С. 5—28.
8. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 3 июля 1700 г. // Землепроходцы. Т. 1. — Петропавловск-Камчатский: Камшат, 1994. — С. 20—25.
9. *Фрадкин Н. Г.* С. П. Крашенинников. — М.: Государственное издательство географической литературы, 1954. — 45 с.
10. *Фрадкин Н. Г.* С. П. Крашенинников. — М.: Мысль, 1974. — 60 с.

МАРШРУТЫ С. П. КРАШЕНИННИКОВА ПО КАМЧАТКЕ
(по С. П. Крашенинникову, с адаптацией автора)

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1737	октябрь	4	<i>Из Охоцкого острога на судне «Фортуне» чрез Пенжинское море отправился</i>	1 000
		14	Прибыли на Камчатку у устья Большой реки	
		15—20	Прожили у моря за неимением багов	
		21	От устья вверх по Большой реке отправился	
		22	Приехал в Большерецкий острог	33
1738	январь		<i>От Большерецка до имеющихся вверх по Большой реке теплых вод и оттуды до Авачинской горелой сопки и обратно</i>	
		17	Из Большерецка прибыл в Сивушкин острожек	4
		18	Прибыл в Каликин или Опачин острожек	44
		19	Пробыл в оном острожке, для того что посылал обратно в Большерецк служивого для привезения термометра. Поехал по Ачкуж речке	38
		20	Доехал до речки Пикада	16
		21	Был на горячих (Больше-Банных) ключах	26
		22	От горячих ключей выехал до речки Ачкужа и по ней доехал до острожка Мышху или Начикина	66
		23	Ездил к горячей речке (Начикинские источники), которая в 5 верстах выше острожка в Большую реку (так тогда называлась река Плотникова. — В. Б.) пала, по течению с правой стороны, и того же дня обратно приехал в Начикин острожек	10
		24	Прибыл в Шиякокуль острожек	29
		25	Приехал в Иماشху острожек	12
			Доехал до Кыгтынан острожка	5
		26	Прибыл в Паратун острожек против которого Горелая сопка	18
		27—29	Пробыл в упомянутом острожке для собрания некоторых известий	
		30	Возвратно поехал в Большерецкий острог и прибыл в Кыгтынан острожек	18
31	Прибыл в Мышху острожек	46		

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1738	февраль	1	Доехал до Каликина острожка	74
		2	Приехали в Большерецкий острог	44
	март		<i>От Большерецкого острога до впадающих в Озерную реку теплых вод и оттуда обратно до Большерецкого острога</i>	
19		Из Большерецка отправился к Коажчхажу острожку	14	
20		Доехали до устья Большой реки	19	
21		Приехали на речку Опалу	63	
22		Прибыл в Кууохчен острожек	22	
23		Приехали в Аручкино жильё	51	
24		За пургою стояли		
25		Кожокчино жильё	10	
26—28		За пургою стояли		
29		Поехали к горячим ключам, которые текут в впадающую в Озерную реку речку Паужу, затем к другим горячим ключам, впадающим в Озерную реку, и от них повернули обратно до речки Паужи и до Кожокчина жилья	55	
		30	Доехали до вершины Аадач речки	118
		31	Приехали в Тальмжу острожек	40
	апрель	1	В Большерецкий острожек приехали	20
	ноябрь		<i>От Большерецкого острога до Верхне-Камчатского острога</i>	
		19	Из Большерецка выехали в верхний Уткинский острожек	22
		20	Чапшынган острожек над Кыхчиком рекою	47
		21—22	Прожили в острожке для описания случившегося камчатского праздника	
		23	Через Немтик реку доехали до Кол реки	45
		24	Приехал в Гыг острожек	53
		25—27	Пробыл в острожке за неотправлением подвод	
		28	Через реку Брюмкина доехал до реки Конпакова	36
		29	Доехали до Крутогоровой реки	36
		30	Стояли за пургою	
	декабрь	1	Доехали до реки Оглукомина (Облуковина)	24
		2—4	Стояли за неотправлением подвод (нарт)	
		5	Прибыли на Амаг речку	43
		6	Доехали до речки Ткеяху	44
		7	Остановились на Кирганик реке	28

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1738	декабрь	8 9—31	Приехали в Верхний Камчатский острог Был в Верхнем Камчатском остроге	48
1739	январь	1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16	Был в Верхнем Камчатском остроге Приехал в Кырген острожек Доехали до Мапурина острога Дневали для отдыха собакам Приехали в Уэптыж острожек Прибыли в Шепен (Щапино) острожек Доехали до острожка Тулуач (Толбачик) Прибыли в острожек Намакшин Проехав устье реки Козыревской, приехали в Голев острожек Проехали Талачев острожек, острожек Усть-Кыг (Ушки) и прибыли в Ошококуль острожек (6 верст) Доехали до Кру-Кыга (Крюки) и затем до речки Крестовой Доехали до Харчин острожка От Харчин острожка доехали до Каменного острожка и, затем, до острожка Шванолом Прибыли в Капичурер острожек Начало Щок урочища Приехали в Нижний Камчатский острог С 17 января по 10 февраля пребывал в Нижнем Камчатском остроге	21 31 23 16 37 43 35 21 41 43 45 8 9 25
	февраль	11 12 13 14—19 19 20 21 22	Поехал от Нижнего Камчатского острога к Монастырской заимке и к устью реки Камчатки Приехал в Табачаул острожек Вернулся в Монастырскую заимку и Нижний Камчатский острог Пребывал в Нижнем Камчатском острожке Из Нижнего Камчатского острожка доехал до острожка Шванолом Приехал в Каменный острожек и в Ключи Вернулся в Шванолом и ночевал Приехал в Нижний Камчатский острог С 23 февраля по 17 марта пребывал в Нижнем Камчатском остроге	30 14 40 42 50 48 42
	март	18 19 20	Из Нижнего острога приехал в Кумену-Кунч Приехал на речку Криль Доехали до Кашкау острожка	30 20 60

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1739	март	21	Стояли для отдыха собакам	
		22	Приехали на Аань речку и, затем, на Уч-хан речку	46
		23	Приехали в острожек Кожия	47
		24	Доехали до Эжкун острожка	29
		25	Достигли острожка Кемшч или Камашки	38
		26	Проехали горячую речку и приехали в Шемеч острожек	26
		27	Ездил описывать горячую речку и, повернув обратно, доехал до реки Березова	25
		28	Прибыли в Оретынган острожек	33
		29	Жили в острожке за ненастьем	
		30	Проехали исток Калыгири и прибыли в Ашумтан острожек	40
		31	Дневали	
	апрель	1	Поехали обратно к горячим водам, о которых в проезде иноземцы не сказали, и приехали в острожек Оретынган	40
		2	Приехали в Шемеч острожек	50
		3	Ездил к имеющимся на вершине Шемеча речки горячим водам и отуды обратно приехал в острожек Шемеч	10
		4	Приехал в Калигары изток (исток)	68
		5	Доехал до острожка Ашумтан	22
		6	Приехал в Шотохчу острожек	24
		7	Прибыл в острожек Анкомпо	45
		8	Приехали в Паратун острожек	16
		9	Доехали до Кыгтынан острожка	18
		10	Приехали в Мышху острожек	46
		11	Прибыли в Каликин острожек	74
		12	Стояли за непогодю	
		13	Приехали в Большерецкий острог	44
	август		<i>От Большерецка до Верхнего Камчатского острога водяным путем</i>	
		23	Из Большерецка поехали батами вверх по реке Быстрой. Доехали до заимки Остафьева	8
		24	Запороцкова заимка, Карымова заимка, Карымаев острог	14
		25	Пробыли за вожем (ожидали проводника)	23
		26	Кышугын порог	
		27	Хачпанганачу речка	12
		28	Чачангычь речка	10
		29	За дождем стояли	
		30	Степанова речка	2
		31	Ичунган речка	9

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст		
1739	сентябрь	1	Кобня речка	7		
		2	Пангычу речка	28		
		3	Чааякую речка	11		
		4	Ганалино жилище	25		
		5	Умнахучу речка	18		
		6	Вершина Быстрой реки, с которою вершина реки Камчатки сошлась	24		
		7	Пуцина речка	12		
		8	Амча-Кыг речка	4		
		9	От Амча-Кыг поплыли батами вниз по реке Камчатке, а от Ганалина жилья до сей речки шли пешком. Приплыли в Верхней Камчатской острог	39		
		10—16	Были в Верхнем Камчатском остроге			
		17	Из Верхнего Камчатского до Нижнего и до устья Камчатки реки поплыли батами. Приплыли в Халечев остров	38		
		18	Машурин острог	32		
		19	Кылюпугучиной	64		
		20	Устье Щапиной речки, Федотовщина речка	42		
		21	Голянур речка, Козыревская речка, Старое Саловарово жилище	110		
		22	Ус-Кыг (Ушки), Кру-Крыг (Крюки), Крестовая речка	47		
		23	Еловка река, Старой Нижней Камчатский острог, Курарачи речка	37		
		24	Куан острожек. Ильчумчь речка, от которой щоки начинаются	48		
		25	Приплыли в Нижней Камчатский острог. До 5 октября были в остроге	27		
			октябрь	6	Поплыл батами к морю. Монастырская заимка	26
				7	Устье Камчатки, где в море пала	4
					От устья обратно приехали в Нижней острог До 10 января 1740 г. был в Нижнем остроге	30
		1740	январь		<i>От Нижнего Камчатского острога по Восточному морю до реки Караги и вверх по Караге и вниз по Лесной до Пенжинского моря и по Пенжинскому морю до устья Тигиля реки и от Тигиля до Харчина и до Нижнего Камчатского острога</i>	

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст		
1740	январь	11	Из острога отправился в Кайпынган острожек	9		
		12	Столбовское озеро. Агуйкунчь острожек	50		
		13	Дневали за пургою			
		14	Кожходан речка	32		
		15	Уку река, Озерная река. Какенчь речка	37		
		16—17	Дневали за непогодюю			
		18	Шеван острожек	35		
		19	Бахатанум острожек близ Уки реки	37		
		20	Налачева река (река Начики)	6		
		21	Уакамеляк острожек	39		
		22	Чанум-кыг, или Русакова речка	16		
		23	Кутова река. Мекемена острожек	52		
		24	Дневали			
		25	Карага река	40		
		26	Гыгтыхемтун речка	20		
		27	Вершина Караги реки. Вершина Увычен речки	71		
		28	Лесная река. Нечино жильё	42		
		29	Кинкиля река	23		
		30	Паллан река. Средней Палланский острог	44		
		31	Пятибратней острожек	32		
			февраль	1	Кактану-ваем	16
				2	Ваемпалка река	47
				3	Дневали	
				4	Оманина, или Капеин, речка. Гучуген острожек	70
				5	Тигиль река	18
				6	Муллаган острожек	30
				7	Мьькоголг речка	30
				8	Кулвауч острожек	24
				9	Дневали	
				10	Вершина речки Эшхлин (река Седанка)	57
				11	Красная сопка. Еловка река. Орлова речка	48
12	Колалонуль острожек. Харчин острожек			72		
13	Каменной острожек			27		
14	В Нижней Камчатской острог приехал			51		
15—23	В Нижнем Камчатском остроге пребывал <i>Из Нижнего Камчатского и до Верхнего и оттуды вверх по Повыче (Кавыче) реке до берегу Восточного моря и берегом Восточного моря до реки Авачи и оттуды до Большерецкого острога</i>					
24	Из Нижнего Камчатского острога поехал в Шваннолом острожек	42				

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст		
1740	февраль	25	Харчин острожек	49		
		26	Крестовский острожек	43		
		27	Голков острожек	61		
		28	Тулуач (Толбачинский) острожек	78		
		29	Шепень острожек	37		
	март	1	Машурин острог	39		
		2	Дневали			
		3	Приехали в Верхней Камчатской острог	52		
		4—7	Пробыли в Верхнем Камчатском остроге			
		8	Выехали из Верхнего острога. Элюдянган речка	21		
		9	Кьжкажем-Харем. Верблюжье горло. Алокино жильё	68		
		10	Дневали за подводами			
		11	Кошхподам острожек	32		
		12	Дневали за ненастьем			
		13	Оретанган острожек	45		
		14	Ашумтан острожек	40		
		15	Шотохчу острожек	24		
		16	Анкомпо острожек. Тарейн острожек за губой	60		
		17	Паратун острожек	16		
		18	Кьгтынган острожек	18		
		19	Мышху, или Начикин острожек	46		
		20	Каликин (Опачин) острожек	74		
		21	Приехали в Большерецкий острог	44		
			ноябрь		<i>Послан из Большерецка в Нижний острог и оттуды к оленным корякам от адьюнкта господина Штеллера</i>	
				25	Выехали из Большерецка в Уткинский острожек	22
				26	Жили за пургою	
27	Кькчик река			47		
28—30	Жили для описания иноземческих праздничных обрядов					
	декабрь	1	Кол река	43		
		2	Воровская река	53		
		3	Конпакова (Колпакова) река	36		
		4	Кругорова река	36		
		5	Оглукомина (Облуковина) река	24		
		6	Дневали на Оглукоминой (Облуковиной)			
		7	Пустая юрточка	40		
		8	Оглукоминский (Срединный) хребет	47		
		9	Кьрганик река	28		
		10	Приехали в Верхней Камчатской острог	44		

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст		
1740	декабрь	11—16	Пробыл за разными отправлениями			
		17	Поехал из Верхнего Камчатского острога на Кырганик реку	21		
		18	Машурин острожек	31		
		19	Стояли за тем, что снег весь покрыт был выкинутою из Толбачинской горелой сопки сажено			
		20	Шапина (Щапина) река	53		
		21	Дневали за пургой			
		22	Толбачик река	37		
		23	Дневали для собрания известий о возгорании Толбачинской сопки			
		24	Голков острожек	78		
		25	Дневали за пургою			
		26	Талачев острожек	22		
		27	Крестовая речка	62		
		28	Харчин острожек	43		
		29	Шванолом острожек	45		
		30	Приехали в Нижней Камчатской острог	43		
				С 31 декабря 1740 года по 3 февраля 1741 года пребывал в Нижнем Камчатском остроге		
		1741	февраль		<i>Из Нижнего Камчатского острога, не езда к корякам, обратно в Большерецк поехал, потому что утхолецкие и подкагирные коряки изменили и несколько казаков и служивых побили</i>	
				4	Из Нижнего Камчатского острога в Шванолом острожек приехал	42
				5	Харчин острожек	45
6	Крестовая река			43		
7	Голков острожек			84		
8	Дневали за пургою					
9	Толбачик река			78		
10	Шапина река			37		
11	Дневали					
12	Машурин острожек			53		
13	Дневали за подводами					
14	Кырганик река			31		
15	В Верхней Камчатской острог приехали			21		
16—20	Пробыли за разными отправлениями					
21	Из Верхнего Камчатского острога поехали до Оглукоминского (Срединного) хребта			76		
22	Пустая юрточка	47				
23	Оглукомина (Облуковина) река	40				

Год	Месяц	Число	Маршрут	Верст
1741	февраль	24	Дневали	24
		25	Крутогорова река	
		26	Дневали	36
		27	Конпакова (Колпакова) река	
		28	Воровская река	
	март	1—3	За пургой стояли	53
		4	Кол река	
		5	Дневал	
		6	Кыкчик (Кихчик) река	43
		7	Подводы отпуска наперед, дневал	
		8	Приехал в Большерецк	69
	апрель	6	<i>Из Большерецка до гавани святых апостол Петра и Павла, что прежде Авачинскою губою называлась, отправился с господином профессором Ла Кроером</i> Из Большерецка в Каликин острожек приехал	44
		7	Начикин, или Мышху, острожек	74
		8	Кыттынан острожек	46
		9	Паратун острожек	18
		10	Приехали в гавань святых апостол Петра и Павла	30
		11—19	Жил за отправлением своим в Иркутк	30
		20	Поехал обратно в Большерецк. Паратун острожек	
		21	Начикин острожек	
		22	Опачин, или Каликин острожек	74
		23	Приехал в Большерецкий острог	44
	май	28	Поехал из Большерецка к устью для переезду в Охоцк через море на галиоте «Охоцке» и того же дня к оному приплыл	33
	июнь	12	Вышли из Большерецкого устья	

МОРСКОЙ ТРАНСПОРТНЫЙ ФЛОТ АКЦИОНЕРНОГО КАМЧАТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙН. 1941—1945

К началу 1941 г. морской транспортный флот Акционерного Камчатского общества (АКОфлот) включал пароходы «Чавыча», «Сима», «Анатолий Серов», «Эскимос», «Якут», «Чапаев», «Щорс», «Орочон» «Ительмен», «Терней», «Коккинаки» и танкер-теплоход «Максим Горький». Возраст многих судов превышал двадцать лет, в силу многолетней работы без должного обслуживания они имели плохое техническое состояние. «Орочон», «Эскимос», «Сима», «Якут» и «Максим Горький» бездействовали, находясь в ремонте.

15 января 1941 г. досрочно вышла из капитального ремонта и вступила в эксплуатацию «Чавыча». Регистр СССР оценил ее состояние как хорошее. Начальник АКО, «отмечая стахановскую работу парохода», премировал месячным окладом капитана Ф. И. Волчковича, старшего помощника И. Д. Кадета, старшего механика П. А. Ильяшенко и главного инженера АКОфлота Н. А. Цимбала. Для поощрения экипажа выделялись 4 000 руб. [1, л. 245].

Впрочем, морьякам доставались не только поощрения. Один из приказов по АКО гласил: «Капитана парохода “Терней” тов. Кириллова С. Т. за развал трудовой дисциплины на судне и за укрывательство прогульщиков с работы капитана снять и направить в распоряжение отдела кадров АКОфлота с 15 января 1941 г. Основание: постановление помощника горпрокурора г. Петропавловска от 9.01.1941 г.». На должность капитана «Тернея» назначался К. Ф. Квашинский, капитан «Симы», а вместо последнего — старший помощник С. Р. Кеерберген [1, л. 91].

К началу 1941 г. относится один загадочный эпизод, случившийся на «Максима Горьком». Вот что рассказывал спустя 46 лет его тогдашний капитан С. И. Пронин: «В январе 1941 г., следуя из Приморья, на подходе к Сангарскому проливу старший механик Рядченко доложил мне, что в упорном подшипнике главного двигателя он обнаружил наждачный песок и глубокие насечки на вале. Мы обсудили ситуацию, перебрали всех членов команды, договорились о мерах по бдительности. Дело было перед ужином. Пошли в кают-компанию, и тут старший помощник Нешевец докладывает мне: в котле обнаружено битое бутылочное стекло. Я сразу пошел на камбуз, где в солянке действительно обнаружил много стекла. Команде в этот вечер пришлось выдать сухой паек.

Я отлично понимал, что в экипаже затаился явный враг, рассчитывающий заставить нас зайти в японский порт Хакодате. Однако все наши старания выявить его ни к чему не привели. Не справились с этой задачей и органы в порту...» [2].

В январе 1941 г. флот обзавелся подсобным сельскохозяйственным производством, расположенным на 20-м километре Елизовского шоссе. Его задачей должно было стать снабжение плавсостава овощами и продуктами животноводства. Дела здесь поначалу шли плохо. Вот что 15 апреля 1942 г. сообщал главный бухгалтер АКОфлота М. Г. Артюх о результатах первого сельскохозяйственного сезона: «Несмотря на то, что с первого же дня организации хозяйство располагало соответствующей рабсилой, вопросом строительства, как жилищным, так и хозяйственным, никто не занимался. Рабочие живут в необорудованных землянках, тесно и скученно. Скот также размещен в землянках и содержится в ненадлежащих условиях. План заготовок сена далеко не выполнен, несмотря на то, что хозяйство располагает близлежащими прекрасными сенокосами, а к концу года хозяйство осталось без грубых кормов. В результате уборки хозяйством урожая картофеля, получен убыток в сумме 33,6 тыс. руб., а убранный капуста в основном своем количестве испорчена. Заготовленный в зиму силос также оказался непригодным в корм скоту. Как рабсила, так и конный транспорт надлежало и рационально не используются» [3, л. 25—26].

Но, тем не менее, ферма заработала, и в последующие годы стала немалым подспорьем для моряков и членов их семейств.

В январе 1941 г. Наркомат рыбной промышленности (НКРП) СССР издал приказ № 73 «О мероприятиях по улучшению эксплуатации морского транспортно-го флота по Дальневосточному бассейну». 11 апреля 1941 г. начальник АКО, выполняя правительственное распоряжение, упразднил должность представителя АКОфлота (морского агента) при Владивостокской конторе, возложил на Морской отдел конторы все заботы по фрахтованию тоннажа Наркомморфлота (НКМФ) и АКОфлота для завоза грузов на Камчатку.

С 1 марта 1941 г. на баланс конторы перешла механическая мастерская. Расчеты по делам АКОфлота возлагались на контору АКО, причем все ее операции по отпуску материалов и оказанию услуг судам флота должны были «иметь документальное подтверждение капитана судна или уполномоченного лица». Для снабжения, агентирования и организации междурейсового ремонта судов контора АКО содержала за счет флота, кроме персонала мастерских, семерых сотрудников [4, л. 3].

Оперативное руководство работой всего фрахтованного флота на побережье полуострова возлагалось на Производственный отдел АКО. Петропавловскому порту, АКОфлоту и Морлову следовало ежедневно утром представлять ему сводку позиций судов с указанием количества груза и простоев. Все суда переводились на хозрасчет [5, л. 236].

Но уже 21 июня 1941 г. «в целях упорядочения вопроса взаимоотношения Владивостокской конторы АКО с АКОфлотом» за счет штатов и фондов заработной платы Морского отдела во Владивостоке было решено восстановить Мор-

ское агентство, непосредственно подчиненное флоту, действовавшее на полном хозрасчете, со штатом 14 чел. Ему выделялось помещение на территории складской базы на мысе Чуркина и склад. Контора АКО передавала агентству механическую мастерскую, грузовую машину-«полоторку» и «наличный штат сотрудников ликвидированного Моротдела». Морской отдел Владивостокской конторы АКО в связи с резко изменившейся ввиду начала Великой Отечественной войны обстановкой ликвидировался с 1 января 1942 г. [4, л. 1; 5, л. 33].

Флот по-прежнему не располагал собственным складским хозяйством. Материальные ценности хранились в складах порта АКО, которому их самому не хватало, почему он «систематически принимает меры к тому, чтобы выселить АКОфлот со своей территории». Имущество, подлежащее хранению на открытом воздухе (шлюпки, кунгасы, лесоматериалы), оказалось разбросано по берегу Авачинской губы. Оно лежало на ПСРВ, Никольской сопке, Култучном озере, Озерновской кошке, Моховой и в Сероглазке.

Склад горючих и смазочных материалов размещался у проезжей дороги на чужой территории. Он не был огражден и не охранялся. Материалы использовались без ведома владельца другими организациями, чем порождалась бесхозяйственность, а у отдельных лиц могли возникать соблазны хищений. Правда, у флота была возможность в течение 1941 г. построить свой склад за счет сметы производства, предусмотренной трансфинпланом, но он ей не воспользовался [3, л. 26].

Вот в каких условиях работала бухгалтерия флота, штат которой в мае 1941 г. включал 14 чел. Он был полностью заполнен, но отличался большой подвижностью, явившейся следствием укомплектования его бывшими старшими бухгалтерами пароходов, «которые всячески избегали возможности зачисления их в аппарат при управлении». Это отрицательно сказывалось на качестве учета. За 1940—1941 хозяйственный год в материальном, расчетном и общем отделах сменились по четыре бухгалтера. Трижды менялся заместитель главного бухгалтера.

Бухгалтерия размещалась в общей проходной комнате. Условия для ее работы были явно ненормальные: «Большая, даже ненормальная скученность, стук и треск пишущих машинок, телефонные звонки, постоянные разговоры по телефону создают необычайно тяжелую обстановку для работы. Наличие же посетителей из числа работников флота, как ожидающих очереди к начальнику АКОфлота, так и занятых отдельными работниками бухгалтерии по сдаче отчетов или получению консультаций, усугубляют и без того тяжелую обстановку. В силу того, что большинство работников курящие, воздух перенасыщен табачным дымом. Таким образом, весь рабочий день человека, которому по роду работы необходима более или менее нормально-спокойная обстановка, сопровождается бесконечным шумом, гово-

ром, а подчас даже и криками, не считая трескотни машинок, счет и телефонов. Работники бухгалтерии еще бесконечно заявляют жалобы на боль головы и утомляемость, которая является исключительно следствием вышеизложенного...» [3, л. 27].

Показатели трансфинплана АКОфлота на 1940—1941 хозяйственный год были утверждены 3 июня 1941 г. в объеме 162 000 т и 10 500 пассажиров. При этом на Камчатку следовало доставить 69 000 т и 3 275 чел., вывезти с полуострова 32 500 т и 3 150 чел. и перебросить в малом каботаже еще 60 500 т и 4 975 пассажиров. Результатом хозяйственной деятельности должна была стать прибыль в размере 478,7 тыс. руб.

Сметы затрат на обслуживание флота на 1940—1941 хозяйственный год включали, тыс. руб: 59,5 — на паспортизацию, 10,5 — на водолазные осмотры и чистки кингстонов (раз в год, соответственно, 500 и 600 руб. на судно), 12,4 — на устранение девиации компасов (их на 12 судах стояло 30 шт., по 200 руб. на прибор, два раза в год), 426,4 — на агентирование. Лоцманский сбор определялся в 2 000, стоимость швартовки — в 60 руб. [5, л. 98; 6, л. 1].

Показатели работы флота в 1940—1941 хозяйственном году в сопоставлении с предыдущими приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели	1936–37 г.	1937–38 г.	1938–39 г.	1939–40 г.	1940–41 г.
Груз (% плана)	88,8	62,1	54,8	73,7	74,7
Тонно-миль (% плана)	63,3	62,3	53,2	64,0	92,7
Миль за рейс	900,0	1 540,0	1 410,0	1 338,0	1 730,0
Эксплуатационное время на судно, сутки	170,0	198,0	203,0	215,0	254,0

Как видно, работа флота в 1940—1941 хозяйственном году по сравнению с предыдущими 1937—1940 гг. значительно улучшилась. Но план все же не был выполнен ввиду длительного нахождения «Якута», «Эскимоса» и «Орочона» на «внешнем ремонте» (то есть, за границей — в США) и стоянки танкера «Максим Горький» с января 1941 г. во Владивостоке в ожидании изготовления цилиндрических втулок и крышек для главного двигателя [7, л. 7].

Указание НКРП СССР о направлении на внешний ремонт «Эскимоса», «Орочона» и «Якута» пришло в начале 1941 г. Этим в условиях шедшей Второй мировой войны в определенной степени была преодолена международная изоляция СССР, состоявшаяся после советско-финляндской войны, выразившаяся, например, в исключении страны из Лиги наций. Отправка советских судов в США состоялась еще до официального принятия Конгрессом США закона о ленд-лизе от 11 марта 1941 г.

Пользуясь случаем, твиндеки «Орочона» хотели приспособить к перевозке пассажиров и оснастить съемными металлическими койками, паровым отоплением и освещением. К 23 января были подготовлены списки команд

для ремонтируемых судов, которые следовало тщательно подобрать и укомплектовать. Контролировал подготовку к ремонту главный инженер АКО Р. М. Айунц [1, л. 131].

«Орочон» капитально ремонтировался и доковался в Портленде, вышел с завода 6 июня 1941 г. «Эскимос» и «Якут» находились в Сан-Франциско. Работы на первом судне завершились 26 июля, на втором — 6 августа 1941 г. Но уже к концу года их состояние оценивалось как «неудовлетворительное» и «терпимое» соответственно. «Эскимос» 29 декабря 1941 г. наткнулся на каменистую банку возле острова Беринга, получив пробоину в днище и повреждение форпика. 30 августа 1941 г. «Якут» вскоре по завершении ремонта сел на мель в американских водах. В феврале 1942 г. этот пароход стоял в доке на ПСРВ, ремонтируя рулевое устройство и наплавляя срезанные головки заклепок обшивки корпуса.

«Сима» вышла с ПСРВ 6 декабря 1941 г. [8, л. 13].

В мае 1941 г. АКОфлот по распоряжению НКРП СССР «безвозмездно» передал пароход «Терней» Главамуррыпрому. Передачу поручили провести Владивостокской конторе АКО с 10 по 15 мая [3, л. 21; 5, л. 174]. В начале лета 1941 г. общая грузоподъемность судов флота составляла 34 810 т.

За 1940—1941 хозяйственный год на ремонт флота израсходовали более 10 млн руб. В результате его техническое состояние значительно улучшилось: «Чавыча», «Сима», «Анатолий Серов», «Эскимос», «Якут», «Максим Горький» были в состоянии справиться с повышенными объемами перевозок, запланированными на 1942 г.

В отличие от прошлого хозяйственного года, когда в работе флота царил неразбериха и обезличка из-за вмешательства вышестоящих инстанций, в навигацию 1940—1941 гг. подобного руководства «через голову» АКОфлота почти не наблюдалось, и графики движения судов в основном выдерживались, хотя и с запозданием.

Численность моряков в 1941 г. составляла, в среднем, 522 чел. Суда были полностью обеспечены опытными капитанами и старшими механиками. Вместо трех списанных капитанов (В. Н. Соломко и С. И. Пронина призвали на воинскую службу, Н. И. Шаша — арестовали) на должности капитанов «выдвинули» старших помощников А. Д. Коломейца и П. Д. Киселева и пригласили одного нового капитана. Должности помощников капитана и номерных механиков были полностью укомплектованы. Недоставало только четверых радистов. За счет работавших при управлении АКО курсов флот пополнил свой плавсостав 18 машинистами, 26 матросами и 42 кочегарами.

7 июля 1941 г. завершились занятия на девятимесячных курсах машинистов. Для проверки полученных знаний и присвоения курсантам квалификации с 8 по 14 июля прошли экзамены. Экзаменационную комиссию возглавил исполняющий дела начальника АКОфлота Мухортов (занимал должность

непродолжительное время, инициалы не установлены. — *С. Г.* 17 июля выпускники отправились на суда [9, л. 283].

Ряд моряков имел высокие и редкие в то время правительственные награды: капитан А. И. Дудник — орден Ленина, капитаны Ф. И. Волчкович и Е. Д. Бессмертный — ордена Трудового Красного Знамени, третий механик парохода «Коккинаки» А. Н. Соколов — орден «Знак Почета». Кроме того, 22 чел. были награждены знаками «Отличник рыбной промышленности» и 17 чел. — Почвальной грамотой НКРП СССР [10, л. 97].

В сентябре 1941 г. на судах АКО был восстановлен упраздненный в прошлом году институт помполитов: в военных условиях их организационной и воспитательной роли по проведению в жизнь «линии ВКП(б)» уделялось особое внимание. Вновь назначенным помполитам устанавливался должностной оклад на уровне ранее получаемого ими в политотделе, то есть 1 200 руб. в месяц. При выплате премий их приравнивали к старшим помощникам капитанов [9, л. 179].

Еще 27 июня 1940 г. флот заключил договор с воинским подразделением «склад № 786» о постройке последним водохранилища и водопровода. Водопровод должен был подходить к берегу «по указанию АКО флота для снабжения судов водой в неограниченном количестве круглый год и безвозмездно». К 1 октября 1941 г. соорудили открытое водохранилище емкостью 250 «кубов», заполнявшееся водой из родников. От него протягивалась труба, не доходившая до берега на 75 м. Выяснилось, что водохранилище заполнялось медленно, а его объем для снабжения пароходов был недостаточен, то есть «вопрос снабжения водой судов отпадает».

2 октября 1941 г. договор расторгли, учитывая, что «подход большинства наших судов к берегу из-за осадки может быть произведен не ближе 200 м, потребуется для приема воды свыше 300 м шлангов, чем не располагают наши суда, а в зимнее время подход судов вообще исключен из-за замерзания бухты» [11, л. 3].

На западной границе СССР сгущались тучи, но страна еще жила привычной мирной жизнью. В начале июня 1941 г. прибывший с западного берега Камчатки «Щорс» встал под срочную погрузку консервных баночек для Жупановского и Олюторского комбинатов и горюче-смазочных материалов для Корфского, Кичигинского, Карагинского, Олюторского, Пахачинского и Хайлюлинского комбинатов. Выходивший из ремонта «Ительмен» также требовалось срочно заполнить банкой для западного побережья. Погрузка шла, по выражению начальника АКО, «безобразно». «Предупреждаю, что пароход “Щорс” должен быть отправлен в рейс 15 июня в 20 часов без минуты опоздания» [5, л. 68, 94].

Весть о начале войны застала большинство исправных судов в море. Команда «Щорса», получив сообщение об этом по радио, собралась на митинг,

принявший следующую резолюцию. «Заслушав речь заместителя председателя Совнаркома СССР и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова о неслыханном разбойничьем нападении германских фашистов на мирное население советских городов, экипаж парохода «Щорс» выражает свое негодование и заявляет: все, как один, по зову партии и правительства встанем на защиту социалистической непобедимой Родины! Будем держать свое судно в полной готовности для выполнения любого задания нашего советского правительства! Еще больше повысим дисциплину и организацию труда экипажа парохода. Обеспечим своевременное выполнение рейса, поможем нашей Красной Армии разгромить германских фашистов» [12, № 149].

Слова моряки подтвердили делами: экипаж «Щорса» добился в «предоктябрьском» (то есть посвященном 24-й годовщине революции 1917 г.) соревновании отличных показателей в выполнении осеннего рейса. Моряки сдали в Фонд обороны облигации государственного займа на 25 тыс. руб., еще 370 руб. они отправили для приобретения подарков бойцам Красной Армии [10, л. 88].

В итоге года «Щорс» (капитан П. Я. Жуковский), так же, как и «Чапаев» (капитан Е. Д. Бессмертный), хотя и не выполнил задания по грузоперевозкам, но доставил 250 000 ящ. консервных банок, горючее и рабочих на рыбокомбинаты побережья, обеспечив бесперебойный выпуск рыбопродукции для воюющей страны.

Другие пароходы тоже показали хорошие результаты. «Ительмен» (капитан М. Е. Зеленский) выполнил годовое задание на 102,7 %, «Чавыча» (капитан Ф. И. Волчкович) — на 125,7 %, «Анатолий Серов» (капитан А. И. Дудник) — на 120 % и «Коккинаки» (капитан В. Н. Соломко) — на 212,4 %. Их экипажи добились перевыполнения плана за счет превышения расчетной скорости хода и полной загрузки. Участие команд в погрузо-разгрузочных работах существенно сокращало время стоянки судов [13, л. 11].

Экипаж «Симь» в октябре и ноябре 1941 г. перевалил своими силами 3 974 т грузов. Лучшая бригада плотника Устинова добилась выполнения 271 % нормы, бригада штурманского ученика Наугольниковца вырабатывала до 160 %. Инициаторами активного саморемонта стали механики Ильяшенко и Терещенко. Соревновались между собой две вахты, возглавляемые «мастерами кочегарского дела» Чернышевым и Леоновым.

С началом войны завоз материалов, снабжения, топлива на Камчатку заметно сократился. Такое положение потребовало рационального использования всех имевшихся ресурсов. Значительную долю затрат на эксплуатацию флота составляли расходы на топливо.

Еще 27 января 1941 г. трое сотрудников управления АКО флота, в том числе инженер-теплотехник К., были командированы для производства теплотехнических испытаний на «Ительмен». Здесь они находились 35 суток, но фак-

тически работали всего одни. 5 июня 1941 г. технический отдел АКО доложил, что материалы испытаний не обработаны и «представляют из себя отдельные черновые записки, а поэтому на основе этих материалов судить о правильной или неправильной работе судна, и тем более установить удельные нормы расхода топлива и смазки не представляется возможным».

Как показало проведенное расследование, главный инженер АКО флота, обязанный проверять работу подчиненных, «заведомо зная, что испытания не выполнены, не принял никаких мер, а наоборот, скрыл все эти безобразия и на авансовых отчетах подтвердил целесообразность произведенных расходов, потворствуя этим самотеку в теплосиловом хозяйстве судов и недобросовестной работе...» 16 июня 1941 г. начальник АКО распорядился взыскать «незаконно полученные суммы, передать материалы следственным органам на предмет привлечения к уголовной ответственности» [5, л. 58].

Пароход «Сима» представил в управление флота анализ расхода топлива с 1 октября 1940 г. по 1 февраля 1941 г. Его подписали капитан, старший бухгалтер парохода, а также инженер-теплотехник К. По бумаге выходило, что судно сэкономило 323,7 т условного топлива и по существовавшему положению должно было получить свыше 30 тыс. руб. премии. Бухгалтерия АКО передала документ на проверку техническому отделу общества, выявившему вместо экономии пережог в размере 241,5 т.

29 июня 1941 г. начальник АКО распорядился: «Усматривая в действиях К. преступление по должности... а также, принимая во внимание, что К. по приказу начальника АКО от 16 июня 1941 г. за № 444 уже привлекался к ответственности, приказываю: направить данные материалы следственным органам для приобщения к делу К. по привлечению его к ответственности по совокупности» [5, л. 43].

Для уменьшения расхода топлива приняли не только организационные, но и технические меры. На котлы «Симы» и «Чавычи» решили установить пароперегреватели, использование которых могло обеспечить экономию угля до 10 %, предусматривалось восстановление искусственного дутья в топки котлов на «Щорсе» и «Чапаеве». На дизельном «Максима Горьком» намечали использовать тепло отработавших газов и охлаждающей воды главного двигателя (ожидалась экономия до 20 %). Уменьшение затрат смазочных материалов по всем судам доходило до 20 %. Итогом всех этих мероприятий стало то, что 1941 г. АКО флот закончил с прибылью, несмотря на невыполнение плана. Такой результат явился следствием заложенного в план избыточного количества топлива [10, л. 88—89].

Ряд судов добился существенных результатов в экономии горюче-смазочных материалов. Так, на «Эскимосе» машинист Егоров сберег 30 кг смазки, а чочегары Пичугин, Молодцов и Залогин за октябрь 1941 г. сэкономили 197 т угля. «На судне “Чавыча” выросли мастера своего дела: ...старший ко-

чегар Филиппов, четвертый механик Припотень, показывающие примеры отличной работы, передающие свой опыт другим членам экипажа». Команда «Чавычи» сэкономила 13 % смазочных и прочих машинных материалов.

Начавшаяся война внесла изменения в работу флота: теперь он ориентировался на бесперебойную доставку снабжения и вывоз рыбопродукции для фронта. Для решения этой важнейшей задачи 20 августа 1941 г. начальник АКО издал приказ следующего содержания: «1. Обеспечить ежедневные диспетчерские сводки... Ежедневно к 10 часам утра предоставлять сводки мне. Начало предоставления устанавливаю 21 августа. Для выполнения этой задачи установить круглосуточное дежурство диспетчеров АКОфлота, назначив диспетчерами Магусевича А. З., Жаркова Н. Е., Ирхина В. И. Диспетчерам иметь пост связи через радиостанцию порта и управления АКО с капитанами судов и директорами рыбокомбинатов. Вменить в обязанность капитанам флота рыбокомбинатов ежедневно давать информацию о приходе, отходе судов и их обработке. Временно исполняющему дела начальника Петропавловского рыбного порта Завадскому беспрепятственно, по первому требованию, предоставлять диспетчерам АКОфлота для поездок на суда катер. Радиостанции Петропавловского рыбпорта и управления АКО сводки передавать вне очереди...» [9, л. 212].

В этот же день, 20 августа 1941 г., для скорейшего окончания работ в принятый ранее план капитального ремонта были внесены изменения: сумма, выделяемая для этой цели, выросла до 7,61 млн руб.

В практике плавания судов АКО участились случаи утери якорей и цепей. Расследования показывали, что при более внимательном отношении капитанов и работников управления АКОфлота к своим обязанностям, в отдельных случаях этих потерь можно было бы избежать. Получить же новые якоря и цепи в военных условиях было проблематично. 29 ноября 1941 г. начальник АКО распорядился «провести специальную проверку технического состояния якорных цепей, соединительных скоб и брашпильей... Под личную ответственность капитанов подтверждаю, как правило, необходимость при постановке судов на открытом рейде выбрасывать вместе с якорем бук».

Для сбережения древесины 9 декабря 1941 г. капитанов обязали «сбирать лесоматериалы (сепарация, стойла), сдавать на склады флота за особую плату 120 руб. за куб. м». Из этой суммы 80 руб. полагались предприятию, а 40 — капитану для премирования членов экипажа [9, л. 14, 40, 214].

Помимо помощи фронту напряженным трудом в море, все экипажи ежемесячно, начиная с осени 1941 г., до конца войны отчисляли двухдневный заработок в Фонд обороны и участвовали в подписке на денежно-вещевую лотерею. Только в ноябре 1941 г. они собрали: на «Ительмене» — 8 700, на «Щорсе» — 6 950 и на «Коккинаки» — 1 140 руб. Моряки этих судов также передали 60 предметов теплой одежды для бойцов Красной Армии. Команда

«Эскимоса» решила ежемесячно отчислять в Фонд обороны свой трехдневный заработок. Дополнительно в январе 1942 г. она отдала двухдневную зарплату на покупку теплых вещей для фронта, а в феврале — внесла личные средства на строительство танковой колонны [13, л. 15—16].

А вот что сообщали с «Орочона»: «... куплено: материала разного 388 м, две пары валенок, четверо теплых брюк, одна пара торбасов — 3 955 руб. Сдано наличными деньгами 354 руб. Отчислен однодневный заработок в фонд пострадавшим в оккупированных немцами районах, освобожденных Красной Армией, — 962 руб. Для покупки подарков для бойцов и командиров... к годовщине Красной Армии — 950 руб.» [13, л. 29].

Наряду с решением текущих производственных задач начался перевод работы подразделений АКО на военные рельсы. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2191-1000с от 6 ноября 1941 г., заместитель наркома рыбной промышленности СССР И. А. Шередека, находившийся во Владивостоке, и командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И. Р. Апанасенко отдали распоряжение о военизации морского транспортного флота.

30 ноября 1941 г. НКПП СССР распорядился воссоздать политорганы в военизированных подразделениях флота рыбной промышленности. Вновь организовывался политотдел АКО, в АКОфлоте, Морлове и Петропавловском порту вводились должности комиссаров [14, л. 9].

Осенью 1941 г. отдел боевой подготовки (ОБП) АКО разработал специальную программу военных занятий с экипажами судов объемом 100 часов. АКОфлот не только отдавал своих моряков в Красную Армию и на флот, но и сам стал готовиться к возможному участию в боевых действиях: недалеко от районов его работы располагались военные базы Японии — союзника гитлеровской Германии.

В начале декабря 1941 г. начальник АКО С. П. Емельянов издал приказ о переводе «всех рабочих, служащих, инженерно-технических работников предприятий АКО, управления АКО, а также рыбаков рыболовецких колхозов Камчатки на положение состоящих на действительной военной службе независимо от возраста, пола и отношения к военной службе».

24 января 1942 г. начальник АКО распорядился организовать на базе судов общества два дивизиона: «особый транспортной службы» из пароходов АКОфлота и «рыболовецкой службы» из траулеров Морлова. Командирами дивизионов назначались начальник АКОфлота Я. М. Драбкин и директор Морлова АКО Г. Я. Ермошкин [15, л. 2].

Постепенно на судах было установлено вооружение, но военные команды для его обслуживания не назначались: расчеты орудий и пулеметов составили из штатных моряков.

Ремонтировавшиеся в 1941 г. в портах США «Эскимос», «Орочон» и «Якут» на обратном пути в СССР везли оборонные и снабженческие гру-

зы. По некоторым данным, документального подтверждения которым автору найти пока не удалось, на них доставлялась и зажигательная смесь, известная под названием «моловский коктейль». Разлитая по бутылкам, она использовалась в боях под Москвой осенью и зимой 1941 г. для уничтожения фашистских танков и бронетехники. Пароходы выгрузили «моловский коктейль» во Владивостоке, откуда он дошел до подмосковных полей сражений.

С января 1942 г. планирование работы предприятий, в том числе и АКОфлота, стало вестись не по хозяйственным, а по календарным годам. Утвержденные показатели работы флота на 1942 г. включали доставку на Камчатку 91 900 т и 4 000 пассажиров, вывоз 31 600 т и переброску каботажем еще 47 300 т. В перевозках 1942 г. намечалось использовать 11 судов с общей грузоподъемностью 33 230 т. В течение 1942 г. АКОфлот намеревался построить в Петропавловске долгожданный склад материально-технического снабжения стоимостью 55 тыс. руб. и во Владивостоке — мастерскую междурейсового ремонта за 50 тыс. руб.

Среднегодовой списочный состав моряков устанавливался равным 550 чел. с фондом зарплаты 7 278 тыс. руб. Фактически по состоянию на 25 сентября 1942 г. трудились 558 чел. Не доставало двух радистов и нескольких лекапов (лекарских помощников), хотя последние были нужны только на время перевозки пассажиров. Требовались матросы и машинисты, и — особенно — кочегары 1-го класса. Ввиду нехватки последних осенью «Эскимос» и «Орочон» ушли в рейсы с тремя вахтами кочегаров (обычно их было четыре, люди несли вахты по четыре часа через двенадцать). Комсостав признавался «удовлетворительным», за исключением плававших без дипломов трех третьих помощников и одного третьего механика. Аппарат флота был укомплектован полностью.

Управление АКОфлота для обслуживания нужд отделов эксплуатации и снабжения имело: построенный в 1932 г. катер «Анадырь» длиной 11 м с мотором мощностью 36 л. с., пятитонный рыболовецкий кунгас, крайне изношенную автомашину-пикап и автомобиль марки ГАЗ-АА [16, л. 270—271].

Состояние судов АКОфлота к концу 1942 г. было следующим.

«Орочон» требовал замены просевшей дымовой коробки и прогоревшей дымовой трубы котлов. «Ительмен» вышел из капитального ремонта в Сиэтле в июне 1942 г. Котлы отремонтировавшегося в прошлом году в Сан-Франциско «Эскимоса» были изношены и подлежали замене. В феврале 1942 г. при нахождении в море в средней топке правого котла обнаружили две трещины. Котлы «Якута» также требовали замены. Регистр СССР не разрешал ему плавание в битом льду: корпус требовал смены 30 тыс. заклепок.

«Сима» вышла из капитального ремонта на ПСРВ 6 декабря 1941 г. В декабре 1942 г. из США для нее прибыли новые пароперегреватели. Полной замены требовали трубки конденсатора. «Чавыча» также нуждалась в вос-

становлении изношенных пароперегревателей, замены трубной части конденсатора и настила палубы над жилыми помещениями. «Щорс» вышел из капремонта и докования на ПСРВ 8 сентября 1942 г.

«Чапаяев» зимой 1941—1942 гг. плавал в тяжелых ледовых условиях, повредил корпус в районе бортовых бункеров. Для его восстановления следовало заменить 40 000 заклепок. Оба его котла нуждались в смене дымогарных труб. «Анатолий Серов» в 1942 г. хозспособом исправил деформированный во льдах гребной винт. Запасного винта судно не имело. Его корпус требовал крупного докового ремонта со сменой части листов обшивки и заклепок. «Максим Горький» прошел в декабре 1942 г. в Сизтле междурейсовый ремонт и докование. В США для его главного двигателя заказали впускные и выпускные клапаны и шестерню регулятора числа оборотов.

«Коккинаки» в январе 1942 г. во льду б. Раковой повредил бронзовый винт, его исправили на ПСРВ, но неудовлетворительно. Запасного винта этот пароход тоже не имел. Со дня постройки лесовоз не получал дока. От вибрации на волнах у него дважды разрывался фальшборт. Палуба требовала конопатки и заливки варом [8, л. 13].

Зимой 1941 — весной 1942 гг. на Камчатке сложилась крайне тяжелая ледовая обстановка. Первые три месяца 1942 г. на западном побережье работать было нельзя: лед подошел вплотную к берегу, не давая приблизиться к нему пароходам. Рабочими оказались только шесть суток, да и то только в южных комбинатах — Озерновском и Кихчикском. Вследствие сильных морозов и штилей лед в Охотском море приобрел толщину до 70 см, а в местах сжатия — до 4 м. Занимая сплошное поле на север от Озерной, он совершенно парализовал деятельность флота. Из четырех пароходов, находившихся на западной Камчатке, только «Сима» смогла выгрузить 71 % находившегося на борту и принять 600 т рыбопродукции. Ее приход удачно совпал с началом единственного северо-восточного шторма, отогнавшего льды от южных комбинатов. Работа судов на восточном побережье вследствие изрезанности берега бухтами и заливами, в которых образовались непроходимые заторы, вообще была невозможна [13, л. 7].

«Анатолий Серов», вышедший 21 марта 1942 г. из Петропавловска на западный берег, вплоть до 9 мая дрейфовал в тяжелых льдах Охотского моря. «Капитан парохода т. Дудник, как работник знающий хорошо свое дело, осторожно относится к судовождению, в особенности в туманах, штормах, при подходе к берегу, не сходя с мостика, контролирует лично сам вахты. Все это говорит о заботливом и ответственном отношении к судну» [13, л. 32]. Тем не менее, во время плавания оно получило тяжелые повреждения: обшивка корпуса деформировалась, вывернулось и срезалось много заклепок, погнулись лопасти гребного винта, сломался брашпиль.

После освобождения из ледового плена пароход выгрузился в комбинатах, принял 2 860 т рыбопродукции вместо плановых 2 200 и направился во Владивосток, куда пришел 9 июня. Через неделю он встал в ремонт. Команда обязалась работать по двенадцать часов в сутки, добиваясь выполнения норм не менее чем на 200 %, и завершить все к 1 июля. Свои обещания она выполнила: при нормальной трудоемкости работ в 6 598 человеко-часов, на них затратили 3 062, то есть перевыполнили нормы на 215 %.

Вот что писал 23 июля 1942 г. о ходе работ капитан А. И. Дудник: «“Анатолий Серов” прибыл 8.06.1942 г. В 17 часов приступил к выгрузке. Закончил выгрузку 16.06 в 2 часа. Начало ремонта силами судозкипажа 16.06 в 7 часов, окончание — 30.06.1942 г. На судоремонт по палубной части на основании норм полагалось затратить 4 065 человеко-часов. Фактически затрачено времени 1 243 ч-ч, средний процент выполнения 327 %. На судоремонт по машинной части на основании норм предполагалось затратить 2 546 ч-ч, фактически затрачено 1 532, процент выполнения 166,2 %... В основном задержка судна в порту выразилась в несвоевременном выполнении заказов по мастерским» [13, л. 170].

Общая сумма участия моряков в государственном оборонной займе составила 34 470 руб. Они же подписались на денежно-вещевую лотерею на сумму 10 060 руб. При этом месячный фонд заработной платы команды составлял 31 000 руб. [13, л. 21—22].

После длительного ремонта 27 января 1942 г. вышла в свой первый рейс на западную Камчатку «Сима». До первого пункта назначения — Озерной — она дошла за сутки. «Настроение команды было очень бодрое и возбужденное, все рвались поскорее прибыть к месту назначения». В Озерной разгружался лесовоз ДВГМП «Искра», поэтому «Сима» потеряла в ожидании своей очереди «три золотых дня». С 1 по 21 февраля в труднейших ледовых условиях с нее сняли 2 065 т груза и погрузили 623 т рыбопродукции. На борту парохода оставались еще 835 т груза, но к последней неделе февраля лед стал особенно тяжелым.

С 21 февраля по 28 марта пароход непрерывно дрейфовал во льдах, его то прижимало к берегу, то несло на север или на юг. Несколько раз «Сима» неудачно пыталась пробиться к комбинатам. Когда бесполезность этих попыток стала очевидной, судно отозвали в Петропавловск. При выходе из льдов вышло из строя рулевое управление: сломался привод, лопнул румпель, погнулись баллер и перо руля. При исправлении механизмов особенно отличились старший помощник В. С. Дубасов, старший механик Нерух, второй механик П. А. Ильяшенко, боцман Мануйлов. На переходе судно попало в жестокий шторм. Тем не менее, благодаря слаженной работе экипажа оно 31 марта 1942 г. благополучно своим ходом дошло до Петропавловска [17, л. 34].

За время этого тяжелого плавания «Сима» дважды побывала в аварийных ситуациях. Первое происшествие случилось 2 февраля 1942 г. на рейде Озерновского рыбокомбината. Судно потеряло левый якорь и несколько смычек цепи. Второй случай имел место 25 марта 1942 г. в районе Микояновского комбината. Здесь произошла описанная выше авария рулевого устройства: капитан А. Е. Миронов неудачно дал задний ход во льду с рулем, находившемся в положении «право полборта».

Вопрос о его наказании решался на самом высоком уровне. 2 мая 1942 г. из Москвы на имя начальника АКО пришла правительственная телеграмма, подписанная заместителем наркома Николаевым: «Освобождение Миронова Симы не возражаю тчк Используйте меньшей работе». 5 мая 1942 г. начальник АКО, припомнив столкновение «Чапаева» с «Орочоном», случившееся в проливе Босфор Восточный в 1940 г. при участии А. Е. Миронова, приказал снять его с «Симы» и перевести на другую должность [17, л. 33, 35].

А. Е. Миронов подал заявление, в котором обосновал ошибочность этих решений. 30 июня 1942 г. для окончательного разбора дела в трехдневный срок создавалась комиссия под председательством капитана «Щорса» П. Я. Жуковского, включавшая капитана «Эскимоса» Н. П. Колесникова и капитана «одного из судов Морфлота» [18, л. 43]. Она, видимо, приняла взвешенное решение, так как известно, что в ноябре 1942 г. А. Е. Миронов командовал танкером «Максим Горький» [16, л. 268].

Другие суда также попали в сложное положение, из которого, к счастью, они успешно вышли. Так, 29 января 1942 г. «Эскимос» при постановке на якорь у острова Беринга на рейде села Никольского задел кормой каменистую банку, разорвав лист наружной обшивки на длину 1,5 м с наибольшей шириной до 3 см. Недалеко от места разрыва днище получило большую вмятину. Пароходу следовало выгрузить 20 т груза и два кавасаки. Этому препятствовали сильный ветер и крупная зыбь. «Эскимос» свыше двух суток держался в море под машиной, выжидая улучшения погоды. Получив от начальника острова сообщение о возможности выгрузки, он направился на рейд Никольского, пользуясь неоткорректированной картой, изданной в 1934 г.

Проведенное расследование установило, что авария явилась следствием того, что «капитан Квашинский К. Ф. недостаточно продуманно рискнул заходить на Никольский рейд... в темное время... имея ограниченный запас угля, стараясь его экономить. Несмотря на наступление темноты, желая воспользоваться возможностью для выгрузки, полагаясь на свой ранее безаварийный опыт, сознательно пошел на некоторый производственный риск, который на сей раз не оправдался». Повреждения устранили, зацементировав междудонное пространство. Это позволило продолжить эксплуатацию судна до постановки в док. Вопрос о применении мер судебного наказания или

дисциплинарного взыскания к капитану начальник АКО вынес на рассмотрение наркома [19, л. 147, 155].

В январе 1942 г. «*Максим Горький*», шедший из Олюторки в Усть-Камчатск, был затерт дрейфующими льдами в районе залива Озерной. Войдя во льды, капитан П. Н. Козлов неправильно оценил ледовую обстановку, изменил курс для выхода на чистую воду, «этим самым приблизил судно к берегу и оказался в сплошном торосистом крупнобитом дрейфующем льду, где его зажало и дрейфовало в зюйдовом направлении». Воспользовавшись образовавшейся во льду трещиной, танкер развернулся и стал пробиваться к выходу на чистую воду в сторону моря. Вскоре корпус завибрировал, машина увеличила обороты. Это явилось следствием поломки лопасти гребного винта. Пройдя траверз мыса Столбового, танкер вышел на чистую воду [19, л. 205].

Убыток от происшествия составил 34 573 руб. 60 коп. Капитан получил за это строгий выговор, так как не подготовился к рейсу, не изучил по лоции гидрологического режима, не учел зимних особенностей плавания и не информировал старшего помощника о своих намерениях, чем «лишил его возможности принимать участие в вопросах безопасного судовождения» [19, л. 204—205].

После этого танкер совершенно не участвовал в перевозках вначале из-за смены винта, а впоследствии ввиду невозможности подойти к месту погрузки — нефтебазе в Сероглазке. Здесь лед имел такую толщину, что его не смог преодолеть даже ледокол [13, л. 7].

В конце января и первой половине февраля 1942 г. «*Чавыча*», следуя с путинными грузами из Владивостока на западную Камчатку через Цусимский пролив, по пути претерпела суровые испытания, перенесла два сильных шторма. Пароход принял во Владивостоке скверный уголь. К концу дня 29 января барометр начал падать. Моряки дополнительно укрепили палубный груз. 30 января началась сильная качка. Здесь и проявилось низкое качество топлива: давление в котлах упало, судно развернуло лагом к волне. Волны захлестывали палубу, разрушали двери, судовое имущество. Капитан решил поставить пароход кормой на волну, начал менять курс вправо по мере смещения шторма к северу. Для облегчения кормы выкачали 100 т пресной воды. «*Чавыча*» стала меньше принимать воды на кормовую палубу, но волны продолжили свое разрушительное действие. Чтобы успокоить их, моряки применили старинный способ: стали лить за борт через шпигаты машинное масло. Это дало ожидаемый результат. Таким способом боролись со стихией до полудня 31 января, когда центр циклона обогнал пароход и начал уходить от него. Ветер стал стихать, волнение уменьшилось.

До 8 февраля погода благоприятствовала дальнейшему плаванию. Пароход направился в Петропавловск для ликвидации полученных повреждений. Ночью 8 февраля начал усиливаться северо-восточный ветер, достигший

к восьми утра штормовой силы. Давление пара в котлах упало до четырех атмосфер, судно вновь поставило лагом к волне. Снова пробовали лить масло, но на сей раз безуспешно. В таком положении «Чавыча» находилась до 13 февраля. Пароход снесло на 70 миль в юго-восточном направлении, он «обезуглился», так как суточные нормы расхода топлива были заметно превышены. По радио вызвали помощь из Петропавловска. Она пришла утром 13 февраля в лице «Чапаева», доведшего «Чавычу» на буксире до порта. Рейс был прерван.

Расследование установило, что со стороны экипажа «каких-либо упущений в подготовке к большому переходу или неправильных действий в судовождении во время шторма допущено не было. Аварийные последствия по судну перенесенных двух тяжелых штормов явились результатом снабжения во Владивостоке некачественным углем. . . Пароход терял управляемость и вынужден был следовать по пути движения шторма». Убытки от смытого груза составили 303 300 руб. и были отнесены за счет фрахтователя — Владивостокской конторы АКО [19, л. 214, 238].

27 февраля 1942 г. «*Чапаев*», находившийся в Охотском море в районе рыбокомбината им. Микояна с грузом пиломатериалов, попал в тяжелую ледовую обстановку и дрейфовал зажатым во льдах до 15 марта. Сильное сжатие началось 27 февраля около шести утра: в подводной части форпика потекли заклепочные швы. Течь устранили постановкой цементных ящиков.

10 марта капитан «Чапаева» Е. Д. Бессмертный получил распоряжение немедленно сниматься и следовать в Петропавловск. Учитывая тяжелую ледовую обстановку на западной Камчатке, где льды стиснули «Симу» и «Якут», зная о предстоящей посылке из Петропавловска в эти же районы еще ряда пароходов, он решил рекомендовать руководству АКО воздержаться от этого до улучшения ситуации. Капитан вручил радисту радиogramму следующего содержания: «Учитывая исключительно тяжелую ледовую обстановку, в целях сохранения корпусов, винтов, экономии бункера, прочего, пока от посылки наших судов воздержитесь. Держите их в готовности в порту. Суда необходимо сохранить для работы [во время] навигации. Улучшение ледовой обстановки, возможность работы сообщу».

Радист, считая содержание радиogramмы не подлежащим оглашению, не передал ее, не предупредив об этом капитана. В ходе расследования капитану было предложено наложить на радиста взыскание. На будущее капитаны судов, «находящихся в подобных обстановках», получили предписание «всемерно оберегать суда от работ во льдах, как конструктивно непригодные». Начальнику АКО флота следовало организовать систематическое получение информации о ледовой обстановке и наносить сведения на специальную карту, «каковой ориентироваться при посылке судов в рейс» [19, л. 290—291].

Годовой план грузоперевозок «Якуту» был определен в размере 14 200 т. К выполнению задания судно приступило в январе 1942 г., выйдя в рейс из Владивостока на западную Камчатку с углем. Мощные ледовые поля в Охотском море вынудили пароход длительное время дрейфовать. Лишь в начале апреля с большими перебоями он приступил к разгрузке в Микояновске. Здесь принял продукцию и доставил ее во Владивосток. За этот рейс судно перевезло 4 959 т и 246 пассажиров. Из-за длительного отсутствия связи с берегом судно не могло пополнить запасы продовольствия. В результате треть моряков заболела цингой, «что, бесспорно, отразилось на политико-моральном состоянии всего коллектива и особенно на командном составе, который... не был подготовлен к тяжелым операциям».

В следующее плавание из Владивостока в Анадырь пароход вышел 1 июля 1942 г., вернулся обратно 12 сентября 1942 г., перевезя 6 674 т и 390 чел. На стоянках экипаж покрасил борта и надстройки. В Анадыре моряки принимали активное участие в грузовых работах. Здесь же они ловили и заготавливали рыбу для собственного пропитания. «В течение этих рейсов экипаж работал по 12—15 часов в сутки. Исключительно большая работа была произведена палубной командой при буксировке плота из Усть-Камчатска в Петропавловск. Несмотря на свежую штормовую погоду (до 9 баллов) и неоднократный обрыв плота, последний был в целостности доставлен в Петропавловск, за что часть коллектива начальником АКО была премирована, части объявлена благодарность и отпущены средства для премирования команды».

Третье плавание прошло на восточное побережье. Здесь приняли 2 195 т груза и 56 пассажиров, часть которых доставили в Петропавловск. К концу октября 1942 г. пароход выполнил годовой план грузоперевозок на 88,6 %. На подарки бойцам Красной Армии экипаж «Якута» собрал 4 560 руб.

Жилые помещения судна находились в плохом состоянии. По мнению помощника В. П. Реброва, «объясняется это дело тем, что, с одной стороны, бывший старпом... основательно запустил пароход... С другой стороны — все жилые помещения парохода не ремонтировались с 1934 г. При ремонте в Америке в 1941 г. на ремонт кают не затрачено ни одной копейки. Покрасочные материалы, как правило, отсутствуют. К тому же с постройки пароход работал на жидком топливе, а сейчас работает на угле, отсюда главное загрязнение и, несмотря на то, что экипажем проводится большая работа по наведению чистоты, все же нужных результатов добиться не можем. Необходимо при постановке в ремонт запланировать переборку жилых помещений по примеру “Щорса”» [13, л. 158—159].

С началом войны большое внимание было уделено ужесточению дисциплины среди экипажей судов. В соответствии с указанием НКРП СССР, начальник АКО 29 мая 1942 г. приказал распространить на все суда общества Устав о дисциплине рабочих и служащих Морского флота Союза ССР,

утвержденный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1085 от 22 июня 1940 г., и Устав службы на судах Морского флота Союза ССР, введенный НКМФ СССР 5 августа 1941 г. [17, л. 130].

Нарушителей Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений») и 10 августа 1940 г. в АКОфлоте за 1942 г. насчитывалось 79 чел. Из них осудили на разные сроки и направили на принудительные работы 61 чел. [16, л. 270]. Дисциплина на судах поддерживалась строгими мерами: только за первое полугодие 1942 г. на «Орочоне» за прогулы осудили трех человек. За опоздание при отходах во Владивостоке и Петропавловске осудили еще двоих моряков [13, л. 29].

По сообщению политрука «Коккинаки» Г. И. Худышкина, с 20 января по 25 ноября 1942 г. из 37 членов экипажа под судом побывали четверо: «Кочегар 1-го класса Тимохин и машинист Русов отказывались выходить на лебедочные работы, за что осуждены по Указу от 26.06.1940 г. Два нарушения устава: бывший третий помощник Цыба Н. Д. при исполнении вахтенной службы допустил распитие спиртных напитков с подчиненными... Приговорен военным трибуналом к четырем годам с отправкой на фронт. Кочегар Левченко (судовой артельщик) за спекуляцию приговорен к трем годам тюремного заключения. Всего 12 административных взысканий, но за то же время 102 благодарности приказами по судну и АКОфлоту» [13, л. 119].

Политрук «Чапаева» докладывал, что «в июле месяце матрос Воронин не явился на вахту, и в сентябре кочегар Бугаев явился на судно в нетрезвом виде и в силу этого не был допущен на вахту. Оба они осуждены к шести месяцам принудительных работ с удержанием из зарплаты 25 %» [13, л. 138].

Приказ по АКО № 259 от 23 июля 1942 г. озвучил решения военного трибунала Тихоокеанского флота:

«1. Капитан танкера “Максим Горький” Козлов П. Н. допустил на судне антисанитарное состояние жилых помещений, не обеспечил надлежащего хранения аварийных и противопожарных средств — к одному году исправительных работ по месту работы.

2. Шелепов Д. М. — третий механик танкера “М. Горький” — 10.03, находясь в нетрезвом состоянии, не мог нести вахту. 5.06, будучи отправлен на берег по служебным делам, напившись пьяным, опоздал к отходу судна — три года исправительно-трудовых лагерей. Приведение приговора отсрочено до окончания войны, а Шелепов направлен в действующий ВМФ.

3. Фролов В. Х. — машинист 1-го класса парохода “Сима” — во время нахождения судна 13.05.1942 г. на Петропавловском рейде, будучи предупрежден вахтенным механиком о том, что с 19 часов должен работать на лебедке, самовольно отлучился на берег в 18 часов и вернулся 14.05 в 2 часа.

Пять лет исправительно-трудовых лагерей, с отсрочкой приговора до окончания войны и направлением его в действующую армию.

4. Шеян П. Д. — второй помощник парохода “Чавыча” — во время нахождения судна на западном побережье Камчатки в условиях дрейфующих льдов 29.04, приняв вахту от третьего помощника и от него распоряжение капитана о промере глубин и отводе судна мористее, не выполнил, и вопреки распоряжения капитана в ночное время полным ходом в течение всей вахты форсировал лед, при этом не выставив наблюдающего за состоянием льда у кормы. В результате произошла авария рулевого управления. С целью скрытия аварии Шеян при сдаче вахты капитану не доложил и не сделал записи в вахтенный журнал. Четыре года исправительно-трудовых лагерей с отсрочкой с направлением в действующий ВМФ...» [18, л. 87].

17 февраля 1942 г. С. П. Емельянов подписал подготовленный начальником ОБП старшим лейтенантом М. Ивановым приказ «О прохождении военно-морской подготовки личным составом дивизионов флота АКО». Их командирам следовало обеспечить учебу моряков согласно разработанным планам. Ответственность за прохождение программ боевой подготовки возлагалась на капитанов и политруков судов. Командирам дивизионов следовало их «контролировать и давать свои указания». Пятого числа каждого месяца результаты учебы и проверок должны были рапортом доноситься начальнику АКО.

С 3 апреля 1942 г. начал действовать утвержденный командиром Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ) капитаном 2-го ранга Д. Г. Пономаревым календарный план подготовки первого и второго дивизионов флота АКО на апрель-июнь 1942 г. Он предусматривал 150 часов занятий по каждой боевой части, в том числе 12 часов тревог и учений. Позже программа была увеличена до 240 часов.

15 апреля 1942 г. заработала комиссия по осмотру судов АКО «на предмет оборудования артиллерийским и пулеметным вооружением». Возглавил комиссию М. Иванов, в нее вошли военный инспектор АКО Бут, начальник АКОфлота, капитан и старший механик осматриваемого судна, а также военный специалист от ПВМБ.

По каждому судну следовало составить акт с указанием калибра, количества и мест установки орудий, пулеметов, мест хранения боезапаса и представить его на утверждение командиру ПВМБ. Все это должно было обеспечить самооборону судов от возможных атак авиации и подводных лодок.

Проведение военных занятий на первых порах осложнялось отсутствием специальной литературы и пособий. Помполит парохода «Анатолий Серов» В. П. Румянцев в августе 1942 г. сообщал: «Несмотря на то, что на изучение военного дела положено много трудов, все же результаты освоения... являются некачественными. Объясняется это тем, что у нас на судне нет ни одно-

го командира, знающего военное дело, не у кого позаимствовать в учебе. Из пособий имеется одна единственная книга “Военно-морское дело” на всю команду, что особенно затрудняет самостоятельное изучения материалов».

На «Орочоне» успешно завершили 110-часовую программу всеобщего обязательного военного обучения. Здесь также имелись «трудности в наглядных учебных пособиях. Попытки достать оружие для практических занятий не увенчались успехом. До сих пор не имели даже малокалиберной винтовки, не говоря о другом оружии» [13, л. 22, 29].

На «Чапаеве» действовала первичная организация Осоавиахима из 30 чел. В течение 1942 г. с ними прошли занятия по изучению противогаса, трехлинейной винтовки, устава ВМФ. Палубная команда практиковалась в световой и флажной сигнализации, игрались пожарные и водяные тревоги. Моряки познакомились с типами кораблей ВМФ и самолетов [13, л. 138].

Освоение военного дела на «Максиме Горьком» заключалось в строевой подготовке, четырех занятиях по штыковому бою, изучении винтовки и способов противохимической защиты. Были подготовлены два расчета пулемета Дегтярева, сыграно 16 тревог, в том числе две противовоздушные и две химические. В результате выяснилось, что «команда требует большей подготовки... Помощи от военного сектора АКО никакой нет, кроме разработки программ, а материалом, как правило, по темам не обеспечивает. Все темы, которые на судах не в состоянии провести своими силами, начальник боевой подготовки т. Иванов обещал проводить во время стоянки в порту, но и этого не делается» [13, л. 150].

В течение первого полугодия 1942 г. АКОфлот покинули 95 человек. Из них девятерых призвали в армию, а среди прочих много моряков уволилось по болезни — зимой 1941—1942 гг. наблюдались вспышки цинги. Значительная убыль личного состава стала существенной проблемой, так как резерва кадров, особенно командных, не имелось. Из-за этого пришлось прибегать к найму моряков во Владивостоке, причем вновь принимаемые не всегда оказывались на высоте. Выходом из положения стало «продвижение собственных кадров»: так, три старших помощника (В. С. Дубасов, М. К. Виннер, И. Д. Кадет) были выдвинуты в капитаны. По состоянию на 31 декабря 1942 г. в АКОфлоте работали 120 стахановцев и 32 ударника. За год уволилось 215 чел., в том числе 35 из-за призыва в армию и на флот [8, л. 18, 26]. Один из призванных — помполит «Ительмена» Николай Никифорович Сильянов — погиб в боях под Сталинградом.

В начале 1940-х гг. на Камчатке стал активно внедряться новый способ заготовки рыбной продукции путем ее замораживания. Первая серия холодильников на базе Морлова Моховая и комбинатах побережья вступила в строй в конце 1940 и первой половине 1941 г.

12 марта 1942 г. начальник АКО распорядился для скорейшего окончания строительства холодильников второй серии (в Кихчике, Пымте, Кировске и Колпаково) «под личную ответственность начальника АКОфлота Драбкина, а также капитанов пароходов “А. Серов” — Кадет, “Чавыча” — Волчкович, “Коккинали” — Коломеец, “Якут” — Гассе, “Орочон” — Барботько, завезти... для утепления холодильников шлака общим количеством по 400 куб. м. по каждому холодильнику» [19, л. 167].

В этот же день, учитывая, что Петропавловский порт АКО не успевает обрабатывать прибывавшие в большом количестве суда, АКОфлот получил приказ бункеровать пароходы углем своими силами, мобилизовав для этого всех членов экипажа, за исключением капитана, старшего механика и старшего помощника, которые были обязаны руководить круглосуточно шедшими работами [19, л. 162].

Весной 1942 г. выяснилось, что своевременная доставка консервных банок комбинатам восточного побережья к началу путины может сорваться. Для ускоренной погрузки банок на пароход «Чавыча» были привлечены сотрудники управления и предприятий АКО, а также служащие городских учреждений. С 28 мая 1942 г. работы организовали круглосуточно в две смены, трудившиеся по десять часов.

Ночная смена собиралась для отправки на жестянобаночную фабрику на Озерновской косе в шесть часов вечера. В течение часа они добирались на плавсредствах до фабрики и после завтрака приступали к погрузке, длившейся до часа ночи. Затем следовал часовой перерыв на отдых и питание, а с двух часов ночи работы возобновлялись и длились до семи часов утра. После завтрака люди отправлялись по домам [18, л. 121, 123].

Экипажи судов принимали все меры к увеличению количества перевозимых грузов и уменьшению балластных пробегов. Пароход «Орочон» при грузоподъемности в 4 600 т за первый рейс в 1942 г. перевез 4 762, в следующем — 5 593, а в последнем — уже 6 033 т. По результатам работы во втором квартале 1942 г. экипаж «Орочона» завоевал первую премию во Всесоюзном соревновании НКРП СССР. За полугодие моряки выполнили план грузоперевозок на 124,9 %. Возглавлял экипаж «Орочона» Г. А. Барботько, работавший капитаном в АКО с 1929 г. Вместе с ним отлично трудились старший механик К. П. Коробов, второй механик П. Г. Кибличенко, боцман А. О. Башкирцев, матрос 1-го класса Ф. Ф. Недолужко [20, № 171].

«Эскимос» под командованием капитана Н. П. Колесникова в своем четвертом рейсе имел задание получить на Сахалине полный груз угля для Петропавловска. При грузоподъемности 3 200 т судно приняло 3 692 т, в Пиленге взяло четыре 10-тонных кунгаса, а в Ныйво — плот-сигару весом 2 574 т. Все это было доставлено в Петропавловск в полной сохранности. Таким образом, «Эскимос» за один рейс перевез 6 305 т. Факт буксировки плота-сигары

с Сахалина в Петропавловск через Охотское море и Тихий океан не имел примера в истории дальневосточного мореплавания, а экипаж «Эскимоса» проявил в этом деле инициативу, новаторство и энергию.

С. П. Емельянов и Я. М. Дабкин, считая, «что в дальнейшем буксировка леса в сигарах с острова Сахалин и других пунктов должна стать одним из основных видов завоза леса на Камчатку», обратились к наркому, прося «в целях заинтересованности судозипкажей и для заострения внимания всех моряков на важность вышеуказанного мероприятия», поощрить их приказом по НКРП [18, л. 132].

Наркомат принимал и другие меры для стимуляции деятельности экипажей. Так, начальник флота оповестил моряков: «Распоряжением замнаркома Шередека устанавливается премиальная плата сверх основной зарплаты за каждую тонну рыбопродукции, принятую на комбинатах и доставленную в пункты назначения, в следующих размерах (коп.): «Орочон», «Ительмен» — 170; «Сима», «Чавыча», «Эскимос», «Щорс», «Чапаев» — 200; «Якут», «Коккинаки», «Анатолий Серов» — 250. За перевыполнение рейсового плана по вывозу... устанавливается дополнительная премия... Капитан имеет право частично или полностью лишать плохо работавших членов команды. Срок действия: по западному побережью 1.11, по восточному — 1.12» [13, л. 25].

План третьего квартала 1942 г. «Эскимос» выполнил на 141,1, а «Орочон» — на 140,1 % [8, л. 24]. НКРП премировал оба судна [21, л. 117].

В начале сентября 1942 г. пароход «Якут» под командованием капитана П. Д. Киселева, имея полный груз рыбопродукции, взял в Усть-Камчатске на буксир плот-сигару объемом 1 384 куб. м. При следовании к месту назначения караван застиг восьмибалльный шторм. Сигару оторвало, ей грозила гибель. «Якут», несмотря на сильную зыбь, смог подойти к плоту, и моряки: боцман Трякин, матрос Мамонтов прямо с борта спрыгнули на сигару и начали крепить буксир. Не считаясь с риском быть смытыми волнами, на сигаре также работали второй помощник капитана Гречищев и матрос Лютый. В результате такой самоотверженности и героизма экипажа плот вновь взяли на буксир и доставили на место назначения [18, л. 161].

Помполит «Анатолия Серова» В. П. Румянцев в августе 1942 г. так докладывал о деятельности своего судна: «За переход Владивосток — Петропавловск ежедневно выпускаем диаграмму с показателями работы в отдельности на каждой вахте: давление пара, обороты винта, пройденные мили за вахту. За этот же переход в порядке тренировки команды произведено шесть учебных тревог. За дисциплинированное поведение, хорошие показатели на ремонте и в рейсе 11 чел. из команды объявлена благодарность и за перевыполнение рейсового плана объявлена благодарность всему экипажу» [13, л. 22].

Лесовоз «Коккинаки» выполнил план грузоперевозок 1942 г. на 108 %, сэкономив 768 т угля, что составило 24,6 % его годовой потребности. Среди

машинной команды стал популярен лозунг: «Ухаживать за механизмами, как боец на фронте ухаживает за своим оружием», позволивший увеличить эксплуатационную скорость судна на 15 %. Экипаж, насчитывавший 25 станхановцев и ударников, выполнял текущий ремонт исключительно собственными силами. Особенно хорошо трудились второй помощник капитана С. Г. Митяев, боцман П. Е. Клименко, второй механик З. Н. Алешков, третий механик А. С. Царев, матрос А. Шавкунов, плотник М. Дурнов, кочегары Г. С. Попов, Ф. Я. Шаталов, П. Науменко. Большим уважением экипажа пользовалась пекарь М. И. Стрюкова, которой шел шестьдесят второй год.

Вот как выглядели обязательства экипажа «*Чапаева*» на навигацию 1942 г., принятые во время стоянки судна во Владивостоке 1 июля 1942 г.: «Экипаж парохода “Чапаев” в ответ на первомайский приказ т. Сталина (в котором ставилась задача разгрома немецко-фашистских захватчиков в 1942 г. — С. Г.), включается во Всесоюзное социалистическое соревнование на лучшее транспортное судно в системе Наркомрыбпрома. Экипаж обязуется выполнять планы не ниже, чем на 110 %, увеличить грузоподъемность судна на 5 %, увеличить ходовую скорость на 15 % — вместо 7,8 узлов дать 9,1. До конца хозяйственного года не допускать ремонтов с выводом судна из эксплуатации. Междурейсовые ремонты проводить силами экипажа, выполнять сдельные нормы на 150—200 %, принимать активное участие в погрузо-разгрузочных работах — переработать силами экипажа не менее 2 500 т и обеспечить работу на лебедках. Сокращать расход норм топлива и смазочных материалов на 5 % от суточной нормы однотипных судов Госморпароходства, работающих на жидком топливе».

Чапаевцы принимали вызов экипажа «Щорса» и предлагали ежеквартально проводить взаимную проверку хода социалистического соревнования. В качестве «жюри» в состязании выступали начальник АКОфлота Я. М. Драбкин и руководители основных отделов предприятия.

Правда, сократить расход топлива, как позже выяснилось, было сложно: во время зимних плаваний по западной Камчатке пароход сильно повредил корпус и получил течь в районе цистерн. К лету ежедневная потеря топлива достигла 1,5 т. Проведенная во Владивосток электрозаварка трещин положительного результата не дала. Этот дефект можно было устранить только в доке.

В июне 1942 г. специальная комиссия при рыбном порте проверяла технические знания кочегаров и машинистов «*Чапаева*». Все прошедшие проверку получили удостоверения, дававшие им право занимать данные должности [13, л. 135, 138].

Продолжилась практика направления судов за границу. В сентябре 1942 г. из Петропавловска в Портленд вышел «Орочон». Здесь в течение девяти суток он одновременно производил текущий ремонт и принимал груз. Из-за отсутствия в Портленде угля, за бункером пароход направился в Сиэтл, затра-

тив на это 19 суток, в результате чего продолжительность рейса составила два месяца. Во время ремонта пароход снабдили зенитным вооружением. Находясь в США, экипаж «Орочона» приобрел 59 пар теплых носков и 50 пар белья стоимостью 108 долларов, которые решили передать в действующую армию. Во время обратного перехода в СССР экипаж, разбитый на боевые расчеты, провел несколько учебных тревог и девять занятий у орудий. В ноябре 1942 г. «Орочон» прибыл во Владивосток. В результате максимального использования емкости трюмов, вместо положенных 4 600 т судно перевезло за этот рейс 4 925 т снабженческих и оборонных грузов. Всего за год пароход вместо плановых 19 300 доставил 22 061 т груза.

«Орочон» за первое полугодие 1942 г., «как передовой пароход», был представлен НКРП и ВЦСПС кандидатом на получение знамени Государственного Комитета Обороны, но такового не удостоился [13, л. 26].

24 ноября 1942 г. из Петропавловска в Портленд отправился пароход «Щорс». По пути с 1 по 6 декабря 1942 г. он снял с парохода «Турксиб», выброшенного штормом на камни Алеутских островов, 450 т груза. 19 декабря 1942 г. судно встало в ремонт, который шел медленно. Многие работы, в том числе переборку главной машины, выполняла команда. В конце января «Щорс» начал погрузку и 8 февраля взял курс на Петропавловск. Во время рейса дважды приходилось стопорить машину для устранения выявившихся дефектов. В США на «Щорсе» установили пушку и два крупнокалиберных пулемета. Приписанные к ним моряки, по словам помполита М. И. Первущина, хорошо овладели вверенным им оружием. После прихода в Петропавловск экипаж передал местным властям в подарок к 25-й годовщине РККА 92 пары шерстяных носков и ящик сигарет, купленные на личные средства (61 доллар). Кроме этого, моряки, откликнувшись на призыв тамбовских колхозников, внесли на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак» 14 200 руб. наличными [22, л. 15—22].

(В 1943 г. Камчатка получила благодарность Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина: «Прошу передать трудящимся Камчатской области, собравшим, кроме ранее внесенных 32 миллионов рублей и облигациями госзаймов 33 миллионов рублей в фонд обороны Союза ССР, дополнительно 14 миллионов рублей на строительство танковой колонны “Камчатский рыбак” — мой братский привет и благодарность Красной Армии»).

Выполнение плана перевозок людей и грузов, установленного на 1942 г., показано в табл. 2 [22, л. 97]. Как видно, задание по грузам оказалось невыполнено на 5 953 т или на 3,5 %, по пассажирам — перевыполнено на 17,4 %. Общий итог — 97,0 %.

Невыполнение плана стало результатом уменьшения числа сделанных рейсов против плановых: 82 вместо 105, снижения эксплуатационной скорости с 172,8 миль в сутки до 153, увеличением среднего пробега из-за пе-

реходов в ненавигационное время через Цусимский пролив и выполнения не предусмотренных планом «спецрейсов».

В течение 1942 г. резко уменьшилось время, расходуемое на чистки котлов, техосмотры, междурейсовые ремонты, а также на дератизацию, то есть на борьбу с грызунами. Это признавалось свидетельствующим «о плохой постановке эксплуатационной службы» и подтверждалось тем, что из 2 147,6 тыс. руб., выделенных на текущий ремонт, были использованы всего 753,7.

Таблица 2

Судно	Грузы, т			Пассажиры		
	план	отчет	% вып.	план	отчет	% вып.
«Орочон»	19 300	21 670	112,3	600	436	72,7
«Ительмен»	10 800	19 851	183,8	300	96	32,0
«Сима»	19 600	17 596	89,8	600	782	130,4
«Чавыча»	19 600	18 496	94,4	325	320	98,5
«Эскимос»	18 400	21 982	119,5	810	913	112,7
«Якут»	14 200	13 959	98,3	625	845	135,2
«Чапаев»	18 700	11 271	60,3	365	658	187,7
«Щорс»	10 400	6 477	62,3	175	252	144,0
«А. Серов»	16 800	12 497	74,4	120	296	146,7
«Коккинаки»	14 000	13 262	94,7	80	60	75,0
«М. Горький»	9 000	7 786	86,5	—	39	—
Всего:	170 800	164 847	96,5	4 000	4 697	117,4

На чистку котлов потратили только треть от запланированного. Пароходы «Ительмен» и «Чапаев» ее не производили вообще. Результат: перерасход условного топлива по флоту составил 994 т. На дератизацию, имеющую «важное значение при перевозке рыбопродукции россыпью и хлебных грузов», надлежало израсходовать 31,6 тыс. руб., но фактически истратили лишь 7,1.

Сельхозферма в 1942 г. сработала плохо. Она должна была засеять 5 га картофеля (ожидавшийся урожай 80 ц с гектара), 3 га капусты (125 ц), 2 га моркови (80 ц), немного свеклы и лука. Общая посевная площадь определялась в 10 га. Товарной продукции с нее намечали получить 643,5 ц. В течение лета и осени 1942 г. следовало освоить 7,5 га новых земель. Поголовье скота на 1942 г. определялось в количестве 12 коров, 87 свиней, пяти лошадей. Намечалось «ввести птицеводство» и к концу года поднять его поголовье до 160 шт. Для прокорма скотины следовало запасти 150 т сена и силоса [23, л. 1—2].

На деле же посеяли 3,9 га, собрали 278,1 ц продукции, то есть 33 %. Себестоимость центнера картофеля превысила плановую более чем втрое (288 вместо 81 руб.), а капуста обошлась аж в восемь раз дороже (657 вместо 81 руб.). Ферма заготовила 12,6 т сена и 47,5 т силоса и располагала 13 коровами, 15 поросятами, одним быком-производителем, семью телками, пятью бычками, тремя свиноматками и тремя лошадьми. На подсобном хозяйстве имелись шесть жилых помещений [16, л. 271].

В итоге руководство АКО заключило: «Отчетные показатели не дают основания признать хозяйственную деятельность АКОфлота за 1942 г. удовлетворительной» [23, л. 9—11]. Тем не менее, 1942 г. был завершен с прибылью в размере более 7 млн руб. За простои пароходов с грузополучателями (комбинатов) флот взыскал 1 786,8 тыс. руб. штрафов [23, л. 26].

В октябре 1942 г. начальником АКОфлота стал Александр Яковлевич Каменецкий [16, л. 268].

Двухлетний опыт централизации учета в АКОфлоте показал невозможность своевременного контроля работы судов. Ввиду постоянного нахождения их в плаваниях, управление флота не могло регулярно получать отчетность. Текучесть рядовых моряков, частые перемещения комсостава, ненадлежащее оформление дел в процессе их приема и передачи нередко создавали крупные недостатки и невозможность определения ответственных за них лиц. Для предотвращения этого с 1 января 1943 г. все суда снова переводились на полный хозрасчет с самостоятельным балансом. На них возвращались старшие бухгалтеры. В порядке опыта у самых крупных судов открывались отдельные счета в госбанке. В действие вводилось «Положение о хозрасчетном морском транспортном судне Управления флота АКО», представленное А. Я. Каменецким руководству общества 26 декабря 1942 г. [16, л. 282].

Проведенная в феврале 1943 г. сектором местной противовоздушной обороны (МПВО) АКО проверка состояния оборонной работы показала, что на некоторых судах она почти отсутствовала. Посты МПВО здесь не были организованы, занятия и тревоги с моряками не проводились. 16 февраля 1943 г. заместитель начальника АКО Гусев распорядился в трехдневный срок дать указания всем капитанам организовать подготовку к сдаче норм противовоздушной и химической обороны (ПВХО) в соответствии с постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г., а на каждом судне создать комиссии по приемке норм [16, л. 100].

16 марта 1943 г. вышел приказ № 07 по Управлению военизированного флота (УВФ) Камчатского бассейна (так стала называться организационная структура, руководившая первым и вторым дивизионами, то есть АКОфлотом и Морловом) об улучшении боевой подготовки на судах. Командирам дивизионов А. Я. Каменецкому и Г. Я. Ермошкину с приходом судов в Петропавловск совместно с их капитанами и представителями ПВМБ следовало укомплектовать все посты, установленные боевыми расписаниями судов.

Занятия с личным составом проводились по особому расписанию, составлявшемуся перед выходом из Петропавловска или Владивостока. Для них устанавливалось следующее обязательное время: один час в течение рабочего дня во время плавания и два часа ежедневно во время стоянки в порту или на ремонте. На судах, несших вооружение, для ухода за ним боевым расчетам ежедневно отводилось не менее полчаса. Отделу кадров АКОфлота за-

прещалось перемещать без согласования с ОБП АКО личный состав, обученный пользоваться вооружением, и других специалистов, изучивших какую-либо военно-морскую специальность [24, л. 7].

Приказами по дивизионам на каждом судне из числа командного состава назначался помощник командира корабля (то есть капитана судна) по военной части. В течение второго квартала 1943 г. ими стали: на «Орочоне» — третий помощник капитана Алексей Никифорович Бурлуцкий, на «Симе» — старший помощник капитана Иван Дмитриевич Кадет, на «Максиме Горьком» — политрук Василий Григорьевич Швецов, на «Щорсе» — второй помощник капитана Геннадий Александрович Козырев, на «Анатолии Серове» — второй помощник капитана В. В. Скробот, на «Якуте» — второй помощник капитана А. И. Гречищев [24, л. 18—25].

На «Чапаеве» таковым назначили И. И. Петрова. По его словам, он не был знаком с военным делом и выполнять возложенные обязанности не мог. «Прошу освободить от работы на пароходе “Чапаев” с переводом на береговую работу». Резолюция руководства: «Вопрос о списании решен. Работать направлен в Петропавловский городской комитет в отдел пропаганды. 28.10.1943 г.» [14, л. 6].

23 апреля 1943 г. начальник АКО распорядился для совершенствования военных знаний откомандировать на специальные курсы, организованные ПВМБ, следующих руководителей: начальника АКОфлота Каменецкого, начальника организационно-строевого отдела УВФ АКО Пучкова, военного инспектора АКОфлота Бута, капитана-инструктора отдела службы флота Обухова, главного механика отдела службы флота Альфонского, главного инженера АКОфлота Цимбала, начальника Морлова Ермошкина, начальника Петропавловского порта Завадского, капитана плавсредств порта Богданова, капитана Петропавловской моторно-рыболовной станции Сорокина, начальника службы флота Слободенюка. Занятия проводились вечером в нерабочее время по понедельникам и четвергам в помещении Морлова [24, л. 17].

Единая структура УВФ НКРП СССР была определена приказом по наркомату № 1288. Во исполнение правительственного распоряжения, 17 июля 1943 г. был утвержден следующий состав органов УВФ АКО Камчатского бассейна [24, л. 27]:

— руководство: начальник управления Емельянов, помощники Гусев, Макштас, Данилин;

— организационно-строевой отдел: И. О. Пучков;

— отдел боевой подготовки: начальник отдела, флагманские артиллерист, минер, химик, штурман и механик (все — офицеры ТОФ);

— эксплуатационно-технический отдел;

— отдел лова;

— радиослужба.

Принятые меры позволили в 1943 г. улучшить военную подготовку. Суда были обеспечены учебными пособиями и вооружением, наладилась необходимая учеба. Значительное содействие гражданским морякам в овладении вооружением оказали военные специалисты. Так, 8 октября 1943 г. для «помощи в проведении боевой организации и боевой подготовки экипажа парохода “Якут”, инструктажа командиров береговых дивизионов по боевой подготовке военизированных служащих» в рейс на «Якуте» командировался флагманский минер отдела ОБП лейтенант А. В. Скобляков. «Срок командировки — рейс парохода “Якут”» [24, л. 38].

«Якут» прошел ремонт и вооружился во время нахождения в Портленде. Вот что сообщил автору внук капитана «Якута» П. Д. Киселева, живущий в Москве Д. В. Ершов: «Годы спустя дед с иронией (но не без гордости) вспоминал, что его корабль получил самое мощное артиллерийское вооружение среди судов АКО — “якутянам” досталась старая четырехдюймовая (102 мм) пушка вместо стандартной трехдюймовки (76 мм). Расчет орудия, прошедший подготовку в школе ВМФ США, с азартом отдавался выполнению новых обязанностей, придававших тыловой службе желанный боевой характер. Обычным делом стали учебные стрельбы, одна из которых едва не закончилась для экипажа объяснениями с военным комендантом Анадыря. По словам деда, во время короткого захода в этот порт его “артиллеристы” затеяли учения, используя в качестве мишени снежник, ярким пятном выделявшийся на склоне одной из гор, окружавших поселок. Болванка учебного снаряда вызвала сход небольшой лавины, которая, не причинив вреда, тем не менее, наделала в Анадыре немало шума. Пришлось “Якуту” срочно сниматься с якоря и спасаться бегством в Петропавловск...»

После начала в декабре 1941 г. на Тихом океане военных действий между США и Японией для советских судов создалась прямая угроза атак авиацией или подводными лодками воюющих сторон. Для предотвращения возможных нападений следовало обозначить государственную принадлежность судов. С этой целью был введен в действие приказ НКРП СССР от 26 августа 1943 г. «О порядке несения судовых огней и опознавательных знаков транспортом, плавающим в заграничных водах под флагом СССР». В соответствии с ним, суда должны были иметь бортовые и палубные опознавательные знаки, а также круглосуточно нести кормовой государственный флаг при плавании в Японском, Охотском и Беринговом морях. Опознавательные знаки наносились на обоих бортах в районе мостика, а также на носовом и кормовом трюмах в виде белого прямоугольника размером не менее, чем 1,5 на 2 м с изображением флага СССР и под ним черных букв «USSR».

В ночное время зажигались топовые и бортовые отличительные огни, на гротмачте — условные сигналы, видимые по всему горизонту (вертикально расположенные зеленый — красный — зеленый), показывающие государ-

ственную принадлежность судна. При встрече с другими кораблями следовало освещать кормовой флаг и опознавательные знаки прожекторами, а также семафорить прожектором азбукой Морзе символы «USSR».

При подходе к берегам США капитаны советских судов в части несения опознавательных знаков и огней руководствовались указаниями, получаемыми от представителей американской конвойной службы. Во время плавания суда должны были соблюдать радиомолчание, за исключением аварий и нападений [24, л. 41].

Несмотря на то, что за весь военный период суда АКОфлота атакам не подвергались, меры предосторожности были совсем не лишними: в море погибло несколько транспортов ДВГМП. Так, 17 февраля 1943 г. в Восточно-Китайском море американская подводная лодка торпедировала пароход «Кола», направлявшийся из Владивостока на Камчатку. Судно затонуло, из 73 членов его экипажа и пассажиров спаслось всего четверо. Их принял на борт японский военный корабль [25, № 67]. В том же районе эта лодка потопила пароход «Ильмень». Как вспоминал в 1985 г. капитан А. А. Гринько, «Кола» шла тогда вслед за «Чавычей» в нескольких десятках миль и в ночное время чем-то себя демаскировала... 9 июля 1943 г. еще одна американская подводная лодка потопила в Японском море сейнер Востокрыбфлота.

Во время войны на Дальнем Востоке был сосредоточен крупный отечественный транспортный флот, в состав которого вошли суда, ранее работавшие в западных бассейнах страны. США передали СССР 171 судно, 140 из которых доставляли в порты Дальнего Востока снабженческие и оборонные грузы. Всего через дальневосточные гавани СССР за годы войны прошло около 8,3 млн т такого снабжения или 47,1 % его общего объема [26, с. 18—19]. Существовавших судоремонтных мощностей в дальневосточных портах не хватало, что заставляло отправлять пароходы на «внешний ремонт» — в США. Это тоже было одной из форм помощи СССР со стороны союзной державы. Координацией работ занимались уполномоченные НКРП СССР в США, в частности А. Н. Соляник, ранее бывший капитаном «Игельмена».

В начале января 1943 г. в Сан-Франциско пришел пароход «Чапаев». НКРП СССР установил срок его ремонта в 35 суток. Судно встало на завод «Harley Marine Works», на котором уже пребывали пять советских пароходов. Предприятие, оказавшееся маломощным и недостаточно оборудованным, определило трудоемкость работ в полтора месяца, но этот срок не выдержало, в результате чего «Чапаев» простоял в Америке пять с половиной месяцев. На судне установили 75-миллиметровую пушку и два 20-миллиметровых зенитных автомата «Эрликон». Во время стоянки десять чапаевцев три дня изучали оружие в центре подготовки американской морской пехоты. Перед отходом в СССР пятерых моряков перевели на стоявшие в Сан-Франциско суда Морфлота [22, л. 62].

Единственный теплоход АКО — танкер «*Максим Горький*» — зимой 1942 г. и весной 1943 г. также побывал в США. 23 ноября 1942 г. судно под командованием капитана М. Е. Зеленского отправилось в Сизтл. Расстояние до него в 3 100 миль из-за низкого качества топлива и неисправностей главного двигателя покрыли за 16 ходовых суток. В Сизтл судно пришло 9 декабря 1942 г. и встало в док на семь дней. В ходе ремонта своими силами перебрали детали движения машины, исправили руль, очистили танки, заменили часть электропроводки, установили эхолот, подлатали трубопроводы, покрасили корпус. По указанию военного представителя на танкере установили пулеметы, спасательные плоты, аварийный радиопередатчик и два новых приемника. Ремонт закончился 22 декабря. Затем судно направилось в Портленд, где приняло груз горючего. Из Портленда в Петропавловск танкер вышел 1 января 1943 г. и через 19 штормовых суток прибыл в родную гавань. Моряки доставили и «американские подарки» для эвакуированного населения. Их передали на склад во Владивостоке 9 марта 1943 г. [22, л. 24—25, 36].

Следующий рейс в США начался 30 апреля 1943 г. Заводы на Камчатке и во Владивостоке не могли качественно отремонтировать дизельную машину «Горького». В качестве ремонтной базы выбрали Сан-Франциско. Перед походом в Америку танкер должен был доставить нефтепродукты на комбинаты восточного побережья Камчатки. Выполняя ответственное задание по обеспечению малого промыслового флота топливом, срыв которого грозил провалом весенней путины, танкер взял обязательство, несмотря на то, что поршни главного двигателя имели трещины, увеличить скорость хода на 30 миль в сутки (норма — 152 мили за сутки). Для того, чтобы сократить пребывание судна в США, на переходе в Сан-Франциско суточный пробег был доведен до 200—225 миль, а «во время нахождения в Сан-Франциско экипаж взял обязательство произвести чистку танков собственными силами, работая не восемь, а двенадцать часов, также было постановлено во время чистки увольнений в город не производить».

В результате увеличения скорости переход из Корфа в США вместо 21 суток занял 16, а обратный путь в Петропавловск вместо 24 — 19. Дополнительно к грузу, принятому в США в танки, были залиты два кофердама, что позволило доставить на Камчатку еще 100 т драгоценных нефтепродуктов. Грамотная деятельность машинной команды сэкономила за рейс 7 т топлива. Танкер привез домой подарков и белья для красноармейцев на сумму 129 долларов и 3 035 руб. [22, л. 63—65].

17 марта 1943 г. из Петропавловска с грузом консервных банок, продовольствием и рабочими для Усть-Камчатска вышел «*Якут*». После выгрузки 7 апреля он направился в США. Предполагавшаяся здесь замена крайне изношенных котлов не состоялась. За время стоянки был выполнен ремонт машины, заварка и смена части котельных труб, корпуса, рулевого устрой-

ства, установлена пушка, четыре автомата «Эрликон» и спасательные плоты. Палубная команда покрасила пароход и помещения, машинная команда отремонтировала лебедки. Лучше всех работали боцман Трякин, матросы Мамонтов, Лютый, Ступак, механики Зубарев, Боженев, Медведев, машинисты Корольков, Еремин, кочегары Новиков, Чепраков, Полещук, Ковалев. 22 мая «Якут» ушел в Петропавловск. На переходе по метеопричинам и из-за разрыва пяти труб в котлах он потерял четверо суток [22, л. 70].

Ремонт в США в 1943 г. проходил и «*Анатолий Серов*». Пароход встал на хороший завод «General Engineering Company». У командования и экипажа установились хорошие отношения с руководством предприятия, мастерами и бригадирами. При общении с американцами никаких недоразумений не возникало, они выполнили ряд работ, не предусмотренных планом. Экипаж трудился по 10—12 часов ежедневно. Отлично зарекомендовали себя старший механик Н. Р. Домра, второй механик Д. Р. Винтовкин, третий механик Семенюта, под наблюдением которых находились главные объекты ремонта. Хорошо показали себя машинисты Любченко и Кармелюк, старший кочегар Гаврилов, штурман Баклаг, матросы Шилиутин, Мухин, Кошуба, Дудин, Гришин, Капитонов. Качество ремонта, по заключению механиков, портового инженера Половка и главного инженера при советском представительстве в Вашингтоне Гаврилова, было признано хорошим [22, л. 71].

За время этого заграничного плавания для экипажа проводились лекции и политинформации. Изучалась и военная техника: в военно-морской школе США три дня знакомились с устройством зенитных автоматов «Эрликон» и один день проходили практические стрельбы. В обратном рейсе также занимались изучением материальной части: конвойный офицер Запорощенко провел три занятия по сборке, разборке и чистке оружия. Кроме этого, сыграли пять шлюпочных и пожарных тревог. Подготовка экипажа оценивалась как хорошая.

Показатели плана АКОфлота по грузоперевозкам на 1943 г. начальник АКО С. П. Емельянов утвердил своим приказом по управлению АКО № 238 от 1 июня 1943 г. в объеме 180 000 т, в том числе вывоз рыбопродукции — 41 500 т. Суда должны были выполнить в общей сложности 277 810 тыс. тонно-миль. Грузовая программа по сравнению с итогами 1942 г. выросла на 10 430 т или на 6,2 %. «Учитывая практику 1942 г. буксировки сигар-плотов леса», за АКОфлотом закреплялась доставка всех сигар-плотов с Сахалина с июля по август 1943 г.

На капитальный ремонт флота выделялись 6,9, на текущий — 3,33 млн руб. Средняя суточная себестоимость эксплуатации определялась в 8 695, себестоимость тонны груза — в 154,6 руб. Чартерная стоимость принималась по себестоимости с начислением 20 %. За задержку судна организациями, не входящими в «систему» НКРП СССР, сверх обусловленного в догово-

рах времени следовало применять «штрафную систему в двукратном размере charterной стоимости за время задержки».

В объекты строительства за счет сметы производства вновь включался склад материально-технического склада в Петропавловске стоимостью 105 тыс. руб.

Среднегодовой списочный состав флота определялся в 565 чел. с годовым фондом заработной платы в 6,75 млн руб. Персонал Владивостокского морского агентства включал 16 чел., на его содержание отпускались 167,7 тыс. руб.

Финансовый план АКОфлота на 1943 г. утверждался в сумме 14,388 млн руб. с прибылью 6,39 млн руб. [27, л. 2—3].

Выполнять программу должны были 11 судов общей грузоподъемностью 33 230 т. Позже задания «Орочону» и «Чавыче» уменьшили, но в целом по флоту программа оставлена без изменений. Причинами уменьшения явились запрет наркомата буксировать «Орочоном» в Петропавловск сигары с лесом с Сахалина и большая потеря времени «Чавычей» в заграничье (на 99 суток больше плановой).

Выполнение плана грузовых и пассажирских перевозок за 1943 г. показано в табл. 3.

Таблица 3

Судно	План	Отчет	% выполнения
«Орочон»	23 500	25 790,0	109,8
«Ительмен»	26 500	26 175,0	98,9
«Сима»	21 700	22 521,5	103,8
«Чавыча»	11 600	11 737,5	101,2
«Эскимос»	9 000	11 098,3	123,3
«Якут»	12 000	9 648,8	80,4
«Чапаев»	13 000	13 180,5	101,4
«Щорс»	16 500	19 799,0	119,9
«А. Серов»	11 500	14 176,5	123,3
«Коккинаки»	16 200	17 421,8	107,5
«М. Горький»	8 000	9 649,8	120,6
Всего:	180 000	181 195,8	100,7

Как видно, с заданием справились на 100,7 %. Этого достигли значительным сокращением пробегов в балласте (16 против 28 плановых) и резким повышением коэффициента использования грузоподъемности (0,843 против 0,77). Средняя эксплуатационная скорость судов в 1943 г. оказалась выше плановой на 1,3 и прошлого 1942 г. на 4,7 %.

Результат мог быть лучше за счет повышения оборачиваемости судов (в среднем по АКОфлоту 50,3 суток за рейс с грузом при плане 44,5). Кроме того, не удалось выполнить девять запланированных рейсов. Грузоподъемность флота была недоиспользована на 29 000 т.

На удлинение пробегов судов на 112 % повлияли заграничные рейсы «Чавычи», «Щорса», «Якута» и «Максима Горького», отклонения от курса следования «по условиям военного времени». Средняя скорость пароходов составила 160,1 мили в сутки по сравнению с 158,5 в прошлом, 1942 г. За 1943 г. суда прошли с грузом в общей сложности 125 531 милю, а средний пробег одной тонны груза составил 1 682 мили [28, л. 142, 306].

Потребность в топливе за навигацию 1943 г. устанавливалась в объеме 48 064 т, а его фактический расход выразился в количестве 44 713,5 т, то есть 93 %. Включившись в социалистическое соревнование НКРП СССР, АКО-флот принял на себя обязательство сэкономить в 1943 г. 2 100 т. Фактическая же экономия составила 3 350 т. Такого существенного результата (достаточно сказать, что этого количества топлива могло хватить для одного из крупных судов флота на год) достигли благодаря, наконец, налаженному систематическому централизованному учету и анализу расходования топлива, а также введению премиальной системы за его экономию. Немало способствовали экономии сравнительно постоянный состав судовых механиков и кочегаров, сжигавших хорошо изученные угли одних марок, повторно использовавших несгоревшие куски, проваливавшееся через щели топочных колосников [29, л. 264].

Больше всех дефицитного угля сэкономили «Орочон» (603,8 т) и «Коккинаки» (566 т), а вот «Чавыча» перерасходовала 126 т. «Чапаев», «Щорс» и «Максим Горький», работавшие на жидком горючем, сэкономили его стране 310,6 т [28, л. 141].

Моряки помимо основных судовых работ своими силами провели погрузо-разгрузочных операций на сумму 227 800 руб.

Подсобное хозяйство впервые смогло обеспечить моряков овощами, предотвратив возникновение цинги, имевшей место в прошлые годы. Посевная площадь с 3,4 га в 1942 г. увеличилась до 10 га в 1943 г., приплод рогатого скота составил девять голов. Но полностью поставленных задач решить все-таки не удалось, хозяйство принесло убыток в 103 тыс. руб., его продукция обходилась дорого.

В 1943 г. АКОФлот впервые за все время своей деятельности выполнил, а по отдельным показателям существенно перевыполнил план грузоперевозок. Но все-таки он имел значительный простой — 17,1 % от общего объема эксплуатационного времени, не позволивший «извлечь из транспортного флота возможной производительности». А. Я. Каменецкий полагал, что основной причиной простоя явилось «отрицательное влияние Владивостокской конторы, крайне неудачно изменяющей запланированное направление судов по своему усмотрению и не обеспечивающей обработку судов во Владивостоке, недостаточное обслуживание судов в Петропавловском порту, который считает обработку судов АКО второстепенной задачей... и, нако-

нец, одной из наиболее значительных причин простоев является оперативная горячка и недооценка планового заблаговременного обеспечения завоза топлива на период зимней навигации. . .» [29, л. 267].

Согласно данным Владивостокского морского агентства, с 1 января по 31 декабря 1943 г. пароходы АКОфлота заходили во Владивосток 18 раз, простояли здесь в общей сложности 14 675 часов, выгрузили 36 472 и погрузили 39 671 т. Они же приняли здесь 6 305 пассажиров [28, л. 4].

Непроизводительные переходы были вызваны попытками судов пройти через пролив Лаперуза. Нередко ухудшавшиеся здесь ледовые условия вызывали необходимость возврата во Владивосток для добункеровки углем и водой. Простои имели место также при проходе судов из Охотского моря в Японское. Направленные через Цусимский пролив суда отзывались во Владивосток. В первом квартале 1943 г. из 9 072 часов стоянки на долю простоев, вызванных тяжелой ледовой обстановкой, пришлось 1 466, то есть 16 % [29, л. 283].

Пароходы «Орочон» и «Коккинаки», танкер «Максим Горький» в январе 1943 г. имели потери времени по проходу через пролив Лаперуза (ввиду закрытия Сангарского и осложнений с проходом через Цусиму) [22, л. 92].

Морские дороги, ведущие из Тихого океана во все дальневосточные порты СССР (их насчитывалось шесть: Владивосток, Находка, Советская Гавань, Николаевск-на-Амуре, Магадан и Петропавловск-Камчатский), за исключением Петропавловска, проходили через проливы Курильских островов, Лаперуза, Сангарский или Цусимский. Проливы контролировались японским военным флотом, нередко задерживавшим и даже топившим советские суда. Имелся еще один маршрут — мелководным Татарским проливом, недоступным для глубоководных в воде крупнотоннажных судов, — в Николаевск-на-Амуре или во Владивосток.

Вот что вспоминал в 1976 г. капитан дальнего плавания И. И. Баклаг, работавший в 1942 г. штурманом на «Анатолии Серове»: «Осенью 1942 г. в проливе Лаперуза случилось то, что нужно было ожидать. Курс пересек небольшой японский ледокол, взвился сигнал “стой”, а для пущей убедительности маленькие юркие люди на нем расчехлили две трехдюймовые пушки. Ход пришлось застопорить. С подошедшей шлюпки на борт поднялись офицер с переводчиком и десяток солдат. Осмотрели все — трюмы, документы. Американского груза на пароходе не оказалось — в трюмах соленый лосось, поверху — россыпью мойва. Разрешили следовать дальше. . .» [30].

Ходовое время в общем бюджете времени сократилось против плана на 2,8 %, но одновременно повысилась средняя эксплуатационная скорость. При близкой к плановой продолжительности стоянок по метеопричинам, для технического обслуживания и бункеровок непроизводительные простои занимали 17,1 % общего бюджета времени.

Непроизводительное стояночное время за 1943 г. в судосутках показано в табл. 4.

Таблица 4

Пункты	Ожидание грузоопераций	Ожидание бункера	Аварии	Всего	В процентах
Владивосток	179,1	105,4	—	284,5	48,0
Петропавловск	132,7	15,0	—	147,7	24,9
Загранпорты	13,1	2,5	6,4	22,0	3,7
Маго	10,3	—	0,1	10,4	1,8
Сахалин	5,0	4,3	1,5	10,8	1,8
Западная Камчатка	55,2	—	0,7	55,9	9,4
Восточная Камчатка	59,2	1,5	0,7	61,4	10,4
Всего:	454,6	118,7	9,4	592,7	100,0

Как видно из табл. 4, основные простои по-прежнему приходились на Владивостокский и Петропавловский порты и составляли 72,9 %. При работе на рыбокомбинатах в условиях обслуживания на открытых рейдах суда АКО потеряли из-за организационных недостатков вдвое меньше времени, нежели в оборудованных портах. Это, как гласит отчет о работе предприятия, «в первую очередь свидетельствует о хорошей работе рыбокомбинатов по обработке судов».

1943 г. закончился с прибылью в размере 11,23 млн руб., причем затраты по смете производства уменьшились на 1,626 млн руб., себестоимость перевозки одной тонны снизилась на 16,7 руб. При этом в качестве «неудовлетворительного момента» отмечалось, что на ремонт недоиспользованы 1,97 млн руб., что свидетельствовало о недостаточном проведении профилактических работ и способствовало увеличению износа судов и их механизмов.

Работа флота в 1943 г., впервые за все годы его существования, была признана хорошей. Правда, не удалось оборудовать материально-технический склад: решение этой задачи переносилось на следующий год. В 1944 г. требовалось также построить собственное хранилище горючего. Флот решил обратиться к руководству АКО с просьбой о выделении ему жилплощади, «необходимой для закрепления семей плавсостава, и способствовать его закреплению, произвести ремонт уже занятых семьями плавсостава жилых помещений...» В ближайший срок требовалось «организовать снабжение плавсостава и их семей предметами ширпотреба» через Облрыболовпотребсоюз [28, л. 136].

14 октября 1943 г. был подготовлен проект постановления обкома ВКП(б) и облисполкома «О занесении на областную Доску Почета передовиков рыбной промышленности»: «Утвердить представленных АКОФлотом кандидатов: 1. Пароход, где капитаном Коломеец, политрук Петухов, перевыполнивший план третьего квартала на 147,5 %. 2. Пароход, где капитаном Бессмертный, политрук Овечкин — 145,1 %. 3. Пароход, где капитаном Дудник, политрук Румянцев — 141,3 %. 4. Танкер — 144,5 %» [22, л. 88].

Значимость АКОфлота для Камчатки постепенно росла. В полном объеме грузоперевозок для полуострова его доля в 1943 г. составила 57,1 %, в том числе 64,3 % по завозу и 41,6 % по вывозу рыбопродукции. Руководство флота не без оснований полагало, что «некоторое увеличение тоннажа АКО вместе с интенсификацией его работы могут разрешить задачу организации всего завоза на Камчатку исключительно судами АКО. В отношении вывоза рыбопродукции остается в силе необходимость активного привлечения судов других организаций, поскольку сезонный характер вывоза определяет неизбежность привлечения значительного тоннажа».

Доля АКОфлота в общем грузообороте Камчатки за 1943 г. показана в табл. 5 [28, л. 141].

Таблица 5

Грузы	Грузооборот, т	Доля АКОфлота, т	В процентах
Хлебные	13 400	5 236,2	39,1
Соль	58 000	27 134,6	46,1
Уголь	46 500	32 103,2	69,0
Лесоматериалы	17 300	11 734,5	67,8
Тара лесная	6 300	2 761,0	43,8
Тара консервная	5 700	5 226,2	91,7
Стройматериалы	2 900	2 894,0	99,8
Нефтепродукты	9 200	8 839,5	96,1
Метизы	4 700	3 457,7	72,3
Промтехснаряжение	5 700	3 920,0	68,8
Прод- и промтовары	9 800	8 826,2	90,0
Прочие	24 500	19 088,5	77,9
Итого:	204 000	131 221,6	64,3
Рыбопродукция	94 000	39 054,1	41,6
Всего:	298 000	170 275,7	57,1

АКОфлот почти полностью покрывал потребности полуострова в стройматериалах и нефтепродуктах и более чем на 90 % — в консервной таре и предметах потребления для населения. Остальное снабжение доставляли, в основном, суда ДВГМП.

Штат АКОфлота на 1943 г. был установлен в количестве 565 чел. (работали, в среднем, 570). «Руководящими кадрами пароходы, за исключением помполитов на пароходах “Коккинаки” и “Эскимос”, полностью укомплектованы... Несоответствие дипломов занимаемым должностям, в основном, не определяет низкого уровня работающих, а является результатом отсутствия в Петропавловском порту дипломной комиссии, которая могла бы обменивать дипломы по выслуге ценза» [29, л. 261].

31 декабря 1943 г. капитанами, политруками (помполитами) и председателями судовых комитетов, соответственно, состояли [28, л. 307]:

— на «Коккинаки» — Павел Александрович Глинский, политрука нет, Яков Фомич Муценко;

— на «Щорсе» — Петр Яковлевич Жуковский, Павел Иванович Мамонов, Дмитрий Николаевич Матюнин;

— на «Орочоне» — Григорий Акимович Барботько, Григорий Игнатьевич Худышкин, Иван Григорьевич Любченко;

— на «Максиме Горьком» — Михаил Ефимович Зеленский, Василий Григорьевич Швецов, Нестор Назарович Балицкий;

— на «Чавыче» — Константин Федорович Квашинский, Иван Андреевич Поздняков, председателя судового комитета нет;

— на «Эскимосе» — Николай Петрович Колесников, политрука нет, Матвей Николаевич Дубовский.

Приведем несколько эпизодов, характеризующих работу флота в 1943 г.

На пароходе «Сима» к началу 1943 г. насчитывалось 11 стахановцев и 10 ударников. Во время переходов судовые вахты соревновались между собой. Победителями в борьбе кочегаров стали Д. Ф. Леонов и А. А. Чернышев, второе место заняли Н. А. Антонов, И. И. Флотов. Эти вахты лучше всех «держали» пар, позволяя машине развивать наибольшую мощность. «Необходимо отметить, что тов. Чернышев раньше считался почти самым плохим кочегаром. С ним никто не хотел стоять вахту», — отмечал в одном из донесений политрук судна. Заслуженным авторитетом в машине пользовался второй механик П. А. Ильяшенко, обеспечивавший отличную работу вверенных ему механизмов и добившийся экономии смазки на 20 %. Лучшими стахановцами на палубе являлись боцман Галкин и матрос Пухов.

Вот как описывается один из осенних рейсов «Симы» в официальном донесении: «С прибытием на западный берег мы обязались все грузовые работы на борту судна проводить своими силами. Весь судозкипаж разбили по бригадам и вызвали на соревнование Микояновский комбинат. В первый же день бригада штурманского ученика В. В. Наугольникова дала 160 % нормы, бригада плотника М. С. Устинова — 171 %. В дальнейшем бригада Устинова довела выработку до 273 %. Могли давать еще больше, но берег задерживал подачу кунгасов... Выгрузили своими силами 3 430 т за один этот рейс... В период рейса проводились занятия по программе “военного рыбака”. Что сами знали, то и рассказали своим людям. В сентябре основной упор брали на сигнализацию. В октябре военных занятий не проводили ввиду круглосуточной работы в трюмах. В рейсе провели подписку на денежно-вещевую лотерею. Сумма подписки 8 280 руб., что превышает 25 % месячного заработка. Отчислили на подарки бойцам на фронт 3 000 руб.» [13, л. 151—153].

2 июня 1943 г. «Сима», стоявшая на якорь в бухте Раковой на рейде жестянобаночной фабрики, подверглась удару стихии. Налетевшим шквалом ее сорвало с якоря и прижало левым бортом к отмели. На следующий день ветер стих, и при помощи заведенных с носа станového якоря и с кормы —

верпа, работой брашпиля и кормовой лебедки судно стянули с грунта. Повреждений оно не получило.

Во втором квартале 1943 г. по результатам Всесоюзного соцсоревнования «Сима» завоевала вторую премию, выполнив план по грузоперевозкам на 154 %, добившись экономии угля на 14,3 и смазки на 21 % [31, л. 222].

Ночью 12 февраля 1943 г. на рейде Олоторского комбината на «Эскимосе» при чистке топок в средней жаровой трубе правого котла обнаружили две трещины. О необходимости замены котлов на этом судне говорили еще в 1936 г. Пока же в качестве временной меры решили не допускать резких колебаний давления пара при чистке топок, для чего снабжать «Эскимос» хорошим углем и вести и тщательное наблюдение за трещинам [16, л. 75].

Утром 31 марта 1943 г. во время маневрирования в Авачинской губе на «Эскимосе» в правом котле заметили новые повреждения. На задней стенке огневой камеры толщиной 18 мм появились два сквозных коррозионных отверстия. Их заделали электронаплавкой. После гидравлических испытаний по требованию Регистра СССР давление в котлах снизили до девяти атмосфер. В результате заметно упала и без того невысокая скорость хода судна [32, л. 200].

В марте 1943 г. при крайне неблагоприятной погоде обезуглился и попал в критическое положение траулер Морлова «Гага». Пароход «Орочон» в сложной навигационной обстановке сумел подойти к траулеру и взять его на буксир. Несмотря на то, что трос неоднократно лопался, пароход благополучно прибуксировал траулер на рейд Озерновского комбината, где дал ему уголь для следования к месту назначения.

6 сентября 1943 г. начальник АКО распорядился выдать за эту работу капитану Г. А. Барботько месячный оклад, бывшему помполиту Слобожанину, бывшему старпому Глинскому, переведенным к этому времени на другие суда, и старшему механику Коробову по 75 % месячного оклада. Переданные Морловом 15 000 руб. предназначались для премирования других моряков «Орочона» [31, л. 60].

18 июля 1943 г. «Орочон», шедший с западного побережья Сахалина на Камчатку, в тумане сел на мель у берега мыса Ниси-Ноторо. Снимаясь своими средствами с мели, для уменьшения осадки с судна выбросили за борт 29 т товарного угля и откачали часть пресной воды. На следующий день пароход сошел с мели. Капитану Г. А. Барботько, «имеющему многолетний капитанский опыт, благодаря которому он не растерялся в сложной обстановке», объявили выговор [33, л. 147].

Весной 1943 г. прямой фарватер через бар реки Камчатки замыло песком, и он оказался непроходимым. В реке остался только неудобный боковой проход. Вечером 5 июля 1943 г. три катера выводили очередную сигару в море сквозь бар старого устья реки к «Анатолию Серову». При выходе из горла

реки передний буксир порвался, плот под действием течения реки носом врезался в прибрежную отмель. При стягивании лопнул и кормовой буксир. После этого плот навалило течением боковой частью на мель, где он рассыпался. Удалось спасти 410 кубометров пиломатериалов, остальные 710 «кубов» и большая часть такелажа погибли [33, л. 45].

В июле 1943 г. на пароходе прошли 11 занятий, охватившие всю команду. Зачеты по их итогам принимала военная комиссия: 19 на «отлично», 24 на «хорошо». Трое не сдали. Изучались дисциплинарный устав, сигнальное дело. Сыграли тревоги: три шлюпочных и одну противопожарную [22, л. 61].

3 августа 1943 г. «Анатолий Серов», возвращаясь из очередного рейса, взял в Усть-Камчатске большую сигару пиломатериала для доставки ее в Петропавловск. Из-за некачественного крепления плота и буксирного троса, допущенного работниками морской слотки усть-камчатской базы снабжения, в пути трос в месте его срачивания ослаб и разорвался. Потерянный плот во время дрейфа сильно деформировался. Его вторично взяли на буксир. Угрозу гибели предотвратили только благодаря энергичным мерам, принятым экипажем парохода. В операции отличились капитан А. И. Дудник, помполит В. П. Румянцев, старший механик Н. Р. Домра, старший помощник В. В. Боровский. Экипаж получил благодарность, капитан — месячный оклад в качестве премии и еще 5 000 руб. для поощрения команды [31, л. 91].

27 августа 1943 г. в Петропавловске при подъеме тяжеловесов — плавсредств — на борту парохода произошла авария стрелы, в результате которой погиб машинист Южанин [22, л. 82].

Осенью 1943 г. моряки «Анатолия Серова» сдали в фонд строительства авиаэскадрильи 5 549 руб., приобрели облигаций госзайма на 26 780 руб. и собрали 1 226 руб. «на посылку бойцу Иванову, поддерживающему постоянную связь с нашим экипажем». Кроме этого, еще 30 000 руб. они внесли на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак» [22, л. 72].

29 апреля 1943 г. «Ительмен» под командованием старшего помощника капитана штурмана малого плавания В. В. Боровского производил перешвартовку во Владивостокском порту при помощи маломощного катера «Передовик». Пароход поздно отдал якорь, в силу чего навалился на стоящую у причала железную баржу. Убытки от повреждений парохода и баржи оценили в 8 000 руб. «Учитывая прошлую хорошую работу т. Боровского... объявить строгий выговор. Убыток принять на счет АКОфлота» [31, л. 93].

Лесовоз «Коккинаки» с 11 июля по 9 августа 1943 г. оказывал помощь терпящему бедствие пароходу ДВГМП «Херсон», спас находившийся на нем груз и доставил его во Владивосток. На аварийные работы затратили 639 часов. Согласно Кодекса торгового мореплавания, пароход имел право на вознаграждение. 14 января 1944 г. Приморский краевой суд определил, что ДВГМП должно выплатить АКОфлоту за спасение «Херсона» 275 820 руб.: «АКОфлотом проведены значительные работы с риском для своего судна

и спасено 2 239 т государственного груза». Приказом по управлению Морфлота № 377 от 9 августа 1943 г. месячным окладом был премирован капитан П. А. Глинский, а также весь экипаж. Сумма месячного оклада экипажа составила 24 817 руб. [28, л. 99—100].

Утром 14 декабря 1943 г. на рейде Колпаковского рыбокомбината во время съемки «Якута» с якоря при переменном ветре и волнении развалилась на куски правая звездочка брашпиля [33, л. 2].

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования НКРП СССР премии за работу в первом квартале 1943 г. получил экипаж «Ительмена», во втором квартале — «Симы» и «Ительмена», в третьем — «Чапаева» и «Максима Горького» и в четвертом — «Коккинаки» [29, л. 262].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1943 г. «за образцовое выполнение заданий Правительства по снабжению Красной Армии и специальных заданий командования Красной Армии» орденом «Красная Звезда» наградили старшего механика парохода «Эскимос» Петра Карповича Кривошея [34, л. 6]. Боцман «Симы» П. М. Иванченко получил медаль «За трудовое отличие».

В течение 1944 г. количество судов АКОфлота выросло до четырнадцати. В состав предприятия вошли три парохода общей полезной грузоподъемностью в 9 219 т: «Терек» (3 896 т), «Кура» (3 093 т), «Шелонь» (2 230 т). Первое судно приняли 9 марта, второе — 16 марта, третье — в мае. Ранее они принадлежали ДВГМП.

«Куру» получили в аварийном состоянии, требующем немедленного ремонта, в результате чего ее эксплуатация началась только с 15 июня 1944 г. Штатное расписание экипажа парохода включало 45 чел. [35, л. 44]. «Терек» и «Шелонь», хотя и были значительно изношены, сразу же вышли в плавание. 20 октября 1944 г. «в соответствии с паспортными данными и наличием постоянного перевоза пассажиров» «Терек» и «Кура» приравнивались к судам пятой группы.

С учетом пополнения общих тоннаж АКОфлота составил 41 449 т полезной грузоподъемности против 33 230 т на начало года. Но фактически прирост оказался меньше указанного на 2 230 т, так как пароход «Шелонь» в первом же рейсе по Приморью с грузом принятой рыбопродукции потерпел серьезную аварию.

АКОфлот принял «Шелонь» (длина 76,75, ширина 14,35, высота 7,38, осадка с грузом 6,42 м; построен в 1918 г., дедвейт 3 530, мощность машины 1 200 л.с., два огнетрубных оборотных котла с поверхностью нагрева по 186 кв. м) 26 мая 1944 г. на основании совместного приказа по НКРП и НКМФ СССР № 82/153 от 29 февраля 1944 г.

Еще 31 апреля 1944 г. приказом по НКРП № 13321 пароход предоставили Главвостокрыбпрому на один рейс по Приморской линии. В ходе его вы-

полнения, 9 июля 1944 г. судно налетело на рифы б. Гроссевич и после длительной спасательной операции, обошедшейся АКОфлоту в 329 660 руб., было доставлено в Советскую Гавань на буксире. Здесь пароход пришлось затопить «ввиду невозможности поддержать его плавучесть».

Затем «Шелонь» подняли и ввели в док, где осматривали с 19 по 27 октября 1944 г. Из-за больших повреждений пароходу требовался очень серьезный ремонт. Его вывели из дока и снова притопили. Решение Государственного Комитета Обороны от 28 января 1945 г. обязывало совгаванский завод № 1 продоковать «Шелонь» в первом полугодии 1945 г., что не было выполнено. Завод объяснял это отсутствием ремонтных материалов. Предприятие предложило временно заварить большие пробоины и зацементировать места течи для того, чтобы судно можно было отбуксировать в Петропавловск для ремонта. Впрочем, и этого не сделали. Руководство АКОфлота полагало, что совгаванский завод не хочет связываться со сложным ремонтом этого сильно разрушенного судна [29, л. 250].

Итак, «Шелонь» с 9 июля 1944 г. до конца года выбыла из действующего состава флота и, как позже оказалось, навсегда. До конца 1944 г. работали 13 судов с суммарной грузоподъемностью 39 219 т.

НКРП СССР установил АКОфлоту плановое задание из расчета наличия у него на 1 января 1944 г. 11 судов. Изменение судового состава на плановые цифры не повлияло: нахождение в США на ремонте «Якута» и «Эскимоса», авария «Шелони» оставили возможности предприятия на прежнем уровне.

Вот как выглядело рейсовое расписание (табл. 6) и бюджет времени парохода «Эскимос» на 1944 г. (табл. 7) [35, л. 23].

Таблица 6

Направление рейса	Время рейса	Груз, т	Пробег, миль	Использование вместимости
Петропавловск — США	2.01—20.06	—	—	—
США — Владивосток	21.06—9.08	Генгруз, 3 200	4 500	0,941
Владивосток — Западная Камчатка	10.08—8.09	Лес, 2 600	1 200	0,765
Западная Камчатка — Владивосток	9.09—12.10	Разный, 3 200	1 700	0,941
Владивосток — Восточная Камчатка	21.11— 30.12	Рыба, 3 000	1 600	0,882
Всего:	5	15 000	10 350	0,833

Выдержать это расписание «Эскимосу» не удалось, в первую очередь, из-за значительной задержки в ремонте в США. Фактически пароход перевез 7 024 т, то есть половину запланированного.

Трансфинплан АКОфлота на 1944 г. был утвержден приказом по управлению общества № 209 от 18 мая 1944 г. в объеме 170 500 т и 268,5 тыс. тонномиль. «Считать участвующими на 1944 г. 11 транспортных судов с общей

грузоподъемностью 33 230 т». Средняя себестоимость суток эксплуатации определялась в 8 792, тонны груза — в 165,6 руб. Среднегодовой списочный состав должен был составить 609 чел. с фондом зарплаты 7 295 тыс. руб. Штат управления определялся в 28, морского агентства — в 14 чел. Предприятие намеревалось получить прибыль в размере 5 805 тыс. руб., в том числе и по сельскому хозяйству [35, л. 1—2].

Таблица 7

Направление	Бюджет времени, сутки						
	на ходу	ППР	бункер	метео	прочие	ремонт	всего
Петропавловск — США	25		3		4	140	172
США — Владивосток	30	14	3	—	3	—	50
Владивосток — Западная Камчатка	7	12	3	5	3	—	30
Западная Камчатка — Владивосток	8	14	—	10	2	—	34
Владивосток — Восточная Камчатка	12	14	3	8	2	—	39
Всего:	69	70	12	33	16	140	365

Грузовой план 1944 г. АКОФлот выполнил на 110,8 % (фактически суда перевезли 181 092,8 т и 7 864 чел.), по тонно-милям — на 103,1 %. Но невыполнения достигли за счет эксплуатации переданных пароходов НКМФ, не учтенных в плане.

Непроизводительные простои в 1944 г. составили 932 суток, из них 634 — под грузооперациями, 272 — под бункеровкой и 26 — от аварий. Среднесписочное число персонала выросло до 710 против 609 чел. по плану за счет моряков новых судов, а также из-за экспедиции, организованной для снятия оборудования с парохода «Большой Шантар», разбившегося на скалах Командорских островов рядом с лежбищами котиков (валютным товаром, которым расплачивались за поставки техники и продовольствия в СССР из США и Канады). Это повлекло перерасход зарплаты на 520 000 руб. Экспедиция для спасения ценного имущества «Большого Шантара» отправилась в июне 1944 г., ее состав насчитывал 40 чел. во главе с механиком отдела флота АКО П. И. Александровым.

Сельскохозяйственная ферма работала неудовлетворительно. Невыполнение плана надоя молока и крайне низкая урожайность основных культур резко повысили себестоимость продукции, в результате чего предприятие понесло сверхплановые убытки в размере 146 тыс. руб. Не удалось ему справиться и с программой строительства.

На основании таких итогов 29 марта 1945 г. начальник АКО признал деятельность АКОФлота в 1944 г. удовлетворительной [36, л. 1].

Выполнение плана 1944 г. отдельными судами показано в табл. 8.

Таблица 8

Судно	Грузоперевозки, т			Пассажиры
	план	факт	% выполн.	
«Орочон»	18 200	19 395,3	107,8	213
«Ительмен»	19 000	21 306,0	114,6	458
«Сима»	16 300	21 065,3	132,4	516
«Чавыча»	21 500	18 718,1	91,1	957
«Эскимос»	15 000	7 024,0	50,0	484
«Якут»	11 900	7 473,0	65,7	346
«Чапасв»	17 600	17 839,9	111,1	1 713
«Щорс»	18 900	14 477,8	89,2	662
«А. Серов»	12 500	14 425,0	127,9	1 569
«Коккинаки»	12 300	13 426,4	110,8	204
«М. Горький»	8 000	5 026,4	62,9	3
«Кура»	—	8 317,5	—	96
«Терек»	—	8 165,1	—	642
«Шелонь»	—	4 433,0	—	—
Всего:	170 500	181 092,8	110,8	7 864

В 1944 г. флот действовал в исключительно неблагоприятных метеоусловиях. Зима оказалась суровой и затяжной, сопровождавшейся тяжелой ледовой обстановкой в проливе Лаперуза. Сангарский и Цусимский проливы были закрыты для прохода судов японцами. Льды в проливе Лаперуза потребовали организации ледокольной проводки, которая проходила со значительными перебоями, вызывавшими простои. За первое полугодие только два судна потеряли на ожидание включения в караван во Владивостоке 77,5, а три парохода в Петропавловске — 113 суток. Простои во льдах в самом проливе составили еще 60 суток. Форсируя льды, «Ительмен», «Щорс», «Коккинаки» и «Чавыча» получили пробоины и повредили гребные винты. Именно в проливе Лаперуза «Кура», принадлежавшая тогда НКМФ, была повреждена, что потребовало длительной постановки ее в док.

Ожидая включения в караваны для прохождения через пролив, суда потеряли в общей сложности свыше 190 суток и дополнительно еще 60 суток собственно под проводкой. Учитывая среднюю продолжительность рейса в 40 суток, за все потерянное по независящим от него причинам время флот мог бы дополнительно перевезти 72 500 т груза [36, л. 8].

За год планировалось выполнить 72 рейса с грузом и 30 в балласте, на деле их сделали, соответственно, 67 и 17. Средняя оборачиваемость в рейсе с грузом вместо 36 суток составила 55, но коэффициент использования грузоподъемности увеличился с 0,83 до 0,911, то есть почти на 10 %.

План не выполнили «Чавыча», «Щорс» и «Максим Горький» ввиду того, что были вынуждены сделать меньшее количество плаваний с грузом, чем было предусмотрено. «Эскимос» перестоял за границей 196 суток, «Якут» — завершил ремонт на 26 дней позже ожидаемого.

Комбинаты камчатского побережья задерживали суда под грузовыми операциями, за что им были предъявлены штрафы на 2 778 тыс. руб. за 274 суток простоя. Наряду с этим, часть предприятий обрабатывала пароходы досрочно, сэкономив 16,5 суток и получив вместе с экипажами 121 200 руб. премии [36, л. 14].

Общий грузооборот «системы» АКО за 1944 г. составил 348 тыс. т, в том числе завоз — 228 тыс. т. Участие АКОфлота в этой работе выразилось следующими цифрами: по завозу 69,2, по вывозу рыбопродукции — 27 %. Последняя, достаточно низкая, цифра свидетельствовала о необеспеченности Камчатки собственным тоннажем. Это ежегодно ставило ее рыбопромышленные предприятия в зависимость от свободного тоннажа НКМФ и Главвостокрыбпрома. В результате по состоянию на 1 января 1945 г. из улова 1944 г. осталось не вывезено 14,3 тыс. т тарированной продукции, 35,3 тыс. т соленой рыбы «россыпью» (из за отсутствия тары), 158 тыс. ящиков консервов общим весом свыше 5 тыс. т [29, л. 18].

Опыт прошлых лет показывал, что рассчитывать на привлечение необходимого тоннажа было нельзя. Все это говорило о необходимости устранения диспропорции между возрастающим год от года грузооборотом и стабильной грузоподъемностью АКОфлота.

В конце сентября 1944 г. начальника АКОфлота А. Я. Каменецкого отозвали в распоряжение НКРП СССР. Исполнять его обязанности стал Аркадий Захарович Матусевич [37, л. 24]. Увеличение количества подведомственных судов до 14, по мнению Матусевича, требовало расширения аппарата управления. Судомеханическая служба нуждалась в главном инженерере, инженерере-судоремонтнике и теплотехнике «для организации всеохватывающего обслуживания технической помощью». Для проведения текущего инструктажа судовых механиков требовался групповой специалист. Выполнением расчетов, разработкой эскизов, чертежей и проведением паспортизации судов следовало заняться инженеру-конструктору.

Учетом личного состава флота и работой с ним занимался всего один работник — инспектор по кадрам. Если в начале 1944 г. в АКОфлоте трудились 608 чел., то к концу года в связи с получением трех судов со 135 чел. экипажа и принятием для обучения 90 юнг общее количество персонала достигло 833 чел., то есть увеличилось более чем на треть. Отделу кадров требовалось не менее двух сотрудников (начальник и ответственный исполнитель). АКОфлот также нуждался в организации при механических мастерских АКО в Петропавловске специальной ремонтной группы по обслуживанию точной механики (секстанов, компасов, барометров, эхолотов, биноклей, лагов) [38, л. 38].

5 июня 1944 г. была утверждена программа испытаний энергетических установок судов, разработанная теплотехником Березкиным. В результате

испытаний котлов и паровых машин должны были находиться их КПД, определяться способы уменьшения потерь тепла, составляться тепловые балансы и на этой основе устанавливаться нормы расхода топлива [35, л. 99]. Введение теплотехнической работы дало результаты: за 1944 г. флоту удалось сэкономить 2 322,7 т угля 446,5 т жидкого топлива (6,9 и 7,7 % к нормам соответственно).

3 июня 1944 г. начальник УВФ АКО утвердил 10 должностей штатных помощников по военно-морской подготовке с месячным окладом 1 200 руб. По одной такой должности вводилось также в Петропавловском порту, Морлове и наиболее крупных рыбокомбинатах. Они не регистрировались и финансировались за счет сметы производства [38, л. 49].

Проводимые мероприятия по военно-морской подготовке на ряде судов дали неплохие результаты. Осенью 1944 г. отмечались пароходы «Якут» (капитан П. Д. Киселев) и «Кура» (капитан И. Д. Кадет). П. Д. Киселеву и командиру БЧ-2 «Якута» второму помощника капитана Князеву за хорошее состояние вооружения и подготовку артиллерийских расчетов были объявлены благодарности. «За образцовое содержание вверенного вооружения и освоение его» поощрили и командира автоматической 20-миллиметровой зенитной пушки «Эрликон» машиниста 1-го класса Королькова.

Впрочем, так было не на всех пароходах. В июле 1944 г. прошла проверка состояния вооружения и боезапаса на «Орочоне». На нем стояли универсальная автоматическая американская трехдюймовая пушка со стволом длиной 50 калибров и пулеметы «Браунинг». Выяснилось, что за вооружением не следили. В момент проверки пушка была неисправна, у пулеметов сломаны зенитные прицелы, «матчасть всего вооружения грязная, покрыта ржавчиной; кранцы первых выстрелов не заполнены боезапасом, боезапас не смазан; запчасти вооружения находятся в арсенальной смазке и к немедленному использованию непригодны».

За плохое содержание вооружения и боезапаса командир БЧ-2 второй помощник капитана Н. А. Бурлуцкий получил арест «при каюте на пять суток с исполнением служебных обязанностей». Политруку Г. И. Худышкину, как не обеспечившему контроль за состоянием вооружения, объявлен строгий выговор, капитану Г. А. Барботько «поставлено на вид» [39, л. 18].

Еще одна проверка состоялась в октябре 1944 г. Она показала, что командный состав «Терека» (капитан Б. Н. Соколов) и «Анатолия Серова» (капитан П. Н. Козлов) «не следят за состоянием вооружения их судов, не занимаются боевой подготовкой расчетов, сами не изучают оружие... В результате этого матчасть покрыта ржавчиной, грязная, расчеты не знают обслуживаемой ими матчасти и не умеют использовать ее для самозащиты судна».

Капитану «Терека» Б. Н. Соколову и командиру БЧ-2 второму помощнику капитана Е. И. Скварунскому были объявлены выговоры. Капитана «Анатолия Серова» П. Н. Козлова отстранили от командования судном, правда, по

другой причине. Командир БЧ-2 «Серова» И. И. Баклаг за «невыполнение неоднократных указаний фланганского артиллериста и флагманского минера об организации боевых постов, содержания матчасти вооружения в порядке и боевой готовности, отсутствие занятий с расчетами» арестовывался «при каюте на пять суток» [37, л. 32].

Отчеты о боевой подготовке на судах и в береговых дивизионах за третий квартал 1944 г. свидетельствовали о том, что ею занимались слабо. «Командиры... видимо, забыли, что рыбная промышленность Камчатки, работая в военное время, должна быть готова выполнять государственное задание в условиях воздействия на нее противником. К этому не готовятся. Подыскивают всякие причины, якобы оправдывающие их бездеятельность в важнейшем государственном деле». Не представили отчеты пароходы «Анатолий Серов», «Чавыча», «Орочон», «Сима», «Терек», все траулеры. Капитан лесовоза «Коккинаки» А. А. Гринько отчитался лаконично: «Боевой подготовкой не занимались» [37, л. 27].

Но винить моряков в нерадивом исполнении службы не приходится: нагрузка на них, несших вахты, почти непрерывно занимавшихся саморемонтом, дабы обеспечить возможность дальнейшей эксплуатации судов, работавших на выгрузке, была очень высока, находясь на пределе физических возможностей. Как указывалось в одном из документов, «экипаж единодушно принимает участие во всех работах по текущему ремонту, в погрузо-разгрузочных работах, не считаясь со временем».

В течение 1944 г. руководящий состав УВФ Камчатского бассейна и командный состав судов получил материал для пошивки форменного обмундирования. К тому же большинство судов побывало в заграничных, перед которыми моряков также снабдили форменным обмундированием. НКРП СССР приказом № 1330/15 от 15 сентября 1944 г. требовал от комсостава судов АКО в заграничных портах находится только в форме.

Отмечая, что отдельные лица продолжали являться на службу одетыми не по форме, 31 октября 1944 г. начальник АКО распорядился: «1. Комсоставу УВФ бассейна и судов в служебное время быть в форменном обмундировании (тужурка при белой сорочке, черный галстук или китель, черные или темно-синие брюки). 2. Капитанам и помполитам судов при нахождении в заграничных портах отпускать личный состав после проверки формы одежды увольняемого. 3. Начальникам отделов УВФ, начальникам АКОфлота и Морлова взять себе за правило не принимать без формы одежды» [37, л. 33].

Вот что вспоминал ветеран флота Т. М. Кривоногов, начавший работать на судах АКО весной 1945 г.: «В здании обкома партии состоялось общеплотовское собрание. Как и положено, собрались плавсостав и работники управления АКОфлота. Меня поразила одежда моряков, особенно с учетом того, что

люди в то время одевались очень просто. На улицах преобладали военные шинели и желтые американские ботинки с подковами и кожаными шнурками. Но эти, находившиеся в зале, люди просто поражали своим великолепием.

Надо сказать, что наши моряки, приходившие в начале войны в американские порты, отличались более чем скромным видом. Естественно, что долго с этим мириться было нельзя. Группа заслуженных капитанов — таких как А. И. Щетинина — обратилась к властям с просьбой одеть и обуть наших моряков подобающим образом... Людей снабдили всем необходимым.

Комсоставу, например, полагались бостоновый макинтош и прекрасный костюм черного или темно-синего цвета, с красивыми анодированными пуговицами и желтыми галунами на рукавах. Кроме них выдавались две сорочки: белая и цвета хаки, а также мичманка с двумя чехлами, белый шерстяной шарф, черный галстук, пара белья, выходные и рабочие ботинки, кожаные и вязаные перчатки. Полагалась и меховая куртка — «канадка», а кожанка приобреталась за свой счет. Портные подогнали форменную одежду каждому моряку по фигуре. Красиво одевалась и судовая команда, правда, немного попроще. Помимо этого, в американских портах была установлена усиленная норма питания...»

На 1944 г. НКРП СССР наметил весь капитальный и текущий ремонт судов АКОфлота на общую сумму 17 250 тыс. руб. провести в США. ПСРВ должна была использоваться только как база для междуреисового обслуживания и производства запчастей. Принятую стратегию выдержали: в 1944—1945 гг. в США отправились семь судов для крупного ремонта продолжительностью в 60—75 суток и два — на текущий.

Перед направлением судов в США их команды подвергались тщательной проверке «соответствующими органами». Этот контроль зачастую отсеивал квалифицированных моряков, личности которых по различным причинам были неуютны властям. «Имеются такие суда, на которых во внешние рейсы допускаются не свыше десяти человек из числа команды», — сообщало в одном из отчетов руководство АКОфлота. Зато на пароходы приходили так называемые «американцы» — случайные люди, поступившие с единственной целью — попасть за границу. Как правило, моряками они не были и для работы на флоте оказывались непригодными. Так, на «Симу» кочегаром устроился учитель одной из петропавловских школ. Слабое здоровье не позволило ему нести тяжелую вахту у котлов, превратив в обузу для экипажа.

10 марта 1944 г. управление АКО секретным приказом № 05 предписало капитанам не принимать на суда радистов без специального разрешения на это органов госбезопасности. В качестве нарушителя имевшихся инструкций назывался капитан «Щорса» П. Я. Жуковский, который в октябре 1943 г. взял практиканта-радиста Карпенко. Теперь виновным в нарушении приказа грозила уголовная ответственность [37, л. 8].

Межрейсовый и аварийный ремонт судов проводился на ПСРВ. Он отличался длительностью и дороговизной и, как правило, полностью не выполнялся, в основном, из-за недостатка необходимых материалов. Это способствовало преждевременному износу пароходов. В 1944 г. только одну «Чавычу» отремонтировали быстро. Несмотря на отсутствие других баз и целевое назначение ПСРВ на обслуживание судов НКРП, АКОфлот правом преимущественного ремонта на ней не обладал. Ремонт во Владивостоке для него был невозможен, так как на имевшихся здесь предприятиях НКРП обслуживание камчатских судов не планировалось и даже прямо запрещалось (например, зимой 1943—1944 гг. для «Ительмена», «Коккинаки» и «Чавычи»). В результате все необходимые минимальные работы пароходы получали только в Петропавловске [10, л. 61—62]. Такое положение заставило всячески поощрять саморемонт. На всех судах (за исключением лесовоза «Коккинаки») были организованы мастерские, оборудованные токарными и сверлильными станками.

В условиях недостаточного технического обслуживания и необходимости активного саморемонта особое значение приобрел вопрос подбора, укомплектования и выдвижения судовых механиков. В течение 1944 г. на «Эскимосе», «Чапаеве», «Тереке» и «Анатолии Серове» вторые механики были выдвинуты в старшие. Кадры, в целом, оказались на должной высоте. Проведенная в 1944 г. аттестация «подтвердила наличие достаточно высокого уровня технически грамотных механиков. По отдельным судам со значительно изношенными механизмами (“Коккинаки”, “Эскимос”, Максим Горький”, “Щорс”), плавание становится возможным только благодаря высокой грамотности, сознательности и самоотверженности машинных команд».

Если состав механиков сохранял стабильность, то большая текучесть наблюдалась у коцегаров и машинистов. «В известной мере эта текучесть является результатом предварительного отбора при эпизодическом уходе судов в заграничье» [10, л. 77]. И все же признавалось, что «укомплектованность судов дипломированными механиками недостаточная. Наши кадры механиков в основном грамотные. Ряд молодых механиков выдвинут на должности механиков и с работой справляются». Со штурманским составом (за исключением капитанов) проблем было больше: «в большинстве технически неграмотные люди, умеющие только прокладывать курсы. Крайне плохо отражается на работе судов частая переброска механиков и особенно штурманов» [39, л. 30].

А вот как обстояло в 1944 г. дело с дисциплиной. С 1 января по 1 ноября 1944 г., то есть за десять месяцев, было совершено 104 проступка (три самовольных ухода, пять опозданий, девять прогулов, 14 случаев небрежного отношения к работе, 16 появлений в нетрезвом виде, 57 нарушений правил внутреннего распорядка). За эти нарушения четыре командира были пони-

жены в должности (переведены в матросы, машинисты и кочегары), наложены 24 ареста, в том числе семь «строгих», 14 чел. привлечены к суду, 19 чел. оставлены «без берега», то есть лишены увольнений, объявлены 43 выговора, в том числе 21 «строгий».

В течение в 1944 г. в АКОфлот пришли 153, перемещено в должностях 132, исключено 133 чел. (в том числе один умерший и пять осужденных) [39, л. 4—5].

1 июня 1944 г. на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 18 января 1944 г. и приказа НКРП СССР от 26 февраля 1944 г. № 146 начальник АКО распорядился «в целях воспитания и подготовки кадров квалифицированных моряков-рыбаков для системы АКО путем практического обучения непосредственно на судах» ввести на судах АКОфлота и Морлова институт юнг. Таким способом в будущем можно было покрыть кадровый голод и привлечь к работе на судах не случайных людей, а хорошо подготовленных морально и технически. «Нам нужно, чтобы советская молодежь, наш народ привыкли к морю, любили его, знали его. Это имеет большое значение для поднятия мощи советской страны», — говорил А. И. Микоян, «лучший друг Камчатки», как его называли в то время.

В число юнг зачислялись несовершеннолетние подростки, отцы которых большей частью служили в армии или уже погибли в боях с фашистами. Юнг следовало обеспечить флотским обмундированием по нормам НКРП, для чего в течение июня и июля нужно было организовать его пошивку из материалов, имевшихся в наличии.

С 10 июня начальникам АКОфлота и Морлова следовало приступить к приему ребят в соответствии с «Положением о юнгах — юных рыбаках на судах флота Наркомрыбпрома СССР». Они же должны были обратить особое внимание «на подбор лиц, которым на судах и учебных сборах будет доверено воспитание и обучение юнг». Первоначально количество юных моряков устанавливалось равным: для АКОфлота — 30 палубных и 30 машинных, для Морлова — 12 палубных и шесть машинных, всего 78 чел. [38, л. 50—51].

По состоянию на 1 декабря 1944 г. на 13 пароходах АКОфлота находились 73 юнги: «Максим Горький» — один, «Коккинаки», «Чавыча», «Чапаев» и «Эскимос» — по два, «Кура» — четыре, «Терек» и «Щорс» — по пять, «Сима» — шесть, «Орочон» — девять, «Якут» и «Ительмен» — по десять. Больше всех юных моряков — 21 — пребывало на «Анатолии Серове» [10, л. 70].

В течение 1944 г. имелся ряд происшествий на судах, обошедшихся, к счастью, без человеческих жертв и больших материальных потерь. 21 марта в семь часов утра на «Щорсе», стоявшем в Ковше рыбного порта на якорю и швартовах в группе пяти судов АКОфлота, в котельном отделении под правым котлом загорелось подтекавшее топливо. Вахта быстро приступила к ту-

шению, одновременно старший помощник капитана «Щорса» Б. Н. Соколов отправил посыльного за помощью на «Симу». Дым, идущий из надстройки «Щорса», заметил вахтенный матрос «Анатолия Серова» Саламатин. «Принятыми мерами вахтенных: кочегара, машиниста и сбежавшимися командами с огнетушителями стоявших рядом пароходов “Эскимос”, “Сима”, “Серов” была полностью затушена в 7.26. Материального ущерба не имеется».

На будущее главному инженеру АКОфлота предписывалось разработать инструкцию для машинных команд судов, сжигавших жидкое топливо, «о режиме работы отдельных топков и о переходе с одной топки на другую при стоянках судов в портах» [40, л. 185].

В ночь с 24 на 25 июля «по причине конструктивного недостатка в буксирном устройстве» был потерян в море новый корпус кавасаки без мотора, шедшей на буксире «Анатолия Серова» из Усть-Камчатска в Олюторский залив.

Ночью же с 15 на 16 сентября «Орочон» с сигарой на буксире проходил Первый Курильский пролив. При выходе в Тихий океан сигара начала разрушаться при относительно хорошей погоде. Разрушение продолжалось до прибытия в Авачинскую губу. В итоге потеряли 989 куб. м круглого леса и часть такелажа. Вины в этом экипажа не было, убытки в размере 93 237 руб. отнесли на счет Сахалинского Погранкомбината, плохо скрепившего сигару. Во избежания повторения подобных происшествий, капитанам судов предписывалось получать от лесокOMBINATОВ схемы сборки и крепления плотов, а также инструкции по их буксировке и «сбережению в море». Плоты следовало выводить к судам обязательно в присутствии представителя их администраций [41, л. 56].

Вечером 25 сентября на «Ительмене», находившемся в районе Усть-Камчатска, обнаружили течь сварного шва надводной части левого борта, который в момент удара волны пропускал воду. Трещина с усилением волнения до семи баллов начала раскрываться, течь через нее усиливалась. Не имея возможности из-за большого волнения производить грузовые операции, капитан Войтенко не рискнул продолжать рейс и направился в Петропавловск для ликвидации трещины. В порту выяснилось, что металл борта в районе повреждения изнашивался до половины первоначальной толщины. Восстановление работоспособности судна стоило 5 049 руб. [41, л. 3].

В 1945 г. АКОфлот пополнился новым судном. Им стал буксир «Кашалот», спущенный на воду в конце 1944 г. в США, в Портленде. В Петропавловск в счет ленд-лиза его в марте 1945 г. перегнал капитан К. К. Берг. В 1944 г. он привел в Портленд на ремонт «Эскимос». Во время стоянки произошло чрезвычайное и весьма опасное по тем временам для руководителей происшествия: судно покинул кочегар К. К. Берга сняли с командования «Эскимосом» и направили на идущий в Петропавловск «Кашалот».

7 февраля 1945 г. заместитель начальника АКО П. М. Макштас распоряжился: «1. Приобретенный в США буксирный деревянный катер “Кашалот” с 12 ноября 1944 г., дня поднятия на нем флага СССР, считать в составе судов морского транспортного флота АКО с отнесением к категории судов восьмой группы морских буксиров и числить в системе судов АКОфлота. 2. Приемку б/к “Кашалот” комиссией, назначенной приказами по АКО № 516 от 9.12 и № 585 от 25.12.1944 г., начатую 12 января с. г., со дня прибытия судна в Петропавловский порт, считать законченной 27 января 1945 г. Материалы приемки утвердить. 3. При ледовых условиях работу б/к не производить, установив его нахождение в Петропавловском порту, и на период зимней навигации законсервировать, оставив на судне экипаж 11 чел.» [42, л. 92].

Буксир имел прочный деревянный корпус, машину мощностью 1 000 л. с., водотрубный паровой котел системы «Бабкок-Вилькокс», работавший на угле. Вот что вспоминал работавший на «Кашалоте» в 1945 г. Т. М. Кривоногов: «Поражало на этом судне, полученном из новостроя, снабжение: имелся тройной комплект белья, шерстяных одеял, много спецодежды, большой запас краски, столярных и плотницких инструментов, посуды и камбузного имущества. Покрашенный шаровой краской буксир смотрелся внушительно. Но поскольку война уже приближалась к концу, на него не установили никакого вооружения».

Потребность в хорошем и мощном буксире у АКОфлота была основательная. В начале лета 1945 г. «Кашалот» начал выполнять рейсы в Усть-Камчатск. Оттуда он буксировал плоты-сигары, катера и кунгасы, собранные на местном сплаве и на Ключевском лесокомбинате. Кроме этого, буксир всегда вел две баржи грузоподъемностью по 250 т. На ботдеке размещали пассажиров. Теперь судном командовал Г. Т. Ленский, старшим механиком трудился В. А. Васильев.

17 мая 1945 г. была определена стоимость суток эксплуатации буксира при транспортировке судов, барж, кунгасов, а также при перевозке грузов, кроме буксировки лесоматериалов в плотях, составившая 7 880 руб. [43, л. 127].

Летом 1945 г. «Кашалот» отправился в экспериментальный рейс. Вот что свидетельствует об этом приказ начальника АКО № 306 от 16 июля 1945 г.: «Для доставки такелажа для морсплотки в порт Маго, доставки рыбпродукции в г. Комсомольск... направить в рейс в г. Комсомольск-на-Амуре буксир “Кашалот” с двумя баржами (по 200 т). Для проверки возможности прохода транспортов с баржами из Петропавловска в порты Маго, Николаевск-на-Амуре и Комсомольск-на-Амуре командировать заместителя начальника Петропавловского порта тов. Херсонского А. С...» [43, л. 268].

А вот что рассказывал об этом плавании Т. М. Кривоногов: «В августе 1945 г. буксир получил задание доставить в Комсомольск-на-Амуре две баржи с рыбой, предназначенной для питания рабочих авиационного завода.

Рыбу закупили под руководством направленного для этой цели инженера завода Шведова.

Когда “Кашалот” проходил Первый Курильский пролив, мы узнали о том, что Японии объявлена война. Возвратиться в Петропавловск уже не было возможности, и капитан Григорий Трофимович Ленский повел судно не в Магадан, как гласило указание руководства флота, а в устье Амура. Риск, конечно, был велик. Но японцы, к нашему счастью, активных действий не предпринимали, что позволило нам благополучно завершить рейс. Пришли мы в Комсомольск-на-Амуре, встали к пристани Дземги.

Рейс, конечно, был необычный, и по приходе буксира на борт прибыл корреспондент местной газеты. Он, красочно описал весь переход и сделал отличные фотографии буксира и капитана Ленского. Упомянули в газете и членов экипажа. Буксир на фотографии выглядел внушительно. Фактически так оно и было. Все на нем блестело, как и положено на новом судне. Поскольку морские суда в речной порт приходят нечасто, возле борта на пристани собирались люди. Кроме молодежи, подходили и прошедшие горнило войны фронтовики.

Война с Японией была скоротечной, и вскоре, 3 сентября, мы уже праздновали победу».

Трансфинплан АКОфлота на 1945 г. был утвержден приказом по АКО № 160 от 4 апреля 1945 г. со следующими показателями: 354 480 тыс. тонно-миль, 200 000 т груза, буксировка плотов-сигар общим объемом 7 000 куб. м, объем транспортных услуг (фрахт) — 36 779 тыс. руб. «Считать на 1945 г. участвующими в грузоперевозках транспортный флот в количестве 13 судов общей грузоподъемностью 38 770 т и один буксирный катер “Кашалот”». Четырнадцатый транспорт — «Шелонь» — был выведен из эксплуатации. «Кашалот», имевший деревянный корпус, зимой не работал (по прибытии в Петропавловск во время зимней стоянки 28 марта во время проворачивания главной машины при помощи ручного валоповоротного устройства отломилась часть фланца его станины. Фланец сломался по месту некачественной сварки, которую во время приемки судна в США не обнаружили под слоем краски. 31 марта 1945 г. на нем из-за неправильной консервации разморозили воздушный колпак питательного насоса котла [29, л. 99]. Это стало первым происшествием такого рода, в результате которых судно довольно быстро вышло из строя. Остатки корпуса «Кашалота» ныне можно наблюдать в одной из бухт вблизи Петропавловска).

Тарифы на перевозки, согласно распоряжения НКРП, сохранялись на уровне 1941 г., оплата за перевозку пассажиров устанавливалась на уровне действующих тарифов НКМФ.

Весь личный состав флота, включая береговой аппарат, по плану на 1945 г. должен был насчитывать 828 чел., в том числе 729 моряков. Среди них пред-

полагалось иметь 120 юнг, на содержание которых выделялись 230,4 тыс. руб. В управлении флота должны были трудиться 28, в морском агентстве — 14, на подсобном хозяйстве — 20 чел. [44, л. 2].

Для полного укомплектования штатов моряков недоставало шесть дипломированных старших помощников капитана, девять вторых помощников, трех механиков 1-го разряда, девять — 2-го, шесть — 3-го, трех радистов, девять матросов 1-го класса, шесть токарей, двух машинистов 1-го класса, 19 кочегаров 1-го класса и 10 кочегаров 2-го класса. Все они замещались «работниками низших квалификаций». Резерв специалистов для замены отпускников отсутствовал.

Управление АКОфлота, включавшее 28 чел., не имело собственного помещения и ютилось в здании управления АКО (на месте нынешнего административного здания Камчатрыбпрома), где для него выделили четыре комнаты. Оно располагалось примерно в трех километрах от порта, что создавало трудности для оперативного обслуживания судов [29, л. 24].

План 1945 г. оказался выполнен на 76,9 % по грузам и на 74,4 % по тонно-милям. Причиной невыполнения стало уменьшение числа выполненных рейсов с грузом (76 при 87 по плану), причем общее количество затраченного эксплуатационного времени определилось в 3 895 суток при плане 3 951. Фактическое эксплуатационное время оказалось таким же, как и в плане: это свидетельствовало о большой потере времени на непроизводительные стоянки, что привело к снижению фактического количества рейсов. Ходовое время сократилось на 15,7 % из-за уменьшения числа рейсов с грузом. Себестоимость грузоперевозок выросла на 2 956 тыс. руб. или на 9,6 % против 1944 г. и на 8 205 тыс. руб. или на 32,3 % против плана 1945 г. Следует отметить, что это в значительной степени стало результатом военных действий, начавшихся в августе 1945 г.

Непроизводительные потери в размере 1 391,9 суток складывались из ожидания: погрузки и разгрузки (817,1), бункера (252,8), разрешения на выход (304,6) и прочих причин (17,4). Из-за медленной оборачиваемости флот потерял 630 судосуток, то есть 8 рейсов или 19 000 т дополнительно перевезенного груза.

Благодаря проведенным мероприятиям по повышению квалификации персонала машинных команд и реально начавшейся теплотехнической работе, «на базе развернутого социалистического соревнования среди судоконд», флот в 1945 г. сэкономил 4 269 т топлива или 10 % (3 750 т угля и 519 т жидкого горючего). При этом среднесуточная эксплуатационная скорость судов выросла до 172 миль против 159 плановых. Наибольшей экономии добились «Орочон» — 16,9, «Максим Горький» — 16,7 «Чапаев» — 15, и «Сима» — 14 %.

«Орочон» и «Чавыча» сжигали в этом году высококалорийные угли, «Кура» работала на хорошем сахалинском, на «Якуте» переделали в котлах колосники, «Максим Горький» использовал тепло выхлопных газов главного двигателя, что в сравнении с 1944 г. дало большую экономию горючего. Пережог топлива имел «Эскимос» ввиду того, что на нем установили новые котлы с большей производительности, но сохранили старые нормы расхода [45, л. 19].

Стоимость топлива в 1945 г. выросла. Это также отрицательно сказалось на себестоимости грузоперевозок. Удорожание произошло вследствие изменения пунктов бункеровки: теперь пароходы в большем объеме получали уголь в Петропавловске, где цены были заметны выше, чем во Владивостоке или на Сахалине.

Еще одной причиной роста себестоимости стал перевод судов на снабжение ремонтными и расходными материалами, в основном, через местные склады. Это обходилось гораздо дороже, «в отличие от имевшей место практики непосредственного снабжения в 1944 г. в США, в плане 1945 г. также предусматривалось непосредственное снабжение в США» [45, л. 21].

Фактическая численность личного состава флота к концу 1945 г. насчитывала 838 чел.: управление — 41, плавсостав — 649, юнги — 78, подсобное сельское хозяйство — 35 [45, л. 8].

В течение 1945 г. весь действовавший флот подвергся различного вида ремонтам (табл. 9).

Таблица 9

Судно	Время стоянки		Характер ремонта	
	план	отчет	план	отчет
«Орочон»	30	11,2	Профилактический	Профилактический
«Ительмен»	100	66,8	Капитальный	Профилактический
«Сима»	90	118,0	Капитальный	Капитальный
«Чавыча»	45	98,6	Средний	Аварийный
«Эскимос»	45	20,8	Капитальный	Профилактический
«Якут»	30	5,0	Профилактический	Профилактический
«Чапаев»	35	10,2	Средний	Профилактический
«Щорс»	75	158,4	Средний	Капитальный
«А. Серов»	65	157,8	Средний	Средний
«Коккинаки»	95	80,4	Капитальный	Капитальный
«М. Горький»	10	2,4	Профилактический	Профилактический
«Кура»	65	13,0	Средний	Профилактический
«Терек»	40	11,8	Средний	Профилактический
«Кашалот»	15	14,6	Профилактический	Профилактический
Всего:	740	769,0		

С учетом того, что ни в Петропавловске, ни во Владивостоке суда не могли получить технического обслуживания в требуемом объеме, девять транспортов по графику НКРП должны были ремонтироваться в США. Фактически ремонт в США получили пять пароходов (табл. 10).

Таблица 10

Суда	Стоянка в ремонте, сутки		Отклонения	
	план	факт	план	факт
«Ительмен»	100	50,5	—	49,5
«Сима»	90	118,0	28,0	—
«Чавыча»	45	—	—	45,0
«Чапаев»	35	—	—	35,0
«Щорс»	75	158,4	83,4	—
«А. Серов»	65	157,8	92,8	—
«Коккинаки»	95	80,4	—	14,6
«Терек»	40	—	—	40,0
«Кура»	65	—	—	65,0
Всего:	610	565,1	204,2	249,1

Вот что вспоминал один из юнг АКОфлота — Александр Ражев о своем пребывании в американском ремонте (передано Т. М. Кривоноговым): «На шестнадцатом году своей жизни я поступил юнгой на пароход АКОфлота “Ительмен”. В конце 1944 г. нам посчастливилось пойти на ремонт в США. Капитаном был Борис Николаевич Соколов, старшим помощником Александр Александрович Чеков. Стармехом, если не изменяет память, был Лабут, имя и отчество, к сожалению, забыл (Валентин Петрович Лабут. — С. Г.).

Шли мы туда долго. Уголь был плохой, скорость неважная, погода, как на грех, штормовая. Наконец мы пришли в порт назначения — Портленд, штат Орегон, на реке Колумбия. После нашего захолустья все нас здесь удивляло. Другая природа, хорошие дороги, много автотранспорта. Американцы к нам относились доброжелательно. Самое главное, что нас стали хорошо кормить — по нормам заграничавания. На столе появились фрукты и прекрасный белый хлеб. В скором времени нас одели и обули с ног до головы. Выдали хорошую робу, теплые меховые канадки, белье и ботинки. Комсостав одели в прекрасные бостоновые костюмы с золотыми галунами и пуговицами, красивые мичманки. В общем, все мы преобразились на глазах.

Дисциплина была строгая, по законам военного времени. Часть ремонтных работ экипажу пришлось взять на себя. Как правило, самые грязные — обивку ржавчины, чистку балластных танков, канатных ящиков и тому подобное. Нас же, юнг и палубных учеников, администрация решила поставить на вахту. Таким образом, освобождался матрос, которого использовали на более серьезных работах...

Вскоре мы отремонтировали свой пароход и весной 1945 г. покинули гостеприимный Портленд, пошли в свой родной Петропавловск. Дома я вручил гостинцы своей семье и знакомым. Все интересовались, как к нам относились американцы. Рассказов было, конечно, много...»

Вот что стало причинами неполучения ремонта судами, отмеченными в табл. 10.

«Чавыча» должна была выйти в США 16 января 1945 г. До 27 декабря 1944 г. она стояла во Владивостоке, готовая к выходу, но из-за стремления отправить судно с обязательным завозом «попутного» груза в Петропавловск его заполнили углем. Только 24 января 1945 г., просрочив время выхода в США, пароход снялся в Петропавловск. 27 февраля «из-за непроходимости пролива Лаперуза» он вернулся во Владивосток и простоял до 12 апреля, а затем вновь отправился в Петропавловск. Таким образом, этот рейс, закончившийся в Петропавловске 2 мая 1945 г., длился 127 суток.

Не имея возможности получить качественный ремонт ни в Петропавловске, ни во Владивостоке, «Чавыча» эксплуатировалась до конца года, «латая» поврежденный котел по время стоянок в портах, поддерживая тем самым свое рабочее состояние. За истекший год пароход простоял в ремонтах 25,6 % всего эксплуатационного времени. Несмотря на затраченное время и силы «Чавыча» к навигации 1946 г. была не готова и вместо намечавшегося в 1945 г. среднего ремонта требовала в следующем году капитального.

«Чапаев» должен был выйти в США на средний ремонт 1 февраля 1945 г. Прибыв во Владивосток с рыбопродукцией, простоял под выгрузкой с 8 января до 10 марта по вине местного рыбного порта. 7 марта 1945 г. во время грузовых операций вследствие небрежной работы грузчиков на лебедках сломалась станина одной из них. Ее временно скрепили планками на болтах. В течение года силами экипажа пароход поддерживался в рабочем состоянии, а в начале 1946 г., прибыв в Дайрен, встал в там в ожидании капремонта, так как из-за плохого состояния корпуса больше эксплуатироваться не мог.

«Терек» собирался выходить в США 21 января 1945 г. из Петропавловска. Ввиду необходимости избежать лишних расходов по перегрузке находившихся на борту 216 т рыбопродукции, управление флотом получило распоряжение АКО догрузить пароход рыбой и отправить его во Владивосток. 1 января 1945 г. «Терек» с 2 117 т рыбы вышел в море, но 20 марта, не сумев пройти пролив Лаперуза, вернулся обратно. Лишь 25 апреля он имел возможность окончательно сняться во Владивосток, куда прибыл 5 июня. Этот рейс длился 156 суток.

Пароход «Кура» должен был выйти в США 1 февраля, но задержался во Владивостоке, где с 21 декабря 1944 г. до 10 февраля 1945 г. выгружал 2 292 т рыбопродукции. 10 февраля 1945 г. судно начало принимать соль, в связи с чем не получило ремонт продолжительностью 65 суток, утвержденный в начале года. Это впоследствии привело к необходимости поставить пароход с 19 ноября 1945 г. на ПСРВ, где он пребывал до июля 1946 г.

Из-за неполучения своевременного ремонта «Чавыча» и «Чапаев» по сравнению с 1944 г. резко снизили скорость хода, в то время как однотипный с «Чапаевым» пароход «Щорс», прошедший обслуживание, заметно ее повысил [45, л. 13—14].

В течение 1945 г. суда флота неоднократно попадали в сложные навигационные условия, нередко становившиеся причиной их серьезных повреждений. Вот лишь несколько примеров.

Вечером 25 января во время околки льда вокруг «Щорса» для вывода его из бухты Раковой, на рейде жестянобаночной фабрики подвижкой льда погнуло перо руля и свернуло баллер. Ремонт рулевого устройства решили произвести во время нахождения судна в США. Регистр СССР разрешил переход судна в Америку в таком состоянии [43, л. 25—27 об.].

20 апреля «Чавыча», следовавшая из Владивостока в Петропавловск, в результате удара о льдину потеряла одну лопасть гребного винта и согнула вторую. 15 мая на ней во время швартовки к пирсу Петропавловского порта были срезаны пять болтов, соединявших фланцы промежуточного вала брашпиля. От перекоса вала надвое разломился подшипник.

16 апреля «Якут», шедший из Владивостока в Петропавловск, в Японском море застиг сильный шторм. Волны смыли за борт с носовой палубы 32 т бункерного угля, разбили спасательный плот, правое крыло мостика и трап на спардеке, выбили в коридоре спардека переборку, пробили правый борт шлюпки, выломали дверь коридора, разбили иллюминатор в каюте второго помощника, смыли с ботдека за борт четыре пожарных ведра и два спасательных круга. Такие повреждения судно получило в непосредственной близости к проливу Лаперуза, где свобода его маневрирования была ограничена близостью запретной зоны Японии. Убыток от этого происшествия оценивался в 9 000 руб. [43, л. 163—165].

Великая Отечественная война завершилась в мае 1945 г. Всего за военные годы 42 работника флота были награждены орденами и медалями, а по ее окончании более 350 чел. получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» [10, л. 46].

В августе 1945 г. СССР объявил войну Японии. Решением исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся № 470 от 9 августа 1945 г. на территории Камчатской области было введено военное положение [46]. Но еще 6 августа произошло трагическое происшествие: два самолета без опознавательных знаков атаковали на траверзе Гаврюшкина камня пограничные катера ПК-7 и ПК-10. Несколько человек при этом погибли. Помощь пограничникам оказал сторожевой корабль «Киров».

Заключительным военным аккордом стала Курильская десантная операция, проведение которой советское командование возложило на силы Камчатского оборонительного района (КОР), возглавляемого генерал-майором А. Р. Гнечко. Суда АКОфлота принимали в ней непосредственное участие.

ПВМБ не располагала достаточным количеством транспортных средств для доставки десанта на острова. Часть десантников разместилась на мобилизованных гражданских транспортных и рыболовецких судах. Их погрузка

проводилась в Петропавловске. Недостаток здесь пирсов привел к тому, что с каждого из них приходилось обслуживать одновременно несколько плавсредств. Для того, чтобы упорядочить эту процедуру, суда обрабатывались по специальному графику. Приняв людей и грузы, они отходили на рейд Авачинской губы, а их места занимали следующие.

Посадка десанта закончилась к вечеру 16 августа 1945 г. Рано утром следующего дня караван из 64 вымпелов двинулся в путь на Курилы. Всего на борту кораблей и судов разместились 8 824 десантника, 95 орудий, 123 миномета, 120 тяжелых и 372 легких пулемета. Во время перехода волнение моря составляло три-четыре балла, движение каравана затрудняла малая видимость. С одной стороны, это скрывало суда и корабли от неприятеля, а с другой — мешало им выдерживать график движения, который и без того нарушался в силу того, что военные и гражданские моряки не имели практики совместных плаваний в таком крупном соединении на большое расстояние (350 миль) [47, с. 31—35].

Десантная операция началась 18 августа 1945 г. высадкой на о. Шумшу — основной опорный пункт японской обороны на Курилах. Бои здесь шли до 23 августа. К концу августа силы КОР заняли всю северную гряду Курильских островов, включая о. Уруп.

С 8 августа по 3 сентября 1945 г., то есть во время войны с Японией, пароходы АКОфлота «Ительмен», «Чапаев», «Коккинаки» и танкер «Максим Горький» использовались для перевозки людей, вооружения, боеприпасов, снаряжения и горючего, будучи мобилизованы «как временный военный транспорт». Четыре парохода в общей сложности 69 суток находились в распоряжении командования КОР. За это время они перевезли 6 704 т военных грузов и 3 363 чел., что составило по отношению к общему объему перевозок 4,2 % по грузам и 22 % по пассажирам. Прделанная ими работа отражена в табл. 11.

Таблица 11

Судно	Количество судосуток	Перевезено	
		груза, т	пассажиров
«Ительмен»	11	2 120	73
«Чапаев»	21	3 300	2 075
«Коккинаки»	19	930	1 715
«Максим Горький»	18	354	—
Всего:	69	6 704	3 363

Как указывает отчет о работе флота, «эти четыре транспортных судна в общем количестве перевозок имели значительный удельный вес пассажироперевозки и небольшое количество груза» [45, л. 17]. Под «пассажирами» здесь подразумевались советские десантники, высаживавшиеся на Курилы, и японские военнопленные, вывезенные из своих гарнизонов на островах по окончании боев.

Часть флота во избежание боевых потерь рассредоточили в закрытых бухтах и портах. Это отразилось на нормальной работе невыполнением плана грузоперевозок из-за того, что четыре судна простояли 89 суток.

Условия военного времени нашли отражение и в ассортименте перевозимых грузов (табл. 12). Из нее видно, что рыбопродукции в 1945 г. сняли втрое меньше, чем в 1944 г., и почти впятеро меньше, чем по плану 1945 г. Леса, основным источником которого служил Сахалин, доставили вдвое меньше плана. Все это явилось следствием военных действий, пришедшихся на август — традиционно являвшийся месяцем наиболее активного вывоза заготовленной продукции с полуострова и доставки на него древесины.

Таблица 12

Ассортимент	Отчет 1944 г.	План 1945 г.	Отчет 1945 г.
Соль	37 037,8	16 300	16 509,7
Уголь	40 845,6	36 100	36 338,3
Нефтепродукты	5 375,6	4 000	12 043,1
Рыбопродукция	32 336,4	51 400	10 819,0
Лесные	10 487,1	23 800	11 100,1
Тарные	16 983,9	16 800	11 236,8
Продпромтовары	11 614,2	5 200	14 063,1
Прочие	26 412,2	53 400	46 981,8
Всего:	181 092,8	270 000	159 091,9
Пассажиры	8 864	—	17 603

Во время высадки на Курилы и после завершения операции войскам большую помощь оказали не только моряки, но и работники Петропавловского рыбного порта, добровольно пошедшие с десантом. Портовики принимали участие в разгрузке транспортов, разместили на берегу пришедшие на пароходах грузы, обеспечили работу мелких плавсредств. За организацию и руководство этой работой начальник рыбного порта Я. Я. Завадский был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, а начальник погрузочного отдела порта Н. К. Мельничук получил орден Красной Звезды.

К награде «за умелое руководство и организацию работ по разгрузке боеприпасов, снаряжения и техники десантных частей в условиях боевых действий и выгрузке их на островах в районе боев» был представлен стивидор А. Т. Бабилов, а также «за самоотверженный труд по выгрузке техники, боеприпасов и вооружения под обстрелом противника с судов за период боев на островах» — грузчики и их бригадиры: Наданов, Чугунчиков, Корецкий, Ленский, Жуган, Казионов, Михайлов и другие.

Семеро моряков парохода «Коккинаки» во главе со старшим помощником Я. Я. Изаком и 19 членов команды парохода «Чапаев», возглавляемого капитаном А. Д. Коломейцем, наградились за образцовую подготовку судов и экипажей «к спецрейсу с десантными частями КОР на Курильские острова и успешную доставку десанта, его высадку в условиях боевых дей-

ствий». Остальной личный состав экипажей своим самоотверженным трудом и личным участием в погрузо-разгрузочных работах по переброске боеприпасов, вооружения и техники с пароходов на берег заслужил благодарность командования КОР. Помимо этих работ, моряки организовали прием с берега раненых десантников, оказали им первую медицинскую помощь, предоставили уход и питание. Особенно заботились о пострадавших воинах уборщица «Коккинаки» М. С. Заболотская, помполит «Чапаева» В. А. Кортиков и буфетчица этого же парохода В. Т. Завалина.

Девять моряков танкера «Максим Горький», снабжавшего суда и корабли топливом: старший помощник капитана А. Н. Бурлуцкий, четвертый помощник А. Л. Кошелев, старший механик В. А. Устименко, четвертый механик И. Д. Зинченко, радист М. Т. Жукова, матросы П. М. Алексеев, В. П. Медведев, А. В. Мыкольников, моторист А. Н. Пупыкин — поощрялись «за образцовое выполнение задания командования КОР по снабжению кораблей в зоне военных действий в трудных метеоусловиях. Своей успешной и самоотверженной работой личный состав судна содействовал успеху операций по захвату Курильских островов, заслужив тем самым благодарность командования КОР».

Вот что вспоминал об участии в Курильской десантной операции Арнольд Рихардович Янсон, тогда студент Петропавловского морского рыбопромышленного техникума, проходивший практику на «Чапаеве» (впоследствии А. Р. Янсон руководил Камчатрыбфлотом — наследником АКОфлота).

«В августе 1945 г. при объявлении войны Японией “Чапаев” с экипажем был мобилизован для участия в Курильской военно-десантной операции. После погрузки в трюма боезапаса, боевой техники (около 600 т), солдат из зенитной роты, 17 августа 1945 г. в составе первого эшелона боевых десантных кораблей “Чапаев” вышел в район Первого Курильского пролива. После высадки десантников и частичной выгрузки боезапаса, “Чапаев” получил приказ принять на борт пленных японских солдат и следовать в Усть-Больше-рецкий рыбокомбинат для принятия на борт артиллерийской части. Приказ был выполнен, и после капитуляции японцев на острове Шумшу “Чапаев” выгрузил в Четвертом Курильском проливе артиллеристов, погрузил на борт трофейное оружие, раненых и 3 сентября 1945 г. прибыл в Петропавловск. Судно вышло на рейд, готовясь к постановке в ремонт на судоверфи, а мы, курсанты, списались с “Чапаева” и продолжили учиться в Морском рыбном техникуме...» [48].

Впереди моряков ждала мирная работа. 4 октября 1945 г. в связи с преобразованием АКО в Камчатский госрыбтрест (КГРТ) АКОфлот был переименован в Управление транспортного флота КГРТ (Камчатрыбфлот, КРФ) [49, л. 1—2].

По словам начальника флота В. М. Слободенюка, произнесенным 12 сентября 1945 г., «современные суда, представляющие многомиллионную ценность, требуют от личного состава, его обслуживающего, высоких специально-технических знаний, что возможно лишь при условии закрепления постоянных кадров, как в целом на водном транспорте, так и на каждом судне в отдельности».

Закрепить же кадры можно было при условии обеспечения их нормальными жилищно-бытовыми условиями и заработной платой. С жильем для моряков в Петропавловске было плохо. Их семьи размещались на площади Комхоза АКО и горсовета и частично во Владивостоке. В Петропавловске жили 211 (36,4 %), во Владивостоке — 129 (22,3 %), на судах — 240 чел. (41,3 % общей численности).

На время стоянки в порту плавсостав оказывался предоставлен сам себе «за отсутствием клуба... культурного отдыха не имеет... проявляет желание получить возможность отдыха в специальных домах». Отсутствие специальной «водной поликлиники», санатория и дома отдыха также не способствовали стабильности персонала.

Жизнь требовала решения жилищной проблемы путем предоставления семьям капитанов и старших механиков отдельных домов «типа коттедж» в три-четыре комнаты, комсостава — квартир из двух-трех комнат, рядовых моряков — «индивидуальных квартир в одну комнату в домах общего пользования»; постройки общежитий для комсостава, рядовых моряков и женщин; сооружения клиники; «на базе местных минеральных источников» следовало организовать санаторий; построить дом краткосрочного отдыха, клуб моряков и водно-спортивную станцию.

Уровень зарплаты и столового довольствия должен был превышать ставки ДВГМП и приближаться к условиям Главсевморпути, так как камчатским судам приходилось работать в более тяжелых условиях, чем судам Морфлота [29, л. 25—26].

Характер деятельности АКОфлота за военное время существенно изменился. Работая в условиях ограниченных материальных и людских ресурсов, в 1941 г. он впервые за годы своего существования получил прибыль. В 1943 г. также впервые был выполнен, а по отдельным показателям значительно перевыполнен план грузоперевозок. В 1944 г. количество завозимых судами АКО на Камчатку грузов достигло 75,5 % от их общего поступления (до войны оно не превышало 30—35 %). В том же 1944 г. после многолетних неудачных попыток в практику вошли теплотехнические испытания судов, в результате которых были определены их экономические скорости, выявлены наиболее благоприятные режимы эксплуатации и установлены технически обоснованные нормы расхода топлива.

В течение 1941—1945 гг. ремонт в США прошло большинство судов АКО-флота, однако они не получили его в требуемом объеме. Как правило, так называемый «ремонт военного времени» выполнялся под контролем американских технических комиссий не в привычном для советских моряков объеме из расчета четырех-пяти лет службы судна после его окончания, а на срок в один-два года. Так, на «Эскимосе» замененные в котлах трубки вышли из строя ровно через год после их установки, а в котлах «Симы» они потекли через полтора года после смены. Судовые администрации зачастую не могли вмешиваться в ход работ, в том числе, иногда и по причине собственной некомпетентности. В результате после американских «капитальных» ремонтов суда через короткий промежуток времени требовали проведения нового технического обслуживания.

По собранными автором данным, суда АКОфлота побывали в США и Канаде не менее 21 раза:

- «Эскимос» находился в Сан-Франциско в июне 1941 г. и 1944 г.;
- «Анатолий Серов» посетил порты США в июне 1943 г. и в апреле 1945 г.;
- «Ительмен» был в марте и апреле 1945 г. в Сиэтле и Портленде;
- «Максим Горький» в декабре 1942 г. ремонтировался в Сиэтле, в апреле 1943 г. — в Сан-Франциско и в мае 1944 г. — в неустановленном порту;
- «Щорс» в январе 1943 г. посетил Портленд, был в США в 1945 г.;
- «Чапаев» находился в Сан-Франциско в июне 1943 г. и в 1945 г.;
- «Орочон» ремонтировался в Портленде в июне 1941 г., там же был в сентябре 1942 г., посетил США в марте-июне 1944 г.;
- «Сима» в мае 1944 г. посетила Портленд, в декабре 1944 г. пришла в Канаду, в июне 1945 г. прибыла во Владивосток;
- «Якут» в августе 1941 г. был в Сан-Франциско и в мае 1943 г. в Портленде;
- «Коккинаки» ходил в США в 1945 г.

За годы войны АКОфлот освоил новый вид перевозок — транспортировку леса, заготовленного Ключевским и Сахалинским Пограничным лесокombинатами в виде морских плотов («сигар»). Проведение подобных операций требовало немалого мужества.

Вот что докладывало командование парохода «Якут» об одном из таких рейсов: «Исключительно большая работа была произведена палубной командой при буксировке плота из Усть-Камчатска в Петропавловск. Несмотря на свежую штормовую погоду (до девяти баллов) и неоднократный обрыв плота, последний был в целости доставлен в Петропавловск, за что часть коллектива начальником АКО была премирована, части объявлена благодарность и отпущены средства для премирования команды».

За 1943 г. флот отбуксировал 26 сигар общим объемом 18 900 куб. м. В этом году Ключевской лесокombинат сплавил 14 и доставил на рыбо-

комбинаты восточного берега Камчатки и Петропавловск 12 сигар общим объемом 8 900 куб. м [50, л. 49]. За навигацию 1944 г. из Усть-Камчатска были отправлены 11 сигар общим объемом 6 171 куб. м (шесть в Петропавловск, по одной в Анапку, Карагу и Хайллолю и две в Корф). Первая из них вышла 11 июля в Петропавловск, последняя объемом 359 куб. м прибыла в Петропавловск 18 октября 1944 г. на буксире «Анатолия Серова». Из сигары № 5 объемом 454 куб. м было потеряно 346 куб. м, то есть 76 %. Сигара № 10 объемом 428 куб. м, предназначенная в Анапку, полностью разбилась в пути. Сигару № 9 из Петропавловска лесовоз «Коккинаки» отбуксировал в Микояновск, куда она благополучно прибыла 16 сентября 1944 г. Это стало *первым случаем доставки леса морем с восточного берега Камчатки на западный через Петропавловск* [51, л. 70].

Вот что сообщается в подготовленной 26 октября 1944 г. «Справке о буксировке леса сигарами» о некоторых операциях с плотами:

1942 г. “Эскимос”, 22.04—30.08 — рейс № 4 из Мгачи на Сахалине в Петропавловск, плот-сигара в 3 117 т.; “Якут”, 21.08 — рейс № 4 из Усть-Камчатска в Петропавловск — 1 381 кбм.

1943 г. “Коккинаки”, 9.06 — рейс № 3 из Усть-Камчатска в Корф, 515,3 кбм; “Коккинаки”, 30.06 — рейс № 4 из Усть-Камчатска в Петропавловск, 1 160 кбм; “А. Серов”, 3.08 — рейс № 3 из Усть-Камчатск в Петропавловск, 1 154,2 кбм; “А. Серов”, 3.07 — рейс № 2 из Усть-Камчатска в Олоторку 563 кбм; “Эскимос”, 23.08 — рейс № 4 из Усть-Камчатска в Петропавловск — 447 кбм.

1944 г. “Коккинаки”, 21.08 — рейс № 3 из Ныйво на Сахалине в Петропавловск — 1 850 кбм; “А. Серов”, 27.08 — рейс № 3 из Усть-Камчатска в Петропавловск — две сигары 418,6 и 651 кбм; “Коккинаки”, 12.09 — рейс № 4 Петропавловск — Микояновск — 561 кбм.; “Сима”, 12.09 — рейс № 5 из Усть-Камчатска в Корф — 500 кбм; “А Серов”, 13.10 — рейс № 6 из Усть-Камчатска во Владивосток — 359 кбм; “Орочон”, рейс № 3 Сахалин — Петропавловск, 1 031 кбм, не доставлена» [39, л. 14].

В годы войны на полуострове впервые начала действовать система морского и рыбохозяйственного образования. Одним из ее элементов стал «институт юнг», положивший начало основанной в 1946 г. Петропавловской мореходной рыбопромысловой школе.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 103.
2. Рыбак Камчатки. — 1987. — № 26, 26 июня.
3. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 36.
4. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 108.
5. Там же. Д. 116.
6. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 31.
7. Там же. Д. 7.

8. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 44.
9. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 117.
10. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 18.
11. Там же. Д. 32.
12. Камчатская правда. Комплект за 1941 г.
13. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 507.
14. Там же. Д. 593.
15. ГАКО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 494.
16. Там же. Д. 130.
17. Там же. Д. 125.
18. Там же. Д. 126.
19. Там же. Д. 124.
20. Камчатская правда. Комплект за 1942 г.
21. ГАКО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 127.
22. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 597.
23. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 40.
24. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 495.
25. Камчатская правда. Комплект за 1943 г.
26. *Галас М. Л.* Петропавловск-Камчатский морской порт в годы Великой Отечественной войны: транзит грузов ленд-лиза // Российский флот и история Камчатки / Тез. докл. научн. конф. 17—18 октября 1996 г. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 71 с.
27. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 49.
28. Там же. Д. 50.
29. Там же. Д. 35.
30. За высокие уловы. — 1976. — 12 дек.
31. ГАКО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 132.
32. Там же. Д. 131.
33. Там же. Д. 133.
34. Там же. Ф. 88. Оп. 3. Д. 1.
35. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 53.
36. Там же. Д. 54.
37. Там же. Д. 496.
38. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 128а.
39. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 55.
40. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 136.
41. Там же. Д. 139.
42. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 142.
43. Там же. Д. 143.
44. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 60.
45. Там же. Д. 62.
46. Камчатская правда. — 1945. — 9 авг.
47. *Акинский В.* Курильский десант. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — 160 с.
48. Рыбак Камчатки. — 1994. — 6 мая.
49. ГАКО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 6.
50. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 588.
51. Там же. Д. 668.

АНТИСОВЕТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1918 г. В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

Работ, посвященных этому событию, в отечественной исторической науке, насколько нам известно, нет, о нем почти ничего не знают краеведы. Советские историки касались этой темы вскользь — не углубляясь в причины переворота и не прослеживая его ход. Все написанное ими сводилось к объяснению, данному некогда И. Е. Лариным: «Свержение власти Совдепа на Камчатке произошло... когда из членов ячейки (ядра) в Петропавловске никого не было. Часть находилась во Владивостоке... часть командирована по области. Оставшиеся советские работники не были на своем месте...» [1]. «В апреле... и мае рабочие-охотники и солдаты разъехались и разбрелись, кто на работы, кто по домам. В Петропавловске остались одни спекулянты, чиновники и черная сотня» [2].

В 1918 г. население Петропавловска не превышало 1 200 чел. Из них «насчитывалось до двухсот пролетариев, занятых физическим трудом на различных прилегающих к городу промыслах и городских стройках частников (плотники, столяры, монтеры, мотористы и другие)» [3]. Остальные — чиновники, домовладельцы, интеллигенция...

Захвативший власть в городе с помощью распропагандированной местной воинской команды Петропавловский Совдеп предотвращает попытку контрпереворота, предпринимаемую в марте 1918 г. членами Областного комитета и гласными городской Думы. В этом же месяце горсовет рабочих и солдатских депутатов запрещает продажу и выдачу спиртных напитков, а облсовет предписывает мировому судье Петропавловско-Командорского участка прекратить нотариальные сделки по купле-продаже недвижимости. 19 апреля единственные на Камчатке коммунисты — председатель горсовета И. Е. Ларин и его товарищ А. С. Олейник — сообщают в Далькрайком Советов свои соображения по поводу работающих на Петропавловской радиостанции «главарей контрреволюционного выступления» марта 1918 г.: «Заведующий радио инженер Рыбкин и чиновник Пурин... идут вразрез с Советской властью, агитируя темное население для разгона Совета... Желательно устранение от занимаемых должностей как принимающих участие для свержения Советской власти» [4].

30 апреля облсовет предлагает «родителям, желающим воспитывать своих детей в духе православной или другой религии, самим заботиться об изыскании средств на содержание законоучителей» [5], что находится в полном соответствии с советским декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви. А горсовет, выдав по ходатайству Петропавловско-

го причта для собора вместо тридцати бутылок красного вина пятнадцать, принимает решение о формировании отряда милиции из двадцати человек с окладом содержания 250 руб. в месяц. Однако исполком горсовета через день постановляет: из-за недостатка средств временно ограничиться штатом из девяти.

14 мая исполком горсовета вводит пошлины на вывозимую из области пушнину: лиса-чернобурка — 30 руб., соболь — 15, медведь бурый — 8, пыжик — 50 коп., белка — 25, заяц — 10...

20 мая облсоветом запрещено вывозить «наличку». Предлагается переводить ее на материк в банковские отделения по почте и через Казначейство.

4 июня публикуется постановление областного Совета об упразднении окружных судов, прокурорских надзоров, судебных следователей, но им рекомендуется «оставаться на местах под наблюдением комиссара (М. Шиманчика. — В. П.) и общим руководством облсовета» [6].

7 июня, ввиду «сгустившейся атмосферы в Петропавловске» и объявления военно-революционного положения в Приморье и водах Тихого океана Россией, «влияния в связи с угрозой Дальнему Востоку банд Семенова», членам облсовета Е. И. Кумпану и И. А. Верещакову поручено «организовать охранный отряд в 30 человек для самоохраны и защиты революции и свободы» [7]. Кроме них, этим занимается председатель горсовета А. С. Олейник, отставка которого 3 июня на заседании исполкома не была принята, несмотря на то, что «массы, пославшие его в Совет, в большинстве своем недовольны им и выносят ему недоверие», каковое тяготит его и в «ущерб завоеваниям трудового народа» [8].

10 (11) июня руководители областного Совета И. Е. Ларин и С. А. Бушуев направляют телеграмму во Владивосток консулу Северо-Американских Соединенных Штатов, выражая уверенность, что «светоч социализма, зажженный Россией, при поддержке могущественной свободной Америки в недалеком будущем воссияет над миром, исстрадавшимся под гнетом капитализма» [9].

11 июня А. С. Олейник доложил на заседании горсовета: им совместно с Е. И. Кумпаном и И. А. Верещаковым «сняты печати из цейхауза бывшей Камчатской команды и взято оружие и патроны для... поддержания порядка в городе ввиду распространившихся слухов об организации и предполагаемом выступлении белой гвардии...» [10].

А за три дня до этого в связи с иными слухами — о событиях на Дальнем Востоке и Сибири — распространяемыми «темными силами», в облсовет были вызваны представители китайской и японской колоний, которые насчитывали около ста человек, Межан, Винзан, Когуро и Огава. Советские руководители посоветовали им «не верить разным слухам и продолжать мирную и тихую трудовую работу» [11].

Середина июня. Появление на рынке большого количества чавычи позволяет торговцам понизить цену до 10 руб. за пуд. Вопреки постановлению горсовета о санитарных порядках, по огородам и тротуарам безнаказанно разгуливают коровы и свиньи. Некое лицо из почтовой конторы объявило через газету о желании приобрести «ружье-маузер с патронами» [12].

С 20 июня в Продовольственной управе началась продажа мануфактуры по карточкам. В это время в Петропавловске по карточкам отпускали также сахар, крупу и муку. Тогда же, 20-го числа, бывший наборщик типографии, ответственный секретарь советской газеты «Камчатские Известия. Официальный орган Рабочего и Крестьянского Правительства по делам Камчатки» М. К. Бэ-Блажейчик без объяснения причин сложил полномочия члена горсовета, выйдя ранее из комиссии по народному образованию. 20 июня рыбопромышленники и все остальное население области уравниваются в длине неводов — не свыше 75 сажен.

22 июня — день отъезда в Хабаровск на Четвертый съезд Советов Дальнего Востока большевиков И. Е. Ларина (председатель облсовета) и А. С. Олейника, остающегося главой городской советской власти. С ними едут еще два члена облсовета — И. А. Верещаков и (вместо отказавшегося Бушуева) М. К. Попов. Суточное довольствие командированным «на человека по 1 000 рублей» [13].

В двадцатые годы, уже в эмиграции, А. А. Пурин писал: «...Ларин и члены “Чрезвычайной следственной комиссии по контрреволюционным делам” выехали в Хабаровск для доклада Дальневосточному Совету Народных комиссаров о положении дел на севере. До нас доходили сведения, что Совдеп будет настаивать на применении к автономистам (участникам мартовского выступления. — В. П.) высшей меры наказания, и чтобы таковое в назидание другим было приведено в исполнение в Петропавловске. Это должно было случиться с приходом красного военного корабля, на котором должен был прибыть Военный Суд.

Между тем события продолжали развиваться. Глухим эхом приходили с материка известия, что там не все благополучно. В радио-телеграммах сообщалось, что завоеванию пролетариата угрожает контрреволюция, буржуазия и чехословаки. Местный Совдеп все чаще и чаще устраивал митинги, призывал к организованности, увеличивал число красногвардейцев, реквизировал оружие, вооружался сам и вооружил своих единомышленников» [14].

С 22 июня постановлением облсовета всей области предписывалось перейти на новое правописание, введенное Совнаркомом на советской территории. 23 июня в Народном доме в Петропавловске открылась общедоступная библиотека. В тот же день городской сход мирян выразил «пожелание, чтобы для отправления религиозных треб в городе были оставлены два священника с окладом 400 рублей в месяц» [15].

Положение противников советской власти с апреля по 11 июля 1918 г. характеризуется А. А. Пуриным как весьма серьезное, хотя никто из них арестован не был: «Несмотря на неоднократные требования, я не являлся в Следственную комиссию и никаких сведений не давал. То же делали и другие мои соратники. Следственная комиссия раз заглянула к нам на квартиру, но после того, как она задумала над нами поиздеваться, мы ее выгнали. Обещали прислать красногвардейцев и арестовать нас, мы заявили, что живыми в руки не дадимся (что было исполнено в отношении себя 2 декабря 1922 г. жителем казачьей Сероглазки Г. Н. Поповым после окончательного утверждения Советской власти. — В. П.), и в каждого, кто задумает приблизиться к дому, будем стрелять. Совдеп чувствовал себя настолько слабо, что ничего не мог поделать и ждал помощи из Владивостока...» [16].

Какие же обвинения предъявлялись А. А. Пурину как бывшему председателю Областного комитета и его товарищам? Непризнание власти Совнаркома и Советов, организация вооруженного восстания против этой власти. Попытка отделиться от России и продать северную окраину Японии. Призыв населения встать на защиту Всероссийского Учредительного Собрания, «составленного из буржуазных классов» [17]. Стремление связаться с Сибирским автономным правительством и Сибирской областной Думой и признать ее власть в Камчатской области.

Все это А. А. Пурин называет искажением намерений той власти, которая была избрана летом 1917-го на Первом съезде населения области и которую большевики «выдавили» весной следующего года.

Самым тяжким обвинением Облкому (и тогда, и потом на протяжении советских лет) был его приказ № 1 от 19 марта 1918 г., подлинник которого, по словам Пурина, пропал [18]. В копии Камчатского ГПУ значится: «Ввиду полного разгрома и неслыханного мирового унижения государства Российского союзные державы, дабы оградить Дальний Восток от немецкого захвата и губительной Советской власти, принимают чрезвычайные меры вплоть до оккупации русских областей. В целях ограждения Камчатки от посягательств на захват или оккупацию ее соседями, Камчатский Областной Комитет, как выразитель воли народной, взял всю полноту власти в свои руки и впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания, установления прочной и твердой власти в России объявил Камчатскую область автономной по отношению к Русскому Государству...» [19]. Этим же приказом расформировывалась воинская команда и Петропавловский совдеп. Вся полнота исполнительной власти в городе предоставлялась горсовету народной милиции в составе Закржевского, Рыбкина, Артюхина и Крупенина.

Но, победив в марте 1918 г., Советы не смогли решить социально-экономические проблемы. «Продукты в области исчезли. Запасы денег в Казначействе истощились, так как все лица, имевшие сберегательные и текущие счета,

таковые закрыли. «Начинался рыболовный сезон, но не было соли и бочек. . .» [20]. Анархические элементы «разграбили японские рыбалки и склады товаров при них в разных местах Охотского моря» [21].

25 июня в Петропавловск пришла телеграмма из Хакодате: «Арестован ли Совдеп? В противном случае соль не будет выпущена. Российский консул Лебедев» [22]. В двадцатых числах власти этого японского порта, куда обычно заходили по пути к нам из Владивостока пароходы, задержали российское судно с продуктами. Телеграмма была адресована Петропавловской городской Думе, но так как ее разогнали большевики, попала в Совдеп, а копия — А. А. Пурина как предыдущему главе областной администрации.

26 июня исполком горсовета обязал рыбаков, привозящих улов на продажу в Петропавловск, до десяти часов утра продавать его исключительно горожанам, а только потом скупщикам. Торговцам устанавливался ценовой «потолок»: фунт чавычи 70 коп., одна штука красной — 60.

27-го числа состоялся многолюдный митинг сторонников советской власти, «на котором говорилось о провокации, о контрреволюции, о защите Советской власти, о предательстве японцев, и из всех речей можно было заключить, что Совдеп что-то скрывает и боится, чтобы население не узнало правду. Одним из присутствующих на митинге, который был посвящен в суть дела, был поднят вопрос о продуктах. Выступившее лицо пыталось убедить толпу, что она ошибочно надеется на Дальсовнарком, что нельзя закрывать глаза перед надвигающейся опасностью быть без продуктов, что нечего искать крамолы там, где она пустой звук, что нельзя обрекать промысла и жителей на гибель, но ему не дали говорить. Ответом на это послужил призыв к расправе с контрреволюционерами и к защите Советской власти.

Вместо того, чтобы заявить публично, что члены Совета признают для себя невозможным оставаться далее во главе области, они приняли резолюцию просить Дальсовнарком выслать триста тысяч пудов соли, послали ему привет и проклятие белогвардейцам. . .

Как Совдеп ни скрывал истинного положения дел, однако население проведало о задержке парохода с продуктами». «Ко мне, — вспоминал далее А. А. Пурин, — обратились некоторые инородцы от волостей с вопросом, действительно ли имеется телеграмма (от Лебедева. — *В. П.*). Я подтвердил документально факт ее получения.

27 июня у меня собрались некоторые из бывших общественных деятелей и представители селений (по-видимому, Завойко и Сероглазки. — *В. П.*) на совещание о создавшемся положении для области. Совещание носило секретный характер и приняло решение выступить против Советов активно, в каком-то направлении и были начаты работы. . .» [23].

28 июня вышло постановление горисполкома о регистрации всего огнестрельного оружия, находящегося у частных лиц и в магазинах в городе.

29 июня. Антисоветский переворот во Владивостоке. Накануне его ночью сюда прибывают на пароходе «Сишан» Ларин и его спутники. Ознакомившись с обстановкой, Ларин пишет на Камчатку в прошлом приисковому рабочему, а ныне народному комиссару юстиции области М. Г. Шиманчику с расчетом, что его письмо прочтут и другие — кому следует.

«Товарищ, крепитесь, скоро, наверное и мы приедем. Как я уже писал, Владивосток взят чехословаками в один день при помощи десанта с крейсеров. Как горько было смотреть на улицу: высыпали все толстобрюхие с веселыми лицами. Пока хотя на воле. Выручайте нас. Нас не должны задерживать, так как комитет областной избран по четырехчленной формуле и еще при Временном Правительстве в июле прошлого года, так и пишете, телеграфируйте. В случае, если окрепнет власть правительства автономной Сибири, шлите уполномоченных в состав ее, оно будет полезно пока. Не знаю, а может быть, еще и меня арестуют и товарищей не выпустят. За что, про что... Вот попал из огня да в полымя — в чужой похлебке расхлебывай.

Управляйте благоразумно, не делайте осложнений. Крепко и стойко держитесь до Второго съезда Камчатки. Мы не самозванцы, а посланники народа, избраны по четырехчленной формуле. Делайте чаще собрания и разъясняйте народу правду. Организуйте вокруг себя крепче массы, отсюда никакой поддержки не ожидайте — кроме плохого. Ну так действуйте честно, прямо, благоразумно и энергично. Не дайте возможности выступить реакции» [24].

Из протокола заседания исполкома горсовета от 29 июня 1918 г.: «Доклад члена исполкома Лисового: член Козленко пьянствует, неаккуратно является на службу и вообще игнорирует своими обязанностями. Считать на будущее время не допустимым и доложить пленарному заседанию, которое должно вынести определенную резолюцию по отношению к тов. Козленко» [25].

В одной из брошюр, выпущенной в Петропавловске в 1970-е гг., можно было прочитать: «Заговорщики форсировали события. И вновь, как и в марте 1918 г., своею ставкой они избрали село Завойко (сейчас — Елизово. — *В. П.*). Здесь особое холуйское рвение проявили председатель волостного комитета Ворошилов и товарищ его Бибигов. 1 июля в экстренном порядке они сообщали своим патронам в город о том, что Завойкинская волость на стороне контрреволюционеров и что, в “крайнем случае, Завойкинская волость первой вышлет людей”, если “осложнится положение” в городе» [26].

В начале июля подготовка к смене власти вступила в завершающую фазу. «В первых числах июля нам стало известно о перевороте во Владивостоке и об образовании правительства Автономной Сибири, ближайшей задачей которого являлась борьба с большевиками и освобождение Сибири от коммунистического ига. Ознакомившись с декларацией Правительства, мы признали ее отвечающей интересам и чаяниям населения и именем этого Правительства решились освободить Камчатскую область от большевиков» [27].

«По получении телеграммы из Хабаровска об аресте Соввласти во Владивостоке, — рассказывал П. А. Крупенин, — в областном Совете было назначено заседание членов Совета, на котором должны были обсуждаться вопросы о вооружении членов Совета и жителей для защиты Соввласти. Не будучи защитником большевизма, я на заседание не пошел, за что наложили на меня штраф в размере 5 руб.

Потом областной Совет выработал также объявления населению, которыми предупреждалось о предстоящей опасности Советской власти. Одновременно представили проект воззвания председатель (замещающий А. С. Олейника. — В. П.) городского совета Колмаков и секретарь канцелярии Станчиковский. В последнем говорилось, что Камчатка в политическом отношении не может принять активного участия, ибо она должна прислушиваться к центру, так как какая власть будет установлена там, такая должна быть и здесь» [28].

Но М. Г. Шиманчик, М. К. Бэ-Блажейчик, председатель продовольственного комитета П. И. Дудко, члены облсовета И. Д. Дыптан и Е. И. Кумпан «страшно восстали против проекта воззвания, составленного городским Советом, и настаивали на выпуске воззвания по их проекту, призывающего к защите Соввласти. Кроме того, Дыптан заявил, что воззвание по проекту городского Совета могут выпустить только черносотенцы, и он же добавил, что свобода, завоеванная большевиками, досталась пролитием крови, а потому и отстаивать ее будет силой оружия, ибо никогда не согласится на свержение Советской власти, несмотря на то, какая бы власть не была установлена на материке. Он — Дыптан — признает исключительно Советскую власть. К заявлению Дыптана присоединились Кумпан, Блажейчик, Шиманчик и Дудко, которые настаивали на своем, то есть требовали выпустить воззвание по проекту областного совета» [29].

8 июля утром в селение Завойко ушел по телеграфу текст воззвания за подписью представителя от этой волости П. А. Крупенина, адресованный теперь исключительно завойкинцам. Воззвание соответствовало проекту горсовета. В нем подчеркивалось, что великая Русь повсеместно истекает кровью и долг камчатцев не допустить на полуостров страшные бедствия, переживаемые жителями других краев страны, ибо наряду с противоборствующими сторонами всегда страдают ни в чем не повинные женщины и дети.

9 июля Камчатский областной Совет рабочих, крестьянских и инородческих депутатов опубликовал свое воззвание: «Граждане, товарищи крестьяне и рабочие! Завоевания крестьян и рабочих в опасности. На Дальнем Востоке меньшевики, буржуазия с чехословаками употребляют все усилия, чтобы свергнуть власть Советов. Заняты некоторые пункты, остальным городам ничего не угрожает». Облсовет в который раз просит не верить слухам, распускаемым «темными силами», и обещает землякам постоянно держать их в курсе событий [30].

Подписал воззвание облсовета ларинский заместитель С. А. Бушуев. На него в упоминавшейся выше брошюре возлагается большая часть вины за падение советской власти на Камчатке; он «перелицовал обращение Дальсовнаркома к рабочим и крестьянам выступить на защиту завоеваний революции» и «создавал ширму, за которой камчатские контрреволюционеры разрабатывали планы внезапного удара по Советам» [31]. Там же мы находим ссылку на И. Е. Ларина, утверждавшего, что В. И. Артюхин, П. А. Крупенин, Е. А. Колмаков, С. А. Бушуев, В. Г. Сивцев (отказавшийся голосовать за Ларина при выборах председателя облсовета) «были членами областного и городского Советов только на бумаге, а на деле оказались злостными преступниками и служили в контрразведке у белых» [32]. Откуда ему об этом известно, Ларин не говорит. Документированных подтверждений приведенному выше обвинению нами не обнаружено.

11 июля. Последнее заседание исполкома Петропавловского горсовета. Один из рассматриваемых вопросов — отпуск со склада распушенной воинской команды (с помощью которой совдеповцы захватили власть) десяти пар шаровар и девяти мундиров для милиции. Постановили: выдать, однако «носить только при исполнении служебных обязанностей» [33].

11 июля. «К нам в село вечером приехали рыбопромышленники, работавшие в с. Авача, фамилии их не знаю, — показывал сероглазкинский охотник В. С. Атласов в 1934 г. в ОГПУ, — и с ними был житель с. Сероглазки Крупенин Василий Егорович, и зайдя ко мне в дом, предложили мне идти с ними в Петропавловск арестовывать членов Совдепа. Так как они усиленно настаивали, то согласился. Из нашего села Сероглазка для свержения Соввласти поехали почти все жители, ехали на трех лодках, было примерно человек 19. Основную роль в этом восстании сыграли Крупенины Василий Александрович, Петр Васильевич, Александр Васильевич, Поповы Георгий Никодимович, Федор Никодимович, Львов Иван. Прибыв к Петропавловску, мы высадились у радиостанции, где жил сам Пурин...» [34].

А. А. Пурин указывает время, когда «прибыл на шлопках отряд повстанцев от волостей» — около десяти вечера [35] и уточняет его численность — «25 вооруженных казаков-камчадалов, оцепивших мою квартиру и район радиостанции на окраине города» [36]. Начали собираться «посвященные в сущность дела горожане. Прилегающая к радиостанции местность была оцеплена, телеграфное и телефонное сношение с городом и окрестностями прервано» [37]. «Все приходившие оттуда задерживались и обратно в город не выпускались. Вслед за этим прибыли делегаты от волостей и члены Областного Комитета, проживавшие в Петропавловске» [38].

«В город направились отдельные разведчики» [39]. «В полночь открылось заседание, на котором представители населения просили Областной Комитет взять в свои руки власть в области» [40]. В. С. Атласов, по его сло-

вам, на этом заседании не присутствовал, на него, как утверждал П. А. Крупенин, «были вызваны жители с. Сероглазка, Авача, Хутор и Завойко, команда с парохода “Адмирал Завойко” и проживающие в городе: Плотников, Абдул Газизов, Караев Федор. Из Сероглазки... был и мой дядя Петр В. Крупенин и брат Василий А. Крупенин и др.» [41].

«Все готовы были сложить свои головы, если бы красногвардейцы думали оказать вооруженное сопротивление. Представители населения уверяли, что на пути находится несколько сот вооруженных туземцев и казаков, отпавших волостями в распоряжение Областного Комитета» [42].

Начальником отряда назначили бывшего учителя — поручика А. П. Токаревского. «Через каждые полчаса, — вспоминал А. А. Пурин, — мы получали точную информацию о положении в городе. Там все было спокойно, никто не полагал и не ожидал никаких выступлений. Население мирно спало, советские деятели и красногвардейцы частью спали, частью пьянствовали. К двум часам ночи наш отряд состоял из тридцати шести человек, у многих не было пока оружия, но зато все мы были спаяны единой волей, единой верой в правоту своего дела, единой любовью к поруганной несчастной Родине, и это давало нам возможность черпать силы и надеяться на успех. Ряд лиц, которые обещали принять участие в перевороте, не надеясь на успех, не явились, но тем не менее мы решили выступить в два часа ночи и произвести арест Областного, Городского Советов, красногвардейцев и всех сочувствующих им» [43].

Из составленного в ОГПУ в 1932 г. протокола допроса начальника расформированной в мае 1918 г. местной воинской команды Д. С. Плотникова: «В этот день вечером часов около двенадцати ночи я был в гостях у Деушева (торговец. — В. П.), где были два брата Деушевы, Дудко, Абдул Газизов и еще кто-то, не помню, выпив пива-водки, я пошел в то время судейский городок, теперь Красный городок, где была моя квартира, но около ворот меня арестовал матрос с парохода “Завойко” и повел на радио, к Пурину, где было, кроме названных, человек двадцать и среди них Василий Александрович Крупенин...» [44].

Часа через полтора, рассказывал далее Д. С. Плотников, «все вышли из квартиры Пурина в Петропавловск и на попутном кладбище Пурин с Рыбкиным объявили всем, что идут арестовывать членов Совдепа» [45]. В. С. Атласов получил от Токаревского бердану и несколько патронов...

Это был звездный час ученого-сейсмолога Александра Антоновича Пурина: «На востоке чуть занималась заря. Моросил мелкий дождичек, когда мы двинулись в путь» [46]. Атласов подчеркивает, что арестами руководили Пурин и Токаревский, «которые шли во главе нашего отряда, насчитывавшего тридцать человек» [47].

Д. С. Плотников: «В Судейском городке в квартире т. Дудко они арестовали гражданина Блажейчика...» [48], «...а Дудко дома не было, дальше — в дом

губернатора, там арестовали Кумпана, забрав... двенадцать штук бердан и арестовали Бушуева, там же, у Кумпана в квартире, который сказал, что меня, ребята, наверно, арестовали по ошибке...» [49], «...бердан дали нести мне штуки три и Кумпану одну штуку, а прочие кто нес, не помню» [50].

«Тут они разделились на две части, говоря: пойдут по порядку» [51]. «Отряд разбился на две группы, осторожно подходил к намеченным зданиям, оцеплял их, разоружал одного за другим активных работников Совдепа и отдельных красноармейцев и отобранным ружьем и снаряжением вооружались теперь мы».

«В три часа ночи, — читаем далее у А. А. Пурина, — было оцеплено здание Военного Комиссариата и казарма красноармейцев, где не было даже часовых. Начальник отряда в сопровождении трех повстанцев вошел в помещение и произвел страшнейший переполох. Все оружие было выдано без сопротивления, а красноармейцы присоединены к арестованным. Многих трясла лихорадка, многие спрашивали конвой, что с ними сделают. К пяти часам утра арестованных было свыше ста человек, для конвоирования которых пришлось отрядить половину нашего отряда.

Продвигаясь вперед без единого выстрела, мне около шести часов утра пришлось наткнуться на чисто житейскую сценку. В одном из домов Председатель Продовольственного Комитета, Члены Совдепа и различных организаций спокойно сражались в карты. Стол был уставлен батареей бутылок» [52]. И хотя всех без труда разоружили, в показаниях Плотникова имеется такой штрих: «...у Деушева они арестовали Дудко, который, будучи выпивши, им револьвер не сдал, а выйдя на двор, выстрелил раз пять и отдал револьвер Токаревскому...» [53].

«Затем пошли на Никольскую улицу в дом Картакая, где долго ломались в квартиру, где арестовали его жену...» [54]. «В общем за ночь, — завершает описание арестов А. А. Пурин, — мы так привыкли разоружать своих противников, что один человек входил свободно к десяти красноармейцам, направлял на кого-нибудь из них револьвер, отбирал оружие и выгонял к остальным. Товарищи никак не ожидали подобной дерзости и беспрекословно повиновались отдаваемым распоряжениям» [55].

До сих пор остается невыясненным, о каком Военном Комиссариате и казарме красноармейцев идет речь в воспоминаниях А. А. Пурина. Существование того и другого не подтверждается советскими источниками, как, впрочем, и указываемая им в юбилейном сборнике численность отряда «красной гвардии» до 250—300 человек, к тому же вооруженных «отобранным от фирм оружием» [56]. Тут же — через абзац — автор говорит: «Отряд в 35 человек между двумя и шестью утра разоружил красную гвардию, областной и городской советы и весь анархически настроенный элемент в числе до 400 человек».

«Арестовывали нас по одиночке и препровождали в здание школы. В аресте каждого из нас участвовал весь отряд белых. Часть отряда во главе с Пуриным окружала дом, а вторая часть во главе с Сусляком входила в дом, — вспоминала в 1957 г. в переписке с историком Б. И. Мухачевым О. А. Картакай. — ...арестовано было только 17 человек. Оружие было взято не более чем у 10 человек. Остальное попрятали у соседей» [57].

Обратимся вновь к А. А. Пурину: «От топота ног и с наступлением утра пробуждались горожане и пугливо выглядывали из дверей. Многие нас приветствовали, многие брали винчестера и присоединялись к нам.

К семи часам утра все арестованные были доставлены в зал Высшего Начального Училища. В городе то там, то здесь появились национальные флаги, и многие, не зная о том, что произошло под покровом ночи, были поражены случившимся. Ни с той, ни с другой стороны... не было ни одной жертвы. Отобранное оружие исчислялось сотнями. Часть его впоследствии была выслана во Владивосток для вооружения войск Сибирского правительства.

За отсутствием арестного помещения для столь большого числа задержанных, Революционный Штаб после отеческого внушения освободил почти 80 % арестованных. Многие из них проклинали Совет, втравивший их в невыгодную сделку, многие просили зачислить их в отряд милиции или команду, обещая верой и правдой служить Родине и народу» [58].

Таким образом, власть в Петропавловске с семи утра в пятницу 12 июля 1918 г. перешла к Областному комитету. В девять часов председатель Областного комитета и его товарищ — педагог П. Я. Сусяк подписали обращение к гражданам Камчатской области. В нем, в частности, говорилось: «Советская власть на Камчатке в лице Областного Совета, приведя страну в затруднительное положение и не умея из него выйти, усилиями местных жителей лишена полномочий». Сообщалось, что принявшие власть Облком и городская Дума, как законные органы, избранные населением в 1917 г., «неуклонно и твердо пойдут... по пути революционной законности, права и справедливости в измученной стране». Обращение завершалось призывом к рабочим, крестьянам, казакам, туземным племенам, всем классам быть гражданами, быть едиными «в своем стремлении к спасению Родины и Камчатки» [59].

12 июля в одиннадцать утра на стоящем в порту пароходе «Адмирал Завойко» [60] состоялось экстренное заседание облкома и Петропавловской городской Думы, на которое были допущены представители населения и общественных организаций. Первым в повестке дня стоял вопрос о текущем политическом моменте и конструкции власти. Постановили: «В Камчатской области признать власть Камчатского облкома. В г. Петропавловске хозяйственная власть выполняется городским самоуправлением». Произведенные аресты — правильные и «в дальнейшем арестовывать лиц, которые будут

признаны вредными в целях общественной безопасности и упрочения власти Областного Комитета».

Комендантом Петропавловска заседание назначило А. П. Токаревского и поручило ему «организовать вооруженные отряды для охранения города и арестного помещения» [60], куда перевели взятых ночью и под утро 12 июля 1918 г. По словам О. А. Картакай, их перевели в арестный дом на третьи сутки. «Меня поместили в одной камере с т.т. Дудко и Коробко» [62].

В те дни в облок и гордому поступило заявление от Подпругина, Ф. Попова и Крупенина: «Мы, члены Камчатского областного комитета и граждане г. Петропавловска просим Вас освободить из-под ареста граждан Колмакова и Лисового, от которых нельзя ожидать какого-либо вреда, за что ручаемся и берем на себя ответственность» [63].

На экстренном соединенном заседании 12 июля было поручено облоку в срочном порядке принять меры к созыву 2-го съезда населения области, а городскому самоуправлению организовать «в самом непродолжительном времени выборы на законном основании» [64] в Петропавловскую Думу. Предстояло заслушать (опять-таки в срочном порядке) доклад Продовольственной управы и представителей фирмы Чурина и Сун-ин-туна на предмет того, что ими сделано по снабжению области продуктами продовольствия. Газету переименовали в «Камчатский вестник».

14 июля вышел первый номер «Камчатского вестника» с телеграммами-откликами на антисоветский переворот в Петропавловске: «*Начики*. Арест хулиганской власти приветствуем, да поможет Всевышний Областному Комитету восстановить хозяйственное и экономическое положение... Председатель Уваровский, секретарь Бурнашев»; «*Сопочное*. Приветствуем Вас, истинных граждан, любящих свою Родину. Примите уверение в поддержке Вашего шага... Сычев, Ушаков»; «*Завойко*. Завойкинский волостной исполком благодарит вас за спешное сообщение об арестовании советской власти... просит вас от имени Завойкинской волости приветствовать городскую думу и областной комитет. Волостям, именующим до сего времени “советами”, выражаем протест. Председателей этих “советов” не мешало бы телеграфно арестовать. Завойкинский волысполком выражает недоверие председателю Продовольственной Управы Дудко. Да здравствует Учредительное собрание! Власть народу по выборам! Председатель Ворошилов, товарищ его Бибииков»; «*Утхолок*. Поздравляем... Будем всеми силами поддерживать и не дадим более восторжествовать деспотизму в лице большевиков-насильников. Председатель Заев, секретарь Миронов»; «*Хайрюзово*... Боритесь с демagogией, да здравствует революционная свобода. Нужен продукт. Селения голодают. Председатель продкома Бочкарев».

В том же номере печатается объявление коменданта Петропавловска: «В интересах успокоения населения и прекращения всяких тревожных и не со-

ответствующих истинному положению дела слухов, всякие собрания граждан, как на улицах города, так и в закрытых помещениях не допускаются. Собрания профессиональных организаций для обсуждения вопросов чисто профессиональных могут быть разрешены мной только по представлению мне повестки вопросов, подлежащих к обсуждению». Воскресным днем 14 июля на площади напротив Петропавловского собора отслужен молебен по случаю свержения Советской власти. Присутствует много людей [65].

15 июля открывается чрезвычайное заседание Завойкинского волостного съезда, совместно с представителями Командорских островов, Охотского уезда и некоторыми жителями г. Петропавловска, провозглашающего в своем лице «для всей Камчатки временную диктатуру, то есть власть местного населения области... впредь до созыва Камчатского областного съезда» и передающего всю полноту исполнительной власти на это время областному комитету состава 1917 г. Решено «о настоящем постановлении довести по телеграфу до сведения Временного Сибирского правительства и всех волостей Камчатской области и просить их подтвердить Завойкинскому съезду и Камчатскому Комитету свое согласие на принятие такой исключительной, но совершенно вынужденной обстоятельствами момента меры, клонящейся к поддержанию порядка, спокойного течения трудовой жизни и восстановлению погрязших прав коренного населения Камчатки» [66].

Завойкинский съезд оставил в облоке бывшего члена облсовдепа Бушуева (без права подписи служебных бумаг), отстранил Столярова и выразил недоверие И. Ф. Голованову ввиду того, что он, «стоя на точке зрения Советской власти, помогал таковой» [67].

В специальном постановлении съезда значилось: «Всех лиц, причастных к Соввласти, также не подчиняющихся распоряжению власти Областного комитета, — выселить из пределов Камчатской области без права обратного въезда как вредных для мирного течения жизни. 1. Выселить немедленно Картакай с женой, Дудко, Пахомова, Коробко, Шиманчика, Кумпана, Дыптана, Блажейчика, Бахтина, Иличича, Чурляева, Склярова, Рожкова. При четырех против Косыгина отдать на поруки местным коренным жителям до областного съезда, взяв с него подписку о том, чтобы он не участвовал ни в каких митингах и не занимался провокацией и агитацией. В противном случае будет выслан на материк. Заколенного (телеграфист, передавший 8 июля воззвание П. А. Крупенина в Завойко. — В. П.) освободить. 2. Поручить областному комитету принять меры к немедленному выселению их в трехдневный срок в Хакодате и сдать русскому консулу для дальнейшей переотправки, изыскать для этого всевозможные средства. В крайнем случае, отправить на пароходе “Адмирал Завойко”» [68].

Рассмотрев вопрос об организации народной милиции из местного коренного населения, съезд срочно поручил облкому нанять в нее надежных

людей «ввиду предстоящего хода рыбы и текущих работ» [69]. В областной комитет в помощь П. А. Крупнину были доизбраны от Завойкинской волости еще три представителя — Г. А. Машихин, Г. Н. Попов и М. Г. Подпругин, «которые должны участвовать в заседаниях Областного комитета с правом решающего голоса» [70].

Председательствовал на чрезвычайном заседании Завойкинского волостного съезда Рязанцев — по-видимому, Николай Иннокентьевич, дореволюционный староста Авачи, основавший в этом селении школу.

15 июля облком телеграфирует в уезды и волости об отмене пошлины, наложенной Совдепом на вывозимую с Камчатки пушнину, накладывает арест на движимое имущество Рабочего Союза (профсоюза) за нарушение договора о доставке дров в устье р. Авачи. Комендант Петропавловска А. П. Токаревский обращается к горожанам с требованием сдать все казенное оружие, в том числе «благоприобретенное», под расписку, с возвратом его владельцам «со снятием военного положения» [71].

16 июля. Новое обязательное постановление коменданта: «В целях сохранения в г. Петропавловске спокойствия и общественной безопасности, устанавливается следующий порядок спуска на берег пассажиров, имеющих прибыть на пароходе “Сишан”»: 1. Никто из пассажиров не может выносить на берег с собой огнестрельное оружие и спиртные напитки. 2. Ходить по улицам разрешается только в трезвом виде и группами не более трех человек. 3. Лицам, прибывшим на пароходе, строго воспрещается всякая пропаганда и прочая провокация по отношению к существующей административной власти, стоящей на программе правительства Сибирской республики, и отнюдь не допускается критика распоряжений, исходящих от Камчатского Областного Комитета и учреждений, ему подчиненных. 4. Распространение ложных слухов на политические темы воспрещается. 5. Надзор за выполнением настоящего постановления возлагаю на чинов городской милиции. 6. Виновные в нарушении настоящего постановления будут привлекаться к строгой ответственности, вплоть до арестов и высылки из пределов Камчатской области» [72].

Примечательно, что пункты 2, 3, 4 распространялись и на жителей Петропавловска. Ложные слухи, однако, не прекращались, в том числе об уменьшении жалования служащим, хотя были увеличены оклады в Продуправе, а милиционерам выдано дополнительное жалование за апрель, когда правили еще Советы.

16 июля облком принял «к исполнению и руководству» [73] протокол чрезвычайного заседания Завойкинского съезда от 15-го числа. «Камчатский вестник» сообщил об аресте во Владивостоке всех делегатов, кроме И. Е. Ларина. Из Тигиля поступила телеграмма о преобразовании Совета в Комитет с выражением доверия прежним членам. «От ареста Совета голосованием воз-

держались» [74]. В тот же день в Петропавловск прибыл отряд охраны из ближних селений [75].

16 июля 1918 г. начальник Петропавловской гормилиции М. К. Станчиковский приступает к дознанию по делу арестованных в областном центре советских работников. Член облкома С. А. Бушуев охарактеризовал бывшего наркома местной юстиции Шиманчика как действительно стоявшего на страже интересов своих избирателей — рабочих. О Бэ-Блажейчике он сказал: «Человек двуличный... переходил на ту или другую сторону, где платят больше денег, но в то же время производил всевозможные агитации» [76]. А. Т. Коробко Бушуев знал мало, но слышал от Ларина, что тот участвовал в расстреле благовещенских контрреволюционеров. В нашей области он появился в 1910 г. «Дабы избежать воинской службы, я выехал на Камчатку», — напишет он позднее в автобиографии члена РКП(б) [77].

Опрошенный 16 июля член облкома П. А. Крупенин показал: «Ильинич подозревается в краже 59 шт. соболей из канцелярии милиции в ноябре 1917 года, пьяница и провокатор и, как развращенный, крайне нежелателен на Камчатке. Чурляев — известный пьяница и скандалист с анархическими направлениями. Тип этот развращающе действует на местное население, поэтому необходимо его выселить» [78]. В представлении новой власти председатель советской следственной комиссии Е. И. Кумпан был «плут и мошенник, вечный лентяй и паразит, присосавшийся, как пьювка, к народному пирогу, и грязными сапогами наступавший на дорогую мебель — собственность целой области» [79].

Областной комитет объявляет находящимся под стражей советским работникам о предстоящем их отъезде на пароходе «Адмирал Завойко». «Держать их под арестом не было никакого смысла — это требовало, во-первых, значительного расхода, а во-вторых, вызывало нежелательные нарекания и слухи, — вспоминал А. А. Пурин. — Кроме того, не было у нас и достаточно людей для охраны арестного помещения. Прокурор окружного суда г. Кадышевский не находил достаточных улик для привлечения их к уголовной ответственности. Он неоднократно требовал от меня освобождения арестованных и в результате привлек меня, как Председателя комитета к уголовной ответственности за свержение Советской власти. Областной Комитет был чрезвычайно возмущен таким поступком и не видел иного вывода, как распустить Окружной Суд... Это был незаконнейший акт, но выхода не было. В тот момент, когда вся Россия начинала борьбу с коммунистами, Прокурор Камчатского Окружного Суда г. Кадышевский вместо того, чтобы помочь восстанавливать государственный порядок, всячески подрывал авторитет власти и всячески подыгрывался к большевикам.

Окружной Суд все-таки распущен не был, но между административной краевой властью и Прокурором Суда до того были натянуты отношения, что

стоило многих трудов не допустить ареста и высылки прокурора... Прокурор несколько раз посещал арестованных и заявлял им, что он не находит в их действиях ничего противозаконного, что им неоднократно отдавалось распоряжение об освобождении их из-под ареста, но что распоряжениям его Областной Комитет не подчиняется. Когда о действиях прокурора стало известно населению области, оно категорически потребовало, чтобы Окружной Суд был с Камчатки убран» [80].

Днем облкомовцы работали в канцеляриях, ночью по очереди несли караульную службу. «В городе начиналось брожение, многие предпринимали меры к освобождению арестованных. Комендант ответил на это рядом арестов и обысков...» [81], во время которых было найдено приведенное выше письмо И. Е. Ларина Шиманчику. Личное участие в карауле, подчеркивает А. А. Пурин, «вызывалось необходимостью момента и желанием не допустить произвола, так как среди чинов отряда было несколько горячих голов — во что бы то ни стало хотели разделаться с некоторыми членами Совдепа» [82].

17 июля на очередном заседании облкома решили организовать местную воинскую команду из двадцати человек, разместить в ее прежнем здании, положить оклад по 250 руб. в месяц. Рассмотрели также вопрос об оплате ассигновок в счет выданных денег членам обл- и горсовдепа, откомандированных в Хабаровск. Постановили оплатить из переходящих сумм и взыскать деньги с Ларина, Олейника, Попова и Верещакова [83].

Рано утром 18 июля в Петропавловск пришел пароход «Сишан» с продовольствием и — главное — солью. На нем прибыла экспедиция Приморского переселенческого управления, возглавляемая В. К. Арсеньевым. Вот каким он увидел наш город: «Петропавловск имеет вид села... Все дома деревянные. Одна улица и один тротуар... Около домиков кое-где есть небольшие огороды. Некоторые дома построены из корабельного леса... Это постройки времен Завойко и Невельского. К таким постройкам относятся: дом Завойко, обросший кругом старыми тополями, старинная церковь (против него), казарма и цейхгауз. Чем-то особенно сентиментальным веет от этих построек. Невольно переносясь в далекое прошлое и думаешь: как жаль, что я не жил в то время, когда русская армия и флот были гордостью России» [84].

На следующий день гости были приглашены на заседание Областного комитета. Речь шла о перспективах края, гидротехнических, ихтиологических и иных планах экспедиции. 19-го же июля А. А. Пурин и заведующий дорожной партией старший техник И. А. Шкляев отправляют во Владивосток телеграмму, где в срочном порядке испрашивается кредит в размере 30 тыс. руб. для немедленного начала работ по ремонту дороги между Петропавловском и Начиками» [85].

19 июля облком обращается с воззванием к гражданам области: касса государственного казначейства пуста, а «начинается творческое строитель-

ство, требующее энергии и денег... Несите же, граждане, доверчиво свои сбережения в государственное казначейство и тем помогите воссоздать разрушенное» [86].

«Ко дню свержения власти Советов в Казначействе, — утверждал А. А. Пурин, — оставалось около 16 тысяч рублей, после опубликования... возвания население стало вносить деньги, и в ближайшие же дни мы располагали средствами свыше, чем 200 тысяч...» [87].

Между тем, в «Камчатском вестнике» был напечатан ряд сообщений с мест в поддержку облкома, гордумы с признанием власти Временного Сибирского правительства. Общее собрание граждан с. Большерецкого, созданное, по всей видимости, по инициативе председателя селькома Бречалова и волосткома Федотьева, от имени всех слоев населения посылало избранникам народа пожелания «выполнить трудную работу по установлению порядка и законности на Камчатке» [88]. Соболевчане под предводительством Самборко высказывались за скорейший созыв Учредительного Собрания и областного съезда, делегатом последнего избрали Владимира Спешнева. С западного берега поступила телеграмма за подписью «председателя соединенного заседания Сметанина». Она гласила: «Граждане Облуковинской волости приветствуют борцов, установивших народную власть в лице облкома, избранного съездом в 1917 году, а также присоединяются к Временному Сибирскому правительству (белому, находящемуся во Владивостоке. — В. П.) которое, уверены, встанет на путь спасения Родины и Камчатки» [89].

Газета писала также, что высылаются в г. Владивосток «без права въезда на Камчатку до пятнадцати большевиков, поправших права камчадал» [90]. Следует уточнить: в буквальном смысле большевиков, то есть членов компартии, среди персон нон грата не было — большевиками называли тогда всех советских работников. Среди высылаемых, «вносивших беспокойство и дезорганизацию в дела области» [91], числились Орехов и Каширин.

О том и другом есть свидетельство П. А. Крупенина: «Виктора Орехова знаю с 1912 г., когда была произведена кража денег из Петропавловского Казначейства 260 тысяч руб. В краже этой обвинялся и он, как соучастник, судили его, и сидел в тюрьме около двух лет. Кроме того, Орехов привлекался за гонку спирта, были арестованы все принадлежности. При мне в бывшем полицейском управлении дал клятву, что больше приготовлением спирта заниматься не будет, ибо ему надоело скитаться по тюрьмам. Вообще он крайне неблагонадежный во всех отношениях, способен на любое преступление для личной выгоды. Желательно выселить его из пределов Камчатской области, дабы своим порочным поведением не развращал трудовое местное население, которому необходимо прививать хорошие, а не дурные нравы. Кроме того, когда зимой он ездил по Камчатке, то торговал спиртом и этим страшным злом причинял бедствия некультурному местному населению.

Каширина знаю как авантюриста и провокатора, никого и ничего не признающего. В 1917 г. летом был арестован за провокаторство. Публично ругал и издевался над чиновниками и высшими чинами Петропавловского Окружного суда. В интересах спокойствия и общественной безопасности крайне необходимо его выдворить... как нежелательного элемента с анархическими направлениями, развращающе действующими на местное коренное население» [92].

Нелестным был отзыв С. А. Бушуева о Бахтине (в документах исполкома горсовета конца апреля 1918 г. он фигурирует как кандидат в милиционеры) — «этот человек, считаясь с личностями, всецело стремился произвести среди населения и прочих граждан какое-либо насилие и до последнего времени стоял на том, чтобы переизбрать областной совет, закрыть школы, так как учителя все провокаторы» [93]. Логунова Бушуев называет организатором Красной Армии, который «умышленно уничтожил списки красногвардейцев» [94].

19 июля в 19 часов «Адмирал Завойко» покинул Петропавловск. На его борту, помимо высылаемых и конвоиров, находились 25 семей промартели — переселенцев, ехавших на жительство в устье р. Озерной (на восточной Камчатке).

Заход бывшей губернаторской яхты «Адмирал Завойко» в Озерную подтверждает В. С. Атласов — один из конвоиров. По его словам, в охране сотрудников были: «старшим Сусяк Павел Яковлевич (убит в 1922 г.), его помощник прапорщик Иванов, имя не знаю, где он сейчас (допрашивали Атласова в ОГПУ в 1934 г. — *В. П.*) неизвестно, учитель Малахов Николай — где сейчас, не знаю, были рядовыми я, Атласов, Коршунов Михаил, Толстихин Василий, Ширинкин Николай Семенович, Кох Николай Семенович...» [95].

Атласов говорил, что яхта заходила еще на Командоры и в Хакодате, где пробыли часа два. Во Владивостоке арестованных передали милиции. Охрана по пути следования судна состояла из «охотников-камчадалов», замечает историк М. П. Стельных и продолжает: «Справедливости ради надо отметить, что версия о том, что арестованных на пароходе стража подвергала “жестоким истязаниям и пыткам” не соответствует действительности» [96].

Между тем эта «версия» длительное время подавалась как непреложный факт: «Один из пассажиров, ехавший на этом пароходе, впоследствии писал: “Арестованных и высланных сопровождал прапорщик Иванов, сын бывшего начальника радиостанции Петропавловска Иванова. Несмотря на то, что высланные арестованные, за исключением Шиманчика, были беспартийные (Шиманчик не состоял в компартии. — *В. П.*), они держались вполне революционно и своим поведением выражали действительно революционное настроение трудовых слоев Камчатки, которое они и представляли. Я был свидетелем, как арестованные, особенно Шиманчик, демонстративно распева-

ГРАЖДАНЕ КАМЧАТКИ!

Цѣлый годъ прошелъ съ времени I-го Областного Съѣзда, на которомъ рѣшалась судьба нашей глухой и далекой окраины. Цѣлый годъ прошелъ съ того времени, когда впервые свободные граждане Камчатки могли сказать свои слова, могли внести свои знанія и слѣть въ строительство новой жизни на началахъ равенства и справедливости. На Первомъ Областномъ Съѣздѣ нашъ край, который долгие прозябалъ въ нищетѣ и невѣжествѣ по милости царскаго режима, всталъ на путь самостоятельности и творческой работы, положилъ начало будущей культурной и свободной Камчаткѣ. Былъ намѣченъ цѣлый рядъ неотложныхъ вопросовъ, съ разрѣшенія которыхъ зависело все будущее нашей страны, Первымъ Областнымъ Съѣздомъ былъ выбранъ Комитетъ, поставленный во главѣ края для осуществления тѣхъ великихъ задачъ, выполнение которыхъ было признано съѣздомъ крайне важнымъ и необходимымъ. И, надѣленный довѣремъ всей страны избранный на первомъ съѣздѣ Областной Комитетъ приступилъ къ великому дѣлу возрожденія и обшественнаго края. Но недолго пришлось Областному Комитету вести страну по пути, намѣченному съѣздомъ. Въ далекой Россіи разыгрались событія, которыя оказали влияние и на нашу глухую окраину. Въ Россіи пронеслась буря отголоски которой достигли и до нашей Камчатки, которая только, что начинала выходить на путь свѣтлаго будущаго, которая только, что начинала жить на демократическихъ, свободныхъ началахъ. Явились люди, которые захватили власть помимо воли страны и, называя себя „избранниками народа“ творили произволъ и насилие. Они не захотѣли считаться съ населеніемъ, которое на первомъ Областномъ Съѣздѣ вручило свои судьбы своимъ представителямъ. Эти люди тормозили дѣло развитія края и изъ всего того, что было намѣчено на I-мъ Областномъ Съѣздѣ почти ничего не сдѣлано. И неизвѣстно до какого предѣла упядка дошла бы Камчатка, если бы тамъ, на материкѣ, не разыгрались событія въ результатѣ которыхъ была свергнута совѣтская власть по всей Сибири. Камчатка тоже сбросила иго большевиковъ и у власти снова стала единственный хозяинъ страны—народъ, въ лицѣ избраннаго имъ же самимъ Областного Комитета, который получилъ власть изъ рукъ Перваго Камчатскаго Съѣзда. И теперь послѣ той разлуки, которую внесли въ жизнь края большевики, послѣ угара, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ жила Камчат-

ка Комитетъ считаетъ своимъ первымъ и святымъ долгомъ созвать II-го Областного Съѣзда для рѣшенія всѣхъ насущныхъ и неотложныхъ вопросовъ. Открытіе Съѣзда состоится 15 августа стараго стиля.

Необходимо сейчасъ же на мѣстахъ приступить къ выборамъ представителей на съѣздъ—на каждые 100 человекъ по одному представителю и снабдить ихъ полномочіями для рѣшенія всѣхъ вопросовъ, могущихъ возникнуть на съѣздѣ. Второму Областному Съѣзду придется получить тяжелое наследство, и продолжить и воплотить въ жизнь все намѣченное на первомъ Съѣздѣ; конечно внеся свои собственные дополненія и измѣненія. Въ программу Съѣзда входитъ масса серьезныхъ и неотложныхъ вопросовъ, какъ то: организація власти и управленія на Камчаткѣ, правильная постановка хозяйства страны (горное дѣло, рыбный, пушной и лѣсной промыслы, сельское хозяйство), медицинско—санитарное дѣло, ветеринарная помощь, школьное образование, организація на роднаго театра, создание областного печатнаго органа, финансовое положеніе края, почтово-телеграфное дѣло, инородческіе и переселенческіе вопросы, дорожное строительство, гидротехническіе работы и много другихъ мѣстныхъ вопросовъ. Изъ всей этой программы можно ясно видѣть что второму съѣзду предстоитъ большая и важная работа, къ которой нужно отнестись крайне внимательно и серьезно. На этотъ Съѣздъ должны быть выбраны люди, которые действительно могутъ разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ и принять дѣятельное участіе въ работахъ съѣзда. На съѣздѣ должно быть меньше словъ и побольше дѣла. Пора митинговъ прошла и настало время дѣловой работы. Пусть на этотъ съѣздъ придутъ настоящие работники которые поймутъ всю важность поставленныхъ задачъ и всю ответственность, которая будетъ на нихъ возложена. Съ второго Съѣзда будетъ зависеть Ваше будущее и на этомъ съѣздѣ должны быть созданы такія условия, при которыхъ Камчатка быстрыми шагами пойдетъ по пути расцвѣта и возрожденія.

Областной Комитетъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы Областному Съѣзду, этому единственному хозяину Камчатки, передать всю полноту власти, и авторитета.

Камчатскій Областной Комитетъ.

ли революционные песни на глазах у стражи и подвергались за это жестоким истязаниям и пыткам со стороны последней, особенно со стороны прапорщика Иванова» [97].

Реакцию на данное свидетельство непосредственной участницы событий, причем, в качестве арестованной, М. П. Стельных воспроизвел на последней странице своей работы «Победа Великого Октября на Камчатке»: «Неправда это, что над нами издевались! Камчадалы относились к нам гуманно. Мне с мужем исхлопотали даже каюту. Куда в океане убежишь с парохода? Когда нас привезли во Владивосток и вели те же камчадалы-охотники в тюрьму, то некоторые владивостокские буржуйки пытались ударить нас или как-то оскорбить действием.

— Куда лезешь? — окрикивал камчадал и даже грозил штыком в живот пырнуть» [98]. Рассказ депутата Петропавловского горсовета О. А. Картакай историк записал на магнитофон, что им оговорено в сноске.

Аналогичные показания дал 27 июля 1934 г. на допросе в НКВД механик Ушковского рыбоводного завода, бывший конвоир Н. С. Ширинкин: «С арестованными не было никаких насилий, и обращение со стороны конвоя было хорошее. Случаев другого отношения — издевательства над арестованными или их родственниками со стороны конвоя, в том числе и меня, не было...» [99]. Но это заявление покоилось в архивах госбезопасности до передачи дел на политрепрессированных в начале 1990-х гг. в ЦДНИКО. Да и самого Н. С. Ширинкина (как, впрочем и других, причастных к июльскому перевороту) на то время, когда издавалась брошюра М. П. Стельных, еще не реабилитировали. Опровержение идеологически выгодного факта попахивало «буржуазным объективизмом». Чтобы пойти на это, советскому историку надо было иметь не только профессиональную, но и гражданскую смелость.

В книге «Первый Совдеп», откуда нами взято свидетельство «одного пассажира», следом за ним помещена выдержка из письма законспирированно-го в 1918—1919 гг. большевика М. П. Воловникова: «Июльский переворот в Петропавловске... совершен под руководством Сибирского временного правительства с помощью японцев». Никаких аргументов автор письма не приводит. Некоторые другие данные позволяют с большой долей вероятности предположить, что он и есть тот самый «один пассажир», засвидетельствовавший «жестокие издеательства и пытки».

... Старшему охраны П. Я. Сусяку облком выдал авансом на содержание караула и иные нужды три тысячи рублей. Он был командирован во Владивосток вместе с членом комиссии по продовольствию И. Г. Подпругиным. Сусяку поручили приобрести «стройматериалы для нужд казенных зданий», а Подпругину — «защищать интересы Камчатской области» [100]. В разговоре с командованием прибывшего 31 июля в Петропавловск японского крейсера «Мусаши-Кан» А. Д. Пурин заметил: «Пароход “Адмирал Завойко” —

единственный корабль... в распоряжении Областного Комитета... послан до Караги на Командорские острова, откуда он должен зайти в Японию и во Владивосток и на обратном пути быть на Сахалине и обойти все западное побережье Камчатской области. На этом корабле с особыми поручениями выехал Товарищ Председателя Областного Комитета П. Я. Сусяк. По пути своего следования корабль несет охранную службу промыслов и береговой территории, для каковой он и был построен, имеет два орудия и небольшой отряд областной милиции» [101].

Беседуя с бывшей пассажиркой — «узницей» парохода «Адмирал Завойко», М. П. Стельных узнал такой эпизод. Весной 1918 г. она приняла в свою семью бесприютную девочку Афросинью Киселеву и «нежно заботилась, как о дочери, вплоть до своего ареста 12 июля... Печальные, полные слез глаза ребенка, оставшегося на берегу, — это то, что видела Ольга Александровна с борта парохода, ушедшего во Владивосток. Это воспоминание тревожит ее и поныне» [102].

Несколько позже, но тоже летом 1918 г. Камчатский Областной комитет принял постановление: «Просить начальника экспедиции, снаряженной переселенческим управлением по обследованию Камчатки, В. К. Арсеньева разработать к предстоящему областному съезду проект и смету постройки приютов в Камчатской области» [103].

Второй Камчатский областной съезд, созванный осенью 1918 г., «полностью одобрил деятельность Завойкинского волостного комитета по борьбе с коммунистами и Советами» [104]. Первый коммунист Камчатки (слесарь-сантехник по профессии) И. Е. Ларин, арестованный во Владивостоке и освободившийся «только благодаря стечению обстоятельств» [105], писал о нашей области: «Главная масса населения (31 013) — инородцы, стоящие на весьма низкой степени культурного и умственного развития... Русское население в большинстве своем состоит из так называемых казаков-выходцев Сибири и переселенцев, между которыми рассосались чиновники (старого покроя), спекулянты, барахольщики и другая нечисть — высасывающая соки населения, для которых необходима железная метла» [106]. В ее отсутствии — притуплении революционной бдительности — камчатские историки 1950-х гг. видели одну из ошибок Совдепа [107], что в ряду других и привела «к временному поражению Советской власти... и победе контрреволюции» в июле 1918 г. [108].

ИСТОЧНИКИ

1. ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 5. Л. 23.
2. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.
3. АДНИ ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 300. Л. 5.

4. ГАКО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 6. Л. 66.
5. Первый Совдеп. Документы и материалы о Петропавловском Совете рабочих и солдатских депутатов. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — С. 100.
6. Камчатские известия. Официальный орган Рабочего и Крестьянского правительства по делам Камчатки. — 1918. — 4 июня.
7. Там же. 11 июня.
8. Там же. 30 июня.
9. Там же. 12 июня.
10. Там же. 2 июля.
11. Там же. 3 июля.
12. Там же. 18 июня.
13. Там же. 5 июля.
14. *Пурин А. А.* В дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае. 1917—1918 гг. Ч. 2 // Вольная Сибирь. — Прага, 1928. — № 3. — С. 61.
15. Камчатские известия. — 1918. — 27 июня.
16. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 1 // Вольная Сибирь. — Прага, 1927. — № 2. — С. 87—88.
17. Там же. С. 88.
18. Там же. С. 87.
19. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 653. Л. 351.
20. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки // Камчатка. Юбилейный сборник. В память 200-летия основания гор. Петропавловска-на-Камчатке. — Шанхай, 1940. — С. 137.
21. Там же. С. 137.
22. ГАКО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2. Л. 125.
23. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 62.
24. Камчатский вестник. — 1918. — 20 июля.
25. Там же. 11 июля.
26. *Стельных М. П.* Победа Великого Октября на Камчатке. — Петропавловск-Камчатский, 1975. — С. 126.
27. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 62.
28. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 22.
29. Там же.
30. Камчатские известия. — 1918. — 9 июля.
31. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 121—122.
32. Там же. С. 123.
33. Первый совдеп. — С. 128.
34. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 3245. Л. 12.
35. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 62.
36. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
37. *Пурин А. А.* В дни революции... — Ч. 2. — С. 62—63.
38. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
39. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
40. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
41. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 14 об.

42. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
43. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
44. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2711. Л. 20 об.
45. Там же.
46. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
47. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 3245. Л. 12.
48. Там же. Д. 2711. Л. 20 об.
49. Там же. Л. 7 об.
50. Там же. Л. 20 об.
51. Там же. Л. 7 об.
52. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
53. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2711. Л. 21.
54. Там же. Л. 7 об.
55. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
56. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 137.
57. ГАКО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 11.
58. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 64.
59. Там же.
60. ГАКО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
61. Камчатский вестник. — 1918. — 19 июля.
62. ГАКО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
63. Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
64. Камчатский вестник. — 1918. — 19 июля.
65. Там же. 16 июля.
66. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 19.
67. Там же.
68. Там же. Л. 20.
69. Там же.
70. Там же.
71. Камчатский вестник. — 1918. — 15 июля.
72. Там же. 18 июля.
73. Там же. 20 июля.
74. Там же. 17 июля.
75. Там же. 16 июля.
76. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2593. Л. 100.
77. Там же. Ф. 19. Оп. 2. Д. 8. Л. 7.
78. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 22 об.
79. Камчатский вестник. — 1918. — 18 июля.
80. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 66—67.
81. Там же. С. 67.
82. Там же. С. 68.
83. Камчатский вестник. — 1918. — 24 июля.
84. *Тарасова А. И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М., 1985. — С. 165—166.
85. Камчатский вестник. — 1918. — 23 июля.
86. Там же. 19 июля.

87. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 70.
88. Камчатский вестник. — 1918. — 24 июля.
89. Там же. 19 июля.
90. Там же. 23 июля.
91. Там же.
92. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 22 об.
93. Там же. Д. 2593. Л. 100.
94. Там же.
95. Там же. Д. 3245. Л. 12—12 об.
96. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 126.
97. Первый Совдеп. — С. 129.
98. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 126.
99. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 891. Л. 17 об.
100. Камчатский вестник. — 1918. — 24 июля.
101. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 80.
102. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 109—110.
103. ЦДНИКО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3. Л. 33—34.
104. *Махоркин И., Слободчиков Ф.* Годы борьбы и побед // За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.). Сб. статей. — Петропавловск-Камчатский, 1957. — С. 27—28.
105. *Мухачев Б. И.* Борцы за власть Советов на Камчатке, Петропавловск, 1977. — С. 24.
106. ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
107. *Махоркин И., Слободчиков Ф.* Годы борьбы и побед. — С. 23.
108. Там же. С. 22.

В. П. ПУСТОВИТ

ДУМСКОЕ ДЕЛО

КРИКИ ИЗ ОДИНОЧКИ

В конце октября 1921 г. Камчатка перешла под юрисдикцию Временного Приамурского правительства. В Петропавловске находилась гражданская администрация и гарнизон этого правительства. Власть сменилась безболезненно. Горожане продолжали заниматься своими обычными делами. Действовало местное самоуправление.

С февраля 1922 г. приступила к работе Петропавловская городская Дума (ПГД) пятого созыва. Ушедший партизанить в сопки накануне высадки военных облнарревком не признал новую Думу и повел против нее борьбу. Она мешала большевикам развязать на Камчатке братоубийственную бойню по материковскому сценарию. Более того, ПГД пыталась помирить, насколько

это было возможно, белых и красных, направляла в стан последних мирную делегацию, от встречи с которой партизанские вожаки уклонились, не считая Н. П. Фролова, беседовавшего с ней «в частном порядке». Дума брала на себя роль посредника и в конфликте в среде белых, когда едва не дошло до вооруженного столкновения между сторонниками генерал-майора Н. А. Полякова и особоуполномоченного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирича.

22 мая 1922 г. Второй чрезвычайный Петропавловский уездный съезд, созданный вне города большевиками, объявил всех парламентариев (гласных и кандидатов к ним), чьи подписи стояли под думскими постановлениями, врагами трудового народа; их ожидал суд революционного трибунала, а до него все они были вне закона. Раздавались и другие угрозы, особенно в адрес руководства ПГД — вплоть до физического уничтожения.

Торжественное возвращение в город Облнарревкома состоялось 10 ноября 1922 г., спустя неделю после того, как белые покинули Петропавловск. 11 ноября начались аресты думцев. Первыми были взяты председатель ПГД врач Чеслав Куприянович Щипчинский, городской голова фотограф Елизар Александрович Колмаков, гласный рыбак Николай Васильевич Савин. 14 ноября 1922 г. арестовали еще одного рыбака — кандидата к гласным Тимофея Григорьевича Вичиркина. Через шесть дней его, правда, выпустили, предварительно «отобрав подписку» в том, что не будет вести никакой агитации против власти трудового народа, а наоборот — помогать в ее укреплении, и если слово свое не сдержит, то ответит «по всей строгости законов советской республики». Из этого документа неясно одно: кто расписался за Вичиркина, так как сам он сделать этого не мог ввиду неграмотности.

После Т. Г. Вичиркина в арестах наступил недельный перерыв. Затем они возобновились. 21-го числа забрали ведущего свое хозяйство Иосифа Павловича Ривацкого, 22-го — товарища председателя ПГД педагога Прокопия Трифоновича Новограбленова. 26 ноября в арестное помещение привели секретаря органов местного самоуправления Вячеслава Ивановича Румянцева. 2 декабря там оказался агент Добровольного флота, главный парламентар, ездивший в стан красных партизан, Василий Иванович Артюхин.

В. И. Румянцев «напросился» сам: 24 ноября он написал письмо коменданту г. Петропавловска Н. П. Фролову как бывшему своему коллеге по Думе четвертого созыва: «Николай Павлович! Зная Вашу гуманность и отзывчивое отношение к людям, хочется вкратце побеседовать с Вами, хотя на бумаге, так как до сих пор лично встретиться никак не удалось...» Думается, товарищ Фролов был не столько загружен, сколько томил бывшего думского секретаря (ПГД распустили в середине ноября), давая ему возможность как можно больше поволноваться, попереживать...

Румянцев напомнил Фролову, что «по милости старого состава» Думы 1920—1921 гг., куда входил и И. Е. Ларин, его избрали секретарем ПГД и городской Управы, сам он туда вовсе не рвался.

«Кто раньше заискивал перед ушедшей властью, тот теперь юлит перед Вами, — писал В. И. Румянцев, — заискивает в свое оправдание и в обвинения других. Моя вина: я выражал чужие мнения в протоколе Думы и заседаний общих Собраний. Мне было безразлично, кто говорит, а я лишь записывал все, даже не относящееся к заседанию и сказанное вгорячах и сейчас, думаю, мои заметки в протоколах Вам пригодились...»

Автор письма добавляет: многие знали, что он лично никогда в политику не мешался, был «националист, любящий русских, свою Родину, и таким же остался и теперь». Далее он излагает просьбу, ради которой, скорее всего, и сел за письмо: «Сами знаете, что без службы тяжело, а мне с женой и ребенком прямо невозможно, тем более, и квартир свободных нет в городе.

Теперь, по сдаче всех дел, я являюсь свободным человеком, поэтому, если имеются за мной какие-либо преступления, то поскорей арестуйте меня для отбытия наказания, но только жену с ребенком не гоните с квартиры. Если же вина моя не настолько велика, то примите меня на службу в Вашу канцелярию секретарем и, думаю, не раскаетесь. Работы не боюсь и довольно хорошо ее знаю». Вячеслав Иванович еще не осознает всей серьезности своего положения, все еще числит себя, в лучшем случае, «летописцем событий» или, в худшем, — техническим работником.

«Зная Ваше справедливое предубеждение против нашей братии», — то есть думцев, трафит тов. Фролову Вячеслав Иванович, льстя себя надеждой получить от него уведомление о просимом «из чувства прежней дружбы», о коей вряд ли догадывался адресат. Конечно, «готовый к услугам В. Румянцев» не исключает и отказ: «Ничего не останется, как пойти в тайгу на охоту...» Он наивно полагает, что его отпускают, подобно Н. В. Флетчеру.

В начале декабря 1922 г. под стражей находилось восемь из тридцати одного думца. Сидели они вместе с другими гражданами, заподозренными во враждебном отношении к партизанскому облнарревкому. Уже в двадцатых числах ноября численность населения арестного помещения достигла двух десятков человек.

В каких камерах располагались парламентарии, в точности неизвестно. По-видимому, в общей, хотя были там и одиночки. Об этом свидетельствует приводимый ниже документ: «Коменданту г. Петропавловска. Рапорт. 1922 г. декабря 17 дня 19 час. был доставлен в пьяном виде в арестное помещение гр. Зубков, которого посадили в одиночную камеру, через некоторое время Зубков стал проклинать все правительство, всех красных и все губревкомы, называя разбойниками, картежниками, грабителями и т. д., говорит, что раньше у нас были правители белые образованные, а эти

правители из-под метлы, я его посадил в темную камеру, а потому просив Вас, гражданин Комендант, обратить внимание и не оставлять без наказания, кроме того оскорбил и весь караул. Подлинный подписали: начальник караула Метальников, Рыкин, Знамеровский».

Попадали в арестное помещение, помимо врагов, «друзья трудового народа»... красные партизаны. 28 ноября здесь очутились Василий Ким и Александр Кирины. Нарушали тишину и спокойствие на улице. В нетрезвом виде, конечно. Им грозил товарищеский суд — «самое строгое взыскание вплоть до увольнения из рядов революционных отрядов».

Сведений об условиях содержания арестованных немного. Сохранилась записка коменданта города завпроду (от 14 ноября 1922 г.) отпустить для них «рыбы пять пудов, два пуда рису и чаю два кирпича». В свидетельстве врача Лисициной говорится о том, что пациенту Н. Савину «необходимо удаление зуба ввиду могущих возникнуть осложнений в связи с опухолью челюсти». Свидетельство приложено к заявлению Ф. Н. Савиной о врачебной помощи мужу. Резолюция коменданта — «Отвести под конвоем».

Так же водили 8—22 декабря на службу сдававшего дела бывшего инспектора училищ области П. Т. Новограбленова. 13 декабря освободили из-под ареста «до отхода парохода из Петропавловска» агента Добровольного флота В. И. Артюхина, приставив к нему члена партизанского отряда И. Сновидова «при исполнении им своих обязанностей». С 14-го числа Артюхина обязали ежедневно отмечаться в комендантском управлении.

Жена экс-председателя ПГД Ч. К. Щипчинского стала переезжать на другую квартиру. Мебель ей перевозили 22 декабря с 9 до 14 часов под усиленной охраной арестанты П. и В. Крупенины, Е. Колмаков, а также супруг Чеслав Куприянович.

5 декабря 1922 г. Камчатский облнарревком принял постановление: «Разрешение вопроса о воспомоществовании семьям арестованных возложить на начальника милиции в зависимости от их материального положения».

Известно, что первое время охрана арестного помещения состояла из восьми отрядников. С 23 ноября политические арестованные зачисляются за следственной комиссией при ревтрибунале, которой предоставляется «право освобождать и арестовывать всех граждан, согласно законов РС.Ф.С.Р.».

30 декабря 1922 г. эта комиссия получает подписки о невыезде из города без разрешения властей у одиннадцати думцев: Е. М. Бандурина, С. В. Ганцева, И. Ф. Голованова, Л. Е. Захарова, Н. П. Косыгина, В. Е. Лунева, И. Т. Новограбленова, В. А. Огородникова, Е. Ф. Одынца, П. И. Федорова, Н. В. Флегчера. Затем последнего отпускают, как уже говорилось, на охоту, а Федорова — на материк.

По поводу всего этого Ч. К. Щипчинский высказался так: «Возникновение дела Петропавловской городской Думы есть отчасти сведение личных счетов одной группы с другой, чему может служить столь разнообразно примененная мера пресечения к гласным, как преступникам».

УБИЙЦА В РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

До приезда экспедиционного отряда Красной Армии следственная комиссия состояла из партизанской тройки: Григорий Трухин, Александр Федоров и Петр Офицеров.

Председателем был Г. Трухин (или, как он подписывался, Трухин 2-й). Его людская молва зачислила в «хищники». Таковым считался каждый, кто незаконно промышлял пушного зверя в запретное время «запусков», кто обчищал чужие капканы. Он, входя в террористическую группу Фролова по устраниению начальника военно-политического розыска Павла Дмитриевича Пояркова, убил подпоручика выстрелом в окно.

Трухин и «Шура» Федоров значатся в списке красных партизан как присоединившиеся к «основному ядру» — к бежавшим в сопки ревкомовцам накануне высадки в Петропавловске отряда Русской Армии под командованием генерал-майора Н. А. Полякова.

Петра Демьяновича Офицера в партизанских списках разных лет нет. Не упоминается он и в дневнике председателя облнарревкома И. Е. Ларина, что хранится в Государственном архиве Камчатской области. Родился П. Офицеров в 1886 г. В начале 1906 г. высылался по неблагонадежности в Сибирь без права возвращения. В 1918 г. возглавлял Жупановский сельсовет. До марта 1923 г. состоял членом Камчатского губревтрибунала. В 1959 г. проживал в с. Авача.

Эти сведения почерпнуты нами из заявления И. Е. Ларина в отдел социального обеспечения Камчатского облисполкома для установления П. Д. Офицерову персональной пенсии местного значения. «Активный партизан», — подчеркивает Ларин.

Работать с фигурантами по «Думскому делу» следственная комиссия начала 5 декабря 1922 г. Первыми опрашивались (допрос тогда именовался опросом) руководители ПГД Ч. К. Щипчинский и П. Т. Новограбленов.

Щипчинский открещивался от сотрудничества с представителями Приамурского правительства, говорил, что признавал облнарревком, даже когда тот ушел партизанить, что никого из гласных на заседаниях Думы не называл большевиком, что охрана города «была исключительно только от банд Бочкарева», что протокол ПГД № 1 от 7 февраля 1922 г. подписал, не читая, и что некоторые думские заседания, например, 18—20 марта, созданные по инициативе городского головы, незаконны. . .

В более сложном положении оказался П. Т. Новограбленов. Он тоже подписывал постановления Думы, состоял, кроме этого, в комиссии по выработке обращения к населению Петропавловского уезда с призывом повлиять на партизан, чтобы они отказались от наступления на город «и тем самым предотвратить никому не нужное кровопролитие между русскими людьми с явным вредом для НАЦИОНАЛЬНЫХ РУССКИХ ИНТЕРЕСОВ».

Но — главное — Прокопий Трифионович неоднократно, в том числе публично, на заседаниях ПГД давал определения красным партизанам, как-то: «банда разбойников», «шайка большевиков», — и это было запротоколировано. Новограбленов пытался объяснить следственной комиссии, что в этот момент не имел «никакого представления о положении вещей в том масштабе, каким владел отряд партизан на Камчатке» и облнарревком. И, вслед за Ч. К. Щипчинским, оправдывался: нарревкомовцы ушли из города внезапно, «не оставив... никаких инструкций».

Он, Прокопий Новограбленов, действовал «так, как, казалось, лучше для предотвращения кровопролития, не понимая заданий и цели партизан, считая их выступление абсурдным», однако ругал только их, «то есть кучки людей, но не Советскую Россию». В качестве объективной причины Новограбленов приводит «давление с внешних сторон» и делает вывод: «Мы, гласные, были простыми пешками между молотом и наковальней».

И все же следственная комиссия записала в своем заключении, что П. Т. Новограбленов «в настоящем процессе является одним из больших преступников перед народовластием и добровольческими отрядами... настолько был озлоблен к красным, как он выражается, что никогда не скупился на самые грязные выражения по адресу Комитета и добровольцев, не будем перечислять, и так, как их много, и не было ни одного заседания (на котором были вопросы, связанные с Комитетом и отрядами), чтобы Новограбленов воздержался бы от выражений. По его требованию была прекращена всякая переписка и сношения с Областным Комитетом».

Вместе с тем, комиссия предъявила педагогу и ученому претензии по поводу его поведения после эвакуации белых и возвращения Облнарревкома в Петропавловск: «Будучи инспектором училища и чувствуя, что ему уже не придется учительствовать, он враждебно настроил малышей-учащихся против нового Инспектора, примером может служить то, что в следственную комиссию явилась делегация из нескольких девочек с просьбой об его освобождении, и при выходе из помещения одна сказала, что не будет учиться, а другая добавила, что так велел говорить Новограбленов... Этот факт с виду незначителен, сам по себе очень важен, что, будучи учителем, он намеренно развращал почтение к старшим».

Прочитированное выше также взято из заключения следственной комиссии. В конце документа упоминается о раскаянии Новограбленова. Проко-

пий Трифонович жалел об избрании гласным, участии «в принятии различных резолюций...» Но это не повлияло на решение комиссии: «...хотя он и признался, и раскаялся... все его преступления требуют более строго взыскания. Подлежит Губтрибуналу при Губревкоме г. Петропавловска».

15 декабря 1922 г. следственная комиссия опрашивает В. И. Румянцева, после чего ее работа по «Думскому делу» замирает на двадцать суток, что, по-видимому, связано со сменой руководящей верхушки в Камчатской губернии. В новую должность ответственного секретаря губбюро РКП(б) вступает прибывший с красноармейским отрядом В. М. Кручина, а бывший партийный вожак М. И. Савченко становится вместо И. Е. Ларина председателем губревкома. Членами следственной комиссии назначаются приехавшие в составе отряда А. Марков и Н. Глушков. 1 января 1923 г. на Камчатке создается губернское ГПУ.

На следующий день арестованный В. И. Румянцев передает начальнику этой организации заявление, где жалуется на то, что с момента заключения под стражу (26 ноября 1922 г.) находится на собственном содержании, но в дальнейшем его семья не в состоянии нести такое бремя.

Как показала Вячеславу Ивановичу, он проходил по делу скорее в качестве свидетеля, нежели обвиняемого: протокол следственной комиссией почти не велся, а контрреволюционных обвинений он за собой не обнаружил. «Если мне ставится в обвинение моя служба в Городской Управе секретарем, — пишет Румянцев, — то почему-то не арестованы другие служащие Управы, а если я обвиняюсь как кандидат в гласные, то, опять-таки, все гласные пользуются свободой, а я же, секретарь, исполнял приказания и постановления только всех гласных и главы Учреждения, где я служил, а не проводил свои идеи, и только честно добывал кусок хлеба для себя и семьи».

Удивление Вячеслава Ивановича вызывает такой факт: лица, которые близко стояли «к павшей власти», продолжают состоять на госслужбе, вдобавок, «несколько мелкой сошки в чинах», а он — в тюрьме, «не зная своей участи». В. И. Румянцев обращается к начальнику ГПУ с покорнейшей просьбой разобраться с его делом, «так как без суда и неизвестного будущего тяжело быть заключенным», тем более, что семья лишилась кормильца.

3 января 1923 г. пишет письмо жена Румянцева. Ее адресат — следственная комиссия. Надежда Степановна добивается, чтобы ее мужа, хотя бы временно, до суда, выпустили на волю. Она квартирует у частника, и приходится ей, судя по письму, действительно нелегко: «Во-первых, нет дров, имея на руках больного восьмимесячного ребенка, не имею никакой возможности искать дрова, во-вторых, квартира, занятая мною, требует неотложного ремонта, в-третьих, наступает праздник (Рождество Христово. — *В. П.*), а у меня на исходе даже предметы первой необходимости, не говоря уже о праздничных припасах, и, в-четвертых, хотелось бы привести свою квартиру к празд-

нику в более приличный вид, также сшить к празднику кое-что и для себя, и для сына, и для мужа, а что я сделаю, имея на руках большого ребенка».

На письме супруги Румянцева какая-либо резолюция отсутствует.

4 января 1923 г. начальник Камчатского губернского ГПУ Н. К. Глушков на основании постановления губревкома от 26 декабря 1922 г. принял все дела следственной комиссии и — временно, до утверждения штата — взял на работу к себе Григория Трухина и Александра Федорова.

Правда, грядутся они в ГПУ недолго. 26 марта Глушков издает приказ № 8: «Уполномоченного по разработке вверенного мне отдела тов. Федорова за допущение в своей квартире пьянства и участие в нем арестовываю на 10 суток с исполнением служебных обязанностей... Коменданту ГПУ тов. Трухина приказываю привести в исполнение § 1 сего приказа — арестовать тов. Федорова и содержать под арестом при комендантской ГПУ, освобождая на время занятий с 9 час. утра до 3 часов и на один час на время обеда и ужина».

6 апреля того же года А. Федоров освобождается от занимаемой должности «как несоответствующий своему назначению», исключается из списков ГПУ, снимается со всех видов довольствия.

Фамилия его товарища по следственной комиссии Г. Трухина встречается в приказе № 19 от 3 июня 1923 г., который он подписывает после начальника «за секретаря Камгуботдела Г.П.У.». 7 июля 1924 г. руководитель губгормилиции Н. П. Фролов направляет в учетно-распределительный отдел РКП(б) бумагу следующего содержания: «Для замены начальника Анадырской уездной милиции тов. Трухина прошу выдвинуть на такую должность желательно для северного района партийца». Беспартийным остается Г. Ф. Трухин, работая в 1926 г. там же, на Чукотке, председателем Марковского волостного ревкома.

В списках красных партизан Камчатки, представленном в окрбюро ВКП(б) в январе 1928 г., помечено, что и А. Федоров, и Г. Трухин находятся во Владивостоке. В этом городе их следы теряются...

ЯД И УКРАДЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Официальные обвинения думцам — и то не всем — были предъявлены только в начале 1923 г. Соответствующие постановления подписали члены следственной комиссии Н. Глушков и А. Марков. Первый — 6 января в отношении Е. А. Колмакова, второй — Ч. К. Щипчинского и В. И. Румянцева в последующие два дня.

Е. А. Колмаков, как городской голова, обвинялся в контрреволюционных действиях, «направленных на свержение завоеваний пролетарской революции, власти рабочих и крестьянских советов, выразившихся в открытом признании Временного Приамурского Правительства и всемерному ему содей-

ствию... участия в организации выборов гласных в Петропавловскую думу, руководствуя ей по добровольному желанию, сознавая, что дума создана незаконно, исключительно для оплота реакции... содействия вооруженным силам белогвардейцев на Камчатке... контрреволюционной агитации и пропаганды среди населения».

Вина Ч. К. Щипчинского состояла «в активном сотрудничестве с... Правительством братьев Меркуловых и Дитерихса, выразившихся в добровольном согласии быть гласным, а затем председателем гор. думы г. Петропавловска», а она «проводила политику Временного Приморского (Приамурского. — *В. П.*) Правительства по удушению Русской Революции».

Более конкретное обвинение предъявило следствие В. И. Румянцеву: а) в 1921—1922 гг. принимал активное участие «в организации в Петропавловске городской думы, организуемой агентами правительства Меркулова как база для своих дальнейших действий»; б) выдал представителя облнарревкома тов. Рябикова в день его приезда в г. Петропавловск, послав сторожа Управы за поручиком (подпоручиком. — *В. П.*) Поярковым, начальником контрразведки... после чего прибывшим поручиком тов. Рябиков был арестован»; в) «... в 19 году, служа в армии Колчака, сражался против Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

И, наконец, — «будучи членом и секретарем городской думы принимал активное непосредственное участие в составлении различного рода воззваний к населению с призывом подчиниться существующему в Приморье правительству с дискредитацией Камчатского Народно-революционного Комитета».

Из обвинений, предъявленных руководителям городского самоуправления, логично вытекали и вопросы, которые следствие задавало им, а также другим думцам: «Считаете ли законной организацию Думы (пятого созыва. — *В. П.*)? По чьей инициативе она создавалась? Считаете ли законными распоряжения Облнарревкома? Что заставило Вас баллотироваться в Думу?»

В процессе «опросов» подследственных были отработаны новые, на сей раз однотипные, обвинения из трех пунктов.

Точкой отсчета контрреволюционной деятельности теперь стало 15 января 1922 г. — дата выборов 5-й ПГД. Каждому думцу вменялось с вину то, что он «по личному желанию состоял гласным... Думы, организованной группой реакционеров вопреки всем существующим Колчаковским правилам о производстве выборов гласных путем обмана населения Камчатки с исключительной целью укрепления черносотенного меркуловского Правительства и содействия бандам Бочкарева и Полякова в вооруженной борьбе с Советской властью».

Во втором пункте обвинений говорилось об участии «в решении вопросов политического характера», в третьем — «о содействии Думе в ее злостных намерениях путем агитации и провокационных воззваний, шпио-

нажа и организации вооруженной силы свергнуть власть Рабоче-Крестьянского Правительства».

«Опросы» шли три месяца. Постановление губревкома от 9 января 1923 г. — поручить начальнику ГПУ в срочном порядке закончить следствие — выполнено не было.

«Думское дело» оказалось не столь простым, как полагали сначала его ведущие. 5 мая 1923 г. начальник ГПУ Н. К. Глушков докладывал в губбюро РКП(б): «... сложность Думского дела усугубляется тем обстоятельством, что с ходом следственного производства вскрылись некоторые промахи и ошибки Нарревкома, которыми воспользовались обвиняемые: например, перед эвакуацией облнарревкома из Петропавловска (перед его занятием белыми в октябре 1921 г. — *В. П.*) дума, конструкция и состав которой был контрреволюционный, что подтверждает дальнейшая ее деятельность, не была распущена и продолжала свое существование до срока, установленного облнарревкомом, т. е. до 1 января 1922.

В январе состоялись перевыборы, и после перевыборов, когда она находилась всецело в руках Бирича, в думу поступило постановление Нарревкома о незаконности Петропавловской гордумы, требование ее роспуска и объявление о предании суду гласных думы».

Ошибкой Облнарревкома считает начальник ГПУ и «командирование чрезвычайным съездом в Петропавловск для переговоров председателя 2-го чрезвычайного съезда тов. Рябикова после того, как съезд постановил вести активную борьбу с белобандитами и для этой цели перенес свою резиденцию в с. Завойко; было известно Биричу».

«Поэтому, — пишет начальник ГПУ Н. К. Глушков в губбюро партии, — ... приходилось с особенной тщательностью разбираться во всех вопросах, избегать те места, где могли быть затронуты ошибки Нарревкома, и резко подчеркивать и выделять факты, обнаруживающие преступную деятельность гласных.

Обвинительное заключение два раза мною переделывалось и неоднократно зачитывалось Предтрибунала, ответственному секретарю Губбюро Р.К.П. т. Кручине и Предгубревкома т. Славскому, и последним оно было одобрено».

Во время следствия по Думскому делу вскрылось еще одно обстоятельство, «повлекшее за собой чуть ли не склоку в нашей среде, — подчеркивается в докладе начальника ГПУ, — перед уходом в сопки Облнарревкома начальник милиции т. Фролов продал с аукциона имущество Лисового (гласного ПГД 3-го созыва. — *В. П.*) всего на сумму 1 200 рублей, дело об имуществе Лисового было оставлено в Камере Мирowego судьи Успенского, а деньги, вырученные с аукциона, и аукционный лист т. Фролов взял с собой и с разрешения Облнарревкома израсходовал на нужды партотряда.

Реакция воспользовалась этим, и в думе был поднят вопрос о растрате т. Фроловым денег... в деле Лисового есть даже бумажка, где говорится, что начмилиции бежал с деньгами в сопки. Слухи эти продолжают существовать до настоящего времени, тем более, что с некоторых граждан и до сего времени не взыскиваются деньги за проданные ими с аукциона вещи, так как вопрос этот должен фигурировать в думском деле, и виновные в распространении таких слухов должны быть привлечены к ответственности, я счел необходимым выяснить этот вопрос, для чего мною был опрошен начмилиции т. Фролов, которому я предложил представить отчет об израсходовании денег для привлечения к ответственности мирового судьи Успенского, так было объяснено и т. Фролову, об этом было известно т. Кручине и прокурору Пересвет-Солтану.

После этого до меня стали доходить слухи о том, что Г.П.У. подкапывается под местных работников, собирает материалы и т. д., о чем мною было доложено тов. Кручине, и я прошу Губбюро РКП изъять из Г.П.У. материалы по делу об имуществе Лисового... тем более, что т. Фролов является членом РКП и объяснения свои может дать через посредство Губпартбюро...»

Григорий Афанасьевич Лисовой в декабре 1917 г. на первом заседании Петропавловского горсовета избирался членом исполкома. В момент гибели в возрасте 37 лет он состоял на службе в Петропавловском кооперативе. 5 июня 1921 г. «Известия Камчатского Облнарревкома» сообщали о трагедии, разгравшейся 30 мая. Некая А. В. Шалаева, придя в четыре часа утра на квартиру Лисового, убила его выстрелом из револьвера, после чего заявила на себя в комиссариат народной охраны (милицию) и была посажена в арестное помещение. «На другой день перед снятием с нее дознания, она принесенным в прическе стрихнином отравилась, оставив предсмертную записку. Причины столь жуткой драмы романтические».

Губбюро РКП(б) удовлетворило просьбу начальника ГПУ. В ЦДНИКО имеется документ, где указано, что заведующий канцелярией губернского партийного бюро, бывший работник Облнарревкома и красный партизан И. И. Елисеев препроводил в нарсуд дело № 62/55 за 1923 г. об охране имущества умершего Г. Н. (?! — В. П.) Лисового на 49 листах. Документ датирован 24 октября 1924 г.

КТО ВИНОВАТ?

В предъявленном обвинении большинство думцев виновными себя не признали. Среди таковых были гласные С. В. Ганцев, Е. Ф. Одынец, И. Д. Грызлов, Л. Е. Захаров, М. К. Соколов, кандидаты к гласным Г. П. Миничев, А. Я. Воронин, Д. А. Шигаев, Т. Г. Вичиркин, Т. Е. Головань.

«Трудовому народу, — сказал В. И. Артюхин, в прошлом эсер, — я не мог решиться сделать зла, и мои поступки отчасти вызваны сложившимися обстоятельствами по приезде Бочкаревцев».

А И. Ф. Голованов (депутат дореволюционной Второй Государственной Думы от социал-демократов), тайно помогавший красным партизанам при белых, с негодованием отверг все обвинения в его адрес: «За все время сознательной жизни поступал, поступаю и буду поступать в силу своих убеждений, критерий моих поступков — классовое сознание пролетариата, все, что содействует росту классового сознания, по-моему, хорошо».

Получивший Георгиевский крест за Порт-Артур плотник А. Я. Воронов заявил следователю: «Меня считали за большевика, и все это знали. По доносу, очевидно, моего соседа Грызлова меня чуть было не арестовали...»

На вопрос о легитимности 5-й ПГД думцы отвечали по-разному. В. Я. Лунев, тоже плотник, откровенно признался: «Я, как человек темный, не знал и не знаю, какой был гласный — законный или незаконный». Почему и отчего произошли перевыборы ПГД, оставалось неизвестным и для педагога П. Т. Новограбленова. Крестьянин М. К. Соколов, наоборот, знал, по его словам, что «выборы назначены неправильно» и говорил городскому голове: «Дума не нужна». Рыбак Л. Е. Захаров был, якобы, еще при белой власти солидарен с Облнарревкомом, отказавшимся признать результаты новых выборов. Председатель ПГД врач Ч. К. Щипчинский назвал ее незаконной, «как и все существовавшее в то время». Домовладелец Н. П. Косыгин только на следствии узнал, что выборы Думы 5-го созыва в январе 1922 г. незаконны.

И. Т. Новограбленов (брат Прокопия Трифоновича) и С. В. Ганцев находили технику выборов правильной: принуждения к голосованию, за исключением агитации, как и отступления от закона, не было.

Е. Ф. Одынец, подобно им, служащий, но из дворян, допускал несоблюдение всех формальностей. Следовало выдержать установленный срок действия Думы, если он имелся, известить о том население... Следствие же считало, что полномочия 4-й ПГД (куда входило несколько большевиков) истекали 1 января 1923 г. Бывший секретарь городской Управы и Думы В. И. Румянец признавал ее законность без оговорок.

Поколебав (и даже более того) уверенность думцев в своей легитимности, следствие стало выяснять, кто и почему организовал выборы новой Думы. С. В. Ганцеву это было неизвестно. В. И. Артюхин сказал: раньше не знал о цели перевыборов — «чтобы Дума помогала Меркуловскому Правительству». По мнению служащего И. Д. Грызлова, ПГД образовалась «на основании приказа уполномоченного Временного Приамурского Правительства Бирича». Бухгалтер В. А. Огородников приплюсовывал к нему

Щипчинского и городского голову Колмакова. Н. П. Косыгин ссылался на инициативу Петропавловской Управы. Ч. К. Щипчинский, в свою очередь, указывал на Бирича.

Затем ГПУ приступило к определению степени участия подследственных «в контрреволюционной деятельности Думы». Л. Е. Захаров вспомнил о приказании ушедшего в сопки Облнарревкома «старым гласным оставаться на местах». И. П. Ривацкий, работающий в своем хозяйстве, доказывал, что на заседаниях Думы «сидел, как пешка», так как ничего не понимал в политике. То же самое услышали от рыбака Т. Г. Вичиркина: «Я — человек безграмотный, в политике ничего не смыслю, был на заседаниях Думы не более трех раз» и попал в нее не по своей вине — «избрал город».

Портной Т. Е. Головань, тот, если верить ему, вообще «не принимал никакого участия в Думе, и был не гласным, а кандидатом, участвовал же в заседаниях один раз, когда выступили большевики в феврале», то есть, когда создалась угроза городу со стороны красных партизан.

Чернорабочий Д. А. Шигаев рассказывал, как он попал в Думу: «Меня занесли в кандидатский список № 2 от Союза Домовладельцев на общем собрании в Народном доме, многие кричали, чтобы меня занесли... и в Думе я всего участвовал один раз 16 февраля 1922 г.».

Торговец И. Г. Подпругин сообщил, что первый раз появился в Думе в апреле 1922 г., вернувшись в Петропавловск из поездки в с. Толбачик, и как был избран, не знает, это происходило без него, но убежден: выборы в Думу состоялись «под влиянием контрреволюции». Осенью того же 1922 г. И. Г. Подпругин, опять-таки из-за деловых разъездов, пропустил важное событие — возвращение в город Облнарревкома. Однако с красными партизанами ему довелось столкнуться: по дороге в Козыревск его задержали и обыскали, а затем выдали пропуск за подписью члена облнарревкома Щербакова и начальника госполитохраны Сновидова. В Усть-Камчатске арестовали, допросили и выпустили под поручительство граждан А. Кияшко, Е. Попова и П. Мутовина, гарантировавших, что Подпругин «не будет заниматься никакими политическими делами».

«Сочувствующий соввласти» Г. П. Миничев называл на следствии себя обманутым...

Баллотирясь в ПГД, говорили на опросах гласные и кандидаты к ним, они собирались решать исключительно городские хозяйственные вопросы. В. Е. Лунев заявил: по этой причине он «вышел из гласных», когда начали принимать резолюции политического характера. Факт выхода имел место. 8 апреля 1922 г. Лунев написал заявление с просьбой об исключении его из состава Думы ввиду невозможности присутствовать на заседаниях. До эвакуации белых перестал считать себя гласным, как уверял он сам, и Подпругин.

Признал себя виновным (об этом упоминалось выше) товарищ председателя ПГД П. Т. Новограбленов. «По подписям, которые я делал в протоколах, я виновен, — говорил В. Е. Лунев, — но со смыслом этих постановлений я не был согласен и делал их в силу необходимости, так как на заседаниях Думы большинство собраний было в присутствии генерала Полякова». Кандидат в гласные слесарь Г. П. Миничев пошел дальше: голосовал и присутствовал, дескать, из-за страха быть арестованным. Аналогичным образом объяснял свое участие в Думе, «боясь репрессий со стороны белых в случае моего отказа», служащий В. А. Огородников.

О роли военных в деятельности ПГД подследственные рассуждали охотно. С. В. Ганцев: «На заседаниях Думы всегда присутствовали генерал Соколов или Поляков, или оба вместе, один раз даже со всем штабом. Бывал... также помощник начальника военно-политического розыска Подгорный», который, по словам Н. П. Косыгина, «доносил о происшедших случаях в контрразведку». Он, дополнял своих коллег Щипчинский, якобы, не пропускал ни одного заседания и «что-то отмечал в записной книжке, что многих заставляло бояться». Секретарь Думы В. И. Румянцев теперь тоже рассматривал нахождение в зале представителей Бирича не иначе, как давление на гласных.

Показания перечисленных думцев подтвердил управляющий Петропавловской таможенной заставой, сочувствующий коммунистам К. И. Кодылев, являвшийся в свободное от работы время режиссером Народного театра. Посетив в качестве кандидата к гласным одно или два заседания, он наблюдал, «какие тяжелые минуты переживают все гласные в присутствии... офицеров». Ему было «обидно и противно видеть», как он и другие «подписывают то, чему они не сочувствуют и заставляют их только бряцание оружия, приходя домой, приходится плакать».

«Влияние бочкаревцев, — продолжал Кодылев, — заставляло Думу выносить постановления в угоду буржуазному правительству Меркулова». Руководили ею, по мнению режиссера, генерал Соколов и представители штаба Полякова.

Что же касается коллег-думцев, он характеризовал их двумя словами: «Все — трусы». Хотя состав Думы назвал пролетарским.

По всей видимости, интуиция подсказывала подследственным: советская власть — всерьез и надолго, и единственный выход в сложившейся ситуации — перекладывать вину на военных, им все равно не поверят, что бы они не говорили в свое оправдание.

Но на суде думцев ни военные, ни бывший глава гражданской администрации Х. П. Бирич присутствовать не могли. Войсковой старшина В. И. Бочкарев и генерал-майор Н. А. Поляков были к тому времени убиты, Бирич — расстрелян, а Н. М. Соколов и поручик Подгорный, скорее всего, эмигрировали...

ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ КРОВОПРОЛИТИЯ

Допрашивались в следственной комиссии ревтрибунала и ГПУ не все думцы. Церковный староста Петр Иванович Федоров выехал во Владивосток, оставив подписку, что возвратится в Петропавловск первым же парходом с началом навигации 1923 г. Василий Андреевич Павлов, служивший у Х. П. Бирича, бежал на шхуне Свенсона в Америку.

Еще один гласный — сорокалетний Николай Васильевич Савин, живший случайным заработком, был выпущен на излечение в с. Паратунка. 22 января 1923 г. врачи Рубецкий и Вымлятил выдали документ, который стал для него чем-то вроде охранной грамоты: «... пострадавший в декабре месяце гр. Николай Савин переломом 3—4 ребра страдает в данное время осложнением со стороны легких, плевры и неврологическими болями в месте перелома и правой грудной области, почему он, Савин, должен все время находиться в постели в покойном состоянии».

У подавляющего большинства гласных и кандидатов к ним следствие добивалось ответов на такие вопросы, как: «Для какой цели была создана дружина по охране города? Какие меры принимались Думой для освобождения партизанского парламентаря Иллариона Рябикова? Кто инициировал отправку приветственной телеграммы Приамурскому правительству?»

Эти вопросы работали на выявление «главарей контрреволюции» из числа думцев, хотя следствие для себя уже определилось, и оставалось раздобыть улики в виде признаний или свидетельств. Спрашивали привлеченных к делу и почти впрямую: «Все ли гласные Думы проявляли одинаковую активность в Думе или были лица активные и пассивные?» Ставка делалась на раскол, а точнее, размежевание парламентариев.

«Пассив», по Л. Е. Захарову и Г. П. Миничеву, составляли: Захаров, Е. М. Бандурин, Т. Г. Вичиркин, И. Д. Грызлов, В. Е. Лунев, Ив. Новограбленов, В. А. Огородников, И. П. Ривацкий, Н. В. Савин, М. К. Соколов.

Семен Васильевич Ганцев (счетовод, 36 лет): «Решали все вместе и одинаково виновны... их роль была пассивной, но активную роль играл Президиум, по долгу службы». Тимофей Григорьевич Вичиркин (рыбак, 54 года) и Леонтий Куприянович Валицкий (трудился в личном хозяйстве, 50 лет) расшифровали слово «президиум», несмотря на то, что такого органа самоуправления нет ни в одном документе ПГД. Они называли троих: Щипчинский, Колмаков, Прокопий Новограбленов.

Николай Петрович Косыгин (домовладелец, 33 года) присовокуплял к ним В. И. Артюхина; эти четверо образовали группу, что работала «совместно» с особоуполномоченным Приамурского правительства Х. П. Биричем и генералом Н. А. Поляковым.

Логвин Евстафьевич Захаров (домовладелец, 48 лет), Дмитрий Андреевич Шигаев (чернорабочий, 56 лет) и Василий Егорович Лунев (плотник, 42 года)

также указали на группу из четырех человек, только вместо Артюхина в ней фигурировал «в прямой связи» с белыми В. И. Румянцев. Виктор Алексеевич Огородников (бухгалтер, 37 лет) расширил круг активистов за счет Бандурина.

Григорий Петрович Миничев (слесарь, 53 года), сочувствующий соввласти, заявил: в Думе «орудовало несколько главарей, которые разжигали всю Думу и направляли ее на контрреволюционный путь». По персоналиям как «актива», так и «пассива» Миничев сходил с Захаровым. Иван Трифонович Новограбленов (бухгалтер, 33 года) исключал из этого списка своего брата Прокопия. Николай Васильевич Флетчер (рыбак, 48 лет) был полностью согласен в отношении имен с Косыгиным. Он считал, что все они вели такую политику, потому как — образованные.

«Все политические вопросы, — говорил Егор Матвеевич Бандурин (трудился в личном хозяйстве, 42 года), выдвигались горголовой Колмаковым, в том числе предложено вывешивать национальные флаги».

Андрей Яковлевич Воронин (плотник, 45 лет): «Самым большим авторитетом пользовался Артюхин». Он, подобно Щипчинскому и Колмакову, очень часто бывал у Бирича. Городской голова отзывался о нем, как о лице опытным и сведущем. «Румянцев всецело поддерживал контрреволюцию и имел влияние на Колмакова», тот всегда слушался его.

«В заседаниях Думы, — подчеркивал Иван Дмитриевич Грызлов (секретарь горревкома, бухгалтер по профессии, 40 лет), — Щипчинский и Колмаков подыгрывались к власти. Щипчинский явно содействовал белобандитам».

П. Т. Новограбленову (педагог, 31 год) наиболее активным из всего состава Думы 5-го созыва представлялся Щипчинский «как председатель и горячий по темпераменту». Себя Прокопий Трифонович тоже не записывал в «пассив»: «Это тоже зависело от темперамента, а остальные думцы держались не пассивно и не активно».

Иван Новограбленов показал, что председатель ПГД Ч. К. Щипчинский «действовал по собственному убеждению, и то некоторые его поступки не согласовывались с его желаниями, так как они совершались под влиянием военной власти».

Вячеслав Иванович Румянцев (канцелярский работник, 36 лет) имел на сей счет иное мнение: «Особенно выдающихся из среды гласных не было». Его поддержал исключенный из числа обвиняемых за помощь красным партизанам Иван Федорович Голованов (заведующий финансовым и земельным отделами горревкома, 46 лет): «Особенной активности никто не проявлял, активность, собственно говоря, была проявлена только чтобы избежать кровопролития в городе... в этом направлении, безусловно, много предпринималось президиумом, но также гласными».

Таким образом, десять гласных и шесть кандидатов к ним (половина от общего количества думцев) переложили всю ответственность за решения

Думы на белых и руководство самоуправления. То есть, встали на позиции Облнарревкома периода партизанства.

Весной 1922 г. Камчатский Облнарревком разослал волостным и сельским комитетам заявление. Выдержки из него приводятся ниже.

«Думские дельцы, забросив городские хозяйственные делишки, для которых они избраны, взяли на себя роль “парламента” и поставили разрешением вопросы государственного значения.

...Напомним, что это за люди, пытающиеся решить судьбу Камчатки.

1. Голова — безголовый Колмаков, подхалим и вечно пресмыкающийся перед более сильными, до сего времени славившийся только ночными похождениями для растления малолетних девушек.

2. Доктор Щипчинский на материке давно уже находился бы в доме сумасшедших. Этот человек двадцать раз меняет свои убеждения. Много раз был защитником народной власти, но в большей мере работает в лагере народных врагов. Первым уездным съездом (в 1920 г. — *В. П.*) объявлен врагом трудового народа.

3. Новограбленов — вечно ползающий у ног сильного.

4. Румянцев — бывший колчаковский офицер, хулиган и пьяница.

Далее идут Одынцы, Федоровы, Грызловы и прочие шарлатаны, плохие имена которых вызывают негодование у знающих их тружеников».

Данное заявление от 14 апреля 1922 г. подписали командующий отрядами Облнарревкома Фролов, уполномоченный при штабе Савченко и за секретаря Глухих. Завершалось оно предупреждением, что штаб красных партизан «не может дать гарантии в дальнейшей пассивности, так как трудно удерживать отдельных личностей от самой жестокой расправы, как с гласными, так и с биричевцами».

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ОРТРУДА

Выявленные в ходе следствия «главари контрреволюции» председатель Думы Ч. К. Щипчинский, товарищ председателя П. Т. Новограбленов, городской голова Е. А. Колмаков и гласный В. И. Артюхин оправдывали свое сотрудничество с белыми старанием не допустить гражданской войны на Камчатке. С этой целью В. И. Артюхин инициировал и, по сути дела, возглавил думскую мирную делегацию в стан красных партизан. С ним ехало двое: Н. П. Косыгин и А. И. Кобцев, оставленный, по его словам, в Петропавловске облнарревкомом для работы с «благонадежными товарищами в лагере белых». 14 февраля 1923 г. на опросе в ГПУ Н. П. Косыгина спросили, была ли полномочна делегация участвовать в Завойкинском совещании. «Нет, — отвечал он, — это работа Артюхина, это он передал воззвание (к населению уезда. — *В. П.*) Думы собранию». Заявление Косыгина, воз-

можно, оказало решающее влияние при общении В. И. Артюхина к «главарям контрреволюции».

«Я выступал против партизан Камчатки, — утверждал П. Т. Новограбленов, — думая этими словесными выступлениями предотвратить не нужную здесь, на Камчатке, бойню и связанное с ней разорение родного мне по крови населения, а также и боялся оккупации Камчатки японцами. Я говорил, что на Камчатке должна быть такая власть, как во Владивостоке, то есть, белые во Владивостоке, и здесь будут они, хотя бы мы, население, не хотели их, красные во Владивостоке, они будут и здесь». Прокопий Трифонович не был в данном случае оригинален. Он лишь озвучил — как сказали бы сейчас — широко распространенное среди камчатцев мнение.

ГПУ заинтересовалось публикациями П. Т. Новограбленова в местной прессе, заставило перечислить относящиеся к 1922 г. Он сказал, что сотрудничал в газете при любой власти, а она со времени его возвращения на Камчатку в 1918 г. менялась несколько раз. В «Камчатском листке» при белых «писал статьи о школе, научно-популярные и делал переводы с американских газет и журналов».

П. Т. Новограбленову дважды за период следствия изменяли меру пресечения. 10 марта 1923 г. его выпускают на волю «под залог имущества» некоторых граждан и подписку о невыезде. Проходит немногим более месяца, и он вновь оказывается в тюрьме, но не как хулиган, подобно гр. Косыгину, сорвавшему печать с двери Петропавловского кооператива, а все по тому же обвинению в контрреволюции; такое постановление выносит прокурор, бывший красный партизан Валентин Цезаревич Пересвет-Солтан, «принимая во внимание его активное и сознательное участие в... содеянных преступлениях».

Сидючи в тюрьме, П. Т. Новограбленов пишет статьи в «Полярную звезду» — орган губбюро РКП(б), редактирует которую Виталий Кручина. Статья «Февраль землетрясения» появляется в № 46 и 47 от 27 апреля и 1 мая, а «Наши вулканы» — в № 52 и 53 от 16 и 17 мая.

...Е. А. Колмаков так же, как П. Т. Новограбленов, говорил на «опросах» об усилиях Думы по предотвращению гражданской войны. ПГД хотела послать своего делегата (П. Т. Новограбленова) на Завойкинский волостной съезд, где должен был решаться вопрос о вооруженных отрядах — партизанском облнарревкома и военном Приамурского правительства «ввиду того, что город и ближайшие селения находились между двух огней». Цель: «Чтобы притти к какому-нибудь мирному соглашению и, во-вторых, что мирное население заинтересовано пушным промыслом и возмущенное хищниками, которые в заповедных местах уничтожают соболя, принять соответствующие меры к их охране».

«Хищниками являлись и партизанские отряды, — продолжал Е. А. Колмаков, — это по словам местных жителей. Делегат наш не был послан потому, что Облнарревком заявил, что представителя от города они не пропустят на Завойкинский съезд».

Следователь: «Почему Дума агитировала за этот съезд?»

Елизар Александрович Колмаков (фотограф, 1870 года рождения): «Потому, чтобы дать возможность мирному населению заниматься мирным своим трудом, как по заготовке дров, сена и рыбы». Красные партизаны не выпускали жителей Петропавловска за город, пока те (максимум) не свергнут «черносотенную власть» белых или (минимум) не добьются освобождения из-под стражи Иллариона Рябикова, председателя Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, взятого в заложники за полковника Лукомского.

...В. И. Румянцев вышел из тюрьмы 2 июня 1923 г., за полтора месяца до суда, под поручительство горожан П. И. Лимберга и Н. И. Цапова. Вячеслав Иванович уверял следствие, что им написано много протоколов, и ни в одном нет отступлений от действительности.

«Возьмите, для примера, доклад Артиухина после его поездки в Штаб красных, и спросите Фролова и др., верно ли я записал слова, Артиухину сказанные. Мои взгляды на Областной Комитет, отряды его были самые благожелательные, так как много у меня было там хороших знакомых». Однако фамилий этих «хороших знакомых» В. И. Румянцев не назвал.

...Первым в списке «главарей контрреволюции» значился, конечно, председатель ПГД Чеслав Куприянович Щипчинский (врач, 43 года), говоривший на следствии, что его заставили баллотироваться в Думу просьбы населения и «отсутствие здесь интеллигентных сил». Насчет Облнарревкома он выразился следующим образом: «Комитет рассматривал всякое насилие со стороны белых за благо...» О думском воззвании к населению Петропавловского уезда от 20 февраля 1922 г. сказал: «Это было превышение власти со стороны Думы, но делалось это лишь с той целью, чтобы не было эксцессов, как с той, так и с другой стороны».

Размышления Ч. К. Щипчинского о деятельности Думы содержатся в протоколе «опроса», датированного 2 марта 1923 г. Ее работу, записывал следователь, «в период хаоса, когда приходилось придерживаться тактики, чтобы волки были сыты и овцы целы, надо оценивать не только на основании протоколов, в которых подчас являлись упущения, но и на основании всех результатов».

Фактически все резолюции и воззвания к населению имели какие-либо плохие последствия для революционного Комитета, а практически вышло, что никто из граждан Петропавловска, а равно имущество, как последних, так и правительственных, за ничтожным исключением, осталось в сохранности с оставлением города Ильиным (начальник Петропавловского гарнизона. —

В. П.) с его воинством, отличавшимся слишком низкими нравственными устоями... Сколько стоило все это хлопот, а подчас и нравственных переживаний нам, гласным, находящимся по сие время под арестом. Конечно, нигде это не фиксировалось, а рассматривается в данный момент, как будто так это и должно быть или вышло само собой».

Спустя двенадцать суток Чеслав Куприянович пишет заявление на имя начальника ГПУ, хлопоча о своем освобождении на поруки до суда по причине расстройства здоровья. «Вы могли убедиться, — говорится в заявлении, — сколь “вредна” была моя деятельность как председателя Петропавловской Думы для трудового народа, которому я служил со школьной скамьи, не прельстившись возможностью устроиться врачом на более теплых местечках в Москве. Произошедшее со мной несчастье иначе не могу рассматривать, как положение стрелочника, которому приходится отвечать при всякого рода железнодорожных катастрофах...»

В думском деле нет упоминаний об удовлетворении просьбы доктора Щипчинского. Нет там ничего о вероятной причине расстройства здоровья бывшего председателя Думы. Можно только предполагать, что случилось, читая небольшую заметку в газете «Полярная звезда», где сообщалось, что 15 мая народный суд г. Петропавловска и его уезда слушал дело Елизаветы Васильевны Щипчинской о возвращении ей дочери Ортруды (девяти лет), проживающей в доме отца Ч. К. Щипчинского. Истица получила отказ. Воспитание девочки было поручено бабушке Анне Андреевне Свигуль. Суд оставил за собой ходатайство перед губревкомом «об оказании помощи, если это потребуется, девочке Ортруде как дочери, отец которой содержится в тюрьме».

ОПОРОЧЕННЫЕ

Камчатское ГПУ только приступило к следствию по думскому делу, а местные власти уже думали, как судить обвиняемых. 28 января 1923 г. «Полярная звезда» под заголовком «Судьба заключенных» поведала новость: «Губревкомом в недалеком будущем открывается сессия Ревтрибунала». И добавила, что его председателем намечается Борис Рубцов — начальник штаба войск Охотско-Камчатского края, прибывший с батальоном Красной армии в декабре 1922 г. В феврале-апреле 1923 г. этот трибунал рассмотрел три других дела о камчатских «контрреволюционерах».

27 апреля губбюро РКП(б) обязало председателя ревтрибунала детально изучить думское дело и дать при докладе о нем свое заключение. Членам губбюро также надлежало ознакомиться с этим делом, «а после иметь суждение».

Родственники арестованных выразили глубокую благодарность «лицам, посетившим тюрьму на Пасху и сделавших подарки на праздник». В день

международной пролетарской солидарности 1 мая с 13 до 15 часов были разрешены свидания с политзаключенными. Примерно в то же время смотритель губернской тюрьмы А. С. Пузырев получил в административном порядке пять суток «с отбытием наказания в губтюрьме и смещение на низшую должность надзирателя» за халатное, недобросовестное отношение к работе.

Кадровые перестановки коснулись и некоторых бывших гласных Петропавловской Думы. И. Д. Грызлова назначили в середине мая секретарем подотдела горкомхоза, а месяц спустя, вдобавок, городским аукционистом, И. Ф. Голованова — завфинотделом губревкома и председателем Камчатского бюро Всероссийской сельхозвыставки.

В передаче экспонатов на эту выставку участвовали и вчерашние парламентарии, как находящиеся на воле, так и в тюрьме. От Ч. К. Щипчинского поступили: модель нарты, препарированная медуза (с охотского побережья), морские рыбные иглы, «чилиим — Петропавловский, хахылица — Усть-Камчатская». Т. Е. Головань отдал на выставку «разные безделушки» из моржовой кости чукотской работы, И. Г. Подпругин — модель шхуны (тоже из кости моржа и тоже с Чукотки) и заспиртованную нерпу-детеньша.

К июлю 1923 г., видимо, выпустили из тюрьмы П. Т. Новограбленова, так как газета «Полярная звезда» сообщила о привлечении его к работам губвыстбюро «о черном песке... обладающем сильными магнитными свойствами», образцы которого доставил из бухты Чажма бывший кандидат к гласным К. И. Кодылев.

7 июня 1923 г. на заседании губбюро РКП(б) начальник ГПУ делает доклад по думскому делу. Принятое в связи в этом постановление гласит: «Предложить ответственным работникам — участникам борьбы против контрреволюционной власти на Камчатке черносотенного Меркуловского правительства и его приспешников местных реакционеров дать свои заключения и показания, осветив условие и обстановку борьбы против белогвардейщины, после сего Губбюро иметь по представленным материалам суждение и, вынеся определенное заключение, препроводить весь материал одновременно с так называемым “Думским делом” в г. Владивосток Приморскому губкому РКП, дабы таковой мог иметь возможность дать надлежащее направление этому делу».

16 июня следует добавление к постановлению от 7-го числа: «Наиболее видных лиц контрреволюционной “Думы” выделить и отправить во Владивосток для судебного разбирательства всего дела». Однако никого никуда не отправляют.

Между тем подготовка ко Всероссийской выставке продолжается. Ее камчатское бюро собирается представить материал «по болезни наших промысловых лососевых рыб, так называемой “саранной”», и просит граждан рыбаков присылать такую рыбу больших размеров (целую или часть) П. Т. Ново-

грабленову для обработки и приготовления препаратов. «Вопрос о заболевании саранной рыбы (чавычи, кеты, кижуча, красной, горбуши) очень важный, — пишет 6 июля 1923 г. «Полярная звезда», — и его изучение необходимо в интересах трудящихся...»

15 июля та же газета информирует читателей о прибытии на пароходе «Коун-мару» сессии Приморского губернского суда. «В непродолжительном времени в г. Петропавловске будут рассматриваться дела заключенных в губтюрьме. Первым слушаться будет “Думское дело”».

Неделю приезжие знакомятся с делом. Главные обвиняемые волнуются. Тем не менее, скорее всего, разделяют мнение Е. А. Колмакова. А он уверен в том, что «предстоящий суд... будет скорый, справедливый и милостивый, потому что это суд не царский, а народный».

В эти же дни губревком командирует на Всероссийскую выставку в Москву от Камчатки Ивана Федоровича Голованова — единственного, пожалуй, кто на «опросах» по думскому делу не сказал ничего худого о своих коллегах...

«Думский процесс» проходил в Петропавловске 20—23 июля 1923 г. Дело рассматривала выездная сессия Приморского губернского суда под председательством Иваненко при народных заседателях Ковалевском, Похвалинском и секретаре Ярмоловиче. В качестве общественного обвинителя выступал Марков, государственного — Трунов. Защиту представляли адвокат Гарсов и бывший мировой судья Успенский.

Из 31 думца (20 гласных и 11 кандидатов к ним) к уголовной ответственности были привлечены 24. Не привлекались гласные И. Ф. Голованов (по известной причине), В. А. Павлов (бежал за границу), Н. В. Савин (больной), П. И. Федоров, кандидаты А. И. Кобцев, С. В. Талашцев, Т. Е. Головань. Ввиду неявки на суд гласного В. А. Огородникова, «дело выделили» (в особое производство?).

По мнению адвоката Гарсова, оглашенные на суде документы, показания ряда свидетелей дали, с одной стороны, «яркую картину гнусной и предательской роли авантюристов Бирича, Бочкарева, Полякова и их соратников, продававших во имя низменных личных эгоистических побуждений народное достояние», с другой стороны, выявили деятельность местного самоуправления, вынужденного работать «в крайне тяжелых условиях, под давлением грубых насильников, потерявших всякий человеческий облик».

Марков и Трунов, «остановившись на роли буржуазии, тормозившей, но тщетно» победное шествие «Трудового Народа к светлым идеалам Коммунизма», настаивали на обвинении привлеченных к суду.

Руководители ПГД Ч. К. Щипчинский и П. Т. Новограбленов, городской голова Е. А. Колмаков, секретарь Думы и Управы В. И. Румянцев и гласный В. И. Арпюхин обвинялись:

по ст. 58, часть 1, УК РСФСР — организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов и банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные ею договоры;

по ст. 61 — участие в организации или содействии организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и п. т. средствами;

по ст. 69, часть 2 — призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неустановленности контрреволюционных целей.

Н. П. Косыгину, Е. Ф. Одынцу, И. Г. Подпругину, И. Т. Новограбленову, С. В. Ганцеву, И. Д. Грызлову, Л. Е. Захарову, М. К. Соколову, В. Е. Луневу, Г. П. Миничеву, Н. В. Флетчеру, Е. М. Бандурину, Т. Г. Вичиркину, К. И. Кодылеву, Л. К. Валицкому, А. Я. Воронину, Д. А. Шигаеву и И. П. Ривацкому предъявлено обвинение по ст. 68 УК РСФСР — укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям (контрреволюционным. — *В. П.*)... не связанным с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях.

Статьи 58, часть 1 и 61 предусматривали высшую меру наказания (ВМН) и конфискацию всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества и на три года при установлении судом неосведомленности участника о конечных целях преступления. Такая же мера наказания — три года — со строгой изоляцией в мирной обстановке и ВМН в военной определялась ст. 69 в первой ее части. Чем грозила вторая часть, нам, к сожалению, неизвестно, там есть ссылка на аналогичное наказание по другой, 83-й статье, которой в присланных из Российской государственной библиотеки материалах нет. (Нам пришлось дойти аж до столицы, так как ни «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» за 1922 г., где опубликован Уголовный Кодекс, ни его самого того времени на Камчатке найти мы не смогли.)

По ст. 68 подсудимый лишился свободы не ниже, чем на один год.

Защита, подчеркивал Гарсов, «обрисовав положение оторванной от Центра и представленной самой себе Камчатки и роль Самоуправления, направившего все силы свои, при крайне неблагоприятных условиях деятельности под властью зарвавшихся бандитов, к недопущению оккупации Камчатки интервентами», — настаивала на оправдании подсудимых.

После трехчасового совещания был оглашен приговор.

Из приговора выездной сессии Приморского губернского суда по думскому делу: «Данными судебного следствия изобличается Щипчинский Чеслав Куприянович в том, что, будучи председателем думы совместно с представителем меркуловской власти Биричем участвовал в допросе делегатов 2-го чрезвычайного съезда, где обсуждался вопрос о задержании председателя 2-го чрезвычайного съезда тов. Рябикова в качестве заложника за полковника Лукомского... препятствовал вывозу муки нар. Рев. Комитетом в сопки (базу) при оставлении Комитетом Петропавловска...»

Елизар Александрович Колмаков также был виноват в том, что присутствовал на допросе партизанского парламентаря Рябикова и принимал, якобы, участие в избрании ему меры пресечения. Вдобавок, активно выступал против облнарревкома и «являлся активным участником власти Меркулова».

Прокопий Трифонович Новограбленов, заведующий училищами области, «утилизировал школу в контрреволюционных целях, выступал на собраниях и настаивал на принятии репрессивных мер против власти трудящихся, называя коммунистов... шайкой разбойников. Сотрудничал в газете "Камчатский листок" и рассылал контрреволюционную литературу по селениям».

Василий Иванович Артюхин как депутат Народного Собрания «информировал о положении меркуловской власти, активно помогал международной буржуазии».

Суд нашел, что все четверо совершили преступление (по неосведомленности о его конечных целях), предусмотренное ст. 58, ч. 2. Обвинения по статьям 61 и 69, ч. 2 снимались за недоказанностью. По В. И. Румянцеву не удалось доказать ни одного обвинения. В отношении остальных восемнадцати подсудимых, обвиняемых по ст. 68, также не было найдено веских доказательств, и суд оправдал их.

Ч. К. Щипчинского, П. Т. Новограбленова, Е. А. Колмакова и В. И. Артюхина суд признал «опороченными» и, руководствуясь ст. 42 УК, приговорил «поразить в правах сроком на пять лет... подвергнуть условному наказанию сроком на пять лет с конфискацией четвертой части имущества». В ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции срок наказания им (засчитанный с 1 января 1923 г.) был сокращен наполовину.

24 сентября 1992 г., спустя без малого 70 лет, прокурор Камчатской области А. И. Зуев утвердил заключения в отношении четырех подсудимых по материалам архивного уголовного дела № П-55016. В этих документах указано, что на Ч. К. Щипчинского, П. Т. Новограбленова, Е. А. Колмакова и В. И. Артюхина распространяется действие статьи 3-й, п. «а» Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

На следующий день на каждого из них были выписаны справки о реабилитации.

= 207-40

Постановление

1923 года 6го января Ямен следственной
Комиссии при Вудерпекском Губернаторском
Трибунале рассмотрев дело по обвинению
дворянина г-на Колобовой Елизаветы Александровны
Колмакова по обвинению его в
контрреволюционных действиях в бытность
его поручиком г-ном в 7. Петропавловске
с 1919 года до эвакуации белогвардейцев.
Постановили предъявить ему обвинения
в активных действиях направленных
на свержение завоеванной пролетарской
революции, власти рабочих крестьянских
советов, выразивших в открытом
признании (ср. приамурского пр-ва и
всемогущему ему содействию путем
допосыл распоряжений Вурастии
то организации, в выборах исленых в Петро-
павловскую думу, руководствуя ей по
добровольному желанию создавая что
дума создана не законно, осмыслительно
был отпущен реакция
в действиях вооруженными силами
белогвардейцами на Камчатке
в контрреволюционной агитации и пропо-
ганды среди населения
Обвинения мне предъявлено [Колмаков
Член следств. Комиссии Трибуналу

Постановление о предъявлении обвинения Е. А. Колмакову
(ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 653. Л. 41)

Подписка 357 3
16

Я, Николай Засильевич Фрейтас даю настоящую
подписку Следственной Комиссии при Рев. Трибуна-
ле в том, что я не буду вести агитацию
против Советской власти и как гласный
Ковровской думы, какое действие определено
судом по моему делу, я исполню то возражен-
ие оговорю

50 декабря 1922 года Н. Фрейтас

ПОДПИСКА.

1923 года : *Июль* " *10* " дня Я *Николай Засильевич*
..... *Ковровской* *Ковровской*
даю настоящую подписку в том, что без ведома Губ. Г.П.У. Охотско-
Намчатского края обязуюсь не отлучаться из
..... *Ковровской думы* и являться на регистрацию
..... *Ковровской думы* *в. Зуб. ?* впрямь до снятия с меня
подписки.

в чем и подписываюсь *Николай Засильевич*

89

Образцы подписок, взятых с обвиняемых думцев
(ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 653. Л. 165, 90)

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАМЧАТСКИМ КРАЕМ (1697—1917 гг.)

Первого июля 2007 г. начинается новый этап в истории Камчатки, связанный с образованием Камчатского края, а 23 июля исполняется 310 лет со дня вхождения Камчатки в состав России. В этот день в 1697 г. В. Атласов поставил на берегу р. Камчатки при впадении в нее р. Крестовой, почти в точном географическом центре полуострова, свой знаменитый крест, явившийся символом российского владения этой землей.

За эти 310 лет Камчатка перенесла множество перемен в управлении и административном подчинении и устройстве. В разное время под Камчаткой понималась территория от собственно полуострова с прилегающими островами до всего Северо-Востока России, включая ныне несколько субъектов Российской Федерации. Камчаткой управляли чиновники из разных отдаленных городов России: Якутска, Охотска, Анадырска, Иркутска, Тобольска, Николаевска-на-Амуре, Владивостока, Хабаровска. Многие решения по управлению Камчаткой принимались в столицах: в Сибирском приказе, Сенате, лично императорами. Эти реформы и частые перемены в управлении нашим краем, имевшие благие цели, принесли больше вреда, чем пользы, что особенно проявилось в многократном сокращении численности коренного населения. Перемены в управлении Камчаткой были связаны с реформами в административном устройстве Сибири, которые проходили часто и нередко хаотично, непродуманно. Один перечень этих реформ говорит о многом.

В XVIII в. российские владения стремительно расширялись на восток, что приводило к необходимости образования все новых и новых административных единиц. В 1720—1730-е гг., то есть за неполные двадцать лет, были присоединены обширные территории от Енисея до Охотского моря. Основной единицей административного деления в России в XVII в. был уезд. К концу XVII в. уездов насчитывалось около ста сорока. Самым обширным по территории являлся Якутский уезд, частью которого в 1697 г. стала Камчатка, находившаяся в его составе до 1731 г.

В XVII в. стали создаваться и более крупные административно-территориальные единицы — разряды, объединявшие несколько уездов. В начале XVII в. в Сибири был один Тобольский разряд. В 1629 г. из него выделился Томский разряд, а из Томского в 1639 г. — Ленский, в состав которого вошли два уезда — Илимский и Якутский. Позднее Илимский уезд отошел к Томскому, а в Ленском к концу XVII в. появились Иркутский и Нерчинский уезды.

До образования губерний в 1708 г. сибирские уезды управлялись сначала приказом Казанского дворца, а 19 февраля 1637 г. был образован Сибирский

приказ, просуществовавший с перерывом (с 1708 по 1730 гг.) до 1763 г. Во главе приказа стоял судья, которому подчинялись дьяки и подьячие — канцелярские служители. Судьями назначались представители высшей знати.

До 1708 г., то есть за семьдесят лет, во главе Сибирского приказа сменились семь судей: Н. И. Одоевский, А. Н. Трубецкой, Р. М. Стрешнев, И. Б. Репнин, А. А. Виниус, Ф. Ю. Ромодановский, М. П. Гагарин.

18 декабря 1708 г. указом Петра I «Об учреждении губерний и о росписи к ним городов» были образованы первые восемь губерний. Якутский уезд с Камчаткой вошел в состав самой обширной из них — Сибирской с центром в Тобольске. Первым губернатором Сибирской губернии был назначен последний судья Сибирского приказа князь Матвей Петрович Гагарин. В 1711 г. губерний стало девять, а в 1714 г. — одиннадцать.

Сибирские губернаторы:

1708—1719 — князь Гагарин Матвей Петрович

1719—1724 — князь Черкасский Алексей Михайлович

1724—1730 — князь Долгоруков Михаил Владимирович

1730—1736 — тайный советник Плещеев Алексей Львович

1736—1741 — бригадир Бутурлин Петр Иванович

1741—1742 — генерал-майор Шишов Иван Афанасьевич

1742—1752 — генерал-майор Сухарев Алексей Михайлович

1752—1757 — генерал-лейтенант Мятлев Василий Алексеевич

1757—1763 — тайный советник Соймонов Федор Иванович.

(Здесь и далее сведения о губернаторах даны по справочнику: «Губернии Российской Империи. 1708—1917. — М., 2003.)

В 1719—1724 гг. Петр I провел вторую административную реформу. Губернии разделили на 45 провинций. В Сибирской губернии образовали три провинции: Тобольскую, Енисейскую и Иркутскую. Во главе провинции стоял воевода с подчиненной ему провинциальной канцелярией. Якутский уезд находился в числе семи уездов, вошедших в состав Иркутской провинции. Всего в России было образовано более 250 уездов. Управление стало трехступенчатым: уездный воевода подчинялся провинциальному, провинциальный — губернатору. На Камчатке эта реформа не сказалась, лишь в 1731 г. в составе той же Иркутской провинции она была переподчинена вновь образованному Охотскому приморскому управлению, выделенному из Якутского уезда.

Охотские главные командиры [1, с. 42, 56, 60, 73]:

1731—1739 — Скорняков-Писарев Григорий Григорьевич

1939—1742 — Девиер Антон Мануйлович

1742—1760 — премьер-майор Зыбин Афанасий

1760—1764 — капитан 3-го ранга Ртищев Василий.

В 1764 г. Сибирская губерния разделена на две: Тобольскую и Иркутскую во главе с губернаторами. В том же году на Камчатку прибыл первый коман-

дир, независимый ни от Охотска, ни от Якутска, подчиненный непосредственно иркутскому губернатору.

Иркутские губернаторы:

1765—1767 — генерал-майор Фрадендорф Карл Львович

1767—1776 — генерал-поручик Бриль Адам Иванович

1776—1779 — бригадир Немцов Федор Глебович

1779—1783 — генерал-майор Кличка Франц Николаевич.

В 1775—1784 гг. Екатерина II провела новую губернскую реформу, в результате которой вместо губерний было образовано 40 наместничеств во главе с губернаторами. Два-три наместничества объединялись под управлением генерал-губернатора. В Сибири реформа прошла в 1783 г. Здесь было образовано три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское. Последние два управлялись иркутским генерал-губернатором.

Иркутские генерал-губернаторы:

1783—1787 — генерал-поручик Якоби Иван Варфоломеевич

1887—1793 — генерал-поручик Пиль Иван Алферьевич.

Губернаторы — правители Иркутского наместничества:

1783—1786 — генерал-майор Ламб Иван Варфоломеевич

1786—1791 — генерал-майор Арсеньев Михаил Михайлович

1791—1797 — генерал-майор Нагель Илларион Тимофеевич.

В том же 1783 г. вышел указ Екатерины II «О составлении Иркутской губернии из четырех областей»: Иркутской, Якутской, Нерчинской и Охотской. Во главе Охотской области стоял комендант.

Охотские коменданты [1, с. 92, 95]:

1784—1789 — полковник Козлов-Угренин Григорий Алексеевич

1788 — премьер-майор Шмалев Тимофей Иванович

1789—179? — совестный судья Кох Иван.

В составе Охотской области образовали четыре уезда: Охотский, Гижинский, Акланский и Нижнекамчатский. Центры уездов назвали городами во главе с городничим. Во главе уездов стояли земские исправники. Камчатка вновь оказалась в подчинении Охотска.

12 декабря 1796 г. вышел указ Павла I о новой губернской реформе. Наместничества переименованы в губернии, число которых сократилось. В Сибири их осталось две: Тобольская и Иркутская.

Иркутские военные губернаторы:

1797—1798 — генерал-лейтенант Трейден Христофор Андреевич

1798—1800 — генерал от инфантерии Лещано Борис Борисович

1800—1803 — генерал-лейтенант Лебедев Николай Петрович.

В 1798 г. для усиления обороны Камчатки было принято решение создать полк. Командир полка являлся одновременно и комендантом Камчатки, подчиненным непосредственно иркутскому военному губернатору.

В марте 1803 г. проведена новая административная реформа. Тобольская и Иркутская губернии вошли в состав Сибирского генерал-губернаторства.

Генерал-губернаторы Сибири:

1803—1806 — действительный тайный советник Селифонтов Иван Осипович

1806—1819 — тайный советник Пестель Иван Борисович

1819—1822 — тайный советник Сперанский Михаил Михайлович.

В том же 1803 г. 11 августа вышел указ «Об устройстве областного правления на Камчатке». В составе Иркутской губернии была образована самостоятельная Камчатская область во главе с военным комендантом, который одновременно именовался «правителем области Камчатской».

Но и эта реформа оказалась недолговечной. Правительство считало, что областное правление для Камчатки слишком громоздко. 9 апреля 1812 г. Александр I утвердил «Новое положение о Камчатке», разработанное группой мореплавателей и ученых, хорошо знакомых с положением дел. Областное управление ликвидировалось. Начальники Камчатки из опытных морских офицеров подчинялись сибирскому генерал-губернатору. Эта система управления оказалась удобнее и долговечнее других, просуществовав почти сорок лет. Край назывался «Камчатское приморское управление».

В 1822 г. по предложению сибирского генерал-губернатора М. М. Сперанского Сибирь была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с центром в Иркутске. В состав последнего вошли две губернии — Енисейская и Иркутская, Якутская область, а также два приморских управления — Охотское и Камчатское. В том же году Александр I утвердил также разработанное М. М. Сперанским «Учреждение для управления Сибирских губерний», имевшее ряд приложений, в том числе «Об управлении инородцев», которое упорядочило ведение дел аборигенов.

Генерал-губернаторы Восточной Сибири:

1822—1833 — действительный тайный советник Лавинский

1833—1834 — генерал-лейтенант Сулима Николай Степанович

1834—1837 — генерал-лейтенант Броневский Семен Богданович

1837—1847 — генерал-лейтенант Руперт Вильгельм Яковлевич

1847—1861 — генерал от инфантерии, генерал-адъютант Муравьев Николай Николаевич.

В эти годы в управлении Камчаткой произошли серьезные перемены. По инициативе Н. Н. Муравьева 2 декабря 1849 г. вышел указ об образовании самостоятельной Камчатской области в составе двух округов — Петропавловского и Гижигинского — во главе с военным губернатором, подчиненным генерал-губернатору Восточной Сибири.

Но в ранге области Камчатке пришлось существовать недолго. 31 октября 1856 г. Камчатскую область ликвидировали. Вместо нее был образован Пет-

ропавловский округ во главе с исправником, который с 1888 г. стал именоваться окружным начальником. Округ вошел в состав вновь созданной Приморской области с центром сначала в Николаевске-на-Амуре, с 1880 по 1884 гг. — в Хабаровке, а с 1888 г. — во Владивостоке. В 1858 г. из Приморской области выделилась Амурская область с центром в Благовещенске.

Военные губернаторы Приморской области:

- 1856—1865 — контр-адмирал Казакевич Петр Васильевич
- 1865—1870 — контр-адмирал Фуругельм Иван Васильевич
- 1870—1875 — контр-адмирал Кроун Александр Егорович
- 1875—1880 — контр-адмирал Эрдман Густав Федорович
- 1880—1881 — генерал-майор Тихменев Михаил Петрович
- 1881—1888 — генерал-майор Баранов Иосиф Гаврилович
- 1888—1897 — генерал-лейтенант Унтербергер Павел Федорович
- 1897—1898 — генерал-лейтенант Субботич Деан Иванович
- 1899—1903 — генерал-лейтенант Чичагов Николай Михайлович
- 1903—1905 — генерал-майор Колюбакин Алексей Михайлович
- 1905—1910 — генерал-майор Флуг Василий Егорович.

До 1884 г. Приморская область входила в состав генерал-губернаторства Восточной Сибири, а 6 июня 1884 г. было образовано Приамурское генерал-губернаторство с центром в г. Хабаровке (с 1893 г. — Хабаровск) в составе Амурской и Приморской областей.

Приамурские генерал-губернаторы:

- 1884—1893 — генерал от инфантерии, генерал-адъютант барон Корф Андрей Николаевич
- 1893—1898 — генерал-лейтенант Духовской Сергей Михайлович
- 1898—1902 — генерал от инфантерии Гродеков Николай Иванович
- 1902—1903 — генерал-лейтенант Субботич Деан Иванович
- 1903—1904 — адмирал, генерал-адъютант Алексеев Евгений Иванович
- 1904—1905 — генерал от кавалерии Хрещетитский Ростислав Александрович
- 1905—1910 — генерал-инженер Унтербергер Павел Федорович
- 1910—1917 — тайный советник Гондатти Николай Львович.

17 июля 1909 г. был утвержден указ об образовании Камчатской области во главе с губернатором, подчиненным Приамурскому генерал-губернатору. Область состояла из шести уездов, включавших в себя весь Северо-Восток России.

Губернаторы Камчатской области:

- 22.07.1909—18.06.1912 — действительный статский советник Перфильев Василий Власьевич
- 18.06.1912—18.11.1916 — действительный статский советник Мономахов Николай Владимирович.

Вице-губернаторы:

- 1909—1913 — коллежский асессор фон Бодунген Евгений Федорович
- 1913—1917 — статский советник Чаплинский Александр Гаврилович.

Административные *центры управления* Камчаткой также неоднократно менялись. До 1740 г. назначаемые сюда приказчики, комиссары и командиры сами выбирали местом своего пребывания один из камчатских острогов: Верхнекамчатский, Нижнекамчатский или Большерецкий.

1740—1785 — Большерецк

1785—1812 — Нижнекамчатск, город до 1803 г. Хотя в указе «Об устройстве областного правления на Камчатке» от 11 августа 1803 г. было сказано: «Место-пребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск», но правители Камчатской области — коменданты генералы Кошелев и Петровский — управляли областью из Нижнекамчатска, что подтверждают И. Ф. Крузенштерн в 1804 и 1805 гг. и В. М. Голловин в 1810 г. [3, с. 290; 8, с. 134]

1812—1917 — Петропавловск (с 1822 г. — город).

Территория, подвластная администрации края, также неоднократно менялась. До 1772 г. власть камчатских правителей распространялась только на полуостров и Курильские острова (северными границами территории, подвластной Камчатке, Крашенинников называет бухту Подкагерную на западном побережье и р. Карагу — на восточном) [7, с. 249—257].

Указом 30 апреля 1772 г. о назначении главного камчатского командира ему поручалась команда, помимо Камчатки и Курильских островов, над Гижигинской крепостью с округой и над вновь объясаченными островами, то есть Алеутскими [19, с. 5].

Реформа 1783 г. вновь ограничила Камчатку полуостровом — Нижнекамчатским уездом.

В 1803 г., с образованием Камчатской области, в подчинение правителю Камчатской области возвращен Гижигинский округ.

В 1812 г. область ликвидирована, и в Камчатском приморском управлении остался полуостров и Курильские острова. Гижигинский округ подчинен Охотскому управлению, а Алеутские острова отошли под власть правителей Русской Америки.

В 1849 г. с образованием Камчатской области в ее состав вошли два округа: Петропавловский и Гижигинский [13, с. 235].

С ликвидацией области в 1856 г. образован Петропавловский округ в составе полуострова и Курильских (без южных) и Командорских островов. В 1875 г. все Курильские острова отошли к Японии.

В 1909 г. образована Камчатская область в составе шести уездов. Впервые в состав области были включены Анадырский, Чукотский и Охотский уезды. Территория области превысила 1 млн 360 тыс. кв. км.

Население. Динамика численности населения края является важным критерием эффективности управления. Данные о численности туземного населения весьма относительны. Они базируются первоначально на ясачных книгах, в которые заносилось лишь взрослое мужское население, и на количе-

стве собранного ясака. Но от уплаты ясака уклонялось большинство кочевого населения и значительная часть оседлого. В первые сто тридцать лет коренное население сокращалось по разным причинам: стычки со сборщиками ясака, подавление восстаний, насильственное переселение, голод, вызванный недоловом рыбы из-за отвлечения населения на различные работы, эпидемии. Первоначальная численность аборигенов различными исследователями оценивается по-разному.

Посетивший Камчатку в 1808—1809 г. доктор Шпер писал: «Когда-то в Камчатке считалось до 50 000 туземцев, а теперь едва наберется 1 500» [19, с. 54].

Шпер не совсем точен в определении численности коренного населения Камчатки. Большинство исследователей считают, что оно на рубеже XVII—XVIII вв. составляло примерно 20—25 тыс. чел. Атласов сообщает о многолюдности долины р. Камчатки: «А какплыли по Камчатке — по обе стороны реки иноземцев гораздо много — посадки великие, юрт ста по три и по 4 и по 5 сот и больше есть» [5, с. 22]. Юртами он называет, видимо, семейные балаганы для сушки рыбы. Скорее всего, Атласов умышленно завышает их количество, чтобы повысить значимость приобретенной им земли: «... по Камчатку (реке. — В. А.) камчадальских иноземцев от Еловки речки до моря 160 острогов. А в остроге в одной зимной юрте, а в иных острогах в двух юртах живет людей человек по 200 и по 150» [5, с. 29].

Сам же он собрал ясак с 3 400 чел. плательщиков (то есть взрослых мужчин). Он признает, что многие ясаку платить не стали. Не был Атласов и на восточном побережье от устья р. Камчатки до Авачинской губы. Принято считать, что соотношение ясачных плательщиков к общему числу жителей составляет 1:4. Первые ясачные книги были составлены в 1704 г. В них значилось 5 138 чел. Доверять этой цифре тоже нельзя. Г. Стеллер считал, что до трети местного населения укрывались от ясака и, следовательно, не попадали в ясачные книги. Тот же Стеллер считал, что казаки в «течение сорока лет низвели численность туземцев до одной двенадцатой или пятнадцатой части первоначального их количества» [11, с. 10].

Это явное преувеличение. Ближе к истине был С. П. Крашенинников, когда писал, что «казаки... бывшие при прежних прикащиках всех родов иноземцев в Камчатском носу обретающихся тысяч около двенадцати или пятнадцати считали, а ныне... меньше трех тысяч осталось» [7, с. 249—258].

По ясачным книгам 1738 г. Крашенинников называет 2 716 плательщиков, да еще около ста курильцев на мысе Лопатка и ближних островах.

По различным косвенным источникам можно проследить изменение численности коренного населения полуострова (табл. 1). Точность данных весьма относительна [11, с. 10—17].

Таблица 1

Год	Число жителей	Год	Число жителей
1700	более 20 000	1818	3 424
1715	более 14 000	1829	2 899
1735	11 500	1835	Более 3 000
1740	10 500	1876	3 669
1763	7 500	1889	4 300
1768	8 800	1897	5 600
1769	3 000	1901	4 800
1790	6 000	1912	5 361
1800	4 000	1926	5 300
1812	3 200		

Спад численности населения в первой половине XVIII в. связан с жестоким подавлением непокорных аборигенов. Например, Крашенинников так описывает покорение камчадалов на р. Большой в мае 1711 г., после того, как они сожгли в 1706 г. Большерецкий острог и перебили русский гарнизон: «На сражении побито и перетонуло изменников такое великое множество, что трупами их Большая река запрудилась, а с российской стороны три человека убито, да несколько ранено» [7, с. 108].

И таких сражений было немало. Наибольшие же потери понесло население Камчатки во время эпидемии оспы в 1768—1769 гг., которая унесла жизни 5 767 камчадалов и 315 русских, то есть две трети населения [18, с. 90].

Вторая эпидемия в 1799—1800 гг. унесла жизни 1 682 камчадалов и более 300 русских [16, с. 36]. Кроме того, голод и массовую гибель вызвало отвлечение людей на транспортную повинность для перевозки грузов экспедиции Беринга в 1727—1728 гг. и инспекционной поездки охотского коменданта Козлова-Угренина с огромной свитой в 1787—1788 гг., а также перевозка «соемского полка» и его грузов в 1800—1802 гг.

Изменение численности русского населения Камчатки показано в табл. 2 [11, с. 23—25].

Таблица 2

Год	Число жителей	Год	Число жителей
1711	150	1834	2 072
1741	700	1854	3 444*
1762	1 618	1861	2 354
1774	1 700	1897	2 584
1818	1 346	1912	3 321
1829	1 632	1915	4 500

* В том числе «войск с семействами» 1 107 чел.

Главная беда Камчатки — ее правители. В рассматриваемый период их побывало здесь более ста. А если добавить к ним руководителей многочис-

ленных экспедиций, работавших в XVIII в. на полуострове и тоже вмешивавшихся в управление краем, то около ста двадцати.

Из этого числа лишь единицы оказались людьми порядочными, управлявшими во благо края, стремившимися облегчить положение его жителей. Но и они мало что могли сделать, будучи вынужденными каждый свой шаг согласовывать с начальством в Охотске, Иркутске или Петербурге. А переписка длилась годами. Большинство же правителей, как бы они ни назывались — приказчики, комиссары, командиры, городничие и исправники, коменданты, начальники и губернаторы — использовали свое положение для личной наживы, вели себя как самодуры, пользуясь отдаленностью от своего начальства обращались с подчиненными и подвластным населением как со своими холопами. Им было с кого брать пример. Не случайно, что первый сибирский губернатор князь Гагарин был повешен за злоупотребление властью.

Не отставали от него и непосредственные начальники камчатских правителей — якутские воеводы, охотские командиры. Многих из них отдали под суд. И судьба многих камчатских руководителей оказалась незавидной. Одни погибли от рук туземцев, а некоторые, как Атласов, и своих сослуживцев, другие умерли, не перенеся тяжелых лишений, или в тюрьме, третьих казнили за их деяния или разжаловали в рядовые и отправили в ссылку.

Кстати, сами власти долго относились к Камчатке как к источнику пушнины, базе для географических исследований да как к месту надежной ссылки для опасных преступников, не прилагая никаких усилий для развития края. Лишь в XIX в. они стали обращать внимание на нужды края.

В управлении Камчаткой в первые 220 лет ее нахождения в составе России можно выделить следующие периоды:

- «якутский» (1697—1731 гг.);
- «охотский» (1731—1764 гг.);
- «иркутский» (1764—1785 гг.);
- «нижекамчатский» (1785—1812 гг.);
- «петропавловский» (1813—1856 гг.);
- «приморско-камчатский» (1856—1917 гг.).

1. ЯКУТСКИЙ ПЕРИОД (1697—1731 гг.)

Якутский период начался с похода В. В. Атласова на Камчатку в 1697—1699 гг. В 1695 г. Атласов был направлен якутским воеводой Траурнихтом приказчиком в самый отдаленный острог Якутского уезда — Анадырский, основанный С. И. Дежневым в 1649 г.

Сами якутские воеводы, под управлением которых Камчатка находилась более тридцати лет, назначались Сибирским приказом. Определенного поряд-

ка назначения воевод не было. Они находились в должности от двух до семи лет. Снимали воевод обычно по причине большого количества доносов на них, доходивших до Сибирского приказа. Расследование преступлений обычно поручалось их преемнику и тянулось годами. Со времени образования Якутского уезда в 1639 г. и до 1701 г. в нем сменились около двадцати воевод.

Воеводы управляли уездом по наказам, полученным в Сибирском приказе, в которых регламентировалась их деятельность. Воеводы выполняли судебно-административные, полицейские, финансово-податные, военные и другие функции. На них лежали обязанности защиты уезда, сбора ясака с туземного населения, содействия торговле и промыслам русских людей, развития хлебопашества для снабжения хлебом служилых людей, борьбы с корчемничеством, курением табака и азартными играми, производства суда и расправы. В воеводстве была тюрьма, «пытошная изба» и палач. Правда, в 1695 г. воеводою было запрещено выносить смертные приговоры.

Ведением делопроизводства занималась воеводская канцелярия — приказная, или съезжая изба. Якутская приказная изба делилась на столы: денежный, ясачный, хлебный и разрядный. Символом воеводской власти служила круглая государева печать, отлитая из серебра. На якутской воеводской печати в центре был помещен герб — орел, держащий в когтях соболя, под гербом надпись: «Новые сибирские земли на великой реке Лене».

В своей деятельности воевода опирался на военный гарнизон из служилых людей — казаков, которые охраняли уезд от набегов «немирных людей», выполняли обязанности сборщиков ясака и сопровождали «государеву казну» из отдаленных острогов в Якутск и далее в Москву. Отряды служилых людей возглавляли боярские дети, казачьи головы, сотники, пятидесятники, десятники. Штаты служилых людей определялись Сибирским приказом. Их постоянно не хватало, а территория уезда расширялась за счет присоединения новых земель, строились новые остроги.

К концу XVII в. в распоряжении якутского воеводы находилось до тысячи казаков. В 1701 г. был образован Якутский полк, где в 1720-е гг. служило не более 1 500 чел., рассеянных по огромной территории края. Казаки несли огромные потери. С. П. Крашенинников сообщает, что с 1703 по 1716 гг. на пути в Камчатку их погибло более двухсот [7, с. 219].

Воеводы направляли в окраинные остроги отряды казаков во главе с приказчиками, которым давались наказные памяти с предписанием помимо сбора ясака вести «прииск новых земель неясачных людей» и «приводить их под царскую высокую руку». Приказчики в свою очередь отправляли из острогов отряды казаков во главе с заказчиками для сбора ясака. Казаки строили временные укрепленные опорные пункты — зимовья, на месте многих из которых впоследствии вырастали новые остроги. Так, например, из зимовий возникли Нижнекамчатский и Большерецкий остроги.

Хотя Сибирским приказом предписывалось в сборщики ясака посылать «людей добрых» и аборигенам «никаких обид не творить», большинство приказчиков, заказчиков и рядовых казаков не были ангелами. Пользуясь отдаленностью острогов от Якутска и зимовий от острогов, они творили злоупотребления, брали в заложники-аманаты не только мужчин, но нередко женщин и детей, больше думали о собственном обогащении, чем о пополнении царской казны. Это приводило к постоянным волнениям туземного населения. Деятельность камчатских приказчиков постоянно сопровождалась бунтами: ительменов в 1731 г., коряков в 1730—1750-е гг.

Приказчики на Камчатку («в камчатские остроги») стали назначаться после возвращения Атласова с богатым ясаком. Такого в Якутске прежде не видели: восемьдесят сороков соболей (3 200 шт.), десять морских бобров, четыре выдры, семь бобровых лоскутов. Учитывая, что ясак были обязаны платить мужчины от пятнадцати до шестидесяти лет, его заплатили более 3 400 чел. [7, с. 194].

Такого количества плательщиков ясака прежде не знали в землях Якутского уезда — ни на Колыме, ни на Яне, Индигирке или Анадыре. Кроме ясака, Атласов привез собственной пушнины, выменянной на различные товары, одиннадцать сороков соболей (440 шт.), немало привезли с собой и его казаки. Камчатский соболь оказался очень высокого качества, уступая лишь баргузинскому. Камчатка надолго получила славу «пушного цеха» Сибири.

При приказу Атласова был основан в 1697 г. первый камчатский острог — Верхнекамчатский. В последующие десять лет возникли еще два — Нижнекамчатский и Большерецкий. Первый камчатский приказчик прибыл в 1700 г. Им был Тимофей Кобелев. Он сменил оставленный в Верхнекамчатском остроге Атласовым отряд Потапа Серюкова. Отряд из пятнадцати казаков не дошел до Анадырского острога, все погибли от рук «немирных» коряков. Это были первые ощутимые потери русских землепроходцев на камчатской земле. Т. Кобелеву, в отряде которого находились известные в истории Камчатки отец и сын Козыревские, пришлось ждать смены три года, в 1703 г. его сменил Михайло Зиновьев, а в 1704 г. на смену ему пришел Василий Колесов.

Всего с 1700 по 1733 гг. на Камчатке побывало более шестидесяти приказчиков (в 1720-е гг. их стали называть комиссарами), присланных из Якутска.

Путь из Якутска на Камчатку до открытия в 1716 г. морского пути из Охотска пролегал через побережье Северного Ледовитого океана и Нижнеколымский острог до Анадырского острога, а оттуда по р. Пенжине до Парапольского дола, и далее либо морем вдоль восточного побережья, либо сушей по западному берегу до р. Камчатки.

Путь этот в один конец занимал от шести месяцев до года. Приходилось продвигаться по незнакомой местности, преодолевая дикую тайгу, топкие леса,

бурные реки, горные хребты. Транспортные средства (олений, собак, лодки), теплую одежду и продукты приходилось реквизи́ровать у местных жителей, отчего с ними складывались непростые отношения. Нередко казакам и самим приходилось впрягаться в нарты. В поход брали «государев запас»: пища́ли, порох, свинец, даже пушки, а также «железную рухлядь» — котлы, топоры, ножи, посуду, олово, медь, железо для разных нужд, рыболовные снасти. Шли по глубоким снегам, в морозы и в пургу, летом страдали от гнуса, гибли от болезней, голода и холода, в стычках с «немирными» аборигенами.

Достигнув места, казаки приступали к постройке жилья. Зимовья и остроги часто переносились на новое место. Так, Т. Кобелев в 1700 г. начал с того, что перенес построенный П. Серюковым Верхнекамчатский острог в более удобное место в полуверсте от прежнего и заложил Нижнекамчатское зимовье, а В. Колесов укрепил Верхнекамчатск, построил острог в Нижнекамчатске и заложил зимовье на р. Большой.

Остроги становились центрами освоения нового края. Казаки жили в избах, в амбарах хранились припасы, оружие и пушнина, имелись специальные постройки для аманатов — заложников. Острог окружался высокой «козельчатой» оградой — частоколом из бревен с заостренным верхом. Над избами и амбарами сооружались «нагородни» — надстройки для обороны от нападений аборигенов.

Приказчикам предписывалось собирать ясак «перед прошлыми годами с прибавкою», составлять поименные списки плательщиков ясака, для чего в каждом отряде имелись писарь и толмач — переводчик. Предписывалось также «иноземцам ясашным людям держать ласку и привет и ничем их не изобижать». Первые списки плательщиков ясака («ясачные книги») были заведены в 1704 г. М. Зиновьевым, они включали 5 138 имен.

В обязанности приказчиков также входила организация «соболиных и звериных промыслов», сбор пошлины с торговых и промышленных людей, которые часть добровольно отправлялись с казаками в новые земли. Так, еще в походе С. И. Дежнева в 1648 г. участвовал торговый человек Федот Алексеев Попов. Приказчики имели право чинить суд над местным населением и подчиненными служилыми людьми.

Судьба приказчиков складывалась по-разному. Немногим из них удалось благополучно вернуться в Якутск с собранным ясаком. Уже в 1705 г. на р. Караге по пути на Камчатку был убит с семьей казаками четвертый камчатский приказчик Василий Протопопов (Верхотуров), направленный на смену В. Колесову. В том же году погибли десять казаков и приказчик Василий Шелковников.

Всего же в якутский период погиб каждый четвертый камчатский приказчик. Наиболее трагические события произошли в 1711 г., когда казаки, не дождавшись реакции якутских властей на свои челобитные с жалобами

на притеснения В. Атласова, вновь назначенного камчатским приказчиком в 1706 г., подняли бунт, во время которого, кроме Атласова, погибли еще два приказчика: Петр Чириков и Осип Миронов (Липин). Избранный самими казаками атаманом и приказчиком Данила Яковлевич Анциферов через год, в 1712 г., погиб на р. Аваче вместе со всем своим отрядом из двадцати пяти казаков от рук авачинских ительменов.

В 1714 г. приказчики Иван Енисейский (1713—1714 гг.) и Василий Колесов (1712—1714 гг.) погибли в Акланском остроге на р. Пенжине, сопровождая собранный за несколько лет ясак. Ясак был разграблен напавшими на них коряками. Погибли от рук туземцев также приказчики Иван Панютин с десятью казаками на р. Олюторе в 1709 г., Иван Харитонов на р. Палане в 1719 г. Скончался от болезни в 1724 г. в Нижнекамчатске Андрей Жирков. В 1732 г. умерли в Охотске, возвращаясь с Камчатки в Якутск с ясачной казной, Степан Бобровский и Никита Лосев.

Двое приказчиков — Иван Новгородов и Михаил Шехурдин — были казнены за жестокое обращение с камчадалами, приведшее к бунту 1731 г., по приговору Походной розыскной канцелярии под руководством полковника Василия Мерлина.

Многие приказчики были смещены или отозваны по доносам и отданы под следствие: в 1716 г. Петриловский смещен руководителем первой морской экспедиции на Камчатку Кузьмой Соколовым, его имущество было конфисковано; в 1720 г. приказчик Максим Лукашевский отстранен по доносу Алексея Шестакова; в 1721 г. сам А. Шестаков отстранен руководителем экспедиции геодезистов И. М. Евреиновым, а в 1727 г. Яков Мохначевский отозван по доносу В. Беринга. В 1733 г. Эверстова — последнего комиссара, назначенного из Якутска в 1731 г., арестовали в Охотске по приказу главного командира Охотского порта Г. Г. Скорнякова-Писарева, а его имущество конфисковали.

Мало кто из приказчиков избежал доносов. При конфискации у них имущества, личной пушнины нередко оказывалось больше, чем в собранной ими ясачной казне. Так, у Эверстова морских бобров конфисковали больше, чем их имелось в казне, которую он сопровождал.

До 1706 г. отношения между русскими и камчадалами складывались относительно мирно. Но в 1706 г. началась череда бунтов. Воспользовавшись временным отсутствием на Камчатке приказчиков (после отъезда В. Колесова и до прибытия Семена Ломаева), ительмены сожгли Большерецкий острог и перебили всех бывших там казаков. Лишь в 1711 г. Д. Я. Анциферову и И. П. Козыревскому удалось покорить большерецких камчадалов. В том же 1706 г. авачинские ительмены уничтожили отряд ясачных сборщиков из шести человек. Прибывший летом 1707 г. Атласов послал на усмирение семьдесят казаков во главе с Иваном Таратиным.

На берегу Авачинской губы в ноябре 1707 г. состоялось настоящее сражение с восемьюстами камчадалами. Казаки одержали победу, потеряв шесть человек. Но и после этого камчадалы не были покорены, о чем говорят события 1712 г. на Аваче, где погиб Д. А. Анциферов. Сопротивление камчадалов закончилось лишь после подавления самого крупного бунта 1731 г., когда был уничтожен Нижнекамчатский острог. Сто лет спустя об этом бунте А. С. Пушкин намеревался написать повесть.

О причинах непокорности ительменов в 1706 г. С. П. Крашенинников писал: «Причина бунту их была, может быть, та, что им ясашный сбор, который уже был, и с принуждением показался тягостен, тем наипаче, что у них тогда прежняя вольность из памяти еще не вышла, которую они надеялись возратить убийством российских людей; ибо по объявлению тамошних старожитов камчадалы думали, что российские казаки какие-нибудь беглецы; для того, что всегда почти одни к ним приходили, а вновь не прибывало; чего ради не сомневались они всех их перевестъ без остатку, а в непропуске вновь из Анадырска надеялись на коряк и олюторов, будучи известны, что они двух приказчиков Протопопова и Шелковникова с командами на дороге побили. Однако они в том весьма обманулись: ибо вместо приобретения прежней вольности многие потеряли живот свой, отчего и число их умалилось против прежнего» [7, с. 197—198].

Причины же камчатского бунта 1731 г. были гораздо глубже. Одна их главных — расстройство хозяйства камчадалов в связи с распоряжением В. Беринга доставить грузы Первой Камчатской экспедиции из Большерецка в Нижнекамчатск через весь полуостров (833 версты). Из всех селений собрали для этого камчадалов с собачьими упряжками. Было потеряно время для зимних промыслов, большая часть собак не вынесла тяжелой и продолжительной работы. Не успела завершить работу экспедиция Беринга, как на Камчатку в 1729 г. прибыл отряд от новой экспедиции во главе с Афанасием Шестаковым. Шестаков прислал своими уполномоченными сына Василия и племянника Ивана, которые считали себя начальниками Камчатки и занялись сбором ясака.

Одновременно в 1729—1731 гг. собирали ясак присланные из Якутска комиссары Иван Новгородов и Михаил Шехурдин, отличавшиеся особой жестокостью. Их деятельность считается главной причиной камчатского бунта 1731 г.

Об их методах сбора ясака и обращения с камчадалами, численность которых со времен М. Зиновьева уменьшилась вдвое (в ясачных книгах Зиновьева в 1704 г. значилось 5 138 плательщиков ясака, у Новгородова в 1730 г. — 2 527, у Шехурдина в 1731 г. — 2 634), А. С. Сгибнев пишет следующее:

«Хотя Беринг и не велел брать ясаков с тех камчадалов, которые находились в экспедиции, но комиссары для своих выгод взыскали с них ясаки, а в книгах

писали под их именами, что зачтено за перевозку экспедиционных материалов. В особенности же отличались взяточничеством и жестокостью комиссары Новгородов и Шехурдин и подьячие их Мухоплев и Свешников. Они брали с каждого камчадала в один год по два и даже по три ясака и для себя по три и четыре лисицы или соболя, а у кого не оказывалось требуемого, брали в холопство жен и детей. Кроме того, летом собирали с каждого человека по три и по четыре вязки юколы и по полтора пуда сладкой травы, кипрею и сараны, по 50 уток и несколько штук гусей и зайцев. По неимению же этих предметов, по лисице с души. Служилые, посылаемые за этими поборами, брали еще и для себя по лисице, кроме продовольствия. Все эти поборы камчадалы должны были доставлять за свой счет, летом на батах, а зимою на собаках. Прибывших же с этими вещами камчадалов прикащики посылали в лес за дровами для себя и команды, а иногда держали их для работы по полугоду» [18, с. 43]. Скорее всего, такими же методами действовали и предыдущие приказчики и комиссары.

Таким образом, последствия первых трех десятилетий российского правления на Камчатке оказались плачевными. Коренное население было доведено притеснениями приказчиков и комиссаров до восстания 1731 г., охватившего практически весь полуостров. Население края сократилось в несколько раз.

Единственным положительным результатом этого периода явились географические открытия. Но они никак не связаны с деятельностью камчатских приказчиков, кроме открытия Курильских островов, сбора сведений о Японии и составления Чертежа Камчадальского Носу, но это, в основном, заслуга И. П. Козыревского, а он приказчиком не был, совершал открытия по собственной инициативе. Остальные же открытия: морского пути из Охотска на Камчатку, составление карты Курильских островов, плавание Беринга для выяснения «сошлась ли Азия с Америкой» — были сделаны правительственными экспедициями, и не являлись результатами управления Камчаткой из Якутска.

2. ОХОТСКИЙ ПЕРИОД (1731—1764 гг.)

В 1731 г. состоялась первая административно-территориальная реформа, напрямую коснувшаяся Камчатки. Поводом к ней явилась записка вернувшегося из Первой Камчатской экспедиции В. Беринга в Сенат «О мерах по устройству жизни и быта населения Сибири и Камчатки», представленная в декабре 1730 г. Беринг подверг критике сложившуюся систему управления Камчаткой из далекого Якутска.

29 апреля 1731 г. из состава Якутского уезда Иркутской провинции было выделено самостоятельное Охотское приморское управление во главе с глав-

ным командиром, подчиненным непосредственно Иркутской провинциальной канцелярии. Одновременно указом от 10 мая 1731 г. Охотский острог был объявлен портом — первым на русском Тихоокеанском побережье. Охотскому правлению подчинялись русские владения на Северо-Востоке: побережье Охотского и Берингова морей, Анадырский край и Камчатка с Курильскими островами. То есть правительство еще до получения известия о камчатском бунте 1731 г. сочло необходимым изменить существующий порядок управления Камчаткой. Теперь не якутский воевода назначал правителей Камчатки, а охотский главный командир определял на Камчатку просто командиров, «понеже Охотск стал быть от Якутска к Камчатке самый близкий порт».

Первыми охотскими главными командирами оказались люди непростые. В 1731—1739 гг. эту должность занимал Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев: в 1719—1722 гг. — директор Морской академии, в 1722—1727 гг. — генерал-майор, обер-прокурор Синода. За участие в заговоре против А. Д. Меншикова в 1727 г. его лишили чинов и орденов и сослали в Сибирь. Именно Скорняков-Писарев и стал первым охотским главным командиром. Основная его деятельность на этом посту заключалась в организации практической помощи Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.). Именно в Охотске строились суда для экспедиции, здесь находились ее участники. По многочисленным доносам М. П. Шпанберга, отряд которого прибыл раньше Беринга, и его офицеров, в 1739 г. Скорнякова-Писарева отстранили от должности. Новым охотским главным командиром указом от 13 апреля 1739 г. был назначен также сосланный в Сибирь по одному со Скорняковым-Писаревым делу Антон Мануйлович Девиер — португалец, встреченный Петром I в Голландии, дослужившийся в России до обер-полицмейстера Санкт-Петербурга и ставший зятем А. Д. Меншикова.

Деятельность первых охотских главных командиров совпала по времени со Второй Камчатской экспедицией, решение об организации которой было принято в апреле 1732 г. Девиер оставался командиром Охотска почти до прекращения ее деятельности в 1743 г. В июне 1742 г. он вместе со Скорняковым-Писаревым выехал в Петербург. Оба были реабилитированы указом Елизаветы Петровны от 1 декабря 1741 г. Одновременно с Девиером в Охотске с 1740 по 1742 гг. отбывал каторгу видный ученый-гидрограф петровской эпохи, в 1730-е гг. вице-президент Адмиралтейств-коллегии Федор Иванович Соймонов. После освобождения в 1742 г. он остался в Сибири, руководил в 1753—1757 гг. возобновленной Камчатской экспедицией, которой из-за обострения отношений с Китаем пришлось ограничиться описью Шилки и Амура. В 1757—1763 гг. Соймонов был сибирским губернатором и также принимал участие в камчатских делах. В 1763—1766 гг. он был сенатором и ушел в отставку в возрасте 84 лет.

В инструкции из тридцати трех пунктов, данной Скорнякову-Писареву 29 апреля 1731 г., содержались и указания относительно Камчатки. В двенадцатом пункте сказано: «Тебе Писареву смотреть и за камчатскими прикащиками, и кои будут посылаются из Охотска офицеры с служилыми людьми для исправления дел и содержания острогов, чтобы они с тамошним народом поступали порядочно, и ежели про них будут жалобы, или по слуху сам уведает о каких не порядках и обидах, то как возможно унимать и штрафовать, по силе государственных прав».

В тринадцатом пункте предписывалось: «Для лучшего содержания острогов определять в них командиров не так, как ныне, ежегодно переменных; но на несколько лет, или пока какой в вину или подозрение войдут, дабы для своего жия лучше рачили и хлеб размножали и народ приласкали» [18, с. 55].

Но и в Охотске отсутствовали качественные кадры командиров, которые можно было направить на Камчатку. Они были ненамного лучше, чем якутские приказчики и комиссары. Ведь население Охотска в основном составляли, как и его командиры, ссыльные. И офицеры, и чиновники попадали в Охотск не самые лучшие. Отсюда продолжались те же беды, что и прежде. Да и занимались они в основном тем же — сбором ясака. Мешало и многовластие.

В первое десятилетие подчинения Камчатки Охотску на роль главных начальников претендовали руководители и уполномоченные трех экспедиций, работавших в 1730—1740-е гг. на Камчатке. С 1729 по 1740 гг. действовала так называемая Партия — экспедиция под началом Афанасия Шестакова, а после его смерти ее возглавил майор, а позднее полковник Д. И. Павлуцкий. Его основная резиденция была в Анадырском остроге, но отряды его экспедиции действовали и на Камчатке, принимали участие в подавлении камчадальского бунта 1731 г., в постройке нового Нижнекамчатского острога, в сборе ясака. Сам Павлуцкий неоднократно бывал на Камчатке и вмешивался в управление краем.

Вторая Камчатская экспедиция, три отряда которой работали с 1737 по 1743 гг. непосредственно на Камчатке, внесла свою лепту. Распоряжения камчатским командирам давали и сам В. Беринг, и М. Шпанберг, и Г. Стеллер и С. Крашенинников. Третья экспедиция — это Походная розыскная канцелярия во главе с Василием Мерлиным, с 1733 по 1739 гг. проводившая следствие по делу о камчатском бунте. Все это сводило к нулю роль первых камчатских командиров, которым предписывалось оказывать всяческое содействие названным экспедициям.

Первым камчатским командиром Скорняков-Писарев, еще находясь в Иркутске, назначил в 1732 г. иркутского дворянина Бейтона, а его помощником капитана Княжинкина. Но Бейтон отказался от этой должности, и вместо него в октябре 1733 г. на Камчатку прибыл другой иркутский дворянин — Добрынский. Он принял дела у последнего комиссара Эверстова (1731—

1733 гг.). Кстати, Эверстов десять лет перед этим провел в ссылке в Якутске по делу казненного цесаревича Алексея Петровича, у которого Эверстов некогда служил.

Добрынский не отличался особым усердием. Поручение провести перепись камчадалов он выполнил недобросовестно: вписал в старые ясачные книги новых плательщиков, но не исключил из них умерших. В сентябре 1753 г. Добрынский умер, не успев выполнить поручения Скорнякова-Писарева о заготовке провианта для экспедиции Беринга.

Вместо Добрынского его должность принял Иван Шестаков, бывший прежде в экспедиции Шестакова — Павлуцкого. Но он в основном исполнял приказания В. Мерлина, а в 1734 г. и сам попал под следствие Походной розыскной канцелярии, но был оправдан.

Третьим командиром Скорняков-Писарев назначил подпоручика Максима Латышева, который за злоупотребления был отдан Мерлиным под суд и по приговору розыскной канцелярии был бит кнутом.

После отстранения Латышева в 1738 г. и до прибытия в 1740 г. нового командира на Камчатке образовалось междувластие. А. С. Сгибнев приводит забавный факт, случившийся во время зимовки в Большерецком остроге отряда Шпанберга между его плаваниями к Японии в 1738 и 1739 гг. «В это время в Большерецке находился для следствия по камчатскому бунту майор Павлуцкий. Беспокойный и грубый Шпанберг постоянно ссорился с ним, за что неоднократно был бит Павлуцким, который отличался своею силою и представительною наружностью» [18, с. 58].

В 1739 г. направлен новый командир — боярский сын Колесов. Главная задача, поставленная перед ним, — заготовка в Нижнем и Верхнем камчатских острогах провианта для экспедиции капитан-командора Беринга: «Рыбы сухой 210 пуд. 24 фунт., да вместо масла коровьяго жиру рыбаго 315 пуд. 36 ф., соли 253 пуд. 32 ф... Вина их сладкой травы накурить 336 ведер 96 чарок...» [18, с. 57]

Примерно такое же количество провианта необходимо было заготовить и для команды капитана М. П. Шпанберга. Особо предписывалось Шпанберга «до камчатских дел не допускать и смотреть того накрепко». Видимо, здорово Шпанберг насолил главному командиру Охотского порта, что тот хотел отправить на Камчатку капрала Фридриха Плениснера, чтобы тот не допускал «его Шпанберга на Камчатке предерзостныя дела творить и богатца», но Беринг запретил брать на судно Плениснера. «Того ради тебе Колесову во всей Камчатке, проведая, исследовать, не учинит ли капитан Шпанберг, будучи на Камчатке, каких обид и взятков себе с тамошних обывателей. Не брали ли также оных и посланные от капитана Беринга подпоручик Свистунов и подштурман Родичев и прочие люди его Шпанберговой команды...» [18, с. 58]. Речь идет о геодезисте Свистунове и подштурмане Родичеве, посланных

Шпанбергом для постановки вех (маяков) в Большерецкой, Нижнекамчатской и Авачинской гаванях.

Петр Колесов, прибыв в 1740 г. на Камчатку, избрал своим местопребыванием Большерецкий острог, который на сорок четыре года стал административным центром Камчатки. К этому времени, еще в 1739 г., Камчатку покинула Походная розыскная канцелярия. Но две другие экспедиции оставались.

В бытность Колесова командиром Камчатки (до июня 1742 г.) главным событием явилось основание в 1740 г. Петропавловска и плавание В. Беринга и А. Чирикова к берегам Америки. Участие Колесова в этих событиях ограничивается заготовлением провианта для экспедиции. Из других событий следует отметить открытие первой школы на Камчатке в 1741 г. в Большерецке. Но сделано это было по приказу Девиера. Первым учителем стал ссыльный поручик Пражевский. В 1740 г. для занятий хлебопашеством на Камчатку прибыли двадцать четыре крестьянские семьи из Сибири. В 1741 г. они основали два русских селения в долине р. Камчатки — Мильковское и Ключевское. Но климат Камчатки оказался для земледелия сложным, и крестьяне вскоре стали рыбаками и охотниками. Позднее многие камчатские начальники пытались возродить хлебопашество, но все попытки заканчивались неудачей. Но благодаря русским крестьянам-переселенцам на Камчатке появился крупный рогатый скот и лошади. Мелкий скот и птицеводство не прижились из-за огромного количества ездовых собак в селениях.

Кстати, первую пару крупного рогатого скота завез на Камчатку в 1733 г. майор Д. И. Павлуцкий, а в 1734 г. доставлена пара лошадей. Прежде казакам, обзаводившимся семьей, запрещалось селиться в камчадалских селениях. С появлением крестьян стали появляться селения со смешанным населением. Возникает своеобразная культура, в которой сочетались русские и ительменские черты в образе жизни, занятиях жителей, одежде, жилищах.

Говоря о правлении Колесова, следует отметить, что продолжались традиции предшественников. Помощник Колесова, его брат Иван за взятки и убийство в пьяном виде казака был отдан под суд.

В июне 1742 г. Колесова сменил Петр Борисов. Напуганный сильным землетрясением, он обратился к Девиеру с просьбой об увольнении под предлогом, что при постоянных смутах на Камчатку следует назначать командирами офицеров. До решения этого вопроса временным командиром был прислан писарь Михаил Попов, который управлял Камчаткой с июня 1743 г. до своей смерти 5 февраля 1744 г., то есть всего семь месяцев. После него также недолго управлял капрал Уваровский, пока в октябре 1744 г. на Камчатку не прибыл новый командир — капитан Лебедев, направленный по распоряжению Иркутской канцелярии.

Лебедев оставался на этом посту дольше, чем кто-либо до или после него — десять лет, до 1754 г. (Кстати, Лебедев женился в Якутске на вдове

участника плавания А. Чирикова на пакетботе «Св. Павел» астронома Деллиль де-ля-Кройера, умершего в день возвращения из плавания в Америку и похороненного в Петропавловске.)

Время управления Камчаткой Лебедевым было одним из самых беспокойных. Еще с 1737 г. начались непрерывные волнения среди коряков, особенно по берегам Пенжинской губы. Одновременно с севера чукчи нападали на коряков и уводили у них оленей. В 1742 г. по предложению Девиера Сенат распорядился направить на усмирении чукчей в Анадырск Павлуцкого, как хорошо знакомого с краем. В 1747 г. Павлуцкий погиб в одном из многочисленных сражений с чукчами.

Для усмирения коряков был построен ряд крепостей на севере: в 1742 г. Акланская, в 1744 г. Тигильская, в 1752 г. Гижигинская и ряд крепостей (редутов) поменьше. В 1746 г. восставали, кроме чукчей и коряков, юкагиры и камчадалы на северных реках — Палане, Уке, Столбовой. В 1751 г. была сожжена Тигильская крепость. Восставшие планировали уничтожить все русские остроги на Камчатке. Лишь в 1757 г. удалось усмирить бунтовщиков.

В бытность Лебедева камчатским командиром началось освоение пушных промыслов Командорских и Алеутских островов. Было организовано более двадцати экспедиций промышленников на острова.

На смену Лебедеву был направлен опять по распоряжению Иркутской провинциальной канцелярии, минуя охотского главного командира Зыбина, капитан Чередов из Якутска. Он вступил в управление 31 октября 1754 г. и оставался командиром Камчатки до 13 февраля 1757 г. Чередов обнаружил недостачу денег и казенного имущества у Лебедева, которого отдали под суд. Следствие тянулось более пяти лет и, не дождавшись суда, Лебедев умер в Большерецке 3 февраля 1760 г. Во время следствия были выявлены и другие преступления Лебедева: во время подавления корякского бунта продавал корякских подростков в холопство в Охотск, пересылал в Якутск для продажи пушнину, сын Алексей постоянно пил казенную водку без платежа.

Сам Чередов за два года управления Камчаткой тоже успел прославиться жестокостью и корыстолюбием. Он почти беспрестанно разъезжал по полуострову в сопровождении купцов с разными товарами, навязывая их камчадалам за пушнину. За два пуда табака, например, брал по 60 бобров. При сборе ясака требовал такое же количество пушнины для себя. Непокорных наказывал как преступников: телесные наказания, перевод в другие селения без семьи. Во время его разъездов Большерецкой канцелярией управлял его сын сержант Федор Чередов, который не отставал от отца в жестокости и корыстолюбии. Тем не менее, по возвращении в Якутск Федор был назначен якутским воеводой.

По доносу начальника камчатской духовной миссии Пахомия Чередова отозвали в Охотск, где следствие над ним длилось двенадцать лет и закончи-

лось с его смертью в ноябре 1769 г. Сын Федор также лишился воеводской должности, и имущество его конфисковали.

13 февраля 1757 г. приступил к обязанностям командира поручик Кошкарев. В его правление предпринималась еще одна попытка завести хлебопашество, но без успеха. Кошкарева сместили в ноябре 1761 г. за злоупотребления.

Его сменил поручик Недозрелов, оказавшийся еще хуже своих предшественников. Он управлял краем до 1764 г.

Вот так бесславно завершился и второй, тридцатилетний период управления Камчаткой из Охотска. Ни один из командиров, назначенных из Охотска или Иркутска, не заслужил доброй памяти.

3. ИРКУТСКИЙ ПЕРИОД (1764—1785 гг.)

Камчатские командиры в эти годы назначались и из Охотска, и из Иркутска, и из Тобольска, и даже из Петербурга, но подчинялись они иркутскому губернатору. Были и самозванцы.

Перечень камчатских командиров в 1764—1785 гг. приведен в табл. 3.

Таблица 3

Командир	Годы правления	Кто назначил
Плениснер Ф. Х., полковник	1764—1765	Сибирский губернатор Ф. И. Соймонов 28.12.1763
Извеков И. С., капитан-лейтенант	18.10.1764— 19.05.1769	Екатерина II указом от 3.12.1763
Рахвалов, поручик	19.05.1769— 5.09.1769	Охотский главный командир Ф. Х. Плениснер
Нилов Г. Г., капитан	5.09.1769— 26.04.1771	Полковник Зубрицкий, следователь Иркутской губернской канцелярии
Беневский М.	27.04.1771— 12.05.1771	Самозванец, в результате бунта
Хметевский В. А., капитан-лейтенант	5.09.1771— июль 1773	Охотский главный командир Ф. Х. Плениснер
Шмалев Т. И., капитан	июль 1773— 15.10.1773	Иркутский губернатор А. И. Бриль 7.10.1771
Бем К. М., премьер-майор	15.10.1773— 15.03.1779	Екатерина II указом от 30.04.1772
Шмалев В. И., капитан	15.03.1779— 11.10.1780	Главный командир Камчатки К. М. Бем
Рейнеке Ф., коллежский асессор	12.10.1780—1786	Иркутский губернатор Ф. Н. Кличка

Кстати, следует отметить, что двое из них участвовали во Второй Камчатской экспедиции. В 1739 г. штурман Василий Хметевский был направлен Берингом вместе со штурманом И. Елагиным на Камчатку для выбора места

зимовки своих кораблей. Елагин исследовал Авачинскую губу. «А отправленный де от него, Елагина, штурман Василий Хметевской устье реки Камчатки вымеривал, которое де явилось по ево мере глубиною 7,5 фута, точно за таким маловодствием построющимися для нашего вояжа пакетботами во оное устье войтить невозможно...» — сообщал Беринг в Сенат [22, с. 212].

В 1742 г. Хметевский участвовал в третьем, неудачном плавании Шпанберга к берегам Японии, а в 1743—1744 гг. по поручению Шпанберга он, командуя шлюпом «Большерецк», производил опись западного берега Камчатки и юго-западного побережья Охотского моря. А капрал Фридрих Христианович Плениснер участвовал в плавании Беринга к берегам Америки на пакетботе «Св. Петр», исполняя обязанности живописца, и зимовал на острове Беринга в 1741—1742 гг.

Два других командира — братья Тимофей и Василий Шмалевы, сыновья главного командира Анадырского острога в 1754—1758 гг. премьер-майора Ивана Степановича Шмалева — получили известность как исследователи Камчатки. В. И. Шмалев занимал впоследствии должность командира Петропавловской гавани и умер здесь в 1799 г.

Это был период крайне противоречивый. В эти годы случились величайшая трагедия в истории Камчатки, унесшая жизни двух третей ее населения, — знаменитый «большерецкий бунт» 1771 г., посещение Камчатки экспедицией Дж. Кука и состоялось наиболее успешное в XVIII в. управление Камчаткой К. М. Бемом.

Как видно из приведенного списка камчатских командиров, период начался с двоевластия. В 1764—1765 гг. краем одновременно управляли два командира: Плениснер и Извеков. Случилось это из-за несогласованности действий сибирских, охотских и столичных властей.

Еще в 1753 г., когда Камчатка оставалась в составе Охотского управления и командиры на полуостров направлялись оттуда, был утвержден указом Сената анадырским главным командиром и командиром Камчатки секунд-майор И. С. Шмалев. Перед ним стояла задача усмирения чукчей и коряков. В связи со сложным положением на севере Камчатки и на Анадыре ему не удавалось заняться камчатскими делами, где управлял Чередов.

14 октября 1755 г. вышел новый указ Сената, предписывающий «обретающимся в Анадырском остроге офицерам и нижним чинам в числе 600 человек считаться камчатскою командою, и командиром над тамошними местами быть секунд-майору Шмалеву».

Но Шмалев заболел и 17 марта 1758 г. умер в Анадырске. Его сменил поручик Кекуров, а в 1760 г. по предложению сибирского губернатора Ф. И. Соймонова был утвержден Анадырским главным командиром подполковник Ф. Х. Плениснер, лично знакомый Соймонову по Охотску. Соймонов предписал Плениснеру, примирив чукчей и коряков, отправиться на Камчатку

и принять дела у Недозрелова. Плениснеру было приказано «озаботиться хлебопашеством в Камчатке», «осмотреть Курильские острова и стараться привести их в подданство. Разведывать также о тех островах, с которых привозятся морские звери», то есть об Алеутских, «послать лейтенанта Синдта... до американских берегов для осмотра».

Был в инструкции Соймонова шестой пункт, который привел впоследствии к столкновению Плениснера с Извековым: «Во всей Камчатке с служилыми людьми, какого бы они чина не были, если они окажутся обидчиками и разорителями, поступать не отписываясь» (то есть на месте) [18, с. 82].

В 1764 г. Плениснер отправил Соймонову рапорт о бесполезности Анадырского острога, который с 1710 г. дал в казну от инородцев 29 тыс. руб., а расходы на его содержание составили почти 1 млн 900 тыс. руб. Главным занятием команды вместо усмирения чукчей и коряков являлись поиски пропитания охотой и рыбной ловлей. Соймонов доложил об этом Екатерине II, и та 21 июня 1764 г. произвела Плениснера в полковники с тем, чтобы он остался в Анадырске до его уничтожения. Но Плениснер раньше получил новые указания Соймонова от декабря 1763 г. «переехать через Камчатку и, рассмотрев там все дела, следовать в Охотск, где исполнять должность главного командира».

Вот так Плениснер оказался осенью 1764 г. на Камчатке, где застал только что прибывшего из Петербурга по указу сената Извекова, принявшего дела у поручика Недозрелова. Извеков был направлен на Камчатку указом Сената от 3 декабря 1763 г. на пять лет «для содержания и охранения верноподданных народов и учреждения добрых порядков». Извеков действительно управлял Камчаткой около пяти лет, до мая 1769 г. Но вместо «учреждения добрых порядков» прославился самодурством, жестокостью и безнравственностью. К счастью, он редко покидал Большерецк, а управление Верхне- и Нижнекамчатским острогами для наблюдения за хлебопашеством Плениснеру удалось поручить прибывшему с ним из Анадырска поручику Т. И. Шмалеву, отличавшемуся человеколюбием и вошедшему в историю как талантливый исследователь нашего края. Кстати, в Нижнекамчатске Шмалев подружился с руководителем базировавшейся там секретной экспедиции, изучавшей Алеутские острова, П. К. Креницыным, по поручению которого отправился в 1768 г. в Петербург с рапортом о деятельности экспедиции.

В Петербурге он встречался с академиком Г. Ф. Миллером, с которым впоследствии вел переписку, выполнял его научные поручения. Шмалев был принят Екатериной II, которая произвела его в капитаны.

До осени 1765 г. на Камчатке находился и давал свои распоряжения и Плениснер. Выполняя шестой пункт инструкции Соймонова и последующие указания сибирского губернатора, требовавшего в Камчатке «во всех местах вкоренившиеся в прежних командирах безпорядки истребить, как равно ли-

хоимство, взятки, грабежи пресечь», он предписал Большерецкой канцелярии не исполнять противозаконных приказаний Извекова. Покидая Камчатку, Плениснер приказал поручикам Рахвалову, Норику и Попову в случае буйства Извекова сменить его и выслать в Охотск. Но 26 апреля 1767 г. вышел указ Сената, запрещающий Плениснеру сменять камчатского командира.

Между тем, Извеков, избавившись от Плениснера, наслаждался своей властью в Большерецке. А. С. Сгибнев пишет: «Набрав шайку подобных себе пьяниц, во главе которых стоял ссыльный Турчанинов... Извеков с этой бурной ватагой ходил ночью по семейным домам, отнимал жен и дочерей, а сопротивлявшихся заковывал в кандалы». Во время его прогулок «жители Большерецка не смели показываться на улицу, потому что малейшее невнимание к его личности или просто невеселый вид приводил его в бешенство, и тогда, не разбирая ни пола, ни возраста, он бросался на свою жертву и чем попало бил ее до изнеможения... Казенным имуществом и казенными суммами он распоряжался как своей собственностью. Водки, провианта и других казенных продуктов он употребил для своего дома в течение пяти лет на 68 259 руб. 84 коп. [18, с. 86].

Вот так камчатский командир «охранял верноподданные народы и учреждал добрые порядки».

Единственное, что было при нем исполнено из предписанного Сенатом, это требование «об изыскании незнакомых земель и островов». В 1768 г. Большерецкий сотник Иван Черный впервые побывал на южных Курильских островах, сделал описание всей Курильской гряды и собрал ясак с жителей Итурупы и Кунашира, то есть фактически привел их в российское подданство, и доказал утверждение М. П. Шпанберга 1739 г., что эти острова «не под властью японского хана» [23, с. 140].

В мае 1769 г. терпение жителей Большерецка лопнуло. Гарнизон, жители и команда зимовавшего в Большерецке судна «Св. Павел» во главе с поручиком Рахваловым взяли штурмом канцелярию, арестовали Извекова и отправили его в Охотск, где его после суда разжаловали в рядовые. За командира до присылки нового остался поручик Рахвалов.

Поводом к восстанию послужила бездеятельность Извекова во время страшной эпидемии оспы, завезенной осенью 1768 г. из Охотска. Оспа свирепствовала до весны 1769 г. Вымирали целые селения. По данным, собранным полковником Зубрицким, направленным из Иркутска еще до эпидемии для разбирательства отношений между Плениснером и Извековым, оспа унесла жизни 5 767 камчадалов и 315 «заезжих людей», то есть русских. Из 2 573 плательщиков ясака в живых осталось лишь 856, то есть треть [18, с. 90].

Но и на этом беды камчадалов не закончились. В 1769 г. случился большой недоход рыбы, приведший к страшному голоду зимой 1769—1770 гг. среди оставшихся трех тысяч камчадалов. В Иркутске даже появился проект

пополнения населения Камчатки за счет переселения туда двухсот семейств якутов, переболевших оспой, но Сенат отклонил это предложение.

Не повезло и с новым командиром. На смену Рахвалову Зубрицкий привез капитана Нилова, бывшего прежде командиром Гижигинский крепости. Нилов вступил в должность 5 сентября 1769 г. и пробыл в ней немногим более полутора лет до своей гибели во время «большерецкого бунта» 26 апреля 1771 г. Он оказался никчемным командиром, добродушным и вечно пьяным.

Впоследствии иркутский губернатор Бриль спрашивал Зубрицкого, почему он назначил камчатским командиром Нилова, «который, как всем известно, был офицер слабый и всегда нетрезвый».

Нилов оказался единственной жертвой бунта, организованного группой ссыльных офицеров во главе с бароном Морицем Августом Беневским. Целью заговорщиков был побег с Камчатки, который им удался. После убийства Нилова Беневский объявил себя командиром Камчатки и был им фактически две недели до отплытия с полуострова 12 мая 1771 г.

Беневскому удалось вовлечь в заговор значительную часть жителей Большерецка разных сословий. Кроме восьми ссыльных офицеров, с ним бежали более шестидесяти человек: матросы, крестьяне, казаки, промышленники, камчадалы. Учитывая, что в то время в Большерецке проживали 35 семейств обывателей, 70 чел. гарнизона, да зимовали два судна: «Св. Екатерина» купца Холодилова и казенное «Св. Петр», это немало. На «Св. Петре» заговорщики и бежали, захватив казенную пушнину, продовольствие и оружие.

В Охотске стало известно о бунте лишь 9 июля, когда туда пришла «Св. Екатерина». Плениснер был обязан сообщить о происшествии в течение трех дней, но почему-то отправил донесение в Иркутск лишь полтора месяца спустя, 27 августа, за что впоследствии был уволен со службы.

В сентябре 1771 г. для управления Камчаткой и проведения следствия о бунте был направлен капитан-лейтенант В. А. Хметевский. По поводу этого назначения, сделанного Плениснером, Зубрицкий доносил в Иркутск, что «Хметевский, по старости лет, легкомыслию и привычке вмешиваться не в свои дела... не может оставаться на месте камчатского командира».

Поэтому губернатор Бриль 7 октября 1771 г. предложил вернувшемуся из Петербурга капитану Т. И. Шмалеву «немедленно отправиться в Охотск и оттуда на Камчатку командиром». Но из-за болезни Шмалев смог прибыть в Большерецк и сменить Хметевского лишь в июле 1773 г.

За это время поменялось руководство и в Охотске. 10 октября 1772 г. Плениснера сменил полковник Зубрицкий. Побег Беневского сильно обеспокоил власти. Полагая, что Беневский может вернуться на Камчатку с иноземными судами, Зубрицкий просил иркутского губернатора усилить гарнизоны острогов людьми, пушками и ружьями. Он пишет, что пушки «все старого манера и с раковинами», а у кого и есть ружья, то негодные. Во всех восьми

острогах Охотского правления было 649 солдат и казаков, более половины которых находилось в двух — Охотске и Гижигинской крепости [18, с. 96—97].

Лишь бунт Бенецкого заставил, наконец, обратить серьезное внимание на Камчатку. Сама императрица проявила интерес к камчатским беспорядкам, предписав иркутскому губернатору усилить оборону территории, а 30 апреля 1772 г. подписала указ о назначении камчатским главным командиром лично ей известного премьер-майора Магнуса Карла фон Бема.

В Иркутске Бем получил от губернатора Бриля подробную инструкцию из 29 пунктов. В ней говорилось: «1) Поручается вам в команду вся Камчатская земля и все живущие там лица, Большерецкий, Верхний и Нижний остроги, Тигильская крепость и вновь построенная в Пенжинской губе в 1752 году Ижигинская крепость, которая до сего состояла в ведении охотской канцелярии, а также принять в свое ведение Курильские и другие близ Камчатки лежащие острова и на них живущих ясашных инородцев... 4) Вам же самим с камчатской большерецкой канцелярией состоять единственно под начальством иркутского губернатора и иркутской губернской канцелярии...» [19, с. 5—6].

Таким образом, камчатский командир стал именоваться главным, и Камчатка впервые официально была подчинена непосредственно губернатору, хотя и не была выделена в самостоятельную административную единицу. Расширялась и территория, управляемая камчатским командиром, за счет земель Гижигинской крепости. Эта территория почти совпадает с границами современного Камчатского края.

Инструкция Бриля предписывала Бему заняться укреплением обороны Камчатки, развитием сельского хозяйства, завести железоделательный завод, продолжить исследование южных Курильских островов и стараться привести в российское подданство их жителей — «мохнатых курильцев».

Бем вступил в управление Камчаткой 15 октября 1773 г. и находился в должности до лета 1779 г. Это были наиболее благоприятные для края годы за весь XVIII в.

Вот какую оценку деятельности Бема дает А. С. Сгибнев: «По прибытию в Камчатку Бем, прежде чем приступить к каким-либо распоряжениям, счел необходимым ознакомиться с условиями вверенного ему края и бытом его обывателей. Для этой цели он посетил многие селения инородцев, входил в мельчайшие подробности их жизни и как нежный отец не отказывал никому в добром совете и рассмотрении жалоб, хотя бы оне касались только семейной жизни. Примером своим он укротил наглость служилых, примирил их с туземцами и уничтожил, по возможности, взяточничество. Словом, его уму, честности, энергии и справедливости во всех действиях туземное население обязано своим освобождением от рабства и угнетения, тяготевших на нем более полувека» [19, с. 13].

Бем завел в каждом селении общественные и частные огороды, посадки картофеля, в первые годы были получены неплохие урожаи ржи, овса и ячменя. Он возродил железоделательный завод близ Верхнекамчатска, который при его преемниках был заброшен «за скудостью руды и непрочностью железа». Бем завел казенный солеваренный завод, чем снизил цены на соль более чем в двадцать раз. Он стал назначать на каждое судно, отправлявшееся на промысел на Алеутские острова, по два унтер-офицера для сбора ясака и для предотвращения грубого обращения промышленников с туземцами. Бем значительно увеличил доходы казны, содержа на эти средства всех служащих и тратя на преобразование края. Военных в четырех острогах Петропавловской гавани при нем насчитывалось 692 чел.

Много внимания Бем уделял развитию школ, построил первую на Камчатке больницу, в которой работал первый врач на полуострове — лекарь Робек.

Планы Бема шли гораздо дальше. Он намеревался завести больницы во всех шести камчатских крепостях, учредить на Камчатке навигацкую школу, перенести управление ближе к центру полуострова — в Тигильскую крепость, и даже предлагал объединить управление Камчатки с Охотском для своевременного снабжения края всем необходимым. Но этим планам не суждено было сбыться из-за противодействия нового губернатора Ф. Г. Немцова, сменившего А. И. Бриля в 1776 г. Немцов подозрительно относился к Бему из-за его переписки с генерал-прокурором Сената князем А. А. Вяземским. Вяземский же вел переписку с Бемом по требованию Екатерины II, которая интересовалась камчатскими делами после бунта Беневского. В конце концов Немцов добился предания Бема суду по делу в связи с нападением чукчей на коряков, но Бема оправдали.

Выполняя инструкцию Бриля, Бем в 1775 г. отправил на южные Курильские острова экспедицию И. М. Антипина — Д. Я. Шабалина, которая в 1778—1779 гг. собирала ясак не только на южных Курилах, но и на северо-восточном побережье Хоккайдо, обратив многих «мохнатых курильцев» в православную веру.

14 марта 1778 г. Бем сдал дела новому командиру капитану Василию Шмалеву, брату Тимофея Ивановича Шмалева. Но не успел Бем покинуть Камчатку, как пришло известие о том, что в Петропавловскую гавань зашли корабли Третьей кругосветной экспедиции Дж. Кука под командой Ч. Кларка. Бему, как старшему по званию, пришлось вернуться к делам и заняться организацией помощи англичанам. Он проявил себя как неплохой дипломат. Бем распорядился бесплатно снабдить англичан продовольствием и обещал к следующему их приходу (он состоялся осенью того же года) доставить из Охотска все необходимое для ремонта.

Приход англичан вновь обратил внимание властей на необходимость усиления обороны Камчатки. А. А. Вяземский писал 10 декабря 1779 г. уже

новому иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке, что императрица по поводу донесения о приходе в Камчатку англичан изволила указать, чтобы «Камчатку привести в оборонительный вид непременно, так как путь туда сделался уже известен иностранцам». А «оборонительный вид» Камчатки оставался плачевным. В. И. Шмалев писал, что «все ружья у казаков негодныя. Из Якутска и Охотска высылаются в Камчатку только те из них, которые не могут быть употреблены там в дело. Хорошей артиллерии и канониров также нет. Все имеющиеся здесь пушки скорее сделают вред нашей прислуге, чем неприятелю, а канониры вовсе не знают своего дела, так что при пальбе в высокаторжественные дни редко обходится без несчастья. При отбытии англичан из Большерецка, служителя, заряжавшего пушку, совсем разбило» [19, с. 21].

Второй приход английской экспедиции состоялся уже после отъезда Бема. В. И. Шмалев принял участие в похоронах умершего перед заходом в Петропавловск руководителя экспедиции капитана Кларка.

Все необходимые англичанам припасы доставили при содействии Бема из Охотска, из Верхнекамчатска пригнали скот. Кстати, благодарные англичане подарили Шмалеву за содействие экспедиции настольные часы, принадлежавшие Куку. Бем впоследствии получил от английского правительства большую серебряную вазу с дарственной надписью, а английское Адмиралтейство назначило ему пенсию, от которой он отказался. Получил подарки и ссыльный П. М. Ивашкин, привезенный из Верхнекамчатска и выступавший в роли переводчика. Восемь лет спустя Шмалев и Ивашкин встречали в Петропавловской гавани еще одну иностранную экспедицию — Лаперуза.

В. И. Шмалеву пришлось быть главным командиром Камчатки полтора года. Правда, ему снова пришлось возглавить Камчатку десять лет спустя, но уже не в должности главного командира, а исправника Нижнекамчатского уезда в составе Охотской области и в подчинении у охотского коменданта, а позднее он был назначен командиром Петропавловской гавани.

11 сентября 1780 г. на смену Шмалеву прибыл новый главный командир — коллежский асессор Франц Рейнеке. Назначен он был по представлению другого Франца — иркутского губернатора Ф. Н. Клички. Шмалева назначили командиром Тигильской крепости, где он пробыл почти десять лет.

Рейнеке поручалось укрепить Петропавловскую гавань, обратить внимание на хлебопашество, огородничество и скотоводство. С хлебопашеством, как и у предшественников, случилась неудача, огородничество поддерживалось, скотоводство развивалось. В 1781 г. на Камчатке было 138 лошадей и 272 головы крупного рогатого скота. Рейнеке поддерживал железодельный завод, построив на нем две новые печи, но к этому времени привозное железо стало вдвое дешевле камчатского, и завод вскоре закрылся. В Мильков-

ском селении устроили первую водяную мельницу, просуществовавшую почти пятьдесят лет.

Деятельность Рейнеке во многом напоминает стиль работы Бема. Он также собирался перевести управление в Тигиль, но, узнав, что в р. Тигиль наблюдается постоянный недолов рыбы, отказался от этой затеи.

Энергичная деятельность Рейнеке прервалась новой административной реформой 1783 г. Сначала было создано Иркутское наместничество, а затем Иркутскую губернию разделили на четыре области, в том числе Охотскую, в которую Камчатка вошла тремя уездами: Нижнекамчатским, Акланским и Гижигинским. Рейнеке пришлось заниматься обустройством центров уездов, названных городами. 27 февраля 1785 г. он перенес управление из Большерецка в Нижнекамчатск.

В том же году Рейнеке открыл управление в Гижигинске. А вот открытие третьего города задержало Рейнеке на целый год. Акланский острог был оставлен русскими еще в 1746 г., а в 1748 г. сожжен коряками. Рейнеке решил поставить город на р. Палане, но место оказалось безрыбное и безлесное. Пришлось временно устроить Акланское управление в Тигильской крепости. Только в 1786 г. нашли место на р. Аклан (Оклан), куда перевели управление из Тигиля, и Рейнеке смог покинуть Камчатку.

Так, бесславно начавшись с двоевластия Извекова и Плениснера, третий — иркутский — период так же бесплодно и закончился многовластием главного командира, трех исправников и трех городничих. Но впереди Камчатку ждали еще более трудные времена.

4. НИЖНЕКАМЧАТСКИЙ ПЕРИОД (1785—1812 гг.)

В эти годы в России сменились три императора, и все они проводили реформы управления по принципу В. С. Черномырдина: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Совершенно непригодными для камчатских условий оказались реформы 1783 г., особенно проведенная по указу Екатерины II от 2 марта 1783 г. «О составлении Иркутской губернии из четырех областей». Согласно этому указу появилась самостоятельная Охотская область, включавшая в себя бывшее Охотское приморское управление и Камчатку, на территории которой были образованы три вышеупомянутых уезда.

Глава области стал называться комендантом, во главе уездов встали исправники, во главе городов — городничие. Камчатским исправником назначили Иоганна Штейнгеля, отца будущего известного декабриста В. И. Штейнгеля, городничим — иркутского чиновника коллежского асессора Орленкова. Полномочия их часто пересекались, они отдавали противоречивые приказания, возник конфликт. Совершавший инспекционную поездку по Камчатке охотский областной комендант полковник Г. А. Козлов-Угренин смес-

тил Штейнгеля и всю власть передал Орленкову. Кстати, до этого он также сместил исправников в Гижиге — Гауза и в Акланске — Беннера.

Но конфликты между чиновниками уездов не были главной бедой для населения Камчатки. Ее наводнила масса чиновников, которые разъезжали по своим делам, не платя проездов, и отвлекали население от занятий промыслами. Самой большой бедой, приведшей к страшному голоду и другим бедам, стала «собачья оспа». Так камчадалы назвали поездку по краю Козлова-Угренина в 1787—1788 гг., когда погибли от голода и тяжелой работы почти все собаки. Козлов-Угренин объяснял иркутскому губернатору, что цель его поездки была «для заведения порядка и устройства чукок и коряк, а также для того, чтобы ознакомиться с краем, ибо без того он был только начальником для вида и не мог бы следить за соблюдением там законов».

Эта забота обернулась тем, что в повозки огромной свиты коменданта зимой впрягались по 400—500 собак, а летом по рекам плоты с этой свитой тянули, как бурлаки, сотни камчадалов. Зимой выгонялись жители селений, чтобы расчищать путь каравану, вырубая кустарник и деревья. Свита Козлова-Угренина скупала за безделушки меха у населения.

Во время этой поездки Камчатку посетила экспедиция Лаперуза, и часть свиты во главе с комендантом прибыла в Петропавловскую гавань, а после ухода французов продолжила «инспекцию». Два года городничие и чиновники были заняты обслуживанием Козлова-Угренина и его свиты, забросив все дела.

В 1790 г. Козлов-Угренин сместил и Орленкова и отдал его под суд. Городничим был назначен секунд-майор В. И. Шмалев. Но на этот раз Шмалеву пришлось вскоре уступить власть прибывшему на зимовку в Петропавловск руководителю Северо-Восточной секретной экспедиции И. И. Биллингсу, который в 1779 г. уже бывал в Петропавловске как участник третьего плавания Кука. Указом Екатерины II от 9 января 1790 г. Биллингсу поручалось организовать оборону владений на Восточном океане от возможного нападения капитана Кокса на шведском военном корабле «Меркурий». Шмалева назначили командиром Петропавловской гавани для оказания содействия Биллингсу. Но укреплять гавань оказалось нечем, и только в 1796 г., когда были доставлены пушки из Охотска, удалось из 27 орудий соорудить шесть баатарей.

Не дождавшись нападения Кокса, летом 1791 г. Биллингс оставил Камчатку, и вновь власть перешла к Шмалеву. В декабре прибыл новый городничий — коллежский ассессор Воеводский. Шмалев долго не хотел признавать его власть над собой, писал на него доносы в Иркутск, а Воеводский писал на Шмалева. Закончилось дело тем, что в 1794 г. обоих отдали под суд, Воеводского вызвали в Охотск, а Шмалев остался в Петропавловске, где и умер в декабре 1799 г.

На смену Воеводскому в 1794 г. прибыл губернский секретарь Крылов. Но он занимался перепиской с иркутским губернатором с жалобами на ужасный камчатский климат и бедность чиновников. Вот их типичный образец: «Камчатский край окружен со всех сторон, кроме северной, морем и изобилует во множестве горящими сопками, извергающими пламя совокупно с густейшим дымом, производящим грубый мрак, заражающий самый воздух, который, меняясь с морским влажным, составляет яд, расслабляющий человека, наводящий на него уныние, умаляющий силы, портящий кровь, умножающий болезненные припадки и даже влекущий за собою народные бедствия; а потому вино и здоровая пища при таких климатических условиях необходимы для подкрепления здоровья. Но к этим-то предметам и нет приступу бедным чиновникам и обитателям здешняго края. Вино продается по 46 руб. за ведро — цена неслыханная! Казне прибыток, а жителям отягощение!» [19, с. 35].

Могли ли чем-то способствовать развитию и процветанию края руководители с таким отношением к объекту своего управления! Целых три года управлял Камчаткой Крылов, ожидая разрешения на выезд. В 1797 г. его сменил нижнекамчатский чиновник Фролов, прославившийся еще в 1790 г. тем, что после отъезда Орленкова не желал сдавать дела Шмалеву. Помогло лишь вмешательство Биллингса. Но в 1798 г. Фролов попал под суд за пьянство и плутовство, а приехавший ему на смену в 1799 г. Щеглов в том же году был отозван назад в связи с новыми преобразованиями в управлении краем, получившими название «сомовского поветрия». Итак, реформа 1783 г. оказалась полностью провальной. Камчатка, которая при Беме и Рейнеке не только окупала себя, но и стала давать прибыль, снова начала приносить убытки.

В 1796 г. началась губернская реформа Павла I. В ее рамках для усиления обороны Камчатки 3 октября 1798 г. было решено сформировать из батальона полковника А. А. Сомова полк и расположить: шефскую роту в Нижнекамчатске, по одной роте при штаб-офицерах в Петропавловской гавани, Охотске и Удском остроге. На формирование полка, его укомплектование и доставку потратили огромные суммы. Но они оказались несравнимы с несчастьями для населения Камчатки и убытками для казны, произошедшими после прихода полка и ставшими результатом его содержания там.

Солдаты сомовского полка завезли эпидемию горячки. Уже на переходе из Охотска умерли 30 чел. Вместо Нижнекамчатска Сомов приказал направиться в Петропавловскую гавань, откуда в зиму 1799—1800 гг. началась перевозка роты с багажом на собачьих упряжках через всю Камчатку в Нижнекамчатск. Болезнь распространилась по полуострову и унесла жизни более 2 000 чел., в том числе 350 русских [19, с. 36].

Вымерли целые селения. По масштабам это бедствие было сопоставимо с эпидемией оспы 1768—1769 гг. Ведь к этому времени население Камчатки

едва превышало 4 000 чел. Перевозка самих солдат, продовольствия, прибывшего для них, опять лишила камчадалов половины собак. Были заброшены промыслы. Кроме того, чтобы солдаты не торговали казенным порохом, Сомов запретил продавать его частным лицам.

Привезенного провианта не хватало, Сомову пришлось урезать пайки вдвое, заменив вторую половину порсой (порошком из сушеной рыбы), а затем и вчетверо. Солдатам было негде жить. Многие из них завезли собак и разрезжали по селениям для торговли.

И тогда у иркутских чиновников возникла идея перевести камчатский гарнизон на самообеспечение продовольствием. Иркутский военный губернатор Б. Б. Лещано вышел с предложением: «С одной стороны, по великим издержкам казны на доставку полку Сомова провианта и аммуниции, по изнурении якутов (перевозивших грузы из Якутска в Охотск. — *В. А.*) и по неверной, а нередко гибельной перевозке провианта чрез море на транспортных судах, а с другой, по удобству камчатского климата к размножению хлебопашества и скотоводства (эти неверные сведения Лещано получил от бывшего нижнекамчатского городничего Воеводского. — *В. А.*), весьма полезно было бы обратить гарнизонный Сомов полк по примеру бывших ландмилицких полков (военных поселений. — *В. А.*); от чего впоследствии вознаградились бы все издержки казны, и не только одно войско тамошняго края вкушало бы хлеб от своего земледелия, но и все жители безбедно могли бы оным довольствоваться» [19, с. 38].

Вот таким мечтателем был военный губернатор, генерал от инфантерии Б. Б. Лещано. Он даже рассчитал выгоду от этого, которая обещала расходы лишь в первый год эксперимента в 41 000 руб., в то время как трехгодичная доставка провианта на Камчатку обошлась в 225 000 руб., и дальше расходы оставались бы на том же уровне. Лещано предполагал занять хлебопашеством две трети солдат, а остальных оставить для караулов. Но чтобы солдаты-хлебопашцы не забыли службы, они должны были ежегодно проходить трехнедельные военные сборы.

29 декабря 1801 г. предложения Лещано были утверждены указом Александра I. Сомов сообщил, что он намерен Петропавловскую (101 чел.) и Большерецкую (93 чел.) роты поселить в Верхнекамчатске, а из двух Нижнекамчатских рот (219 чел.) одну расположить близ Ключевского селения, другую — близ селения Машуры (недалеко от современной Долиновки Мильковского района). Штаб полка должен был размещаться в Верхнекамчатске.

Началось новое переселение. Сомов запросил в августе 1802 г. дополнительные средства, которые ему были отпущены. Но появились новые расходы на доставку из разных губерний солдатских и офицерских семей. Семена для посева 1803 г. были испорчены, новые высланы из Иркутска лишь в 1807 г., а прибыли на Камчатку в 1809 г. Скот, посланный из Якутска своим ходом,

почти весь погиб в пути от бескормицы. Новые расходы отдачи не давали, а старые не прекращались: все это время через Охотск морем отправляли провиант на Камчатку. Вскоре всех переселенцев из Верхнекамчатска и Машиур снова перевели в Петропавловскую гавань и Нижнекамчатск.

Охотская флотилия не справлялась с доставкой провианта для камчатского гарнизона, а в то же время на казенных судах перевозились преимущественно грузы Российско-Американской компании, которая торговала продовольствием на Камчатке по баснословным ценам. Казенные суда в Охотске строились по три года, а компанейские (для РАК) — за год.

Вновь назначенный вместо уехавшего в 1802 г. по слабости здоровья Сомова генерал П. И. Кошелев угрожал командиру Охотского порта вице-адмиралу Фомину, что будет конфисковывать компанейские товары, присланные в ущерб казенным. Кошелев обратился к Александру I с предложением подчинить Охотск камчатскому коменданту. Был создан особый комитет из трех министров — коммерции, военного и морского — и сибирского генерал-губернатора. Комитет постановил: «Охотский порт не подчинять камчатскому коменданту, а для управления Камчаткою учредить областное правление из судьи, исправника и двух заседателей под председательством коменданта, которому именоваться правителем Камчатской области... Ижигинский округ подчинить коменданту, а областное правление — иркутскому губернатору; по части же судной — иркутской уголовной палате. Камчатскому гарнизону состоять из 5-ти рот: четырем находиться в Камчатке и одной в Ижиге. Из 4-х камчатских рот две иметь на ландмилицком положении, а остальные на положении гарнизонном... Местопребыванием коменданта назначить Верхнекамчатск» [19, с. 41].

11 августа 1803 г. это постановление было утверждено Александром I. Таким образом, Камчатка впервые получила статус самостоятельной области, в состав которой была включена территория трех бывших уездов Охотской области: Нижнекамчатского, Акланского и Гижигинского. Города Акланск и Гижига (Ижига) были упразднены.

Кошелев вскрыл массу злоупотреблений своего предшественника и его офицеров. В частности, казенный порох продавался через магазины РАК. Кошелев конфисковал у компании весь порох, а ее приказчика Хлебникова арестовал. Кошелев убедился, что хлебопашество на Камчатке невозможно, а скотоводство можно развивать в больших размерах и просил выслать сто семейств якутов со своим скотом. Он завел ряд казенных солеваренных заводов, предложил ряд толковых проектов по развитию вверенного ему края, но они утонули в переписке с Иркутском.

Кошелев проявил себя как честный, умный, деятельный и образованный правитель. Высокую оценку его деятельности дал И. Ф. Крузенштерн, трижды посещавший Камчатку в 1804 и 1805 гг. Крутые меры, которыми Кошелев

пытался наводить порядок в камчатском батальоне, привели к организации заговора против него во главе с полковником Сибиряковым. Тридцать семь заговорщиков арестовали. Следственное дело было направлено иркутскому губернатору Н. И. Трескину, который не переносил Кошелева за его честность и прямоту. Так, однажды Кошелев резко отозвался о чиновниках из Иркутска, назначенных членами областного правления: «... чтобы избавиться от всех главнейших негодяев и пьяниц в Иркутске или по каким-либо другим неизвестным для меня побуждениям, прислали их сюда членами областного правления, и потом требуете, чтобы я присутствовал, а, следовательно, и советовал с этою грязною компаниею свиней» [19, с. 46].

Трескин представил дело сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю в извращенном виде, и тот предписал Кошелеву освободить всех арестованных. На это Кошелев послал генерал-губернатору резкое донесение, обвинив его в пристрастности: «... подобного рода несправедливое решение могло произойти только оттого что Пестель зять Биллингса, у которого полковник Сибиряков был вестовым и писарем, а потом возвышен в чинах за содействие Биллингсу красть и грабить всех в Камчатке. Поэтому вам не хочется обвинить Сибирякова, имеющего к тому же протекцию у всемогущей Российско-Американской К^о, будучи зятем правителя дел главного ее правления Зеленина. Я, как человек честный, не боюсь вашего гнева и говорю вам правду, что вы самовольный властелин и пристрастны к моим противникам» [19, с. 47].

Силы были неравны. После такого обвинения Пестель добился отстранения Кошелева. Вместо него 14 ноября 1806 г. правителем Камчатской области был назначен генерал-майор Петровский, которому поручалось произвести строжайшее следствие над Кошелевым и задержать его на Камчатке до особого распоряжения.

4 сентября 1807 г. Петровский принял управление Камчаткой. Более двух лет Кошелев провел под следствием на Камчатке и в Иркутске и был отправлен в Петербург, где предан суду. Но до окончания суда он поступил в ополчение и за проявленную храбрость в Отечественной войне 1812 г. был освобожден от суда.

Петровский управлял Камчаткой до конца 1812 г., когда над ним было начато следствие; а по прибытии в Иркутск его отдали под суд за множество злоупотреблений.

К этому времени власти и сами поняли, что с управлением Камчаткой надо что-то срочно делать. В 1809 г. Трескин вошел с представлением к Пестелю, в котором предлагал для блага жителей Камчатки и Якутского края, разоренного ежегодной транспортировкой провианта и разных батальонных грузов, вывести с полуострова бесполезные войска: «... край упал до того, что не скоро может поправиться». А доктор Шпер, посетивший Камчатку в 1808—1809 гг., писал: «Для чего был приведен баталион в Камчатку? Если

для усмирения жителей, то это лишнее, потому что загнанные и угнетенные камчадалы не в состоянии уже решиться на какую-либо отчаянную меру. Если для защиты гаваней, то бесполезно, потому что ни у одного солдата нет порядочного ружья, а гавани не имеют даже посредственных укреплений. Для того, отвечаем мы, чтобы истребить и жителей, и солдат!» [19, с. 54].

11 января 1811 г. начал действовать особый комитет под председательством И. Б. Пестеля, в который вошли вице-адмирал Г. А. Сарычев, капитан И. Ф. Крузенштерн, профессор Г. И. Лангсдорф и лейтенант Л. А. Гагемейстер — люди, хорошо знавшие проблемы Камчатки и неравнодушные к ним. Г. И. Лангсдорф, участник первого кругосветного плавания, писал о последствиях пребывания сомовского полка: «Грязные, ленивые, невежественные и совершенно незнакомые с сельским хозяйством, они уже с момента их прибытия на Камчатку стали приносить стране больше вреда, чем пользы. Они стали большой нагрузкой для камчадалов, ибо их жестоко эксплуатировали различными способами, заразили оспой, венерическими болезнями, распространили физические и моральные пороки. Так что если правительство не вмешается срочно, местные жители, число которых с десяти тысяч сократилось до трех, вскоре полностью исчезнут» [13, с. 163].

У И. Ф. Крузенштерна в его «Путешествии вокруг света» есть целая глава «О нынешнем состоянии Камчатки», где он излагает свою программу преобразований на Камчатке. Он пишет: «Чрезмерное отдаление Камчатки от главных мест и благоустроенных стран России и настоящая ее бедность суть виною, что об ней распространилась слишком худая слава. Даже самое имя Камчатки выговаривается со страхом и ужасом» [8, с. 267].

Крузенштерн пишет о главных проблемах: нехватке хлеба и соли, отсутствии медицинской помощи, страшной дороговизне. «Доставление самых легких товаров возвышает цену на оные многими сотнями процентов», но «Камчатку можно было бы удобно снабжать всем с избытком, если бы посылать туда ежегодно один корабль из какого-либо европейского русского порта. Цены всех нужных вещей понизились бы многими сотнями процентов» [8, с. 270].

О причинах нерадивости чиновников и офицеров он пишет: «Всякий, посылаемый в Камчатку, отправляется поневоле... а потому и посылались по большей части в Камчатку офицеры обыкновенно худого поведения... Худой офицер, присланный в Камчатку на неограниченное время, не имея никакой надежды выехать оттуда, нимало не печется себя исправить. Дурные его поступки причиняют беспрестанные неприятности начальнику, и слава всей нации может в таких отдаленных местах страдать от таковых людей, несущих имя российского офицера» [8, с. 274].

О врачах он пишет, что их надо направлять на четыре года и определять им достойное содержание. «Определяемых для Камчатки врачей надобно

отправлять туда водою потому, чтобы можно было им удобно взять с собою всякое платье, мебель, книги, пособия, инструменты и другие... вещи» [8, с. 275].

Много разумных предложений дает Крузенштерн о развитии сельского хозяйства и различных промыслов, о необходимости создания адмиралтейства в Петропавловске для постройки судов. Много говорит он о тяжелом положении камчадалов: «...не могу я умолчать о сих честных людях, которые в доброте сердца, в верности, гостеприимстве, постоянстве, повиновении и преданности к начальникам не уступают многим самым просвещенным народам. Совершенное истребление камчадалов будет великою потерей для сей страны... После повальной болезни, похитившей в 1800 и 1801 гг. более 5 000 камчадалов, осталось в острогах только по 15 или 20 человек, а во многих гораздо меньше... Теперь находится в Камчатке, кроме казаков, батальон солдат и около двадцати офицеров; число же камчадалов весьма уменьшилось. Итак, нетрудно заключить, что последние отвлекаются часто от работ своих, не получая за то никакого вознаграждения» [8, с. 285].

С подобными предложениями ранее обращался лично к Александру I и глава РАК Н. П. Резанов: «...Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо когда торг с Японией открыт будет, и сделаться важным городом... Камчатка есть отнюдь не бедная земля и, напротив того, нахожу, что сама природа изобилием даров своих приглашает сюда людей к поселению... Я должен так же Вашему Императорскому величеству представить замечания мои о предметном здесь уменьшении народа:

1-е. Недостаток медицинских чинов, от которого оспа, желтые горячки и другие повальные болезни вырывают здесь людей селениями... многие опустошены поголовно, и нет средств к прекращению таковых бедствий, сверх того свирепствует болезнь венерическая. 2-е. Недостаток хлеба. 3-е. Недостаток соли; при всем обилии рыбы бедные жители не имеют возможности запасать ее... 4-е. Недостаток пороха останавливает также возможность пользоваться изобилующею здесь дичиною и дикими баранами. 5-е. ...недостаток женского пола. Здесь теперь более, нежели на тридцать человек по одной женщине...

Горячие ключи близ Малькинского селения дают способ устроить при них больницу» [13, с. 159—160].

Несомненно, что столь авторитетные мнения не могли быть не замеченными властями. Крузенштерн сделал такой вывод: «В Камчатке можно было бы жить столь же хорошо или еще лучше, нежели во многих других провинциях России. Надлежит только принять меры... до благоустроения и управления Камчатки» [8, с. 269].

5. ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ ПЕРИОД (1813—1856 гг.)

И такие меры были приняты. Особый комитет под председательством И. Б. Пестеля составил план преобразований, получивший название «Новое положение о Камчатке» и утвержденный Александром I 9 апреля 1812 г. В положении содержались 90 пунктов, детально регламентировавших основные преобразования в управлении Камчаткой. Областное управление ликвидировалось. Ликвидировался и камчатский батальон. Вместо него создавалась флотская экипажная рота из 122 чел., располагавшаяся в Петропавловской гавани, и казачья команда из 55 чел.

Управление Камчаткой поручалось начальнику из опытных морских офицеров, который был обязан прослужить в должности пять лет, будучи одновременно и командиром флотской экипажной роты. Местопребыванием начальника определялась Петропавловская гавань. Начальник Камчатки подчинялся непосредственно сибирскому генерал-губернатору. Одной из важных мер по облегчению положения населения, предложенных И. Ф. Крузенштерном, была отправка каждые два года транспортного судна и военного фрегата из Кронштадта на Камчатку [19, с. 55—68].

Всего в период действия «Нового положения» в должности начальника Камчатки прослужили восемь морских офицеров. Не все они оказались идеальными руководителями, но одно преимущество перед начальниками прежних времен у них имелось: среди них мы не найдем откровенных самодуров, взяточников и казнокрадов. Все они в меру своих способностей заботились о развитии вверенного им края, хотя и медленно, но поднимавшегося из запустения и разрухи. В голодные безрыбные годы начальники Камчатки принимали меры, чтобы не допустить голодного мора. Большую поддержку в снабжении края оказали кругосветные экспедиции.

Первым начальником Камчатки предполагалось назначить Петра Ивановича Рикорда. Но он был занят в это время вызволением из японского плена своего командира по второму кругосветному плаванию на шлюпе «Диана» В. М. Головнина. Утверждение Рикорда по разным причинам затягивалось, и иркутский губернатор Трескин поручил временно исполнять должность начальника лейтенанту И. Рудакову.

«Временное» исполнение обязанностей начальника Рудаковым длилось более четырех лет. Он принял управление Камчаткой от генерал-майора Петровского 23 января 1813 г. и сдал его П. И. Рикорду в мае 1817 г. Рудакову в основном пришлось заниматься расформированием камчатского батальона, созданием флотской экипажной роты и устройством пожелавших остаться на поселении солдат.

Наибольшие преобразования на Камчатке происходили в период управления П. И. Рикорда с мая 1817 г. по ноябрь 1822 г. Ему пришлось принять

энергичные меры по предотвращению голода из-за недолова рыбы в 1816—1818 гг. и в 1820 г. Большое количество казенного продовольствия было роздано камчадалам бесплатно или продано по умеренным ценам. У коряков приобретались стада оленей, которых распределяли по камчадалским селениям. Рикорд посетил их почти все, прекрасно знал нужды жителей. Он открыл больницы в Мильково и Тигиле на тридцать мест каждая. При нем была проведена перепись населения, по которой значилось камчадалов в 49 селениях 2 758 чел., 599 «сидячих» коряков и 67 курильцев, то есть всего 3 424 чел. Русских в тринадцати селениях проживало 1 346 чел. В 1820—1821 гг. в районе Тигиля обосновались 349 оленных коряков, пришедших из-под Гижиги.

В 1817 г. Рикорд основал ремесленную школу и в 1820 г. духовное училище. Он привез с собой шесть ремесленников-якутов, а в 1822 г. новый сибирский генерал-губернатор М. М. Сперанский отправил на Камчатку еще 22 мастеровых, которые обслуживали нужды населения и преподавали в ремесленной школе, где готовили столяров, плотников и слесарей.

Для укрепления обороны порта были построены три батареи, вооруженные 37 орудиями.

Рикорд пытался завести торговлю с иностранцами и организовать китобойный промысел. Но комитет министров отклонил его предложения, поручив заниматься этим РАК, которая не была заинтересована ни в том, ни в другом. В конце 1821 г. по настойчивой просьбе Рикорда Александр I разрешил поставку товаров иностранными торговцами, что оказалось значительно дешевле поставок РАК. Китобойный промысел у берегов Камчатки РАК наладить так и не смогла, и его взяли в свои руки американцы: в 1830—1850-е гг. у побережья Камчатки промышляли до пятисот китобойных судов.

П. И. Рикорд разработал проект преобразования Петропавловска в «настоящий порт», который был одобрен М. М. Сперанским и адмиралтейством, но не все успел сделать из-за недостатка строительных материалов. Проект предусматривал возведение комплекса строений — мастерских, сараев для зимовки гребных судов, причалов. Был построен лазарет для экипажной роты.

П. И. Рикорд заботился о развитии огородничества и животноводства, выписывал из Москвы семена овощей и бесплатно раздавал их жителям. Чтобы стимулировать огородничество, устраивал выставки овощей и награждал лучших огородников подарками. Во многих селениях стали выращивать капусту, картофель, репу, морковь и другие овощи, а в Верхнекамчатске и огурцы. Московское общество сельского хозяйства избрало Рикорда членом-корреспондентом.

В октябре 1821 г. Рикорд организовал торжественное празднование в честь столетия «Морского устава», в котором приняли участия моряки нескольких судов, в том числе двух иностранных — португальского и с Сандвичевых (Гавайских) островов — и два русских шлюпа, совершавших кругосветное пла-

вание: «Открытие» и «Благонамеренный». Моряки этих кораблей по предложению П. И. Рикорда организовали сбор средств на памятник основателю Петропавловска Витусу Берингу.

В 1822 г. по представлению Рикорда Петропавловск возведен в ранг города, а Камчатка по реформе Сперанского от 22 июня 1822 г. под названием «Камчатское приморское управление» вошла в состав Восточно-Сибирского генерал-губернаторства.

Результаты деятельности Рикорда видны из следующего описания капитан-лейтенанта А. Лазарева, командира шлюпа «Ладога», совершавшего кругосветное плавание и побывавшего в Петропавловске в 1823 г.: «Разных родов картофель, репу, морковь, огурцы, частию капусту и даже салат мы имели до самого отбытия. Скотоводство, состоящее в одном рогатом скоте, также довольно значительно, в гавани нет обывателя, который бы не имел хотя одной коровы... 1-го октября... я имел удовольствие видеть полезный обряд, установленный П. И. Рикордом: все женщины по совершенствованию молебствия приносят богатства своих огородов в дом... начальника, который угощает всех по здешнему обыкновению чаем, осведомляется о произведениях и различает успехи хозяйства, нерадивых исправляет, объясняя какой вред происходит от лени, доказывает всю пользу, пристекающую от трудолюбия, которое тут же и при всех награждается выдачею разных подарков, как-то платков и других нужных для дома вещей, сие ободрение приметно умножило количество огородных овощей в Камчатке.

Несмотря на малочисленность работников и трудность доставления леса... строение Петропавловской гавани приумножено; ныне казенных домов 9... всего же вообще... 116 разных строений.

... Трехгодичные труды духовного училища... утвердили начало просвещения... Ремесленная школа сообщением народу разных рукоделий, улучшив образ его жизни, извлекла из прежнего неведения о собственных выгодах» [13, с. 212—214].

Сам П. И. Рикорд писал о своей деятельности: «В сих попечениях о благе несчастных жителей Камчатки я нахожу все удовольствие, всю награду за то пожертвование, каковое делает европеец, переселяясь на край Северной Азии». Еще в первое свое пребывание на Камчатке в 1809—1814 гг. Рикорд написал замечательные слова о Камчатке: «Статься может, что сей край, прославленный в страннопримстве сопутниками бессмертного Кука и несчастного Лаперуза, со временем, по выгодному своему для коммерции географическому положению, сделается более известным соседственным азиатским народам и будет посещаем мореплавателями из отдаленных стран. Тогда, может быть, примерное бедствие наших соотечественников и чудесное избавление от оногo займет внимание просвещенного наблюдателя хода человеческих дел и несчастий» [15, с. 445].

Вот этому делу избавления соотечественников от бедствий он и служил на Камчатке, память о которой сохранил на всю жизнь. Свой загородный дом в Петербурге он назвал «Камчатка», там часто собирались его друзья — мореплаватели, бывавшие на полуострове. «Он говорил, — пишет один из них, — что если умрет в Петербурге, то завещает его сердце послать в Камчатку».

Незаурядность этого человека проявилась и в послекамчатский период его жизни. Он стал адмиралом, академиком Петербургской Академии наук, одним из основателей и первым вице-президентом Императорского Географического общества, членом многих научных обществ. В знак признания его заслуг в освобождении Греции от турецкого ига греческие патриоты приглашали его стать президентом Греции.

В ноябре 1822 г. Рикорда сменил капитан 2-го ранга Станицкий, оставшийся в этой должности до 28 сентября 1828 г., то есть почти шесть лет. Указом Николая I ему повелевалось «при управлении Камчаткою соблюдать правила флота капитана Рикорда и воздерживаться от всяких перемен». То есть, по мнению императора, Рикорд предусмотрел все нужды края, и его преемнику не требуется вводить никаких новшеств.

28 сентября 1828 г. должность начальника Камчатского приморского управления принял капитан 2-го ранга Голенищев, некогда бывший помощником у Рикорда. Ему удалось добиться разрешения на постройку еще трех больниц, кроме Мильковской и Тигильской, и на проведение ряда мер, облегчивших положение камчадалов.

Голенищев пробыл в должности начальника более семи лет. 11 октября 1835 г. его сменил заносчивый и строптивый офицер — капитан 1-го ранга Шахов. Но по многочисленным жалобам его сменили, а временно исполнять обязанности начальника назначили капитан-лейтенанта Шишмарева.

Через год, 7 октября 1840 г. последнего сменил капитан 2-го ранга Страннолюбский, который много сделал для развития на Камчатке огородничества и скотоводства. При нем поголовье скота достигло 1 564 голов, а лошадей — 289. Он ввел обязательную прививку оспы всем детям, организовал доставку строевого леса из долины р. Камчатки морем в Петропавловск, так как постройки из тополя и ветлы оказались недолговечными.

21 августа 1845 г. прибыл последний начальник Камчатского приморского управления — капитан 2-го ранга Машин. Он добился устройства в Петропавловске маяка с настоящим осветительным аппаратом, доставленным из Кронштадта. Раньше маяками служили большие костры. Машин получил разрешение построить школы для детей камчадалов в нескольких селениях, но смог построить ее лишь в Мильковском селении, где в 1847 г. обучались 23 мальчика от восьми до пятнадцати лет.

При Машине в августе 1849 г. Петропавловск посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев. Он первым из иркутских губернато-

ров совершил такое дальнее путешествие, побывав в Охотске, Аяне и Петропавловске. В результате этой поездки было принято решение о переносе главного российского порта на Тихом океане из Охотска в Петропавловск.

Н. Н. Муравьев писал: «Камчатка представляет все условия, необходимые для увеличения народонаселения и для распространения хлебопашества и скотоводства в такой степени, что и 10 000 человек служащих будут иметь местное продовольствие, а снабжение порта всеми потребностями будет продолжаться из Якутска без всяких новых расходов. Ижигинский округ может быть причислен к камчатскому управлению; но вместе с этими изменениями управление Камчаткой должно быть возвышено, и назначен туда военный губернатор из морских офицеров, подчиненный прямо генерал-губернатору, а не иркутскому губернатору, как ныне» [19, с. 105].

Это предложение Н. Н. Муравьева легло в основу указа Николая I от 2 декабря 1849 г.: «1) Из частей, подведомственных Камчатскому приморскому управлению, и Ижигинского округа, состоящие в ведомстве Охотского приморского управления, образовать особую область, которой именоваться Камчатской областью. 2) Управление этой области по всем вообще частям вверить военному губернатору, назначаемому из чинов морского ведомства, которого и подчинить непосредственно генерал-губернатору Восточной Сибири. 3) ... Находящийся же в Охотске окружной суд перевести в Камчатку» [13, с. 235].

15 февраля 1850 г. император Николай I назначил камчатским военным губернатором и командиром Петропавловского порта капитана 1-го ранга В. С. Завойко, который по вступлении в должность был произведен в генерал-майоры, а потом переименован в контр-адмиралы.

В управление Камчатской областью В. С. Завойко вступил 5 августа 1850 г. В области имелись два округа: Петропавловский (в состав которого вошли Курильские острова) и Ижигинский. В селениях назначались волостные и сельские, а в кочевьях инородцев — родовые старшины.

Штат области составляли: помощник губернатора, правитель канцелярии, два чиновника особых поручений, инспектор по медицинской части, он же главный лекарь морского ведомства, и его помощник, землемер, горный чиновник и адъютант.

22 июня 1851 г. указом Николая I был утвержден герб Камчаткой области: в серебряном поле щита изображены три вулкана, щит увенчан золотой императорской короной.

Первые два года основная деятельность В. С. Завойко была связана со строительством для принятия перевозимой из Охотска военной команды. Были построены несколько казарм для солдат и флигелей для офицеров, склады для имущества, организована постройка судов в Петропавловске и в устье р. Камчатки. На Камчатку прибывали военные суда из Кронштадта

для крейсирования российского побережья на Тихом океане. В их числе летом 1854 г. пришел и фрегат «Аврора», сыгравший важнейшую роль в отражении англо-французского десанта в августе 1854 г.

В 1852 г. предпринималась попытка организации крупной экспедиции для исследования Камчатки, Чукотки, Курильских и Алеутских островов, но ее отменили из-за трудностей снабжения. В 1851 г. на Камчатку был командирован горный чиновник К. Дитмар, который пробыл здесь четыре года и составил геологическую карту. Он обнаружил месторождения серы, меди, пемзы, угля.

В 1853 г., закончив основные работы по укреплению Петропавловского порта, Завойко объехал практически все селения Петропавловского и Гижигинского округов, много сделал для облегчения жизни коренного населения. Он уделял внимание развитию огородничества, хлебопашества, скотоводства. Учредил ярмарочную торговлю пушниной под надзором чиновников, чтобы исключить обман торговцев при меновой торговле, обязал каждую семью выращивать до десяти пудов картофеля, обратил внимание на развитие ремесел, ввел копчение заготовленной рыбы вместо простого вяления и многое другое. В 1853 г. на Камчатку были переселены 25 семейств русских крестьян. В селениях открылись временные больницы, в которые посылались медики из Петропавловска. За два года они вылечили 560 больных.

Завойко основал в Петропавловске морское училище и вел переписку с Иркутском об открытии общеобразовательной школы.

Деятельность по обустройству жизни на полуострове была прервана нападением англо-французской эскадры в августе 1854 г. После успешного отражения этого нападения Завойко вновь начал укреплять порт. Но 3 марта 1855 г. прибыло распоряжение Н. Н. Муравьева о переводе всех гражданских и военных учреждений в Николаевск-на-Амуре. 6 апреля 1855 г. эскадра из шести судов вышла из Авачинской губы.

6. ПРИМОРСКО-КАМЧАТСКИЙ ПЕРИОД (1856—1917 гг.)

После эвакуации гарнизона и администрации в устье Амура развитие Камчатки замерло почти на полвека. Время до конца XIX в. принято называть «тихие годы».

31 октября 1856 г. Камчатскую область официально ликвидировали. Вместо нее был образован Петропавловский округ в составе вновь созданной Приморской области. Администрацию округа теперь составляли довольно часто менявшиеся исправник с помощником и офицер, заведовавший портом. После бурного развития порта в 1850—1854 гг. и ожидания больших перемен в жизни края наступило затишье.

Камчатка оказалась на периферии российской жизни и в связи с продажей Русской Америки и передачей Курильских островов Японии. С открыти-

ем Суэцкого канала начал быстро расти Владивостокский порт. С 1881 г. открылось регулярное пароходное сообщение Одесса — Владивосток. Власти уделяли много внимания освоению и заселению Приморья и Приамурья, там росли города, развивалась промышленность, а в 1890-е гг. началось строительство железных дорог.

Из событий второй половины XIX в. на Камчатке заслуживает внимания деятельность Бенедикта Дыбовского, работавшего в 1879—1883 гг. окружным врачом в Петропавловске. Он объездил весь полуостров как врач и много сделал для облегчения положения коренного населения. Дыбовский за свой счет купил у быстринских эвенов небольшое стадо оленей и доставил его на Командорские острова, где они размножились. Он изучал флору и фауну Камчатки, собрал богатую коллекцию предметов быта коренных жителей, сделал много ценных фотографий. После отъезда с Камчатки в 1883 г. он устроил выставки привезенных с Камчатки экспонатов в городах Европы, многие его коллекции и сейчас хранятся в ряде музеев.

В связи с началом строительства железных дорог на Дальнем Востоке правительство организовало ряд исследований природных богатств края. На Камчатке в 1895—1897 гг. работала Охотско-Камчатская горная экспедиция под руководством горного инженера К. И. Богдановича, проведшая комплексное исследование богатств Камчатки и перспектив его использования.

В 1896 г. на Камчатке зародилась рыбная промышленность. Но ее развитие шло очень медленно: оно тормозилось отсутствием свободных рабочих рук. В 1901 г. в Тарьинской бухте был построен первый рыбоконсервный завод. По переписи 1897 г. в Петропавловском округе проживало 8 365 чел. Местное население занималось своими промыслами, привлечь его к работе на рыбных промыслах было невозможно, там работали в основном японцы.

В мае 1897 г. в Петропавловске отмечалось двухсотлетие присоединения Камчатки к России. На торжество прибыл приамурский генерал-губернатор С. М. Духовской. Но и после этого в жизни полуострова не произошло никаких перемен.

Перемены начались лишь после русско-японской войны 1904—1905 гг. Камчатку отделяли от японских владений лишь двенадцать километров Первого Курильского пролива. С 1880-х гг. японцы безнаказанно вели хищнический лов лосося в реках западного побережья полуострова. В период войны японцы высадили на Камчатке десятки вооруженных десантов с целью захвата беззащитной русской окраины — здесь не было ни одного солдата. Жители создали добровольные боевые дружины и отразили нападение врага.

После войны, в соответствии с Портсмутским мирным договором, Россия и Япония подписали в 1907 г. рыболовную конвенцию. По ней японцы получили право арендовать на равных правах с русско-подданными рыболовные участки на российском побережье. В устье каждой камчатской реч-

ки появились японские рыбалки, тысячи японских рабочих с весны и до поздней осени работали на неводах, заготавливали и вывозили на своих пароходах камчатскую рыбу. Появилась угроза мирной аннексии Японией Камчатки, так как летом японцев на Камчатке было больше, чем российских граждан. Это не могли не видеть и власти.

Одним из первых стал бить тревогу приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, посещавший Камчатку в начале 1890-х гг., будучи еще военным губернатором Приморской области. В марте 1908 г. он направил правительству секретный доклад «Ближайшие задачи в деле закрепления за нами Приамурского края». Там, в частности, говорилось: «Для ограждения северных окраин, на первой очереди Камчатки, от мирного захвата иностранцами, преимущественно японцами, необходимо настойчиво заняться заселением этих районов русскими... Теперь на Камчатку надвигается стихийно толпа японских рыбопромышленников... они входят в общение с местными жителями с целью подчинить их своему экономическому влиянию, последствием которого неминуемо окажется разорение богатств, служащих основой питания тех же жителей. При таких условиях оставлять эту окраину в зависимости от удаленного Владивостока нельзя, и ее нужно выделить вместе с остальными северными уездами *в отдельную область с губернатором во главе*, обеспечив при этом областную администрацию как надежными средствами надзора, так равно и передвижения. Без этого неминуемо чрез относительно короткий промежуток времени японцы сделаются хозяевами Камчатки...

Вместе с тем необходимо связать наши северные округа телеграфом с центральными учреждениями края и прибегнуть к постройке беспроволочного телеграфа...» [14, с. 128].

Об этом же говорил 31 марта 1908 г. в Государственной Думе П. А. Столыпин: «На нашей далекой окраине — на Камчатке и на побережье Охотского моря уже начался какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. Для того чтобы обнять этот вопрос не только с технической, со стратегической точки зрения, но с более широкой общегосударственной, политической, надо признать, как важно для этой окраины заселение ее» [14, с. 129].

Весной того же года на Камчатку отправился военный губернатор Приморской области В. Е. Флуг. Кстати, Флуг еще в декабре 1906 г. первым поднял вопрос «о необходимости выделения северных уездов области в особую административную единицу с центром в Петропавловске». С этой целью он и прибыл на Камчатку в 1908 г.

Одновременно на Камчатке начали работу две экспедиции: переселенческая и Русского Географического общества, организованная на средства известного миллионера-мецената П. Ф. Рябушинского. Обе экспедиции имели сходную цель: определить возможности Камчатки в развитии экономики

и масштабы переселения. Экспедиции действовали в 1908—1910 гг. Экспедицию Географического общества организовал и должен был возглавить знаменитый географ Ю. М. Шокальский, но болезнь не позволила ему принять участие в ней. В экспедиции трудились многие известные ученые: ботаник В. Л. Комаров (в 1936—1945 гг. — президент Академии наук СССР), зоологи П. Ю. Шмидт и В. Л. Бианки, геологи С. А. Конради, Н. П. Келль, Е. В. Круг, этнограф В. И. Иохельсон и другие. Это была самая крупная комплексная экспедиция в истории Камчатки.

29 октября 1908 г. Министерство внутренних дел опубликовало проект «Об административном переустройстве Приморской области». 28 апреля 1909 г. Государственная Дума заслушала доклад комиссии по направлению законодательных предположений «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалин». В докладе говорилось: «Речь идет собственно не об образовании Камчатской области, а об восстановлении некогда существовавшей особой административной единицы — Камчатской области... В настоящее время министр внутренних дел находит необходимым вновь восстановить Камчатскую область с губернским городом Петропавловском... В последнее время возникли такие чрезвычайные обстоятельства, что эта реформа представляется необходимой не только ради удобства управления... но ради соображений высшего порядка, высшего блага государства — незыблемости его границ, незыблемости его территории... Комиссия признала необходимым... предоставить камчатскому губернатору права управляющего госимуществами на территории области и омывающих ее водах... предоставить права попечителя учебного округа, права начальника почтово-телеграфного округа... право действовать в случаях чрезвычайных по своему усмотрению... Далее мы признаем необходимым устройство беспроволочного телеграфа между Николаевском и Петропавловском и далее до Чукотского полуострова... мы говорим о принятии санитарных мер и об устройстве медицинской помощи в Камчатской области...» [13, с. 263—265].

17 июля 1909 г. было опубликовано «Временное положение об управлении Камчатской областью», в котором говорилось: «1. Камчатская область состоит из уездов: Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорских островов. 2. Камчатская область входит в состав Приамурского генерал-губернаторства... 3. Главное управление областью принадлежит приамурскому генерал-губернатору, а местное — губернатору. 4. Местопребывание губернатора есть г. Петропавловск. 5. При губернаторе по областному управлению состоят: вице-губернатор, врачебный инспектор (он же старший врач Петропавловской лечебницы), ветеринарный инспектор, областной инженер, чиновники особых поручений и канцелярия по штату...» [13, с. 265—266].

Первым камчатским губернатором П. Ф. Унтербергер предложил назначить начальника своей канцелярии сорокатрехлетнего Василия Власевича Перфильева, потомка известного землепроходца — основателя Братского острога Максима Перфильева. В. В. Перфильев вошел в историю Камчатки как один из самых энергичных ее руководителей, талантливый администратор, буквально на пустом месте создавший областные учреждения. Он был выпускником Харьковского университета, кандидатом физико-математических наук, позднее окончил курсы при Военно-медицинской академии, где получил звание «военного лекаря». В 1893 г. был направлен в Хабаровск, где прошел путь от рядового врача до начальника больницы. Унтербергер взял его в свою канцелярию, которую он вскоре возглавил.

22 июля 1909 г. Николай II назначил Перфильева, но не губернатором, а «исполняющим должность камчатского губернатора», видимо, потому, что Перфильев не был дворянином. Уже 16 августа Перфильев прибыл в Петропавловск. Здесь сразу же развернулось бурное строительство. С губернатором приехало много чиновников, которым требовались административные помещения и жилье. На строительстве трудились около трехсот китайцев и корейцев. В первый же год сумели сделать очень много. Двухклассное училище было преобразовано в четырехклассное. Штат больницы пополнился фельдшерами и медсестрами.

В 1910 г. инженер И. С. Багинов построил радиостанцию. В жизни полуострова произошла настоящая революция. Теперь новости поступали в тот же день. А еще в 1904 г. весть о начавшейся войне с Японией пришла в Петропавловск только через три месяца. Началось строительство телеграфной линии на Большерецк и Тигиль, дороги на Большерецк, сооружались новые причалы, в городе появилось уличное освещение. В окрестностях Петропавловска создана сельхозферма, из Владивостока завезен племенной скот, заведено пчеловодство.

Прибывший в Петропавловск в 1910 г. П. Ф. Унтербергер остался доволен деятельностью В. В. Перфильева.

Перфильев побывал во многих селениях, организовал поездки известных врачей, сам, как врач, не отказывал в медицинской помощи и советах. Большую помощь Перфильеву в его деятельности оказывали помощники: вице-губернатор Евгений Федорович фон Бодунген и областной инженер Константин Антонович Заранек. В обязанности областного инженера входил надзор за строительством в Петропавловске, за казенными зданиями в северных уездах, производство дорожных работ. По проекту Заранека построены памятник «Часовня» на братской могиле, здание для театра. Горный инженер Сергей Дорюфеевич Оводенко по поручению Перфильева занимался сбором сведений о полезных ископаемых. Итогом его работы стала публикация в 1913 г. исследования «Горные богатства Камчатской области».

В 1910 г. местная интеллигенция положила начало областному научно-промышленному музею, который разместился в здании канцелярии губернатора. Началось сооружение первой сейсмической станции.

В 1911 г. прибыл пароход «Адмирал Завойко», предназначенный для администрации Камчатской области. «Судно для плавания во льдах имело укрепленный нос и утолщенную обшивку в носовой части... две мачты со вспомогательной наружностью, три гребных шлюпки, один моторный катер, был установлен беспроволочный телеграф, а также артиллерийское снаряжение — две 57-миллиметровые пушки и два пулемета» [2, с. 186]. «Адмирал Завойко» вместе с канонерской лодкой «Манджур» и военным судном «Колыма» охранял побережья области, надзирал за рыбным, котиковым и бобровым промыслами.

Перфильеву пришлось все создавать с нуля. О том, что представлял собой Петропавловск до него, можно судить по словам приамурского генерал-губернатора С. М. Духовского, посетившего город в мае 1897 г. по случаю 200-летия присоединения Камчатки к России. Он писал: «Теперешний Петропавловск — небольшая группа потемневших, со следами разрушения домов, ничтожное число, менее четырехсот жителей, живущих особую, до крайности суженную в своих интересах жизнью, — вот что осталось от областного центра и морского порта Петропавловска» [2, с. 170].

В годы правления Перфильева Петропавловск преобразился. В 1909—1912 гг. было построено двадцать два здания. Перфильев писал в своем отчете: «Из них под квартиры областных чинов всех ведомств занято двенадцать домов, под почтово-телеграфные учреждения — два дома, затем под канцелярию губернатора с музеем, под казначейство со сберкассой, под арестное помещение, больницу, под интернат для учащихся городского училища и под квартиры учителей» [2, с. 175].

Представление о том, что представляла собой Камчатская область при губернаторе Перфильеве, можно получить из первой напечатанной на полуострове в типографии М. М. Пономарева книги — «Обзор Камчатской области за 1912 г.». Вот выдержки из нее: «...ко времени составления настоящего обзора Камчатская область существует пятый год. Несмотря на это, обзора ее до настоящего времени не составлялось...

Область делится на шесть уездов... Уезды подчинены начальникам уездов, в Петропавловском и Охотском уездах имеются приставы, в первом уезде — три и во втором — один...

В городе Петропавловске имеется прокурор, два товарища прокурора, четыре участковых мировых судьи, они же исполняют и обязанности судебных следователей...

Во всей Камчатской области имеется лишь одно казначейство в городе Петропавловске, в прочих же уездах учреждение это заменяют кассы

специальных сборщиков, установленных в каждом уездном правлении, кроме Чукотского.

В гор. Петропавловске находится камчатская пешая жандармская команда, подчиненная в полицейском отношении камчатскому губернатору, а в строевом, хозяйственном и инспекторском отношениях — начальнику жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги...

Население. Численность населения Камчатской области на 1 января 1913 года определяется в 34 492 душ обоего пола... на одну квадратную версту в ней всего 0,03 человека. В Петропавловске 1 690 жителей, из них 595 женщин.

Общественное благоустройство. Города Камчатской области Петропавловск и Охотск общественного самоуправления не имеют и по своему благоустройству стоят очень низко. Более или менее имеет вид небольшого городка Петропавловск, в котором, благодаря заботам областной администрации, появилось керосино-калильное освещение улиц, телефон между казенными учреждениями и т. п. До этого же г. Петропавловск, а Охотск в настоящее время, ничем не отличаются по своему виду от селений области...

В 1912 г. главные порты области посетило следующее количество пароходов: гор. Петропавловск — 61.

Город Петропавловск и Гижига, и п. Ново-Мариинск Анадырского уезда сообщаются посредством беспроводного телеграфа...

Медицинская часть. В г. Петропавловске врачей — 2, фельдшеров — 2, повивальных бабок — 1, сестер милосердия — 4...

Народное образование. В гор. Петропавловске одно городское четырехклассное учебное заведение... Кроме того, в отчетном году в г. Петропавловске были открыты педагогические двухгодичные курсы при городском училище...» [13, с. 272—274].

Интенсивная работа по управлению огромным краем подорвала здоровье В. В. Перфильева, и в апреле 1912 г. он подал прошение об отставке. В 1915 г. в возрасте сорока девяти лет он скончался в Подмоскowie в г. Солнечногорске.

18 июня 1912 г. был назначен новый губернатор — саратовский помещик, до того работавший вице-губернатором Приморской области, а до 1910 г. — вологодским губернатором — Николай Владимирович Мономахов. Ему пришлось продолжать многое из того, что было задумано и начато его предшественником. При Мономахове продолжалось строительство, развивалась рыбная промышленность, начала работу первая типография, стала выходить первая газета — «Камчатский листок», начались первые кинопоказы, было построено здание театра, где регулярно ставились любительские спектакли. В 1915 г. был достроен так называемый «Судейский городок» (ныне улица Красноармейская): здание Петропавловского окружного суда, квартиры служащих, арестная камера, квартиры для мировых судей.

Бурный рост города, имевший место при Перфильеве, прекратился, население даже сократилось. Можно сказать, что с началом в 1914 г. Первой мировой войны развитие города и области замерло. Об этом можно судить по донесению Мономахова приамурскому генерал-губернатору Н. Л. Гондати от 13 июня 1915 г.:

«По последней переписи в Петропавловске насчитывается около 1 189 человек жителей, из коих до 400 чел. составляют китайцы, корейцы и японцы и 200 чел. чиновников с их семьями. Коренное население весьма незначительное, так как таковое с новым укладом жизни, появившимся благодаря образованию губернаторства, учреждению окружного суда и приливу нового элемента людей, постепенно оставляет г. Петропавловск и переселяется в ближайшие и дальние селения уезда. Занятия жителей составляет извозный промысел, торговля с уездом, рыболовство и ремесленный труд.

С апреля по ноябрь г. Петропавловск имеет пароходное сообщение с г. Владивостоком и побережьем уезда посредством субсидируемых правительством пароходов Добровольного флота, предоставленного в 1915 г. в распоряжение парохода, а также приходящих для охраны побережья от хищников военных судов...

В городе имеется казенная больница, четырехклассное высшее начальное училище, второклассная церковноприходская школа, окружный суд, мировой судья, местная пешая жандармская команда, часть камчатской казачьей команды и вольно-пожарное общество. Существует драматическое общество, владеющее казенным зданием...

Гостиниц в городе нет...

На местное уездное полицейское управление возложена обязанность и городской полиции. Функции нижних чинов полиции выполняют городовые казаки камчатской местной команды, работа коих малопродуктивная...

Зданий в городе до двухсот, исключительно деревянных, улицы не замощены, тротуары из досок устроены только на главной улице. Освещается город довольно хорошо Галкинскими фонарями, извозчиков в городе нет» [13, с. 282—283].

Так что по сравнению с 1912 г. в городе и области мало что изменилось. В таком состоянии Камчатская область встретила 1917 г. В ноябре 1916 г. губернатор Мономахов выехал «с последним пароходом в разрешенный министром внутренних дел шестимесячный отпуск. Пароход Добровольного флота “Индибирка”, как мы слышали, уходит из Петропавловска во Владивосток 20 ноября. Завтра в собрании драматического Общества в семь часов вечера устраивается обед по случаю отъезда в отпуск Его Превосходительства Камчатского губернатора» [24].

Область возглавил вице-губернатор статский советник А. Г. Чаплинский. После Февральской революции он был смещен, а руководство территорией

перешло к выборному Областному комитету. «Во вторник 4 июля ушел из Петропавловска во Владивосток пароход Добровольного флота “Тверь”, на котором выехал в действующую армию бывший вице-губернатор А. Г. Чаплинский. С пароходом “Тверь” выехал бывший областной инженер И. С. Багинов» [25].

Началось «смутное время», когда власть до окончания гражданской войны на Дальнем Востоке менялась неоднократно, и развитие области вновь остановилось.

Тем не менее, восстановление Камчатской области и деятельность первых губернаторов оказали положительное влияние на развитие края. Был прерван длительный период застоя во всех сферах жизни. Петропавловск стал центром огромной территории площадью 1 млн 360 тыс. кв. км, что почти втрое больше современного Камчатского края. Перед Камчаткой открывались большие перспективы, она медленно поднималась из первобытного состояния. Появилась рыбная промышленность, развивался порт и морское транспортное обслуживание побережья Северо-Востока. Возникли первые признаки культурной жизни и технического прогресса.

ИСТОЧНИКИ

1. *Алексеев А. И.* Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. — Хабаровск, 1958.
2. *Витер И. В.* Петропавловск: начало века // Краеведческие записки. — Вып. 8. — Петропавловск-Камчатский, 1993.
3. *Головнин В. М.* Путешествие на шлюпе «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807—1811 гг. — М., 1961.
4. Губернии Российской Империи. 1708—1917. — М., 2003.
5. Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
6. История Сибири с древнейших времен до наших дней. — Т. 2—3. — Л., 1968.
7. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. — Т. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
8. *Крузенитерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежде» и «Неве». — Владивосток, 1976.
9. *Лазарев А. П.* Записки о плавании военного шлюпа «Благонамеренного» в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819—1822 гг. — М., 1950.
10. *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели. — Хабаровск, 1899.
11. *Орызко И. И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатского края (конец XVII — начало XX вв.). — Л., 1973.
12. *Окунь С. Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. — Л., 1935.
13. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.

14. *Полевой Б. П.* Десять лет перед революцией. Из истории города Петропавловска-Камчатского // Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1991.
15. *Рикорд П. И.* Записки флота капитана Рикорда // Головнин В. М. Записки флота капитана Головнина о приключении его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. — Хабаровск, 1972.
16. *Сафронов Ф. Г.* Охотско-Камчатский край (пути сообщения, население, снабжение и земледелие до революции). — Якутск, 1958.
17. *Сафронов Ф. Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII—XIX вв. — М., 1972.
18. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 1. — Петропавловск-Камчатский, 2005.
19. Там же. Вып. 2. — Петропавловск-Камчатский, 2006.
20. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: В 2-х томах. — СПб., 1900.
21. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки. — СПб., 1906.
22. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1984.
23. Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. — М., 1989.
24. Камчатский листок. — 1916. — 16 нояб.
25. Там же. 1917. — 7 июля.

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

Представляемые в этой рубрике материалы можно объединить одной темой — «Старый Петропавловск и его окрестности». Они характеризуют различные стороны жизни центрального пункта полуострова в 1880—1910-х гг. и подготовлены с использованием малодоступных и раритетных источников: старых газет и книг, вышедших в первой половине XX в.

ПРАЗДНОВАНИЯ В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

24 августа 1882 г. на Кошке Петропавловского порта состоялось открытие чугунного памятника «Слава», установленного в память героических событий 1854 г. Его создали в Санкт-Петербурге и доставили в Петропавловск на крейсере «Африка». С этого же 1882 г. на содержание памятника в смете городских расходов предусматривались особые средства.

В церемонии открытия «Славы» принимали участие горожане, моряки с крейсера «Африка» и стоявшего в Петропавловске клипера «Вестник». Это событие описано в вышедшей в Санкт-Петербурге в 1909 г. книге «Кругосветное плавание крейсера “Африка” в 1880—1883 гг.». Ее автором является Всеволод Федорович Руднев, будущий командир легендарного крейсера «Варяг», тогда лейтенант.

Памятник стоял на Кошке до 1940 г., выполняя, помимо своего прямого назначения, роль створного знака. Затем его разобрали в связи с предстоящей реконструкцией порта, а позже перенесли на нынешнее место.

...Пятнадцатого августа прибыли в наш милый Петропавловск сменить клипер «Вестник», стоявший там летом. Уже со времени прихода в Хакодате начались тяжелые дни в отношении погоды — мы отвыкли от холода, плавая в тропических странах, почему туман и дальнейшие морозы сильно давали о себе знать.

24 августа в годовщину Петропавловского боя состоялось торжественное открытие памятника убитым воинам при защите города в 1854 г.

Памятник поставлен на средства, собранные подпиской между офицерами Тихоокеанской эскадры, местоположение его на косе дает возможность входящим на рейд судам любоваться издали его золоченой верхушкой.

Для парада свезли на косу сводную роту под командой лейтенанта В. Ф. Р. К этому времени прибыло духовенство; когда шествие установилось по данному церемониалу, двинулись вперед на братскую могилу служить панихиду в присутствии оставшегося в живых участника боя солдата Карандашева.

К сожалению, начало праздника было омрачено неприятным случаем: на рейде одновременно с нами стояла английская яхта «Энчайтрес», владелица которой вместе с другими пассажирами яхты была на панихиде и возложила три венка: на русскую, английскую и французскую могилы. По окончании общей панихиды, обратились к священнику отслужить отдельную панихиду на английской могиле, каково же было неудовольствие, когда священник отказался служить и даже повернулся спиной.

С кладбища процессия двинулась в собор, где служили обедню, и затем все прошли на косу к памятнику. При снятии завеса оба судна салютовали, после чего команда прошла церемониальным маршем...

С 1858 г. в соответствии с императорским указом в Петропавловске ежегодно проходил крестный ход в память о событиях августа 1854 г. Последнее такое торжество в досоветский период истории Камчатки состоялось в 1922 г. Возрождено оно было совсем недавно, в середине 1990-х гг. Вот какое описание событий, имевших место в Петропавловске в августе 1890 г., содержится в газете «Владивосток», вышедшей 30 сентября этого же года.

Четырнадцатого августа, как известно, наша Тихоокеанская эскадра, состоящая из крейсеров «Адмирал Нахимов», «Адмирал Корнилов», клиперов «Джигит» и «Крейсер» ушла в Петропавловск отпраздновать 36-ю годовщину о знаменитом Петропавловском бое 24 августа. Пройдя благополучно Сангарским проливом, а затем вдоль Курильской гряды, эскадра прибыла к 23 августа в Петропавловск.

24 августа было отпраздновано с подобающей торжественностью! Торжество этого дня заключалось в том, что утром в девять часов по распоряжению начальника эскадры с судов был отправлен на берег десант с орудиями, который по высадке прибыл к братской могиле, где собрались горожане и духовенство.

По прибытии начальника эскадры со штабом и офицерами эскадры, местным духовенством вместе с духовенством эскадры была отслужена панихида, по окончании которой был произведен троекратный залп батальонного десанта и десантными орудиями. Отсюда духовенство, десант и публика направились в церковь для служения обедни, по окончании которой крестный ход при салютах с эскадры направился к памятнику, поставленному усердием офицеров эскадры Тихого океана, плававших до 1889 г., в воспоминание отражения нападения соединенной англо-французской эскадры.

Здесь был отслужен молебен; после этого духовенство, кресты и хоругви переправились на особо на этот предмет выстроенных плотках с косы на материк, к перешейку, на котором была батарея во время боя, и с этого места начинался бой в гору и далее. В это же время переправился к тому же месту

весь десант. Момент переправы был картинный, много фотографических видов успели снять с разных пунктов.

Переправясь на материк, шествие, поднимаясь в гору по тропинке, своей массой как бы опоясало ту гору, с которой тридцать шесть лет тому назад сильнейшей численностью неприятель с англо-французской эскадры был в буквальном смысле сброшен с горы в воду десантом с фрегата «Аврора» и транспорта «Двина», стоявших в гавани.

Таким образом, шествие дошло до главного пункта на горе, где окончательно неприятель бежал; тут шествие остановилось, духовенство совершило литию. Закончив шествие посещением места сражения, десант выстроился развернутым фронтом около соборной церкви, где начальник эскадры произнес краткую речь десантным войскам, указав на молодецкий подвиг русского воина, отразившего врага в 1854 г.; затем десант прошел церемониальным маршем.

Торжество закончилось парадным обедом на флагманском корабле, на котором находились также пять человек современников знаменитого Петропавловского боя.

Вечером пускали с эскадры ракеты и освещали город боевыми фонарями. На следующий день по распоряжению начальника эскадры вице-адмирала П. Н. Назимова приступили к установке на братской могиле новой решетки, приобретенной на средства добровольно подписавшихся гг. офицеров эскадры, и выравниванию площади здесь и у церкви. Эти работы окончены 30 августа. Начальник эскадры после литургии в соборе зашел в здание местного окружного правления, где собрались все представители города и общества, простился с ними, пожелал всего лучшего.

В 11 часов все интеллигентное общество города было приглашено на суда эскадры к завтраку, а в 7 часов вице-адмирал П. Н. Назимов пригласил к себе на парадный обед всех командиров и официальных представителей города. 31 августа, приняв почту, в 9 часов утра эскадра оставила Петропавловск и вместе с тем отрадное впечатление у тамошних обывателей, у которых не скоро все это изгладится.

При прощании жители выразили адмиралу глубокую благодарность за посещение отдаленного города эскадрой в составе четырех судов, чего до сих пор никогда не было.

Желательно, чтобы петропавловцы поддержали братское кладбище и ограды в том виде, в каком им оставила эскадра.

Следующий материал принадлежит перу уроженки Петропавловска М. Н. Симоновой. Он взят нами из юбилейного сборника «Камчатка», выпущенного русской колонией в Шанхае в 1940 г. в честь двухсотлетия со дня основания города.

ПЕТРОПАВЛОВСК В 1880-х ГОДАХ

После продажи Аляски и уничтожения в 1875 г. Петропавловской крепости прекратились всякие заботы о населении Камчатки, и правительство ограничилось тем, что сохранило ее в составе Российской территории, вручив управление ею Начальнику Камчатского края Сергею Афанасьевичу Херсонскому.

Что касается Колымского и Чукотско-Анадырского края, то он не управлялся никем и был предоставлен самому себе. Население жило за счет пушнины, которую скупали приплывавшие сюда на шхунах американцы. Торговля носила характер обмена пушнины на товары.

Мой отец Николай Андреевич Херсонский, представитель сорок первого поколения древнего русского рода Херсонских, имевшего позади себя в роду восемь архиереев, двадцать три протоиерея и целый ряд родственников, служивших во флоте и по медицинской части, по окончании Красноярской гимназии, будучи уже чиновником, находился в непрерывной переписке со своим старшим двоюродным братом, Сергеем Николаевичем, служившим на Камчатке.

В письмах его ярко охарактеризовывалась жизнь нашего русского Северо-Востока, ея хмурая, грозная, но временами нежная, ласкающая, чудная природа, милые, честные и добрые камчадалы.

Со всем своим простодушием, горячим пылом и фантазией отец мой решил посвятить себя изучению этой дикой страны и благу честного, трудолюбивого народа.

В 1882 г. отец мой вступает в брак с дочерью первого сибиряка-студента, известного сибироведа, тогда бывшего инспектором Иркутского учебного округа, С. М. Щукина — только что окончившей Николаевский институт в Петербурге. Оба они пускаются в далекое путешествие на Камчатку, чтобы пожертвовать ей свои молодые силы и энергию. Назначение ея учительницей в Петропавловск было в то время настоящим триумфом для учебного мира.

Желающих подвергать себя опасностям тяжелого пути через Сибирь, диким зверям и разбойникам, и жизни в глуши, в России не было, и это могли делать только люди с высоким благородным духом, с железной волей и готовые на самопожертвование.

В мае 1882 г. мои родители с целым транспортом груженных тарантасов, с грузом старинных, в больших киотах, икон, с библиотекой, учебниками, картами, альбомами, сундуками, тюками и провизией в сопровождении верных слуг двинулись в путь.

Все одинаково ликовало: и веселые лица людей, и беззаботное пение птичек, и холодные в душистой зелени ландыши, и колокольчики повозок — все славиле Великого Творца.

Бесконечные дни и недели двигался караван по страшному Сибирскому тракту среди девственной тайги.

С бешеного скача иногда тройка вдруг останавливалась, замолкали колокольцы, трусливо прижимались пристяжки к оглоблям, коренники поднимали уши, прислушивались кучера — что-то случилось. В страшной тишине лишь слышно журчание ручейков и треск кузнечиков. Спустя секунду — какой-то треск и гул в лесу. Успокоительно тряхнули головой лошадки, облегченно вздохнули ямщики и седоки. «Не бойся, барынька, несчастненькие идут», — обернувшись, говорит ямщик. Загромыхали цепи, из-за леса на поворот показывается стройный ряд солдат, ружья на плечах, а за ними серый ряд «волков». Грубый, страшный взгляд исподлобья, злой блеск в глазах. Засуетились в тарантасах, скорее достали полные руки серебряной мелочи, скрывая страх и ужас, дрожащими руками бросаются они, с разрешения конвоиров, в центр рядов каторжан вместе с табаком и прочими попавшими под руку подарками.

В осенние страшные темные ночи не раз бывало в пути, что тарантасы останавливались разбойниками, и, сочтя вас за недостойный объект их внимания, с грубой бранью, свистом и улюлюканьем приказывали скорее выпроваживаться дальше своей дорогой, так как они ждали купцов с золотом или чиновника банковского, либо почты. Запрещалось под страхом смерти говорить о происшедшем в попутных селениях и на станциях. А сколько на пути, вдоль дорог, белых крестиков убитых и ограбленных людей, сколько трагических рассказов об этих жертвах и шалостях озорных ребят на сибирских дорогах...

Не верится порою комментариям ямщиков, снимающих картуз и закрывающих пред крестами, что здесь лежит Раб Божий Иван Кривой, погибший за пятачок, в другом месте — Раб Божий Никита — за кисет и трешку и т. д. и т. д.

После Сибири — огромный Якутский край с невыносимыми морозами. Люди закутаны в меха, лиц не видно, птица на лету мертвая камнем падает в снег, и какое счастье — собачий хриплый лай, дымок, остановка с дороги на станции, где станционные служители выносят на руках из повозок, как детей, закутанных в меха людей. Невыносимые морозы, люди добрые, страшные звери, опасность быть занесенным пургою и дивная природа севера... Бегут месяца, меняются времена года, мы приближаемся к Камчатке. Какая-то она?

Нападения волков все чаще и чаще. Необыкновенно хорошо выносят лошади выстрелы, как будто чувствуют умные животные, что в них одних спасение...

Наконец долгожданный момент настал: перед изумленными глазами роскошная, чудная зимняя сказка. Это наш милый Петропавловск!

Роскошные, снежные блестящие сопки розовеют на фоне синего ясного неба, освещенные закатывающимся солнышком. Розовым бриллиантом блестит золотой крест на маленькой деревянной церкви. После белой, ровной пелены Охотского моря, каким чудным волшебным зрелищем кажется это маленькое живописное селение. Игрушечные домики окружают несколько более крупных построек. По бриллиантовой дороге голубоватых пуховых снегов, как мураши, как нитки темных бус, скатываются вереницы санок, запряженных пышными, веселыми собачками — все это спешит к какой-то группе, пестреющей на уже готовом закатиться солнышке.

Это украшенные флагами шалаши, юрты, давно сооруженные при въезде в город для встречи ожидающегося чиновника и учительницы.

В один момент насыпалась огромная толпа жителей — взрослые и дети в пестрых кухлянках. Трудно сказать, чья радость была больше: всего служебного персонала, вышедшего для встречи, во главе со стареньким батюшкой, или прибывших, счастливо вынесших долгий и трудный путь от Красноярска до Петропавловска-на-Камчатке.

Как старые друзья, все со слезами радости кинулись в объятия друг другу. Отец с детства еще расстался со своим братом Сергеем Афанасьевичем и теперь видит его уже солидным, женатым и своим начальником. Общей радости не было конца.

Не так-то велик был персонал служащих. Мигом все перезнакомились. Для местных жителей это был сущий праздник видеть свежих людей, предвкушать удовольствие кинуться на привезенную библиотеку.

А какую овацию устроили милые, добрые камчадалы, как они теснили кольцом, обступив и прибывших, и встречавших. Прибывшие с удовольствием переселовали маленьких, кукольных, хорошеньких камчатских ребятшек, которые, нисколько не стесняясь, поднимали свои красные, румяные, толстые мордочки и прыгали с радости. Первое, что поразило моих будущих родителей — это простое, дружественное, любовное отношение, которое существует между начальством и сельчанами. С первой минуты определилась чудная, детски наивная, святая душа этого милого народа. Камчадалы показались крепко сложенными. Здоровые, румяные, узкоглазые, черноглазые, скуластые, с крупными чертами лица, с белым довольно цветом кожи, но заветренные и загорелые, приветливые, веселые. Невозможно не полюбить их с первой минуты. Все чудно говорят по-русски, но произносят букву «с» как «ш».

Как пояснил дядя, население не так велико, как показалось с первого взгляда, так как большинство из встречающих были приезжие, специально прибывшие со своими оленями, юртами, саями, собаками, чтобы как можно ско-

рее увидеть приезжих господ. Смешно и весело было смотреть на них и видеть, какое им доставляет удовольствие разглядывать прибывших, как зверей в зоологическом саду. Каждый считал долгом потрогать ботинки, платье, руки, серьги, волосы и при этом они в диком восторге с радости кричали. Так толпой везде и провожали: зашли в церковь и даже в дом к дяде, а те, кто не мог уже пробраться в дом, вызывали несколько раз прибывших настоятельными криками на крыльцо. Надо сказать, что толпа оказалась довольно дисциплинированной: как только слуги распорядились — сейчас же все убралось. Тут же им были розданы подарки: ленты, сласти, платки, табак. Все это привело в большую восторженность, и они одинаково проявляли радость — мужчины, дети и женщины. Все одинаково скакали, чмокали языками в знак благодарности; кушанья-закуски и сладости им понравились, но с сыром они не могли никак помириться, и, несмотря на объяснение, брали его, употребляя вместо мыла для стирки.

Каким роскошным дворцом показалась казенная квартира в шесть комнат, выстроенная из толстого леса, с массою окон, после чуть ли не годового скитания по кибиткам и станциям. Особенно приятно было, что квартира была уже совершенно обставлена, украшена коврами, зеркалами, мехами. Посуда, постели, полная кухня — все готово. Ванная, служебные помещения — все оборудовано, и даже шкаф, кладовки и подполье — все оказалось набито провизией. Это было очень приятно застать с дороги. Встречи, знакомства, визиты надолго оттянули долгожданный момент, когда, наконец, можно было приступить к ознакомлению со своими служебными обязанностями. Особенно тревожила моего отца мысль, как он справится с государственной службой, и в чем она будет состоять.

Как раз об этом можно было совершенно не волноваться. Дело было несложное. Навигация открыта короткий срок. Суда, обслуживающие край, приходили четыре раза в лето. Труднее, ответственнее и хлопотливее была обязанность агронома. Всех должностных лиц было человек восемь. С детьми занимались все, но из любви к искусству, скорее из-за любви к детям. Казенной учительницей мать моя была первой.

Священник, дьякон, доктор, агроном, судья, землемер и начальник края — вот весь административный аппарат Камчатки 1880-х гг.

Судья мог пребывать в счастливом бездействии. Как он сам шутил, его занятия могли быть только охота, рыбная ловля, карты и игра на скрипке. Ввиду того, что камчадалы народ безукоризненно честный и нравственный, не было нужды позаботиться постройкой судебного здания или какой-нибудь камеры. У камчадалов не было случая не только преступления — кражи, обмана, подлога, но даже мелкой ссоры между ними, в которую принужден был бы вмешаться судья. Это было старое, доброе время честной семейной жизни, никаких вымогательств, взяток, подкупов не было ни с чьей стороны.

Каким ужасным, черным историческим днем было для бедных камчадалов следующее печальное происшествие. Как-то С. А. Херсонскому посчастливилось поймать на охоте редкостный экземпляр — невиданную, дивной красоты и громадного размера молодую лисицу. Совершенно невредимая, в чудном, бодром, веселом настроении она красовалась в великолепной громадной клетке-домике, специально для нея устроенном, с удобной норкой, стволами березок, пышной елью. Окрестные жители съезжались массами взглянуть на это диво. Американцы, скупщики зверья и меховых шкур, наперебой предлагали громадные деньги, но дядя этот редкостный вид животного решил поднести в дар Государю Императору, и через две недели она должна была быть отправлена на военном судне, о сем уже были извещены в Петербурге родственники, которые любовались ее фотографией и ждали с нетерпением драгоценной посылки.

Каков же был общий конфуз, разочарование и досада, когда в одно прекрасное утро, подойдя кормить это милое, уже почти ручное громадное животное, оно оказалось исчезнувшим. Все чуть ли не плакали от досады. Все экспедиции по поискам возвращались ни с чем, и в подношении Его Величеству бедному дяде пришлось ограничиться какими-то шестью белоснежными птицами, наспех приобретенными у какого-то любителя ценных животных, английского капитана, которые благополучно были отправлены в перестроенной лисьей клетке. Каково же было всеобщее изумление, когда после отплытия военного корабля кто-то обнаружил общую любимицу, пышную красавицу, спокойно сидящей на обыкновенной собачьей цепи в грязной юрте, прикрепленной к полу, по соседству со своей новой хозяйкой, которая была занята каким-то рукоделием.

Для начальства создалось положение безвыходное. По закону преступница должна быть арестована, а куда ее посадить? Явилась необходимость постройки тюрьмы для нее специально, а пока — что с нею делать? Баба спокойно заявляет, что она соблазнилась на лису, так как она ее полюбила, привыкла и не хотела с ней расставаться. Решили перевести бабу под арест в какой-то маленький особнячок и поставить стражу. Пока возились с бабой и приходили к этому мудрому решению, лисичка неожиданно взмахнула своим пышным хвостиком и с оторванным колом мелькнула молнией через головы начальства в открытое отверстие юрты. Она на секунду повернулась своим легким корпусом, показала озадаченной и растерявшейся публике свою хитрую мордочку и стрелой исчезла в дали.

Долго не могли забыть все это досадное приключение. Итак, это был единственный случай преступности за все долгое служение в Петропавловске моих родственников.

В те времена громкому названию города Петропавловска совершенно не соответствовал вид небольшого села, с возвышающейся деревянной цер-

ковью и нескольких, довольно крепкого вида, хороших казенных построек. Выделялись также частные постройки Торгового дома «И. Я. Чурин и К°», несколько американских контор, рыбных и пушных предприятий.

Жил в то время в Петропавловске в собственном хорошем доме православный американец Сандалин, почти обрусевший, камчадалы ютились в маленьких своих домиках и юртах, часто обнесенных вокруг высокими заборами, которые защищали домики от сильнейших штормов — пурги. Зимой с такими снежными заносами, что по окончании их из окон высоких домов представлялась картина полнейшего отсутствия признаков жилья. Все кругом было покрыто роскошной, бриллиантовой пеленой голубоватого снега, блестявшего от яркого солнышка на синем небе. Вереницы саничечек, запряженных бойкими собаками, проносились над засыпанными снегом крышами домиков.

Проходят дни, прежде чем из-под снега начнет пробиваться дымок. Как мураши, выкарабкивались фигуры в кухлянках с лопатами, отгребая по стонам рыхлый снег и устраивая ходы сообщений — дорогу.

Особенно красиво окончание пурги ночью, при свете звезд или при северном сиянии, которое сменяется розовым восходом солнца. Переливами красок можно наслаждаться без конца.

Особенную радость проявляют тогда и животные, которым иногда неделями приходится отлеживаться в занесенных снегом норах во время пурги в тайге. Единственное спасение — зарыться в снег и терпеливо выждать окончания пурги.

Что поражало приезжих в те времена — это изобилие зверья. Утром по свежему снегу обыкновенно можно было видеть тысячи следов, начиная от объемистой лапы медведицы с маленькими отпечатками медвежаток, следы лисиц, волка и бесчисленное множество следов белочек, зайцев и горностаев. Эти маленькие зверьки — горностаичики — нисколько не боятся людей. Подбегают к ним совсем близко и ждут, пока им бросят корм. Они доверчивы и любопытны, облепливают каждое окно, где только видят людей. Их привлекает голос человека. Тесно прижавшись друг к другу, вытянув вперед мордочку, с поднятыми передними лапками наблюдают они за движением людей и ждут гостей.

Камчадалы рассматриваемого нами периода не обижали зверя, который доверчиво подходил к человеку. Несмотря на ценность мехов, камчадалы избегали легкой охоты с ружьем около своего селения и выезжали на охоту за сотни верст, избегая хищнического истребления зверя. Позднее все это изменилось. Камчатка привлекла охотников, и началось повсеместное уничтожение зверей, которые стали исчезать и прятаться от человека. Это у нас называется культурой, которая, к сожалению, многое отнимает из того, что дает природа в ее первобытном состоянии.

Приятно любоваться блестящими снегами, но иногда покрываются они хлопьями сажи со стороны дымящегося вулкана и трясениями земли. Неприятным явлениям камчатской жизни надо считать ежедневные выступления непрошенных артистов — собак и окрестных диких волков, которые состязаются в виртуозности взять тон заунывнее, трогательнее, продолжительнее и погромогласнее — до общей стройной, двухсекундной передышки, при которой они черпают новое вдохновение и силы для продолжения своего концерта, длящегося несколько часов подряд. С непривычки у слушателя может пойти мороз по коже от этого невероятного воя. Концерт этот невозможно прекратить никакими угощениями, и происходит он не от неудобств жизни, голода или отсутствия ласки хозяина, холода или от чего другого, а просто для саморазвлечения и из любви к искусству, из-за потребности, видимо, культурного развлечения собачек и волков.

Особенную тоску этот вой нагоняет, когда вспомнишь о существовании страшного под Петропавловском общежития прокаженных, где люди мучаются за двойным высоким забором, совершенно изолированные от мира, имея маленькую щелку — отверстие в заборе, через которое ежедневно передается полагающееся им от казны довольствие и частные пожертвования. Ничего обратно не берется. Так с блюдами, посудой им просовывают пищу и скорее удаляются, а спустя некоторое время их дежурный подходит и берет все доставленное для распределения между больными. Жители слышат иногда их ужасный, одичалый крик и стоны, проезжая мимо...

Неприятны также моменты кормления собак кислой рыбой, когда воздух насыщается страшным зловонием. Однако, все это вознаграждается красотами природы, ароматом душистой хвои, чудным, хотя и коротким, летом, позволяющим купаться в море лишь один месяц, но зато в окрестностях имеется много горячих источников, вокруг которых зимою растет изумрудная травка и в которых можно купаться круглый год на открытом воздухе, который здесь, над источником, теплый.

Масса всяких ягод отличается громадной величиной, ароматом и вкусом гораздо лучше российских. Крупная клюква водится в таком изобилии, что ее сгребают лопатами...

После Рождественской елки 1883 г., устроенной для детей всего округа, открылась первая школа для камчатских мальчиков и девочек, которых сразу набралось семьдесят человек. Одно наслаждение было заниматься с такими прилежными и любознательными детьми. Одно было трудно — это прививать им чистоплотность, с которой никто из них не был знаком с детства. Новорожденный, для обоюдного удобства и тепла, засовывался в меховой сапог матери и первое знакомство имел с салом и с сажой, которым обильно пропитаны все предметы их домашнего обихода и одежды, да прибавить еще душную закоптелую атмосферу их грязной юрты.

В этой обстановке ребенок встречает первые минуты своей жизни, и если бы этот уже подрастающий младенец, все еще сидя в тарбасе своей мамы, вздумал бы выглянуть своими узкими черными глазенками в тот момент, когда мама мирно сидит у своего горящего очага, ему бы тоже представилась далеко не изящная картина: дымный воздух, на фоне закопченных стен со звериными и рыбьими шкурами на них развешанными, он увидел бы ее красную и заскорузлую руку, силиющуюся изобразить однообразные узоры — кубиками по какому-то куску кожи с помощью деревянной иглы с вздернутой в нее рыбьей жилкой, распространяющей аромат довольно непривлекательного свойства. После этого кухлянка выветривается и сушится на солнце месяцами, прежде чем она войдет в состав гардероба. Так вот, таких подростков деток не особенно легко было пристрастить к чистоте и порядку.

Очень может быть, что класс можно было разбить на два отделения, так как среди учеников было много весьма способных.

Ясно, что учительница могла отдаваться всей душой педагогическому делу и посвящать много времени внешкольному воспитанию, устраивая для детей всякие разумные развлечения, поездки, игры, пикники. Милое, дружное общество сослуживцев принимало охотно участие в спектаклях и концертах, хотя и не было рояля, и даже старшее поколение маленькой колонии отрешилось от старой привычки в свободное от службы время в длинные вечера проводить досуг за картами, хождением в гости друг к другу на пироги и пельмени и весело примкнуло к компании молодежи.

Много принесла радости обширная библиотека, давшая возможность чтения вслух.

Первый весенний рейс, появление парохода, — это праздник для всего общества. Этот пароход ждут с великим нетерпением. С последним рейсом осенью 1883 г. пришла роскошная пара выездных, рыжей масти, лошадей с полной упряжью и экипажами для зимнего и летнего выезда — дар Императора моим родителям. Тут была неопишуемая общая радость. Долго пришлось лошадям отдыхать после морского путешествия, оклиматизироваться и приучаться не пугаться всякого зверя, прежде чем решиться их запрягать. Много пришлось хлопотать с ними опытным в этом деле казакам, и все-таки немногие решились кататься на них. В одну из поездок лошади заметили медведя, кинулись в сторону, выкинули седоков, сломали экипаж между кривыми соснами и понеслись. Отец и кучер бросились их удерживать, но обезумевшие лошади неслись. Одна из них ударила копытом в грудь отца и, хотя он скоро оправился от этого случая, все же это было причиной смерти моего отца через несколько месяцев.

К великому горю моей матери, родственников и сослуживцев, моего двадцатитрехлетнего отца 12 февраля 1884 г. похоронили в Петропавловске, а через пять дней я появилась на свет.

От ужаса и грусти матушка моя, не дождавшись парохода, через три месяца села на первую попавшуюся шхуну со старой няней-камчадалкой и тремя казаками, и мы направились в Николаевск-на-Амуре.

После двадцати одного дня плавания по Охотскому морю, шхуна была разбита штормом, и на остатке киля, запутанного парусами, с одной мачтой, так как две другие сломало, нас выбросило в бухту Святой Ольги. Из всех находившихся на шхуне спаслись мы пятеро и два американца. Все остальные погибли.

Спасение наше моя мать приписывает чуду. За два дня до спасения она привязала к едва державшейся мачте образ Святого Николая Чудотворца. Двое суток носило остатки шхуны по воле ветра на громадных волнах и, наконец, выбросило на берег...

С. А. Херсонский прослужил в Петропавловске еще лет десять и оставил большую коллекцию разных экспонатов во Владивостокском музее о Камчатском крае, а также целый ряд отчетов о Камчатке в Географическом Обществе.

Мать моя, Софья Николаевна, вышла замуж вторым браком за П. А. Занадворова, прослужившего на Дальнем Востоке тридцать шесть лет в должности начальника Приморской области, Амурского и Южно-Уссурийского края, и скончалась в Шанхае 8 августа 1933 г.

С чувством глубокого сожаления я должна отметить, что хранившиеся в нашей семье в Царском Селе фотографии, зарисовки с натуры, акварели различных видов Камчатки, коллекции одежды и утвари погибли во время революции. Все эти материалы относились к быту Камчатки восьмидесятых годов прошлого столетия.

Кобе, Япония, сентябрь 1940 г.

«Личные впечатления» действительного члена Приамурского отдела Императорского Русского Географического общества А. П. Сильницкого о посещении в 1896 г. Камчатки и пребывании в Петропавловске изложены им в опубликованной в 1897 г. в Хабаровске книге «Поездка в Камчатку и на реку Анадырь». Ниже воспроизведена ее первая глава.

А. П. СИЛЬНИЦКИЙ

ИЗ ВЛАДИВОСТОКА В ПЕТРОПАВЛОВСК. ВПЕЧАТЛЕНИЯ КАМЧАТКИ

На реку Анадырь, а попутно и в Камчатку ежегодно доставляются различные запасы и почта. В этом году при посредстве торгового дома «Кунст и Альберс» был зафрахтован Приморской администрацией датский пароход

«Freuer», на который была погружена почта и все товары, предназначенные на реку Анадыр и в Камчатку. Товары, принятые пароходом, состояли из муки, соли, каменного угля, различных материй, железных изделий, керосина, чая и сахара. Общий вес казенного груза не превышал четыре тысячи пудов.

В качестве представителя администрации, на которого возлагается ответственность за почту, был послан я. Так как страны, мною посещенные, весьма удалены, и так как бывавшие там считаются единицами, то мне поручено было сделать общему собранию Приамурского отдела доклад о моем путешествии.

Нагрузка зафрахтованного парохода была закончена 3-го июля, а 4-го июля в пятом часу вечера мы снялись с якоря.

Начало плавания было прекрасно. Вечер был тих, светлый и теплый; наступившая ночь была звездная. Мы шли со скоростью десять миль в час. На рубке при свете фонаря командир и штурман с циркулем и карандашами в руках вычисляли время нашего вероятного прихода в Петропавловск.

Основываясь на вычислениях, командир сказал, что двенадцатого в полдень мы будем на месте. Но это оказалось не совсем точно. Утро 5 июля мы встретили уже в совершенно безбрежном море; мы шли по направлению к Японии. 5-го июля с утра была ясная погода; но в полдень подул свежий ветерок; чем более мы приближались к японским островам, тем более усиливался ветер, а ясное голубое небо мало-помалу заволакивалось тучами; море волновалось. В ночь с 5 на 6 июля мы попали в туман.

Пройдя Сангарский пролив, мы взяли курс на Север и шли вдоль Курильских островов. Но туманная погода, ни на минуту не прояснявшаяся, не позволяла нам видеть ничего, кроме парохода и маленькой, не более пятидесяти саженьей, полосы моря. Бывали даже дни, в которые, иногда в течение нескольких часов с кормы парохода не было видно его носа. Качка, не перестававшая ни на минуту, туман, а иногда и дождик делали наше плавание томительно скучным. Все наше общество состояло из одной пассажирки, ехавшей в Камчатку с двумя маленькими детьми, командира, штурмана, механика и меня. Качка, хотя, по уверению моряков, и слабая, тем не менее, укачала мою спутницу и ее детей. На меня качка не действовала; а потому я проводил большую часть времени в кают-компании и на рубке.

Нужно заметить, что ни один человек из пароходной команды не знал по-русски ни слова. Командир и штурман, кроме датского и английского языков, знали немного немецкий. Я никогда не говорил по-немецки и никогда не рискнул бы говорить, если бы не встретилось серьезной необходимости. Ко мне обращалась с разными просьбами моя заболевшая спутница и мне, волею неволей, пришлось припомнить познания в немецком языке, полученные когда-то при изучении немецкой грамматики Кейзера. Где словами, где пантомимой я кое-как объяснялся с датчанами и тем разнообразил скучное плавание.

12-го июля утром командир объявил, что мы находимся близ входа в Авачинскую губу; показал он и направление, куда следует повернуть пароход, но войти не мог. Вход в устье Авачинской губы обозначен на английских картах безчисленным множеством камней; в течение пяти последних дней вследствие постоянного тумана нельзя было определить положение парохода при помощи секстанта, а потому предположение командира было, так сказать, гадательно. Мы не могли идти ни вперед, ни назад, а туман не только не рассеивался, но даже сгущался. В таком положении почти на одном месте мы держались более суток.

Лишь 14-го июля, около одиннадцати часов утра при слегка рассеявшемся тумане выглянуло солнышко и открыло нашим глазам чудную панораму Камчатского берега, изрезанного самыми прихотливыми бухточками, окаймленного высокими скалистыми горами, покрытыми снегом. Прямо перед нами, командуя над всею окружающею местностью, показалась Корякская сопка, имеющая около тринадцати тысяч футов высоты. Корякская сопка находится в сорока пяти верстах от г. Петропавловска; в ясную погоду, освещенная солнцем, она, покрытая вечным снегом, необычайно красива. В ясную погоду с моря видно, как она дымится. Дым сопки есть лучший предсказатель погоды в Камчатке. Видна Корякская сопка, ея дым не застилает кратера — будет хорошая погода; начал застилаться кратер, исчезла вершина сопки в облаках — будет ненастье. Увидя Корякскую сопку, нечего было и пользоваться секстантом. Мы вошли в Авачинскую губу.

При входе в устье Авачинской губы стоят три огромные камня, из коих один, пробитый волнами, напоминает арку. Наверху камней гнездится безчисленное количество морских чаек, а около них и по всей губе плавают несметные стаи уток различных пород. При приближении парохода к стае, между утками начинается страшный переполох; долго бегут оне, хлопая крыльями по воде и, наконец, все, как бы по команде, ныряют в воду. Нырнув, утки держатся под водой минуты две.

Войдя в Авачинскую губу, мы тотчас же увидели Сигнальную гору и тот знаменитый мыс, на котором в 1854 г. в августе месяце развивался крепостной флаг, свидетель, по словам В. С. Завойко, подвигов чести и русской доблести. Ныне эта гора покрыта лесом, рубить который на домашние надобности петропавловцы считают преступным. Охраняя этот лес, камчатское население чтит память героев Петропавловска, кровь которых пролита на местах, заросших этой заповедной дубравой.

Пройдя верст пять по бухте, мы увидели и самый город Петропавловск. Он состоит из небольшой группы домиков, построенных на склоне Никольской горы, на берегу маленькой бухточки, служащей заливом Авачинской губы и называемой «Ковшиком». В зелени столетних тополей, посаженных, как говорят, руками Беринга, стоит маленькая деревянная церковь. На левой

стороне бухты устроены здания для складов Товарищества котиковых промыслов и сложена куча сахалинского угля, предназначенного для крейсирующих у Командорских островов двух русских и двух английских военных судов.

В маленькой бухточке, отделенной от другой еще меньшей песчаной косой, называемой жителями «Кошечка», в момент нашего прихода стояло пять судов: два английских военных крейсера, судно компании котиковых промыслов, пароход, доставляющий с Сахалина уголь, и русский крейсер «Якут».

На косе, разделяющей обе маленькие бухты, по повелению Императора Александра III поставлен в 1882 г. командою клипера «Разбойник» памятник «Слава», напоминающий прибывшему о знаменитом отражении англо-французской эскадры 24 августа 1854 г.

Вторая бухта, на правом берегу которой расположен Петропавловск, будучи также тиха, как любой пруд, тем не менее, настолько глубока, что большие морские суда пристают к берегу чуть ли не вплотную. По словам капитана парохода «Freuer», посетившего в течение своей сорокадвухлетней морской службы порты всего мира, лучшей гавани, как этот Ковшик, нет на всем земном шаре.

Недалеко от того места, где мы бросили якорь, устроен казенный склад. Этот склад днем и ночью охраняется часовыми из камчатских казаков. У самого склада устроена будочка, предназначенная для укрытия часового от дождя, снега и ветра.

Камчатские казаки, оставленные в 1855 г. для надобностей земского управления, относят Царскую службу чуть ли не по воинскому артикулу Петра Великого, и никакие воинские уставы последних времен не коснулись камчатской команды. Всякий казак обязан пожизненной службой; только болезнь и совершенная дряхлость освобождают его от нея. Казаки не ропщут на свою судьбу, ибо о других порядках они не слышали, и отношения их к начальству и к службе самые патриархальные. Все казаки имеют свои домики, получают казенный паек, занимаются промыслами. Служба казаков состоит: в нарядах на часы у склада провианта и у порохового погреба, в дежурстве по городу, в сопровождении начальства в его поездках по округу, в охранении лежбища морских бобров у мыса Лопатки и в кратковременных командировках.

На весь Петропавловский гарнизон выдана одна шашка, которая во время стоянки судов надевается дежурными по городу; в складе же на всех казаков, числом двадцать три, имеются и шашки и ружья; но ружья те, которыми обороняли в 1854 г. Петропавловск и которые, будучи оставлены в складе, едва ли когда вынимались.

Любопытен камчатский часовой. Он стоит на часах в камлейке, в торбах; никакого оружия при нем нет; в хорошую погоду он вяжет сеть или ловит рыбу (склад у самого берега), а в дурную, укутавшись в доху, почивает.

К чести Петропавловскаго населения, о воровстве там не слышно, и часовой стоит, как говорил мне окружный начальник, потому, что так полагается.

Камчатские казаки, если не смотреть на них как на воинов, производят прекрасное впечатление. Ведя свой род от завоевателей Камчатки, считая своих отцов в числе героев знаменитой обороны города, они сметливы, смелы, неутомимы, послушны, вежливы и честны. Их домики опрятны снаружи и внутри. У каждого казака есть свое хозяйство, огород, корова, бат (лодка) и неводок. У многих казаков я был в гостях. В беседах со мною они не высказывали никакого неудовольствия на свою судьбу и вообще, насколько я могу судить, довольны своим положением. Служба их не обременительна, и казенные пайки, как мне кажется, считаются ими большим подспорьем, ради которого можно и постоять на часах, и съездить с начальством по округу.

Постройки Петропавловска двоякого типа: беднота построила дома из тополевого леса, а люди имущие — из американскаго. Американские дома построены собственно из досок, и их стены по своему виду напоминают вагоны. Стены домов имеют двойной ряд досок, между которыми насыпана земля. Лучший дом в городе — это дом, занимаемый окружным начальником. Он построен по плану В. С. Завойко и состоит из шести комнат. Балкон выходит в прекрасный парк (тополевый), посредине которого протекает сильно журчащий ручей. Этот ручей выбегает из Никольской горы и с быстротою водопада, протекая по парку, вливается в бухту. Его водою, чистою как кристалл, приятною на вкус, пользуется все петропавловское население. У ограды парка ручей впадает в деревянный бассейн, служащий и иорданью, и водоемом.

В городе следующие достопримечательности: 1) памятник «Слава», о котором сказано выше; 2) памятник Берингу, основателю Петропавловска; этот памятник поставлен внутри церковной ограды и есть ни что иное, как простая гранитная колонна, два с половиной аршина высоты и пять вершков по диаметру, с крестом наверху; 3) памятник Лаперузу; этот памятник поставлен на перешейке Сигнальной горы и состоит из гранитной глыбы с надписью «Памяти Лаперуза»; 4) часовня, построенная у братской могилы, где с одинаковою честью погребены и русские, и французы, и англичане, павшие в дни обороны Петропавловска. На этой могиле поставлены три чугунных креста с надписями на русском, французском и английском языках: «Здесь лежат герои, верные своему долгу; молитесь о них». В эту часовню 23 августа ежегодно собирается все население г. Петропавловска и его окрестностей к слушанию торжественной всенощной и панихиды по воинам, на брани убиенным.

День же 24 августа празднуется в Петропавловске торжественной литургией, молебном и крестным ходом вокруг города, причем на местах, где в дни обороны были воздвигнуты батареи, крестный ход останавливается, и свя-

щенник читает положенная чином православной церкви молитвы. В этот день по установившемуся изстари обычаю окружный начальник дает обед всему городу, без различия званий и состояний. Вечер же 24 августа празднуется ужином на судах, крейсирующих в камчатских водах.

Город Петропавловск, как известно, относится к числу малолюднейших. Всеми городскими делами Петропавловска ведает городской староста единолично. Староста, между прочим, состоит попечителем городского училища, а ближайшее заведывание училищем находится в руках учителя — человека, окончившаго с отличием С.-Петербургский учительский институт и преданнаго своему делу. В прошлом году назначен учительский помощник, лицо, также получившее специальную подготовку. Успехи детей не оставляют желать лучшего. Я видел их письменные работы, а с некоторыми из учеников беседовал. Как письменные работы, так и ответы учеников свидетельствуют, что их действительно учат уму-разуму.

Помимо обучения грамоте, в школе обучают пению и столярному ремеслу. Столярное же ремесло, как мне кажется, будет иметь огромное значение для края. Камчатка до последнего времени не экспортировала свои рыбные богатства. С 1895 г. компания котиковых промыслов начала практиковать засол рыбы по особому способу, который дает возможность сбывать ее в китайских и японских портах и даже вывозить в Америку и Европу. Сделанные в этом году опыты, хотя и в ничтожном размере, увенчались полным успехом. Главное затруднение предстоит в посуде.

В Камчатке, как известно, никогда никакие ремесла не процветали; даже теперь я видел, как доска выделывается топорами из цельного дерева. Нельзя поэтому не приветствовать обучение столярному ремеслу камчатских мальчиков. Попытка учителя создать в Камчатке ремесла встретила полное сочувствие у начальника округа г. Ошуркова, который, в свою очередь, просит Приморского губернатора П. Ф. Унтербергерга о присылке в Камчатку хорошего бондаря. Есть основание думать, что просьба окружного начальника будет уважена, и что попытка почтенных деятелей Камчатки, в связи с зарождающимся промыслом рыбы, будет иметь важные последствия для захудалого края.

Рыбные богатства Камчатки несметны. Я лично видел, как в течение трех часов один работник с двумя подростками-сыновьями маленьким неводом, не более четырех сажень длины, наловил 315 больших рыб, в общем, не менее 150 пудов. Рыба же камчатская: чавыча, кижуч, горбуша, хайко и сельдь — на вкус превосходна. Кроме этой рыбы, к западному берегу Камчатки, к селениям Явино и Голыгино ежегодно приплывает треска; ход этой рыбы, продолжающийся с половины июня до конца июля, мог бы служить источником благосостояния всей Камчатки. В этом году, по примеру прошлых лет, прибыли две американских шхуны для промысла трески. Добывая ежегодно до полумиллиона рыб, американцы приобретают огромные барыши.

В этом году окружный начальник попробовал послать в Явино одного казака, поручив ему объявить американцам, что за право промысла следует сначала внести в Петропавловске две тысячи рублей, а затем уже промышленать. Американцы безпрекословно исполнили требование представителя русской власти, безоружного казака, и внесли требуемую пошлину, которая и препровождена г. Ошурковым губернатору. Этот случай камчатские обыватели комментируют как показатель большой выгоды промысла трески.

Г. Ошурков озабочен эксплуатировать треску без посредства американцев. Он полагает, что если бы был дан для службы в Камчатке пароход, то его стоимость окупилась бы в три года. Как на источник приобрести пароход, можно указать, между прочим, на суммы, из которых ежегодно расходуются девять тысяч рублей на зафрахтование так называемого анадырского парохода, на котором плыв я, получающего эту сумму за рейс на Анадыр и обратно.

Кроме рыбного богатства, можно указать на все данные к самому широкому развитию скотоводства. Камчатские травы, как по своему обилию, так и по питательным свойствам, могут прокормить скот в любом количестве. В настоящее время скота в Камчатке много; есть хозяйства, считающие свое стадо тремя и четырьмя десятками голов, и такие хозяйства не составляют исключения. Скот не пользуется особым вниманием камчадалов, и существует он, так сказать, сам собою. Еды у камчадала много и, помимо молока и скотского мяса, он имеет рыбу, мясо добываемых горных баранов, медведей, уток, гусей, лебедей и проч.

Таким образом, скот, не составляя единственного источника пропитания и не служа предметом торговли за полным отсутствием спроса на мясо, если не считать ничтожную потребность судов и триста душ населения Петропавловска, естественно, не пользуется особым уходом. В течение круглого года коровы находятся на открытом воздухе, и случаи замерзания телят весьма часты. Несмотря, однако, на это, все же скота в Камчатке много, и водится он здесь очень хорошо. Если бы оказалось возможным организовать вывоз продуктов скотоводства, то несомненно, что скотоводство в Камчатке, будучи, как дающее доход, поставлено на более рациональных началах, имело бы важное значение в деле оживления этого мертвого края. Но я уклонился от рассказа.

Перехожу к школе. Помещение школы, к сожалению, не удовлетворяет ее потребностям. Построенное из американского леса, оно представляет одну комнату. Все старания учителя выкроить из десяти аршинов в квадрате пространства две комнаты, в которых можно было бы одновременно обучать два отделения, младшее и старшее, не может увенчаться успехом. На эту зиму проектирована перегородка, а на будущую, говорит учитель, «может, Бог поможет устроиться лучше».

Население Петропавловска состоит из трех групп: чиновники, торгующие и казаки с мещанами.

Казак и мешане живут промыслом рыбы, зверя, огородами и работой на судах. Живут небогато, но сыто; если же не встречается среди виденного мною населения Петропавловска людей с так называемым достатком, то тому причиной, как я полагаю, торговцы.

Торговля в Камчатке находится в руках «Товарищества котиковых промыслов» и является, главным образом, меновой, причем предметом мены служит шкура соболя, лисицы, выдры, медведя со стороны потребителя и привозные товары со стороны товарищества. Такая торговля дает огромные выгоды компании и полный убыток покупателю. К несчастью для Камчатки, нет конкуренции.

Двое торгующих в Петропавловске, хотя и платят гильдию, но они, не владея капиталами, кредитуются у компании, суть не что иное, как компанейские прикащики.

А компания берет на свои товары те цены, которая ей вздумается. Так, например, кирпич чаю стоит в компании, в зависимости от времени года, от 60 коп. до 1 руб., то есть, компания берет на наиболее ходовом товаре от 200—300—400 %.

Кроме того, компанейцами практикуется система кредита. Камчадал, задолжавший в компании, впредь до уплаты долга не имеет права продать добытую им пушнину никому, кроме компании. А так как все население Камчатки, без малейшаго исключения, состоит должником компании, то поэтому весь зверь, добываемый на всем полуострове, поступает в склады компании и экспортируется в Лондон.

Всякая шкурка оценивается на деньги, но деньги никогда не выдаются, и взамен их промышленник за соболя, оцененного, примерно, в 25 руб., получает товаров отнюдь не больше, как на 10 руб., считая его по Владивостокской цене и набавляя на эту цену 30 % накладных расходов по доставке товара в Камчатку. Мало того, принес промышленник соболя, ему надо купить чаю, табаку, муки, потребное количество ему дано, но на стоимость соболя он не добрал. Вот, в компании в качестве сдачи существует в компанейском магазине одеколон, духи, помада, консервы и прочие совершенно не нужные промышленнику предметы.

Духи, впрочем, сильно распространены в Камчатке. Молодой камчадал или камчадалка, смазав нерпичьим жиром волосы, считают необходимым sprыснуть свой костюм одеколоном или духами. Пойти в церковь, на «вечорку», или в гости, не надушившись, считается в Петропавловске неприличным. Как на крайне желательную меру, имеющую поднять экономическое состояние Камчатки, указывают на запрещение торгующим меновой торговли, по крайней мере, в Петропавловске.

Окружный начальник Петр Александрович Ошурков и некоторые из интеллигенции Петропавловска, как, например, доктор В. Н. Тюшев, говорят,

что если бы потребовать от «Компании котиковых промыслов» тотчас по оценке пушнины выдачу денег, то это: 1) избавило бы промышленников от необходимости брать то, что ему не надо и 2) дало бы возможность развиться свободной конкуренции, которая в лице двух китайцев уже положила здесь свое начало.

С весны прошлаго года в Петропавловске появилась китайская лавчонка. Но дела этой лавчонки идут плохо, ибо пушнину, согласно обязательства, несут в компанию, а денег у населения нет, и китайцы, как говорится, «сидят без почина».

Если бы компанию обязали хоть часть уплачивать деньгами, то многие товары приобретались бы у китайцев, где цена на них вдвое дешевле компанейской.

Лица, многие годы прожившие в Камчатке, полагают, что развитие здесь какого-либо промысла, урегулирование торговли, а главное — начинающаяся в Камчатке грамота, могут служить причиною оживления этой захиревшей в силу исторических обстоятельств страны. Природа, во всяком случае, щедро наделила Камчатку. Даже при таких, совершенно неблагоприятных для нея условиях, все живущие в Камчатке довольны своею жизнью. Абсолютного бедняка в Камчатке нет, и не может быть.

Два дня работы во время хода рыбы и неделя во время ея просушки обезпечивают годовое продовольствие камчадала. Несколько дней охоты на перелетную птицу, на горного барана, водящегося в Камчатке в изобилии, в значительном количестве разнообразят рыбный запас. А скольконибудь удачный промысел соболя, лисицы и другого зверя дает возможность достать чаю, сахару, спирту и даже духов.

Но это дает охота, промысел первобытного человека; если же к охоте прибавить труд культурного человека, выражающийся в скотоводстве, добычании полезных ископаемых, каковых в Камчатке множество, а частью и в земледелии, которое, как доказывают опыты агронома Кегеля, возможно почти во всей Камчатке, а по долине реки Камчатки возможность и польза хлебопашества признана самим населением, то можно придти к выводу, что страна, дающая человеку столько средств к существованию, не должна остаться без внимания предприимчивых людей, что, частью, мы уже ныне и видим.

Существует мнение, что камчатское население живет в страшной нищете и бедности; осмеливаюсь высказать, что это нисколько не так. Был я, например, в деревне Сероглазке, отстоящей в нескольких верстах от Петропавловска. Деревня состоит из пятнадцати домов и по своему расположению напоминает великороссийскую деревню. Постройки состоят из изб, амбаров и бань. Избы, в зависимости от величины семьи, сделаны в два или в один сруб. Если в два, то между ними устроены сени. Избы маленькие, не более шести — семи аршин длины и ширины и трех высоты; освещены окнами.

Всякая хата разделена на две половины: одна из них с печью и служит кухней, а другая, так сказать, парадная. Эта вторая половина непременно оклеена обоями, украшена зеркальцем, картинками; безукоризненной чистоты пол покрыт самодельными циновками из крапивы. В красном углу стоит стол, покрытый чистой скатертью; на столе сложена чайная посуда, покрытая полотенцем. В красном углу, под образами, висит лампада. Все дома Сероглазки имеют такое устройство и такую обстановку.

Когда я пришел в Сероглазку, то вошел в первую хату. Хозяева только что сели за обед. Считаю не лишним сказать о нем несколько слов. На столе, покрытом скатертью, стояла тарелка с нарезанными на ней ломтиками копченого балыка, перед каждым лежала металлическая ложка и ломтик хлеба. Первое горячее кушанье состояло из прекраснейшей ухи, сваренной из свежепойманной чавычи. После ухи ели тушеную с картофелем утку.

Нужно сказать, что уток в Камчатке необыкновенное множество, и утка, также как и рыба, доступна, безусловно, всякому камчадалу. Как на особенность еды камчадала, можно указать, что хлеб у него играет примерно такую же роль при еде, как сахар при чаепитии. Едят, собственно, мясо, рыбу, а хлеб служит приправой. А потому одного или двух пудов муки достаточно для большой семьи на целый месяц.

Пока семья обедала, хозяйка поставила самовар. Я был приглашен в чистую половину, и мне стали подавать чай. стакан чаю подавался на подносе, на котором, кроме сахарницы и молочника со сливками, стояли две тарелки: одна с белым хлебом, а другая с американскими галетами. После чаю мы в сопровождении хозяина пошли посмотреть его «обзаведение». Тут же, при домике, возделан огород, на котором был засажен картофель, репа, редька, морковь. По словам хозяина, он ежегодно выкапывает до 300 пудов картофеля.

Недалеко от хаты построен шалаш, в котором коптилась рыба. Шалаш имеет полукопническую форму. Посреди шалаша разложен костер из гнилушек; на тоненьких гальниковых прутьях в несколько рядов развешены балыки чавычи. Эти балыки, соленые и не соленые, провисев в шалаше десять дней, делаются очень вкусны. По берегу бухты, прямо против дома, устроены вешала для юкалы; в каждом хозяйстве обыкновенно две вешалы: одна меньшая — для людской юкалы, а другая большая — для собачьей. Юкалы заготавливается множество: столько, сколько нужно для годового запаса; кроме юкалы заготавливают на зиму еще так называемую «кислую рыбу».

Заготавливают ее потому, что рыбы ловится так много, что приготовить всю добычу для юкалы нет возможности; а потому излишек добычи складывают в ямы, в которых рыба загнивает и в таком виде употребляется собаками. Случающиеся в Камчатке голодовки происходят, главным образом, от того, что вешала для рыбы устраиваются непокрытыми. В случае ненастья

рыба не сохнет, а загнивает. В настоящее время по строжайшему приказу губернатора Приморской области местная администрация следит за тем, чтобы вешала делались крытыми.

Близ вешал привязаны езжалыя собаки. У моего хозяина две нарты, то есть двадцать пять собак. Это дает ему возможность зарабатывать за зиму за перевозку купеческих товаров до 200 руб. Кроме извозного промысла, немаловажным подспорьем служит промысел соболя.

Добыча пяти соболей считается средней. Считая камчатского соболя по 15 руб., мы имеем, что Пшеников (фамилия моего хозяина) в течение зимы зарабатывает около 300 руб. деньгами. Если принять во внимание, что у него имеется девять коров, из коих три молочных, что продовольствие у него есть, то нельзя не признать существование моего знакомого обеспеченным.

Остальные обыватели Сероглазки живут точно так же, как и Пшеников. Есть, конечно, некоторая разница в деталях, но о поражающей нищете нет и помина. Достаточно придти в праздник в церковь, чтобы убедиться, что нищеты, по крайней мере, в Петропавловске и его окрестностях, нет. Нужно заметить, что церковь в праздничные дни полна. 16-го июля в воскресенье я был у обедни. Было не менее двухсот человек, считая команду матросов с «Якута». Обращает на себя внимание шеголеватость одежды. Женщины в башмаках варшавской работы, на голове шелковые платки; платья чистенькие, большинство шерстяные. Мужчины также одеты очень хорошо.

Одеяние петропавловцев и окрестных деревень городское. Объясню это тем, что Петропавловск в течение многих лет посещается иностранными судами. В числе товаров суда завозят европейское платье, которое, будучи сравнительно дешево, нашло себе распространение среди камчатского населения. Таким образом, виденное мною привело меня к полному убеждению, что живет камчадалу не так уж плохо, как о том случается читать.

По словам же людей, изъездивших всю Камчатку, население, живущее внутри полуострова, живет с большим достатком, как петропавловцы и их соседи. Там во многих местах сеют и собирают хлеб и живут, благословляя свою судьбу. Правда, что г. Петропавловск на первый взгляд производит грустное впечатление: постройки очень маленькие и многия из них очень ветхи. Но происходит это потому, собственно, что в Камчатке ни плотников, ни столяров нет, и вопрос о постройке нового дома и о капитальном ремонте старого за отсутствием мастеров откладывается из года в год. Строят новый дом тогда, когда старый буквально разваливается.

Но я уже сказал, что это обстоятельство принято к сведению, и приняты вполне рациональные меры к исправлению этого недостатка (разумное обучение школьников столярному ремеслу).

За все время моего пребывания в Камчатке стояла прекрасная погода, и это время оставило во мне самые лучшие воспоминания...

Следующий интереснейший материал, содержащий сведения о нашем городе, относящиеся к маю-сентябрю 1908 г., представлен в виде дневниковых записей генерала М. С. Латернера, несколько раз побывавшего в Петропавловске и его окрестностях в течение навигации 1908 г.

М. С. ЛАТЕРНЕР

ГИДРОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ 1906—1908 гг. НА «ШИЛКЕ»

...20-е, вторник [20 мая 1908 г., все даты по старому стилю]. ... Окончив завтрак, я вышел на палубу; уже виднелись береговые скалы, а за ними горы, покрытые снегом. Благодаря туману и дождю, вид унылый. Авачинская губа представляет громадный водоем среди скал самой разнообразной формы. Судя по близости к ней действующих еще ныне вулканов, можно думать, что после какого-нибудь громадного землетрясения или ряда их, здесь получился провал, соединившийся с океаном щелью. За это говорят как крутые береговые обрывы, так местами большая глубина губы, большие скалы среди входа в губу — «Три Брата» у маячной горы и «Бабушкин Камень» у противоположного берега, — и оторвавшийся от материка небольшой скалистый остров «Старичков». Наибольшая ширина губы — девять миль. Ширина входа — около двух миль. От внешнего конца маячной горы до устья р. Авачи двенадцать миль. Названные скалы среди входа в губу густо покрыты птичьим пометом, а у подножья их вечный прибой. Как только мы прошли линию этих скал, так получили полный штиль; хотя в океане свежо и большие волны с шумом разбиваются о каменистую гряду впереди маячной горы.

Перед входом в Петропавловский ковш против Сигнальной горы стоит японский крейсер «Kongo», видом своим напоминающий старую владивостокскую брандвахту «Горностай». Когда мы проходили мимо, оба караула вышли наверх и отдали честь, а команды в это время стояли «смирно» на верхних палубах.

Вход в ковш — очень узкий. Его образуют: с одной стороны — Сигнальная гора с далеко отходящею от нея мелью; а с другой — низкая песчаная коса, отделяющаяся от Петровской горы. Для того, чтобы попасть в этот вход, необходимо, не доходя Сигнального мыса, повернуть почти под прямым углом на северо-восток, обойти белый бакен у городского кладбища и вновь повернуть к Сигнальной горе. Пройдя, таким образом, около мили и почти упершись в гору — новый поворот почти под прямым углом и движение около самой горы в обход косы. Этот сильно зигзагообразный путь показывали «Шилке» не только створчатые знаки на Сигнальном мысу, у кладбища и на горе, но белый бакен и шлюпка, шедшая перед нею с промером. Когда

«Шилка» была среди ковша, с нее завезли на берег четыре стальные перлиня, и при помощи их она стала подтягиваться к пристани.

Почти на середине длины косы стоит небольшой черный чугунный памятник, воздвигнутый в воспоминание геройских подвигов наших моряков и солдат под начальством адмирала Завойко в 1854 г., и называется он «Памятником Славы». Вблизи памятника, в ковше, кладбище хищнических шкун: от одной торчат из воды две мачты; другая, совершенно сгнившая, лежит на боку; третья затонула наполовину и гонится только на дрова; четвертая выброшена на косу и только пятая еще стоит на воде хорошо...

Мы еще не успели ошвартоваться как следует у пристани, как к нам приехал японский офицер с поздравлением. Он заявил, что *Kongo* все лето будет крейсировать в камчатских водах для охраны котиковых промыслов от японских хищников. Это что-то новое, небывалое. Не скрывается ли тут чего другого? В это же время приехали к нам: помощник начальника уезда Логиновский и доктор Тюшов, а за ними — смотритель маяка и местный купец Г. Т. Подпругин. Логиновский сообщил, что губернатор (В. Е. Флуг. — *Ред.*) с начальником уезда и своим чиновником особых поручений уехал на «Азии» в Тигиль и вернется около 1-го июня. С ними же поехал и генерал Ренгартен.

Подпругин и смотритель маяка остались у нас обедать. За обедом вошли в кают-компанию два священника: старый, родом камчадал, и молодой, уроженец Европейской России. В разговоре мы узнали, что о. Геронтий родился в Нижнекамчатске. Там он выучился грамоте, там поступил в клир и был 25 лет псаломщиком и диаконом и там же уже 25 лет священствует. За все это время он нынче второй раз в Петропавловске и находит, что здесь очень шумно. Ни во Владивостоке, ни в Николаевске-на-Амуре он никогда не был и не собирается туда, находя, что там ему нечего делать, а все изобретения XIX столетия (железная дорога, телеграф, телефон и прочие) его не интересуют. Ему очень понравилась машинка с древесным спиртом для закуривания папирос, и он был сильно огорчен, не получив ее...

21-е, среда. Сегодня я осматривал город. Он невелик: часа достаточно для ознакомления с ним с внешней стороны. Главная масса построек расположена по склону Петровской горы и обращена на юго-запад, меньшая расположена на перешейке, соединяющем Петровскую гору с Никольской и отделяющем ковш от лагуны, находящейся за городом. За лагуной — Мишенная гора. Это — высшая точка окрестностей. Она, как и остальные горы, еще покрыта снегом, на фоне которого резко выделяются темные заросли кедрового сланца. Ольха и береза еще стоят голыя.

Авачинский проспект, очень узкая и грязная улица, начинается у лагуны несколькими хатками и кончается почти у кладбища новым двухэтажным домом окружной лечебницы. На этом же проспекте есть еще другой двухэтажный дом — общежитие служащих Камчатского торгово-промышленна-

го общества (КТПО). Остальные дома, как проспекта, так параллельной ему улицы и нескольких переулков, все одноэтажные и различаются между собой только величиной и древностью, а есть и землянки вновь нахавшаго люда, не успевшаго еще обстроиться. Из одноэтажных домов лучше других дом уездного начальника, стоящий среди десятка старых лип и выстроенный из материала, оставшагося от дома адмирала Завойко. Недавно вблизи полицейского управления выстроен хороший дом для городского училища и дом благочинному. На улицах и пустырях города бросается в глаза масса битаго бутылочнаго стекла и жестянок от консервов, точно нет других отбросов или те аккуратно прячутся, а эти нарочно оставляются у всех на виду, как эмблема местной жизни. А что жизнь здесь хмельная, то об этом свидетельствует и масса питейных заведений «распивочно и на вынос», и продажа во всех лавках водочных изделий. Единственная японская лавка, и та, кроме готоваго платья и разной мелочи, торгует и скверным японским пивом. Вывески ремесленников совершенно отсутствуют. Ни гостиницы, ни постоялаго двора в городе нет. На склоне Никольской горы, обращенном к лагуне, расположена братская могила. Вблизи ея, на месте, занятом теперь под склады и магазин Чурина, видны остатки фундамента бывших казарм Петропавловскаго гарнизона, а против них остатки рва и вала батареи, долженствовавшей встретить неприятеля, если бы он вздумал высадиться у лагуны.

На небольшой площади вблизи пристани и полицейскаго управления стоит Камчатский собор, он состоит из двух деревянных церквей: старой, маленькой — теплой, в которой в течение года служба происходила зимой, и новой, более обширной, но холодной, в которой служат летом. В первой церкви, за ея ветхостью, последнюю зиму не служили, и прихожане поневоле мерзли в новой. В ограде старой церкви памятник купцу Русанову и маленький сруб, покрытый металлическим куполом с крестом, вроде тех, что ставят в Малороссии над источниками, по-местному — «криницами».

В ограде новой церкви три памятника: первый — небольшая круглая чугунная колонна с крошечною, сильно потускневшею медною доской, надпись на которой гласит: «Основателю Петропавловска в 1740 г. мореплавателю Берингу». Второй — низкая четырехгранная гранитная призма с надписью: «У сего места во время крушения судна “Викентий”, 19-го сентября 1870 г., погибла Юлия Зубова со всеми ея спутниками». Очевидно, памятник этот поставлен совсем не там, где предполагалось.

Ближе к алтарю стоит железный крест с медною доской, на которой вырезано: «Протоиерей Петр Аполлинариевич Донской. Родился в Ярославле 21-го декабря 1830 г., скончался в Петропавловске 16-го июня 1902 г., в священническом сане был 49 лет, прослужил из них 26 лет в Камчатке, в должностях настоятеля Петропавловскаго собора и благочиннаго камчатских церквей. Мир праху труженика».

Внутри новой церкви много хороших образов, но обращают внимание старые образа: «Бог Саваоф» — над царскими воротами, Спасителя и Божьей Матери — около царских врат и апостолов Петра и Павла — на клиросах. Время доставления сюда этих пяти образов неизвестно. Судя же по тому, что церковь, выстроенная Берингом, сгорела, что на открытых листах книги в руках Спасителя текст славянский без старинных завитков и что вокруг голов апостолов написаны их имена тем же шрифтом — надо думать, что образа эти не старше второй половины XVIII столетия. Приняв же во внимание, что колени у Бога Саваофа согнуты однообразно (он представлен сидящим на облаках), и левая нога совершенно закрыта хитоном, на правой же, выступающей из под хитона, пальцы поставлены в порядке левой — надо думать, что художник был плохой знаток анатомии. Лик Саваофа какой-то детский, с розовыми щеками и розовыми веками, борода же совершенно белая, а усы серые.

Лики Спасителя и Богоматери очень длинные, белые, почти без игры света и тени. Фигуры апостолов приземисты и вульгарны. Если первые три образа сочинены, то эти два, надо думать, писаны с натуры. Все образа писаны на холсте и носят несомненные следы итальянской школы, при чем «Спаситель» и «Божья Матерь» писаны так гладко, что издали кажутся олеографиями.

Среди этой церкви большой образ Александра Невского в хорошем серебряном окладе, сооруженный, как гласит надпись, жителями Петропавловска в память избавления от опасности Царской Семьи 17-го октября 1888 г.

Доктор Тюшов говорил мне сегодня, что одна из наиболее старинных церквей в крае находится в Нижнекамчатске; большинство образов в ней византийского письма, в хороших серебряных ризах. Между ними висит картина, изображающая Петра Великого, в камзоле и ботфортах стоящим на амвоне лицом к народу. За ним открыты царские врата, а перед ним несколько человек в старинных русских костюмах. По нижнему краю картины надпись: «Брады наша иметь не имали».

22-е, четверг. Весь день настолько сильный дождь, что сойти с «Шилки» не было возможности.

Неелов в прошлом году получил от города небольшой участок земли, который хочет передать Морскому ведомству для устройства убежища для морских офицеров. За отсутствием гостиниц и ресторанов, офицерам буквально некуда даваться во время стоянки здесь военных судов, поэтому идея эта заслуживает внимания.

23-е, пятница. Несмотря на дождь, я был в городе и заходил к Логиновскому, чтобы выяснить вопрос о найме помещения у кого-либо из обывателей; но это мне не удалось. Поэтому, а также ввиду заявления Сокольниково о бесполезности первого анадырского рейса, я решил продолжать плавание на «Шилке», о чем и сообщил командиру и гг. офицерам. Они, видимо, очень довольны моим решением.

24-е, суббота. В девять часов утра, когда я кончал свою корреспонденцию, вестовой доложил, что шлюпка готова, и командир сейчас едет на маяк. Экскурсия эта предполагалась еще в пятницу (23-го), но тогда ей помешал дождь и очень свежий ветер. Мы пошли на буксире парового катера, который кроме нас тащил еще две шаланды с грузом для маяка. До «Бабушкина Камня» дошли спокойно. Далее океанская зыбь стала нас покачивать и в обществе с ветром стремилась поставить лагом наши шаланды. В борьбе с ними, в стремлении удержать караван в надлежащем направлении, особенно трудно приходилось рулевому на второй шаланде. Когда мы повернули к небольшой бухточке у маячной горы, огражденной от океана скалами «Три Брата», рулевым стало легче работать, а нас стало меньше качать и обдавать.

Сажень в пятидесяти от берега катер бросил буксир, и мы должны были приставать «по способности». Пристаней нет. Прибой и отливная вода препятствовали нашей шлюпке выбраться на мель, поэтому, бросив якорь и повернувшись кормой к берегу, стали табанить, затем приняли с берега конец от ожидавших нас людей и стали подтягиваться. Когда корма уперлась в песок, подали сходни, и два человека, стоя по колено в воде, удерживали их и шлюпку. Смотритель маяка подал мне весло, несмотря на это, я не мог сохранить равновесия и на последних шагах поневоле прыгнул в воду, и тут меня обдало волной почти по пояс. Оставив галоши в небольшом сарайчике на берегу и вылив воду из сапог, я пошел вперед. Пока я переобувался, смотритель говорил, что в этом месте можно приставать только в отлив, как в данный момент; в прилив же высаживаются миль за пять отсюда, в более закрытой бухточке.

От берега пришлось очень круто подыматься в гору по полотну декавилки (узкоколейной железной дороги. — *Ред.*), протяжением более версты. Я был в фуфайке и ватном пальто сверх форменного одеяния. В этом костюме на воде я чувствовал себя хорошо, на маяк же я пришел совершенно потный, но зато вымоченная волной нижняя часть моего костюма успела высохнуть.

Все склоны маячной горы поросли мелким дубняком и усыпаны вулканическим песком темно-сераго цвета — остаток прошлогоднего извержения неизвестной сопки.

На маяке нас встретила жена смотрителя, простая, но, видимо, радушная женщина. Поздоровавшись и предложив нам пива, она тотчас заторопилась с закуской. Пока она ее приготавливала, А. Ф. Машковцев сделал несколько снимков маяка, С. А. Иванов обревизовал кассу и книги смотрителя, а я осмотрел самый маяк и из окна комнаты вдосталь налюбовался океаном. Маячная башня поставлена сажень в тридцати от крутого берегового обрыва и крытою галереей соединена с жилым домом. Дом двухэтажный, деревянный.

В нем квартира смотрителя, помещение команды, канцелярия и разные кладовыя. На небольшом дворике: баня, сарай и метеорологическая будка.

Несколько в стороне от построек на расчищенной площадке поставлен ручной ворот, при помощи которого втягивают наверх груженые тачки декавильки. Под береговым откосом, далеко в море тянется большой широкий риф с вечным на нем прибоем. В зависимости от погоды он слабее или сильнее, и гул его громче или тише. Сегодня прибой настолько силен, что в доме дрожат стекла, а водяная пена высоко-высоко поднимается над водой.

Приезжие гости бывают здесь очень редко, а поэтому закуска была высокопарадная: несколько сортов водок, наливка, коньяк, пиво, сардинки, маринованная скумбрия, старая московская колбаса, копченая свиная грудинка, яичница с ветчиной и молоко. В другое время смотритель, как и все жители Петропавловска, питается рыбой и голову ея считает деликатесом, консервованные закуски приобретает в магазинах к великаторжественным случаям, а изделия из свинины — от буфетчиков приходящих пароходов.

Яйца считаются в числе консервов, так как они привозятся сюда из Америки или Японии. Только молоко в тех хозяйствах, где держат коров, является предметом постоянного потребления наравне с рыбой. Но с коровами большая возня: их нельзя летом свободно выпускать в лес или поле, так как всегда рискуешь, что оне будут заедены собаками, и нужно почти на весь год заготовлять им сухой корм. Камчадалы не считают нужным летом кормить собак, предоставляя им самим добывать себе пищу.

20-го числа, возвращаясь с «Шилки», смотритель подошел к маячной горе во время полного прилива, почему должен был высадиться милях в пяти от маяка. Идя горами, он видел, как чьи-то ездовыя собаки перегрызли хребет теленку и объедали его еще живого.

Около четырех часов, поблагодарив хозяев за радушный прием, мы отправились в обратный путь.

Тотчас по возвращении на «Шилку», я отправил в управление свою корреспонденцию, а в семь часов с минутами мы уже проходили мимо *Kongo*. Японцы произвели нам салют в 21 выстрел, которого они не сделали при нашем приходе. Мы ответили тем же, причем как у них, так и у нас вся команда была выстроена наверху. Как только прошли «Бабушкин Камень», так спешно стали собирать посуду и мелкия вещи, ибо по состоянию моря видно было, что будет качка. Штурман сообщил в кают-компании, что Шипунский мыс мы должны обогнуть около двух часов ночи...

...4-е июня, среда. Я проснулся около девяти часов, когда «Люцун» уже стоял на старом месте, у пристани, а «Шилка» — в проходе близ белого бакеана. На «Люцуне» за недостатком людей мне не могли дать гребцов для немедленного съезда на «Шилку», и я должен был пойти в полицейское управление, чтобы взять казенную шлюпку. Ни начальника уезда, ни его помощни-

ка в управлении не было. Дежурный казак сказал мне что они — в городском училище. Я пошел туда.

Как только я отворил дверь, то увидел всю местную публику, и среди нея, за большим столом, накрытым красным сукном, губернатора, начальника уезда, городского старосту и учительский персонал. Большая комната, в которой собралась вся эта публика, была украшена портретами Государя и Государыни и гирляндами зелени. В момент моего прихода губернатор говорил речь ученикам и ученицам, стоявшим в противоположном конце комнаты. Я понял, что попал на торжественный акт, и теперь, конечно, не время было обращаться к начальнику уезда с просьбой о шлюпке. Я остался на акте. После речи губернатора учитель прочел отчет за истекший учебный год, затем губернатор роздал награды (похвальные листы и книги), причем сверх заготовленных прибавил несколько от себя. После этого дети пропели несколько песен, а о. Иоанн и Логиновский фотографировали гостей и учеников в зале и на воздухе.

По окончании торжества, г. Пиунчик, заведующий училищем, пригласил к себе на обед: губернатора, его чиновника, начальника уезда с женой, священника с женой, диакона, городского старосту, попечителя училища, управляющего КТПО, о. Геронтия и меня. За обедом, между прочим, подавали «чавычу» в разных видах: отварную, заливную, жареную, в пироге. «Чавыча» по вкусу напоминает владивостокскую «горбушу», но суше ея; цвет мяса «чавычи» — розовый, немного темней горбуши. «Чавыча» принадлежит к породе лососевых и считается царь-рыбой Камчатки.

После обеда В. Е. Флуг, Лех, Власьев и я поехали на «Шилку». Визит был непродолжительный, но весьма торжественный. Как водится, подавали шампанское и обменивались тостами. Я с особенным удовольствием поздравил командира и гг. офицеров с благополучным возвращением...

Когда мы возвращались домой, солнце уже склонялось к западу, и красноватые лучи его очень эффектно окрашивали верхи дерев на Сигнальной горе и виднеющуюся над ней вершину Велючинской сопки. Так как на деревьях еще много старого осеннего листа, то световые пятна на них особенно горячие. Я не удовольствовался созерцанием этой картины, а сделал этюд ея...

9-е, понедельник. Сегодня я вместе с о. Александром мыл образа «Бога Саваофа» из летней церкви и Его же с символическими фигурами Веры (женщина с крестом), Надежды (женщина с якорем) и Любви (женщина с пылающим сердцем в руках) из часовни на братской могиле. На обоих образах грязь веков. Трех ведер горячей воды с мылом и со скипидаром оказалось мало, чтобы ее смыть. К тому же какой-то неумелый реставратор вздумал покрыть первый образ лаком, но взял для этого не специальный картинный лак, а обыкновенный столярный и разлил его по картине, даже не вымыв ее предварительно. Где лак лег тонким слоем, там он отмылся, на большей же части

картины он лежит толстым слоем и его надо отскабливать; но это делать я побоялся, чтобы не испортить картины. Теперь лик Саваофа несколько ярче, чем был до мытья: вокруг головы показался светлый треугольник; сверх него надпись славянскими буквами: «Бог Саваоф», на животе — летящий младенец; между коленями — другой светлый треугольник, в котором голубь с нисходящими от него лучами. Поэтому образ этот надо было бы назвать «Святая Троица». Подрамник у образа сбит вглухую и имеет еще планку посередине всей картины.

Внутренние ребра подрамника и планка дали на сильно провешенном холсте белые полосы. Краски на образе не только сильно потрескались, но местами сильно облупились. Сквозь эти цвета виден холст. Он — тонкий, одинакового коричневого цвета с обеих сторон. Это заставляет думать, что холст не был грунтован, а только промаслен. Слой краски в письме очень тонкий и письмо гладкое. Размер образа 174 на 141 см. На втором образе (с братской могилы) холст стал уже гнить и дал темные полосы вдоль картины. Образ этот, как говорят, пожертвован Голенищевым, бывшим начальником Камчатки, в двадцатых годах прошлого столетия. Первоначально он стоял в единственной в то время церкви, когда же ее перестроили, а иконостас перенесли в часовню на братской могиле, то туда же перенесли и этот образ.

Теперешняя зимняя церковь, в которой за ветхостью не служат, поставлена сажен на десять севернее первой. Алтарь бывшей Голенищевской церкви отмечен круглым домиком с металлическим куполом, какие ставят в Малороссии на криницах. Непосредственно к этому домику с запада примыкает могила жены Голенищева. Над ней — четыре сгнившие бревна, покрытые досками, и большой медный лист в виде полуцилиндра. На этом листе вырезана следующая надпись:

«Здесь покоится прах Ея Высокоблагородия Веры Васильевны Голенищевой, драгоценной мужу, детям и сестре ея. Жила в сем мире 30 лет, 1 месяц и 28 дней. В замужестве была 2 года, 9 месяцев и 10 дней. Прешла в вечность 1829 года, 15 Ноября, пополуночи в 1¹/₄ час, оставив мужу-другу для утешения в жизни сей двух сынов малолеток: Василия 2 лет 18³/₄ часов, Николая 1 месяца 29 дней 18¹/₄ часов. Где Вера, друг мой? Где, где она? Оставила лить слезы горести отца с малютками детьми, сама отошла туда к Творцу вкусить добра творимаго ею здесь награду. А вечно драгоценный прах твой для меня сокрыт под хладным камнем сим. Быть может, милостив Творец, Он мне награду подает у ног твоих почить, а ты живущий здесь еще при Вере с Надеждою и Любовию творя добро ты вкусишь тамо то, что смертным здесь от века выдать не дано. 1829 года декабря 8 дня осиротелый Аркадий Голенищев».

*Взлеянной в стенах столицы знаменитой
Пришедшей в дальний край, чтоб в нем добро творить
Чтоб бедным другом быть, чтоб сирым быть защитой
Увы. Судил Творец так рано, смерть вкусить.*

*И где ж? В такой дали от родины священной.
Средь этих диких гор. Вот праведный удел,
Удел достойнейший Религии смиренной.
Она свершила то, что Бог ей повел...*

Ниже этой могилы другая, принадлежащая той же семье, но на ней, кроме нескольких обломков брусьев, нет ничего.

В зимней церкви обращают на себя внимание два образа: Св. Петра и Казанской Божьей Матери с Николаем Чудотворцем, Иннокентием Иркутским и Св. Петром и Павлом. Оба образа — в серебряных ризах. Первый размером 60 на 91 см значительно старше второго и, как гласит надпись: «Обложением украшен тцанием и по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овчина и всех служителей, спасшихся с пустого острова и достигших Камчатского берега в 1742 г., августа месяца».

Надпись вырезана по-славянски внизу оклада, перевод ее на гражданский язык написан чернилом на задней стороне. Риза на образе со многими заплатами. По уверению диакона, образ был испорчен англо-французами в 1854 г., которые тогда же увезли с собой совершенно такой же образ Св. Павла. Образ Св. Петра — остаток второй экспедиции Беринга, с его разбившагося корабля. По словам Г. Т. Подпругина, несколько лет назад покойный ныне Гребницкий чуть-чуть не уговорил общество г. Петропавловска уступить этот образ за 300 руб. селу Никольскому на о-ве Беринге, но Подпругин протестовал, говоря: «Жида продали Христа, а мы продадим его Апостола», и образ остался там, куда был привезен лейтенантом Овцыным; образ Божьей Матери несколько больше первого (143 на 90 см), работы русских мастеров половины прошлого столетия.

В нижней его части изображен Петропавловск того времени; причем все дома и казармы — с ярко-красными крышами. Под картиной по белому фону красною краской написано: «Отражение неприятеля от Петропавловскаго порта и города 1854 г., августа 24-го дня, участвовавшими в сем деле офицерами и волонтерами под начальством контр-адмирала В. С. Завойко».

На левом клиросе зимней церкви установлена небольшая икона «Святая Июлия мученица». Серебряный оклад только по краям, в виде рамки с орнаментом. На нижней стороне рамки вырезано: «Образ сей написан в память усопшей рабы Божией Июлии, супруги начальника Камчатки, Капит. 1 ранга Рос. Гра. Машина, урожденной Княжниной, родившейся 1825 г., июля 6-го дня, умершей 1850 г., марта 30-го, погребенной в соборном приделе Св. Веры, Надежды и Любви в Петропавловском порту. Приношение от Р. Г. Машина». Места погребения Машиной теперь совершенно не видно; судя же по этой надписи, оно должно быть рядом с могилой Голенищевой.

В разборе надписи на могиле Голенищевой и в фотографировании образов Бога Саваофа и Св. Петра мне помогал Н. П. Брио, студент Москов-

скаго университета, приехавший сюда на лето с товарищем, родственником Г. М. Чупятова. Он, между прочим, очень благодарен случаю, подтолкнувшему его приехать сюда, так как, говорит, здесь он отдыхает от тревожных московской жизни.

В часовне на братской могиле службы нет, так как в 1905 г. она была осквернена японцами и вновь еще не освящена. Ранее в ней служили два раза в год: на Александра Невского и Петра и Павла. Ежегодно 24-го августа совершается крестный ход из новой соборной церкви на косу к памятнику «Славы», а оттуда по Никольской горе к братской могиле. На этих трех местах служат панихиды.

По окончании работы о. Александр показал мне старинное Евангелие, хранящееся в церковной библиотеке. Оно форматом в четвертую долю листа. Бумага — желто-серая, тонкая, но очень плотная, вроде китайской, с водяными полосами. Шрифт — славянский (кириллица) с множеством красных заглавных букв и орнаментальных заставок. Каждому Евангелию предшествует оглавление, особое послание и изображение евангелиста. В начале книги находится особое обращение к читателю, из которого видно, что книга печатана в Москве при царе Михаиле Федоровиче и патриархе Кир-Иосафе («И тако начата бысть печатати сия Богодухновенная книга евангелие в царствующем граде Москве, в лето седьм (1639) тысяч 147 месяца, Июля 16 день, в память святого священномученика Анфиногена. Совершено же бысть в лето седьм (1640) тысяч 148 месяца генваря в 19 день на память преподобнаго отца нашего Макария Египтянина в 27 лето благочестивыя державы царств его, государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всея руси и при сыне его Благоверном Царевиче князе Алексие Михайловиче, в 7 лето патриаршества отца их и богомольца Кир Иосафа патриарха Московскаго и всея Руси».)

Книга заключена в деревянный переплет, оклеенный малиновым бархатом. На лицевой стороне переплета — четыре серебряные наугольника (один потерян) с резными изображениями евангелистов, а в середине — такой же медальон с выгравированным распятием, несколькими фигурами и городскими башнями и стенами. Кем и когда эта драгоценная книга завезена сюда — ни священник, ни диакон не знают.

По окончании этой работы я пошел в полицейское управление посмотреть доску с надписью, которую в 1904 г. майор японской службы Сечу-Гундзя повесил в селении Явино. Известно, что Сечу-Гундзя когда-то служил в военной службе, а выйдя в отставку, занялся, под предлогом колонизации Курильских островов, хищничеством у восточного берега Камчатки. С начала войны он со своими сподвижниками несколько раз нападал на почти беззащитные селения западного берега. В один из таких случаев он и повесил в селении Явино эту доску. Она размером 12 на 15 вершков, под стеклом, в простой белой раме. Надпись гласит: «Смысло на этой тын писаных слов:

именно эта земля уже принадлежит Японии, поэтому кто, того трогает это тын будет убит. Командир японской войска Сечу-Гундзя». (Эта доска ныне хранится в Камчатском государственном объединенном музее. — *Ред.*)

Сотников с товарищами, отразив нападение японских хищников на западный берег, снял доску и от себя сделал на ней приписку: «Снята 17 июля 1904 г. М. Сотников, с. Явино». Сотникову удалось даже взять в плен Сечу-Гундзю, доктора и нескольких матросов, и до конца войны они содержались здесь в качестве военнопленных. По рассказам жителей, Сотников, видя малочисленность своего партизанского отряда и невозможность за распутицей скоро попадать в разные места побережья, прибег к хитрости и после занятия японцами селения Явино послал к ним своего помощника, бывшего каторжника, с заявлением, что он признает японское господство и передается им, а так как в его войске много больных, то он просит Сечу-Гундзя прийти вместе с доктором. Гундзя с доктором пришли к указанному месту и были схвачены там людьми Сотникова. . .

После обеда мы с Б. А. Ренгартеном сделали хорошую прогулку по Никольской горе. Мы взошли на нее по узенькой тропинке от «братской могилы» и спустились в седловину между нею и Сигнальной горой. Вся гора покрыта лесом (береза, ольха и кедровый сланец), который петропавловцы считают заповедным. В ямах и распадах еще много снега. Склон горы к Авачинской губе скалистый, не менее 45°. Надо удивляться, почему в 1854 г. англо-французы выбрали его местом приступа на Петропавловск. Благодаря этой, в тактическом смысле, крупнейшей ошибке, адмиралу Завойко было сравнительно легко отразить приступ, занимая своими небольшими силами вершину горы. В седловине — пороховой погреб и памятник Лаперузу. Погреб вырыт в склон Сигнальной горы и охраняется казаком, который при нашем приближении встал с завалинки, на которой сидел, и отдал воинскую честь. Памятник стоит у подошвы Никольской горы и имеет круглый цоколь, как мельничный жернов, из сераго гранита, на который положены громадный булыжник, охваченный цепью, и якорь. Одна сторона булыжника несколько обточена и на ней вырезано: «Память Лаперуза 1787 г.».

Вечером я был у Леха. Он удивился, узнав, что Козельская сопка дымит. По его словам, постоянно дымит Авачинская сопка, а Козельская считается потухшей.

В прошлом году был здесь итальянский крейсер *Marco Polo*. Он стоял на том месте, где теперь стоит *Kongo*. По словам Леха, жена командира сделала масляными красками очень хорошие виды города и озера.

Сегодня заходил ко мне Брюю, и мы условились каждое утро заниматься чтением старого Евангелия для сравнения его текста с текстом новопечатного Евангелия, издания нашей Синодальной типографии, дабы самим убедиться в разнице текстов этих Евангелий.

13-е, пятница. В восемь часов вечера пришли «Командор Беринг» и «Азия». Первый — охранный пароход Министерства государственных имуществ, второй — частный пароход графа Кайзерлинга. На первом плавает чиновник, именующийся «заведующим рыбными промыслами». По мнению публики, пароход этот прибыл с большим опозданием, так как весенний ход рыбы, начинающийся с апреля, уже кончился, и хищники имели возможность наловить ее в желаемом количестве.

Командир парохода с этим не согласен и говорит, что они пришли даже слишком рано. На этом пароходе прибыл из Владивостока горный инженер Нацвалов, долженствующий заменить француза Бруара в концессии Прозорова между Укой и бухтой барона Корфа. «Азия» была уже здесь, и отсюда она пошла в Гижигу, Тигиль, Олу, Охотск и Аян. Она развозила по этим портам грузы фирмы Чурина, а в Олу возила казенный груз, муку, соль и прочее для Колымского края. В первые два пункта она зашла и сдала грузы; в Олу и Охотск не могла зайти из-за льдов, хотя они значительно южнее Гижиги.

На обратном пути она вновь заходила в эти два порта, но те же льды ее не пустили. Вследствие этого Колымский край, снабжающийся товарами через Олу, предстоящей зимой может оказаться в критическом положении. На «Тунгусе», который зайдет в Олу в августе или сентябре, будут тоже товары для Колымского края, но другие. По словам лиц прибывших на «Азии», в Тауйскую губу нельзя было проникнуть далее Ольского острова, а юго-западный берег Охотского моря так забит льдами, что к Шантарским островам совершенно нельзя подойти.

Сегодня Ренгартен приглашен к Леху на «винт», я же, как не играющий, должен буду занимать дам. Это уже не первая вечеринка. На каждой моя роль — одна и та же. Каждая вечеринка кончается игрой в «макао», именуемой здесь «девяткой». Это, кажется, единственная азартная игра, которую знают в Камчатке; по крайней мере, когда я называл «банчек», «железную дорогу» и другие, местные интеллигенты отзывались неведением их. По поводу этих вечеринок надо сказать, что оне устраиваются с исключительною целию дать возможность морским офицерам провести несколько часов вне корабля. А так как они, несомненно, причиняют значительныя хлопоты г-же Лех, то идея Неелова устроить здесь морской дом заслуживает серьезнаго внимания.

14-е, суббота. В два часа вернулся «Люцун», оставив губернатора и его чиновника в Усть-Камчатке. «Котик» будет там только сегодня и, сдав груз, пойдет на Командорские острова, откуда придет сюда только около 1-го июля. Таким образом, если я хочу ехать с губернатором по Камчатке, то мне предстоит сидеть здесь еще не менее двух недель.

Сегодня я встретил у смотрителя городского училища г. Нацвалова, который рассказывал, что «Командор Беринг» попал в Великом океане в та-

кой сильный шторм, что командир предупредил его по секрету о месте нахождения спасательных кругов. Их клало на один борт до 40°. Морские офицеры, которые слышали это уже от других, говорят, что при такой качке пароход мог легко перевернуться, и спасла от гибели его простая случайность. Пароход этот, как и другой охранник, «Лейтенант Дыдымов», крейсерающий в Охотском море, совершенно не приспособлен к северным плаваниям. Оба они — с малым углублением и оба сильно обужены, поэтому малоустойчивы.

15-е, воскресенье. После обеда семья Леха, девица Навак, С. А. Иванов, Ренгартен и я ходили в деревню Сероглазовку. До деревни считают четыре версты; судя же по тому, что в первый путь мы шли почти два часа, а назад полтора, я думаю, что это расстояние больше. Казак же, к которому мы заходили отдыхать, уверял, что в дни его молодости расстояние мерили цепью, и тогда от бывшей казармы (теперь магазин Чурина) намерили три версты и 375 сажен.

От братской могилы дорога идет по Никольской горе; затем по отмели, отделяющей озеро от Авачинской губы и далее по склонам Мишенной горы. Весь путь мы слышали пение маленькой птахи, называемой здесь «чавычулька» (птичка из семейства вьюрковых, *Carpoilacus erythrinus*, Pall, звукоподражательно называемая в других частях России чечевицей, «тришку вижу» и прочим).

Она, собственно, не поет, а говорит речитативом: «чи-у-ичь-ю вид-ел, ти-у». В народе существует поверье, что вслед за прилетом этой птахи идет рыба «чавыча», самая большая и самая вкусная из здешних лососевых пород; с окончанием же хода рыбы улетает и птаха. Насколько можно было рассмотреть эту птаху при ее перелетах с куста на куст — она не больше воробья, с маленьким клювом, вся серая; кажется, на шее у нея есть белый галстучек, а темя и затылок — черные.

Селение Сероглазовка расположено на самом берегу Авачинской губы, имеет не более тридцати дворов и населено исключительно камчатскими казаками.

Последние три дня здешние обыватели усиленно заняты своими огородами: ранее, говорят, нельзя было сажать рассаду, так как по ночам бывали еще морозы. Сегодняшнею ночью тоже у многих померзла рассада моркови, редиски и репы...

17-е, вторник. Утром пришел из Владивостока «Манджур» для такой же охранной службы, какую несет «Шилка», но так как он имеет небольшие угольные ямы, то рейсы его будут непродолжительны — не более двух недель каждый. Он привез российскую почту за март и май.

В два часа «Азия» ушла во Владивосток с заходом в Хакодате. На ней ушли: Ренгартен, Одолин, доверенный фирмы Чурин, старуха Семенова

(мать Логиновской), оба здешние священника, диакон и еще несколько мне незнакомых лиц.

Вследствие отъезда всех духовных лиц, 29-го июня, в день престольного праздника, службы в соборе не будет, не будет крестного хода и обычного торжества. Мысль об этом сильно удручает жителей.

Перед вечером я ходил на озеро писать этюды. Был довольно сильный северный ветер, сидеть на одном месте было трудно, и я пошел посмотреть на лов рыбы. Способ закидывания невода — тот же, что и во всей России, и самый невод ничем не отличается от употребляемых на петербургских тонях и в других местах. Когда невод несколько выстоялся, то взрослый мужчина и парень лет пятнадцати стали выбирать его морской конец, а за береговой его стал удерживать мальчик лет десяти. Видя, что последнему работа не под силу, я взялся за палку и держал до тех пор, пока весь невод не был выбран.

В это время солнце уже совершенно село. Вытащив бат на берег и разложив сеть на песке, рыбаки собрали добычу и пошли домой. Дорогой взрослый мужчина сообщил, что он — оренбургский казак, переселившийся в 1896 г. в Южно-Уссурийский край. В Камчатке он живет уже второй год и находит, что работающему человеку здесь очень хорошо. Он недавно женился, купил себе домик за 30 руб. и уезжать отсюда не думает.

Вечером был у меня Петр Николыч Косыгин, наистарейший петропавловский обыватель. Отец его, киренский мещанин, в двадцатых годах прошлаго (девятнадцатого. — *Ред.*) столетия переселился в Охотск, но прожил там очень недолго и перебрался на Камчатку. Здесь он женился и в конце тридцатых годов поехал с семьей в Гижигу, но и там почему-то не устроился, а скоро вернулся в Петропавловск, где и обосновался окончательно. Семья Косыгиных в настоящее время состоит из четырех братьев.

Старший, Петр Николыч, имеет 74 года от роду и женат третьим браком на сестре казака Юшина из Тигиля. Он каждое лето живет на солеварнях, где у него имеется хозяйство, и в город наезжает очень редко, зиму же проводит в городе. Остальные братья занимаются торговлей и живут: один в Тигиле, а два в бухте барона Корфа. Он хорошо помнит Петропавловск с 1843 г. и утверждает, что диакон неправильно сослался на него насчет образа Св. Павла, тождественного образу Св. Петра. Такого никогда здесь не было, и он никогда не говорил диакону, что образ Св. Павла увезен французами, а образ Св. Петра ими попорчен. Второй образ один раз отправляли во Владивосток для починки ризы, испортившейся от времени, но не от французских штыков.

По рассказам стариков, первая церковь в Петропавловске стояла несколько ниже теперешней летней. При П. Н. ее уже не было, а стояла большая церковь, именовавшаяся собором, рядом с теперешнею зимнею церковью и отчасти на ее месте. К первым годам деятельности американской фирмы «Коль и К^о» эта соборная церковь пришла в полную ветхость, и поэтому

первый управляющий фирмы выстроил новую, теперешнюю летнюю, из остатков старого собора сложил теперешнюю зимнюю церковь, а придел «Веры, Надежды и Любви», в котором были похоронены жена Голенищева и жена Машина, перенесен к озеру на братскую могилу, в церковь, поставленную там Филиппеусом. Эта последняя церковь была заготовлена в Охотске для постановки в устье р. Тигиль, но буря помешала ее там выгрузить.

По словам П. Н., главные образа теперешней летней церкви: Бог Саваоф, Божья Матерь, Спаситель, Св. Петр и Св. Павел находились в первой церкви города Петропавловска, и, как говорили ему старики, писаны здесь одним и тем же лицом. В сороковых годах образ Бога Саваофа был такой же темный, как и теперь. Образа теперешней зимней церкви привезены сюда при Завойко. Образ Св. Петра, привезенный сюда лейтенантом Овцыным, стоял сначала у трапезы, а затем, по перестройке старого собора, поставлен на правом клиросе, где я его и видел.

В старые годы, при парусном флоте, рыба забивала ковши и наполняла всю Авачинскую губу; паровые же суда сильно загрязняют места стоянок, и поэтому теперь в ковши рыба совсем не заходит, а в губе идет фарватером к устьям Паратунки и Авачи и отчасти держится в бухте Тарья, где пароходы бывают редко. Уменьшение количества рыбы отражается на благосостоянии жителей, и теперь приезжие, имеющие иные источники доходов, живут часто лучше туземцев.

Часов в десять вечера вестовой подал мне две визитные карточки «Семена Васильевича Стрельникова», с надписью на них карандашом; на одной: «Честь имею преподнести вашему высокопревосходительству от своих трудов, казак-защитник Порт-Артура», на другой: «Всепокорнейше прошу ваше высокопревосходительство не оскорбитесь». Выйдя на кухню, я увидел в праздничном костюме того самого мужчину, который при мне ловил рыбу; в корзине у него было три рыбы. Он мне повторил написанное на карточках.

Я поблагодарил, спросил, сколько ему следует. Он удивленно, а, пожалуй, даже обидчиво, заявил: «Ничего, это ваш пай за помощь». Я еще раз поблагодарил и налил ему большую рюмку коньяку, которую он тут же и выпил, а затем обратился ко мне с разными вопросами о порядке перечисления из Уссурийского в Камчатское войско. Я, конечно, разъяснил, что мог, и в свою очередь задал ему несколько вопросов. Между прочим, я просил его откровенно сказать мне, кого здесь называют «мурками»? «“Мурками” называют здесь всех приезжих», — сказал он. — «Значит и я “мурка”»? — Улыбаясь и конфузясь, он ответил: «Точно так».

18-е, среда. Несколько дней назад городской староста обещал мне дать на просмотр «Отчет Петропавловского городского управления о приходе и расходе городских и общественных сумм за 1907 г. и «Статистические сведения по городу Петропавловску-на-Камчатке к 1-му января 1908 г.».

Сегодня письмоводитель городского управления принес их мне, а я занялся просмотром их. Документы эти не объемисты: первый на листе, второй — на полулисте; но очень занимательны. Например, между статьями расхода городских сумм значится: «За исправление мостов, очистку улиц и содержание в чистоте города 55 руб. 70 коп.; за квартиру, занимаемую городским управлением, за помещение для городских собраний, за отопление и освещение и другие мелкие расходы 226 руб.; на канцелярию 119 руб. 77 коп.; разных расходов 94 руб.».

Между расходными статьями попалась и приходная: «Погашаются документы, по коим получены деньги 1 000 руб.». Этих и других расходов в течение 1907 г. было 3 315 руб. 47 коп. «Остается к 1-му января 1908 г.: документами 1 000 руб., деньгами 732 руб. 33 коп.». Итого 14 077 руб. 80 коп. (?)

В отделе «Общественных сумм» в статьи прихода попала запись: «Выдано заимообразно под документы 2 628 руб. Всего в приходе общественных сумм значится 6 684 руб. 66 коп., из коих: документами 1 300 руб.; наличными деньгами 1 195 руб. 53 коп. Между статьями расхода «общественных сумм» показано выданными заимообразно под документы 2 288 руб. или менее против соответствующей записи в приходных статьях на 340 руб. Рядом стоит: расходовано расписок, по коим получено 1 655 руб. Уплачено за квартиру, занимаемую городским управлением, за отопление и освещение 28 руб. 40 коп.; израсходовано на канцелярию 3 руб. 18 коп. Арифметически итог расхода «общественных сумм» подбит верно: 4 189 руб. 13 коп., но он превышает действительный расход на $(1\ 655 - 340) = 1\ 315$ руб.

Критиковать отчет далее нет возможности, так как в нем почти все записи сделаны неправильно. В действительности, к 1-му января 1907 г. состояло «городских сумм» 9 807 руб. 75 коп., в течение года поступило 1 020 руб. 25 коп.; израсходовано 915 руб. 47 коп. В остатке к 1-му января 1908 г. 9 912 руб. 53 коп. «Общественных сумм» к 1-му января 1907 г. 909 руб. 79 коп.; поступило в 1907 г. 864 руб. 87 коп.; израсходовано 223 руб. 63 коп., в остатке к 1-му января 1908 г. 1 651 руб. 3 коп.

«Безграмотность» отчета оправдывается, по словам Чупятова, отсутствием в Петропавловске хорошо грамотных лиц. Вступив в нынешнем году в должность старосты, он пригласил для неофициальных занятий в городском управлении местного диакона. Благочинный (или исправляющий должность?), узнав об этом, нашел такое совместительство неудобным и воспрепятствовал диакону эти занятия.

«Статистические сведения», по словам Чупятова, верны только с некоторым приближением, так как никто из жителей не обязан давать городскому управлению сведения, и собираются они разспросным путем, причем от лиц, проживающих на заимках и летовках, их получить почти не удастся. Из этих «сведений» видно, что к 1-му января 1908 г. в г. Петропавловске было

три церкви, церковных зданий три, казенных зданий три, обывательских домов 69, жителей: мужчин 191, женщин 160. Лошадей одна (у фирмы «Чурин и К°»). В нынешнем же году на пароходе *Varg* доставлено КТПО 14 лошадей), собак ездовых 589, рогатого скота 60. В 1907 г. родилось: мужчин 12, женщин девять; умерло: мужчин пять, женщин одна.

Сегодня я рассказал Подпругину вчерашний случай с казаком Стрельниковым. Подпругин объяснил, что между камчадалами существует обычай выдавать помощникам их пай не только в рыбной ловле, но и на охоте. Для рыбалки всегда нужно несколько человек; невод же обыкновенно принадлежит одному. Хозяин невода получает половину и более всего улова; остальное количество рыбы делится на «пай», пропорционально помощи каждого. Точно так же и на зверовой охоте: тот, кому принадлежит зимовье или баня, и кто снабжает остальных нужными припасами, получает львиную долю всей добычи, остальные — пропорционально их работе.

20-е, пятница. Около девяти часов утра ко мне заходил Подпругин и сообщил, что Мутновская, иначе Поворотная, сопка дымит. Тут только я понял, что кучевое облако, виденное мной влево от Велючинска при совершенно ясном небе, есть ни что иное, как вулканические пары. Я тотчас пошел к городской больнице, откуда особенно ясно было видно облако и под ним синяющая вершина сопки, и сделал этюд этого интереснаго явления. Все время работы облако не двигалось; только верхний край его местами расплывался по небу, а нижний временами то уширялся, то суживался. Подпругин, много охотившийся в свое время в окрестностях этой сопки, говорит, что она имеет 18 кратеров, из коих некоторые величиною в Петропавловский ковш.

Сегодня первый жаркий день (наибольшая температура воздуха +30,5 °Ц, наименьшая +10 °Ц), притом полное безветрие и совершенно ясное небо. Петропавловская публика, а в особенности дамы, уже давно надели летние костюмы, я же только сегодня надел летний китель. В семь часов утра стрелка анероида показывала 764 мм и весь день продолжает постепенно падать.

21-е, суббота. Сегодня утром я вновь пошел посмотреть, что делается с Мутновскою сопкой. Оказалось, что только легкий дымок выходит из правых кратеров и разстилается в сторону Велючинска. Пока я гулял по кладбищу, слегка задымился левый край сопки; но скоро дым прекратился.

На кладбище я сфотографировал памятники: князя Максutowa, раненаго 24-го августа 1854 г. при защите Петропавловска и затем умершаго от ран, и восьми матросов транспорта «Кольма», утонувших в прошлом году в устье р. Озерной. По рассказам С. А. Иванова, командовавшаго тогда «Кольмой», на берег была спущена восьмерка с офицером. Ко времени возвращения людей на судно стало свежить: люди не справились с прибоем и приливом; шлюпку перевернуло, и все матросы утонули. Тела их выбросило на берег. Когда погода стихла, их взяли на судно и доставили сюда для

погребения. Спасся только один офицер, которого удачно выкинуло волной на берег. (Фрагмент креста, установленного на могиле моряков «Колымы», ныне представлен в экспозиции Камчатского государственного объединенного музея. — *Ред.*)

Между другими памятниками обращает на себя внимание невысокая деревянная пирамида. Надпись, выбитая на железном листе, гласит, что некий Бородин спешил к своей Даше, но в живых ее не застал. Кладбище совершенно запущено. Видимо, за ним нет никакого присмотра, и из 55 руб., употребленных в прошлом году на «содержание в чистоте города», на него не перепало ни копейки. Коровы гуляют здесь так же свободно, как по всей Петровской горе, и я встретил матроса с «Шилки», собиравшего свой скот. Вид с кладбища на вход в Авачинскую губу при сегодняшнем ясном небе, совершенно зеркальной воде и ярких желтых пятнах береговых откосов, очень красив.

Возвращаясь с кладбища, я встретил младшего сына Подпругина Мишу, мальчика лет двенадцати, которого просил поймать мне чавычулку, но он отказался, заявив, что ни он, ни его товарищи птицеводством никогда не занимались и делать этого не умеют. Я ему рассказал несколько способов, которые помню еще из своего детства, но он все-таки отказался.

После завтрака на «Шилке» Машковцев пошел ко мне. Дорогой мы обратили внимание на большие кучевые облака, закрывавшие верхнюю треть Коряцкой сопки. Они были без движения, и только по низу их проходили маленькие рваные тучки. Через час, когда мы шли обратно, форма облаков и цвет их были почти те же. Сопка эта считается действующей, и поэтому можно думать, что происходит извержение паров.

В пять часов я пошел на озеро (лагуна) писать этюды. Вершины Козельской и Авачинской сопки покрыты легкими облачками, постоянно меняющими свой цвет и вид, а Коряцкая сплошь закрыта облаками. Когда над первыми двумя облака более или менее расхотились, то видны были струйки дыма, выходящие из расщелин скал.

23-е, понедельник. Утром ушел «Манджур», а в полдень «Люцун». Первый пошел в крейсерство, а второй — в Николаевск-на-Амуре и повез в распоряжение японского консула команду и рабочих с арестованной шкуны. Очевидно, гг. командиры некоторых наших судов не придерживаются предразсудка старых моряков не выходить в море по понедельникам и пятницам.

25-е, среда. ...Сегодня начальник уезда при мне докладывал губернатору, что чиновник Министерства государственных имуществ, бывший недавно на «Командоре Беринге», разъяснил, что местные жители могут продавать рыбу кому хотят, но японцы покупать ее не могут. Спрашивается: как поступать жителям, когда нет других покупателей? В прошлом году местный купец Чупятов (он же городской староста) скупил рыбу у жителей и пере-

продал ее японцам. Заведывающий рыбными промыслами запретил эту продажу и хотел арестовать всю рыбу, но уездный начальник и командир нашего крейсера отказались ему содействовать. Дело перешло в Хабаровск, в Управление государственных имуществ, и до сих пор решения нет...

27-е, пятница. В семь часов утра В. Е. Флуг, Лех, Власьев, Тюшов и Викентьев пошли на «Котике» в Тарьинскую губу выбирать место для нового поселения. На том же пароходе поехали, прогулки ради, семья Леха, семья Тюшова, С. А. Иванов, горный инженер Круг и я. Через час пароход остановился против бывших консервного и тукового заводов КТПО. Тотчас Василий Егорович с сопровождавшими его лицами и я сели в шлюпку и паровой катер и пошли в Култук (наиболее вдающаяся в материк узкая часть бухты).

Шли около часу. Когда остановились, все пошли осматривать и вымерять площади, а я остался на берегу писать этюд. Ближайшие берега бухты покрыты, точно пушистым ковром, зарослями низкорослой ольхи, корявой березы (Эрмана) и высокою густою травой; далее — береговой горный кряж с остатками снега на вершинах и в оврагах. Правее его, на горизонте, синее другой кряж, выше первого и более его покрытый снегом. Вода спокойная; небо затянуто дымкой; жарко. Здесь мы пробыли около часу. На обратном пути губернатор решил остановиться в «Сельдяной» бухте у могилы адмирала Прайса, чтобы осмотреть еще одно место. Адмирал Прайс командовал в 1854 г. английскою эскадрой и потерпел неудачу у Петропавловска, почему тогда же отравился или застрелился. С тех пор каждое английское судно, проходящее в Петропавловск, считает своим долгом положить на могилу камень со своею надписью.

Высадив Василия Егоровича и спутников на берег, я на паровом катере вернулся несколько назад и сделал второй этюд: тихая серовато-голубоватая вода, на ней небольшой островок Хлебалкин, поросший корявою березой: точь в точь островок в Японском архипелаге; мгла застилает противоположный берег Авачинской губы, и он кажется низким и синеватым; за ним чувствуется массив Коряцкой сопки с отходящим от него влево горным кряжем, котораго из-за мглы не видно, а там высоко, где мгла расходится и сливается с цветом неба, на каком-то неопределенном сероватом фоне, ярко блестит покрытая снегом вершина этой сопки.

Возвращаясь на пароход, я заметил на берегу большое общество, из котораго мне кто-то махал платком. Приблизившись, я увидел все наше общество с командиром парохода «Котик» г. Витте и главным доверенным КТПО г. Кантор, расположившимися обедать и ловить рыбу. Когда я к ним присоединился, то у них уже был вытянут один невод с 250 штук кэты (по местному хайко). Витте, Власьев и Тюшов фотографировали несколько раз всю группу; затем то же сделал инженер Круг (участник экспедиции Рябушинскаго) на

новых пластинках цветной фотографии. По окончании обеда все мужское общество пошло осматривать заводы.

В первом из них, консервном, — мерзость запустения: печи поломаны, полы разобраны, машины и материалы сложены в кучу, и все это покрыто толстым слоем пыли. Второй — туковый, совершенно исправен и может быть немедленно пущен в работу. Остановка только за рыбой: завод рассчитан на громадное ее количество, которого в Авачинской губе и Тарьинской бухте добыть нельзя. По словам г. Кантора, предполагалось, что все окрестное население будет доставлять рыбу, но предположение не оправдалось: завод проработал только три дня, и с тех пор миллионное имущество гниет. Японцы хотели купить завод, но давали до смешного малую цену. Еще до сих пор на заводе лежит до 100 т коксу, который «Котик» и возит в Японию, где он продается по 33 руб. тонна. Разных сортов железо, бревна, доски, ящики, жестянки для консервов, соль в громадном количестве лежат внутри заводов и вокруг них.

Когда на обратном пути мы были почти на середине Авачинской губы, нам представилась восхитительная картина трех местных сопков, залитых красноватыми лучами заходящего солнца; причем все водное пространство и ближайшая горы были уже в полумраке. Не только я, но почти все наше общество долго находилось на палубе, любуясь этою картиной.

28-е, суббота. По случаю отъезда губернатора у уездного начальника был обед в присутствии всех местных властей, за исключением заведующего рыбными промыслами, с которым все общество не в ладу. После обеда г. Витте (командир «Котика») фотографировал в саду всех присутствовавших. В 7 ч. вечера был второй обед, на «Шилке». Стол был накрыт на верхней палубе, убранной флагами и разноцветными электрическими лампочками. По окончании обеда все общество поехало на «Котик», где дамы поднесли В. Е. букет живых цветов.

Когда «Котик» тронулся, казаки, выстроенные на Сигнальном мысу, дали несколько ружейных залпов, а Чупятов там же зажег фейерверк. Все время, пока «Котик» выбирался на фарватер, с «Шилки» освещали прожектором входную бочку. Вечер тихий, полная луна играет на гладкой поверхности воды, барометр 766 мм: признаки спокойного плавания.

29-е, воскресенье. За отсутствием священника, церковного торжества нет.

Около полудня наша компания отправилась пикником в Раковую бухту. Как и полагается в таких случаях, пообедали на открытом воздухе, наловив предварительно рыбы на уху, все же остальное привезя с собой. После обеда, когда каждый старался забавляться по-своему, доктор Клопман приглашал меня ехать с ним в лепрозию, расположенную в дальнем углу бухты, но я отказался, так как достаточно посмотрелся на этих несчастных в прежние годы в Николаевске-на-Амуре. Доктор все-таки нашел себе компаньона и поехал.

По словам Леха и Тюшова, в лепрозии содержится десять взрослых и двое детей, в возрасте десяти — двенадцати лет.

Больные проводят время в полной праздности, и только один занимается зверовою охотой в ближайших горах. Недавно умер один больной, категорически отказывавшийся даже убирать около себя, говоря: вы меня сюда посадили, так и делайте все сами. Побегов больных почти не бывает. С больными живет много лет фельдшер, физически здоровый человек, но почти всегда пьяный. С. М. Лех много занимается благоустройством лепрозии и для этого пользуется всяким случаем получить с кого можно, чем можно и сколько можно. Чаще всего, конечно, дают деньгами, но он не отказывается брать строительными материалами, медикаментами и прочим.

На такие добротные даяния выстроены те три домика, в которых живут теперь больные. По словам Леха и Тюшова, разсадником проказы были с. Ганалы и Никольская волость. Последняя была образована в сороковых или пятидесятих годах прошлого столетия переселенцами из Иркутской губернии. Она находилась на западном берегу Авачинской губы, между нижними течениями рек Паратунки и Авачи. Теперь волости этой не существует: больные семьи вымерли, здоровые разъехались по полуострову, никто из вновь приезжающих местности этой не занимает, считая ее зараженной. В селение Ганалы из прежних больных осталась одна старуха, которая ни за что не хочет переезжать в лепрозию. Потомство ее находится под наблюдением, а других больных, говорят, там нет.

Некоторые здешние жители и бывшие здесь врачи утверждают, что проказа развивается от «саранной рыбы». Сарана — это болезнь на некоторых видах рыб лососевых пород, выражающаяся в покраснении кожи и в образовании на ней и в теле рыбы гнойников, наполненных микроскопическими червячками. Другие этому не верят, а все утверждают, что рыбу с резко выраженной болезнью выбрасывают и едят только такую, у которой болезнь простым глазом не видна.

Интересно бы знать, делал ли кто-нибудь бактериологическое исследование больной рыбы и к каким пришел выводам? Доктор Русаков просил меня привезти ему во Владивосток один экземпляр больной рыбы. Я передал об этом Тюшову, и он обещал мне достать.

Вечером, сидя дома, я просматривал дело начальника камчатской казачьей команды о прохождении казаками службы согласно «временных» правил, утвержденных приамурским генерал-губернатором 23-го июня 1897 г. Кроме этих правил, служба камчатских казаков нормируется приложением к статье 3-й Свода законов Российской Империи, издания 1903 г. (учреждение гражданского управления казаков). Камчатская казачья команда подчиняется уездному начальнику и разделяется на три отделения: петропавловское, усть-камчатское и тигильское. Каждое отделение имеет своего «частного»

начальника. Дисциплинарные права ни первого, ни вторых не определены. Кроме них, в команде имеются пятидесятники и десятники, соответствующие нашим унтер-офицерам и ефрейторам.

Службу казак начинает с двадцатилетнего возраста и отбывает в районе своего отделения. В командировках за пределами отделения он может быть не далее 500 верст; если же понадобится командировка далее, то каждый раз испрашивается разрешение военного губернатора. Единственный работник в семье на службу не берется; а так как в мирное время вся команда состоит только из 50 человек, то естественная убыль замещается людьми не младших, а старших возрастов. Предельный возраст — 45 лет.

Казак увольняется со службы только по достижении этого возраста или за полную физическую неспособностью. Из них инвалиды, не имеющие средств к существованию, зачисляются на особое инвалидное довольствие. В военное время на службу выходят все способные носить оружие, и тогда им выдается казенное оружие и лошадь. Все остальное обмундирование и снаряжение, а также собак, как в мирное, так и в военное время казак должен иметь свое. По справке о численности камчатских казаков, к 1-му января 1906 г. значится: в Петропавловске — 143 мужчины, 108 женщин, в Усть-Камчатске — 49 мужчин, 67 женщин, в Тигиле — 129 мужчин, 111 женщин, в Анадыре — 8 мужчин, 3 женщины, в Аяне — 1 мужчина. Всего: 330 мужчин, 289 женщин.

К этому надо прибавить, что, несмотря на отсутствие школ, почти все казаки грамотны; а некоторые даже настолько хорошо, что, будучи посылаемы в отдельные командировки, толково составляют разнообразные протоколы. Равновесие мужского и женского пола не дает возможности развиваться проституции; но особенным пуризмом казачки не отличаются.

Июль, 1-е, вторник. Сегодня г. Пиунчик (заведующий городским училищем) обратился ко мне с просьбой написать наружную занавесь для устраиваемой в училище сцены. Я согласился, просил лишь достать необходимые материалы. Он немедленно отправился разыскивать их и скоро сообщил, что у местных торговых фирм есть только холст и некоторые сорта сухих красок. Решили, что за время моей поездки в Старый Острог (село Завойко, ныне Елизово. — *Ред.*), он поищет красок у частных лиц и, если достанет, то купит холст и сошьет его по размеру занавеси. . .

6-е, воскресенье. После обедни я заходил в городское училище, и г. Пиунчик сказал мне, что сухих красок он не достал, а потому не приготовил и холста для театральной занавеси.

Г-жа Пиунчик при этом просила меня написать небольшой местный пейзаж, который можно будет прикрепить к матерчатой занавеси и тем восполнить недостаток.

8-е, вторник. До сих пор самый жаркий день был в воскресенье, 29-го июня (38 °C в тени), на следующий день уже 28°, а вчера только +10,5 °C. При

этом с 30-го числа пасмурно, и все время идет мелкий дождь (по здешнему «бус»). Немного прояснилось 2-го июля, когда я выехал в Старый Острог, но и в тот день к вечеру так сильно затянуло небо, что успел сделать только один этюд, а на другой день должен был отменить поездку в Коряки. Вчера я лег в кровать с совершенно холодными ногами и долго не мог согреться под двумя байковыми одеялами. Сегодня я проснулся около восьми часов и увидел собственное дыхание, сгушавшееся около рта. Я тотчас приказал топить печь. Столь густого и низкого тумана, как сегодня, кажется, еще не было: вход в Авачинскую губу и прилежащий к нему берег совершенно не видны; а Мишенная гора весь день закрыта более чем на половину.

Утром заходил ко мне студент Брио и извинялся, что до сих пор не мог исполнить обещания приходить помогать в сличении текста Евангелий. Работа эта была предпринята нами после обнаружения в библиотеке здешнего собора старопечатного Евангелия, но очень скоро прекратилась, так как Брио и его товарищ по просьбе Чупятова, у которого они гостят, приняли участие в съемке окрестностей Петропавловска. Мысль об этой работе пришла Чупятову, как только выяснилось, что «Шилка» будет чиниться здесь не менее месяца, и что все это время чины гидрографической экспедиции совершенно свободны.

До сих пор сделать эту работу было некому, а выписать для нея специального землемера городское управление не могло за отсутствием средств. В то же время, не сделав плана местности, нельзя ходатайствовать об отводе городу земель. Так и жил до сих пор город на казенной земле, вечно воюя с обывателями, не желавшими во многих случаях признавать его юрисдикции и обращавшимися по всем вопросам, сопряженным с пользованием землей, к уездному начальнику.

Наконец сегодня я кончил делать выписки из дела «О войне с Японией». Дело это с полным основанием может быть озаглавлено «о войне уездного начальника с местными чиновниками» и помещено на страницах любого юмористического журнала. Все здешние приготовления к войне, все справки о ней, все отношения главных действующих лиц, к общему несчастью и между собой, носят совсем несерьезный характер. А местный «форт Шаброль», воспреещение учителю городского училища г. Роберту принимать у себя своих знакомых, а им посещать его; приказ купцу Подпругину начинать с Божьей помощью великое Государево дело по вывозу из Петропавловска «дырявой команды»; посылка городского старосты с понятиями за бароном Брюггеном и Вильдеманом для указания им на необходимость в Царские дни после молебна приносить поздравление уездному начальнику; вопросные пункты первому из них по поводу слухов о войне с Японией и о первых наших поражениях — все это отдает тою глубокою стариной, когда Камчаткой управляли Царские приказчики, чувствовавшие себя полновластными хозяевами

этого отдаленного края. По словам Леха, второй том этого интересного дела утерян во время хозяйничанья здесь японцев в конце июля и в августе 1905 г.

Вечером был у меня Векентьев и рассказывал, что статский советник Гребницкий, уже не начальник Командорских островов, а член Совета Министерства внутренних дел, приходил сюда в конце июля 1904 г. на специально зафрахтованном пароходе для ознакомления с положением дел (разгар русско-японской войны) и снабжения края съестными припасами. Он имел особые полномочия, в силу которых отменил все распоряжения Сильницкаго о созыве камчатского ополчения, устранил его от должности уездного начальника и назначил вместо него Павскаго, приехавшаго на том же пароходе.

В августе Гребницкий выехал в Охотск. Вместе с ним выехал и Векентьев, в то время сильно болевший нервами. В Охотске он дождался зимы и на собаках выехал с семьей в Якутск. Переезд через Становой хребет был страшно труден. По Якутской области ехали частью на оленях, частью на почтовых лошадях. В Якутске Векентьев получил предписание губернатора Приморской области вернуться в Камчатку и вступить в командование дружинами. В этой должности он и пробыл до конца войны.

Сильницкий по приезде в Хабаровск был назначен чиновником особых поручений к бывшему генерал-губернатору и редактором «Приамурских Ведомостей». За свою деятельность на Камчатке Сильницкий получил орден Св. Анны 2-й степени. Осенью 1905 г. Сильницкий был командирован ревизовать Петропавловское и Командорское полицейския управления. По возвращении из командировки, он, ввиду смерти генерала Хрещатицкаго и назначения генерал-губернатором Унтербергера, вышел в отставку и в настоящее время издает в Хабаровске левофланговую газету «Приамурье».

За вторую половину кампании Векентьев получил Св. Станислава 2-й степени с мечами, а несколько казаков, в том числе Юшин из Тигиля — Георгиевские кресты. Восемь таких же крестов были пожалованы и командорской охране. Эти последние розданы ей только в нынешнем году, в бытность на островах В. Е. Флуга. По словам Векентьева, за все время войны в Камчатке было уничтожено 19 японских хищнических шкун и около 400 японцев.

Японский майор Сечу-Гундзя, приходивший сюда во вторую половину кампании с организованною воинскою командой, был взят в плен вместе с доктором Сасаки. Содержась здесь, он получал по 25 руб. в месяц и выпущен по заключении мира. В первую половину кампании он в качестве хищника занял селение Явино и выставил там доску с надписью. Тогда он был изгнан оттуда Сотниковым; но задержать его в то время не удалось...

10-е, четверг. Утром на «Шилке» был аукцион рогатого скота. Всех предложенных к продаже коров и быков купил Вильдеман, кажется, на круг по 120 руб. за штуку. Он очень доволен покупкой и говорит, что теперь на несколько времени в городе будет мясо и притом по цене гораздо ниже той,

какую пришлось бы платить мелким торговцам, если бы они купили скот по несколько голов каждый. За все время пребывания в Петропавловске я ел мясо только в тех случаях, когда его удавалось достать на военных судах или случайно, когда кто-либо из обывателей по необходимости бил скотину, задранную собаками. Организованной мясной торговли здесь нет.

Векентьев закончил сегодня составление проекта засыпки озера для увеличения площади будущего города. Наибольшая глубина озера (лагуна) оказалась 4 фута...

11-е, пятница. ... Последняя почта привезла в полицейское управление «штаты» будущей Камчатской губернии. Препроводительная бумага требует от уездного начальника сообщения с первым отходящим пароходом и, во всяком случае, в нынешнюю навигацию, соображения о наидешевейшем для казны способе «перемещения» в Петропавловск будущих чинов губернской администрации. Лех, смеясь, говорит: «Отвечу — “на добровольце по III классу”». Из остальной переписки видно, что высшая администрация края озабочена наивыгоднейшим для казны способом «размещения» в Петропавловске чинов будущей администрации впредь до постройки им домов и квартир.

«Штаты» предполагается ввести в действие со второй половины будущего года. Новая губерния охватит теперешние Анадырский, Охотский, Гижигинский и Петропавловский уезды, причем второй будет разделен на два приставства, и новый пристав будет жить в местечке Ола. Резиденция Гижигинского уездного начальника будет в бухте барона Корфа (это перемещение уездного начальника из селения Гижиги в бухту барона Корфа вызывается удобствами сообщения: первые пароходы в бухте барона Корфа могут быть в апреле, а последние в октябре; в верховья же Гижигинской губы из-за льдов, туманов и мелководья они попадают очень редко, а чаще разгруживаются против с. Наяхонского, отстоящего от с. Гижига на 120 верст), а Петропавловский уезд будет разделен на три части, с резиденциями приставов в Петропавловске, Усть-Камчатске и Тигиле. Чукотский полуостров будет отделен от Анадырского уезда и составит самостоятельный уезд.

Губернатор будет получать в год 12 тыс. руб. и 2 тыс. руб. квартирных. Губернское правление будет состоять: из вице-губернатора, заведующих медицинской и ветеринарной частями, инженер-архитектора, правителя канцелярии, двух старших и двух младших делопроизводителей, журналиста, ветеринарного фельдшера и четырех чиновников особых поручений, из коих два — без содержания. Кроме этих лиц, будут еще: ихтиолог, лесничий, представитель Государственного контроля, товарищ прокурора, казначейство и почтовая контора.

В «Штатах» не указано мировых судей. Их функции, как и функции судебных следователей, по-прежнему будут нести уездные начальники. По этому

поводу С. М. Лех вполне резонно замечает, что вместо ихтиолога, лесничаго и контролера, которым здесь пока нечего делать, следовало бы ввести несколько мировых судей, так как неудобства совмещения административной должности с судебной особенно сильно чувствуются в делах казенного управления, где приходится постановлять приговоры по собственным протоколам или в делах, где полиция является в роли частного обвинителя. (По возвращении во Владивосток я узнал, что в Петропавловске будет открыт самостоятельный окружной суд, и первым его председателем намечен теперешний прокурор Владивостокского окружного суда А. Э. Шульц.)

Сегодня Подпругин показывал мне камушек величиной в кубический дюйм и говорил, что подобные и значительно большие (до размеров кулака) сыпались в прошлом году вместе с вулканическим песком. Песчаный дождь, начавшийся у Петропавловска 15-го марта, застал Подпругина близ Ключевской сопки 16-го числа и на несколько дней задержал его в пути; так как пока не выпал новый снег, собаки не могли тащить нарты. Полковник Неелов увез отсюда в прошлом году мешок этого вулканического песку и отправил его в Петербург.

Разговор о прошлогоднем извержении скоро перешел на разговор об устройстве новой губернии, и этот умный мужик озадачил меня вопросом: во что обойдутся населению разъезды чинов будущей губернской администрации? По мнению Подпругина, это будет одно разорение; так как у каждого чиновника, хотя и будет своя нарта, но на одной нарте он далеко не уедет: ему нужна будет вторая для вещей и третья для собачьяго корма; а когда поедет губернатор, то для него придется сгонять собак из нескольких деревень...

13-е, воскресенье. Сегодня утром в полицейском управлении был аукцион пушнины, собранной в ясак с жителей Петропавловскаго уезда. Это, кажется, первый аукцион за большой промежуток времени: в прежние годы вся пушнина отправлялась во Владивосток и там продавалась областным правлением. С. М. Лех устроил этот аукцион, пользуясь пребыванием в порте нескольких пароходов. Как он говорил мне вечером, аукцион не дал ожидаемых результатов, и даже первосортный бобер продан довольно дешево — за 800 руб.

Уже давно любители драматического искусства принялись разучивать пьесу Островскаго «Не все коту масленица», с целью устроить вечер в пользу городского училища. Так как нет основания ожидать большего чем теперь скопления пароходов, то уже вчера по городу расклеили рукописныя афиши и стали разсылать билеты. Сегодня в восемь часов вечера небольшой зал городского училища был битком набит публикой. Главным образом были гг. офицеры с наших военных судов. Для местных жителей настоящий спектакль, кажется, первое в их жизни развлечение подобного рода: до сих пор они знали только свои «вечерки» с неизменною «восьмеркой» (танец

с фигурами вроде французской кадрили) и выпивкой, а более состоятельные и с «девяткой» (макао).

Для первого раза гг. любители сыграли очень удовлетворительно. После спектакля доктор Квашонкин и купец Одолин спели несколько дуэтов, чем доставили публике особенное удовольствие. Когда зал значительно опустел, устроились танцы под звуки граммофона. Сбор превзошел ожидания: от платы за билеты, от чая, конфет, танзана, шампанского и карт получили более 400 руб. В частности, г. Яуналаксен, доверенный КТПО в с. Ключевском, дал за билет 100 руб. Кроме этого: сцена, устроенная г. Вильдеманом, парики и грим, выписанные некоторыми любителями за свой счет, пожертвованы в пользу училища...

... 14-е, воскресенье. [14 августа 1908 г.]. После обедни Подпругин пригласил меня к себе на чай. Вся семья (два женатые сына и Мишка, ученик городского училища) была в сборе. Стол был накрыт чистою скатертью, и на нем в ожидании хозяина шумел самовар и дымился свежеспеченный пирог. Истово перекрестившись на образа, все принялись за чай и закуску. К чаю было какое-то варенье и сдобное печенье, а после пирога подавали рыбу, копченую, соленую и жареную и кислое молоко. Для желающих была водка и бутылка «дрей мадеры». Разговор начался с пересказа хозяином церковной проповеди, а кончился разными житейскими вопросами. Этот завтрак напомнил мне то время, когда я еще ребенком хаживал по праздникам с отцом в церковь, а мать ожидала нас дома с самоваром и пирогом. Очевидно, старые обычаи, которых за последние четыре десятилетия мне не приходилось наблюдать среди так называемых интеллигентов, в Камчатке еще живут крепко.

В первый же раз, когда я был у Г. Т., я видел на стене в «зальце» портрет о. Иоанна Кронштадтского, величиной в пол-листа писчей бумаги, сделанный олеографически на жести. Портреты эти уже давно распространяются по всей России. По поводу их мне рассказывали здесь, что некоторые мелкие купцы, развозя их по мелким инородческим становищам, делают хорошие дела: они продают их по 15 руб. за штуку (цена соболя 2-го сорта) и при этом уверяют темный люд, что употребление их двоякое: лицевая сторона служит образом, а на задней можно подавать чай.

15-е, понедельник. За обедом у Вильдемана я познакомился с одним из членов экспедиции Переселенческого управления. Он объехал окрестности Петропавловска и часть долины р. Камчатки и утверждает, что скотоводство здесь возможно при условии посева кормовых трав, так как дикорастущия травы очень жестки и в корм молочному скоту не годятся. Вильдеман оппонировал, ссылаясь на существующия молочныя хозяйства, но это его не убедило.

Опытное поле, устроенное в июне месяце чинами этой экспедиции, никаких результатов не дало. После обеда я ездил в Раковую бухту, куда наш паровой катер отвозил двух сестер милосердия Пермской общины. Оне приехали

на два года в здешнюю лепрозию. В первый путь мы прошли довольно спокойно: на обратном же пути нас порядочно покачало. Тем не менее, я зарисовал общий вид Петропавловска, и таким образом, наконец, сделал то, что хотел сделать еще в июне и июле. Тогда этому мешали почти постоянные туманы...

18-е, четверг. [18 сентября 1908 г.]. ...Г. Логиновский показал мне оригинальное «жаявление» старосты с. Кавранскаго, камчадала Назара Причина, поданное им «Благочинному Камцацких церковей отцу Николаю Скамарову» (вместо Комарова). Заявление написано на четверти листа писчей бумаги. После некотораго разбора этого совершенно безграмотнаго писания мы, наконец, поняли, что Причин доносит о посылке им лучшаго ученика в соседнее селение с приказанием обучать там русской грамоте и арифметике всех мальчиков и девочек, а в непродолжительном времени сам собирается туда ехать, чтобы проверить занятия. По словам Логиновскаго, Причин окончил церковно-приходскую школу и затем, радея к просвещению, за собственный счет и страх открыл школу в родном селении, в которой, за отсутствием учителей, преподает сам. Насколько мало он может передать ученикам, видно из его собственнаго писания; из него же видно, сколь неудовлетворительны церковно-приходския школы на Камчатке, не могущия научить своих учеников сколько-нибудь правильно излагать мысли. Да иными школы эти и быть не могут.

В девяностых годах прошлаго столетия был случай назначения священником в Камчатку писаря 7-го Восточно-Сибирскаго линейнаго баталиона, который по увольнении в запас армии два года был певчим архиерейскаго хора в г. Благовещенске и на том покончил свое образование. Проездом из Благовещенска в Петропавловск он был во Владивостоке у прежняго своего командира, полковника Немысскаго, и говорил ему и гг. офицерам баталиона о предполагаемых оборотах с пушшиной, но не о предстоящей ему миссионерской деятельности.

Более чем через десять лет после этого советник областного правления Ф. Ф. Сомов, ревизуя в 1907 г. северные уезды, узнал, что еще недавно в Гижиге был священник о. Чебатнягин, который всю церковную библиотеку употребил на оклейку стен своей и обывательских квартир. Несмотря на это, население чувствует потребность в образовании, доказательством чего служат Назар Причин и почти поголовная грамотность камчатских казаков. Поэтому непонятно предположение: с учреждением Камчатской области только преобразовать Петропавловское городское училище в реальное училище, вместо того, чтобы открыть реальное училище, существующее передвинуть в один из пунктов вглубь страны. Это, конечно, вызовет лишние расходы, но зато даст возможность большому числу детей получить мало-мальски сносное образование.

19-е, пятница. Утром в складе КТПО обнаружена кража пушшины (136 соболей, 100 горностаев, два бобра и прочее) на 15 тыс. руб. Замки на вход-

ных дверях целы, ни подкопа, ни следов проникновения через слуховые окна нет, только в одном из окон нижнего этажа вырезаны два стекла в наружной и внутренней рамах. Размер этих стекол 5 на 6 вершков, и взрослый человек сквозь них пролезть не может. На ящиках у самого окна найдена одна соболя шкурка, а другая втоптана в грязь на улице против этого окна. В верхнем этаже склада взломаны замки у мехового и галантерейного отделений, а у третьего замок отперт. В меховом отделении взломаны замки у двух сундуков с соболями и бобрами.

Очевидно, участников кражи было несколько: одни, пробравшись в склад перед его закрытием, ночью взломали замки у верхних отделений и у сундуков и подавали пушнину товарищам через вырезанные стекла; другие, приняв товар, тотчас отнесли его в заранее приготовленное место; первые же незаметно вышли из склада утром, как только он был открыт. Логиновский делал обыск на «Каморе», а командир «Шилки» — у судовой команды, но ничего не обнаружили. Вильдеман объявил премию в 1 500 руб. за находку товара. По поводу этой кражи в городе много толков, и никто не сомневается, что она учинена «мурками». Отсюда вывод: как можно меньше безработных пускать в край.

20-е, суббота. Сегодня некто Чарский давал концерт в том доме, в котором летом жили Флуг, Ренгартен и я. Для временного нашего пребывания помещение было вполне удовлетворительно; но для концерта оно мало. Поэтому, как говорят, публика битком набила не только зало, но соседние комнаты, прихожую и даже была на крыльце.

Г. Чарский с четырьмя компаньонами все лето ловил рыбу около Петропавловска. Но, по сибирскому выражению, ему не «фартило», он проработался и, не имея на что выехать, дал этот концерт. Вильдеман помещение уступил бесплатно. Общий сбор около 80 руб.

Сегодня, делая прощальные визиты, я видел у Подпругина две очень хорошо сделанные его сыном модели: запор на рыбу и ловушка на соболя. Я хотел их купить, но они оказались уже проданными кому-то из чинов экспедиции Рябушинского.

22-е, понедельник. Вчера к обеду кончили нагрузку. Всего взяли более 200 бочек соленой рыбы. В два часа отошли от пристани, а сегодня в четыре часа утра вышли в море. Японец, прикащик Косыгина, с вечера, провожая кого-то, напился и заснул на пароходе. Обнаружили его сегодня утром. Поэтому сегодня около семи часов утра остановились около маяка, свистали; но лодка не пришла, и японец этот поневоле едет во Владивосток. Скептики утверждают, что японец все это устроил нарочно, чтобы незаметно выехать из Петропавловска.

В десять часов утра прошли мыс Поворотный...

А вот сведения о различных казенных и общественных учреждениях (судебных, радио- и телефонной станции, добровольном пожарном обществе), начало деятельности которых относится ко времени создания, точнее, воссоздания, в 1909 г. Камчатской области. Они подготовлены разными авторами и также почерпнуты нами из юбилейного сборника в память двухсотлетия основания Петропавловска.

СУДЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КАМЧАТКИ

... Камчатка всегда являлась самой миролюбивой страной в России. Местное население отличается необыкновенной честностью и на преступность не способно. Люди на Камчатке всегда жили, оставляя двери открытыми, и никогда ничего не исчезало.

Из преступлений крупного характера история знает два случая: первый — взлом сейфа в 1905 г. в полицейском управлении во время эвакуации города, из которого было похищено 40 тыс., и исчезновение из Петропавловского казначейства в ноябре 1912 г. 192 тыс. руб. Оба преступления были произведены приезжими.

С образованием Камчатской области и с введением в ней губернских учреждений, по постановлению Совета Министров и Высочайшему Повелению в июне 1912 г. последовало учреждение Петропавловского окружного суда и камер мировых судей во всех уездах области.

Основанием для открытия суда послужил доклад товарища министра юстиции г. Веревкина (младшего), в котором говорилось, что Камчатская область занимает сравнительно большое пространство, а для разбора дел требуется выезд сессии из Владивостока, что обременяет Владивостокский суд, что население Камчатской области составляет 300 тыс. человек (ошибся в десять раз), что поэтому он, товарищ министра, полагал бы необходимым открыть самостоятельный Окружной суд с резиденцией в гор. Петропавловске.

Суд прибыл в ноябре 1912 г., а в следующем году были выстроены здания для суда и квартир служащих. Прекрасный участок на берегу Авачинской бухты с разбитым парком с тех пор получил название «Судейского городка» и примыкал к земельной полосе радиостанции.

В состав Окружного суда были назначены: Владимир Иванович Головаченко — Председателем и членами суда: Владимир Степанович Масловский, Яков Степанович Нейман и Александр Александрович Кокорев. Секретарем суда — Петр Алексеевич Смирнов.

Прокурорский надзор состоял из: прокурора Павла Григорьевича Лефевра, товарищей прокурора Павла Николаевича Шумилина и Николая Васильевича Денисова. Секретарь — Петр Сергеевич Савинский.

Мировыми судьями были назначены: в Петропавловск-Командорский участок — Николай Иванович Шаталин, в Гижигинский участок — Михаил Николаевич Успенский, в Охотский участок — Николай Михайлович Богданов и в Чукотско-Анадырский край — г. Горяинов.

Через некоторое время член суда г. Масловский был переведен в г. Верный, г. Нейман — на Кавказ, а А. А. Кокорев вышел в отставку. На их место были назначены гг. Андреев, Пржевуцкий и К. А. Емельянов.

Из состава прокурорского надзора был переведен г. Лефевр членом суда в Новгородский окружной суд.

В. И. Головченко до назначения на Камчатку был членом Иркутской судебной палаты. П. Г. Лефевр, хорошо известный и блестяще аттестованный по окончании Императорского училища правоведения министром юстиции И. Г. Щегловитым, долгое время бывшим директором Училища правоведения, являлся потомком одного из французских эмигрантов, после революции во Франции натурализовавшегося в России. Он был самым молодым русским прокурором, ибо, когда он занял этот пост, ему было всего тридцать три года. Пребывание П. Г. Лефевра на посту прокурора Петропавловского окружного суда было непродолжительным.

Колоритна и импозантна фигура первого председателя суда В. И. Головченко. Огромный, в сажень роста, покойный ныне Владимир Иванович имел очень маленькую голову, что несколько дисгармонировало в его наружности. Он был человеком волевым, строгим и неуклонным исполнителем закона. Покойного более всего раздражал тот маниловский либерализм, который просочился в судебную среду, где часто видные судебные деятели открыто становились в ряды «партии народной свободы». Так называемых «к-д» В. И. Головченко ненавидел, часто был вспыльчив по их адресу и пророчески называл их «разлагателями исторической русской государственности». В. И. Головченко был редкой трудоспособности и неуклонно в Камчатском суде председательствовал сам на всех уголовных и гражданских процессах.

А. А. Кокорев, скончавшийся в Харбине, где он успешно работал в качестве присяжного поверенного, и К. А. Емельянов были моими сослуживцами по Иркутской судебной палате. На личности последнего я остановлюсь подробнее. К. А. Емельянов — семинарист по образованию и воспитанию, принадлежал к той части семинаристов, которые насковзь были пропитаны «добролюбовщиной» и «писаревщиной» и в придаток к ним «творениями» Чернышевского и, конечно, по окончании семинарии пошел не по духовной линии, а поступил в Томский университет на юридический факультет, окончив который был кандидатом и помощником секретаря Иркутской судебной палаты. Он был прекрасным службистом, иногда придиричивым до излишней формалистики, но демократические его убеждения не слиняли у него и во время его государственной службы, и модное тогда заблуждение «о спаси-

тельности социализма» было его догмой. Но ему же суждено было испытать на себе «рецепт социализма» в 1920 г. в Николаевске-на-Амуре, и он осознал всю ложь социализма и поведал это в своей прекрасной книге «Трагедия Николаевска-на-Амуре». Где теперь К. А. Емельянов? По одним сведениям, он умер, по другим — жив.

В. И. Головченко в 1920 г. был в Омске директором Департамента Министерства юстиции и при эвакуации правительства адмирала Колчака из Омска в Иркутск скончался от сыпного тифа.

Преемником Лефевра на посту прокурора были судебные деятели гг. Кадышевский и Красильников, занимавший до этого должность прокурора в Благовещенске.

Из камчатских судебных деятелей следует отметить умершего в Харбине товарища прокурора Н. В. Денисова, редкого музыканта на цитре, честного работника и доброй души человека, занимавшего одно время пост товарища военно-морского прокурора во Владивостоке.

Камчатский окружной суд просуществовал до 1920 г., внедряя правовые понятия и уважение к закону среди инородческого населения Камчатской области. Дети природы, доверчивые и бесхитростные, за это время поняли истинное значение Суда и видели в нем осуществление права и правды, и охотно шли туда.

В конце 1918 г. Петропавловский окружной суд был переведен в Николаевск-на-Амуре. Председателем суда был назначен бывший товарищ прокурора Иркутской судебной палаты С. И. Васильевский, прокурором Красильников. Суд просуществовал там до 1920 г., когда почти весь состав суда погиб от рук Тряпицына (красного партизана-анархиста. — *Ред.*)...

РАДИОТЕЛЕГРАФ, ТЕЛЕГРАФ И ТЕЛЕФОН

14 ноября 1940 г. Петропавловская радиостанция отпраздновала тридцатилетие своего существования. Эта станция имеет свою длинную и славную историю, ибо она является первой мощной установкой не только в России, но и в мире.

В 1909 г. последовало Высочайшее повеление о соединении Камчатки телеграфом. Постройка телеграфной линии от Петропавловска до Охотска, расстоянием около четырех тысяч километров, местами по бесплодной тундре, требовала не только колоссальных средств, но и многих лет работы.

В то время постройка телеграфа была закончена на участках Иркутск — Якутск — Охотск, и эта телеграфная линия действовала.

В начале 1910 г. на Камчатку были отправлены тысячи рабочих, сотни лошадей и десяток транспортов с материалами и продовольствием. Для работ пришлось завозить абсолютно все — от гвоздя до телеграфного столба,

продукты, одежду, корм для лошадей, телеги и сани. Было приступлено к постройке дороги, помещений для рабочих и учреждений, сотни людей прорубали густой тальник и лес. Это было огромное предприятие государственного масштаба, пожалуй, не имевшего еще места в мире.

Производством этих работ ведали старшие механики гг. Гутман и Мотузкин. Инспектировали работы тайный советник Н. И. Рейх и старший механик г. Чеславский, приехавшие из Хабаровска. В течение трех лет телеграфная линия была проведена на 900 клм. от Петропавловска до Тигиля. Она связала все населенные пункты западного побережья Камчатки. В последующие годы такая же линия была проведена и к восточному побережью полуострова и доходит в настоящее время до селения Козыревского на реке Камчатке.

Трудно описать условия работ в дикой тайге, где летом людей заедали комары, а зимою они болели от цинги и работали в саженном снегу.

Одновременно с постройкой телеграфной линии правительство было озабочено установлением немедленной связи с центром области — Петропавловском. Возник вопрос о сооружении в Петропавловске и в Николаевске-на-Амуре радиостанций, имеющих связать эти пункты на расстоянии 1 200 клм.

В рассматриваемый нами период радиотелеграфия была в зачаточном состоянии. Опыты профессора Попова в России были признаны опасными и нежелательными и встретили даже враждебное к ним отношение со стороны некоторых ведомств. Почтенному изобретателю радиотелеграфии в конце концов правительство отпустило 50 руб. на продолжение его опытов, в то время как Маркони в Европе имел для своих работ неограниченные кредиты.

Естественно, что у нас в России при такой постановке в 1909 г. не было специалистов в этой области. В Электротехническом институте, единственном в России, в Петербурге, кафедрой радиотелеграфии руководил Н. А. Скрытский (потом профессор), имевший несколько человек, специализировавшихся в этой области. В Инженерном замке была небольшая опытная радиостанция, которой заведовал полковник Критский. Такая же станция была и в Кронштадте, при которой была создана школа радиотелеграфии.

В 1905 г. в Россию были выписаны три станции Маркони, установленные в Царском Селе при Дворцовой электрической станции, в Зимнем дворце и в Сестрорецке. Связь на 25 верст поддерживалась с большими трудностями, и эти станции не имели никакого значения. Опыты радиотелеграфии на 300 верст были пределом достижения, и об этом шумела пресса.

План соединения Камчатки с Амуром радиосвязью, естественно, вызывал огромный интерес во всем мире.

Инженер-электрик Я. Я. Линтер (первый заведующий радиостанцией в Петропавловске) был срочно командирован в Европу и Америку для ознакомления с постановкой там радиотелеграфии и на изыскания на Камчатку.

Благодаря только что открытым новым методам радиотелеграфии фирма «Телефункен» в Берлине взяла на себя обязательство на постройку двух мощных радиостанций в Петропавловске и в Николаевске, и с этой фирмой был заключен контракт. Но кроме всего этого требовались специалисты для обслуживания этих радиостанций. Таковых у нас почти не было, а те немногие, которые интересовались этим делом, ехать на край света не желали. В конце концов правительство подобрало десять человек для Николаевска и Петропавловска, и все мы, снабженные большими прогонами, подъемными, солидными окладами, при обязательстве правительства предоставить нам казенные квартиры с полной обстановкой, посудой и принадлежностями и снабжать нас нужным продовольствием из Владивостока, в начале июня 1910 г. были отправлены к месту своей службы.

По прибытии в Петропавловск, мы нашли вчерне построенное деревянное здание для установки машин и приборов радиостанции и только что законченный постройкой двухэтажный жилой дом. Воздвигались мачты высотой в 75 метров. Работы производила германская фирма «Телефункен» под руководством инженера доктора Рейнгарт. По контракту, контрагент обязан был посвятить нас во все тайны сложных установок неведомого доселе «чертика». Здание было забраковано, как опасное в пожарном отношении, но генерал-губернатор Унтербергер считал установку настолько спешной, что распорядился использовать явно непригодное здание для установок приборов. Постройка железных мачт была завершена без несчастных случаев, и этому мы обязаны были опытному технику и механику г-ну Салищеву, проживающему сейчас в Шанхае. Без него навряд ли бы удалось закончить эти установки и работы на большой высоте.

Первые опыты не дали радостных результатов. К довершению всего в ночь на 31 августа 1910 г. бурей сорвало толь с крыши, и дождевая вода привела в негодность ряд приборов, без которых станция работать не могла.

С ближайшим пароходом во Владивосток была послана телеграмма, откуда ее отправили в Петербург и Берлин. Фирма «Телефункен» через Сибирь выслала новые приборы, которые и были доставлены в Петропавловск со специальным пароходом.

Постройка была закончена, опыты связи протекли успешно, и 14 ноября 1910 г. Камчатка была связана с Россией. Все мы были удостоены Высочайшей благодарности и милости за выполнение трудной задачи, и мировая техническая пресса посвятила этому целый ряд статей. Одновременно с нами фирма «Телефункен» доставила и в Японию две радиостанции, только меньшей мощности, где также началось радиостроительство.

5 января 1911 г. Петропавловская радиостанция сгорела, при чем едва спаслась из помещения через окна дежурная смена. Это был для нас ужасный удар. Об этом достигла весть до Петербурга только через два месяца, так как

из Петропавловска в Охотск была отправлена полетучка с казаком, который ехал день и ночь.

В середине июня 1911 г. мы получили двухкиловаттную радиостанцию и при ее помощи поддерживали по несколько часов в ночь связь с Николаевском. Работа была настолько напряженной, что из ушей от напряжения шла кровь. Одновременно было построено первое железобетонное здание на Камчатке, в котором и были установлены уже собственными силами новые машины и приборы, а в первых числах января 1912 г. восстановлена регулярная радиосвязь с Николаевском.

В том же году было приступлено к постройке радиостанций в Наяхане, Охотске и Анадыре, и с 1912 г. с ними была установлена связь.

В районе Петропавловской радиостанции Академией наук была сооружена первая сейсмическая станция и хорошо оборудованная метеорологическая станция, которыми заведовал А. А. Пурин.

Район радиостанции стал крупным культурным центром. Здесь производились исследования в области электрометеорологии, наблюдения за воздушными электрическими экранами и их передвижением, в области изучения землетрясений и т. д. При Петропавловской радиостанции были открыты курсы радиотелеграфии и радиотехники, на которые привлекались уроженцы Камчатки, получившие соответствующее образование, и из них подготавливались кадры работников по радиотелеграфии.

В 1914 г. правительство решило построить в Петропавловске радиолaborаторию, мастерские и отпустило 1 000 руб. на опыты по радиотелеграфии. Война приостановила многие широкие проекты.

Петропавловск же являлся центром связи между Россией, Японией и САСШ. В настоящее время Петропавловск является крупным радиоцентром. Он связан радиотелефоном с Хабаровском и с Москвой и со всеми радиостанциями края и Северного Ледовитого океана.

Число радиостанций в крае в настоящее время достигает ста. Почтовые учреждения охватывают не менее 150 пунктов в крае. В Петропавловске имеется городская телефонная сеть с иногородним сообщением.

ПЕРВАЯ ПОЖАРНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НА КАМЧАТКЕ

История возникновения этой организации несложна. В 1909 г. в Петропавловске насчитывалось около шестидесяти жилых построек. С введением губернских учреждений в области, Петропавловск стал быстро разрастаться, так как было возведено много построек, и среди небольших камчатских домиков выросли солидные здания в один и в два этажа, но исключительно деревянные. Число таких построек в 1913 г. было двести. Каменные постройки на Камчатке возводить воспрещалось вследствие частых землетрясений.

Пожарной охраны, за исключением маленькой ручной машины и двух бочек при полицейском управлении, не было, почему у начальника уезда С. М. Лех возникла мысль учредить пожарное общество, что им и было проведено с успехом в жизнь.

Первоначально молодое общество за отсутствием необходимых средств и технической подготовки у руководителей не могло проявить своей деятельности во всей силе. Но с 1914 г., благодаря поддержке Российского Императорского пожарного общества, камчатского губернатора Н. В. Мономахова и энергии нового начальника дружины К. А. Ковальчука-Коваль, несмотря на материальные затруднения и малочисленность общества, оно вступило на путь противопожарной деятельности. Была построена учебная башня и приобретен обоз с необходимыми инструментами на зимних и летних ходах (зимних девять, летних восемь).

Добровольческая дружина быстро достигла 40 чел., с которыми и производились практические занятия еженедельно. Кроме того, по желанию губернатора был обучен обращению с пожарными инструментами отряд камчатских казаков в 20 чел. и организован отряд добровольцев-водоснабжателей китайцев в 20 чел.

Для района зданий радиостанции правительством была заготовлена мощная пожарная машина с большим количеством шлангов, лестниц, багров и прочего инструмента и 10 химических огнетушителей.

Обоз городского пожарного общества, ввиду расположения Петропавловска в гористой местности, — ручной летом, зимою частью на собаках.

При депо общества были установлены ежедневные дежурства начальников отрядов, проведена электрическая сигнализация в казарму жандармской команды и казарму камчатских казаков. Пожарное общество обладало собственным зданием и земельным участком.

Большие пожары имели место в январе 1911 г. и в декабре 1913-го, когда огнем были уничтожены радиостанция и здание почтово-телеграфной конторы и квартир служащих, а позднее и двухэтажный дом Пожарного общества.

С образованием пожарной дружины, первой на Камчатке, и с введением противопожарных мер, случаев больших пожаров не было, и они ликвидировались в самом зачатке. Заслуга в этом отношении принадлежит С. М. Лех и К. А. Ковальчуку-Коваль.

В развитие темы о первой пожарной организации на Камчатке приведем опубликованную в пятничном номере газеты «Камчатский листок» за 16 декабря 1916 г. заметку под заголовком «Маленький фельетон». Автор, укрывшийся под псевдонимом «Ирин», рассказывает о пожаре... которым было уничтожено само здание пожарного общества.

*Все это было бы смешно,
когда бы не было так грустно!*
Лермонтов

Астрономы доказывают, что планета Марс обитаема, причем веским аргументом их доказательства служит периодическая, совпадающая с нашими временами года, окраска этой планеты, как, например, зимою белая, весною, летом зеленая, осенью желтая и черная. Если верить астрономам, то можно надеяться, что эволюция жизни на Марсе должна идти параллельно с нашей Землей, а значит, и там одноклетчатая протоплазма за несколько сот тысячелетий переработалась до степени венца природы — человека.

Не знаю как гг. марсиане преуспели по части звездочетства, но если и они вооружены телескопами и наблюдали 12 декабря 1916 г. нашу землю, то по черному пятну на белом фоне (примерно, где стоит г. Петропавловск-на-Камчатке), могут с уверенностью сказать, что земля обитаема. Нас же (землеобитателей, а попросту обывателей) это декоративное черное пятно наводит на мысль, что все в жизни переходящее, а одинокий полуобгорелый остов каланчи свидетельствует о слабости человека перед силами природы. Пять лет подряд люди трудились и головой, и языками и горлом, и за это время организовали, в смысле программы, пожарное общество, а тут нате вам! Два часа работы стихийной силы и все, труды пошли насмарку. Какова была деятельность нашего пожарного общества до 12-го декабря, лица, кои интересовались этим вопросом, знают.

Но когда загорелось здание общества, люди, прибежавшие на пожар, прямо таки оторопели. Десятки горных ключей прорезают наш город вдоль и поперек, бухта к вашим услугам, а воды нет!

Додуматься вкопать бассейны воды на перекрестках улиц надо быть Эдисоном. Пришлось из единственной десятиведерной бочки окропить объята пламенем стены, омыть руки и вернуться домой. Здание, как и полагается в таких случаях, сгорело, прихватив и близ стоящего соседа. А сколько в этом здании произошло дебатов! Сколько пересорилось почтенных граждан! Сколько здесь в былые времена выпито прохладительных напитков на усиленные средств!..

Одному Аллаху известно! Мне приходилось участвовать во многих обществах и членом, и зрителем, и, в конце концов, я потерял веру в способность русского человека работать сообща. Почему-то, как начинает организовываться какое-нибудь общество, мне приходит на мысль басня Крылова «Лебедь, щука и рак».

— Не хочу садиться ниже Ваньки Лыкова! — вспоминаю при этом выражение древних спесивых бояр. Вот инкубатор русской неорганизованности! Мы забываем, что, вступая членом в какое-либо общество, должны сбросить

свою мантию, именуемую «личное Я», и подчиниться исключительно программе, выработанной известным обществом.

Будем надеяться, что незанесенное пока снегом пепелище и полуобгорелая каланча послужат уроком на дальнейшее, какое бы ни было наше общее начинание, и как феникс на сем же пепелище возродится новое общество, которое не поставит в недоумение жителей Марса: как, мол, на Земле умудряются среди зимы делать распашки?

В этом же номере «Камчатского листка», единственного в ту пору «средства массовой информации» на полуострове, приведено письмо горожанина Е. Колмакова, дом которого располагался недалеко от места пожара.

Господин редактор! Не откажите поместить в уважаемой Вашей газете мою глубокую благодарность Начальнику Пожарной Дружины К. А. Ковальчуку, Начальникам местной Полиции, Камчатской казачьей команды, Жандармской команде, японской колонии, Торговому дому «Чурин и К^о» за подачу воды, и всем лицам, принимавшим участие в защите от огня моего дома и спасении моего имущества.

Здесь же правление общества назначало внеочередной сбор своих членов и всех желающих.

Ввиду постигшего несчастья вольно-пожарного общества правлением созывается чрезвычайное общее собрание 16 декабря в 7 часов вечера в здании Драматического Общества. Особых повесток не будет.

Предметы обсуждения: 1) доклад правления об оставшемся имуществе. 2) изыскание средств для оборудования обозного сарая. 3) финансовое положение дел общества.

Последний материал ежегодника также заимствован из уже неоднократно использованной ранее работы «Камчатка. Юбилейный сборник в память 200-летия основания гор. Петропавловска-на-Камчатке» (Шанхай, 1940. — С. 196—198). Он показывает развитие основных способов связи между населенными пунктами полуострова в конце XIX — первой трети XX вв., в тот период, когда на Камчатке практически полностью отсутствовали сухопутные дороги. При подготовке текста к публикации сохранен стиль оригинала.

ТРАНСПОРТ И АВИАСВЯЗЬ В КАМЧАТСКОЙ ОБЛАСТИ

Береговая линия Охотско-Камчатского и Чукотско-Анадырского края достигает 10 тысяч клм. Все районы связаны с Владивостоком, Японией и САСШ только морским сообщением. Трудность плавания в Охотско-Камчатских водах обуславливается большими расстояниями между отдельными пунктами, сильными штормами и туманами, ледяными условиями, отсутствием портов и убежищ для грузовых работ. Во многих районах, например, в Гижиге, пароходы останавливаются за 20 клм. от берега и простаивают, иногда неделями, прежде чем они смогут установить сообщение с берегом. К тому же Гижигинская и Пенжинская бухты, районы Нагаево — Охотск и Аян свободны ото льдов с июня по сентябрь. Таков же период навигации в северной части Берингова моря. К этому надо добавить сильные приливно-отливные течения в Охотском море, особенно в районе Пенжино, где это течение достигает 30 саженей. Отсутствие портов заставляет производить все выгрузочные и погрузочные работы в открытом море на шаланды и буксировать их к берегу, где нередко шаланды выбрасываются штормом или тонут на барах вместе с буксиром и людьми.

До 1880 г. Камчатка не имела регулярного сообщения с Владивостоком, и связь с нею поддерживалась частновладельческими компаниями. С 1870 по 1886 г. некто Филиппеус получал правительственную субсидию, и его пароходы раз в год заходили в Петропавловск, Усть-Камчатск, Тигиль, Гижигу, Охотск, Аян и Уду. С 1886 г. обслуживание Камчатки перешло к Добровольному Флоту, пароходы которого два раза в год приходили в Петропавловск и один раз в Гижигу и в Охотск. Таким пароходом Добровольного Флота был «Владивосток», посещавший Камчатку в 1890—1891 гг.

До этого Камчатку обслуживали пароходы Шевелева, который имел всего два парохода — «Байкал» в 1 500 тонн под командованием г. Ломашевского и пароход «Стрелок» в 700 тонн под командой капитана Эриксон. Эти пароходы посещали Камчатку в 1883 г. Пароход Добровольного Флота «Владивосток» погиб, и его заменил пароход «Хабаровск» с капитаном В. И. Чуриковым, замещенным позднее капитаном корпуса флотских штурманов Эгерман.

С 1899 г. Камчатку посещают пароходы КВЖД «Сунгари», «Ингута», «Мукден» и другие. Шевелев свое пароходство продал Добровольному Флоту. Принадлежащий ему пароход «Хабаровск» был переведен в Балтийское море. После русско-японской войны Камчатку обслуживали пароходы Общества прапорщиков, и только с 1906 г. начинается здесь регулярная работа Добровольного Флота.

Из статистических данных о деятельности пароходов Добровольного Флота видно, как развивалось пароходное сообщение, и насколько важны и неотложны для экономического развития страны эти сообщения:

Годы	Число рейсов	Грузооборот, пуд.	Число пассажиров
1906	6	88 796	661
1909	9	233 893	1 607
1910	13	367 327	2 516
1916	27	2 500 000	12 000

Камчатка этого периода обслуживалась шестью «невскими» пароходами типа «Симферополь» постройки 1913 г., пароходами «Яной», «Инди-гиркой», «Ставрополем», «Колымой», «Сишаном» и большими пароходами «Тамбов» и «Ярославль». Все пароходы имели сильные паровые или моторные катера морского плавания и специальные баржи для погрузо-разгрузочных работ.

Управляющий Добровольным Флотом Л. Ф. Компанион проектировал довести число камчатских рейсов до сорока и, кроме того, завести два парохода для обслуживания камчатского побережья до Петропавловска. В бухте барона Корф Добровольный Флот предполагал эксплуатировать уголь, чтобы весенними рейсами восточной линии обратными пароходами, идущими пустыми, вывозить уголь в Петропавловск и по побережью.

Благодаря осенним штормам погибало много народа при погрузке рыбы, почему и предполагалось назначить малые пароходы для провоза рыбы в Петропавловск, но это встретило противодействие со стороны рыбопромышленников, не желавших летом отрывать рабочих для грузовых работ в месте погрузки на пароходы. Рыбопромышленники предпочитали рисковать не погрузить свою продукцию и даже оставить рабочих на верную смерть на зимовку, чем пожертвовать несколькими днями на своевременным вывоз. Это вызывало нередко специальные посылки пароходов для снятия только людей. Например, «Ставрополь» до конца декабря в 1913 г. два месяца штормовал около Ичи, дважды заходил в Петропавловск пополнять уголь, прежде чем он смог снять с рыбалки людей.

В начале революции правильность рейсов пароходов Добровольного Флота нарушилась, а с 1920 г. большинство его пароходов было захвачено разными государствами, местными властями и даже отдельными лицами в разных азиатских портах. Добровольный Флот уже не мог обслуживать Кам-

чатку, как прежде, и оставшиеся у него пароходы фрахтовались рыбопромышленниками.

В это время администрацию области и население не раз выручали из бед яхта «Адмирал Завойко», охранные крейсера «Командор Беринг» и «Лейтенант Дыдымов», посыльное судно «Якут» и др.

В 1912 г. Добровольный Флот организовал первый рейс в устье реки Колымы. В 1913 г. для обследования пути через Северный Ледовитый океан снаряжается известная экспедиция Вилькицкого на ледоколах «Таймыр» и «Вайгач». В 1921 г., в связи с необходимостью снабдить Петропавловск продовольствием, возникает вопрос об отправке зимою парохода. Обследование этого вопроса правительство поручает заведующему гидрометеорологической частью Морской обсерватории во Владивостоке А. А. Пурину, который на основании научных материалов доказывает полную возможность зимних рейсов между Владивостоком и Петропавловском. 19 декабря 1921 г. пароход «Охотск» под командой капитана Добржанского отправляется в этот первый зимний рейс с заходом в целый ряд портов Японии и прибывает благополучно в Петропавловск 22 января 1922 г. Опыт «Охотска» в 1922 г. был впоследствии использован для устройства рейсов между Владивостоком и Камчаткой в течение круглого года.

Организационная работа по установлению регулярного сообщения между Владивостоком и Охотско-Камчатским краем начинается в 1924 г.

Правительство вкладывает в паромное строительство десятки миллионов рублей, приобретает за границей пароходы, и с 1925 г. устанавливает срочные рейсы с Камчаткой. Число обслуживающих пароходов с 15-ти в 1925 г. достигает 66-ти в 1931 г. Число срочных рейсов с 11-ти в 1925 г. достигает 38-ми в 1931 г. Помимо срочных рейсов ежегодно бывают десятки рейсов со специальными заданиями, требующими завоз продуктов для края, снабжение заводов и прочее. Число таких рейсов в 1931 г. было свыше 100. Одних промысловых рейсов в 1932 г. составляло 27. Размеры морского грузооборота с 27 тысяч тонн груза и 6 600 человек пассажиров в 1925 г., в 1932 г. возросли до 176 500 тонн груза и 32 тысячи пассажиров. В 1935 г. этот грузооборот был доведен до 456 000 тонн.

Одной из важнейших задач в области морского транспорта является максимальное расширение сроков навигации и переход к плаванию в условиях ледового режима. Для срочных рейсов Владивосток — Петропавловск, занимающих теперь всего три-четыре дня, выстроены специальные пароходы, принимающие 1 500 тонн груза и 750 пассажиров. Они снабжены ледовым поясом и рассчитаны на круглогодичное плавание. Многочисленные рейсы «Сибирякова», «Литке», «Челюскина», «Красина», «Смоленска» и «Ставрополя» с научными обследованиями Дальневосточного геофизического института, сооружением сети метеорологических и радиостанций и уголь-

ных баз положили конец вековой изолированности Охотско-Камчатского края зимой от материка.

Пароходы теперь достигают в феврале Олюторского залива, а в мае — бухты Лаврентия. В 1934 г., в феврале, пароход «Ставрополь» заходил в 11 пунктов западного побережья Камчатки и доказал возможность зимних рейсов в Охотском море. Чрезвычайно оживилось и каботажное плавание, опирающееся на порты: Петропавловск — для южной части Камчатки и на севере Сахалина — для обслуживания южной части Охотского побережья, в Нагаево — для севера Тихоокеанского побережья и на порт Амбарчик в устье реки Колымы — для Ледовитого океана. В 1940 г. приступлено к постройке порта в бухте Провидения и проектируется постройка порта в Усть-Камчатске.

Петропавловский порт подвергся полной реконструкции. Построены причалы и пристани, механизированы грузовые работы, устроены угольные склады и площадки, судоремонтные мастерская и верфи для мелкого судостроения. Петропавловск сейчас фактически имеет три порта: в самом Петропавловске — коммерческий, в Соловарне — военный и Тарье — рыболовный.

Развитие грузооборота Петропавловского порта видно из следующих данных:

Годы	Грузооборот в тоннах	Число пассажиров	Число пароходов
1929	21 829	3 039	77
1930	41 243	9 863	111
1931	44 526	14 161	106
1932	43 371	9 390	126
1933	60 706	12 694	113
1934	72 752	13 730	95

В 1935 г. в связи с развитием каботажа и общего хозяйственного развития края грузооборот Петропавловска достиг 150 000 тонн и 26 000 человек пассажиров.

Большое значение для Камчатки имеет развитие сообщения между Одессой и Камчатским краем. Это сообщение разгружает Сибирскую железную дорогу и удешевляет стоимость перевозок, а также разгружает Владивостокский порт.

РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ

Речной транспорт в дореволюционное время происходил на катерах по реке Анадырь до с. Марково — около 600 км., по реке Камчатке до с. Машуры — около 500 км. и в позднейшее время был организован по реке Аваче между Петропавловском и сел. Завойко и по реке Пенжино км. на 60 от устья до места нахождения культурной базы. На малых реках и вдоль берега

население по-прежнему пользуется батами, байдарками и карбасами. Быстро заселяющаяся долина реки Камчатки и сельскохозяйственная промышленность требует развития речного транспорта. До 1934 г. речной флот Камчатки имел всего около 25 единиц. Пятилетний план предусматривал развитие грузооборота по реке Камчатке к 1937 г. до 50—60 тысяч тонн, и на оборудование перевозочных средств: катеров, речных пароходов, барж, вспомогательного рейдового флота и мелиоративные работы было отпущено 8 миллионов рублей. В том же году приступлено к расчистке и устройству сообщения по рекам Большой, Тигиль, Апука и другим, но сведений о постановке на них транспорта, к сожалению, нет.

СУХОПУТНЫЙ ТРАНСПОРТ

Основным зимним средством сообщения до самого последнего времени на Камчатке является собачий транспорт. Таковым главным трактом в долину реки Камчатки является зимний тракт из Петропавловска через селения: Коряки, Начики, Малку, Ганалы, Пушино, Шаромы на Верхнекамчатск. В Корякском округе основная магистраль идет из Гижиги в Марково и на Апукскую и Чукотскую ярмарки. Летом эти тропы проходят по топким тундрам и почти не пригодны для передвижения. По западному берегу дорога переваливает горные хребты и заросшие кустарником местности. Телеграфная просека и проложенная по ней времянка используются только частично. Передвижение на нартах занимает много времени, и стоимость перевозки груза необыкновенно высока. Так, например, стоимость перевоза одного пуда груза от Петропавловска до сел. Соболево 500 клм. в 1928 г. обходилась до 14 рублей, до Харьюзова — 700 клм. — 25 рублей. В 1929—1931 гг. стоимость перевозки удвоилась и даже утроилась.

Все это делает неотложным развитие в крае сухопутного транспорта и в первую очередь выдвигает необходимость строительства дорог.

Грунтовая дорога, соединяющая Петропавловск с с. Завойко, Коряки, Начики, была перестроена и приспособлена для автотранспорта. Построено ряд дорог в районе Большерецка и долины Камчатки и автотранспортная дорога, соединяющая порт Нагаево с Колымой.

Отсутствие рабочих рук не дает возможности развить на полуострове Камчатка дорожное строительство, и таковое идет медленным темпом. Быстрый рост грузооборота выдвинул план постройки железной дороги, имеющей соединить Петропавловск через Начики с Усть-Большерецком и с Мильково и на эти работы было намечено истратить свыше 9 миллиардов рублей. Эта железнодорожная магистраль должна охватить важнейшие рыбопромысловые районы Камчатки протяжением около 800 клм., и грузооборот этой магистрали намечается около двух миллионов тонн в год.

Другой проект предусматривает соединение Петропавловска железной дорогой с Усть-Камчатском протяжением около 650 клм. Оба эти проекта встретили возражения отдельных лиц, которые считают, что в северных условиях транспорт был бы более полезен безрельсовый: аэросани, вездеходы, гусеничные трактора.

Принимая во внимание тяжелые условия морской выгрузки и погрузки на западном берегу Камчатки, железнодорожная магистраль, несомненно, сыграет огромную роль в этом районе и даст возможность доставлять все рыбные продукты в Петропавловск, откуда таковые на пароходах легко можно будет транспортировать дальше.

Вопросу постройки шоссейных и железных дорог на русском Северо-Востоке уделяется огромное внимание, ибо этим будет преодолена вековая изолированность наших окраин от материка.

АВИАСВЯЗЬ

С 1936 г. Камчатский край связан регулярным авиасообщением. Главная магистраль идет по линии Хабаровск — Николаевск-на-Амуре — Шантары — Аян — Охотск — Нагаево — Харьузово — Большерецк — Петропавловск — Тихоокеанское побережье до Уэлена.

Вторая магистраль проходит: Хабаровск — Сахалин — Петропавловск. Сообщение с Петропавловском поддерживается гидросамолетами специального типа десять раз в месяц. Мощная центральная авиабаза в 1934 г. организована на мысе Шмидта и поддерживает постоянную связь с Нижне-Колымском, Ванкаремом, бухтой Провидения, Анадырем и Гижигой. Авиабаза создана также в Гижиге, через которую Чукотско-Анадырский край связывается с Хабаровском и с Владивостоком. Широкое применение авиации привело к установлению целого ряда второстепенных линий для перевозки пассажиров, почты, ценных грузов и медицинского обслуживания населения.

Все вместе взятое оживило Охотско-Камчатский и Чукотско-Анадырский край, который заселяется с большой быстротой и не менее быстро развивается в экономическом отношении.

Сведения за 1938 г. говорят, что в этом отдаленном крае теперь проживает 150 000 человек. По районам это население распределяется так:

в Чукотском округе — 30 000;

в Корякском округе — 20 000;

в Охотском округе — 17 000;

в Колымском округе — 33 000;

на полуострове Камчатка — 50 000 человек.

Эти цифры указывают на значительные изменения, произошедшие в крае за последние двадцать лет.

Петр Иванович Рикорд,
начальник Камчатки
в 1817—1822 гг.

Василий Степанович Завойко,
губернатор Камчатской
области в 1849—1855 гг.

Павел Федорович Унтербергер,
Приамурский генерал-губерна-
тор в 1905—1910 гг.

Николай Львович Гондатти,
Приамурский генерал-губер-
натор в 1910—1917 гг.

Василий Власьевич Перфильев,
губернатор Камчатской области
в 1909—1912 гг.

Николай Владимирович Мономахов,
губернатор Камчатской области
в 1912—1916 гг.

«Высшее общество» Камчатки середины 1910-х гг.: губернатор
Н. В. Мономахов и чиновники администрации с женами.
В первом ряду справа — вице-губернатор А. Г. Чаплинский
и начальник Петропавловского уезда С. М. Лех

П. Т. Новограбленов, гласный
Петропавловской городской
Думы

П. Т. Новограбленов
на уроке в школе
(из фондов ГАКО)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

1923 года Апреля ⁴³³ "15" дня г. Петропавловск н/камчатка ^{424/08}

Я Камчатский Губернский Прокурор ПЕРЕСВЕТ-СОЛТАН,
рассмотрев дела НОВОГРАБЛЕНОВА Прокофия Трифоновича—по
обвинению в контр-революционной деятельности против
Р.С.Ф.С.Р., принимая во внимание его активное и соз-
нательное участие в вышеуказанных содеянных преступле-
ниях ПОСТАНОВИЛ: Примененную следователем меру пресе-
чения, поручительство имущественное, изменить и НОВОГРАБЛЕ-
НОВА П.Т. в Губернскую тюрьму заключить.—

ГУБПРОКУРОР *Пересвет Солтан*

Постановление о заключении П. Т. Новограбленова под стражу
(из фондов ЦДНИКО)

А. А. Пурин, первый демократически избранный руководитель Камчатки (председатель Областного комитета в 1917—1919 гг.). Фото 1940 г.

2/6x

ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ
УПРАВЛЕНИЕ
по Хабаровскому краю
22.12.90 № 1012-3341
г. Хабаровск

А. А. Пурин во время следствия в Хабаровской тюрьме. Фото сделано летом 1952 г.

Экз. ж

Архивный отдел Администрации
Камчатской обл.
Центр документации новейшей
истории Камчатской обл.
г. Петропавловск-Камчатский

2/600.

На № 60-в от 17.12.98 г.

Направляем копии фотографии и заключения о реабилитации Пурина Александра Антоновича из архивного уголовного дела П-83114.

Сведений о его родственниках в деле не имеется, с заявлениями по поводу его судьбы никто не обращался.

В 1996 году нами в Ваш адрес направлялись копии протоколов допросов Пурина А.А. с биографическими данными.

Место захоронения - Хабаровское городское кладбище.

Приложение: по тексту на 3-х листах.

2. Начальник подразделения

Н. Н. Тарас

Из переписки о реабилитации А. А. Пурина

24 " 10.96 г

10/2-8738

Архивный отдел Администрации
Камчатской области
Центр документации новейшей
истории Камчатской области
г. Петропавловск-Камчатский
ул. Ленинская 52

На № 59-Н от 22.08.96 г.

Сообщаем Вам сведения, из материалов архивного уголовного
дела Пурина А.А.

Пурин Александр Антонович 1885 года рождения,
уроженец г. Вали Латвия, до ареста проживал в
г. Шангае Китай, без определенных занятий.

Пурин А.А. был арестован Департаментом Общественной Безопасности Китая и 17 июня 1952 года был передан в УМГБ по Хабаровскому краю, где на него было заведено дело по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-4, 58-6, 58-10 и 58-11 УК РСФСР. Согласно врачебному заключению Пурин А.А. был передан в УМГБ по Хабаровскому краю в тяжелом болезненном состоянии и нуждался в постельном режиме, в связи с чем следствие по его делу было приостановлено до выздоровления. По рекомендации врачей следствие было начато 26 июля 1952 года, допросы велись не более 4-х часов в сутки с перерывами, за время следствия Пурин А.А. был допрошен 9 раз. В основном следствие интересовало деятельность Пурина в период нахождения в Японии и Китае.

Копии протоколов допросов, где Пурин А.А. рассказывает о своей деятельности во время нахождения на Камчатке, направляем Ваш адрес.

Умер Пурин А.А., находясь на излечении в тюремной больнице, с двухсторонней гнойной бронхопневмонией. Всех умерших в тюремной больнице хоронили на городском кладбище. Умер Пурин А.А. 10.08.52 года.

Приложение: на 10-ти листах.

Начальник подразделения УФСБ
РФ по Хабаровскому краю

Лавренцов
А.И. Лавренцов

Из переписки о реабилитации А. А. Пурина

Памятник «Слава» на Кошке
Петропавловского порта,
1890-е гг.

Памятник «Слава» со звездой
вместо православного креста,
1920-е гг.

Парад в Петропавловске после панихиды в день Славы у братской могилы.
Парад принимает капитан 1-го ранга Б. П. Ильин. 24 августа 1922 г.

Петропавловский собор зимой. Почтовая открытка
середины 1910-х гг.

Снежные заносы на улицах Петропавловска,
начало 1920-х гг.

Вид старого Петропавловска с подножия мыса Сигнального.
В центре — пристань Добровольного флота